Марк Щукин

НА РУБЕЖЕ ЭР

Российская археологическая библиотека №2

Моим «семинаристам»
посвящается ...

Russian Archaeological Bibliothek № 2

ON THE TURN OF ERAE

an attempt to construct a model
of political events in Eastern and Central Europe
during the 3-rd century B.C. — 1-st century A.D.

by
Mark Shchukin

Farn Ltd. C.
Sankt-Petersburg
1994

Российская Археологическая Библиотека № 2

М.Б.Щукин

НА РУБЕЖЕ ЭР

Опыт историко-археологической реконструкции
политических событий III в. до н.э.—I в. н.э.
в Восточной и Центральной Европе

"Фарн"
Санкт-Петербург
1994

Щукин М. Б.

На рубеже Эр.—СПб.: "Фарн", 1994.—с 324 с илл.

ISBN 5-900461-029-5

Если события древней истории античного мира достаточно хорошо известны и даже вошли в школьные учебники, то о синхронных событиях в глубинах Барбарикума Центральной и Восточной Европы мы знаем очень мало. На основе изучения данных археологии, известий древних письменных источников и в сопоставлении с событиями античной истории автор попытался реконструировать общий ход истории в Центральной и Восточной Европе во времена Александра Македонского, Суллы, Цезаря, Августа, Тиберия, Клавдия и Нерона на обширной территории от Рейна до Кавказа.

Одна из глав, посвященная хронологии, может служить своего рода справочником для специалистов, а прочие могут представлять интерес и для более широкого круга читателей, интересующихся древней историей.

Специальное внимание уделено также проблеме славянского этногенеза, начальне этапы которого, по мнению автора, происходили в рамках рассматриваемого периода.

History of the Classical World of the Medittaranean is known well enough and even discussed by school-books, but simultaneouse events in the depth of the Central and Eastern European Barbarikum are fast completely unknown.
The author of the presented book has triyed to construct a model of these events on the base of the archaeological data, evidences of the ancient literary sources and on the background of the famouse history of the Mediterranean from the time of Alexander the Great to Nero on the vast territory from the Rhain to the Caucasus.
One of the chapters of the book dealing with the problems of the chronology of La Tene and Roman Periods could present a kind of a hand-book for specialists, but other ones would be useful also for the wider circle of readers interesting with ancient history.
Special attention is paid as well to the problem of the Slavic ethnogenesis the initial phase of which belongs, according to the authors mind, to the period under question.
An English summary is concluding the book.

Книга издана благодаря частичной финансовой поддержке Фонда Сороса.
The book is published party due to support by Soros' Fund.

© Щукин М. Б., 1994
© Издательство "Фарн", 1994
© Ландер А. А., Смирнова Н. Ю., макетирование, 1994

ISBN 5-900461-029-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....11

ГЛАВА I. СЕМЬ МИРОВ.....15

1. «Мир» первый. Античная рабовладельческая цивилизация.....15
2. «Мир» второй. Кельты — исчезнувшая цивилизация Европы.....15
3. Третий «мир». Латенизированные культуры «полей погребений» и лощено-хроноватой керамики.....18
4. Два «мира» лесных культур Восточной Европы.....21
5. «Мир» шестой, степной, кочевнический.....22
6. «Мир» седьмой. Фракийцы, геты, даки.....24
7. О трех путях поиска предков славян. 26

ГЛАВА II. ХРОНОЛОГИЯ ЭПОХИ ЛАТЕНА И РАННЕГО РИМСКОГО ВРЕМЕНИ. ПОИСКИ И НАХОДКИ.....36

1. Сложение системы. Споры и дискуссии.....36
2. Несколько замечаний о методике.....45
3. Индекс хронологических индикаторов.....47
4. Несколько замечаний о хронологии Восточной Европы.....57

ГЛАВА III. ОТ АЛЛИИ ДО ДЕЛЬФ.
НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ IV—НАЧАЛА III В. ДО Н.Э.....80

1. Кельты, античный мир и Восточная Европа.....80
2. Гибель «Великой Скифии».....83
3. «Третий мир» в IV—III вв. до н. э.....87

ГЛАВА IV. ОТ АРИМИНА ДО АНТРЕМОНА.
ВТОРАЯ ТРЕТЬ III В. ДО Н.Э.—КОНЕЦ II В. ДО Н.Э.....95

1. Конец «исторической экспансии» кельтов.....95
2. Декрет Протогена и археологическая ситуация середины III-II вв. до н.э. в Северном Причерноморье.....96
3. Процесс «латенизации» и парадоксы проблемы происхождения пшеворской культуры.....101
4. Проблема генезиса зарубинецко-поянештской культурной общности (ЗПО).....107
5. Бастарны-пришельцы и скиры.....116

ГЛАВА V. ДЕРЖАВА МИТРИДАТА И СОБЫТИЯ РУБЕЖА II — I ВВ. Н. Э.....137

1. Из предыстории.....137
2. Митридат, Херсонес и Боспор.....141
3. «Ревксиналы»-роксоланы.....144
4. Проблема кимвров и тевтонов.....147
5. Об одном пассаже в «Географии» Страбона.....152

ГЛАВА VI. СЕРЕДИНА I В. ДО Н. Э. ОТ АЛЕЗИИ ДО ЗЕЛЫ.....167

1. Буребиста — царь даков.....167
2. Цезарь, галлы и германцы.....170
3. Цезарь, Клеопатра и царица Динамия.....175

ГЛАВА VII. НА РУБЕЖЕ НОВОЙ ЭРЫ.....185

1. Рим, Маробод и Парфия.....185
2. Норицкие мечи, проблема готонов, поиски янтарного пути и некоторые другие вопросы.....190

ГЛАВА VIII. СОБЫТИЯ СЕРЕДИНЫ I В. Н.Э. РИМ И САРМАТЫ.....201

1. Рим Юлиев-Клавдиев. Внешняя политика и внутренние распри.....201
2. Наследники Динамии и Юлий Аквила. Сираки, аорсы и аланы.....204
3. Царство Фарзоя.....212

ГЛАВА IX. ОТ ТЕВТОБУРГА ДО КРЕМОНЫ. РИМ, ГЕРМАНЦЫ И ВЕНЕТЫ.....222

1. Царство Вания, лугии и языги. События в центре Европы.....222
2. Янтарный путь и Прибалтика.....224
3. Ситуация в Прикарпатье и проблема бастарнов.....227
4. Кризис зарубинецкой культуры. Горизонт Рахны-Почеп.....232
5. Венеды Плиния и Тацита.....239
6. Еще раз о проблеме готов.....244

ГЛАВА X. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ. ОТ ВЕНЕТОВ ДО СЛАВЯН.....278

1. Некоторые итоги.....278
2. Киевская культура и перспективы поиска древнейших славян.....280

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....290
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....320

CONTENTS

Introduction: From the Author....11

CHAPTER I. SEVEN WORLDS....15

1. Classical slave-owning civilisation....15
2. Celts. A disappeared civilisation of ancient Europe....15
3. "Third world" of Europe. Lateneized cultures....18
4. Two worlds of the forest-zone in Eastern Europe....21
5. World of the steppe. Scithians and Sarmatians....22
6. Thrakian world....24
7. Three direction in search of Slavs' ancestors....26

CHAPTER II. THE CHRONOLOGY OF THE LA TENE AND EARLY ROMAN PERIODS. SEARCH AND DISCOVERIES....36

1. Formation of the system. Discussions....36
2. Some remarks concering the methods....45
3. Index of chronological indicators....47
4. Some remarks to the chronology of Eastern Europe....57

CHAPTER III. FROM ALLIA TO DELPHY. CERTAIN HISTORICAL EVENTS AND ARCHAEOLOGICAL PHENOMENAES OF THE 4-TH CENTURY BC — FIRST HALF OF THE 3-RD CENTURY BC....80

1. Celts and Classical World....80
2. Crush of the Great Scythia....83
3. "Third World" in the 4-th — 3-rd centuries BC....87

CHAPTER IV. FROM ARIMINUM TO ANTREMONT. FROM THE SECOND THIRD OF THE 3-RD CENTURY BC TO THE LATE 2-ND CENTURY BC....95

1. Vanish of Celts "historial expansion"....95
2. Decree in honor of Protogenus from Olbia and archaeological situation of the 3-rd — 2-nd centuries BC at the Black Sea littoral....96
3. Paradoxae of the Przeworsk culture origin....101
4. Problem of the Zarubintsy-Poienesty cultural entirety genesis....107
5. Bastarnae "new-comers" and Skiri....116

CHAPTER V. REALM OF MITHRIDATES EUPATOR AND SOME EVENTS OF THE 2 — 1 CENTURIES BC....137

1. From the preseding....137
2. Mithridat Eupator, Chersoesus and Bosphor....141
3. Roxolanae-Revksinalae....144
4. Problems of the Cimbry and Teutons....147
5. Concerning a piece from Strabo's "Geography"....152

CHAPTER VI. THE MIDDLE OF THE 1-ST CENTURY BC....167

1. Burebista, a king of Dakians....167
2. Caesar, Gaules and Germans....170
3. Caesar, Cleopatra and queen Dinamis....175

CHAPTER VII. ON THE TURN TO OUR ERA. FROM ACTIUM TO TEUTOBURG....185

1. Rome, Marobodus and Parphia....185

2. Noricum swords, problem of the Gothons, search of an amber route and some other questions.....190

CHAPTER VIII. SOME EVENTS OF THE MIDDLE 1-ST CENTURY AD. ROME AND THE SARMATIANS.....201

1. Rome under Julian-Claudius dinasty. Foreign politic and domestic discords.....201
2. Heirs of queen Dinamis and Julius Aquila. Siraci, Aorisi and Alans.....204
3. Kingdom of Farzoy.....212

CHAPTER IX. FROM TEUTOBURG TO CREMONA. ROME, THE GERMANS AND VENETY.....222

1. Kingdom of Vannius, Lugii and Iazyges. Some events in the centre of Europe.....222
2. The amber route and the Baltic Region.....224
3. Situation in the Carpathian Region and problem of the Bastarnae.....227
4. Crisis of the Zarubintsy culture. Horizon Rakhny-Pochep.....232
5. Venety of Pliny and Tacitus.....239
6. Once more concerning the problem of Goths.....244

CHAPTER X. CONCLUSION. FROM VENETY TO SLAVS.....278

1. Some Summaries.....278
2. Kiev culture and some perspective to search of Slave ancestors.....280

BIBLIOGRAPHY.....290
ABSTRACT.....320

...190
THE
...201
...201
...204
...212
..222
..222
..224
..227
..232
..239
.244
.278
.278
.280
.290
.320

«Здесь рассказана некая история. Но история существует только одна. Началась она с сотворения человека и придет к концу лишь тогда, когда угаснет последняя искра сознания последнего человеческого существа. Все другие начала и концы — всего только произвольные условности, прикидывающиеся самодовлеющим целым, утешая по мелочам, или по мелочам заставляя отчаиваться. Неуклюжие ножницы рассказчика вырезают несколько фигур и кусочек времени из огромного гобелена истории. А вокруг прорехи топорщатся перерезанные нити утка и основы, протестуя против фальши, против насилия.»

Торнтон Уайлдер
"День восьмой"

От автора

Идея этой книги, отчетливо помню, зародилась в 1973 году в средневековом здании «Коллегиум Минус» Краковского Ягеллонского университета, где проходила конференция, посвященная культурам разных регионов Центральной Европы в Эпоху Латена и римского времени. Слушая доклады польских, чешских и немецких коллег, их рассказы об аналогичной конференции, только что состоявшейся в Малых Возаканах в Словакии, я вдруг понял, что, хотя каждый из докладов посвящен, казалось бы, частным и региональным проблемам, но их совокупность создает некую общую картину. Система европейской хронологии может служить каркасом, в который кирпичики региональных исторических реконструкций на археологическом материале хорошо встраиваются. Остается заполнить по возможности возникающие пробелы и достроить на том же каркасе нашу восточно-европейскую часть, связать все это через события на римском лимесе с античной историей. Можно попытаться таким образом восстановить картину исторической ситуации между Рейном и Кавказом на рубеже нашей эры.

Идея была реализована в 1974-1976 гг. при подготовке спецкурса лекций для студентов кафедры археологии ЛГУ. Среди моих слушателей были тогда А.А.Александров, М.Ю.Вахтина, Ю.А.Виноградов, В.А.Горончаровский, М.М.Казанский, Ю.М.Лесман. О.А.Щеглова и др. Имена ныне достаточно известные. Их заинтересованность и побудила взяться за изложение в письменном виде.

Нужно сказать, что работу ожидала трудная судьба, как будто некий злой рок ее преследовал. Иногда даже начинал думать не без ложной гордости, что это напоминает ситуации, в которые попадали герои известной повести Стругацких «За миллион лет после нашей эры». Но утешало это мало.

В 1978 г. рукопись первого варианта книги «На рубеже эр» была готова и обсуждена в ОИПК Эрмитажа. Возможности издания ее у Эрмитажа не было. Под рубрику «Публикации одной коллекции», единственной серии, где эрмитажные археологи могли издавать свои монографии, моя книга явно не попадала. Но в это время в Ленинграде появился Антони Хэндс, редактор и издатель «Британ Археолоджикал Репортс», профессор химии Оксфордского университета, и одновременно большой любитель археологии, постоянно ездящий в экспедиции и даже сам ведший раскопки, а также любитель издательского дела. БАРы были его хобби и бизнесом, доходов впрочем не приносящим. Он приехал с идеей выпуска «Интернациональной серии», посвященной в основном археологии Восточной Европы, искал авторов. Его «Рубеж эр» вполне устроил.

Понадобился год на переделку и оформление рукописи с расчетом на зарубежного читателя, на сложную процедуру прохождения через ВААП и прочее. Книга получила название «Рим и варвары в Центральной и Восточной Европе в I в до н.э. - I в н.э.» и попала наконец в Англию. Тут однако и начались затруднения и неудачи.

Не просто было найти переводчика, человека, сочетающего владение русским языком и археологической терминологией. Нашлась Татьяна Тинкофф из Лос-Анжелеса, русская по происхождению и археолог-античник по образованию. Но едва взявшись за работу, она неожиданно заболевает и умирает скоропостижно. В то же время из-за ввода советских войск в Афганистан А.Хэндс лишается финансовой поддержки Британского правительства на издание «Интернациональной серии». Все программы, касающиеся контактов с Восточной Европой, были заморожены. Некоторое время спустя А.Хэндсу удается все-же деньги на перевод достать, но очередная переводчица выходит замуж и отказывается от работы, следующий переводчик меняет место работы и уезжает из Англии и т.д. Всех деталей хлопот А.Хэндса с переводом я даже не знаю. Их была масса.

Короче, не прошло и десяти лет, как я получил в качестве новогоднего подарка на 1989 год первую порцию корректуры. Некоторые моменты явно устарели, появились новые идеи, новая литература. Пришлось делать серию примечаний. В конце 1989 г. двухтомник БАРа «Интерсерии» под № 542 увидел наконец свет и был, к сожалению, одним из последних детищ Антони Хэндса. Ряд обстоятельств и финансовые затруднения заставили его отказаться от издательской деятельности. Заказчики, не поспешившие с заказом, уже не смогли получить книгу, а из 20 экземпляров, предназначенных автору в качестве гонорара, до Ленинграда дошла лишь часть. Остальные где-то пропали. И у нас, и на Западе книга оказалась редкой. Отклики имеются пока что лишь в виде двух рецензий (A.Burshe, Antiquity, vol. 60, 1994; M.Kazanski, Revue archèologique 1992, f.1).

Пока длились перипетии с изданием БАРа, я подготовил новый русский вариант книги, существенно ее переработав. Если в английском варианте материал рассматривался на двух хронологических срезах — до

рубежа эр и после, то теперь таких срезов было шесть. Слушателями отдельных глав и читателями рукописи были представители следующего поколения учеников — И.А.Бажан, Н.Е. Берлизов, В.Е.Еременко, С.Ю.Каргапольцев, О.В.Шаров и др.

Новый вариант после довольно бурного обсуждения в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа (так теперь называется ОИПК) был передан в начале 1983 г. в издательство «Искусство», где существовал специальный отдел издания книг по Эрмитажу. Заведующему этого Отдела, с которым ранее доводилось беседовать о проблемах славянства, книга понравилась, и мы уже обсуждали, как и в каком виде ее издавать. Но тут он рассорился с руководством издательства и ушел с работы. Рукопись мне вернули без объяснений.

Понимая, что издать научную книгу, почти вдвое превосходящую по объему стандартные 10 авторских листов, практически невозможно, я за лето 1983 года существенно ее сократил, выкидывая целые раздела и пускаясь на мелкие ухищрения вроде введения аббревиатур археологических культур и пр. Сокращенный вариант однако тоже лег в стол, а точнее достаточно активно ходил по рукам в виде самиздата. Следов, по крайней мере двух экземпляров обеих вариантов, я позднее так и не обнаружил. Зачитали.

В 1987 г. сокращенный вариант был направлен в Москву в издательство «Наука» для ознакомления и выяснения возможности публикации. Там он и сгинул бесследно. Когда я в 1990 г., готовя диссертацию, хотел вернуть хотя бы таблицы иллюстраций, в издательстве не нашли ни таблиц, ни текста.

Тем не менее диссертация «Центральная и Восточная Европа на рубеже нашей эры. Опыт историко-археологической реконструкции событий III в до н.э. — I в н.э.» была написана и защищена в 1992 г. В основу ее легли сохранившиеся у меня черновики текстов и иллюстраций с соответствующей переработкой.

Прошло еще два года, и вот появилась, наконец, реальная возможность издать работу. Заявка, посланная в конце 1993 г. в Фонд Сороса, была удовлетворена, и деньги на публикацию выданы с условием жестких сроков — шесть месяцев до выхода книги. На основательную переделку текста диссертации обратно в книгу времени не оставалось, приходится ограничиться лишь минимальной правкой и короткими вставками.

Столь долгая и сложная история создания этого труда с многочисленными переделками, естественно, породила определенную эклектичность, разностильность изложения отдельных глав и пассажей. Читатель это почувствует и, надеюсь, простит. Очень хотелось бы переписать все начисто от начала до конца, на одном дыхании, в одном стиле. Но нет ни времени, ни сил. Данная тематика — лишь часть моих научных интересов, и другие сюжеты, в результате запущенные, влекут все сильнее.

Несколько слов о структуре работы и основных методических принципах.

Рубеж эр выбран не случайно, в античном мире это время превращения римской республики в римскую империю, в европейском Барбарикуме — период перехода от эпохи Латена к эпохе римских влияний. И тут, и там происходит становление новых социальных отношений. И нет необходимости говорить, сколь важно для истории пристальное изучение именно таких переходных периодов отмирания старого и зарождения нового.

Выбор был обусловлен и еще одним, сугубо практическим обстоятельством. Так сложилось, что европейскими археологами наиболее детально и обстоятельно разработана хронология памятников именно раннеимператорского времени, рубежа и начала I в н.э., когда установилась граница Империи по Рейну - Дунаю. События на этой границе достаточно подробно представлены в источниках и открывалась возможность отработки методики историко -археологических сопоставлений, поиска некоторых закономерностей отражения исторических событий в археологическом материале. (Щукин, 1991).

Для того, чтобы понять события и явления рубежа нашей эры, приходиться обратиться и к предшествующим хронологическим пластам, а в качестве нижнего предела выбраны события IV — начала III в до н.э., когда в Восточной Европе кончилось господство скифов, а на Западе началась «историческая экспансия кельтов», и одновременно Рим, становясь все более решающей силой, начал свой путь к мировому господству. В качестве верхнего предела выбран конец I в. н.э., точнее 70-е годы, начало правления Флавиев, когда Империя пережила первый кризис, начался новый этап римско-варварских отношений, римское культурное влияние стало по сути общеевропейским явлением, новая историческая картина стала складываться и в Восточной Европе.

Работа строится следующим образом. Древности Европы интересующего нас времени отчетливо распадаются на ряд крупных культурных общностей, названных здесь, за отсутствием более удачного термина, «культурными мирами», — античный, кельтский, кочевнический, лесной и др. Все эти миры не моноэтничны и не монокультурны, а представляют собой конгломераты различных археологических культур, различных племен и народов (при том, что культуры и этносы не обязательно совпадают друг с дру-

гом). Но составляющие каждого «мира» обладают и определенным сходством, обусловленным рядом причин — аналогичными формами хозяйственной деятельности, социальной организации, природными условиями, а также вытекающими отсюда и сходством структуры большинства культур каждого «мира», а, возможно, в какой-то мере и психического склада подавляющей части населения, что наиболее адекватно отражается в искусстве, но также и в общем облике культуры. Общий облик культуры, ее структура являются, по сути дела, материализацией определенных, подчас подсознательных, психологических стереотипов поведения.

Все эти вопросы требовали бы специальной разработки и теоретического обоснования, что однако пока не входило в задачу работы. В первой главе будет дана лишь самая краткая характеристика «миров» и составляющих ее культур, потому что основную задачу я видел в попытке реконструкции прежде всего политического аспекта происходивших событий, ход которых определялся как взаимодействием между «мирами», так и процессами, протекавшими внутри них.

Если ход истории в античном мире более или менее известен, то о событиях в Барбарикуме мы имеем весьма отрывочные и смутные сведения. Лишь изредка античные авторы бросали беглый взгляд на Барбарикум, и все такие случаи я постараюсь использовать с максимальной полнотой.

Другим источником могут служить события на римско-варварском пограничье, которое, как мембрана, отражало импульсы, идущие как из античного, так и из варварского мира. Изучение колебаний этой «мембраны» могут служить существенным подспорьем в решении поставленной задачи.

И наконец, предметом изучения будут те изменения в материальной культуре населения варварской Европы, которые выявлены археологами, — появление и исчезновение тех или иных памятников и культур в разных регионах, установление и прекращение контактов между разными группировками населения и т.д. Эти явления не обязательно были отражением исторических событий, а если отражают их, то по большей части опосредовано. Исторические реконструкции в данном случае могут быть лишь сугубо гипотетическими. Я отдавал себе отчет, что нахожусь здесь на скользком пути и по мере сил старался быть осторожным.

Может показаться, что работа перенасыщена описаниями событий античной истории, достаточно хорошо известными, хрестоматийными, но некоторые детали следовало напомнить читателю, поскольку в истории редки случаи событий изолированных и случайных, они чаще всего завязываются в единый узел, хотя связи между отдельными «ниточками» не всегда видны с первого взгляда. Как говорил Кузьма Прутков: «Щелкни кобылу в нос, и она махнет хвостом.»

Кроме того, по замыслу, античный фон должен создать «эффект стереоскопичности», вызвать ощущение определенного ритма и напряженности, которые могут быть распространены и на Барбарикум, поскольку вполне можно допустить, что и там ход событий был не менее бурным, хотя конкретика их и остается нам неизвестной. И в варварском обществе происходили столкновения различных социальных сил, оно не оставалось неизменным. А, следовательно, была и борьба за влияние и власть, случались заговоры и политические убийства, войны, походы и набеги, заключались мирные договоры, военные и политические союзы, плелись интриги. Все это было, только мы в большинстве случаев не можем знать ни конкретных имен участников событий, ни дат с точностью до года и дня.

Вероятно, наибольшая плотность событий приходилась на те моменты, которые археологи фиксируют как разрывы, хиатусы в развитии археологических культур. И это естественно. В периоды социальных и политических потрясений, войн, передвижений и миграций населения забрасывались поселения и могильники, затем возникали новые, зачастую уже с новым набором форм, поскольку прерывалась и плавность типологического развития различных артефактов материальной культуры, одни археологические культуры сменялись другими, или одна фаза развития — другой. Чем резче разница прежних и новых образований, тем решительнее, очевидно, были перемены. При этом полное исчезновение прежнего населения было, очевидно, лишь крайним случаем, но редко обходилось и без притока того или иного количества пришельцев. Постоянно присутствуют и переплетаются две потенции — инновационности и континуитальности, традиционности. Подсчитать число элементов новых и традиционных при смене культур бывает не так уж сложно. Остается только неясным, насколько перемена в сфере материальной культуры пропорциональна переменам в других сферах — в составе населения, в языке, в духовной культуре, в политической ситуации, в социальной структуре, но очевидно, что и без определенных перемен в этих сферах не обходилось. Поэтому выделению периодов культурной неустойчивости уделено особое внимание.

А чтобы такие периоды выделить и чтобы иметь возможность историко-археологических сопоставлений, нужно максимально точное определение археологических дат. Глава о истории развития и современном со-

стоянии европейской хронологической системы эпохи Латена и раннеримского времени является в работе центральной. Это тот стержень, на который нанизываются данные, используемые в последующих главах. А каждая из них посвящена воссозданию определенной исторической картины Центральной и Восточной Европы на одном, сравнительно узком хронологическом срезе. Принцип строгой синхронности соблюдался при использовании сведений античных авторов о Барбарикуме.

Попытка взглянуть на историю Рима и Барбарикума, как нечто цельное, попытка отхватить единым взглядом территорию от Рейна до Кавказа и от Средиземного и Черного морей до Балтики чревата, конечно, опасностью легковесности. Не исключены и ошибки, и просчеты, и налет дилетанизма, работа временами, вероятно, грешит наивностью — все это почти неизбежно. Многие детали, нюансы, очевидно, ускользнули от внимания, а чаще, при беглом изложении, на них просто не было возможности остановиться. Не было возможности развернуть в ряде случаев аргументацию подробнее, отметить нюансы проблем, обсудить все точки зрения, сделать необходимые оговорки. Пришлось опустить или свести до минимума и историографию тех или иных вопросов, с которыми пришлось сталкиваться.

Работая над избранной темой, я все время «держал под прицелом» и другую проблему — проблему происхождения и ранней истории древнейших славян и их непосредственных предков. Решение ее, очевидно, невозможно без детального воссоздания всей системы исторических событий и процессов в Восточной и Центральной Европе, предшествующих появлению славянства на исторической арене в VI в. н.э. Славянская проблема не является предметом специального изучения в данной работе (хотя два ее раздела и посвящены специально этой тематике), задача была значительно уже, но решение ее в какой-то мере призвано «работать» и на проблему происхождения славянства.

В заключение хотелось бы выразить признательность всем моим ученикам, участникам семинара «Хронограф», чья заинтересованность подогревала мой энтузиазм в написании этой книги, коллегам-эрмитажникам К.В.Каспаровой и Д.А.Мачинскому, коллегам из других городов и весей Б.А.Раеву, Е.Л.Гороховскому, С.П.Пачковой, Л.В.Вакуленко, И.И.Марченко, А.М. Обломскому, Ю.Ю.Шевченко, беседы и дискуссии с которыми стимулировали зарождение идей и оттачивание формулировок, польским друзьям и коллегам Казимежу Годловскому, Тересе Домбровской, Рышарду Волонгевичу, Гжегожу Доманьскому, Люции и Ежи Окуличам, на трудах которых и зиждутся основные положения работы, профессору Йохиму Вернеру, которого я почитал за одного из своих духовных учителей. К глубокому сожалению,трех из перечисленных не стало с нами за последний год.

Глава I.
Семь миров

Если пойти на предельное упрощение, то можно было бы сказать, что ход истории Европы на рубеже эр определялся взаимодействием семи крупных социально-культурных структур, семи «миров». Каждый из них — сложный конгломерат разнообразнейших сил и группировок, социальных, экономических, культурных, этнических, племенных и прочих. Но каждый, в силу ряда причин экономического, географического и исторического характера, представляет и некое внутреннее единство, которое можно было бы охарактеризовать как «единство структуры (модели)» каждого мира. Термин этот в историко-археологических исследованиях в значительной мере новый, хотя уже и употреблявшийся, но не устоявшийся. В общем и целом это близко понятию ХКТ — «хозяйственно-культурный тип», но со снятием ударения со слова хозяйственный. Не будем пока пускаться в теоретические, а без серьезного обсуждения в данном случае ставшие бы схоластическими, споры и не будем спешить с попытками дать определение. Быть может, краткое описание «миров» позволят яснее понять, что имеется в виду. И не в названии дело. (Рис.1)

I. «Мир» первый. Античная рабовладельческая цивилизация.

Вряд ли есть необходимость давать здесь характеристику или описание этого «мира», тем более что автор не историк-античник, а сжатая характеристика требует более глубоких знаний, чем развернутый очерк. Тем не менее очевидно, что «мир» явно не моноэтничен и монокультурен, он весьма пестр, особенно если учесть и эллинистические государства Востока, и Парфию, по сути дела тоже в этот «мир» входящие, хотя и с определенными оговорками. Но его культурное единство в виде некой «культурной непрерывности» по отношению ко всем прочим частям ойкумены достаточно наглядно и не нуждается, пожалуй, в специальных доказательствах.

Известно, что в античном искусстве, культуре и мироощущении сложно переплетались два начала — «аполлоновское», светлое и склонное к рационализму и противоположное ему «дионисийское». Сочетаемость этих двух начал варьирует в зависимости от местоположения и времени, но в конечном итоге, в интересующем нас периоде превалирующим, пожалуй, становится рационалистический «римский дух». Это римляне придумали арку и цемент. Создали скованную суровой дисциплиной военную организацию легионов, где пятитысячный строй действовал как единый организм и даже приказы полководцев и центурионов не всегда были необходимы, солдаты сами знали когда, что и как делать. Эта выучка нередко спасала римских командиров от поражений. Тогда же было оформлено и знаменитое, до сих пор актуальное римское право, основа и современной юриспруденции, и вообще норм цивилизованной жизни. Все это было проявлением удивительной способности римлян к социализации. Строгий ритм арок колоссального цирка Колизея, по замечанию А.Ф.Лосева, является наиболее ярким проявлением «римского духа» (Лосев 1979, с.43). Были свои социальные причины и для «безудержной экспансии» Рима (Штаерман 1978, с.154), но здесь нет возможности поднимать все эти проблемы.

2. «Мир» второй. Кельты — исчезнувшая цивилизация Европы.

Кельты в Центральной и Северной Европе играли приблизительно такую же цивилизующую роль, какую греки сыграли в Средиземноморье. Только цивилизация кельтов была совсем иной, их культура и особенно искусство, а следовательно и их психологический склад были совершенно чужды логике античных народов классической эпохи, чужды античному искусству с его стремлением к ясности, гармонии и повествовательности.

Когда смотришь на изделия кельтских мастеров, на золотые или бронзовые гривны, браслеты, фибулы, сразу возникает ощущение некой ирреальности. Ты видишь сначала изысканные ритмично асимметричные изгибы, причудливо разворачивающиеся и сворачивающиеся криволинейные плоскости и выпуклости. Но вдруг из их сочетания проглядывают какие-то маски фантастических существ, то ли людей, то ли животных, с громадными выкаченными глазами, с лихо закрученными усами (рис. 2, 3).

Такое искусство, полное двусмысленности, могли создавать и воспринимать люди необычайной душевной утонченности, с глубоким мистическим мироощущением. Не случайно этот стиль «загадочных картинок»

знаменитый знаток кельтского искусства Пауль Якобсталь назвал этот феномен «стилем Чеширского кота», того самого, из по-английски наполненных парадоксами сказок Льюиса Кэролла кота, который уходил, а улыбка его оставалась (Jakobsthal 1944). Другой специалист, Винсент Мегоу, назвал то же явление «диснеевским стилем» или «стилем Микки Мауса» (Megaw 1970; Megaw 1970a), и тоже не без оснований. Загадочные существа кельтского искусства действительно чем-то напоминают забавных очеловеченных зверушек диснеевских фильмов(Рис.2-3).

Нужно сказать, что с точки зрения технического совершенства кельтские изделия отнюдь не уступают античным. Все секреты точного литья, чеканки, гравировки и т.д. были хорошо известны и кельтским мастерам.

В начале своего исторического пути, в V в. до н.э. и Рим, и кельты стояли приблизительно на одной ступени социально-экономического развития, у них были даже общие источники культурного влияния — этруски и греки. Но пути развития этих цивилизаций разошлись. Римляне развивали свою социально-военную организацию и достигли здесь совершенства, а кельты в этой области так и остались варварами, совершенствуя, вероятно, область религиозно-магических представлений. Свидетельства тому: и упомянутые явления кельтского искусства, и святилища-обсерватории, позволяющие производить астрономические наблюдения, предсказывать солнечные и лунные затмения (Хокинс, Уайт 1973), и те, имеющиеся у античные авторов (Широкова 1984; Kendrik 1927), скупые сведения о деятельности, пользовавшейся большим почетом и авторитетом, надплеменной корпорации друидов — жрецов, врачевателей, астрологов, певцов и предсказателей. Сам Стоунхендж, хотя и был создан еще на заре эпохи бронзы, но продолжал функционировать и в кельтское время, черепки кельтской керамики там найдены.

Римляне называли своих северных соседей галлами, т.е. петухами. Вероятно, в этом была доля правды. Кельты любили все яркое — волосы красили в три цвета, носили пестрые клетчатые одежды, были драчливы, кичливы и отчаянно храбры. Не случайно почти все эллинистические правители Средиземноморья от Понта до Египта содержали на службе отряды кельтских воинов-наемников, обладавших, вероятно, не только физической силой и блестящим уменьем пользоваться их специфическим оружием, но и специальной физико-психологической подготовкой, вроде той, что широко практикуется в различных современных школах «восточных единоборств».

Но, с другой стороны, по замечанию Цезаря, восемь лет проведшего в Галлии, кельты весьма вспыльчивы, возбудимы и «неспособны ни к какому порядку». Поэтому, наверное, огромная территория Кельтики, простиравшейся треугольником от Британии и Пиренеев до Карпат, никогда не была объединена никаким политическим единством, во всяком случае античные авторы ничего о таком единстве не сообщают, хотя довольно обширные союзы племен, очевидно, и существовали. Белги, жившие в бассейне Марны, например, постоянно приходили на помощь своим сородичам сеннонами, бойям и инсубрам Северной Италии.

Если у кельтов никогда не было политического единства, то загадочным становится удивительное единообразие их латенской культуры, получившей свое название по находкам в местечке Ла Тен на Невшательском озере в Швейцарии. Кельтские украшения, керамика, оружие легко распознаются вне зависимости от того, где они найдены — в Британии, в Пиренеях, в Северной Италии или в Карпатах. Некоторые исследователи полагают, что единство культуры обеспечивалось постоянными передвижениями по Кельтике артелей бродячих мастеров, деятельность которых была сакрализована и пользовалась большим почетом (Megaw 1979), торговцев, особенно торговцев солью, друидов — предтечей средневековых пилигримов, сказителей-бардов и воинов-наемников — предтечей менезингеров и странствующих рыцарей. Известно, что «Сказания о короле Артуре» во многом восходят еще к кельтским временам (Михайлов 1944), и поэтому описанная там практика придворной и обыденной жизни применима, возможно, к кельтскому обществу.

Было высказано и еще одно объяснение необычайной подвижности кельтских племен. В.Ден видит объяснение в специфике их хозяйства, особенно на начальных этапах развития. Это Transhumance, отгонное скотоводство с использованием летом горных пастбищ, что рождало психологическую установку на легкость смены мест обитания, тренировало способность к далеким переходам (Dehn 1979). Кельты были «легки на подъем», это было чертой их национального характера.

Самой же существенной силой, цементирующей кельтское общество, была, по всей вероятности, надплеменная корпорация друидов. Нам известно о ней очень мало, потому что эта мистическая организация, что-то вроде монашеского ордена, была тайной. Кроме того друиды запрещали пользоваться письменностью, вся информация передавалась изустно. Естественно, до нас дошли са-

мые смутные сведения об их деятельности, верованиях, связях и способах воздействия на население. Но мы знаем, что высший суд в кельтском обществе вершили именно друиды. Преступников, осужденных соплеменниками, передавали друидам для принесения в жертву богам. В течение пяти лет они могли осуществить или не осуществить наказание, окончательное решение оставалось за ними. Друиды выступали в качестве третейского судьи и при межплеменных спорах, организация была надплеменной.

В их руках находилось обучение и воспитание юношества. Все кельтские аристократы в детстве и юношестве проходили через тайные школы друидов, укрывались со своими учителями в лесах и там постигали премудрости жизни и тайны религии, развивались духовно и физически. Для того чтобы стать друидом, нужно было проучиться 20 лет. Значит было чему учиться.

Не все ставшие друидами покидали «свет», многие возвращались к обычной жизни, могли быть вождями, воинами, торговцами, могли заниматься своим хозяйством, могли быть кем угодно, подчиняясь однако дисциплине своей организации. В этом отношении корпорация друидов напоминала нечто среднее между орденом иезуитов, обществом масонов и КПСС недавнего прошлого или, если хотите, КГБ с секретностью, окружающей всю деятельность этой организации и ее влиянием на все сферы жизни. В каждой общине, в каждом почти селении у друидов были свои представители, проводившие политику «ордена». Посланник организации всегда мог найти у него поддержку и гостеприимство.

Известно две категории друидов. Предсказатели, вероятно астрологи и врачеватели, назывались иногда «ватами» или, в ирландских сагах, «филидами». Другую категорию представляли сказители-барды, слагавшие саги и распевавшие их под звуки инструмента вроде лиры. И те, и другие имели большие возможности воздействия на соплеменников и иноплеменников. Без обращения к предсказателю вряд ли хоть один кельт решился бы на какое-нибудь действие, а хула или похвала, высказанная бардом, тоже имела сакральный смысл.

Друиды имели право отрешить любого неугодного им от исполнения религиозных обрядов, что было для кельтов самым страшным наказанием, означало изгнание из общества.

Раз в году собирался общегалльский съезд друидов, где и совершались человеческие жертвоприношения, вершился суд. Избирали друиды и единого верховного жреца, должность которого была пожизненной, а личность, вероятно, сохранялась в тайне от непосвященных.

Складывается впечатление, что в лице кельтов мы вообще имеем дело с неким теократическим обществом, объединяющим всю или почти всю Кельтику. Если же допустить, что мастера, производившие украшения, оружие, керамику и прочее (а для мистически настроенного общества сакрализованность их изготовления вполне вероятна), тоже входили в друидическую организацию (хотя прямых указаний на этот счет и нет), то станет понятной и удивительная монолитность латенской культуры кельтов.

Естественно, при всей цельности латенская культура не лишена и некоторых различий, объяснимых по большей части местными этническими и культурными субстратами (Godłowski 1977).

Большая часть информации о друидах получена от Цезаря и касается поэтому лишь позднего этапа развития кельтского общества. Как выглядела друидическая корпорация в предшествующее время, мы практически не знаем, очевидно, определенные изменения происходили, поскольку и само кельтское общество пережило несколько этапов социального развития (Filip 1956; Филип 1961). В начале пути главенствующую роль играла, вероятно, родовая аристократия. В южной части Центральной Европы, в Приальпийской зоне известны погребения ее представителей с роскошными золотыми гривнами и браслетами, с колесницами в могилах, с бронзовыми сосудами. В этой аристократической среде и зародился своеобразный стиль кельтского искусства, кельтская латенская культура. С начала IV в. до н.э. наступает период «исторической экспансии». Европа дрожала перед яростью обнаженных кельтских воинов с их длинными мечами и огромными щитами. Они завоевывают Северную Италию, западные и северные районы Франции, Британию, проникают за Пиренеи, на Балканы и в Карпаты, в Малую Азию и в Силезию (Рис. 64-Ij). Власть, вероятно, почти повсеместно переходит к предводителям военных дружин. Богатых погребений становится меньше, а аристократическая латенская культура становится достоянием более широких масс, украшения чаще изготовляются из бронзы. Но после ряда военных неудач, потеряв часть завоеванных земель, кельтское население концентрируется в Средней Европе от Британии до Карпат. В течение периода «среднеевропейской консолидации» происходит внутренняя перестройка социальной структуры. Военные вожди, вероятно, утратили свой авторитет. Начинается «промышленная революция» — изготовляются в массовом порядке, на продажу, орудия труда, вырабатываются те их формы, которые дожили в Европе до средневековья, а

иногда и до наших дней, появляется монета, возникают протогорода оппидумы — укрепленные центры с развитым производством. Активно ведется торговля. Начинается «торговая экспансия» на север. На все варварские культуры от Скандинавии и до Днепра была накинута «вуаль» кельтского культурного влияния. Но затем наступает период упадка. Один за другим гибнут оппидумы, то от набегов северных соседей, то под ударами таранов римских легионеров. О некоторых эпизодах истории кельтов будет подробнее рассказано в последующих главах.

3. Третий «мир». Латенизированные культуры «полей погребений» и лощено-хроноватой керамики.

Это «мир» варварских племен, населявших Центральную и Северную Европу от Нижнего Рейна и до северных склонов Карпатских гор. Здесь представлена целая серия отличных друг от друга археологических культур и более мелких культурных групп Они очень разнообразны, но им присущи и некоторые общие черты. Все они — культуры «полей погребений», у всех практиковался почти исключительно обряд трупосожжения на больших кладбищах, иногда нескольких сотен захоронений, как правило, кроме Скандинавии, без каких-либо видимых внешних признаков. В каждой культуре свои формы вылепленной вручную посуды, но всегда в той или иной пропорции представлены два вида — черная, с блестящей поверхностью, «лощеная» и нарочито ошершавленная, «хроноватая». Иногда обе техники оформления сочетаются на одном сосуде: средняя часть «хроноватая», а верх и низ — «лощеные». А иногда «хроноватость» и «лощеность» чередуются в виде вертикальных полос или образуют более сложные узоры. Как правило, ассортимент форм сосудов достаточно богатый и разнообразный, и значительную часть его составляют разного рода миски. Культуры «мисочные». Наблюдается определенная тенденция в развитии форм керамики от более высоких горшков и кувшинов, зачастую с характерной трехчастностью (специально выделенной горловиной) к более низким и разложистым, от «кувшинности» к «мисочности» (Рис. 4). Верхний край лощеных сосудов поздних стадий часто имеет несколько отчетливых граней — «подграненые венчики». Для керамики ряда культур характерны небольшие иксовидные ручки и декоративные налепы в виде полумесяца. Иногда часть сосудов украшена орнаментами в виде меандров и свастик.

Когда жители «третьего мира» столкнулись с кельтами, они многое от них восприняли, в частности способ ношения одежды, скрепляемой застежками-фибулами. Одни и те же формы фибул распространены и в кельтской латенской культуре и в третьем «мире». Это культуры «фибульные». Присущи почти всем культурам третьего «мира» и поясные крючки-скрепы.

Сходны во всем третьем «мире» и жилища. Это сравнительно небольшие наземные постройки 5 — 7 м в длину и 3 — 4 м в ширину столбовой конструкции. Известны и постройки, слегка углубленные в землю, еще меньших размеров (Die Germanen, 1976, S.118—121). Исключение составляет лишь побережье Северного моря от Рейна до Ютландии и Швеции, где на дюнах, не заливаемых во время высоких приливов, строили длинные столбовые дома от 9 до 20 м, совмещающие под одной крышей и жилое помещение, и хлев.

Одна из самых древних культур третьего «мира», уходящая корнями еще в эпоху бронзы, — ясторфская. Немецкие исследователи различают Ясторф-Культур в узком смысле термина, ее ядро, и Ясторф-Культур в широком смысле — тот ареал различных по своему облику культурных групп, которые ядро окружают. Территория ядра — лесисто-болотистые равнины Шлезвига-Гольштинии, Ганновера, западного Мекленбурга и Бранденбурга, т.е. в основном правобережье нижнего течения Эльбы (Рис.64-I, c, d). Здесь как будто наиболее отчетливо прослеживается континуитет от древнейших времен. Все прочие группы Ясторф-Культур в широком смысле, охватывающей всю территорию современной Германии (за исключением Баварии), стран Бенилюкса, Дании и южной Скандинавии, образовались, как считается, или при участии выходцев из ядра Ясторфа, или при их культурном воздействии с включением каждый раз своих местных элементов — Биллендорфской и Горицкой групп лужицкой культуры в юго-восточной Германии и Приодерье, культуры домовидных урн в Центральной Германии и других (Germanen, 1976, Abb. 15, S.87—95; Abb.50, S.186—196; Horst 1988; Peschel Karin 1988; Griesa 1988; Buck 1988). Это Харпштедт-группа в междуречье Эльбы-Рейна, с особой Нинбергской группой между Эмсом и Везером (Hässler 1988), Варнов-группа в восточном Мекленбурге и на Одере, Зеен-группа в южном Мекленбурге, группа междуречья Эльбы и Хавеля, губинская на Нейсе и Одере. Особое место занимают сильно-кельтизированные группы — Боденбах-Подмоклы в северо-восточной Чехии.(Venclová 1973; 1988), группа на правобережье Рейна от Среднегерманской возвышенности до Липпы (Hachmann Kossak, Kuhn 1962) и в бассейне Эльбы-Заале (Peschel Karl 1988).

Становление Ясторфской культуры начинается, как показывают последние исследования, еще на рубеже Гальштата D2 и D3, т.е. во второй половине VI в. до н.э., параллельно или даже несколько опережая во времени становление латенской культуры, хотя пока отсутствует обобщающая монографическая работа, где эти процессы были бы детально и конкретно рассмотрены и объединены отдельные региональные наблюдения. Работы Г.Швантеса и коллег его поколения в значительной мере уже устарели (Schwantes 1904; 1909; 1949—50; 1950; 1952; 1955), а синтез, данный в вышедшем в 1976 г. справочнике «Германцы», носит слишком общий характер (Germanen 1976, S.83—102). То же можно сказать и о проблемах хронологии. Терминология Г.Швантеса, выделявшего собственно Ясторфскую ступень, подразделявшуюся на три фазы (a—c), ступени Рипдорф и Зеедорф, синхронизовавшиеся соответственно со средним и поздним Латеном, сейчас в значительной мере устарела и используется сравнительно редко. Существует целая серия локальных хронологических разработок (Hingst 1959; 1964; Rangs-Borchling 1063; Keiling 1959; Harck 1972; Nylén 1955; Becker 1992), но попытки их синхронизации носят слишком общий характер (Godłowski 1977; Müller 1988). Исключение составляет работа Р.Хахманна, создавшего в 1961 г. общую схему хронологии для всех культур «третьего» мира в «позднее предримское время» (Hachmann 1961). Об этой работе у нас пойдет еще речь впереди. Но сделана она была еще до появления региональных разработок и отсутствие нового обобщающего труда по хронологии Ясторф-Культур сейчас сильно тормозит как понимание процессов, протекавших внутри этого культурного образования, так и в соседних регионах.

По отношению к памятникам Германии после рубежа нашей эры термин «Ясторф-Культур», как правило, не применяется, т.к. для этого времени уже можно сопоставлять отдельные группы памятников с конкретными племенами германцев, известных римлянам.

На ранних этапах развития восточным соседом ясторфской культуры (Рис. 64-I,e) в междуречье Одера-Западного Буга была близкая по структуре и по облику поморская культура (Рис. 4), что и понятно, поскольку частично у них общая лужицкая подоснова и некоторая доля участия групп носителей обряда лицевых и домовидных урн (Malinowski 1979; 1988).

На востоке отдельные памятники поморской культуры достигают поречья Припяти, Горыни и Верхнего Днестра (Никитина 1965; Malinowski 1977; 1988; Bukowski 1967; Козак 1991, с.104—110; Шкоропад 1992).

В польской литературе идет дискуссия: отделить ли от собственно поморской (вейхеровско-кротошинской) культуры ее восточный вариант (культуру подклошевых погребений) или считать все единой культурой с двумя вариантами — подклошевым и каменных ящиков. Последняя позиция, отстаиваемая Т.Малиновским, представляется более убедительной (Malinowski 1988).

Затем, во II в. до н.э., в зоне основного ареала поморской культуры образуются две новых и близких друг другу культуры — пшеворская и оксывская. От прочих культур третьего «мира» их отличает обилие в погребениях оружия — длинных мечей кельтского образца, умбонов щитов, копий. В ясторфской культуре оружие появляется в могилах лишь на поздней стадии, и связано это было с определенными событиями, о которых речь у нас пойдет позже.

По формальным признакам: «поля погребений», «мисочность», «фибульность», наличие лощено-хроповатой керамики и т.д. — к третьему «миру» следует отнести еще две культуры, это Поянешты-Лукашевка в Молдавии и румынской Молдове (Babeş 1985) и зарубинская в Припятском Полесье и на Днепре. Последнюю подразделяют на три локальных варианта — полесский, верхнеднепровский и среднеднепровский (Кухаренко 1970). Отдельные памятники, сходные с зарубинецкими и поянештскими, выявлены также на Буковине и в Подолии (Тимощук, Винокур 1962; Смирнова 1970; 1981; Пачкова 1977; 1979: 1983; Кухаренко 1978; 1978а). Их отношение к этим культурам пока не совсем ясно. Возможно, со временем удастся здесь выделить особый промежуточный вариант этих культур. Считать ли Поянешты-Лукашевку еще одним вариантом зарубинецкой культуры, как предлагает Д.А.Мачинской (1966; 1966а), или самостоятельной культурой — вопрос спорный и в данный момент не принципиальный. На фоне соседних культур лесной и степной зоны и при сравнении с памятниками предшествующего времени они выглядят как нечто единое, а в ряду остальных культур третьего «мира» как явление самостоятельное, хотя и здесь между ними больше сходства, чем с соседней пшеворской. Думается, вполне можно говорить об особой зарубинецко-поянештской культурной общности.

Кем же были представители третьего «мира» в этническом отношении? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Когда римляне вышли на берега Рейна и Дуная, они все население страны, лежащей между этими реками, стали называть германцами, а страну — Германией или Свевией, по имени одной из сильнейших группировок племен.

Но диалекты народного немецкого языка и сегодня отличаются весьма существенно. В древности различия, очевидно, были еще разительнее. В 1962 г. два немецких археолога и один лингвист опубликовали интересную работу. Им удалось показать, что территория одной из групп Ясторф-Культур на правобережье Рейна совпадает с зоной распространения топонимов, не объяснимых ни из кельтских, ни из германских языков. Здесь жил некий анонимный народ "икс", народ «между германцами и кельтами» (Hachmann, Kossak, Kuhn 1962). Есть основания полагать, что таких народов, говоривших на неких несохранившихся диалектах индоевропейских или даже доиндоевропейских языков, было гораздо больше, таковыми могли быть и все представители Харпштедской и Нинбургской групп между Эльбой и Рейном, и кельтизированное население района Заале-Унструт-Эльба, и группа Боденбах-Подмоклы. Этот подход к проблеме, означающий становление новой «парадигмы мышления» специалистов, отчетливо проявился в серии докладов на конференции 1983 г. в Майнингене, опубликованных в 1988 г. в сборнике «Ранние народы Средней Европы». Возможно, так же следует относиться и к представителям пшеворской и оксывской культур, зарубинецкой и Поянешты-Лукашевки, тем более что все они возникли ранее времени появления германцев как таковых на исторической арене.

Парадоксальна ситуация и с самим термином «германцы». Впервые его употребил Посидоний, учитель Помпея и Цицерона, по отношению к жителям верховьев Рейна, примечательных лишь тем, что имели странный обычай запивать жареное мясо варварской смесью молока с вином. Но в верховьях Рейна в это время могла обитать скорее всего одна из групп народов «между кельтами и германцами». А кимвров и тевтонов, выходцев из ядра Ясторф-Культур, Посидоний германцами не называет. Некоторое время спустя термин «германцы» был перенесен на всех обитателей междуречья Рейна и Дуная.

Ф.Шлетте, специально занимавшийся этим вопросом, не склонен доверять ни триумфальной надписи Клавдия Марцелла 222 г. до н.э.. оказавшейся фальсификатом августовского времени, ни упоминаниям германцев в трудах Пифея, Посидония или в источниках, касающихся восстания Спартака, поскольку оригиналы трудов до нас не дошли, а переданы лишь более поздними авторами, германцев уже хорошо знавшими (Schlette 1988, S.11). Посидонию можно было бы, пожалуй, доверять в силу большой конкретности его замечания, но с окончательным выводом Ф.Шлетте трудно не согласиться — «до времени Цезаря термин «германцы» был или неизвестен или малоупотребителен, а со времен Цезаря используется как саморазумеющийся».

Представители третьего «мира», которые начиная со времен войны Цезаря с германцами Ариовиста в 58 г. до н.э. оказались так или иначе втянутыми в сферу деятельности различных волн выходцев из ядра Ясторф-Культур, по всей вероятности стали германцами, а те, кто оказался в сфере деятельности других народов, — или исчезли, или стали другими народами.

И Цезарь, столкнувшийся с германцами при завоевании Галлии, и Тацит, писавший более ста лет спустя, рисуют типичное общество «военной демократии». «Царей они выбирают из наиболее знатных, вождей — из наиболее доблестных... вожди начальствуют над ними скорее увлекая примером... чем наделенные подлинной властью» (Tac. Germ., 7). «... Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляются к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну: потому что покой этому народу не по душе, да и содержать большую дружину можно не иначе, как только насилием и войной» (Tac. Germ., 14).

«Они ежегодно сменяют пашню... и не прилагают усилий, чтобы умножить трудом плодородие почвы и возместить таким образом недостаток в земле» (Tac.Germ., 26).

В Северной Европе много лесов и болот и сравнительно немного участков, пригодных для возделывания злаков и выпаса скота. «Великие расчистки» будут произведены в Европе только через тысячу лет, в X веке. Германцам постоянно не хватало угодий, сравнительно легко возникало относительное перенаселение. Отсюда многочисленные переселения различных групп обитателей третьего «мира», фиксируемые и письменными источниками, и археологически. «Гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны, более того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, — леность и малодушие» (Tac.Germ., 14).

Два инстинкта, две потребности владели населением третьего «мира», толкали их на переселения и войны. Первая — потребность выжить, прокормиться, а для этого нужно было захватить или участок чужой земли, или продукты. И вторая — столь свойственная членам общества «военной демократии» потребность в славе, самоутверждение в доблести. «Германцы столь же мало заботятся об обладании золотом и серебром, как и об употреблении их в своем обиходе» (Tac.Germ., 5). Действительно, сокро-

вища сами по себе для общества «военной демократии» ценности не имели, копить их не было смысла. Но добыча — символ доблести, а употребить их можно было, публично принеся в дар богам, утопив в болоте или промотав на пирах, раздарить дружинникам и родичам. Это обеспечивало благосклонность богов, почет и уважение соплеменников. И погоня за добычей становится еще одним стимулом для далеких походов.

4. Два «мира» лесных культур Восточной Европы.

Новый «мир» начинался за Западным Бугом. К северу и северо-востоку от этой реки — в Мазурии, на территории современной Калининградской области и в западной Литве и Латвии — располагается культура западнобалтских курганов (Okulicz J. 1973; Okulicz L. 1976; Lietuvos... 1968). На восток от нее значительная часть Литвы и Белоруссии занята «культурой штрихованной керамики». Вдоль латвийского течения Даугавы памятники ее достигают побережья Балтики (Тарасенко 1962; Таутавичус 1954; Митрофанов 1978; Граудонис 1967; Третьяков 1966; Седов 1970; Данилайте 1970). К югу, в припятско-днепровском Полесье находится милоградская культура (Мельниковская 1967; Рассадин 1989; Еременко 1989), а к востоку, в истоках Днепра, Западной Двины, Сожа и Десны — культура днепро-двинская. Отдельные памятники ее на севере заходят на территорию Псковской области, выделяется пять локальных вариантов (Третьяков 1966; Третьяков, Шмидт 1963; Шмидт 1961; 1975; 1992; Седов 1970; Шадыро 1985; Короткевич, Мазуркевич 1992).Со временем Днепро-Двинская культура трансформируется в культуру памятников типа среднего слоя городища Тушемля — среднетушемлинскую, а затем в верхнетушемлинскую. С юга днепро-двинская культура имеет не очень четкую границу с юхновской бассейнов Десны и Сейма (Левенок 1957; Горюнова 1950; Третьяков 1966; Седов 1970) (Рис. 64-I).

Во всех этих культурах четвертого «мира», в отличие от третьего, мы не найдем ни блестящей лощеной керамики, ни мисок, ни кувшинов, ни кружек. Посуда их не отличается ни изощренностью форм, ни богатством ассортимента. Это исключительно различные варианты грубо вылепленных вручную слабопрофилированных банковидных горшков. Все культуры — «горшечные».

Все памятники лесной зоны, за исключением западно-балтских курганов, бедны цветным металлом, почти совсем нет и импортных изделий из других «миров». Фибулы известны, но довольно редки. Все культуры «бесфибульные». Это порождает немало затруднений в определении хронологии. Изделий из железа больше — ножи с горбатой спинкой и различные орудия, необходимые для подсечного земледелия; втульчатые топоры-тесла, серпы, косы-горбуши. Из украшений — булавки в форме «пастушьего посоха».

Поселки свои все жители лесной зоны всегда устраивали в труднодоступных местах и дополнительно укрепляли их. Это культуры «городищенские». На городищах строили длинные столбовые дома, занимающие иногда всю площадку городища, а чаще расположенные по периметру, так чтобы их стены образовывали дополнительное укрепление. Своего рода «жилые стены». Только в милоградской культуре известны небольшие полуземлянки с нишей в одном из углов.

У всех был сходный тип «лесного хозяйства», где наряду с подсечным земледелием большую роль играло скотоводство (кроме крупного рогатого скота, разводили свиней и маленьких полудиких лесных лошадок тарпанов, употребляемых в пищу), а также охота и собирательство. Из находимых на городищах костей около 20 — 40 % составляют кости диких животных.

И почти все культуры безмогильные. Вероятно, практиковались какие-то погребальные обычаи, не оставляющие археологических следов. В этнографии различных народов такие случаи известны. Покойников могли подвешивать не деревьях, оставлять в лесу, сожженный прах развевать на ветру или укладывать останки в наземные «домики мертвых» и т.д. Исключение из правила составляют лишь культуры милоградская и западно-балтских курганов.

Последняя в этой среде вообще занимает особое положение, как бы переходное от третьего «мира» к четвертому, тем более что наследники носителей северо-западных вариантов обширной лужицкой культуры (общей подосновы культур третьего «мира») были включены, как представляется, в процесс формирования. Здесь много каменных курганов, образующих большие могильники, более разнообразна керамика — наряду с грубыми горшками имеются и кувшинообразные сосуды с многочастными ушками. Много и бронзовых изделий. Но процесс латенизации, кельтского влияния эту культуру, в отличие от третьего «мира», почти не затронул. Сохранились формы украшений, в основном восходящие еще к эпохе бронзы и самого начала железного века. Эта архаичность облика культуры и общий для всей лесной зоны тип хозяйства позволяет отнести ее скорее к четвертому «миру», чем к третьему.

Считается, что все культуры лесной зоны происходят от местных культур эпохи

бронзы, но процессы их образования пока исследованы недостаточно подробно. Изучение памятников вообще затруднено спецификой материала — отсутствием надежного хронологического членения, большим однообразием и невыразительностью форм, границы культур во времени и в пространстве зыбки и неопределенны. Такая рыхлость структуры лесных культур отражает, вероятно, и рыхлость социальной структуры — отсутствие крупных и крепких политических объединений, отсутствие далеких связей и широкого кругозора, замедленность темпа жизни, «патриархальность» и даже застойность жизненного уклада, непритязательность жителей этой зоны в быту. Это могло сказываться и на психическом складе обитателей леса. Впрочем, мы можем судить об этом лишь по облику археологических находок, лишь по одной части их культуры. Не исключено, что напряженная духовная жизнь могла реализоваться в танцах и песнях, в сказаниях и в изделиях из органических материалов — дерева, кожи и т.д., то есть в вещах, археологически недоступных. Но так или иначе, мир лесных культур — мир совсем особый, отличный от рассмотренных нами ранее. Близок ему по структуре лишь еще один лесной пятый «мир».

К северу от упомянутых культур, от Финского залива до верховьев Волги протянулась зона редких поселений с сетчатой или текстильной керамикой. Это население, как и носители позднекаргопольской культуры Вологодской области и культур с асбестовой керамикой Карелии и Финляндии, в железном веке все еще жило по-неолитически — пользовалось кремневыми и костяными орудиями, занималось охотой и рыболовством (Гурина 1961; Фосс 1952). Более развитое хозяйство, близкое четвертому «миру», было лишь у представителей двух археологических единств, лежащих по краям этой зоны, — у носителей культуры каменных ящиков в Эстонии (Шмидехельм 1955; Okulicz L. 1976; Osoles 1969; Граудонис 1967) и дьяковской культуры Волго-Окского междуречья (Розенфельд 1974; Смирнов К.А. 1974; Дубынин 1974). Последняя особенно близка четвертому «миру» — те же городища, те же длинные постройки, та же баночность керамики. Объединяют их и широко распространенные на всей лесной зоне так называемые «грузики дьяковского типа», своеобразные глиняные изделия в виде полукатушки, назначение которых до сих пор остается неясным. Бронзовых изделий в дьяковской культуре даже больше, чем в четвертом «мире», за счет связей с богатой этим металлом пьяноборской культурой Прикамья, но широко применяются и костяные орудия, в частности костяные наконечники стрел. Возникшая было дискуссия из-за значительного повышения всех дат дьяковской культуры после работы И.Г.Розенфельд (1982) благополучно разрешилось серией радиоуглеродных определений (Кренке, Сулержицкий 1988).

Поскольку зона распространения культур четвертого «мира» совпадает с зоной балтской топонимики и совпадает достаточно точно, считается, что носители всех этих культур были балтами (Седов 1970, рис.2). Носители культуры западно-балтских курганов — западными, а остальные — восточными. И поскольку территория пятого «мира» столь же точно соответствует области угрофинской топонимики, остается думать, что носители представленных здесь культур были угро-финнами (Седов 1970, рис.1, 2; Третьяков 1966), хотя не исключено, что отдельные группы этого населения были предками саами-лопарей. Высказывались, однако, соображения, что и в этой зоне не исключено существование неких народов "игрек", говоривших на исчезнувших ныне языках (Серебрянников 1957; Топоров 1982). Введение этого «у» в расчеты, возможно, позволило бы распутать некоторые узелки противоречий, неизбежно возникающих при изучении этнической истории лесной зоны.

5. «Мир» шестой, степной, кочевнический.

Полоса степей опоясывает Евразию, протянувшись на многие тысячи километров от венгерской пушты на Среднем Дунае до Амура и лесов Приморья. Лишь дважды она прерывается горными массивами — Карпатами и Памиро-Саянской системой. Низкие южные отроги Урала для степняков-кочевников, постоянно перегоняющих свои стада в поисках лучших пастбищ, не были преградой. Скот — источник жизни и мерило богатства кочевника, но чем стадо больше, тем быстрее скот поедает и вытаптывает траву, тем скорее его нужно гнать все дальше и дальше, тем меньше времени остается для стоянок, тем больше нужда в хороших пастбищах, в местах для зимовок, где было бы можно продержать скот зимой на подножном корму или с минимальными запасами фуража. Это плавни в низовьях рек, горные склоны, с которых сдувается снег. А таких угодий не так уж много и на огромных пространствах степей. Их временами не хватало, и тогда между различными ордами кочевников возникали конфликты. Особенно часто это должно было бы происходить в степях Внутренней Монголии, в «степном генераторе народов» (Клейн 1974). Условия для кочевого хозяйства здесь чрезвычайно благоприятны, но размеры региона ограничены.

«Монгольский генератор» накрепко вмурован в каменное кольцо безжизненных пустынь и прикрыт, как крышкой, густыми таежными лесами Сибири. С востока — леса Приморья, а с юга — Великая Китайская стена и пограничная стража «Поднебесной Империи» ограничивали возможности расширения территории. Когда, благодаря благодатным условиям, поголовье стад и численность населения быстро достигали «критической массы» и начиналась нехватка пастбищ, выход избыточному населению оставался один — на запад, через Джунгарские ворота, в поисках земель, «заселенных слабо или заселенных слабыми» (Клейн 1974, с.133). Когда такое «извержение» происходило (а аналогичная ситуация могла возникать не только в «монгольском генераторе», но и на других участках), по полосе евразийских степей прокатывалась волна переселений. Орды кочевников, сшибаясь и подталкивая друг друга, катились на запад. И часто едва успевала затихнуть одна волна, как за ней катилась другая. Море степей волновалось почти беспрерывно с большей или меньшей интенсивностью. И так же как волны переносят далеко не всю массу воды, так и в этом движении выходцы из «эпицентра движения» не обязательно достигали далеких западных окраин. Скорее действовала «цепная реакция» по «принципу падающего домино». Жизнь в постоянном движении, в седле или в повозке, безграничность окружающего пространства, постоянные угоны скота, погони, стремительные набеги, далекие походы, жизнь в постоянном напряжении и тревоге рождали совсем особое мироощущение кочевника.

Лучше всего его передает искусство, произведения так называемого «звериного стиля», будь то деревянная резьба из Пазырыкских курганов на Алтае или золотые изделия греческих мастеров, созданные по заказу скифов из Причерноморья, или фантастические звери на золотых, усыпанных бирюзой, сарматских фалярах из «Садового» кургана на Дону и из «Сибирской коллекции» Петра I.

Кочевое хозяйство не требует чрезвычайных усилий, несколько пастухов справляются с многочисленными стадами. Поэтому в кочевом обществе всегда находятся свободные руки, владеющие оружием. А они нужны не только для угона чужих стад и борьбы за пастбища, но и для исправления военным путем однобокости скотоводческой экономики. Кочевникам трудно прожить без продуктов земледелия и без изделий высококвалифицированных мастеров. Поэтому возникающие в степях социальные организмы часто стремились к тем или иным формам симбиоза с земледельцами и с цивилизованными «промышленными» странами. Таким было, вероятно, и политическое объединение, созданное скифами-царскими, подчинившими и «скифизировавшими» местное земледельческое население Северного Причерноморья.

Примерами симбиоза такого рода могут быть и древний Хорезм, и даже Парфянское царство, основанное «скифом» Аршаком. Хотя основное население этого государства состояло из потомков жителей персидской ахеменидской державы и греко-македонских поселенцев, пришедших с Александром Македонским, т.е. это были земледельцы, ремесленники и торговцы, использующие рабский труд, но кочевые племена играли важную роль в политической структуре Парфии. Представителям кочевых «сакских» племен принадлежало наследственное право возложения короны на голову царя, из их числа всегда назначался главнокомандующий (Plut. Cras., 21). Кочевой мир был далеким тылом и опорой власти Аршакидов, когда им приходилось туго, они черпали силы именно здесь. Впрочем, этот пример симбиоза шестого и первого «миров» — лишь редкий крайний случай. Большинство возникавших в степях социальных организмов — объединений, конфедераций племен — носило более чистый кочевнический характер. К сожалению, письменные источники слишком скудны сведениями и о их социальной структуре, и о их истории, а интерпретировать в этом плане кочевнические археологические древности мы еще по-настоящему не научились.

Считается, что почти во всей полосе евразийских степей звучала иранская речь, точнее разные диалекты, близкие в той или иной степени иранскому и языку «Авесты», священной книги древних иранцев, но антропологически население степей представлено разными типами. Здесь и европеоидный брахикефальный, и южный «памиро-алтайский», «армяноидный». Примешиваются некоторые черты населения таежной зоны и монголоидные элементы. Последние преобладали за Саяно-Алтаем в степях Внутренней Монголии.

Очень сложна проблема номенклатуры кочевых племен и объединений. Древние авторы часто применяли по отношению к кочевникам обобщающие наименования — скифы, саки, савроматы, сарматы, причем названия эти часто были взаимозаменяемыми, хотя за каждым именем могла иногда одновременно скрываться и конкретная кочевническая группировка. Называют источники и иные кочевые народы и племена — исседонов, аримаспов, массагетов, даев, усуней, роксоланов, аспургиан, сираков, языгов, аорсов, аланов и других. Местоположение

их на карте зачастую бывает определить трудно — оно менялось со временем, а знания древних авторов о географии степей и истории отдельных племен очень ограничены и запутаны. Постоянно происходили перегруппировки, одни племена отходили в тень, другие выдвигались на первое место. Считается, что более тесными родственными связями объединялись савроматы и сираки, исседоны и сарматы, массагеты-роксоланы-аорсы и аланы, хотя вся последняя цепочка иногда покрывается одним термином — сарматы или савроматы. Реальные же соотношения различных группировок не совсем ясны, а археологические отождествления шатки и приблизительны. «Смазанность», «стертость» археологической картины кочевого мира на сегодняшнем уровне исследований легко объяснима. Кочевники постоянно передвигались, в одних и тех же курганных группах хоронили подчас представителей различных племен, четких этноопределяющих признаков немного. Нет единой хронологической системы. Б.Н.Граков (1947) расчленил сарматские древности Поволжья на три периода — раннесарматский (VI — II вв. до н.э.), среднесарматский (I в. до н.э. — I в. н.э.) и позднесарматский (II — IV вв.), но эта систематизация оказалась слишком общей и малоудобной для других регионов — для Поднепровья, для Казахстана и Средней Азии. В последнее время поставлены под сомнение и абсолютные даты этапов (Скрипкин 1990). Соответственно выделяются и три археологические курганные культуры, ядро которых — степи между Доном и Уралом: прохоровская, сусловская и шиповская. Предшествует им блюменфельдская культура VI -- IV вв. до н.э., которую с легкой руки К.Ф.Смирнова (1964) стали называть савроматской. И не очень удачно, потому что савроматам, упомянутым Геродотом, соответствует, как выясняется, скорее всего лишь западный, волго-донской вариант этой культуры, ее восточноуральский вариант связывается с исседонами, а самаро-уральский — с даями иди дахами (Десятчиков 1974, с.9 — 10; Смирнов 1977, с.35), с теми самыми, из среды которых позже вышел Аршак — создатель Парфянского царства. Оказалось, что под «савроматской» культурой скрываются разные племена. Может быть, лучше было бы сохранить термин — блюменфельдская культура? Считается, что существует преемственность всех этих культур от блюменфельдской до шиповской, но не окажутся ли и все они полиэтничными, как первая, тем более что пока еще очень плохо изучены связи носителей этих культур с восточными и южными соседями, с кочевниками Казахстана и Средней Азии и далее на восток и на юг вплоть до Центральной и Передней Азии. Роль миграционных процессов сарматского мира остается не раскрытой.

Неудачным оказался и термин шиповская культура. Оказалось, что шиповские курганы относятся явно к более позднему гуннскому времени, между ними и позднесарматской культурой никак нельзя поставить знак равенства (Засецкая 1968).

Хотя необходимость синтеза историко-археологической картины всех евразийских степей уже назрела, попытка такого рода предпринималась лишь однажды (Sulimirski 1970) и была не во всех частях удачной. По сути дела история степей еще не написана.

6. «Мир» седьмой. Фракийцы, геты, даки.

Замыкает круг народов европейского Барбарикума еще один массив племен, игравших заметную роль в истории — фракийцы, земледельцы и пастухи, обитатели долин и горных лугов Прикарпатья и севера Балкан, территорий современных Румынии и Болгарии. Северные группировки фракийцев на левом берегу Дуная выступают в источниках под именем даков для западных районов и под именем гетов — для восточных.

В силу их географического положения фракийцы постоянно оказывались в сфере воздействия то тех, то других политических сил. На рубеже VI — V вв. до н.э. они оказались на стыке интересов греков Афинского морского союза, Ахеманидской персидской державы и скифов Причерноморья.

После греко-персидских войн вожди племени одрисов в Южной Фракии создали независимое государство, но оказавшееся между греками, скифами и Македонией Филиппа - Александра, раздираемое междоусобицами царство одрисов становится добычей Македонии. После смерти Александра при разделе наследства Фракия досталась его стратегу Лизимаху, а за Дунаем геты создали независимое царство Дромихета. Значительную же часть дакийских земель в Трансильвании захватили кельты, оккупировавшие после убийства в 280 г. Лизимаха и земли Фракии.

Потом раздробленные фракийские племена оказываются между кельтами, македонским царством Филиппа V и появившимся в северо-западном Причерноморье союзом бастарнов, а затем, когда римляне захватили Македонию, — в сфере их интересов и интересов припонтийской державы Митридата Евпатора. В середине I в. до н.э. дакийский царь Буребиста создает мощное государство, противостоящее Риму, но оно распадается из-за внутренних смут. Римляне занимают правобережье Дуная, создают здесь провинцию Мезию, а затем и полузависи-

мую от них Фракию превращают в провинцию. Могущество даков времен Буребисты на рубеже I — II вв.н.э. пытался возродить Децебал, но погиб в борьбе с римлянами. Оставшиеся за пределами римской провинции Дакии, «вольные даки» еще около двух столетий сохраняли свою независимость и свою культуру, но постепенно растворились в водовороте все новых переселений народов, охвативших и их земли.

История фракийцев, таким образом, наполнена бурными событиями, и остается только удивляться, как долго удается им при столь мощных культурно-политических импульсах, идущих со всех сторон, сохранять самобытность своей культуры. Верность традиции, некоторая консервативность, стабильность форм культуры — отличительная черта фракийского мира. Уже с V в. до н.э. фракийцы были знакомы с гончарным кругом, но упорно продолжали пользоваться в быту и лепной керамикой. Усеченно-коническая «дакийская» чашка с массивной ручкой; баночность или тюльпановидность вытянутых вверх лепных горшков; любовь к многочисленным валикам и налепам с вдавленными на них пальцем ячейками, к различного рода уступам и шишечкам при украшениям керамики; высокие вазы на полой ножке — «фруктовницы», сделанные вручную или на круге, — все это почти восемьсот лет остается характерными признаками фракийской культуры (Crişan 1968).

Сходные формы мы найдем и у фракийских племен Южного Подунавья, и у гетских племен Добруджи, Мунтении и Молдовы, и у даков Трансильвании и в IV — III вв. до н.э., и на рубеже эр, и позже, у «вольных даков», вплоть до III — IV вв.н.э. (Рис. 5).

В период расцвета самостоятельного одрисского царства начался процесс сложения самобытного фракийского искусства. Работавшим здесь талантливым мастерам, создавшим полные наивного реализма сцены охоты, борьбы зверей, изображения всадников и божеств на бляшках-аппликациях для украшения конской сбруи, из клада в Летнице и клада в Луковите (Венедиков, Павлов 1966; Дмитров 1957), на серебряных поножах и золотом кувшинчике из погребения во Враце (Венедиков 1966, с.12, обр.34; 285, с.14, обр.5—6), на вещах Рогозенского клада (Fol., Nikolov, Hoddinott, 1986), удалось соединить экспрессивность и условность ахеменидского и скифского искусств, повествовательность и сюжетность поздней греческой классики с собственной наивно-грубоватой выразительностью примитива и детского рисунка. К этому же кругу вещей относятся и некоторые находки в Румынии — золотой шлем из Пояна-Коцофентешти (Florescu, 1968, fig. 2—3; Micklea 1969; fig. 13—14), шлем, поножи и кубок из купольной гробницы в Хаджикиоле (Florescu 1969, fig. 4—8). Процессу создания самобытного фракийского искусства не суждено было завершиться из-за македонского завоевания, но отдельные его элементы можно найти и в некоторых изделиях времен Буребисты и Децебала, и в искусстве римской Фракии.

Интересно, что даже такие народы-культуртрегеры, как греки и кельты, находясь с фракийцами в постоянных контактах, оказали на них сравнительно небольшое воздействие. И дело не только в консервативности характера и психического склада фракийцев, гетов и даков. Уже неоднократно отмечалось, что по многим проявлениям культуры фракийцы ближе своим восточным соседям, жителям Малой Азии, персам и скифам, чем грекам и кельтам. Наряду с земледелием, фракийцы активно занимались отгонным скотоводством, славились как коневоды, носили брюки и островерхие войлочные башлыки. И говорили они наряду со скифами и персами на языке группы «satem», в отличие от греков и кельтов — представителей группы «centum», (Daicoviciu H. 1929, S.18). Культурные импульсы, идущие с востока, вероятно, воспринимались бы во фракийской среде проще, но ход исторических событий был таков, что от этих импульсов они, как увидим позднее, оказались отрезанными.

Кроме того иноземцы сталкивались во Фракии и в Дакии с обществом достаточно сильно развитым в экономическом и социальном отношении, во всяком случае при сравнении с кельтами фракийцы и даки выступали как равные партнеры, в отличие от германцев, стоявших на несколько более низкой ступени социального развития, чем кельты. Поэтому несмотря на наличие определенного кельтского воздействия, культуру жителей гето-дакийских поселений, скажем, в Пояне (Vulpe 1957), Попешти (Vulpe 1966), Тиносуле (Vulpe R. et E. 1924) и других, трудно охарактеризовать как «культуру латенской вуали». Фракийцы, во всяком случае в моменты существования царств одрисов, Дромихета, Буребисты и Децебала, уже становились на путь образования рабовладельческого общества, но из-за присущей им традиционности здесь долго продолжали функционировать и сохранять жизненность племенные институты и принципы управления периода существования союза племен» (Златковская 1971). Каждый раз из-за внешнеполитических событий начинающимся процессам не суждено было завершиться.

Наш список «миров» не полон, картина представлена в весьма упрощенной форме. Был еще «мир иллирийский» северо-западной части Балкан и юго-восточных скло-

нов Альп, а в предшествующие времена, в эпоху Гальштата и бронзы, охватывавшей и значительную часть Центральной Европы. Был еще иберийский «мир» Испании и были карфагено-пуническая цивилизация, Египет фараонов, цивилизация Месопотамии и Малой Азии. Но все это части общей картины более раннего времени, лишь частично заходящие на наш кусок «гобелена». До рубежа эр как самостоятельные культурно-социальные единицы они не дожили, и потому мы их не рассматриваем.

К сожалению, мы вынуждены опустить и относящиеся к третьему «миру» многочисленные мелкие культурные группы Скандинавами. Археологическая картина там очень пестра, а синтезирующих работ на современном уровне исследования пока не появилось. Это существенный пробел в нашей работе, потому что Скандинавия в силу специфики природных условий постоянно выбрасывала группы иммигрантов, была «генератором народов» (Клейн 1974). Справиться с этим процессом жителям скандинавских стран удалось лишь к середине XIX в.

7. О трех путях поиска предков славян.

Складывается впечатление, что в схематически нарисованном выше «семимирье» не остается места славянам. Само по себе это не удивительно. Письменные источники для рассматриваемого нами времени еще не знают народа под таким именем. Славяне как таковые появятся на историческое арене значительно позже, в VI в. н.э., и к тому времени они явно представляют собой особый культурный мир, заметно отличный по структуре и от германского, и от кочевнического, и от балтийского и угро-финского (Godłowski 1979). Но где-то в пределах нашего «семимирья» должны были жить предки раннеисторических славян. Где и как их искать?

Лингвисты установили, что в общеславянском языке есть заимствования из языков балтских, иранских, угро-финских, германских, фракийских, кельто-иллирийских. Значит славяне должны были занимать территории, лежащие где-то между всеми этими народами. Но лингвисты, к сожалению, не в состоянии выяснить своими собственными средствами, когда происходили те или иные заимствования, а конфигурации ареалов обитания всех соседних народов со временем менялись, не всегда ясны, часто спорны. Поэтому у исследователей слишком много свободы для самых разных трактовок.

Тем не менее лингвисты установили: «Обилие в лексиконе общеславянского языка названий для разновидностей озер, болот, лесов говорит само за себя. Наличие в общеславянском языке разнообразных названий животных и птиц, живших в лесах и болотах, деревьев и растений умеренной лесной зоны, рыб, типичных для водоемов этой зоны, и в то же время отсутствие общеславянских наименований специфических особенностей гор, степей и моря — все это дает однозначные материалы для определенного вывода о прародине славян... Прародина славян, по крайней мере в последние столетия их истории, как единой этнической единицы, находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами...

Однако наше предположение пока что достаточно неопределенно... Области умеренной зоны с озерами и болотами располагались на обширном пространстве от среднего течения Эльбы и Одера на западе до Десны на востоке. Такой обширной славянская прародина не могла быть, по крайней мере на ранних ступенях развития общеславянского языка, поскольку выделение этого языка из состава других индоевропейских диалектов и его развития как единой стройной системы предполагает тесное и постоянное общение его творцов и носителей в течение длительного времени» (Филин 1961, с.122—123).

Лингвистическая география, таким образом, приносит решение в слишком общей форме, хотя выводы ее, так же как и «методы контактов», следует иметь в виду. Не приносит ожидаемого результата и изучение топонимики. Славяне в VI — VII вв. расселились очень широко и повсеместно разнесли свои названия рек, урочищ и поселений. Ни в Восточной, ни в Центральной Европе нет области, где была бы представлена только славянская топонимика, всегда есть та или иная примесь. А если бы область «чистой» топонимики и нашлась, это еще не означало бы, что предки славян отсюда вышли. Чаще всего такое явление наблюдается в районах, откуда местное население было полностью изгнано (яркий пример — современная топонимика нынешней Калининградской области), или в том случае, если пришельцы поселились на пустующих землях. Если же учесть самые ранние славянские топонимы, например с так называемым I-эпентетикум (Arumaa 1956), то и тогда остается не ясной датировка этого явления, и мы не знаем, с какой исторической и археологической ситуацией его можно сопоставлять. П.Н.Третьяков сопоставлял с событиями I — II вв. н.э. (Третьяков 1966, с.229 —230), а В.В.Седов с данными VI — VII вв. (Седов 1965, с.3 — 7). Так же обстоит дело с теми раннеславянскими топонимами, что учтены в работах О.К.Трубачева (1968) и Удольфа (Udolf 1979)

о правобережной Украине и Прикарпатье. Отложились ли они в VI — VII вв. или раньше, а если раньше, то насколько?

Историк Иордан, живший в середине VI в., знал славян, «которые теперь по грехам нашим свирепствуют повсеместно» (было как раз время активного расселения славянства). Он писал, что «происходят они от единого корня и известны под тремя именами: венетов, антов и склавенов» (Iord. Get., 119). Причем термин венеты выступает у него и как обобщающий для всех племен. «...начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами» (Iord. Get., 34). А некие венеды отмечены и в «Певтингеровых таблицах», отражающих скорее всего ситуацию конца II — начала III в., до появления в Причерноморье готов. Знают венетов-венедов и александрийский географ середины II в. Клавдий Птолемей и римские писатели конца I в.н.э. — Тацит и Плиний Старший. Задача таким образом, казалось бы, сводится к объединению этих данных воедино, к определению территории и археологического единства, соответствующего венетам. Но и при сведении данных у исследователей не получалось однозначного ответа, и единой археологической культуры, безусловно принадлежащей венетам, выделить до сих пор не удавалось. Позже мы еще вернемся к этой проблеме. Положение осложняется еще и тем, что топонимы с корнем вент-венд достаточно широко распространены в Европе. Некие венеты зафиксированы на северном побережье Адриатики, в области Венеция, название венеты носило одно из кельтских племен северной Галлии и южной Британии, с ними воевал Цезарь. Считается, что это, наряду с венетами Плиния-Тацита-Птолемея, были остатки древнего населения Европы, возможно, иллирийского, сохранявшего свое старое название (Safarewicz 1951, S.407—410). Но ни археологического, ни исторического подтверждения это предположение не находит, загадка остается не разгаданной.

У археологов, работающих, естественно, с широким привлечением данных истории и лингвистики, есть и свой сугубо археологический метод — метод ретроспективы. Хотя археологические культуры не всегда и не обязательно должны соответствовать этносам, все же в пределах существования одного этноса должна иметь место передача от поколения к поколению неких общих традиций в материальной культуре. А следовательно, можно найти уходящую все дальше вглубь веков цепочку или секвенцию культур, где такая традиция прослеживается, а тем самым найти и пути развития этноса.

Культуры ранних славян V — VII вв. ныне известны. И от них можно строить цепочку ретроспекции. Исследователи идут здесь двумя путями. Первый путь — южный, украинский. Цепочка: славяне — черняховская культура III — IV вв. на Украине и в Румынии — зарубинецкая II в. до н.э. — I в.н.э. — культура лесостепной Скифии VI — IV вв. до н.э. Но цепочка эта рвется на всех стыках, между всеми культурами зияют хронологические провалы. Особенно разительна разница двух последних звеньев. Эффектная черняховская культура с обилием прекрасной лощеной гончарной керамики, со своими специфическими формами металлических изделий — фибул, пряжек, украшений, с большими биритуальными могильниками — типичная представительница третьего «мира». И относительно бедная, неприхотливая культура ранних славян с ее исключительно лепными горшками, небольшими поселениями и могильниками, без специфических металлических изделий, формы которых, как правило, заимствованы от соседей. Эти культуры явно разноструктурны. Ощущение несоответствия двух последних звеньев заставило П.Н.Третьякова сделать обходный маневр — искать связь зарубинецкой культуры со славянами, минуя черняховскую культуру, через другое переходное звено, через северных соседей черняховцев, представленных так называемыми памятниками киевского типа (Третьяков 1982). Это имело смысл, последние, кажется, действительно приняли участие в славянском этногенезе. Более детальному рассмотрению этой проблемы и реальному соотношению всех звеньев украинской цепочки будут посвящены последующие главы нашей работы. Смущает в концепции П.Н.Третьякова и идущих за ним исследователей лишь одно — принимаемое ими априори славянство зарубинецкой культуры. Вся аргументация их сводится либо к ссылке на мнение большинства ученых, либо на размещение этой культуры в зоне славянской топонимики. Ни тот, ни другой аргумент взыскательного наблюдателя удовлетворить не может.

Второй путь — западный, польский. В основе его — гипотеза лингвиста Тадеуша Лер-Сплавинского о висло-одерской прародине славянства (Lehr-Splawinski 1946). «Метод контактов» привел его к заключению, что лучшее место их осуществления — территория Польши. Немало усилий потрачено им и для поисков славянской этимологии топонимов висло-одерского междуречья, многие из которых оказались не безупречны, как и вся гипотеза в целом (Филин 1962, с. 35—42).

Историко-археологическая версия вис-

ло-одерской гипотезы развивалась представителями познанской школы археологии во главе с Иозефом Костшевским. Выстраивалась секвенция: лужицкая культура — поморская — пшеворская и оксывская культуры — славяне (Kostrzewski 1961). Связки в этой цепи тоже не безупречны, подробнее мы будем их рассматривать также в последующих главах. Опять наблюдается поразительное различие двух последних звеньев. Пшеворская культура с большими могильниками, наполненными оружием, фибулами, украшениями, с богатым набором разнообразнейших форм лощено-хроповатой керамики, и монотонная, «горшечная», «бесфибульная» пражско-корчакская культура ранних славян. Ссылка на то, что после эпохи великих переселений IV — V вв. и разрушения Римской империи происходит общее огрубление, деградация и примитивизация внешнего облика культур всего варварского населения Европы, не удовлетворяет, потому что хотя такой процесс и наблюдается, но в более западных районах он не имел столь разительных результатов. Дело не в примитивизации, а в смене структуры. В Западной Европе вне зоны расселения славянства ее не произошло (Godłowski 1979).

Сторонники висло-одерской прародины, объединяя сведения разновременных источников о венетах-венедах, размещали их на территории Польши. Для обозначения пшеворской и оксывской культур даже был введен термин «культура венедская». Смущают в этих построениях два момента. Первый — методический, было бы корректнее сопоставлять не суммы исторических и археологических свидетельств, а данные каждого древнего автора с синхронным археологическим срезом. И второй — когда трактовкой исторических источников занимаются независимые авторы, например, античники комментаторы Тацита, венеды, как правило, оказываются восточнее Вислы (Бобович, Боровский, Сергеенко 1969, с. 368—369). Возможности такого, не висло-одерского, решения проблемы были в свое время реализованы еще Ф.Брауном (1899) и возобновлены Д.А.Мачинским (1976; 1989; Мачинский, Тиханова 1989; Mačinskiy 1979).

Неудовлетворенность поисками и на западном, и на южном пути породила гипотезы «объединяющие» или «компромиссные». Одна из них, более общая по форме, развивается в работах Б.А.Рыбакова (1978; 1981). По его мнению, во все времена от эпохи бронзы и до появления славян на исторической арене все археологические культуры между Одером и Днепром всегда составляли определенное единство, единство славянское. Но тогда границы расселения древнейшего славянства следовало бы продвинуть вплоть до Рейна. Одер никогда не был границей «миров». И во времена лужицкой культуры, и во времена поморской и пшеворской культур их западные соседи обладали культурами очень близкими и по структуре, и в деталях. Только с появлением в Центральной Европе пражско-корчакской культуры отличие это становится отчетливым.

Более строгие и конкретные «компромиссные» гипотезы представлены работами И.П.Русановой (1976), В.В.Седова (1979) и В.Д.Барана (1981; 1988). Хотя точки зрения авторов и различаются некоторыми нюансами, основная идея общая — славянами были носители пшеворской культуры, развивающейся из поморской, точнее от ее варианта, культуры подклошевой. Таким образом, это усложненный вариант все того же западного пути. В конце II — начале III в. или еще раньше, по представлениям сторонников этой гипотезы, носители пшеворской культуры продвигаются на юго-восток и в смеси с сарматами (по В.В.Седову) или в смеси с остатками зарубинецкого населения (по В.Д.Барану) образуют черняховскую культуру, из которой затем после гуннского нашествия конца IV в. получаются пражско-корчакская и пеньковская культуры. По мнению В.В.Седова, пшеворская культура не моноэтнична. Западная часть ее германская, а восточная славянская. На территории черняховской культуры вкраплены также и отдельные группы переселившихся из Поморья в конце II в. германцев-готов и гепидов, они представлены памятниками вальбаркской культуры. Существенного влияния на облик черняховской общности переселенцы, по мнению В.В.Седова и В.Д.Барана, не оказали.

Гипотеза подкупает нетривиальностью рассуждений, хотя и не преодолевает затруднений, встречающихся и на южном, и на западном пути. Резкое отличие славянских культур от предшественниц остается необъяснимым.

Смущают и еще два момента. Польские исследователи, непосредственно занимающиеся пшеворской культурой, не видят здесь двух вариантов, она на удивление монолитна. Да и на картах, представленных В.В.Седовым, граница вариантов очень неотчетлива. Вкралась сюда и просто ошибка, ряд памятников вальбаркской культуры отмечен как пшеворские (Щукин 1987, с. 106). И второе — из этой гипотезы получается, что почти 600 лет, от начала II в. до н.э. до конца IV в., в рамках пшеворской и черняховской культур славяне жили в тесном контакте вперемежку с германцами. Языки двух народов в такой ситуации должны были бы существенно сблизиться.

Славяно-германские языковые контакты лингвисты отмечают (Мартынов 1963; То-

поров 1983), но следы их не столь обильны, чтобы подтвердить гипотезу В.В.Седова. Они объяснимы и в другом историческом контексте (Топоров 1983).

Языковеды никогда не говорили о славяно-германской языковой общности, но они всегда предполагали, что на определенном этапе должна была существовать общность балто-славянская. Из всех индоевропейских языков эти два наиболее тесно связаны и родственны. И структура «горшечных» и «бесфибульных» культур раннеисторических славян ближе всего к структуре «балтских» лесных культур четвертого «мира». Так намечается третий, лесной путь.

На перспективность этого пути уже указывал И.Вернер (Werner 1971; Вернер 1972). Безуспешные попытки найти решение на южном и западном направлениях простонапросто не оставляют другой возможности. Мешают лишь довлеющие над археологами «чары балтийства», особенно сгустившиеся после основательной работы В.Н.Топорова и О.Н.Трубачева (1962). Исследуя гидронимы сравнительно узкого региона — Верхнего Поднепровья, они установили, что господствующие здесь балтские названия часто оформлены славянскими суффиксами. А это означает, что славяне появились здесь позже балтов. Но все дело в том, что, может быть, и нет необходимости преодолевать «чары балтийства» до конца и заменять балтов славянами. Выход в складывающемся в последнее время у языковедов представлении о балто-славянской общности, как и переходном состоянии от общебалтской к праславянской (Иванов 1976, с. 44).

«...Можно ли отнести тождественные модели балтийского и славянского древнейших состояний к одной временной плоскости или же одну из моделей следует рассматривать как результат преобразования другой, предшествующей во времени... Из двух возможностей нам представляется необходимым выбрать вторую, а именно, считать модель, установленную для славянского, результатом преобразования модели, установленной для древнейшего балтийского состояния, обратное соотношение исключается...» (Иванов, Топоров, 1958). Отношение балтских и славянских языков рассматриваются теперь, таким образом, не как отношения двух братьев, происходящих от единого индоевропейского предка, и даже не как отношения старшего «брата» к младшему, а скорее как отношения «отца» и «сына» (Топоров 1978).

Языковеды не могут знать точно, когда произошло это «рождение». У них для этого есть лишь следующие приблизительные данные: «...языки с наименьшей дробностью и наибольшей площадью распространения оказываются языками наиболее позднего происхождения, распространившимися на этой территории в позднейший период (сравним языки банту и бантоидные, английский язык на разных континентах в сравнении с дробностью других западногерманских языков на территории Европы и т.п.)... Данные славянских языков характеризуются большим однообразием, что дает возможность довольно точно проецировать эти данные в доисторическую эпоху, слабо дифференцированную в диалектном отношении и отстоящую **очень недалеко** (подчеркнуто мною — М.Щ.) от времени создания первых письменных источников. Поскольку эти письменные источники (русские летописи — М.Щ.) не старше самого конца I тысячелетия н.э., конец праславянского состояния должен быть отнесен к весьма позднему времени...» (Иванов, Топоров 1958). Так что родился «славянский сын» у «отца-балта» (а точнее, может быть, следовало бы говорить о «материнской балтской утробе») сравнительно недавно, незадолго до появления русских летописей, и в своем раннем детстве или еще в утробном периоде он пережил балто-славянское состояние.

Высказывалось уже предположение, что так досконально изученный В.Н.Топоровым и О.Н.Трубачевым пласт гидронимики может отражать именно это состояние (Birnbaum 1977, S. 77).

И еще два аргумента в пользу перспективности третьего, лесного, пути. Один из них, лингвистический, выдвинутый еще в 1908 г. польским ботаником Ю.Ростафинским: «Балты не знали ни бука, ни лиственницы, ни пихты, ни тиса, поскольку название его перенесли на крушину. Славяне общеиндоевропейское название тиса перенесли на вербу, иву и не знали лиственницы, пихты и бука, таким образом, анализ названий деревьев указывает на среднюю Россию, как родину семьи балто-славянских народов» (Rostafinski 1908, s. 10). Современная восточная граница распространения бука, не известного славянам и балтам, приходится приблизительно на линию Калининград—Одесса (Филин 1962, с. 114), и лесная озерно-болотистая область поисков славянской прародины между Эльбой и Десной тем самым сокращается почти наполовину. Остается лишь восточная часть.

Сторонники висло-одерской прародины отводят этот опасный «буковый аргумент» просто — в древности граница распространения бука могла быть иной, хотя каких-либо ссылок на специальные палинологические исследования не приводятся (Седов 1979, с. 22).

Второй аргумент археологический. В балтских языках лингвисты выделяют две ос-

новных группы диалектов — западную (пруссы, ятваги, галинды, судины, жемайты, курши) и восточную (летто-литовцы). Археологические культуры и тех, и других известны. Для первых они восходят, в основном, к культуре западно-балтских курганов, вторая представлена культурой восточно-литовских курганов (Таутавичус 1959). И все они заметно отличаются от культур лесной зоны, как от рассмотренных выше, так и от последующих — колочинской, банцеровской, верхнетушемлинской, длинных курганов (Werner 1981). У достоверных балтов большие могильники, обилие бронзовых украшений и т.д. Вспомним, что культура западнобалтских курганов тоже занимала особое место в четвертом «мире», переходное к третьему. Считается, правда, что культура восточно-литовских курганов развилась из культуры штрихованной керамики, но тезис этот уже был поставлен под сомнение (Гуревич 1962, с. 33 -- 36). Не исключено, что и эта балтская культура восточно-литовских курганов через группы «курганов жемайтийского типа» тоже восходит к культурам западных балтов (Ушинскас 1988; 1989). В первых веках нашей эры в Прибалтике наблюдаются сложные процессы, связанные с проникновением различных групп населения с запада на восток, приносящих различные погребальные памятники и новые традиции на земли «беспогребальной» культуры штрихованной керамики (Michelbertas 1986; Ушинскас 1988; 1989). Различия облика носителей западных и восточных балтских археологических культур не может не смущать (Werner 1979). Может быть, поэтому исследователи иногда предпочитают по отношению к последним говорить не о восточных, а о днепровских балтах. Не были ли эти днепровские балты хотя бы частично и на определенном этапе балто-славянами?

В последнее время О.Н.Трубачевым намечен еще один, четвертый путь — Среднедунайский или Паннонский, базирующийся сугубо на лингвистических наблюдениях (Трубачев 1991). О достоверности их — судить лингвистам, но с точки зрения археолога, историка материальной культуры, этот путь очень малоперспективен. Как будет видно из дальнейшего, очень трудно было бы проследить хоть какие-то преемственности достоверно славянских культур VI — VII вв. с предполагаемыми предками Дунайского бассейна, ни по структуре культур, ни по отдельным деталям.

Если же некоторые наблюдения О.Н.Трубачева и верны, то они, вероятно, могли бы быть объяснены (Мачинский 1981, например) и из того общеисторичского контекста хитросплетения судеб различных групп населения, историю которых мы частично попытаемся реконструировать ниже.

Что же касается третьего, лесного пути, как увидим, пожалуй, наиболее перспективного, то здесь пока что делаются лишь первые шаги (Мачинский 1976; Мачинский, Тиханова 1976; Лебедев 1989; Щукин 1987; Щукин 1989; Shchukin 1990), намечается общий облик будущей концепции, уточняются отдельные детали. Потребуется еще некоторое время и немалые усилия, прежде чем концепция окончательно оформится. Работа над ней в наши задачи сейчас не входит, у нас цели иные. Мы попытаемся проследить, насколько это будет возможно, движение семи, цепляющихся друг за друга «маховиков истории», проследить это движение на нескольких синхронных срезах, реконструировать на каждом срезе общеисторическую ситуацию в Европе. Это должно в какой-то мере помочь и прояснению некоторых вопросов предыстории славянства. Но для синхронизации исторических событий и археологических явлений нужно прежде всего разобраться в хронологии.

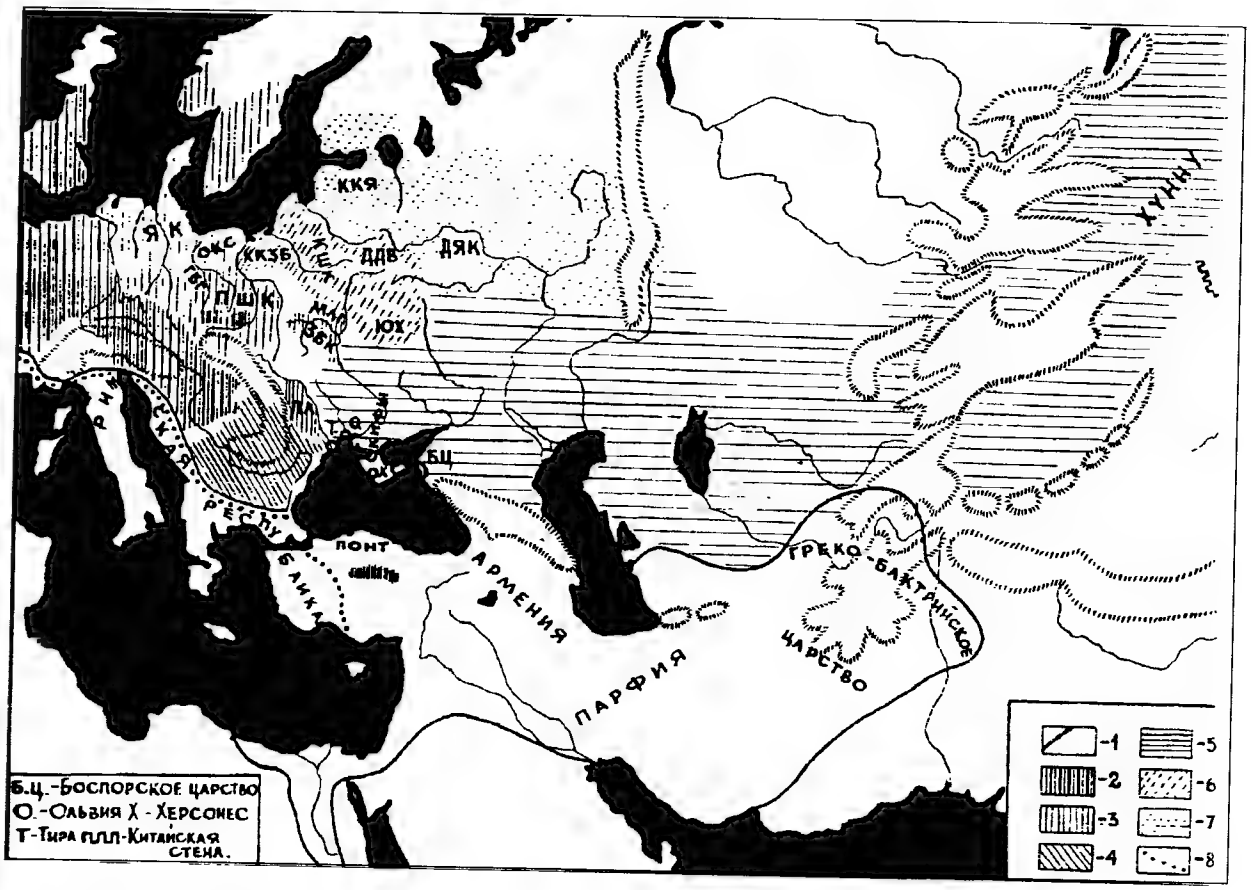


Рис. 1. Семь "миров".
1 — граница 1-го "римско-эллинистического мира", 2 — кельтский мир, 3 — третий мир (латенизированные культуры), 4 — фрако-гето-дакийский мир, 5 — кочевнический скифо-сарматский мир, 6 — мир лесных (балтских или балто-славянских культур), 7 — мир лесных угро-финнских культур, 8 — границы Римской республики. ЯК — Ясторфская культура, ГБГ — губинская группа, ПШК — пшеворская культура, ОКС — оксывская культура, ККЗБ — культура западно-балтских курганов, ЗБК — зарубинецкая культура, МЛГ — милоградская культура, ПЛ — культура Поянешты-Лукашевка, ЮХ — юхновская культура, КШК — культура штрихованной керамики, ДДВ — Днепро-Двинская культура, ККЯ — культура каменных ящиков, ДЯК — дьяковская культура.

1

2

Рис. 2. Кельтские вещи в стиле "Чеширского кота".
1 —деталь гривны. Шгле-ле-Жогэ (Марна).
2 — деталь бронзового украшения колесницы. Мезек (Болгария).

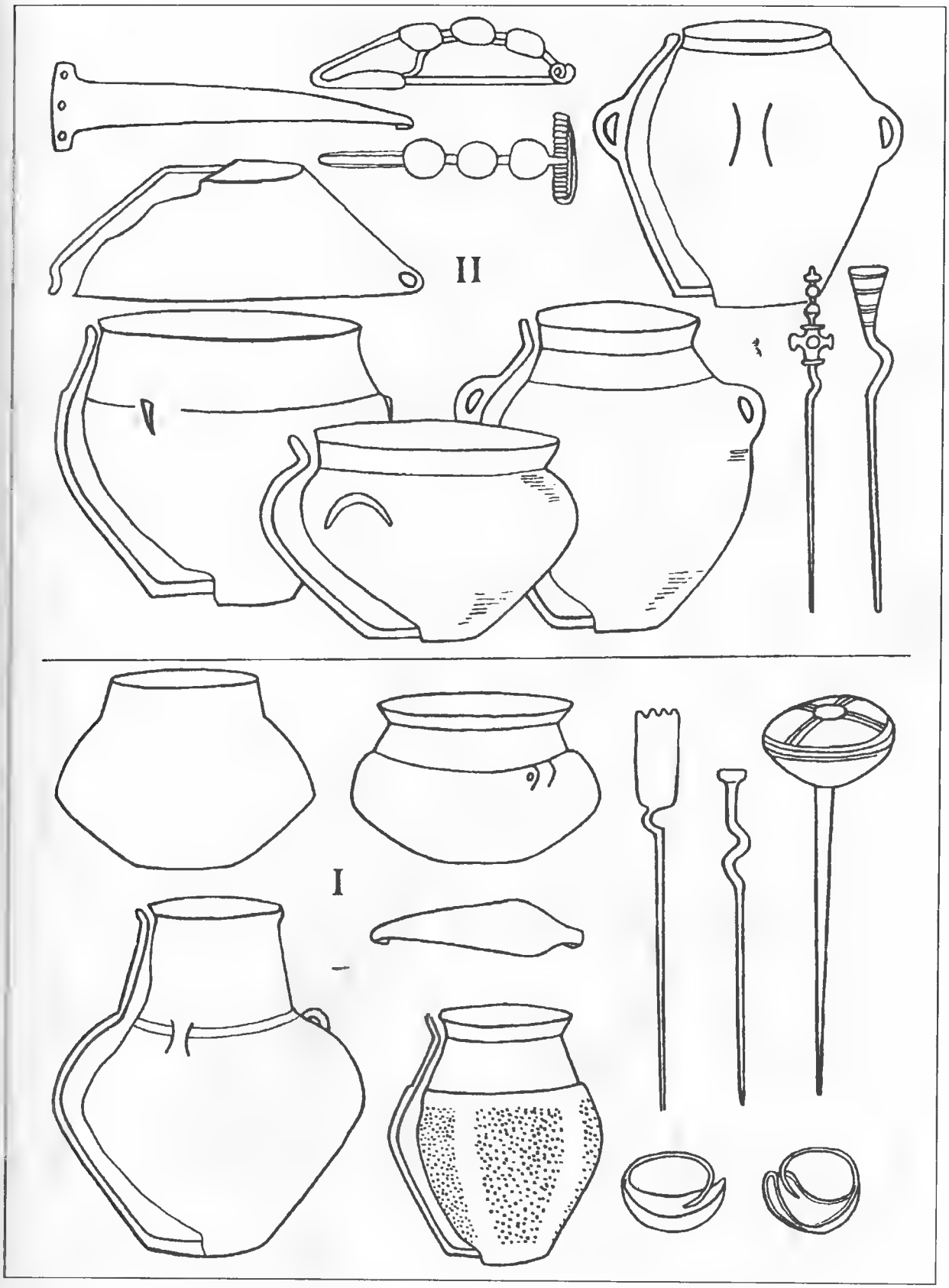


Рис. 3. Ясторф-Культур ранней стадии (I) и стадии Рипдорф (II) по Г.Швантесу.

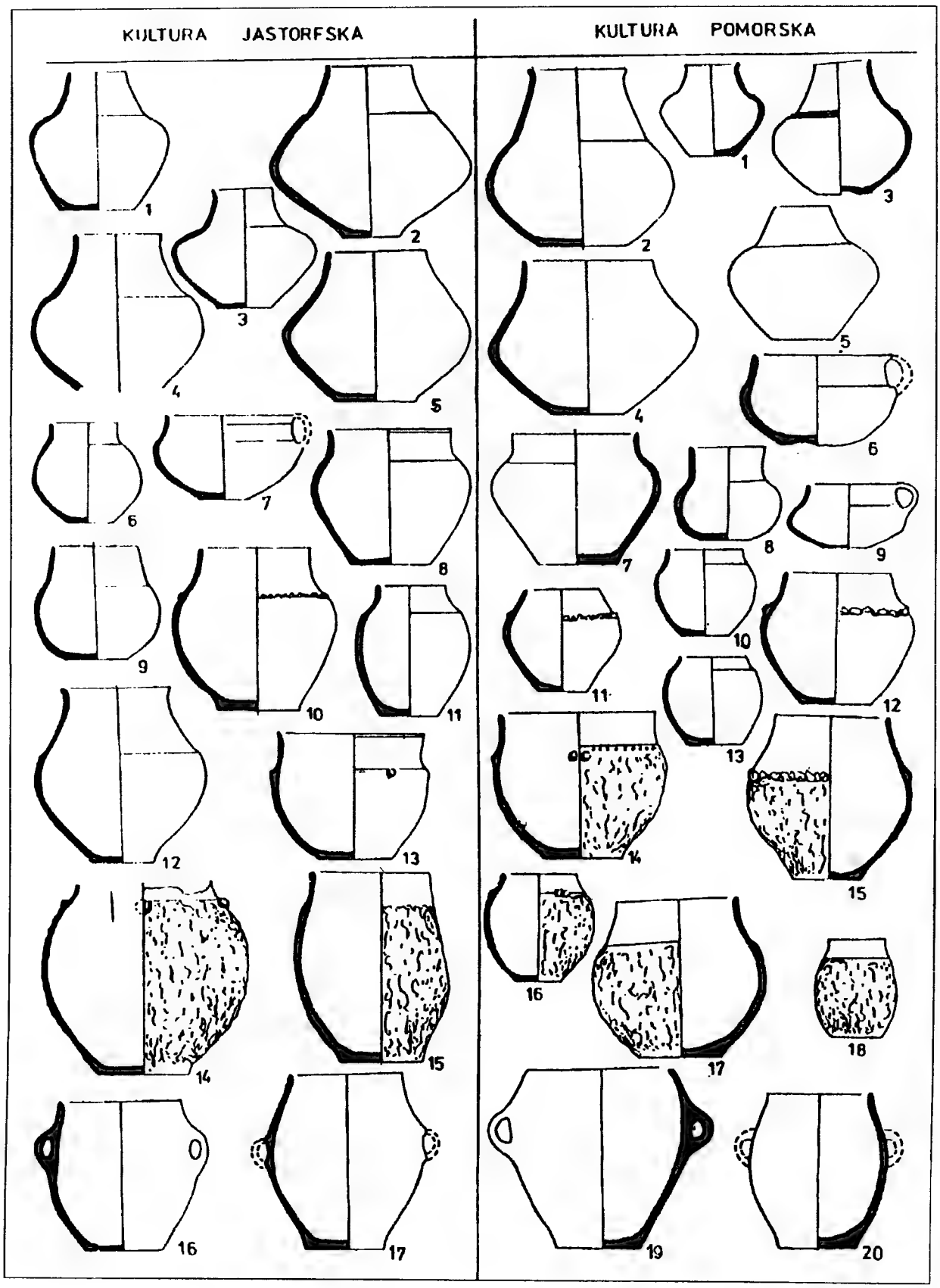


Рис. 4. Ясторфская и поморская керамика (по Czopek 1992)

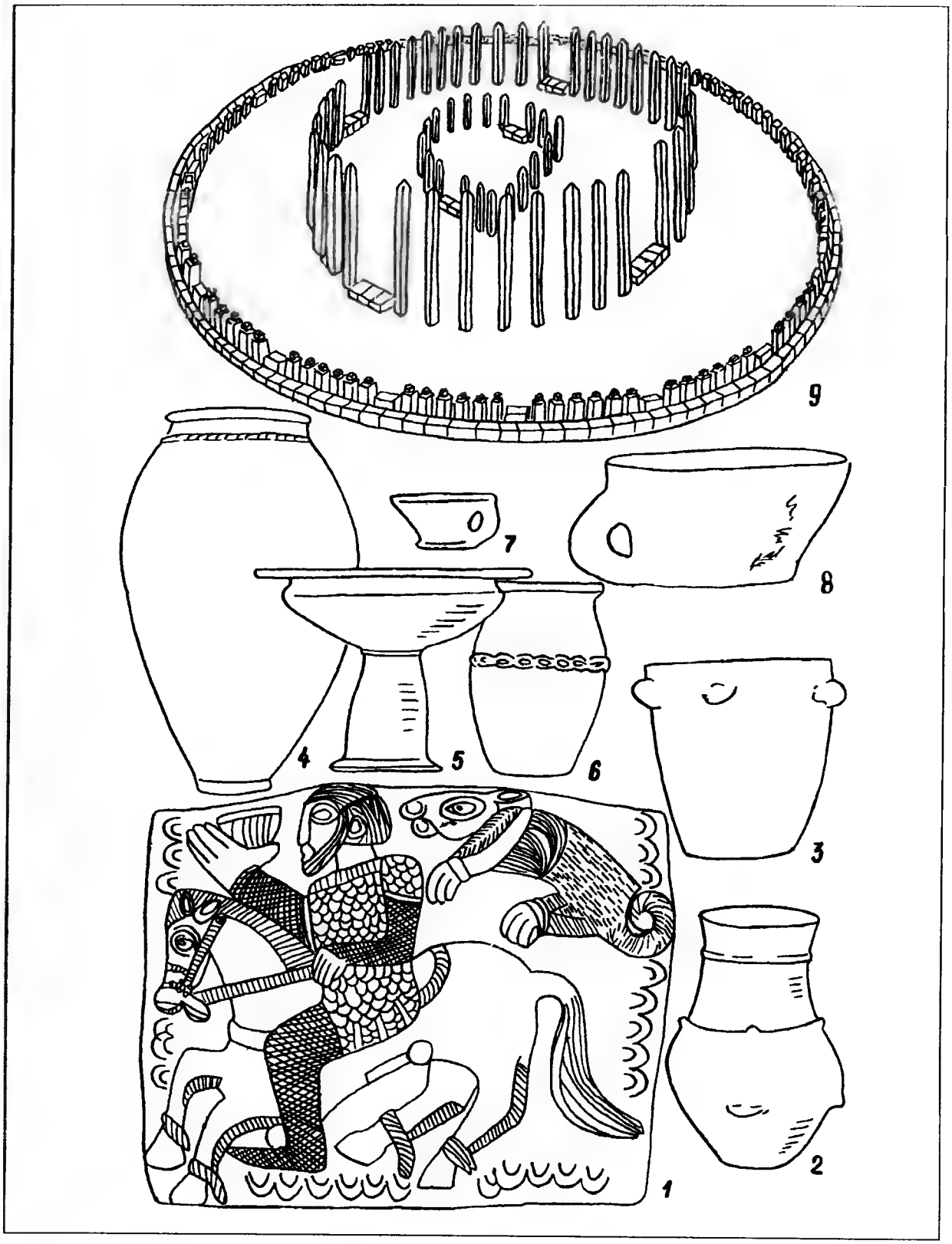


Рис. 5. Фрако-гето-дакийский мир.
1. Серебряная бляшка из Летницы (Болгария), 2 — Фериджеле, 3 — Бырысешти, 4 — Попешти, 5—7 —Мойград, 8 — Попешти, 9 — реконструкция святилища-обсерватории в Сармазигетузе, столице даков.

Глава II.
Хронология эпохи Латена и раннего римского времени. Поиски и находки

1. Сложение системы. Споры и дискуссии.

Столетняя дискуссия о хронологии европейских древностей тоже изобилует драматическими коллизиями, как и события, которые они отражают.

Лето 1854 года выдалось жаркое, и Новшательское озеро в Швейцарии сильно обмелело. Тогда-то и собрал полковник Шваб на пляже у местечка Ла Тен целую коллекцию древнего оружия — длинных железных мечей, широких наконечников копий и других вещей, в частности бронзовых и серебряных фибул.

Был ли это укрытый в воде клад или груз перевозимых через озеро и затонувших товаров, или вотивные дары, бросаемые в омут, чтобы ублажить бога вод, остается и до сих пор неясным, хотя последние исследования делают более всего реальным предположение, что все эти вещи — остатки снаряжения кельтских воинов, упавших в воду с рухнувшего моста. (Schwab, 1972; Nylén, 1976).

В 1874 г. шведский археолог Ганс Гильдебрандт, изучая европейские древности эпохи железа, предложил для более раннего их периода термин Гальштат, и для более позднего — Латен. С тех пор понятие Латен как понятие хронологическое для обозначений последних веков до нашей эры вошло в жизнь.

Через десять лет, в 1885 г. Отто Тышлер, исходя из типологии развития фибул и мечей, подразделил Латен на три стадии — раннюю, среднюю и позднюю, или Латен I, Латен II и Латен III (Tischler, 1885).

Фибулы раннелатенские сгибались из заготовки в следующем порядке: игла, затем закручивалась пружина с тетивой, далее выгибалась дужка (спинка) фибулы, а оставшийся конец вновь загибался вверх, нижняя часть изгиба использовалась для изготовления приемника иглы, а верхняя (ножка) оставалась свободной. Не несущая конструктивной нагрузки ножка часто становилась элементом декоративным. Когда же на нее стали надевать для украшения крупные бронзовые шары пластического стиля, ножка стала часто ломаться, и мастера начали прикреплять ее к дужке. Иногда конец ножки частично или полностью перекрывал спинку и только там прикреплялся. Так родилась среднелатенская конструкция фибул. В позднем Латене конструкция полностью изменилась, приемник, ножка и спинка стали изготавливаться как одно целое. Эти изменения в конструкции фибул , коррелирующие с изменениями в оформлении мечей, и легли в основу системы Тышлера.

В 1897 г. вышло первое издание (второе появилось в 1923 г.) книги Оскара Альмгрена о фибулах (O.Almgren, 1897,1923). Ученик Оскара Монтелнуса продемонстрировал блестящий пример типологического метода своего учителя, и работа эта остается до сих пор настольной книгой всех специалистов.

В 1902 г. Пауль Райнеке, продолжая разрабатываемую им систему европейской хронологии от эпохи бронзы до римского времени и основываясь не столько на типологии вещей, сколько на комбинациях их сочетаемости в закрытых комплексах, прежде всего в могилах, предложил четырехчленное деление Латена (Reineke, 1902). Его Латен А не имел соответствий в материалах Тышлера, а последующие стадии соответствовали тышлеровским. Абсолютные даты он определял следующим образом. Латен А (ЛТ-А) — 500-400 гг. до н.э.; Латен В (ЛТ-В) — 400-300; Латен С (ЛТ-С) — 300-100 Латен D (ЛТ-D) — 100-0.

Система Тышлера-Райнеке, — а многие выводы этих ученых, несмотря на различия методики, совпадали, — послужила базой для всех дальнейших исследований, их терминология была широко принята. В основе своей система эта остается непоколебима и сегодня, хотя в нее внесено множество уточнений.

Предлагались и другие варианты членения латенской культуры, из которых наиболее известны свод галло-римских древностей Жозефа Дешелета (Dechelette, 1908-1914) и работа швейцарского археолога Давида Виолье, построившего свою систему на горизонтальной стратиграфии могильника в Мюнзингене (Viollier, 1911, 1916), но терминология французского и швейцарского исследователей не получила широкого распространения.

Прекрасный пример использования комбинаторики комплексов дал в 1912 г. Эрих Блюме, изучая памятники римского времени на балтийском побережье между Одером и Пассарге. Он показал, что этот метод позволяет выделять и более мелкие временные подразделения. Он использовал буквенные обозначения периодов римского времени, ранний — В, поздний — С, с последующими подразделениями каждого на старший, средний и младший (Blume, 1912).

Хотя хронологическая система Э.Блюме по большей части была интуитивной, интуиция его не подводила. Хронологические

разработки последних лет построены на значительно более солидной базе и часто подтверждают его выводы. В хронологической части работы Э.Блюме не устарела. До сих пор актуальными остаются типологические разработки вещей эпохи позднего Латена и оружие позднелатенского и римского времени, предпринятые в начале нашего века И.Костшевским, М.Яном и Д.Бонзаком (Kostrzewski, 1919; Jahn, 1916, 1921; Bohnsack, 1938).

Существенные уточнения в хронологию Латена внес искусствовед Пауль Якобсталь, изучавший изменения стилей кельтского искусства (Jacobsthal, 1944), к выводам которого археологам пришлось прислушаться.

Таким образом, к середине века, к окончанию Второй мировой войны европейская хронологическая система в основных чертах сложилась и в 1955 г. Ганс Юрген Эггерс имел полное право говорить: «... релятивная хронология римского императорского времени может рассматриваться как гарантированная по всем существенным пунктам и только об отдельных типах и локальных группах еще возможна дискуссия... релятивная хронология римского императорского времени не является больше проблемой «(Eggers, 1955, с.196). То же самое можно было бы сказать и об относительной хронологии эпохи Латена. Но относилось это лишь к хронологии относительной, в определениях же абсолютных дат наблюдались скачки и колебания. Для римского времени (РВ) это было вызвано в значительной мере разностью подходов сторонников «длинной» и «короткой» хронологии. Первые считали, что нельзя переносить абсолютные даты импортных изделий из цивилизованного мира на местную варварскую хронологию, потому что на проникновение их потребно время и необходима на это определенная «прикидка» в несколько десятков лет. Противники же возражали против произвольности «прикидки» и преувеличения длительности пути. (Norling-Christensen, 1940, с.140 сл.; 1944, с.280-291; Ekholm, 1943, с.31)

Завершил этот спор, положив начало новому этапу в изучении европейской хронологии, Г.Ю.Эггерс. В 1951 г. увидел свет его капитальный труд о римских импортах. Он показал, что римская бронзовая посуда и стекло (а каталог Эггерса насчитывает 2257 комплексов) в Центральной и Северной Европе выступают не хаотично, что произошло бы при «длинной» хронологии, и образует во многих богатых погребениях вполне устойчивые сочетания. И эти сочетания вполне соответствуют той относительной хронологии, что разработана и для местных комплексов. Импорты I-IV вв. организуются в те же хронологические ступени B1, B2, C1, C2, C3 и D1, что были выделены еще О.Тышлером и Э.Блюме (Eggers, 1951).

Римские и германские формы выступают в едином ритме — «im gleichem Takt marschiren» (Eggers, 1955, с.206). Сторонники «короткой» хронологии ближе к истине.

В 1955 г. Эггерсом был сделан следующий важный шаг — попытка определить хронологическое положение каждой ступени, опираясь не столько на монетные находки, сколько на более надежно привязанный к абсолютной шкале времени материал — римские лагеря рейнского и дунайского лимеса. Многие из них достаточно полно исследованы, время их функционирования достаточно точно известно по письменным источникам, по монетным находкам и по самому положению в оборонительной системе. А при раскопках найдено немало тех же типов бронзовой посуды, что и в «свободной", т.е. не занятой римлянами Германии. Вполне определенные данные дают и засыпанные пеплом Везувия в 79 г. Помпеи, Геркуланум и вилла Боскореале. Привлек Эггерс также и terra sigillata. Время функционирования мастерских, производящих эти сосуды для нужд населения лагерей и их окружения, тоже в ряде случаев было уже определено. Имели привязки к абсолютной хронологии и некоторые формы стеклянных сосудов из Кельна. Сведя все эти данные воедино, Эггерс определил и абсолютные даты его относительных ступеней — B1: 0-50 гг., B2 : 50-150 гг; C1 : 150 -200 гг.; C2 : 200-300 гг.; C3 : 300-350 гг.

Нужно сказать, что возможности, заложенные в методе Эггерса, не были использованы им самим до конца. Его сопоставления с лагерями и определение границ стадий оказались весьма приблизительными. Позднее были сделаны и более мелкие подразделения сочетаемости материала и более точные определения хронологических границ. Выявились и более тесные связи ступеней развития материальной культуры населения Европы с политическими событиями того времени, чем это представлялось Эггерсу. Но об этом несколько ниже.

В 1956 г. Ян Филип попытался предложить принципиально новое членение латенской эпохи, основанное на социально-экономической истории кельтов — периоды «доисторической» и «исторической экспансии» кельтов, «среднеевропейской консолидации», «торговой экспансии» и «период упадка». Археологический материал по взаимовстречаемости был им организован в ряд горизонтов — «духцовских фибул», «фибул с шаром», «поясов с выбитым орнаментом», «горизонт оппидумов» и др. (Filip, 1956).

По сравнению с системой Райнеке все датировки Филипа оказались выше. Если по Райнеке раннелатенские духцовские фибулы

появляются в начале IV в. до н.э., то по Филипу — на рубеже IV – III вв. Соответственно позже и среднелатенские фибулы, а весь период позднего Латена, «период упадка» пришелся лишь на вторую половину I в. до н.э.

Завышение датировок у Я.Филипа происходило по двум причинам. Во -первых, он несколько переоценивал длительность переживания позднегальштатских элементов, во-вторых, из-за ошибочной, или во всяком случае сомнительной, датировки гибели оппидиума Манхинг. Был здесь и момент психологический. Дело в том, что во время О.Тышлера и П.Райнеке количество комплексов с латенскими вещами было еще сравнительно не велико. Нужно было, конечно, обладать прекрасной памятью и блестящими комбинаторными способностями этих ученых, чтобы держать в голове все комплексы и оперировать ими. Но в целом это было еще возможно. (Корреляционных таблиц ни Тышлер, ни Райнеке, очевидно, еще не составляли, во всяком случае в работах нет ни самих таблиц, ни ссылок на них). Не составлял таблиц, судя по всему, и Ян Филип. Однако материал возрос теперь многократно и удержать его в памяти стало невозможно. В память врезались сильнее случаи, неординарные, в частности, сочетания вещей одной стадии с индикаторами другой. Поскольку принято датировать любой комплекс по вещи наипозднейшей, а каждый «горизонт» Филипа — тоже по сути дела комплекс, то сравнительные редкие случаи запаздывания и становились определяющими. В результате вся система «ползла» вверх.

Тем не менее основательность труда чешского исследователя произвела впечатление и, хотя терминология не была принята, датировками вещей стали широко пользоваться.

В 1961 г. увидел свет еще один капитальный труд по хронологии европейских древностей. Рольф Хахманн проделал колоссальную работу (Hachmann, 1961). Все крупнейшие могильники поздних этапов ясторфской культуры, оксывской и пшеворской культур латенского времени, культуры Поянешты-Лукашевка, могильники Дании и Скандинавии были им горизонтально стратифицированы, синхронизированы, предстали в виде единой системы. Материал был обобщен огромный. Вот такие основные могильники: Жондз (Рондзен) — 828 погребений, Вымыслово — 336, Вилянув — 103, Гроссромштедт — 670, Хорнбек — 820, Мостет-Вюстенхофен — 266, Шмидеберг-Аалегаште — 306. Были и другие.

Наблюдая разницу в сочетаемости типов вещей в могилах и в их размещении на площади могильников, он выделил этапы в развитии каждого некрополя. Набор вещей этапа соответствовал, очевидно, субкультуре одного-двух поколений.

Наличие «кельтской вуали» (многие вещи восходили к кельтским прототипам), а также наличие достаточно оживленных связей различных групп населения Европы, приводило к выработке вещей интернациональных, интеррегиональных, которые позволяли получившиеся на основе горизонтальной стратиграфии временные группы синхронизировать. В результате Р.Хахманну удалось выделить в рамках его «позднего предримского времени» три этапа: ранний или a, средний, который на ряде могильников распадался еще на b и c, и поздний, в некоторых случаях подразделявшийся на d и e. (Фаза «e» была выделена позже Р.Волонгевичем для ряда могильников оксывской культуры) (Wołągiewicz, 1966). Эволюция комбинаций вещей в комплексах при этом совпадала и с эволюцией форм фибул, оружия и некоторых других вещей, прослеженной еще ранее И.Костшевским и Д.Бонзаком.

Р.Хахманн отказался от наименования Латен для этих латенизированных культур, введя термин «позднее предримское время» (ППВ), предполагая синхронность, но не тождество всех этих материалов стадии D собственно латенской, кельтской культуры. Примечательно, что работал он исключительно в ключе относительной хронологии. Абсолютные даты в его объемном труде практически почти полностью отсутствуют, и вывод его о возможностях их определений малоутешителен. В заключение он пишет: «непредубежденный обзор всех возможностей установить абсолютные даты для начала позднелатенского времени и отдельных его ранних стадий приводит, в конечном счете, к выводу, что еще нельзя назвать определенные даты. Это зависит не столько от того, что в принципе такие даты невозможны, сколько от того, что целый ряд памятников, которые, вероятно, могли бы дать хорошие даты, до сих пор раскапывались не столь основательно и тщательно, как это можно было бы хотеть и насколько это было возможно» (Hachmann, 1961, с.255).

Он имеет в виду могильники около Орнавассо, где в могилах много римских республиканских монет, клад из Лаутераха с фибулами и монетами, оппидум Манхинг, разрушенный, как считалось, во время завоевания Рэции римлянами в 15 г. до н.э., раскопки у Алезии — поле битвы галлов с Цезарем в 52 г. до н.э. и некоторые другие. Но все памятники, во-первых,, раскопаны «не столь основательно и и тщательно»; во-вторых, являются колышками, крепящими сетку относительно хронологии лишь внутри периода D и собственно «позднего предримского времени», говоря лишь о том, когда это «имело место

быть», но не о том, когда этот период начался. Нижний край хронологической сетки оставался не закрепленным. И здесь Р.Хахманн произносит неосторожную фразу: «Если рассмотреть все разумно возможные точки зрения еще раз и попытаться затем оценить, какие даты для начала и конца позднего предримского времени на севере Центральной Европы и в Скандинавии могут быть приняты, то придем мы к следующему заключению:
1. Начало позднего предримского времени — между 120 и 100 гг. до н.э.;
2. Конец позднего предримского времени — самое позднее в позднеавгустовское время...» (Hachmann, с.257-258).

Первая дата, в конечном итоге интуитивная, была очень соблазнительна. Процесс начала латенизации варварских культур совпадал с передвижениями кимвров и тевтонов. И подавленные фундированностью всей работы Р.Хахманна, большинство исследователей приняли ее за аксиому. В дальнейшем это привело к ряду неувязок, в частности в определении начальной даты зарубинецкой культуры. Но об этом ниже.

Немаловажное значение имели и некоторые беглые замечания Р.Хахманна. Он выразил между прочим сомнение в обоснованности гибели Манхинга именно в 15 г. до н.э. Оппидум мог быть разрушен и в другое время, и при других обстоятельствах.

Далее: из горизонтальной стратиграфии могильников вытекало — за горизонтом находок со среднелатенскими фибулами варианта G/H и ранними позднелатенскими (наухаймскими и вариантов K и J по Косташевскому) следует горизонт с прогнутыми фибулами M-N-O. В Манхинге есть только наухаймские и нет M-N-O. Если Манхинг разрушен в 15 г. до н.э., то на время бытования последних остается всего 15 лет, потому что с началом новой эры с нулевого года начинается период B1 римского времени по Эггерсу, а с находками этого периода прогнутые фибулы уже не встречаются. Поэтому Р.Хахманн и хочет отодвинуть начало ступени B1 в позднеавгустовское время, к 14 г. н.э., чтобы освободить еще 15 лет для поздней фазы ППВ, а кончить ее не к 50 г., а к 70-м годам. Для этого есть основания — вещи, характерные для B2, только появляются в Помпеях, погибших в 79 г. н.э. Стиль B2 также еще не развился полностью. Подробно эта идея однако Р.Хахманном не разрабатывалась.

В 1962 г. вышла еще одна работа, сыгравшая важную роль в уточнении хронологии раннеримского времени, хотя ее автор и не задавался целью пересмотра всей системы. Г.Коссак на материалах лагеря Кемптен (римский Камбодун) проследил эволюцию фибул Альмгрен 67, 68 и 69 (A67, A68 и A69). В Кемптене отчетливо прослежены 4 слоя, датированные сплошными рядами монет. Построен лагерь при Тиберии и его нижний слой содержит монеты от 14 до 23 г. н.э. И только в этом слое встречены фибулы A67 с длинной ножкой и ажурным приемником. Во II и III слоях, датированных монетами Клавдия, Нерона и Веспасиана, т.е. от 40-х до 70-х гг., преобладает очень стандартная форма фибул A 68, с более короткой ножкой с двумя дырочками на приемнике. Можно было бы сделать добавление и выделить переходную форму A 67/68, с большим числом круглых и квадратных отверстий (Щукин, 1986) приемника. Наконец, в IV слое Кемптона, в слое перестройки времен Домициана (81-96 гг. н.э.) встречены фибулы A69, со сплошным приемником (Kossack, 1962). Относительно последних позднее было сделано уточнение: они часто выступают вместе с фибулами A68 и лишь ненадолго переживают их в домициановское время (Rieckhoff, 1975). Фибулы всей этой группы A67-69 очень широко распространены в Европе и после работы Коссака стали прекрасным хронологическим индикатором.

Не ставил своей задачей пересмотр хронологической системы Латена и Б.Бенадик, но, занимаясь датировками керамики с кельтских памятников Словакии, он убедился, что даты ее и некоторых других вещей, например, широких листовидных наконечников копий, лет на 50 раньше филиповских (Benadik, 1962, s.341-394,примечание 236).

Работой, сделавшей эпоху, давшей толчок для дальнейшего усовершенствования системы, стала книга чешской исследовательницы Карлы Мотыковой-Швайдровой «Начало римского времени в Чехии», вышедшая в Праге в 1963 г., а в 1965 г. повторенная с рядом дополнений в «Берлинском Ежегоднике» (Motykowá-Šneidrowá, 1963, 1965). Ею был обобщен материал 118 памятников Чехии, в том числе 77 могильников и отдельных погребений, в основу исследования составили 4 больших могильника: Добжихов-Пичора со 154 погребениями, Тышице (104 могилы), Твршице (31 погребение) и Тшебушице с 800 захоронениями. Почти все — погребения рубежа нашей эры. Наблюдения над корреляцией находок привели исследовательницу к заключению, что весь материал распадается по характеру на две группы. (рис.6) Первая, очень немногочисленная, с латенскими элементами, с прогнутыми фибулами — период A. Это время переселения маркоманнов в Чехию. Это племя во главе с Марободом под угрозой римского завоевания ушло с Майна вглубь материка между 9 и 6 гг. до н.э. Весь прочий материал, характерный для эггерсовской ступени B, распадается на три фазы. I — ранняя, без большого числа импортов, с развитыми вариантами сильно прогнутых позднелатен-

ских, так называемых фибул бойев (название это не точно, так как бойев в Чехии уже не было). Появились на этой фазе и некоторые провинциально-римские фибулы типа А19, затем близкие типу А18, самые ранние варианты, точнее прототипы, будущих глазчатых фибул развитого римского времени. Характерная особенность двух последних типов — появление крючка, который удерживал тетиву пружины и не давал фибуле расстегиваться, и появление на конце спинки расширения, двух пластинчатых отростков, прикрывающих пружинку. Позднее эти пластинки превратятся в трубочки, укрывающие пружинный аппарат, или загнутся в завитки-глазки и станут элементом сугубо декоративным. Но это позже, в следующей фазе II, которая, по мнению исследовательницы, наступила после 6 г. н.э., после заключения Марободом мирного договора с римлянами. Тогда и хлынул в Чехию поток римских импортов и установились оживленные отношения с соседними задунайскими областями Норика. Появились характерные поясные наборы с ажурными бронзовыми обкладками, изогнутыми пряжками и бронзовыми дужками, украшенными головками каких-то диснеевских зверей — последние всплески кельтской культуры. В III фазу выделились комплексы с вещами, которые получают развитие уже в следующей эггеровской ступени В2.

Пятидесятилетняя ступень РРВ - В1 распалась таким образом еще на три фазы и получила конкретную историческую привязку — царство Маробода, существовавшее с 6 г. до н.э. до 19 г. н.э.. Выглядело все это очень красиво, хотя и возникало ощущение некоторой скученности материала. Фазам Мотыковой было тесно в рамках одной 50-ти летней ступени Эггерса, они толпились и наползали друг на друга. Это сигнализировало о том, что с хронологией рубежа эр что-то обстоит не совсем благополучно. Идея о необходимости уточнений и пересмотра (была высказана еще Р.Хахманном) стала носится в воздухе.

Решительный переворот произошел в 1964 г. Вышло сразу по крайней мере 6 работ различных авторов, где эта идея так или иначе реализовалась: Ф.Ходсон (Hodson, 1964), Х.Ю.Эттлингер (Müller-Beck, Ettlinger, 1964), и К.Людиковский (Ludikowski, 1964) и др., разрабатывая местные хронологические колонки для эпохи Латена, пришли к выводу о завышенности хронологии отдельных вещей, в частности, духцовских и среднелатенских фибул Я.Филипом.

Рудольф Ямка пересмотрел типологию и хронологию глазчатых фибул римского времени, опираясь на находки в римских лагерях для определения дат (Jamka, 1964).

Началась ревизия даты Манхинга, хотя раскопщик этого памятника Ф.Крамер продолжал настаивать на прежней дате — 15 г. до н.э.

Революционизирующее значение имела небольшая статья Райнера Христлейна (Christlein, 1964). Он вслед за Р.Хахманном заметил: если принять, что Манхинг был разрушен в 15 г. до н.э. и тогда же построен по соседству римской лагерь Оберхаузен, где представлены уже вещи стадии РРВ-В1, то во времени совсем не остается места для целого горизонта находок, сопровождающих обычно прогнутые позднелатенские фибулы. А горизонт этот достаточно полно представлен памятниками Южной и Центральной Германии и получил по одному из наиболее ярких наименований — горизонт Гроссромштедт.

Далее, пересмотрев горизонтальную стратиграфию могильника Гроссромштедт, Р.Христлейн пришел к заключению, что Р.Хахманн ранее ошибался в определении последовательности хронологических групп этого могильника. Южная группа погребений не ранняя, а поздняя. На этом участке есть несколько захоронений стадии В1. Начало В1 он считал возможным сдвинуть до 14 г. до н.э., так как фибулы А236, диагностирующие ее, известны в Оберхаузене. Получалось следующее: южная группа Гроссмштедта — раннее 14 г. до н.э., северная — еще раньше, но самая северная оконечность могильника вообще не раскопана, и там могло размещаться не менее 300 могил представителей еще одного поколения. И лишь перед этим бытовали вещи тех типов, что найдены в верхних слоях Манхинга. Разрушение оппидума тогда должно было произойти где-то около середины I в. до н.э. Система рассуждения Р.Христлейна не безупречна, но суть проблемы им была уловлена верно.

Другим путем к сходным выводам пришел Питер Глюсинг (Glüsing, 1964-1965). Еще в 1959 г. Г.Ульберт (Ulbert, 1959) установил схему размещения ранних римских лагерей в Верхнем Подунавье. Линия их в августовско-тибереевское время проходила по среднему течению рек Иллера, Леха и Исара, контролируя подходы по их долинам к Дунаю. И лишь Оберхаузен был выдвинут по долине Леха форпостом, вроде летних лагерей в Обрадене или Халтерне на Рейне (Schönberger, 1969, с.144-197). Но тогда Манхинг вообще не попадает в зону римской оккупации (рис.7:1). Не принадлежала, однако эта территория и рэтам. Расположение их могильников с трупоположениями совпадает с зоной римской оккупации. Непосредственно побережье Дуная между Лехом и Инном, где лежит Манхинг, во второй половине I в. до н.э. занимали германцы-свевы с культурой, близкой к горизонту Гроссромштедт. Это могильники с трупосожжениями

Кронвинкл и Уттенхофен. Время появления этой группы германцев определяется находкой поясного крючка и фибулы среднелатенской схемы варианта G/H по Костшевскому, вещей характерных еще для средней фазы предримского времени по Р.Хахманну, т.е. около середины I в. до н.э. Ко времени их появления Манхинг или уже не существовал, или перестал существовать.

После серии статей 1964 г. на несколько лет воцарилось молчание, Сложившуюся ситуацию нужно было обдумать и оценить. Поводы для размышления давала и блестящая работа И.Гарбша, где была дробная классификация и типология норико-паннонских поясных наборов и фибул римского времени (Garbsch, 1965).

Наводила на размышления и работа Й.Тодоровича о кельтах в юго-восточной Европе, первоначально встреченная скептически из-за проводимого ее автором непосредственного сопоставления археологических материалов с историческими событиями и датировка на «историческом основании» (Todorović, 1968).

Новый этап хронологической ревизии начался в 1969-1970 гг. Опять появилось серия статей, посвященных хронологии Латена и раннего римского времени. Опять исследователи работали параллельно на разных материалах, но в одном направлении. Н.Майнарич-Панзич (Majnarič-Pandžič, 1970), М.Чижмаж (Čižmař, с.569-673), Ю.Медуна (Meduna, 1970), З.Возьняк (Woźniak, 1970), Х.Поленц (Polenz, 1971) продолжали уточнение хронологии Латена. Все райнековские ступени подразделились на более мелкие части, абсолютные даты все больше отклонялись от предложенных Я.Филипом и приближались к прежним райнековским, хотя и отличались от них. Степень аргументированности их значительно повысилась по сравнению с интуитивными датами Тышлера-Райнеке.

В 1969 г. Ярослав Тейрал заново пересмотрел чешские материалы К. Мотыковой вкупе с материалами Моравии, Словакии и Южной Германии (Tejral, 1969). У него группировки получились несколько отличные от предлагавшихся Мотыковой. Для периода РВ-В1 четко выделились две фазы, различающиеся не только положением во времени, но и в пространстве. Первая фаза, где сочетаются фибулы А67, глазчатые А45, репейчатые фибулы, солдатские бронзовые котелки Эггерс (Е) 131-136 с лебедиными головками на ручке, ведерки с атташами-дельфинчиками Е18, кувшинчики-ойнахойи Е124 и ряд других форм представлены, как и другие находки, выделявшиеся К.Мотыковой в ее I фазу ступени В1, почти исключительно в Чехии. А пласт сонаходок, группирующихся вокруг фибул А68 — глазчатые фибулы А46, А55 и А60-61, котелки Е137-139, кувшины Е125-127 и ряд других в Чехии представлены бедно, но их много в Моравии и Западной Словакии. И если вещи I чешской фазы находят в лагерях августовского и тибереевского времени, то набор II фазы, словацкой, характерен для лагерей эпохи Клавдия-Нерона и раннефлавиевского времени. Карты, составленные Я.Тейралом, чрезвычайно выразительны и отразившееся на них распределение импортов очевидно не случайно (рис.7:II-III). I фаза — археологическое выражение деятельности Маробода, установившего в 6 г. н.э. тесные контакты с Римом. В 19 г. н.э. однако царство Маробода пало, и римляне создали буферное клиентальное государство Ванния в юго-западной Словакии. Активная торговля и политическая деятельность Ванния, правившего до 50 г. н.э., и его последователей отразились, вероятно, в находках II фазы В1 Я.Тейрала (Рис. 7:II, III).

Верхнюю границу стадии В1 Тейрал, вслед за Р.Хахманном, отодвинул к 70-м гг. I в. н.э.

Идеи Я.Тейрала были тут же подхвачены и развиты польским исследователем Рышардом Волонгевичем (Wołągiewicz, 1970). Используя все достигнутые к тому времени успехи в области хронологических разработок, вновь появившиеся комплексы с наборами импортов, изменение в хронологии terra sigillata и материалы новых раскопок римских лагерей на континенте и в Англии, он заново пересмотрел эггерсовскую систему. Им были составлены выразительные корреляционные таблицы (рис.8, рис.9) сочетаемости не только импортов, но и фибул. Относительную хронологию Эггерса они подтвердили, только ступень В1 распалась на две части — В1а и В1b. Пошел он, однако, дальше Эггерса и проверил корреляции вещей в разных регионах Европы — в западной зоне (включающей Тюрингию, Саксонию, Альтмарк, Бранденбург, Мекленбург); в восточной (Словакия и Польша), в Дании, в Чехии, на Западном Поморье и в Скандинавии. И здесь выявились моменты весьма интересные — поступление импортов не было однообразным, но сходными вдруг оказались диаграммы Чехии и Западного Поморья, совпадая для степеней В1а и В1b с западной зоной, и сильно отличаясь от восточной и от Дании со Скандинавией. Закономерности, прослеженные Я.Тейралом для Чехии и Словакии, оказалось носят общий характер. Импорты чешской фазы или ступени В1а, а дату ее Р. Волонгевич определил приблизительно от 10 г. до 40 гг., поступали в западную зону, на территорию Германии и в Западное Поморье, а импорты словацкой фазы (В1b) преобладали в восточной зоне, в Словакии и Польше. Дата ее определялась по находкам

в лагерях 40-70 гг. Карты распространения форм римской бронзовой посуды, составленные в свое время Г.Эггерсом, подтверждали это наблюдение Волонгевича. Таким образом, политические отношения на римско-варварском пограничье регулировали волны поступления римского импорта в Европу. Во времена Маробода чешская волна проходила по западной зоне, а затем ситуация изменилась и основным дестрибутором импорта стало regnum Vannianum в Словакии и Моравии.

Следующие перемены происходят в 70-х гг. I в. н.э. с установлением власти Флавиев. Волну импортов этого столетия, от 70 по 170 гг., Р.Волонгович назвал словацко-датской. Распределение импортов достаточно равномерно и идет по старому янтарному пути через Словакию, и по новому, морскому вдоль берегов Балтики.

Затем длительные Маркоманнские войны на Дунае прерывают поток импортов с юга и приток осуществляется лишь северным путем — волна датская, соответствующая ступени С1 (170 -210). И наконец, «конечная» волна, включающая ступени С2 и С3, подробно Волонгевичем не рассматривавшаяся.

Так, сохраняя прежнюю оболочку в виде наименования ступеней и основного набора хронологических индикаторов, определяющих каждую ступень, система Эггера уточнялась, ступени ее несколько сдвинулись вверх и приблизились в какой-то мере к схемам, предлагавшимся сторонниками длинной хронологии, расхождение между ними в 20-30 лет уже перестало быть столь существенным. А главное, схема наполнялась конкретным историческим содержанием.

Кроме того, начинает проясняться и еще один момент. Система Эггерса применима для всей Европы, но все же не универсальна. Необязательно та или иная ее ступень начинается всюду одновременно. Это прекрасно продемонстрировали в 1970 г. Тереса Лиана (Liana, 1970, с.429-491) и в 1972 г. на конференции в Кракове Тереса Домбровска (Dąbrowska, 1976, с.153-165) на примере пшеворской культуры. Набор форм керамики, украшений, оружия, характерный для римского времени, выступает здесь лишь с фибулами А68, а предшествующего типологического звена, фибул А67 нет. Фибулы же ряда А67-69 являются прекрасным хронологическим индикатором, как установил Г.Коссак (Kossack, 1962).

Таким образом, латенская эпоха в Польше продолжалась по крайней мере до 40-х гг. I в.н.э.Не исключено, что стимулом к смене стиля были события 50 г. н.э., когда носители пшеворской культуры лугии двинулись к югу и участвовали вместе с гермундурами в разрушении царства Ванния. Решающую роль могло сыграть возобновление янтарного пути через Польшу при Нероне.

В 1971 г. внес новые уточнения в относительную хронологию памятников Словакии Титус Кольник. У него, как и Мотыковой, получилась трехчленное деление стадии В1. В фазу В1с входили некоторые вещи уже следующей ступени В2 (Kolnik, 1971).

Прошло 10 лет со времени «переворота 1964», и новые материалы подтвердили правомерность выводов Р.Христлейна и П.Глюсинга относительно Манхинга. Ерн Грау заново переработал материалы могильников Сан-Бернардо и Парсона около Орнавассо в Северной Италии (Graue, 1974). Выделилось шесть этапов их развития. Второй этап с наухаймскими фибулами, ложечковидными варианта J, с мечами, имевшими колоколовидноизогнутую гарду, перекликался с находками в Манхинге. В могилах этого этапа было найдено 28 римских республиканских монет, из них наипоздней шая — 76-71 гг. до н.э. Следующий этап с последней монетой 37 г. до н.э. давал уже совсем другой набор — простые проволочные фибулы, разные варианты шарнирных. А те вещи, которые характерны для раннеримских лагерей — фибулы репейчатые и аукиссы — появляются в Орнавассо на четвертом этапе с монетами 18-2 гг. до н.э.

Пласт находок промежуточного времени между горизонтом наухаймских фибул Манхинга и римскими августовскими и тибереевскими лагерями дали также могильники Среднего Рейна и Люксембурга (Haffner, 1971, 1974).

Интересную работу проделала также Сабина Рикхофф (Rieckhoff, 1975). Она исследовала фибулы римского кастелла Хюфинген и латенского поселения, существовавшего на его месте, рассмотрев их на широком фоне культурных изменений во всей рейнско-дунайской зоне. Ею тоже было уставлено, что в Задунавье и Зарейнье между горизонтом наухаймских фибул и горизонтом фибул лагерей августовского времени лежит пласт сонаходок, часть которых представляет собой прототипы тех форм, что будут развиваться в августовское время и позже.Это простые железные фибулы позднелатенской схемы из проволоки прямоугольного сечения (их-то и называют иногда воинскими или легионными), фибулы шарнирной конструкции — прототипы аукисс, тип Алезия с широкой треугольной спинкой, щипцовые, тип Езерине и др. Распределены они преимущественно по внутренней, римской стороне лимеса, восходят к севееройталийским, далматинским и галльским формам и являют собой начальный этап будущей провинциально-римской культуры. Основное время сочетаемости этих форм приходится приблизи-

тельно на 50-20 гг. до н.э., или на время между завоеванием Галлии Цезарем и дунайской кампанией Августа. Предшествующий горизонт Манхинга таким образом опять отодвигается в середине I в. до н.э.

С исторической точки зрения такая дата разрушения этого оппидиума тоже может быть оправдана. В 60 г. до н.э. кельты потерпели крупное поражение от даков царя Буребисты. Племена бойев, теврисков и гельветов были вынуждены отходить на запад, и путь их лежал через земли Верхнего Подунавья. Одновременно в этих районах появились и германцы-свевы во главе с Ариовистом. И с теми, и с другими пришлось иметь дело Гаю Цезарю в Галлии. Движение свевов фиксируется и археологически. Именно с этим движением связывается формирование горизонта Гроссромштедт (Godłowski, 1978; Peschel, 1978).

Передатировка Манхинга, с одной стороны, растягивала слишком тесную хронологию раннеримского времени, с другой стороны, должна была подтолкнуть вниз и хронологию Латена, что намечалось уже и частными разработками специалистов — Б.Бенадика, В.Зирры, Х. Поленца, З.Возьняка и других.

Особенно остро проблема передатировки всей системы встала для латенизированных культур Северной и Восточной Европы, культур «позднего предримского времени». Здесь возникло разительное противоречие. Исходя из хронологий Р.Хахманна и Я.Филипа, советские исследователи датировали начало зарубинецкой и поянешты-лукашевской культур рубежом II-I вв. до н.э., но на поселениях этих культур стали попадаться обломки ручек античных амфор со штемпелями фабрикантов и астиномов рубежа III-II вв. до н.э. На сто лет раньше! Первым находкам не верили, считали случайностью. Не может быть такой разницы между датами могильников, основанных, как казалось, на надежной и такой фундаментальной хронологической системе, и датами поселений. Не могут периферийные культуры, далеко отстоящие от кельтского мира, получить импульс кельтизации на сто лет раньше, чем культуры, с этим миром непосредственно соседствующие — пшеворская, ясторфская.

Но находки клейм стали повторяться. Поэтому вслед за изменениями, происходящими с датировкой некоторых вещей латенского мира, и за изменениями всей системы в целом, К.В.Каспарова, занимаясь хронологией зарубинецкой культуры, и автор настоящих строк, уже начавший работу над этой книгой, стали склоняться к мысли о снижении ранней даты. Было это не просто. Приходилось преодолевать психологический барьер некоего внутреннего сопротивления. Дело в том, что ранняя дата подкрепляла позиции их противников в споре о происхождении зарубинецкой культуры. В дальнейшем об этой дискуссии еще пойдет речь.

И вот, когда барьер был уже преодолен, и началась реализация идеи, остроумное и блестящее разрешение проблемы предложил Казимеж Годловский (Godłowski, 1977).

Он рассуждал следующих образом: самые ранние фибулы всего цикла латенизированных культур — всего ППВ — среднелатенские варианта А по И.Костшевскому. Их обычно считали следующим типологическим звеном в эволюции, очень похожих, «скрепленных, расчлененных» собственно латенского мира.

Нужно объяснить не очень удачную терминологию Я.Филипа. «Скрепленными» он называл фибулы среднелатенской конструкции, т. е. с ножкой, уже прикрепленной к спинке, в отличие от раннелатенских, где ножка оставалась свободной. На прикрепленной ножке, как рудимент раннелатенских фибул с шаром, сохранялись разного рода декоративные утолщения шарика, ножка как бы «членилась». Я.Филип относил эти фибулы к концу ЛТ-С к началу ЛТ-D.

К.Годловский предположил: что, если северные фибулы варианта А не являются типологическим развитием южных «расчлененных», а представляют собой один из синхронных вариантов, довольно многочисленных. А более ранняя хронологическая позиция «расчлененных» фибул была уже продемонстрирована рядом работ, они появляются еще в ЛТ-С1, и даже на рубеже ЛТ-В2 и ЛТ-С1.

Латенизированная пшеворская культура заимствовала от кельтов не только вооружение,но, вероятно, и сам обычай погребения с согнутым, поломанным оружием. Но такое заимствование не могло произойти в период ЛТ-D, потому что к этому времени, в «горизонте оппидумов» этот обряд у кельтов исчезает. Появились также данные, что и оппидиумы у кельтов возникли не только с началом ЛТ-D, но еще в рамках ЛТ-С. Начало ППВ по всем данным должно было сдвинуться вниз. А мы помним, что нижний конец хронологической сетки «позднего предримского времени» Р.Хахмана оставался свободным, не закрепленным за колышки абсолютной хронологии и по сути дела ничто не мешало растянуть эту сетку. Это К.Годловский и сделал, предложив синхронизировать ППВ не только с ЛТ-D, но и с ЛТ-С.

Начало цикла латенизированных культур, начало ППВ, таким образом сдвигалось в ЛТ-С1. Рубеж же ЛТ-В2 и ЛТ-С1 К.Годловский определил «между серединой III в. до н.э. и началом II в. н.э. (около 180 г.)». Датировки амфор с поселений зарубинецкой и

поянешты-лукашевской укладывались в эти рамки и определяли и начало ППВ, начало Латенизации.

Подтверждение идеи К.Годловского дают материалы кельтских могильников в районе Болоньи в Италии. Фибулы, очень близкие варианту А, известны здесь в комплексах еще середины III в. до н.э., и могильники эти никак не позже 192 г. до н.э., потому что они принадлежали племенам бойев, переселившихся в это время в Центральную Европу (Kruta-Poppi, 1975; Kruta, 1980).

В богатом погребении Черетоло, датированном концом первой и второй четвертью III в. до н.э., найдена пара застежек, которые могли бы быть и прототипами варианта А. Одна из них имеет арковидный изгиб дужки, как у предшествующих духцовских фибул, но ножка уже прикреплена к спинке, а вторая, с менее изогнутой дужкой, как у фибул варианта А, но ножка еще остается свободной (рис.17:10,11) (Kruta-Poppi, 1979, fig.4,14,15, p.19). Эти же кельтские могильники содержат и некоторые другие вещи, характерные в Центральной Европе для ступени С1, но в Италии относятся еще к первой половине - середине III в. до н.э. — боевые пояса-цепи с крючком, так называемые «выбитые пояса», широкие лавролистые наконечники копий, мечи с колоколовидноизогнутой гардой, прямоугольные умбоны щитов и др. (Kruta-Poppi, 1974, fig.7,8; Kruta-Poppi, 1979, fig.2,7; Kruta, 1980, fig.6,3,6).

Кельтские материалы Северной Италии вообще могут оказаться «пробным камнем» латенской хронологии. События, происходившие в этом регионе в IV-II вв. до н.э. достаточно хорошо известны, география их тоже легко определима, этрусские и римские вещи помогают уточнять хронологию. В результате таких сопоставлений находок из Чехии, Швейцарии, Италии и особенно Марны Венцеслас Крута уже выделил особый «горизонт Духцов-Мюнзинген» (Kruta, 1979) и попытался определить абсолютную хронологию этого явления. Название ему дано по двум широко распространенным типам фибул раннелатенской конструкции. Первые составляют богатую часть «клада» из более чем 2 тысяч предметов, поднятых со дна теплого источника около Духцова в северо-западной Чехии (Kruta, 1971), вторые широко представлены в погребениях кельтского могильника Мюнзенген в Швейцарии (Hodson, 1968). Прототипом духцовских фибул, без сомнения, являются очень похожие на них конструктивно, но иных пропорций, фибулы типа Марцаботто, встречаемые в «зоне княжеских погребений» Латена А. Одна из них, давшая название всему типу, найдена в этрусском погребении Марцаботто около Болоньи. Этрусский некрополь функционировал здесь, судя по находкам аттических краснофигурных ваз, в конце V и в самом начале IV в. до н.э. Прекращение его связывается с тем нашествием кельтов, в ходе которого пострадал и Рим в 387 г. до н.э. На развалинах разрушенного этрусского городка в Марцаботто было устроено кельтское кладбище. В погребениях его найдены были уже духцовские и мюнзингенские фибулы. Аналогичная картина наблюдалась и в соседних некрополях Арноальди и Беначчи, которые дали и переходные формы от типа Марцаботто к духцовским и мюнзингенским. Начальная дата появления духцовских фибул, таки образом скорее соответствует предложенной в свое время П.Райнеке (начало IV в. до н.э.), чем А.Филипом (конец IV в. до н.э.)

Горизонт Духцов-Мюнзинген составляют, кроме названных, и некоторые другие вещи — браслеты и гривны с небольшими печатевидными окончаниями и с гладкими или «гусеничными» кольцами, иногда украшенными спиралевидным узором. На вещах вальдальгесхаймского стиля эти узоры представлены по сути дела лишь в виде более развитого роскошного варианта. Характерны для этого горизонта и так называемые «волнистые» гривны из тонкой проволоки. Сходство вещей этого горизонта в достаточно удаленных регионах — юго-западная Чехия, Шампань, Швейцария (районы Берна и Женевы) и Северная Италия — поразительное. Они — изделия одних и тех же, очень близких между собой мастерских. И не случайно во многих изделиях, особенно в мюнзингенских фибулах, часто использовались вставки кораллов, , вероятно, поступавших через Адриатику.

Единство горизонта Духцов-Мюнзинген начинает выклиниваться и постепенно сходит на нет, вероятно, в связи с событиям 280 г. Тогда, в 283 г. римляне оккупировали области, занятые сеннонами к юго-востоку от Болоньи (Сан-Марино и север Марке), и нанесли решительное поражение соединенным силам этрусков и кельтов (заальпийских и италийских) при Вадимонском озере, а несколько позже в 268 г. создали в завоеванной области на побережье свою колонию Аримин, что отрезало кельтов от моря (долина По к востоку от Болоньи сильно заболочена) и лишило кельтских мастеров мюнзингенских фибул необходимых им кораллов. Тогда и появились в кельтской среде изделия нового стиля, разносить который кельты начали еще во время их движения на Балканы и в Прикарпатье, а расцвет стиля наступил в Центральной Европе после изгнания из Италии бойев. Таковы выводы, вытекающие из серии работ Венцеласа Круты и Луаны Крута-Поппи.

Последние уточнения в релятивную хронологию эпохи Латена внес Иозеф Буй-

на. Наблюдениями за комбинациями в кельтских комплексах всего Прикарпатского региона ему удалось подразделить ступени ЛТ -B2 и ЛТ-C1, на фазы B1a, B1b, C1a и C1b, а также выделить переходный горизонт B2/C1. Уточнения, впрочем, касались лишь относительной хронологии новых данных для уточнения абсолютной датировки И.Буйна не выявил (Bujna, 1982) (рис.10-13).

Процесс пересмотра европейской хронологической системы еще не закончился (Рис. 13-14). Последует, очевидно, еще ряд уточнений, как хронологии отдельных ступеней на разных территориях, так и датировка различных вещей. И.Вернер уже внес коррективы в свои собственные разработки хронологии кувшинов типа Кельхайм сковородок типа Айлесфорд (Werner, 1954, 1978). Последует, вероятно, и уточнение хронологической позиции наухайских фибул, датированных ранее второй половиной I в. до н.э., между Алезией и Манхингтом. Дата их углубиться, в основном они распространены в цезаревское время, хотя их и нет в Алезии (Collis, 1975, p.57-59). И так далее.

Сейчас очень не хватает исследователя, обладающего хронологическим чутьем и энциклопедичностью Пауля Райнеке, чтобы заново, на новой основе свести все данные воедино и дать развернутую, обоснованную схему хронологии Латена и римского времени. Автор настоящих строк не может претендовать на эту роль и в следующем разделе лишь кратко охарактеризовано современное состояние системы, дискуссия о которой еще будет продолжаться. Но сначала несколько методических замечаний.

2. Несколько замечаний о методике.

Методика основана на одновременном применении двух взаимно корректирующихся методов — типологического и корреляционного. Типологическое изучение позволяет выстраивать более или менее длинные цепочки эволюции вещей во времени. Строго говоря, временная последовательность разных типов (подтипов, вариантов и пр.) устанавливается, как заметил еще О.Монтелиус, лишь при наличии так называемых «типологических рудиментов», т.е. когда наблюдается превращение какой-либо части изделия, несущей функциональную нагрузку, в деталь бессмысленную или сугубо орнаментальную. Во всех остальных случаях изменение пропорций, размеров, появление или исчезновение декоративных элементов может означать и не обязательно хронологические моменты, а быть явлением другого порядка — региональные различия, различия почерка мастеров, школ и т.п. Недоучет этого обстоятельства — рассмотрение типологически различных, но на самом деле частично или полностью синхронных вещей, в виде последовательных звеньев эволюции — уже неоднократно приводил к растягиванию, «завышению» хронологических систем. Сказывалось это частично и в системе латенской хронологии Яна Филипа, а из работ последних лет особенно в системе раннесредневековых древностей А.К.Амброза (1971).

Типологическая последовательность нуждается в проверке другими методами — примерами вертикальной и горизонтальной стратиграфии, но прежде всего корреляционным методом.

Еще тот же О.Монтелиус заметил, что есть вещи, постоянно сочетающиеся в «закрытых комплексах», есть вещи, сочетающиеся изредка и не выступающие вместе никогда. Для хронологии латенской и римской эпох этот метод успешно применяется со времени работ П.Рейнеке и Э.Блюме. Поначалу умозрительно, без составления корреляционных таблиц или во всяком случае без их публикации. С накоплением материалов, однако, осваивать весь объем информации становилось все труднее, на чем, очевидно, и «споткнулся» главным образом Ян Филип. Таблицы, позволяющие учитывать моменты статистические и вообще наблюдать «поведение» вещей в корреляции, стали все чаще появляться в работах несмотря на технические трудности при публикации. Примерами удачного применения корреляционного метода для интересующего нас материала могут служить работы Р.Хахманна, успешно сочетающего корреляционный метод горизонтальной стратиграфии (Hachmann 1961), Р.Волонгевича (Wołągiewicz 1970), И.Буйны (Bujna 1982), Т.Домбровской (Dąbrowska 1988) и другие.

Коррелировать можно как материалы отдельных достаточно больших могильников, так и данные по отдельным регионам. И чем более дробные типологические разработки применяются, чем больше объем включаемого материала, тем будут надежнее выводы о получающихся группировках, кластерах сочетаний. Совокупность их и составляет систему собственно латенской культуры (ЛТ), «позднего предримского времени» (ППВ) для латенизированных культур Северной и Восточной Европы и общеевропейского раннего римского времени (РРВ).

Европейская хронологическая система представляет собой как бы сетку, где вертикальные ряды образуются кластерами региональных хронологических шкал, а горизонтальные — теми наборами интеррегиональных и импортных вещей, которые эти кластеры могут синхронизировать. При этом следует учитывать, что кластеры в кор-

реляциях далеко не всегда имеют четкие границы, очень часто они условны, смены типов вещей происходят не сразу, а постепенно, и в разных регионах они могут протекать не однозначно. Границы размыты.

В идеале каждый кластер должен был бы отражать набор вещей, свойственный одному поколению, но и в реальной жизни границы между поколениями размыты, а здесь еще примешивается «информационный шум» — не все выделяющиеся при корреляциях группы обязательно хронологические, они могут выделиться и в результате различий половых, социальных, конфессиональных, групповых и т.д. Однако и внутри каждой такой группировки неизбежны различия хронологические, так что при достаточно большой выборке и тщательной типологической обработке хронология в конечном итоге должна выявиться, хотя и в затушеванном виде. «Смазывают» картину и долго бытовавшие типы вещей и отдельные случаи запаздывания и переживания.

При всех обстоятельствах корреляционный метод дает нам лишь относительную хронологию. Ячейки сетки могут растягиваться вверх и вниз, «перекашиваться», и лишь в некоторых местах они закрепляются на абсолютный счет времени более или менее неподвижно (чаще всего лишь с одной стороны — в виде terminus post quem или teminus ante quem) совместными находками с монетами, данными дендрохронологии, находками аналогичных вещей в лагерях римского лимеса, даты возведения, перестроек и уничтожения которых известны. Некоторые из них существовали короткое время и тем самым дают довольно надежные даты (Eggers 1955; Schönberger 1969; Schallmayer 1987).

Нужно отметить, что сложились и несколько разные психологические установки в подходе к хронологии у советских и европейских исследователей. Для европейского археолога определение хронологии четко распадается на две операции. Сначала корреляционным методом, проверенным типологическими и стратиграфическими наблюдениями, устанавливаются периоды относительной хронологии. И это основная задача. И лишь затем обсуждаются те возможности, которые позволяют эти периоды-фазы-ступени вывести на абсолютный счет времени. Причем последняя процедура не считается принципиально важной, поскольку точных рубежей все равно провести невозможно, они могут быть лишь условными. Ярким примером может служить работа Р.Хахманна (Hachmann 1961), в объемной монографии которого практически нет абсолютных дат.

Советские же археологи, стремясь как моно скорее вывести свою науку на исторический уровень, предпочитают оперировать абсолютными датами уже на первом этапе. Там, где европеец говорит «ступень В», мы говорим «первая половина I в.», хотя в действительности мы имеем лишь кластер относительной хронологии без четкой привязки его границ к абсолютному счету времени. Яркий пример тому, скажем, работа А.И.Айбабина, использующего корреляционный метод (1981).

Мы же ставили целью преодолеть недостатки обоих подходов — с одной стороны конкретно показать степень привязанности относительных ступеней к абсолютному счету времени, с другой, попытаться гипотетически объяснить происходившие перемены историческими причинами.

При этом замечено довольно любопытное явление: в моменты наиболее разительных перемен культуры (при переходе от ЛТ-В к ЛТ-С и от эпохи Латена к римскому времени) наблюдается длительное сосуществование нескольких стилей культуры одновременно, представляющих, казалось бы, разные хронологические ступени, но тем не менее в значительной мере синхронных. Иначе из возникающих хронологических противоречий выпутаться невозможно. На хронологических таблицах приходилось рисовать некое подобие сцепленных шестеренок или косой линии. И совпадают такие периоды со временем существенных перемен и исторического порядка.

Таким образом появляется еще один способ гипотетически фиксировать по безгласным археологическим данным периоды исторических потрясений в варварском обществе.

Другой способ состоит в выявлении археологических хиатусов, разрывов в развитии культур, что достигается использованием метода «узких» датировок комплексов, уже описанного (Щукин 1978) и применяемого в ряде работ и других исследователей. «Узкие» даты неизбежно, в той или иной мере, «уплотняют» датировки культур и культурных групп (в принципе ведь не исключается возможность совершения захоронения и где-то в пределах широкой даты), но позволяют «обнажить» разрывы между культурами, выявляя периоды дестабилизации обстановки в данном регионе.

В последующих главах, разбирая хронологию тех или иных комплексов, мы будем вынуждены определять время бытования составляющих его вещей по датировкам той или иной ступени, границы которых, как уже сказано, не всегда имеют надежные привязки к абсолютному счету времени. Этого не следует упускать из виду, но чтобы избежать бесконечных повторов, эту оговор-

ку мы выносим сюда, за скобки.

Поскольку работа построена на сопоставлении хронологии археологических явлений с политическими событиями, известными по письменной традиции, следует отметить принципиальное отличие исторических и археологических дат. Если первые это всегда некая точка во времени — год, месяц, число, то вторые — всегда некий интервал — время данной ступени, фазы, культуры, время бытования того или иного типа или наиболее вероятного сочетания типов в комплексе и т.д. Период в 20-30 лет, время активности одного поколения, это по всей вероятности, максимальная точность, доступная археологии. Часто интервалы больше.

Если на один и тот же интервал археологической датировки придется несколько «точек» событий, которые могли бы оказать влияние на соответствующее археологическое явление, мы не будем знать, какое из событий было наиболее существенным. Только какие-нибудь косвенные свидетельства могут дать подсказку.

Специальное сравнение исторических и археологических данных для раннеримского времени Центральной Европы (Щукин 1991) показало: археологические даты имеют определенную тенденцию к запаздыванию по отношению к историческим. Это вполне естественно, культурные изменения более инерционны, для них требуется больше время, чем для бурных политических перемен. Степень запаздывания в каждом конкретном случае может бать различной.

Не следует забывать и замечания Ганса-Юргена Эггерса (Eggers 1955): археологические и исторические данные могут соответствовать друг другу, но это отнюдь не обязательно «Sie können es, müssen es aber nicht».

А теперь перечислим ведущие вещи, диагностирующие каждую ступень европейской относительной хронологии, и укажем основные пункты, на которых базируются их абсолютные привязки.

3. Индекс хронологических индикаторов.

Дискуссия о позиции различных ступеней как эпохи Латена, так и римского времени еще будет продолжаться. Возможны и дальнейшие изменения хронологии тех или иных типов вещей, выделение более мелких их модификаций. Возможно и дальнейшее членение ступеней на более дробные. Ситемы еще будет уточняться и улучшаться. Поэтому предложенная здесь схема, опирающаяся на работы К.Годловского, Х.Поленца, К.Мотыковой-Шнайдровой, Я.Тейрала, Р.Волонгевича, И.Буйны, а так же многих других исследователей и восходящая к системе Тышлера-Райнеке-Блюме-Эггерса, не может претендовать ни на совершенство, ни на завершенность.

Для наглядности схема представлена в графической форме (рис.15). Линии, отделяющие ступени друг от друга идут по шкале времени наискосок, что отражает возможность неодновременного перехода от одной ступени к другой на разных территориях и фиксирует наличие переходных этапов — каждая новая ступень начинается уже в пределах предыдущей.

Следует помнить кроме того — любая хронологическая граница, проведенная в бесконечном и беспрерывном потоке постепенных изменений различных форм материальной культуры, изменений, отражающих в свою очередь, с некой интерференцией процесс изменений социальных, этнических и политических, — может быть лишь очень условной.

Списки хронологических индикаторов, характеризующих ту или иную ступень, в данной работе не отличаются исчерпывающей полнотой. Выбраны вещи лишь самые значимые, широко распространенные, интеррегиональные, по которым существуют специальные топологические разработки.

Время бытования каждого типа тоже далеко не всегда полностью совпадает с соответствующей ступенью, может выходить в той или иной степени, в ту или иную сторону за ее пределы. Учитывается лишь самая «узкая» дата существования или сосуществования вещей.

Ступень Латен А.

Время возникновения раннекельтского, раннелатенского художественного стиля с его антропоморфными и зооморфными мотивами. В этом стиле выполнены фибулы, золотые и бронзовые браслеты и гривны с печатевидными окончаниями, происходящие из богатых «княжеских» погребений кельтской аристократии. Характерны художественные ажурные поясные крючки. Из более простых вещей — фибулы типа Марцаботто, мечи с антропоморфными изображениями на Х-видной ручке. Последние, впрочем, в виде вещей ритуальных продолжали бытовать вплоть до позднего Латена. Появляется серая гончарная керамика со штампованными S-видными узорами. В простых неаристократических погребениях сохраняется много форм, пережиточных от эпохи Гальштата — фибулы типа Чертоза, так называемые «двупауковидные» (Doppelpaukenfibel) фибулы. Латен А и Гальштат D3 существуют как бы параллельно.

Для установления абсолютных дат ЛТ-А

имеются лишь следующие немногочисленные данные. Ясно, что богатое «княжеское погребение» в Виксе в Бургундии относится еще к предшествующей гальштатской эпохе. Оно датируется чернофигурной греческой керамикой 530 — 520 гг. до н.э. и совершено было в конце VI в. до н.э. (Joffroy 1979). Это время перехода к богатым «княжеским» погребениям раннелатенской эпохи, в которых тоже встречается греческая импортная керамика, но уже краснофигурная второй половины V в. до н.э. Самая ранняя, датирующаяся временем около 450 г. до н.э. найдена в богатом погребении Кляйн Аспергль с вещами уже развитого раннелатенского стиля (Paret 1943-48). Таким образом, переход от Гальштата D к Латену А произошел где-то между Виксом и Кляйн Асперглем, между 530 и 450 гг. до н.э., и трудно сказать что-нибудь более определенное.

Подразделяют ступень А на ступени А1 и А2, синхронизируя границу между ними с погребением в Кляйн Аспергле. Ян Филип назвал этот период «временем доисторической экспансии кельтов» (Filip 1956).

***Латен В1** (рис.16).*

Для этой ступени, как впрочем и для следующей В2а, характерны художественные изделия в так называемом вальдальгесхаймском стиле (Jacobsthal 1944). Антропоморфные и зооморфные мотивы уступают место криволинейным орнаментам, из элементов которых складываются иногда маски или фигуры фантастических «диснеевских» существ. В вальдальгесхаймском и диснеевском стиле изготовлялись золотые и бронзовые гривны, браслеты, реже фибулы. Фибулы, по сравнению с предшествующим периодом, сильно стандартизировались и упростились, сохраняя раннелатенскую конструкцию. Характерны многочисленные вариации двух типов — духцовского, с шариком на ножке, и мюнзингенского, где вместо шарика — колечко или круглый диск, иногда украшенные коралловыми вставками. Эти два типа стали основой для выделения особого явления внутри ступени В — фазы Духцов-Мюнзинген (рис. 26), которую Венцеслас Крута датировал второй четвертью IV — началом III в. до н.э. (Kruta 1979). Обоснованием нижней даты служили следующие соображения: прототипом духцовских фибул, без сомнения, являются очень похожие на них конструктивно, но иных пропорций, фибулы типа Марцаботто, встречаемые в зоне «княжеских погребений» Латена А. Одна из них, давшая название всему типу, найдена в этрусском погребении в Марцаботто около Болоньи. Этрусский некрополь функционировал здесь, судя по находкам аттических краснофигурных ваз в конце V и в самом начале IV в. до н.э. Прекращение его связывается с тем нашествием кельтов, в ходе которого пострадал и Рим в 387 г. или в 390 г. до н.э. На развалинах разрушенного этрусского городка в Марцаботто было устроено кельтское кладбище. В погребениях его найдены были уже духцовские и мюнзингенские фибулы. Аналогичная картина наблюдалась и в соседних некрополях Арноальди и Беначчи, которые дали и переходные формы от типа марцаботто к духцовским и мюнзингенским. Начальная дата появления духцовских фибул, таким образом, скорее соответствует предложенной в свое время П.Рейнеке (начало IV в. до н.э.), чем Я.Филипом (конец IV в. до н.э.).

Если высоко художественные элитные вещи изготовлялись в роскошном вальдальгесхаймском стиле, то на изделиях простых он имитируется так называемым «рубчатым» или «гусеничным» стилем на браслетах, гривнах, фибулах. Характерны для этого времени также тонкопроволочные, «волнистые» гривны.

Ян Филип назвал этот период «временем исторической экспансии кельтов», что и соответствует действительности, как мы сможем увидеть в следующей главе.

Естественно, в период «исторической экспансии» оружие занимает важное место в культуре кельтов. Длинные мечи с колоколовидно изогнутой гардой. Их металлические ножны и эфесы украшены красивыми криволинейными гравировками — «стиль красивых мечей». Наконечники копий очень широкие, листовидные. Большие деревянные щиты с продольным ребром и с железным продолговатым умбоном. Известны прекрасно изготовленные и богато украшенные шлемы, в том числе и кораллами.

Материалы некоторых памятников, в частности могильника Мюнзинген в Швейцарии (Hodson 1964; 1968) и Янушев Уезд в Чехии (Kruta 1979), дают возможность подразделить В1 и на более дробные ступени, но пока сопоставление со всей латенской культурой этого времени не произведено и об общих результатах говорить рано. Можно, однако, отметить, что скорее всего большинство духцовских фибул с гусеничной спинкой относится к ранней части В1, а большинство таких застежек с гладкой спинкой — к концу В1 и к следующей ступени В2а.

Переходным комплексом между этими ступенями считается богатое погребение в Вальдальгесхайме. Первоначально оно датировалось началом IV в. до н.э. В составе комплекса, кроме великолепных золотых гривн, браслетов и других предметов, — бронзовый сосуд италийского происхождения (Рис.16, 1). Н.Цальхаас увидела в нем производство тарентских мастеров 380 — 370 гг. до н.э. (Zahlhaas 1971), что значительно снижало дату рубежа В1 и В2. Период В1 в системе К.Годловского, принявшего эту датировку

(Godłowski 1977, с.31), становился исчезающе мал — на рубеже V — IV вв. начиналась ступень В1, а к 80-м годам уже В2. Датировка сосуда из Вальдальгесхайма была пересмотрена В.Ширингом. По его данным, сосуд изготовлен в 340 — 320 гг. до н.э., «вряд ли ранее 332 г.» (Schiering 1975, с.90). Эта дата представляется более реальной.

Таким образом, время ступени В1 определяется лишь по двум возможным привязкам. Начало — по стратиграфии в Марцаботто, т.е. около 390 г. до н.э., а конец — по бронзовому сосуду Вальдальгесхайма, где-то около 332 — 320 гг. до н.э.

Ступень Латен В2а (рис.16 — 17).

Эта ступень не имеет резких отличий от предыдущей и не случайно В.Крута объединил их в одной «фазе Духцов-Мюнзинген» (рис. 26). Оружие сохраняется прежних форм, по-прежнему много духцовских и мюнзингенских фибул, хотя некоторые изменения их деталей и можно отметить. Они становятся короче, форме спинки характерна большая арковидность, ножки чаще украшаются несколькими шариками вместо одного. Как уже говорилось, реже «гусеничные» спинки, впрочем, «гусеничность» браслетов и гривн сохраняется и даже становится «гуще». Кроме массивных обручей появляются и сделанные из листа бронзы, свернутого в трубку (Bujna 1982, рис.4, 9) (Рис.11; 9).

На протяжении этой ступени вальдальгесхаймский стиль постепенно вытесняется пластическим. Растительные мотивы и «диснеевские» маски превращаются в орнаментальные композиции переплетающихся и изгибающихся выпуклостей (Jacobsthal 1944), из которых, однако, нет-нет да и выглядывает некое «диснеевское» существо. Эффект «чеширского кота» (Megaw 1970a).

Для установления абсолютной хронологии очень мало данных. Нижняя дата, как говорилось, может определяться переходным комплексом Вальдальгесхайма около 332 — 320 гг. до н.э., а о верхней можно судить лишь на основании следующего рассуждения. На территории Болгарии, в известном погребении в Мезеке бронзовые детали колесницы были украшены масками в «диснеевском» стиле (Филов 1937) (рис.2:2), а случайно найденная золотая гривна из Цыбор Вароша — в вальдальгесхаймском (Goldschätze 1975, № 217). Попасть сюда эти вещи могли скорее всего во время оккупации Фракии кельтами, около 280 г. до н.э. Верхнюю дату существования горизонта Духцов-Мюнзинген В.Крута определил около 290 г. до н.э. (Kruta 1979), хотя не исключается и другой вариант: оккупация римлянами в 283 г. до н.э. области кельтов-сеннонов в Италии и создание в 263 г. до н.э. колонии Аримин имело не только политическое значение, но и лишило мастеров, изготовлявших духцовские и мюнзингенские фибулы, необходимых им коралов, что и привело к окончательному упадку этой школы. Других данных в нашем распоряжении, к сожалению, нет, и ориентировочно ступень В2а можно датировать периодом где-то между 350 — 320 гг. до н.э. и 280 — 260 гг. до н.э.

Узел B2b, B2/C1, C1a, C1b.

Ступень B2b (рис.16), судя по корреляции И.Буйной кельтских комплексов Карпатской котловины, показывает довольно резкое отличие набора вещей от предыдущей ступени — появляется целый ряд новых типов. Исчезают (во всяком случае в Карпатской котловине) духцовские фибулы. Вместо них появляются так называемые «пауковидные» с выпукло-вогнутой овальной спинкой (рис. 16:17; 11:14), и фибулы с крупным шаром на ножке, иногда украшенным в пластическом стиле (рис. 16:22), а также первые проволочные фибулы раннелатенской конструкции с восьмерками на ножке или спинке (рис.16:18). Происходит изменение форм оружия: умбонов, мечей (гарда приобретает более изогнутую «колоколовидную» форму), исчезают широкие лавролистные наконечники копий, заменяясь ромбовидными, появляются металлические пояса-портупеи из перевитых звеньев с крючком на конце (рис.17:6). В женском костюме тоже появляются пояса-цепи с крючком. На полых и массивных гривнах и браслетах с печатевидными окончаниями сохраняется, однако, «гусеничный» орнамент, только несколько более «густой», чем прежде. На некоторых полых браслетах, впрочем, эти выпуклости становятся крупнее, начинается развитие «ножных браслетов из выпуклых полусфер» (рис.16:19; 11:21).

О нижней дате ступени мы уже говорили: около 280 г. до н.э. Какие данные есть для определения верхнего предела? Л.Крута-Поппи опубликовала в 1979 г. богатое погребение Черетоло из-под Болоньи (Kruta-Poppi 1979) с набором вещей ступени В2а (лавролистный наконечник копья, портупея-цепь, мюнзингенская фибула с пластическим орнаментом на дужке) и с умбоном, который можно было бы отнести уже к следующей ступени С1. Особенно любопытна пара почти одинаковых фибул этого погребения с шариком на ножке. У одной конец ножки свободный, т.е. раннелатенская конструкция, а у другой скреплен с дужкой — среднелатенская конструкция (рис.17: 10, 11)). Это, вероятно, один из самых ранних примеров такого рода застежек. По римской бронзовой ойнахойе погребение датируется еще второй третью III в. до н.э. Во всяком случае оно не-

сколько позже 283 — 263 гг. до н.э., поскольку имеет ряд параллелей с находками из области сеннонов, которые были вынуждены ее покинуть в эти годы и отойти к бойям под Болонью. Здесь же, в районе Болоньи, имеется ряд погребений середины III в. до н.э., в могильнике Делучча (погребения 14, 83 и 85), дающие набор оружия и фибул, характерных для ступени C1a, в том числе среднелатенские фибулы, близкие варианту A по классификации Костшевского (рис.17: 13, 14), типичнейшие показатели этой ступени (Kruta-Poppi 1975; Kruta 1980 рис. 8 — 9). Таким образом, переход от Латена B к Латену C (во всяком случае в Италии) происходит около середины III в. до н.э. Так определял этот рубеж в 1977 г. и К.Годловский, хотя погребение в Черетоло и работа В.Круты ему еще не были известны (Godłowski 1977).

Но, с другой стороны, этот исследователь отметил еще одно странное обстоятельство. Кельтское оружие, сочетающее признаки ступеней B2 и C1, изображено на рельефах храма Афины Никофоры в Пергаме, построенного около 180 г. до н.э. Много позже. Это позволяло говорить о дате 180 г. до н.э., как о terminus ante quem ступени B2. (Рис. 13)

Возникающее противоречие попытался разрешить В.Е.Еременко (Еременко 1986), предложив после рассмотрения политической ситуации Пергама в III — II вв. до н.э., что в качестве образцов для рельефов служили не синхронные трофеи, которых не было, а более ранние, времени побед Аттала Пергамского над галатами в 241 — 228 гг. до н.э.

Таким образом, верхний рубеж ступени B2b лежит где-то в пределах 60 — 30 гг. III в. до н.э. Для разных территорий процесс перехода мог протекать различно.

Ступень B2/C1 была выделена И.Буйной для комплексов погребений Карпатской котловины как переходная, поскольку в ней сочетаются вещи как ступени B2b, так C1 (Bujna 1982), причем стилистические признаки той и другой ступени можно иногда видеть на одной и той же вещи. Например, фибулы с крупным шаром в пластическом стиле, но с прикрепленной к дужке ножкой, браслеты из полусфер, украшенные пластической орнаментацией (рис.11:22,11:26, 19:2). Характерным признаком этой ступени являются также браслеты из сапропелита и ножные браслеты шарнирной конструкции из шести небольших полусфер. Представлены здесь уже и маленькие проволочные среднелатенские фибулы с короткой пружинкой и небольшим утолщением на ножке (Bujna 1982, рис.4, 23) (Рис. 11: 23). С ними часто сочетаются и крупные железные фибулы той же конструкции.

И.Буйна специально не занимался абсолютной хронологией выделенных им ступеней, этот вопрос лежал на периферии его интересов (Bujna 1982, с.325). Он поместил ступень B2/C1 приблизительно между 230 — 189 гг. до н.э. (Bujna 1982, табл.2, с.326). Наблюдается, однако, странная вещь. Браслет из полых полусфер в пластическом стиле, характерный именно для B2/C1, был найден в Греции на Истмийском полуострове. Попасть туда он мог скорее всего во время похода кельтов на Дельфы в 279 г. до н.э. (Kramer 1961). Если это так, то к этой же дате должно было бы спуститься и начало ступени. Она оказывается параллельной как ступени B2b, так и C1a. Трудно сказать, что скрывается за этим явлением. Отражает ли оно лишь специфику Карпатского региона, или подобное долгое переживание стилистических особенностей ступени B2b можно будет выявить в женских погребениях, в женской субкультуре и других районов Кельтики. Пока вопрос остается открытым.

Ступень C1a, (рис.19). Вероятно, наиболее репрезентативным для этой ступени следовало бы считать набор вещей, представленный на упомянутых кельтских памятниках Северной Италии, где он фиксируется ранее всего и существует, по всей вероятности, до 192 г. до н.э., когда племена кельтов-бойев покинули Италию и переселились на территорию Чехии.

В Карпатской котловине в качестве диагностирующих признаков ступени C1a корреляции И.Буйны выделяют лишь два типа вещей — ножные браслеты из трех-четырех крупных гладких полусфер и среднелатенские проволочные фибулы со спиралями-восьмерками на ножке. Здесь горизонт этих находок выделяется не отчетливо и, очевидно, был кратковременным. По сути дела, в корреляции его не видно совсем. За ступенью B2/C1 сразу следует C1b, представленная хорошим набором комплексов (Bujna 1982, рис.2, 27, 28) (рис.19 — 2, 27, 28).

На территории Швейцарии и Западной Германии для определения даты перехода от Латена C1a к C1b могут служить следующие данные. Из находок в Ла Тене сохранился умбон с остатками дубового щита (Рис. 18), характерный для ступени C1a (в частности — в Черетоло). Дендрохронология дает дату — 229 г. до н.э. (Haffner 1979). А дендрохронологическое изучение дерева из погребения 96 могильника Ведерат на Рейне, где была найдена среднелатенская фибула с двумя шариками на ножке, характеризующая уже ступень C1b, дает дату 208 г. до н.э. (Haffner 1979, с.405 — 409). Где-то между этими датировками и находится, вероятно, начало периода C1a для этого региона. Начальная да-

та близка к расчетам Х.Поленца. Изучая горизонтальную стратиграфию и корреляции комплексов могильника Дитценбах, он заметил, что основные перемены в культуре наступают с ритмом приблизительно в 75 лет (Polenz 1971, с.41). Исходя из этого, начало ступени С1 у него пришлось на время около 225 г. до н.э.

Ступень С1b, (рис.19). С этого времени новый стиль культуры становится общим практически для всей Кельтики, начинается период, который Ян Филип назвал периодом «среднеевропейской консолидации кельтов», и связано это было с серьезной перестройкой кельтского общества. Но о них — в другом месте.

Для этой ступени характерны почти исключительно проволочные фибулы среднелатенской конструкции, чаще всего так называемые «расчлененные». У них ножка как бы членится разного рода декоративными элементами — небольшими шариками, утолщениями, иногда дисками, спиралями. Браслеты из сапропелита вытесняются стеклянными, чаще всего «бородавчатыми» или украшенными накладной волной, спиралью (Haevernick 1960). По-прежнему широко распространены пояса-цепи, среди них появляются и роскошные бронзовые из массивных сложнопрофилированных звеньев со вставками красной эмали. Мужские пояса-портупеи изготовляются в несколько иной технике: после скручивания дополнительно проковываются и украшаются точечным орнаментом (так называемые «выбитые пояса»). Появляются и матерчатые или кожаные узкие пояса с небольшим бронзовым колечком-крючком, конец которых украшен звериной головкой.

Исходя из исторической ситуации, можно было бы предположить, что сложение стиля С1b, периода «среднеевропейской консолидации» происходит в результате ряда событий 225 — 192 гг. до н.э., когда целый ряд кельтских группировок был вынужден покинуть Северную Италию и Фракию (подробнее в следующих главах). Но из независимых привязок к абсолютному счету времени имеется пока лишь одна дата — упомянутое погребение 96 могильника Ведерат с деревом 208 г. до н.э. (Haffner 1979).

Ступень С1b таким образом оказывается тоже в значительной своей части параллельной ступеням С1а и В2/С1.

Графически всю ситуацию описанного «узла» можно было бы выразить так, как это сделано на таблице (рис.15), памятуя, естественно, об условности и приблизительности такого изображения.

Со ступенью С1b, очевидно, нужно синхронизировать и начало процесса латенизации не-кельтских культур Северной и Восточной Европы. Р.Хахманн, разработав относительную хронологию этих культур, выделил три основных фазы, подразделив среднюю и позднюю еще на две, так что всего получилось пять — от «а» до «е». Начало же всего изучаемого цикла он синхронизировал с началом Латена D около 120 г. до н.э. (Hachmann 1961). Синхронизация оказалась ошибочной, находки амфорных ручек со штемпелями астиномов в культурах Поянешты-Лукашевка и в зарубинецкой давали значительно более раннюю дату, вызывая явные противоречия. Амфоры Поянешты-Лукашевки давали 220 — 180 гг. до н.э. (Tudor 1967), а зарубинецкие даже 230 — 220 гг. до н.э. (Максимов1971; 1982). Выход оставался один — в рамках пересмотра всей системы Я.Филипа, на которую опирался и Р.Хахманн, сдвинуть и схему последнего вниз. Это и было сделано К.Годловским, приведшим кроме амфорного еще целую серию аргументов (Godłowski 1977). Аналогичный шаг для полесского варианта зарубинецкой культуры предприняла и К.В.Каспарова (1981а; 1984), опираясь не столько на находки амфорных клейм, сколько на накапливавшиеся в Центральной и Юго-Восточной Европе материалы, противоречащие системе Я.Филипа.

Ранняя фаза «а» позднего предримского времени Р.Хахманна, которую он и сам как бы выносил за рамки системы (Hachmann 1961), через фибулы варианта А по Костшевскому, железные фибулы с бронзовыми шариками, являющиеся дериватом бронзовых кельтских ступени С1b, а также ряд других находок может быть синхронизирована именно со ступенью С1b.

Ступень С2, *(рис.19).*

На этой ступени среднелатенские фибулы в основном утрачивают «расчлененность», вариант А кое-где еще существует, но меньших размеров и без выраженной «расчлененности», преобладают же проволочные вариантов В и С, имеющие несколько иные пропорции и очертания. Они, впрочем, в кругу латенизированных культур встречаются чаще, чем в собственно кельтском мире. На западе характерным признаком С2 считаются фибулы типа Метчвиль, с небольшим овальным или подтреугольным расширением на спинке (рис.19, 14). Для юго-западной Европы характерны фибулы типа Орнавассо с длинной пружиной, изредка встречающиеся и в других регионах. К этой ступени относятся и фибулы «неапольского варианта» с многовитковой подвязкой ножки. Редкие на западе, они известны, однако, у галатов Малой Азии (Polenz 1978). Продолжают бытовать, но редко, фибулы с восьмерками (Peschel 1972).

На мечах на ступени С2 исчезает гравированная орнаментация эфесов, кончает-

ся «стиль красивых мечей», появившихся еще в B2. Стеклянные браслеты утрачивают «бородавчатость», украшения волнистой линией сохраняются, но чаще они гладкие или профилированные из полупрозрачного голубого или желто-зеленого стекла (Haevernic 1960).

Наряду с серой лощеной неорнаментированной керамикой, украшенной лишь иногда валиками и типичной в основном для предыдущих ступеней, появляются характерные графитированные горшки (с добавкой графита в глиняное тесто) с вертикальными расчесами по тулову.

Ступень C2 не представлена в корреляциях И.Буйны, поскольку на части территории Карпатской котловины (в Трансильвании) кельтское пребывание, вероятно, прекращается, а на остальных территориях перестают использоваться большие «плоские» могильники. Латенская культура представлена здесь лишь поселениями, полугородскими центрами-оппидумами и своеобразными погребальными сооружениями в виде рвов, образующих квадраты и заполненных остатками трупосожжений, не дающих комплексов. Причем расцвет этой поздней латенской культуры приходится уже на следующую ступень D (Waldhauser 1979).

К сожалению, в самой латенской культуре практически совсем нет данных для установления абсолютных дат ступени C2. К.Годловский относил начало ее к первой половине II в. до н.э., но датировка эта была сугубо интуитивной (Godłowski 1977).

В.Е.Еременко (1990) предложил другой выход — попытаться определить начальную дату через амфорные находки в культуре Поянешты-Лукашевка. Ход рассуждений был следующий. Могильник Лукашевка II (Романовская 1962) представляет собой второй этап развития этой культуры и через фибулы вариант B может быть синхронизирован с Латеном C2. Если находящееся рядом поселение Лукашевка соответствует могильнику, а особых причин сомневаться в этом нет, то найденные здесь ручки родосских амфор со штемпелями астиномов могли бы дать абсолютную дату. Совокупная дата их 220 — 146 гг. до н.э. Была предпринята попытка сузить эту дату за счет изучения политической ситуации в Восточном Средиземноморье и Причерноморье. Поскольку Родос, верный союзник Рима, то и дело оказывался в коалиции, враждебной Понту, — западно-черноморским городам, бастарнам (носителям культуры Поянешты-Лукашевка) и Македонии, то в такой ситуации родосско-черноморская торговля была малореальной (рис.20).

Выяснилось, что период, когда она могла осуществляться, приходится скорее всего на интервал между 197 и 183 или 179 гг. до н.э. (Ščukin, Eremenko, 1991)

Но с другой стороны, на поселении Лукашевка II найдена «зарубинецкая» фибула, происхождение которых К.В.Каспарова удачно связала с балканскими «копьевидными» и походами бастарнов на Балканы в 179 — 168 гг. до н.э. (Каспарова 1978; 1978а; 1981).

Очевидно, где-то к периоду между 197 и 168 гг. до н.э. и следует относить начало ступени C2 в латенской культуре. Ступень эта, таким образом, частично перекрывается со ступенью C1b. По фибулам вариантов B, C и G со ступенью C2 может синхронизироваться фаза b культур позднего предримского времени Р.Хахманна.

Для определения верхней даты ступени C2 есть лишь один указатель. На поселении Тилле в Швейцарии, где представлены находки лишь ступени D1, были открыты остатки моста, бревна для которого, судя по дендрохронологии, были спилены в 120 — 116 гг. до н.э. (Haffner 1979, с.405 — 409).

Ступень D1 *(рис.19).*

Ряд форм, появившихся в C2, достигает массового распространения в D1 — графитированная керамика, расписная керамика, некоторые варианты фибул позднелатенской конструкции. Хорошим диагностирующим признаком являются, в частности, коленчатые фибулы варианта K. Они больше характерны для зоны ППВ, но встречаются и на оппидумах Чехии и Моравии. Характерны также «псевдосреднелатенские» небольшие фибулы вариантов D,E,F, и особенно варианта G/H по Костшевскому (или варианта J по Бельцу) с сильно изогнутой дужкой. Последние, как и позднелатенской схемы ложечковидные (вариант J по Костшевскому), характеризуют конец D1 и переход к ступени D2. На мечах, наряду с «колоколовидными» гардами, появляются прямые. Продолговатые умбоны щитов заменяются круглыми. Появляются ранние, так называемые «стуловидные» шпоры.

В начале D1 еще встречаются стеклянные браслеты, довольно много монет, упрощенных иногда до формы простых мисочковидных «радужных ракушек».

Один из ведущих показателей D1 — наухаймские фибулы (рис.19:32). Ранее считалось, что они являются хорошим хронологическим индикатором второй половины I в. до н.э. (Werner 1955), — их нет в Алезии на оппидуме, погибшем во время подавления Цезарем галльского восстания в 52 г. до н.э., но они уже есть в Манхинге, погибшем, как думали, в 15 г. до н.э. при оккупации Реции римлянами. Но дата гибели Манхинга теперь сдвигается к 60 г. до н.э. Отсутствие их в Але-

зии объяснилось спецификой этого памятника. Здесь раскопано поле битвы, ров, заполненный телами погибших кельтских воинов. Если наухаймские фибулы были украшением женским, то их и не должно быть в Алезии. А о бытовании их в первой половине I века до н.э. свидетельствует ряд данных:

На кельтских могильниках в районе Орнавассо в Северной Италии, материалы которых были в 1974 г. заново обработаны Е.Грау (Graue 1974), наухаймские фибулы встречаются в могилах второго этапа вместе с 28 республиканскими монетами, позднейшая из которых 76-71 гг. до н.э. На следующем этапе с последней монетой 36 г. до н.э. их уже нет.

Наухаймская фибула найдена при раскопках святилища в Таламоне, погибшем, как считается, в 82 г. до н.э. (Gogłowski 1977, с.60).

Найдены наухаймские фибулы и на оппидуме Берн-Энгехальбинсель, гибель которого связывают с продвижением на запад гельветов в 58 г. до н.э. (Gogłowski 1977, с.60). Близка к наухаймским одна из фибул клада в Лаутерахе, датированном по монетам 100 — 80 гг. до н.э. Выясняется, наконец, что наухаймские фибулы есть в Антремоне, одном из оппидумов, разрушенных римлянами при оккупации в 118 г. до н.э. Нарбонской Галлии (Benoit 1957; Collis 1975, с.38). Здесь же найден клад массалийских и римских монет. Среди них нет ни одной позже 125 г. до н.э. Если в дальнейшем подтвердится, что наухаймские фибулы действительно связаны с горизонтом оппидума, а не со слабо выраженными здесь следами жизни во времени Августа, то это будет очень важно не только для датировки фибул, но и всего ЛТ-D1 в целом. О том, что наухаймские фибулы доживали в некоторых местах еще до августовского времени, свидетельствует ряд материалов, приведенных И.Вернером (Werner 1955).

Таким образом получается, что наухаймские фибулы бытовали или с самого конца II в. до н.э. или с начала I в. до н.э. и вплоть до последних десятилетий I в. до н.э. Максимум же их распространения лежит в первой половине I в. до н.э. Такое же положение во времени после уточнения хронологии заняли сковородки типа Айлесфорд и кувшины типа Кельхайм (Рис. 19:31, 30)(Werner 1978).

Рассмотрение хронологии наухаймских фибул привело нас к определению и абсолютных дат ЛТ-D1, если только находки их в Антремене окажутся стратиграфически надежными, а здесь же обнаружены кроме монет и италийские амфоры типа Дрессель Ia, появившиеся между 129 — 102 гг. до н.э. и производившиеся в основном в доцезаревское время. Этот же тип амфор представлен и в Манхинге.

Все приведенные материалы указывают, что ступень D1 занимает интервал времени от дендродаты Тилле (120-116 гг. до н.э.) до даты гибели Манхинга в 60-50 гг. до н.э., когда горит и еще ряд оппидумов в Швейцарии и Подунавье (Shchukin 1989).

Со ступенью D1 по фибулам вариантов D/E, F и K можно синхронизировать фазу «с» Р.Хахманна (Hachmann 1961) (рис.19), хотя у нас не может быть уверенности, что граница перемен в латенской культуре и в культурах «латенизированного цикла» полностью совпадает. Для установления последних однако нет никаких других данных.

«Узел» — раннеримское время A1 и A2, Латен D2-D3 горизонт Гроссромштедт, позднее предримское время d, e, f (рис.21).

Во второй половине I в. до н.э. и на рубеже эр складывается столь сложная ситуация, что при попытке расположить позднелатенские и раннеримские вещи в виде сменяющих друг друга общеевропейских горизонтов ничего кроме путаницы не получается. Типы изделий, относящихся к разным эпохам, оказываются синхронными или даже имеющими обратную хронологию. Распутать этот узел можно, лишь рассмотрев отдельно переход от ЛТ и ППВ к раннему римскому времени на различных территориях. В результате можно выделить по крайней мере четыре культурных круга, где переход от одной эпохи к другой происходил не одновременно и в разных ритмах. Поэтому и получается, что памятники римского времени на одних территориях оказались синхронными или даже более ранними, чем латенские или «предримские» памятники других регионов.

Раннеримское время (РРВ-A1). С.Рикхофф, изучая фибулы Хюфингена, выделила целый пласт находок в Порейнье и Подунавье, которые могут сигнализировать о наступлении «эпохи римских влияний» (Rieckhoff 1971). Это простые проволочные, чаще всего железные, прогнутые фибулы со сплошным приемником, так называемые «легионные» или «воинские» (рис. 21:35,36), вариант их с пластинчатой спинкой — тип Езерине (рис. 21:31), фибулы шарнирной конструкции — тип Алезия (рис. 21:29), щипцовые (рис. 21:30), фибулы A231, ранние варианты «репейчатых» фибул (рис. 21:37) и некоторые другие (рис. 21; 22).

Истоки большинства этих форм находятся в Северной Италии, Южной Галлии и Далмации (вспомним, что Цезарь был наместником Нарабонской и Цизальпинской Галлии и набирал там свои легионы в 59 г. до н.э. перед завоеванием «Галлии Косматой»— территории северной Франции. Распространяются они на левобережье Рейна и на пра-

вобережье Дуная, начиная с завоевания Галлии и во время далматской кампании Октавиана, в 50 — 20-х годах I в. до н.э.

Раннеримское время (PPB-A2). С.Рикхофф определила и второй этап ранних римских влияний. Он совпадает со временем активизации римской внешней политики после гражданских войн, со временем германских походов Друза, Домиция Агенобарба и Тиберия. Наиболее ярко этот хронологический горизонт представлен в лагерях 15 — 9 гг. до н.э. — Дангштеттен, Обераден, Нойс А и в существовавших дольше Оберхаузене, Ксантене и Халтерне (рис.23). Многие формы предшествующей эпохи продолжали бытовать, но «воинские» фибулы имеют больший прогиб дужки (рис. 21:36), появляется самый ранний вариант глазчатых фибул — A44 (рис. 21:41), прототипы будущих профилированных — A19, ранние варианты норицких фибул с ажурным приемником — A 236a, A 237a (рис. 21:33, 34)(Щукин 1971, с.27, 43), римские аукиссы (рис. 21:40) и так называемые «фибулы бойев» (рис.21:39).

Таким образом, на территориях, непосредственно входящих в зону действия римских легионов на левобережье Рейна и правобережье верхнего Дуная, складывается эмбрион будущей провинциально-римской культуры, соединяющей римские и позднекельтские элементы.

Термин «ступень А римского времени» применим лишь для этих территорий на внутренней стороне лимеса.

Ступени D2 и D3 эпохи позднего Латена. В 60 — 50 гг. I в. до н.э. центральноевропейские кельты получили тройной удар, приведший к утрате большинством племен их политической самостоятельности и к быстрому упадку кельтской цивилизации, — вторжение германцев Ариовиста с севера, даков Буребисты с востока и завоевание Галлии Цезарем. Большинство оппидумов Кельтики в это время погибло. Кельтская культура сохранилась лишь на ограниченных участках Подунавья. Независимость сохраняло до 15 г. до н.э. лишь regnum Noricum. Впрочем, захваченные римлянами территории романизированы еще так слабо, что разграничение ступени D2 эпохи Латена и ступени A1 римского времени может быть лишь условным.

Для ступени ЛТ-D2 все еще характерны «псевдосреднелатенские» (рис. 21:1) фибулы и некоторые другие формы ЛТ-D1, в частности прототипы будущих «крыльчатых» фибул — A65, но появляется прототипы глазчатых и профилированных фибул римского времени — A18. Характерны для этой ступени и ажурные поясные крючки (рис. 21:5), а также многие формы, общие с вещами PPB-D1.

После оккупации земель Рэции, Норика и Паннонии, в 15 г. до н.э. самостоятельность кельтов в Центральной Европе ликвидируется окончательно, ступень ЛТ-D3 имеет уже сугубо локальное значение в Верхнем Придунавье. Ступени ЛТ-D3 и PPB-A2 практически сливаются, первая характеризует микрорайоны, удаленные от римских лагерей, городов, вилл и поместий, вторая — сами лагеря и римские поселения с их непосредственным окружением.

В Норике и Паннонии формируется своеобразный эпицентр культурных кельто-римских влияний — норицкие мечи в ажурных ножнах (рис.21:7), фибулы с ажурными приемниками, пояса с ажурными бронзовыми накладками — вещи в стиле opus interrasile станут в I в. н.э. показателями раннего римского времени в Европе (Werner 1977; 1979; Garbsch 1965).

Горизонт Гроссромштедт (Рис. 64-II, з). К северу от Дуная и к востоку от Рейна переход от эпохи ЛТ к раннему римскому времени происходит через горизонт Гроссромштедт (Peschel 1968). Памятники его характеризуются обилием оружия в могилах — длинными мечами, чаще с прямой гардой, но сохраняются и колоколовидно-изогнутые перекрестия, умбонами типа Бонзак 5 и 7 (рис.21:18), узкими наконечниками копий. Ведущими же показателями этого горизонта являются высокие чернолощеные воронковидные сосуды, орнаментированные зачастую меандрами, прочерченными или сделанными зубчатым колесиком (рис. 21^28), и позднелатенские прогнутые фибулы вариантов M-N-O. Они отличаются от синхронных «воинских» большей прогнутостью дужки, увеличивающейся от M к O, рамчатыми приемниками, и изготовлены чаще из бронзы, чем из железа. «Фибулы бойев» представляют одну из модификаций варианта O.

Нижняя дата горизонта Гроссромштедт спорна и неопределенна. Ясно лишь, что он занимает промежуточное положение между горизонтом оппидумов и ступенью B1 римского времени, синхронизируется с ЛТ-D1 и D2, с PPB-A1 и A2 и с поздней фазой ППВ. Ранняя его граница может определяться также находками «псевдосреднелатенских» фибул G/H. Ступень B1 на разных территориях тоже, как мы еще увидим, наступает не одновременно. К горизонту Гроссромштедт можно было бы отнести и погребения ранней стадии A и B1-I по К. Мотыковой до волны римских импортов (Motykova-Sneidrova 1963; 1965), и могильники Кронвикл и Уттенхофен в Баварии, в непосредственной близости от Манхинга (Christlein 1964; Glusing 1964—1965).

Поздняя фаза позднего предримского

времени(ППВ). Горизонт Гроссромштедт не имеет отчетливой границы в пространстве с другими культурами ППВ. Ясно лишь тяготение его к югу. Различные группы Северной Германии, и Восточной Европы: пшеворская, оксывская и зарубинецкая — все они на рубеже эр продолжали жить в «предримском времени», сохраняя «латенские» традиции в одежде, в оружии, в керамике, в обрядах погребения.

Хотя определенные изменения происходят. Исчезает постепенно подграненность венчиков, меняются формы посуды. Ведущими формами фибул становятся прогнутые позднелатенские вариантов M-N-O. Достаточно ясна их синхронность с ЛТ-D2 и с РРВ-А2 и А2, но поздняя фаза североевропейского ППВ синхронна частично и со ступенью В1а и даже В1b римского времени на более южных территориях, в Чехии и Словакии. Более того, на севере Германии некоторые римские импорты стадий А2 и В1а — ведерки Е 18 и Е 22, котлы Е 4-5, тазы Е 67 — выступают в комплексах с вещами еще конца средней фазы ППВ, т.е. возможно и некоторое смещение всей сетки ППВ для этого района по отношению к югу. Позднюю фазу ППВ в некоторых случаях удается подразделить на подфазы «d», «e» и «f», но неясно, повсеместное ли это явление, и где лежит граница между ними в абсолютных датах? И для территорий латенизированных культур наблюдается при этом частичное перекрывание фаз c, d и e, сигнализируя, быть может, о бурных процессах, протекавших и здесь.

Польские исследователи иногда обозначают подфазы ППВ как А1-3, выделяя еще и этап А3/В1 как переходный к собственно римскому времени в Северной Европе (Wołągieiwicz 1979; Niewęglowski 1981; Dąbrowska 1988). Ступенью А называл конечный этап ППВ и Г.Ю.Эггерс. Такое обозначение однако вносит терминологическую путаницу. Ступень А — начало римского времени, и лучше не применять такое обозначение для латенизированных культур Барбарикума, еще не испытавших сколько-нибудь значительного римского влияния. Оно применимо лишь для тех территорий, которые были оккупированы римлянами в I в. до н.э. и в их ближайшем пограничье.

Раннеримское время. Ступень В1а *(рис.21—24).*

Время первой мощной волны римского культурного воздействия на варваров Центральной и Северной Европы, чешская волна импорта по Р.Волонгевичу, II фаза ступени В1 по К.Мотыковой, I фаза В1 по Я.Тейралу (Wołągiewicz 1970; Motykova-Šneidrová 1963; 1965; Tejral 1977) (рис.21-24). По западному пути, через Чехию, где находился центр «державы» Маробода, распространяются по Европе — бронзовые ведра с атташе ручек в виде дельфинчиков (Е 19), бронзовые ковши-кастрюльки с лебедиными головками на ручке (Е 131-136), тазы Е 67 и Е 92, кувшины Е 123-124, цедилки Е 159, чаши из стекла миллефиори Е 181 (рис. 7). Наряду с продолжавшими развиваться солдатскими фибулами аукиссами и «репейчатыми» вырабатываются новые формы А 54 и А 45. Из Норика и Паннонии попадают за пределы лимеса А 236b, А 237b-d, А 238b. Оттуда же распространяются женские пояса с характерными пряжками G-I, с обкладками В-7, украшенные бронзовыми дужками «Е 1а», «Е 2а, с» по классификации И.Гарбша (Garbsch 1965). Появляются также длинные «маркоманнские» пряжки типа U и С по классификации К.Раддатца (Raddatz 1957, с.19-28), а в конце периода сильно профилированные фибулы А 67 (рис. 22). Характерная, хотя и сравнительно редкая форма — фибулы со звериной, «кусающей» головкой на дужке (Werner 1954) (рис. 21:41).

Абсолютные даты В1а спорны. прежде всего, по набору хронологических индикаторов, нет четкой грани между РРВ-А1 и РРВ-В1а. Некоторые вещи В1а найдены в римских лагерях15-9 гг. до н.э. Например, фибулы А 236b — в Оберхаузене (Goglowski 1977, с.29). Это дает основание К.Годловскому отодвинуть к этой дате и начало ступени В1. С другой стороны, соображения К.Мотыковой, Я.Тейрала и Р.Волонгевича о роли договора 6 г. н.э. между Марободом и римлянами тоже не лишены смысла. Если памятники Чехии, близкие по облику культуре Гроссромштедт, на первой их фазе действительно связаны с маркоманнами, переселившимися сюда около 9-6 гг. до н.э., то для этой территории римское время начинается со II фазы по К.Мотыковой (рис. 6) и дата 6 г. н.э. выглядит очень убедительно.

Предложенное нами выделение периода РРВ-А1 лишь для территорий внутри Империи позволяет снять это противоречие между К.Годловским и чешскими коллегами. Для варваров за лимесом римское время начинается не ранее ступени В1, не ранее 6 г. н.э. Фибулы же А 236b появляются на рубеже РВ-А2 и РВ-В1а, и находка их в Оберхаузене, т.е. в пределах лимеса, не удивительна, тем более что лагерь существовал до 19 г.

Набор вещей ступени В1а представлен также в лагерях, построенных Тиберием и Германиком в 14-17 гг. — Ауерберг, Виндониса, Кемптен, но в лагерях Клавдия, построенных около 40 г. н.э., набор уже меняется, соответствуя ступени В1b (рис. 23).

С другой стороны, смена чешской волны импортов на словацкую тоже соответствующую В1b по Я.Тейралу и Р.Волонгевичу,

происходит в результате событий 19 г. н.э. после краха Маробода.

Таким образом, получается, что исходя из исторических событий, нам следовало бы датировать ступень B1a между 6 г. и 19 г. н.э., а исходя из материалов лагерей — или от 15 г. до н.э. по 40 или от 14-17 г. н.э. по 40 (рис. 23). Получающееся противоречие между историческими и археологическими датами не кажется критическим. оно вполне объяснимо некоторой инерцией материальной культуры и можно думать, что, начавшись в 6 г. н.э., формирование нового стиля завершилось к 17 г., а всего два года спустя новый поворот событий вызвал процесс изменений, завершившийся к 40-м года (рис.23).

***Римское время. Ступени B1b и B1c** (рис.23-24).*

Время словацкой, ванниевской волны импортов в варварскую Европу (рис. 7). Набор аналогичных форм бронзовой посуды, фибул, пряжек находим в лагерях, построенных Клавдием, заботившемся об укреплении рейнско-дунайской границы — в Айслинге, Бургхфе, Хюфингене, Хофхайме, Райнгенхайме во II и III слоях Кемптена. Это горизонт фибул A 68.

Относительное спокойствие на германской границе, отказ от экспансионистской политики способствовали стабилизации солдатской провинциально-римской культуры, и как ни странно, усилили римское воздействие на культуру варваров. В Германию Либера в это время поступают бронзовые тазы E 99-100 с атташе ручек в виде змеиных головок, кувшины E 124 заменяются более приземистыми E 125, вместо котелков с лебедиными головками на ручке появляются более простые с полукруглым или круглым отверстием E 137-139, цедилки с волютами на ручке заменяются другими, E 162. Вместо чаш из пестрого цветного стекла миллефиори поступают к варварам в B1b аналогичные по форме, но из бесцветного или голубоватого стекла E 182 (рис.7). Дагностируют ступень B1b, кроме развитых форм аукисс и репейчатых фибул, сильнопрофилированные A 68, глазчатые A 46, появляются и глазчатые фибулы так называемой «основной серии», уже утратившие «глазки» A 53. Из норико-паннонских изделий продолжают бытовать A 236b, c, характерны A 238e, d, с ажурной розеткой на приемнике, появляются A 238m. Для поясов очень характерны бронзовые обкладки в стиле opus interrasile B1f-c и B2f, b, e, сочетающиеся с пряжками G-2 c-d и дужками E 26, E 3f-b. Пряжки типов U и C становятся, как правило, короче.

Нижняя хронологическая граница ступени B1b, как уже отмечалось, лежит между 19 г. и 40-ми годами I в. Верхняя не очень ясна. На некоторых территориях, в частности в Словакии, выделяется еще ступень B1c, сочетающая вещи B1b и B2 (Kolnik 1971; 1980), но насколько это явление общеевропейское, сказать пока трудно.

Ступень B1c.

Диагностирующими индикаторами этой ступени можно было бы назвать — фибулы A 69 со сплошным приемником, ранние варианты трубчатых фибул A 75, 77, фибулы A 238g, h, котелки с круглым отверстием в ручке E 140 и E 142, цедилки E 160. Из пряжек — укороченная форма типа C — форма Бойдефельд (рис. 24:21) (Raddatz 1957, c.28-30). Но все эти типы, появляющиеся в B1 и живущие в B2.

Историческим рубежом между B1b и B1c могли бы, вероятно, служить события 50 г., когда Ванний был разбит гермундурами и лугиями. Рубежом же между B1 в целом и B2 безусловно является 68-70 гг., годы троецарствия, смены династии, прихода к власти Флавиев. В это время гибнет в огне гражданской войны ряд лагерей Клавдия. Новые укрепления Флавии создают в начале 80-х годов — Цугмантель, Заальбург, Ньюстеад и др. (рис. 23). Они дают набор вещей, диагностирующих B2 (рис. 24). таким образом трудноуловимая «исчезающая» ступень B1c оказывается лежащей между 50 и 70 гг. по историческим данным и между 70 г. (разрушение Айслингена, Бургхофе и др.) и началом 80-х гг. (перестройки лимеса Домицианом) по археологическим данным.

Ступень B2. Время словацко-датской волны импортов.

Был освоен западный морской путь из низовьев Рейна в Балтику. Время тесных, активных и относительно мирных германско-римских отношений. Римская экспансия уже захлебнулась, германский котел бурлит, но давление на плотно прикрытую крышку лимеса еще далеко от опасного предела. Аристократические слои германцев охотно перенимают элементы римской культуры, большинство так называемых «княжеских погребений любишевского типа» в Центральной и Северной Европе относится именно в B2. Из римских вещей индикаторами B2 могут служить котелки E 142, часто со штемпелем Полибия, мастера эпохи Флавиев (рис. 24:17), котелки E 144 (рис. 24:44), цедилки E 160, ситулы E 39, тазы E 102 и некоторые другие бронзы. Из стекла, кроме чаш E 183, появляются высокие кубки E 185 и E 187. Начинают в этом периоде распространяться по варварской Европе и галльские terra sigillata.

До сих пор не удавалось достаточно продолжительную ступень B2 подразделить на более мелкие фазы (Motykova-Šneidrová

1967). Только Р.Волонгевич сумел для памятников культуры вельбаркско-любовидзской в Поморье выделить три фазы (Wołągiewicz 1974; 1977). Из вещей интеррегиональных фазу B2a диагностируют глазчатые фибулы прусской серии A 57 — A 61 (рис.24:16, 19, 20). В культуре вельбаркской они не выступают в сочетаниях с сильнопрофилированными фибулами A 38-39 (рис. 24:23), представляющими уже следующую фазу B2b. Это наблюдение должно существенно повлиять на датировку прусских глазчатых фибул. О.Альмгрен в свое время считал их показателем II в. н.э. (Almgren 1923), и дата эта была широко принята. Фигурирует она и в советской археологии (Амброз 1966). Р.Ямка, пересмотрев хронологию глазчатых фибул, отнес прусскую серию к концу I в. и первой половине II в. (Jamka 1964) (рис.90). Если окажется, что хронологическая позиция их в вельбаркской культуре не сугубо локальное явление, а повсеместное, то время их бытования придется ограничить лишь последней четвертью I в., быть может, самым началом II в. И только самые поздние A 61 существуют в пределах первой половины II в. н.э. А такое изменение датировки окажется существенным для выяснения процессов, происходящих в Восточной Европе после гибели зарубинецкой культуры.

Для завершающей фазы B2c характерны сильнопрофилированные A 80, 88 и маленькие широкие фибулы-»крышечки» A 41, A 127-128.

Затем наступает переходная фаза B2/C1. Наборы ее находят обычно в женских погребениях, в то время как в мужских синхронных захоронениях встречаются уже вещи, характеризующие ступень C1a (Wołągiewicz 1977). Так наступает позднее римское время. Рубежом, отделяющим его от раннего римского времени, обычно считают маркоманнские войны 167-180 гг. (Raddatz 1957, с.145-149).

Вещи, диагностирующие ступень B2, находят в лагерях, возникших в 70-80 гг. — Регенсбург, Ратвайль, Цугмантель, Заальбург, Ньюстеад и некоторых других. Большинство их погибло или в 170-190 гг., или во время прорыва лимеса в 260 г. (рис. 23).

Что касается абсолютной датировки отдельных фаз ступени B2, что для этого пока нет определенных данных даты их сугубо условны.

В появившейся в 1987 г. статье Э.Шальмайер (Schallmayer 1987) подвел некоторые итоги изучения хронологии лагерей римского лимеса, привел имевшиеся ранее и вновь поступившие обоснования датировок отдельных кастеллов, обсудил некоторые интересные вопросы методического порядка. В предложенную здесь схему это, однако, не привносит каких-либо изменений. Если дата лагеря в Оберадене и изменилась на два года (11-8 гг. до н.э. вместо 12-9 гг. до н.э.) благодаря исследованиям дендрохронологии и критике письменных источников, то для наших целей это вряд ли существенно, а других решительных перемен не произошло.

4. Несколько замечаний о хронологии Восточной Европы.

Для Восточной Европы единая хронологическая система интересующего нас периода пока не создана. Если для зарубинецкой и поянешты-лукашевской культур можно с некоторыми корректировками использовать европейскую систему, и в разработках К.В.Каспаровой и В.Е.Еременко она используется, то с остальными культурами все сложнее. Не связаны воедино наработки по скифской хронологии, появились интересные работы с использованием корреляционного метода по хронологии сарматских древностей Северного Кавказа (Марченко 1988; Берлизов 1990), но единой системы нет и у сарматологов. Схема же, предложенная в свое время Б.И.Граковым, слишком обща и теперь уже мало кого удовлетворяет.

А.С.Скрипкин (1990; 1992) предложил новые определения абсолютных дат, сохраняя прежнюю терминологию. Верхняя дата прохоровской (раннесарматской) культуры поднялась до рубежа эр, сдвинувшись на целое столетие, среднесарматская (сусловская) ограничилась I — началом II вв. н.э. (Рис.25). Основой для изменения абсолютной хронологии послужили, в частности, среднелатенские фибулы, все чаще находимые в сарматских комплексах. К сожалению многие из них дошли до нас в обломках, что затрудняет определение типов.

Из приводимых А.С.Скрипкиным примеров отчетливо определяется лишь вариант D/E из погр.3 кургана 27 в Калиновке и «неапольский» вариант из Арапчина (Скрипкин 1990, рис.38:38, 36). Оба в системе европейских древностей характерны для средней фазы ППВ, синхронизируемой с концом ступени C2 и ступенью D1, то есть приблизительно конца II — первой половины I вв до н.э. бытование их во второй половине I в до н.э. уже проблематично.

И наоборот, фибула их кургана 2 могильника Первомайский X (Скрипкин 1990, рис.38:33), относимого к сусловской культуре, принадлежит к типу Алезия второй половины I в до н.э. (Щукин 1989д).

Очевидно, переход от одной культуры к другой был и более длительным, и начал-

ся раньше, не с рубежа н.э., как это представлялось А.С.Скрипкину. Изменения, произошедшие в латенской хронологии не были им учтены в полной мере.

По другому пути пошел Н.Е.Берлизов, решившись полностью отказаться от терминологии Б.Н.Гракова и разрабатывая систему более дробного членения с буквенными обозначениями ступеней по образцу европейской (Берлизов 1993; Берлизов, Каминский 1994). Однако и к его системе можно предъявить претензии из-за ограничения материалами лишь комплексов с катакомбами, из-за недостаточной четкости в определении абсолютных дат.

Тем не менее создание системы сарматской хронологии началось, что отрадно. Впереди однако еще большая работа, не входящая сейчас в наши задачи.

Пока же даже в античной археологии Северного Причерноморья, где имеется масса возможностей для достаточно надежного датирования, ни разу не предпринимались попытки сведения всех данных в системе. Точнее в каждой из названных отраслей археологии такие схемы неизбежно возникают сами собой, но существуют на уровне «научного фольклора», не реализуясь в обобщающие работы. А пользуясь отдельными хронологическими разработками, то и дело попадаешь в порочный круг взаимных ссылок и не всегда удается докопаться до реальных оснований датировки той или иной вещи.

Разработка единой хронологической системы Восточной Европы сейчас не входит и в наши задачи. Одному человеку это не под силу. Делу могла бы помочь, быть может, организация специальной группы или лаборатории, оснащенной возможностью компьютерной обработки материалов.

Поэтому в тех случаях, когда выходы на европейскую систему отсутствуют, нам придется пользоваться обычным методом аналогий, имеющимися типологическими разработками и хронологическими определениями, проверяя и корректируя их по мере возможности.

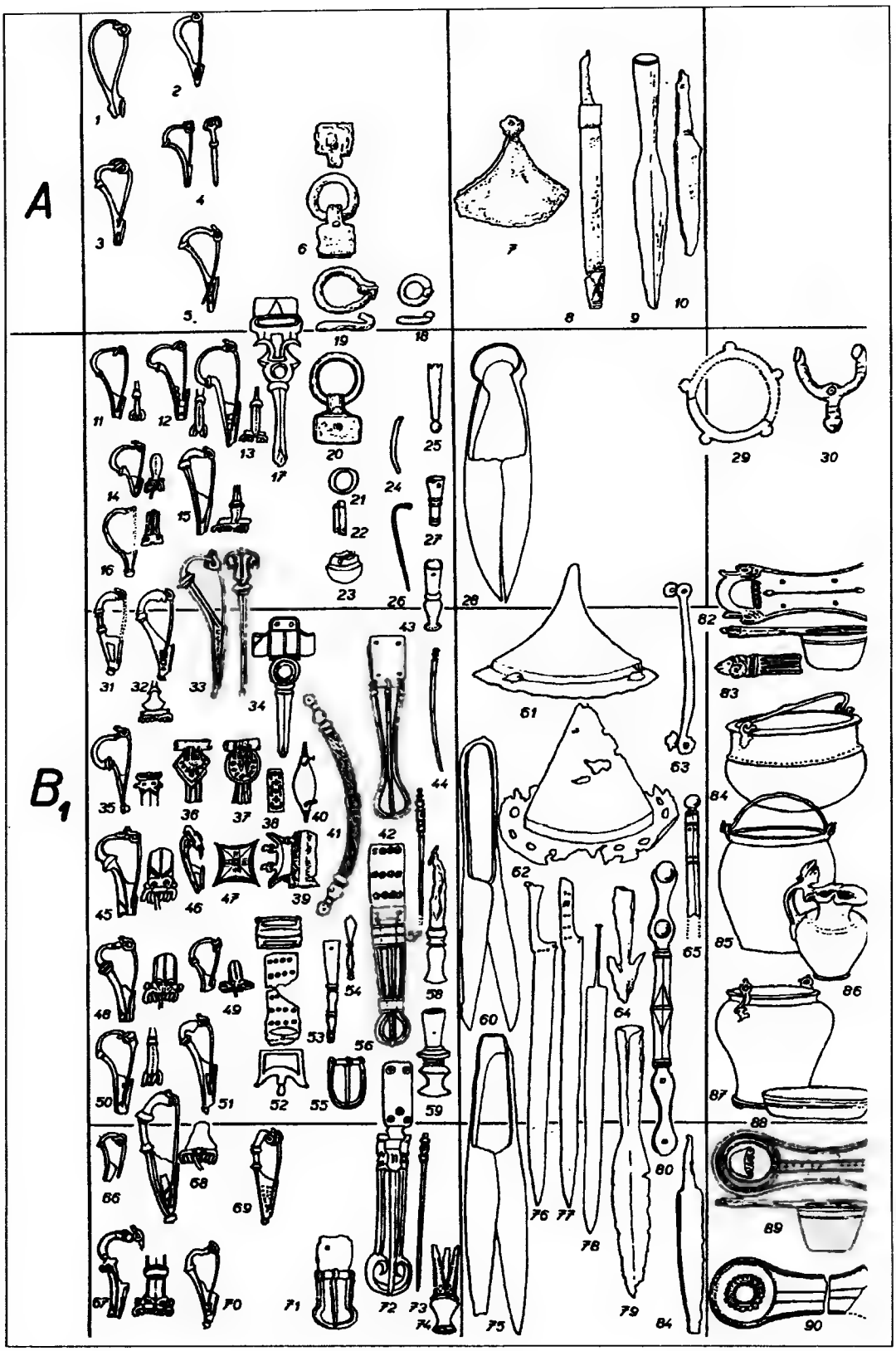


Рис. 6. Основные хронологические индикаторы раннеримского времени в Чехии (по К.Мотыковой-Шнайдровой).

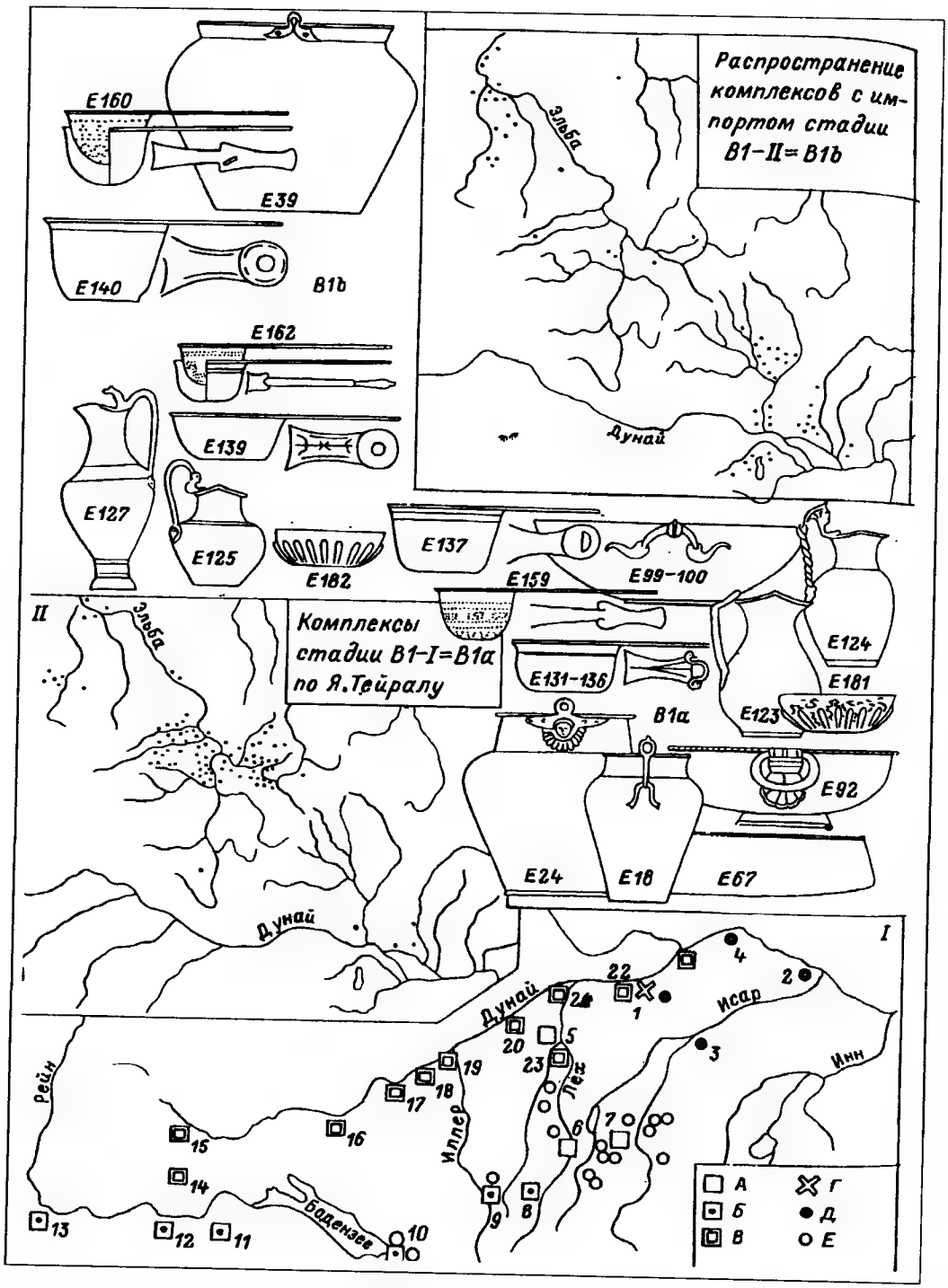


Рис. 7. Территориальное распространение римских импортов в Центральной Европе (по Я.Тейралу), демонстрирующее два этапа и два пути их поступления: ступень B1a (карта II) и ступень B1b (карта III). Карта I по П.Глюсингу показывают местонахождение римских лагерей эпохи Августа (а), Тиберия (б) и Клавдия (в), а также германских могильников начала горизонта Гроссромштадт (д) и местных поселений рэтов (е). Видно, что Манхинг (г) не попадает в зону римской оккупации эпохи Августа.

А — лагеря времени Августа; Б — Тиберия, В — Клавдия; Г — кельтский оппидум Манхинг; Д — памятники германцев-свевов; Е — могильники местного ретийского населения. 1 — Манхинг, 2 — Уттенхофен, 3 — Кронвинкл, 4 — Регенсбург, 5 — Оберхаузен, 6 — Лоренцберг, 7 — Гаутинг, 8 — Ауэрберг, 9 — Кемптен, 10 — Брегенц, 11 — Винтертюр, 12 — Виндониса, 13 — Базель, 14 — Шлетхайм, 15 — Хюфинген, 16 — Манген, 17 — Эмеркинген, 18 — Ристиссен, 19 — Унтеркирхинген, 20 — Айслинген, 21 — Бургхоффе, 22 — Оберштимм, 23 — Аугсбург.

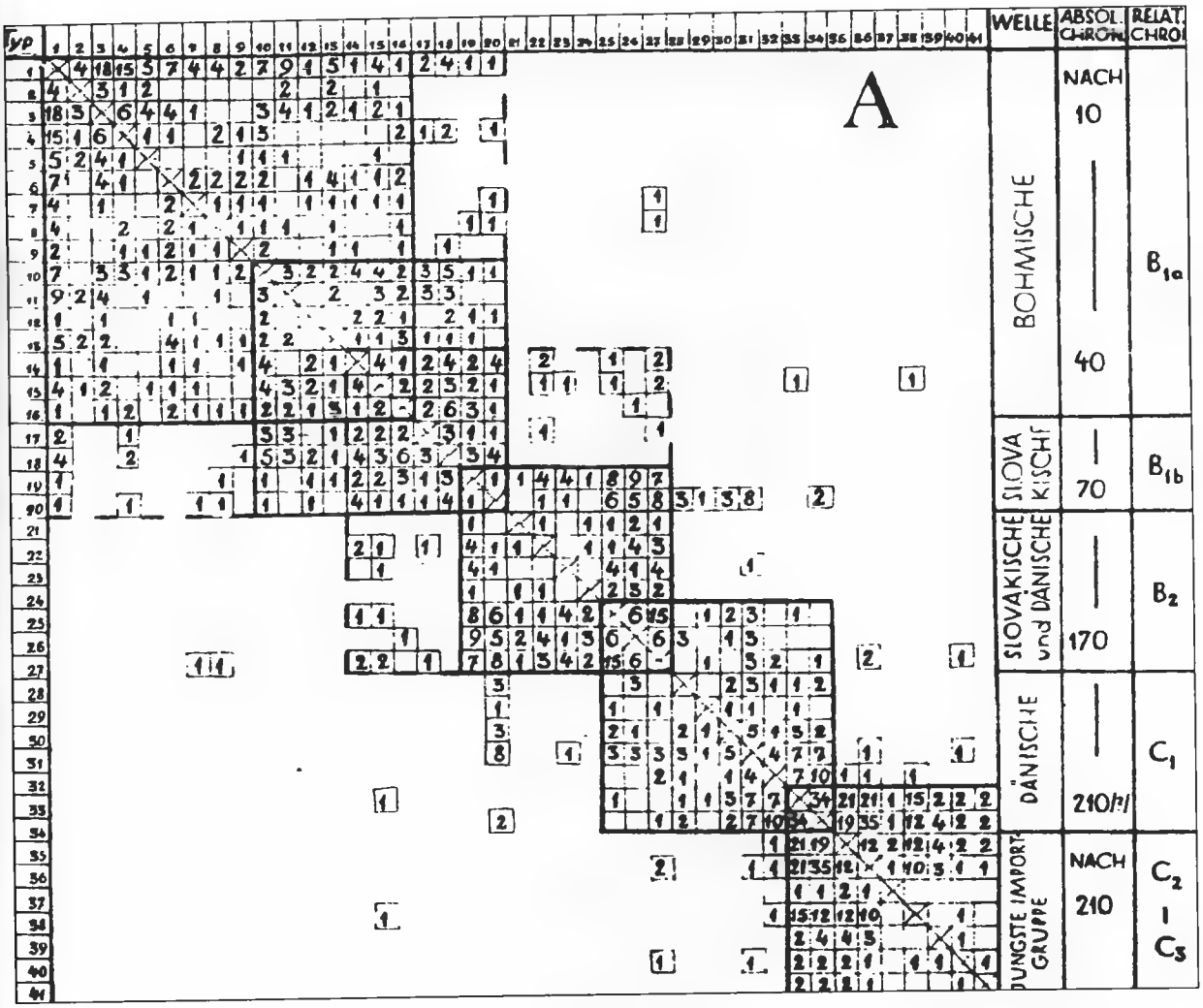


Рис. 8. Корреляционная таблица римской посуды и фибул, выделяющие волны поступления импортов в Барбарикум (по Р.Волонгевичу).

Хронологические индикаторы:

1 — фибулы ступени B_{1a}: Альмгрен (А) 10; ранние "репейчатые" фибулы, А 236-237, А 24-26, А 45-47, А671; 2 — сосуды Эггерс 18; 3 — Эггерс 131-136; 4 — норико-паннонские пояса; 5 — сосуды Эггерс 67, 69, 75, 76; 6 — Эггерс 122-124, 126; 7 — Эггерс 137, 138; 8 — Эггерс 38; 9 — Эггерс 159;10 — Эггерс 24; 11 — Эггерс 92, 96-98; 12 — Эггерс 181-182; 13 — Эггерс 154-155; 14 — Эггерс 99, 100; 15 — Эггерс 168, 170, 171.

16 — фибулы ступени B_{1b}: А 14, 75; 17 — сосуды Эггерс 125, 127; 18 — Эггерс 139-141; 19 — Эггерс 162; 20 — Эггерс 130; 21 — Эггерс 183; 22 — Эггерс 25, 26; 23 — Эггерс 184-187; 24 — Эггерс 101, 102; 25 — Эггерс 39, 40; 26 — Эггерс 142-144.

27 — фибулы ступени B_2: А 77-80, 88-92; А 38, А 60, Альмгрен группа V, серии 3, 7-9, 11; 28 — сосуды Эггерс 27-29; 29 — Эггерс 128; 30 — Эггерс 77; 31 — Эггерс 44-48; 32 — Эггерс 188-191, 193, 196; 33 — Эггерс 161.

34 — фибулы ступени C_1: А 88-92; А 41; А V сер. 11; А 161, 162, 167; А VII сер. 1, 2, 4; А 135; фибулы ступени C_2-D: А 158, 162, 175-184; А VII сер. 1-4; А 189; А 224, 225, 234, 235; 35 — сосуды Эггерс 56-61; 36 — Эггерс 78, 82-87; 39 — Эггерс 105-108; 40 — Эггерс 41-43; 41— Эггерс 11-14.

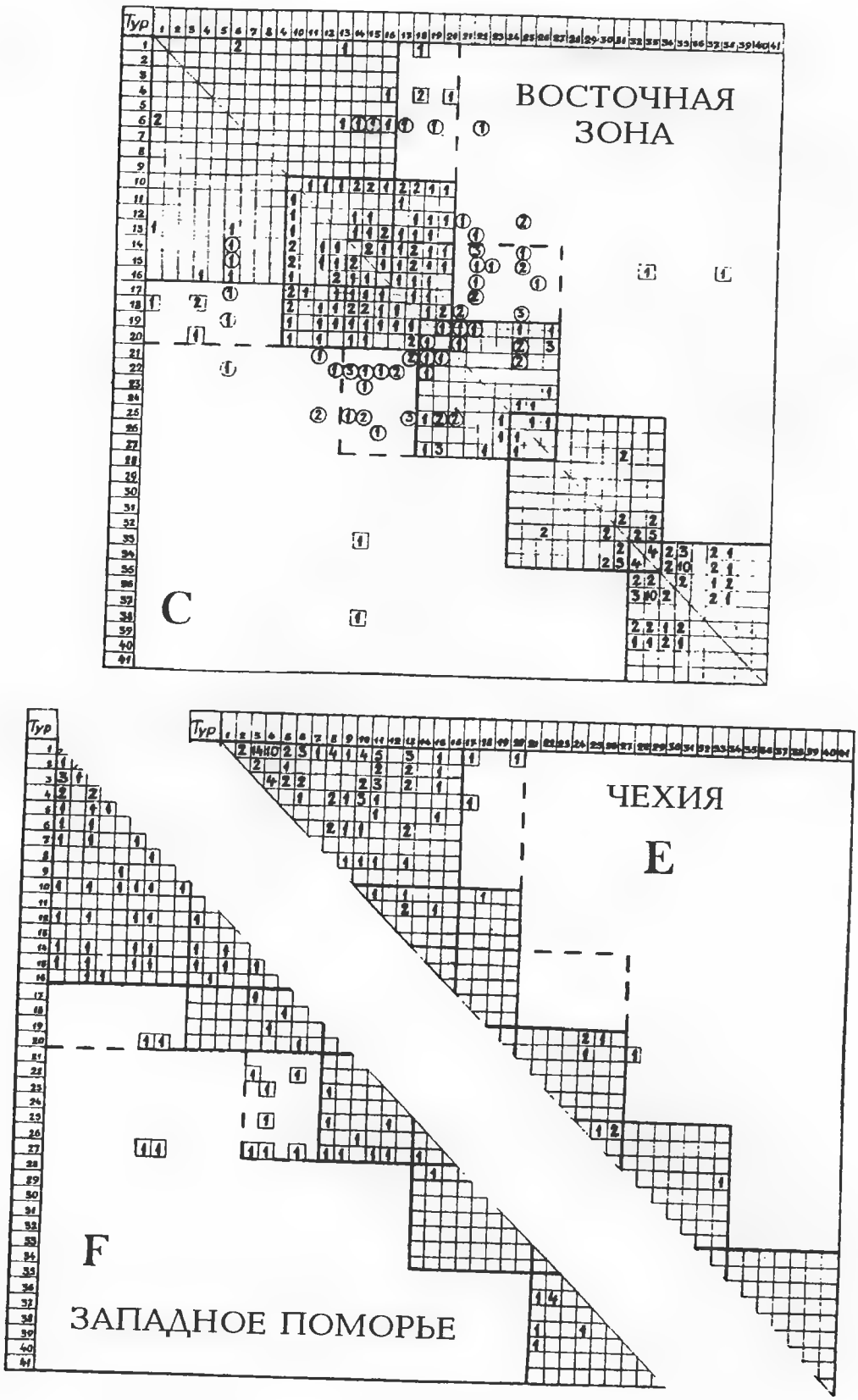


Рис. 9. Корреляционные таблицы, демонстрирующие неравномерность и разновременность поступления импортов в разные регионы Барбарикума (по Р.Волонгевичу). Хронологические индикаторы те же, что и на рис. 8.

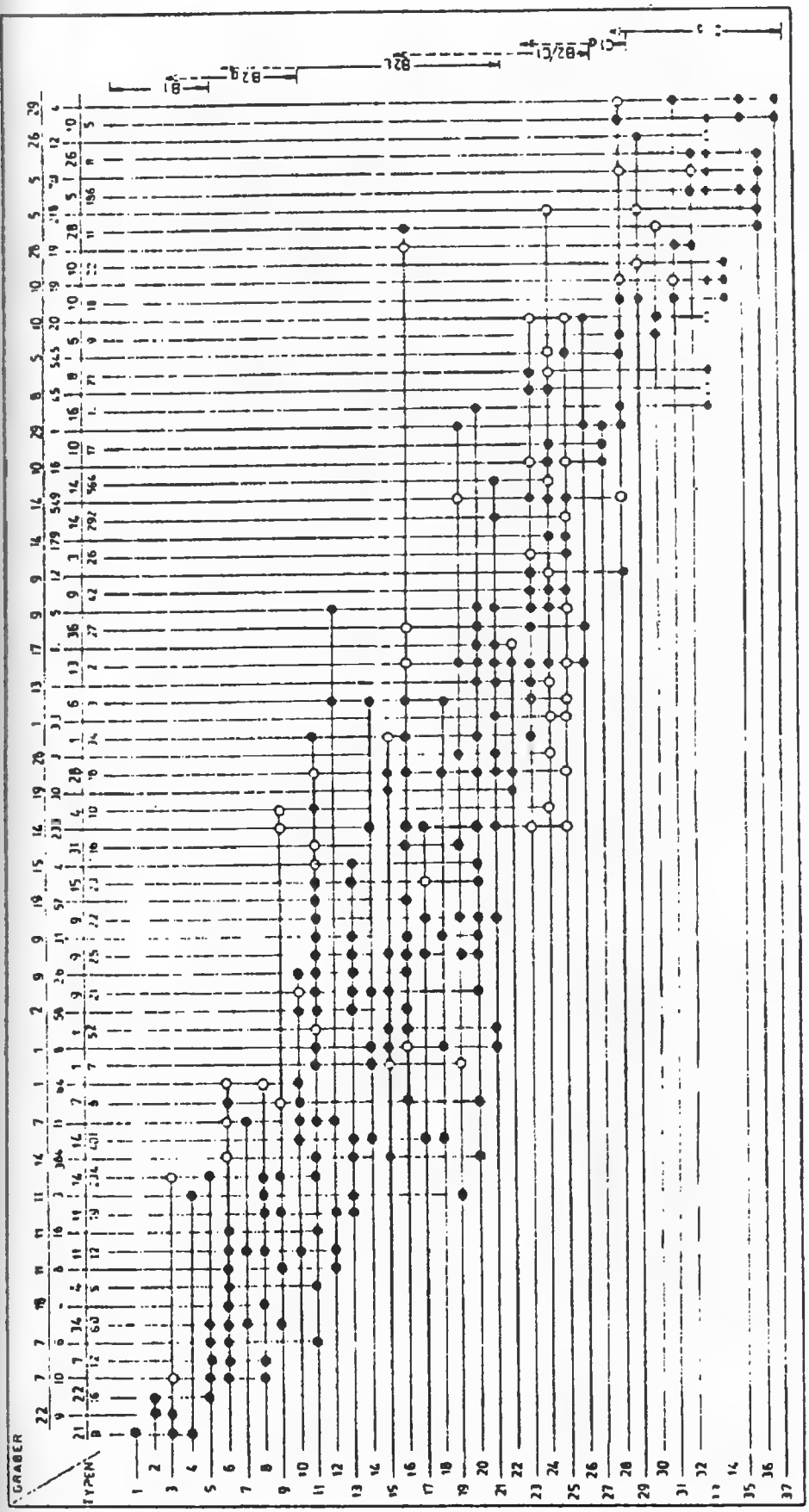


Рис. 10. Корреляционные таблицы Й.Буйны для комплексов Карпатской котловины. Женские (без оружия).

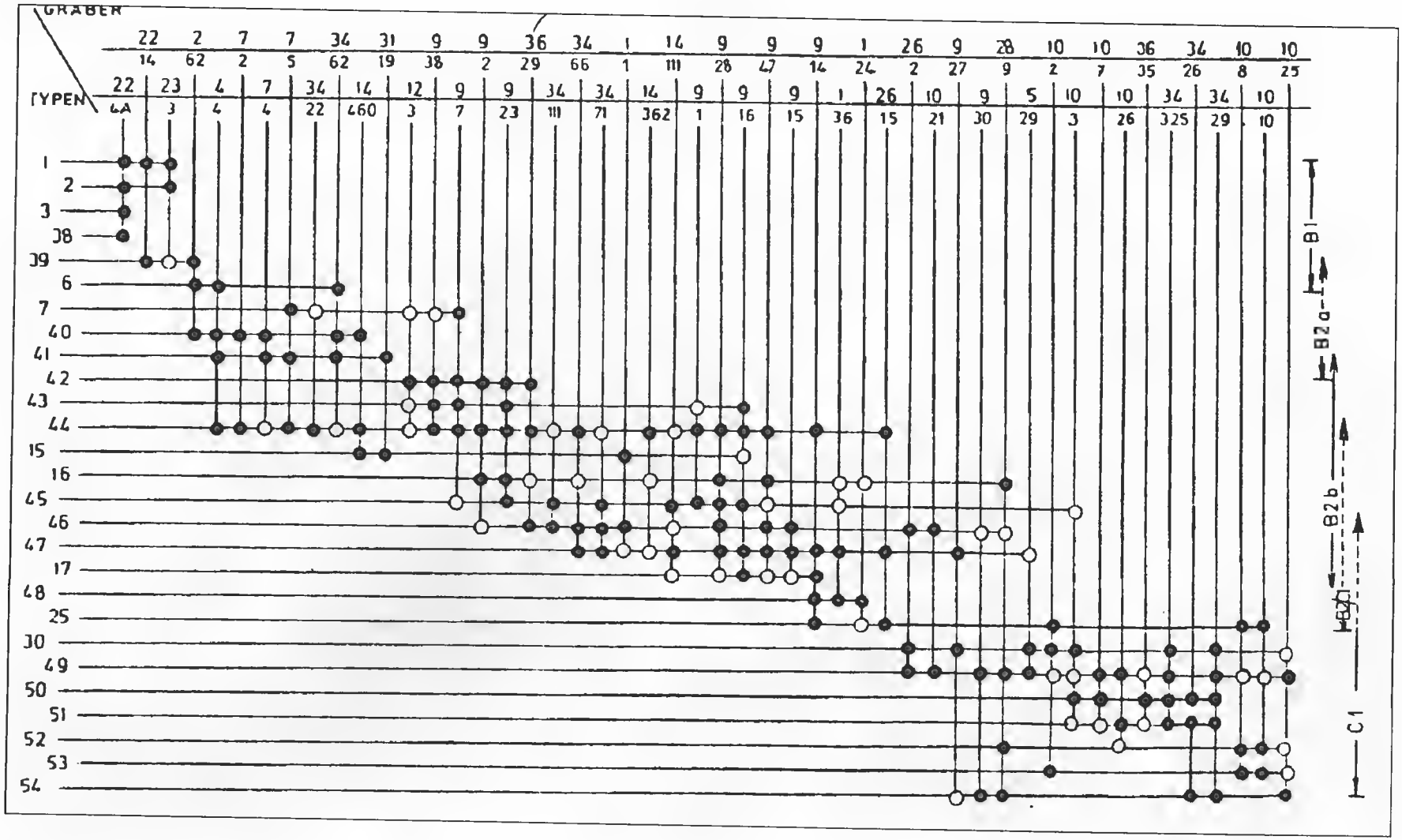


Рис. 10-а. Корреляционные таблицы Й.Буйны для комплексов Карпатской котловины. Мужские (с оружием).

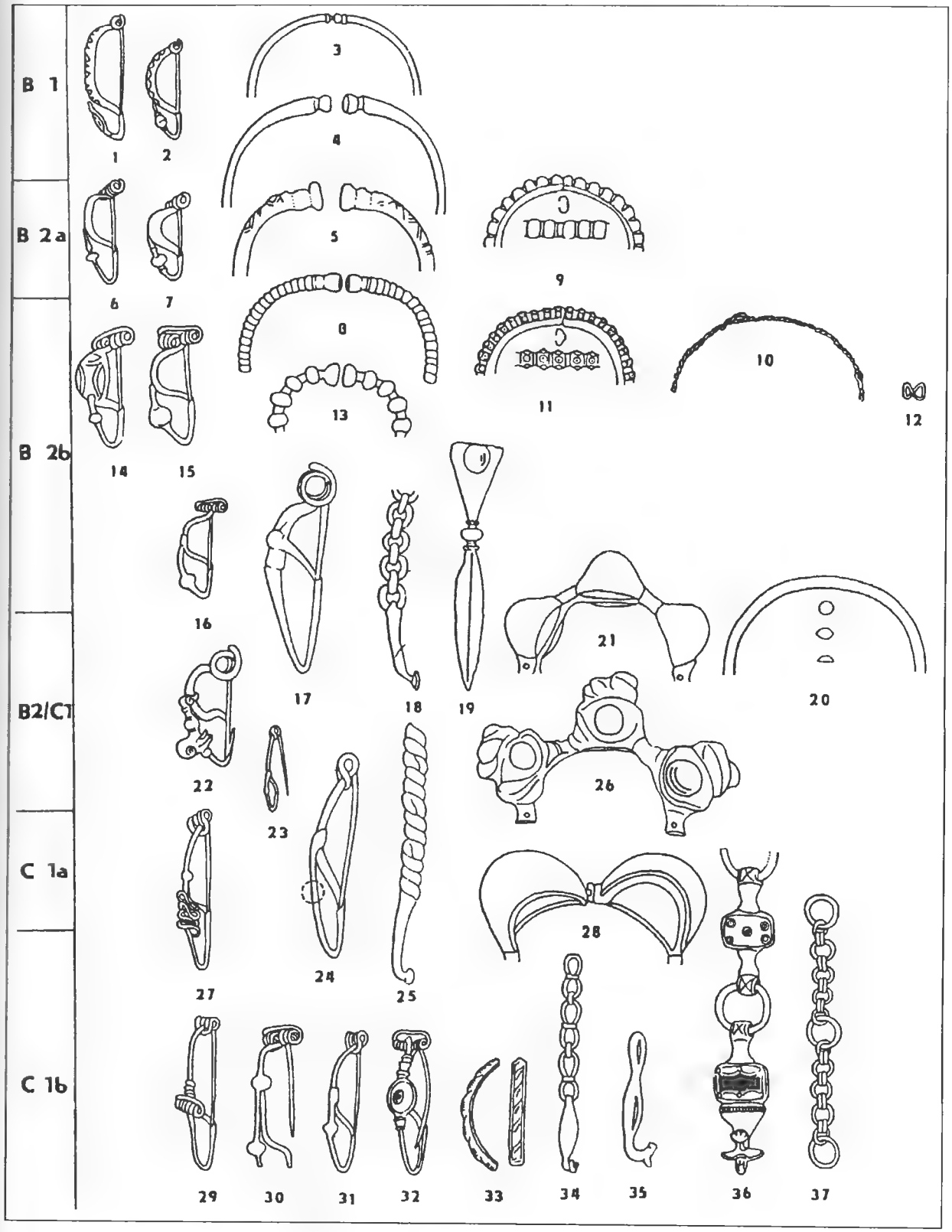


Рис. 10-а. Корреляционные таблицы Й.Буйны для комплексов Корчатской катакомбы. Мужские (с оружием).

Рис. 11. Хронологические индикаторы к комплексам без оружия (по Й.Буйне). Нумерация типов та же, что на рисунке 10.

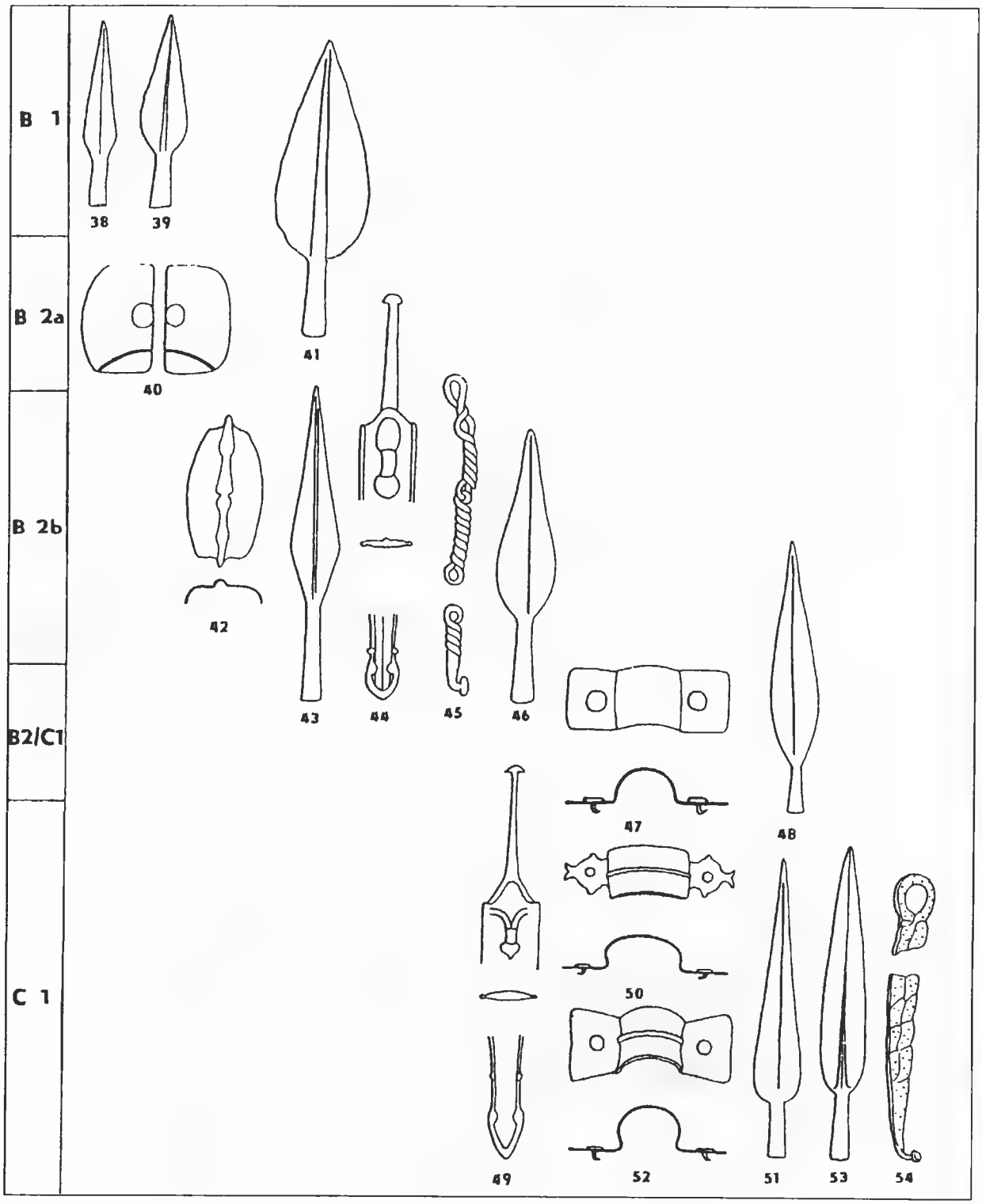


Рис. 12. Хронологические индикаторы комплексов с оружием (по Й. Буйне). Нумерация типов та же, что на рисунке 10-а.

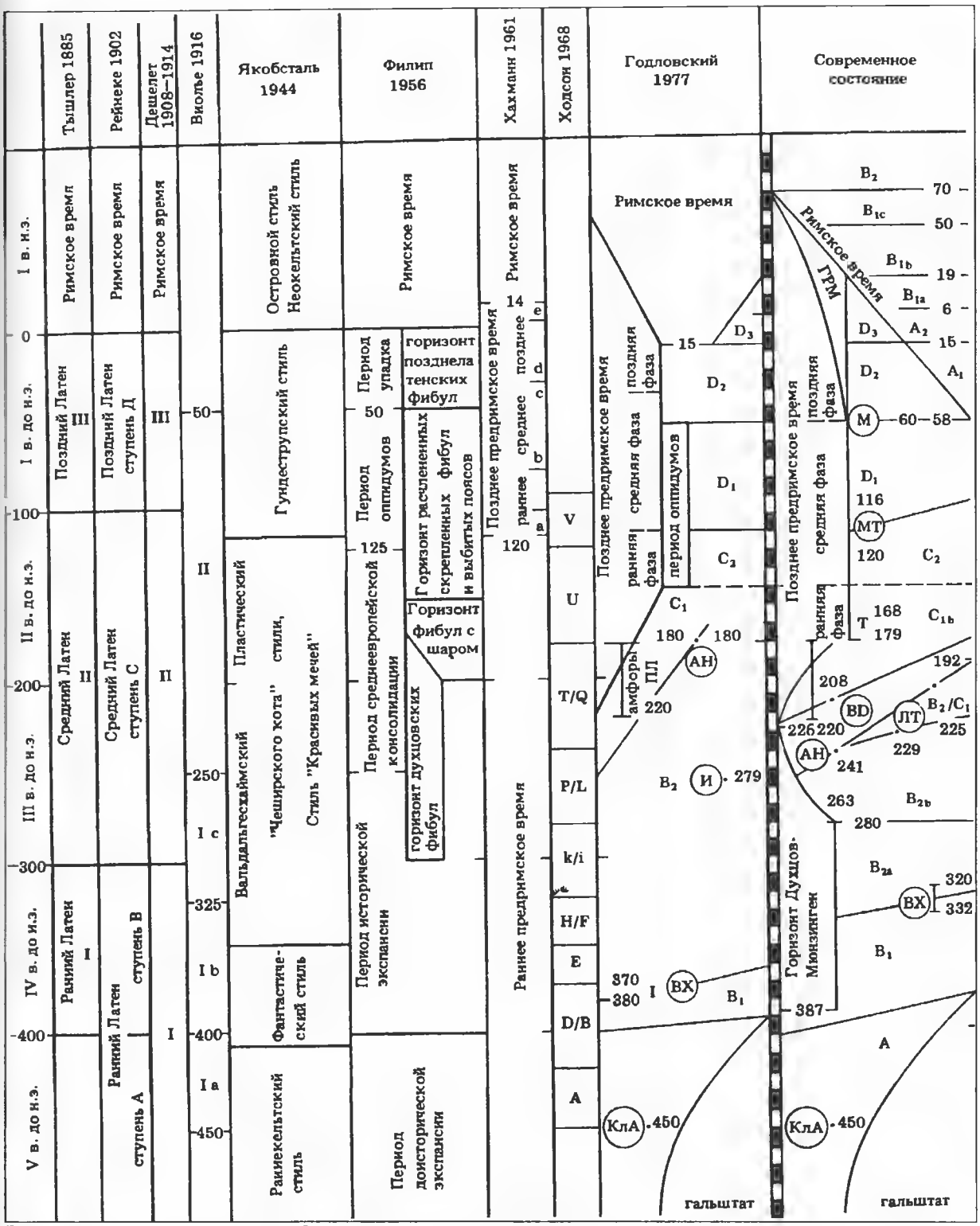


Рис. 13. Хронология эпохи Латена по разным авторам.

АН — Кельтское оружие на рельефах храма Афины Никофоры в Пергаме
BD — Begerat, погр. 96
ВХ — Вальдальгесхайм
ГРМ — горизонт Гроссромштедт
КлА — Кляйн Аспергль
ЛТ — Ла Тен
М — опидиум Манхинг
П-Л — культура Поянешти-Лукашевка
МТ — мост в Тилле
И — Истмийский колодец
450 г. до н.э. — краснофигурная керамика из Кляйн Аспергля
387 г. до н.э. — осада Рима кельтами
380-370 г. до н.э. — дата тарентского сосудаиз Вальдальгесхайма по Т. Цаальхаас
332-320 г. до н.э. — серия событий этих лет
283 г. до н.э. — оккупация римлянами земель сеннонов

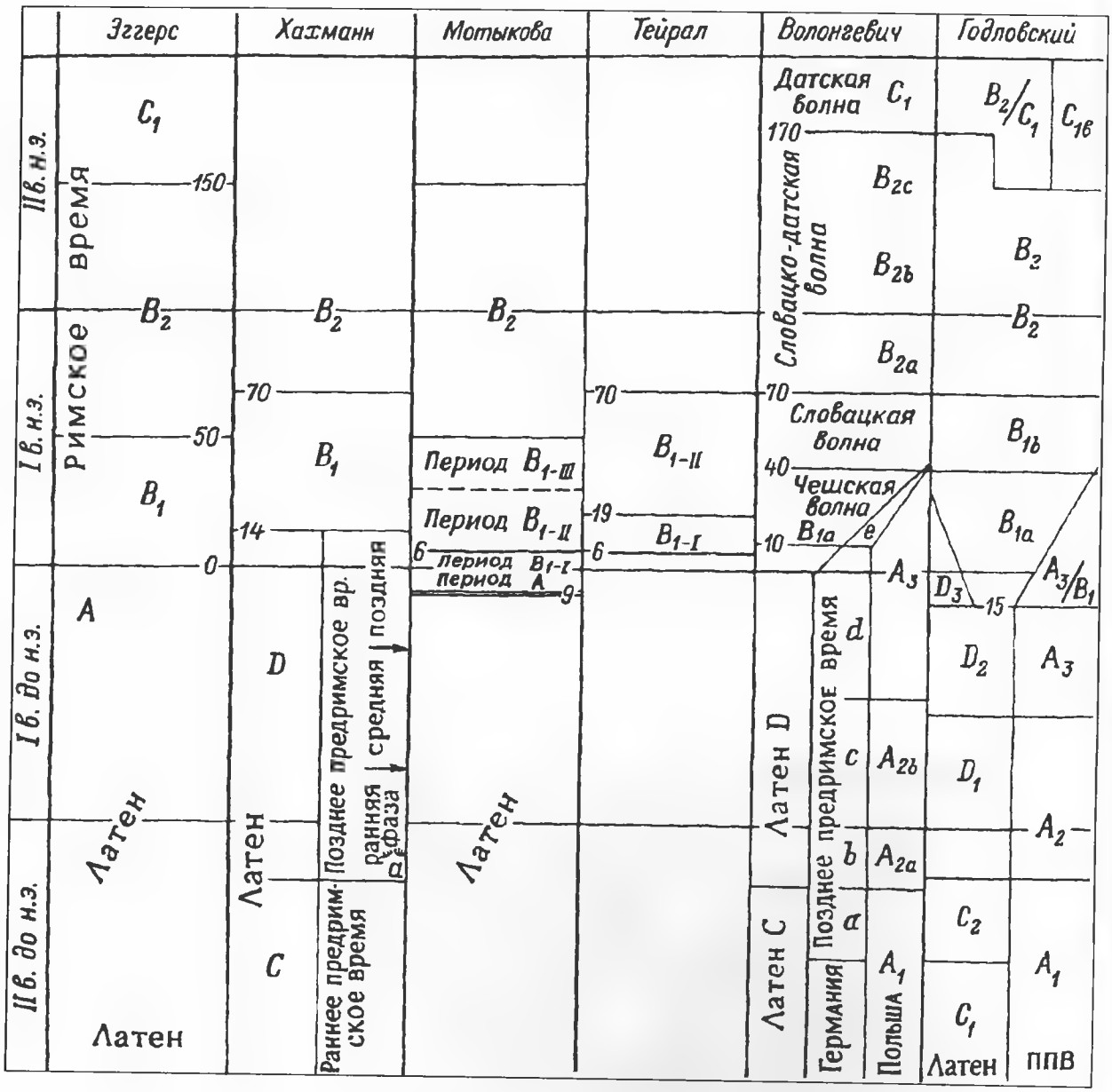


Рис. 14. Хронологические схемы членения позднего Латена, позднего предримского и раннего римского времени по разным авторам.

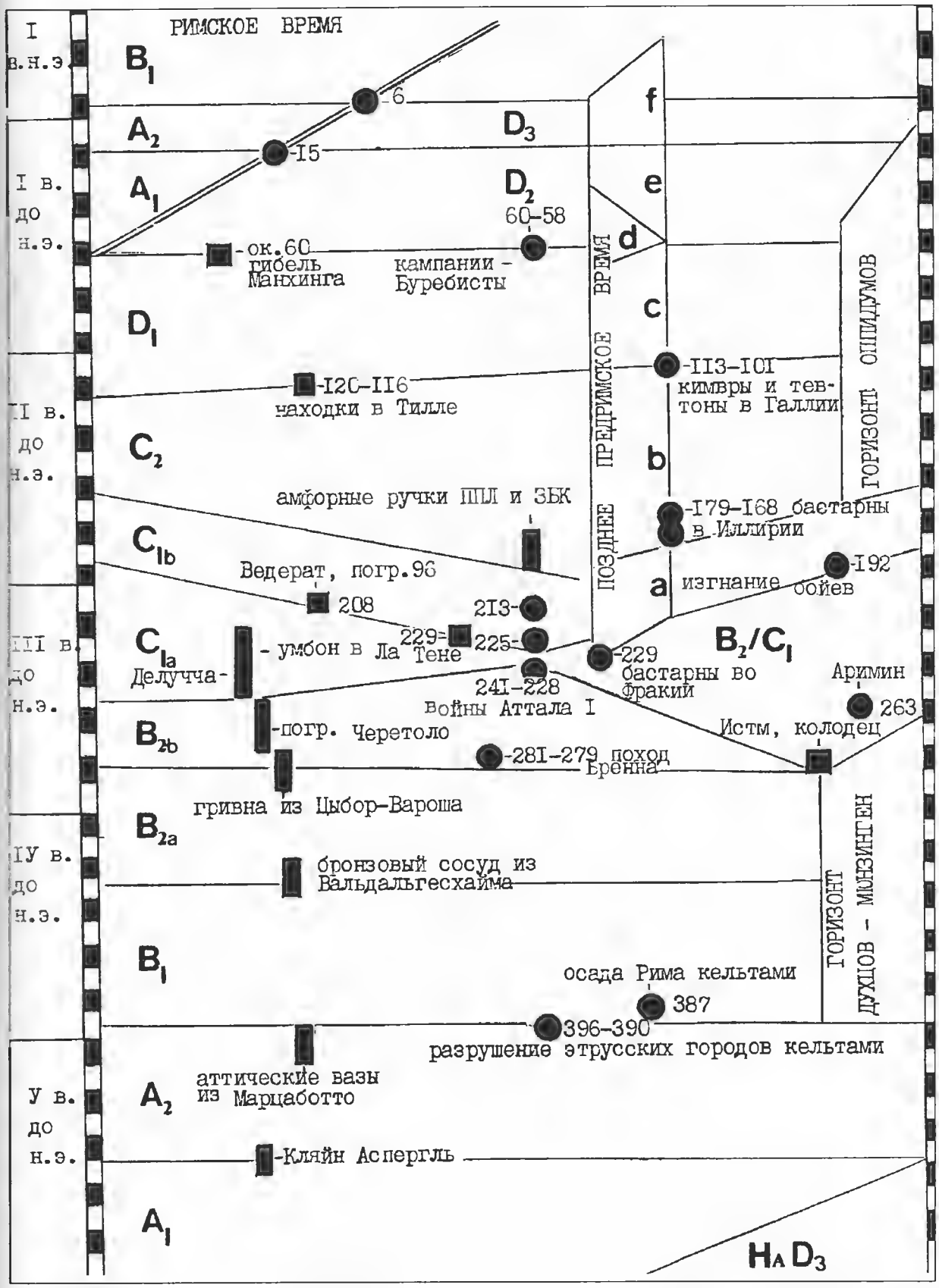


Рис. 15. Схема относительной хронологии Латена, с основными привязками к абсолютному счету времени.

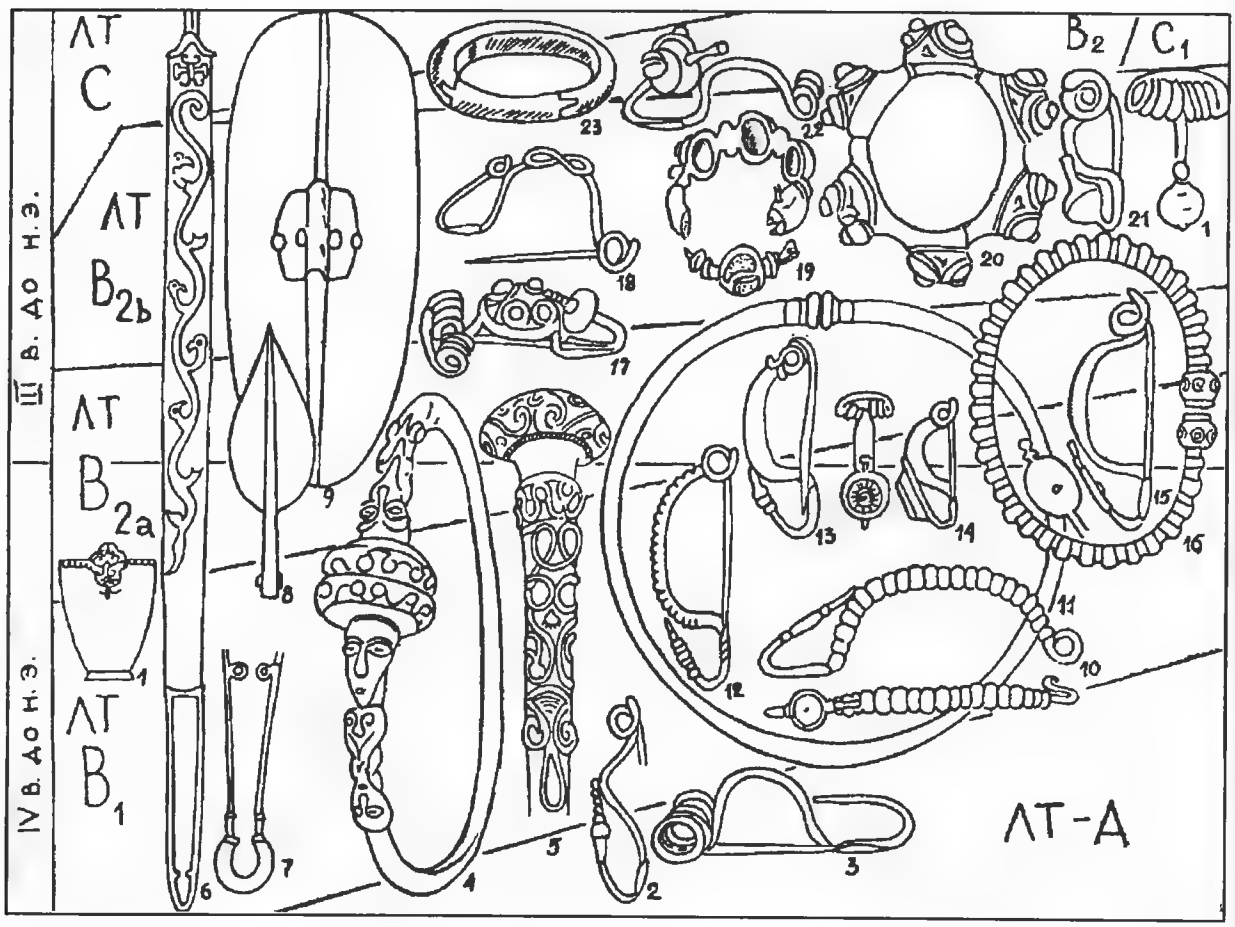


Рис. 16. Некоторые хронологические индикаторы ступеней B1 и B2 Латена. 1 — Тарентский сосуд из Вальдальгесхайма; 2,3 — раннелатенские фибулы ступени А; 4 — гривна в раннекельтском стиле; 5 — гривна из Вальдальгесхайма; 6,7 — ножны в «стиле красивых мечей» и их бутероли; 8 — широкие наконечники копий; 9 — щиты «тюреос»; 10,14,15 — мюнзингенские фибулы с «гусеничной» или гладкой спинкой; 11 — гривны с печатевидными окончаниями; 12,13 — духцовские фибулы; 16 — «гусеничные» гривны и браслеты; 17 — «пауковидные» фибулы; 18 — раннелатенские фибулы с «фальшивыми пружинками»; 19,20 — браслеты из полых полусфер в пластическом стиле; 21,22 — фибулы с большим шаром на ножке; 23 — браслеты из сапропелита.

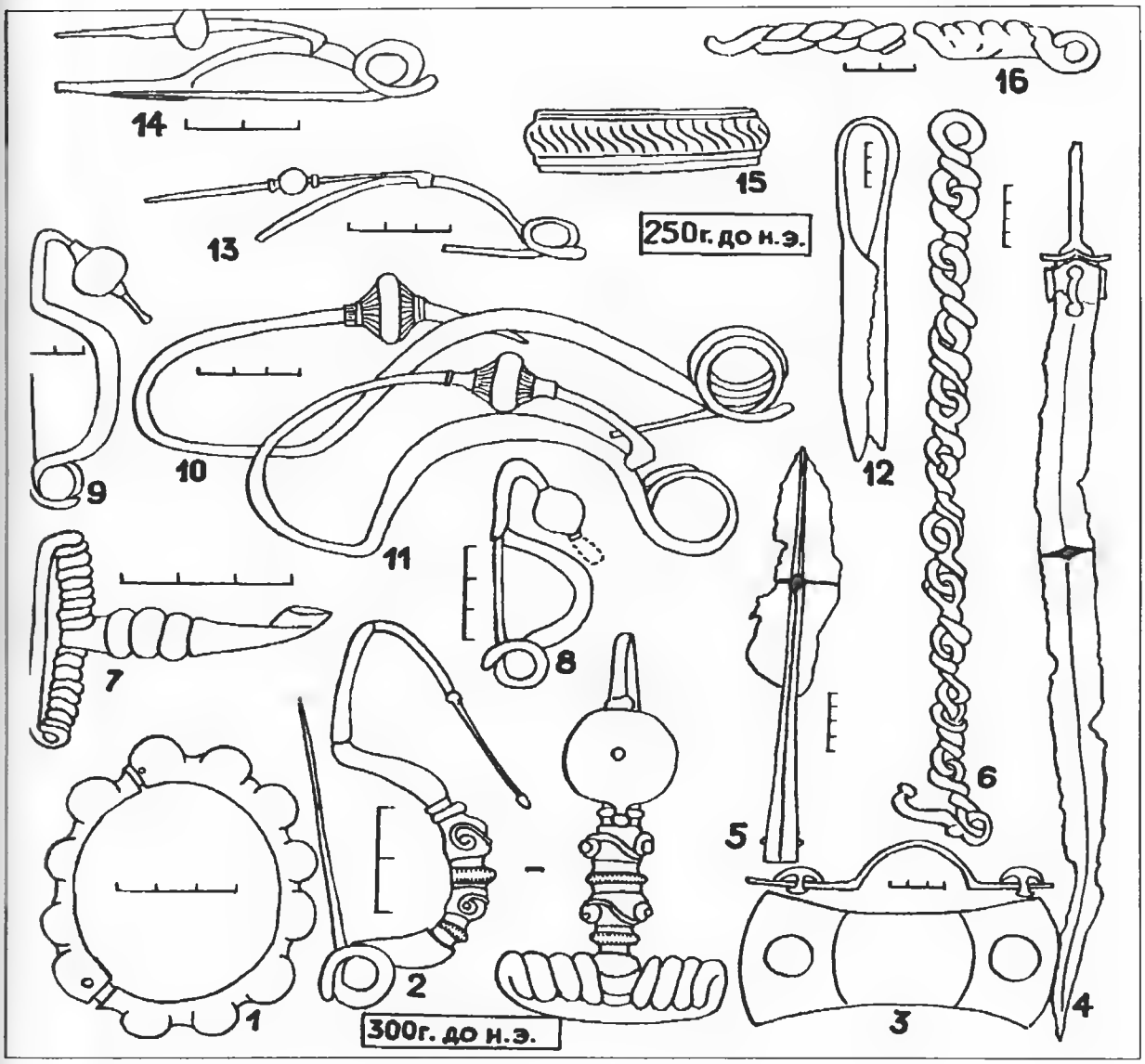


Рис. 17. Вещи из могильников Черетоло и Делучча. Переход от Латена B2 к C1 в Италии.

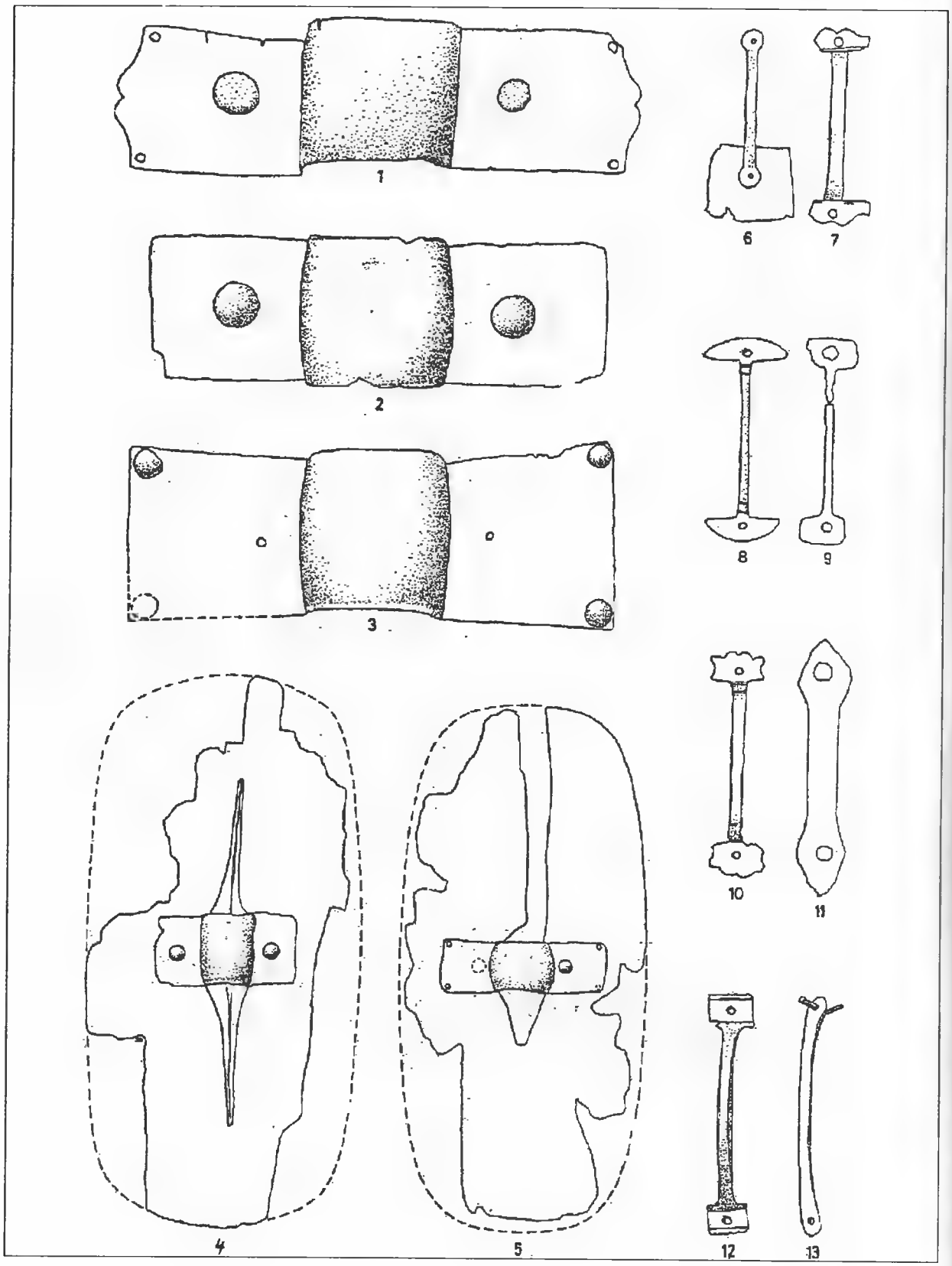


Рис. 18. Остатки щитов из Ла Тена.

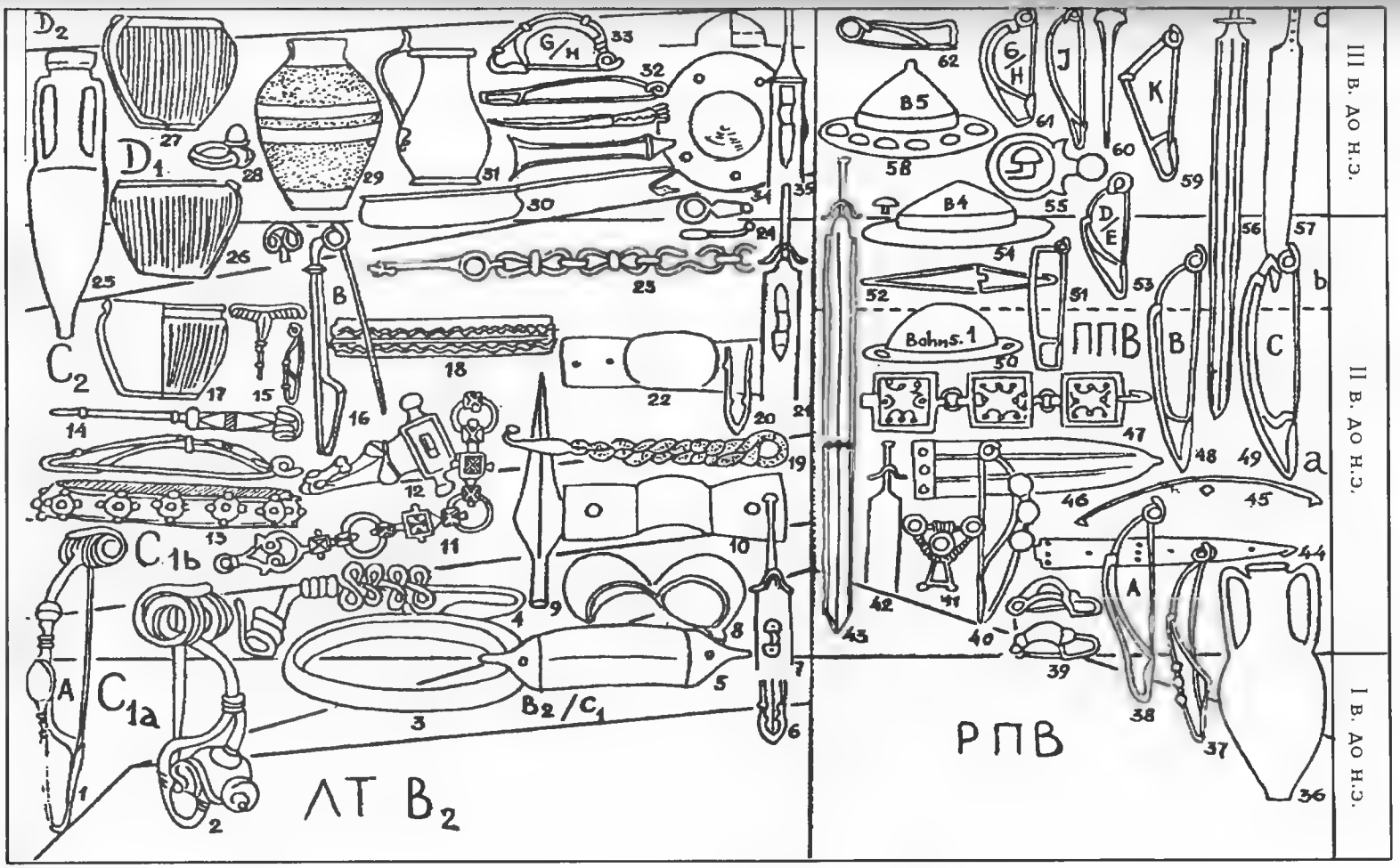


Рис. 19. Хронологические индикаторы ступеней С1, С2, D1 Латена и соответствующих стадий позднего предримского времени в «Третьем мире». 1,37 — «расчлененные» среднелатенские фибулы варианта А; 2 — фибула с шаром в пластическом стиле, но скрепленной среднелатенской конструкции; 3 — браслеты из сапропелита; 4 — среднелатенские проволочные фибулы с «восьмерками»; 5,10,22 — прямоугольные умбоны щитов и их эволюция; 8 — браслеты из крупных полых полусфер; 6,7,20,21,35 — эволюция ножен мечей, бутеролей и портупейных петель; 11 — женские бронзовые пояса-цепи с эмалью; 12,23,24,28,55 — поясные крючки с «лошадиной головкой» и эволюция их в простые формы; 13,18 — стеклянные браслеты; 14 — фибулы типа Метчвилл; 16,48,49 — фибулы вариантов В и С; 17,26,27 — графитированная керамика; 19,23 — мужские железные пояса-портупеи; 25 —амфоры типа Дрессель 1а; 29 — расписная керамика; 30 — сковородки типа Айлесфорд; 31 — кувшины типа Кельхайм; 32 — наухаймские фибулы; 33,61 — фибулы вариантов G/H; 34,50,54,58 — круглые умбоны щитов; 36 — Родосские амфоры; 38 — нерасчлененные фибулы варианта А; 39 — «мешочковидные» бронзово-железные фибулы, специфический северо-европейский вариант; 40 — фибулы с шариками; 41 — «поморские» фибулы; 42,43,56 — эволюция кельтских мечей в «Третьем мире»; 57 — однолезвийные «северные» мечи; 44,45,46,52 — поясные крючки; 47 — бронзовые пояса «гольштинского типа»; 51 — железные «позднелатенские» фибулы типа Каммер; 53 — фибулы варианта D/E; 59,60 — позднелатенские фибулы вариантов K и J; 62 — «Лангобардские» фибулы.

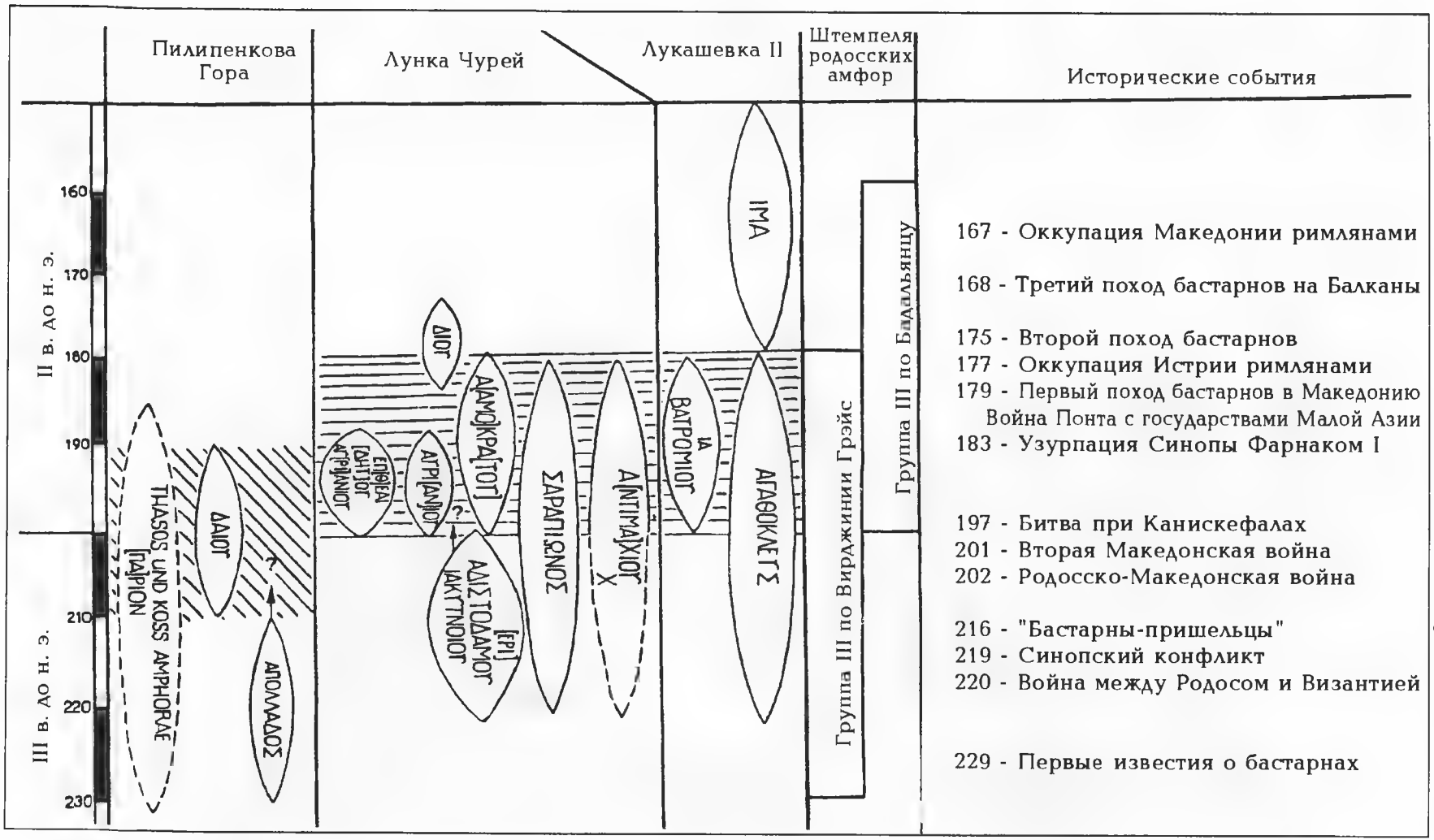


Рис. 20. Амфорные штемпеля культур Поянешты-Лукашевка и Зарубинцы (по С. П. Пачковой и М. А. Романовской), в сопоставлении с историческими событиями в Средиземноморье. Во времена военной напряженности импорт вина с островов Средиземноморья мало реален.

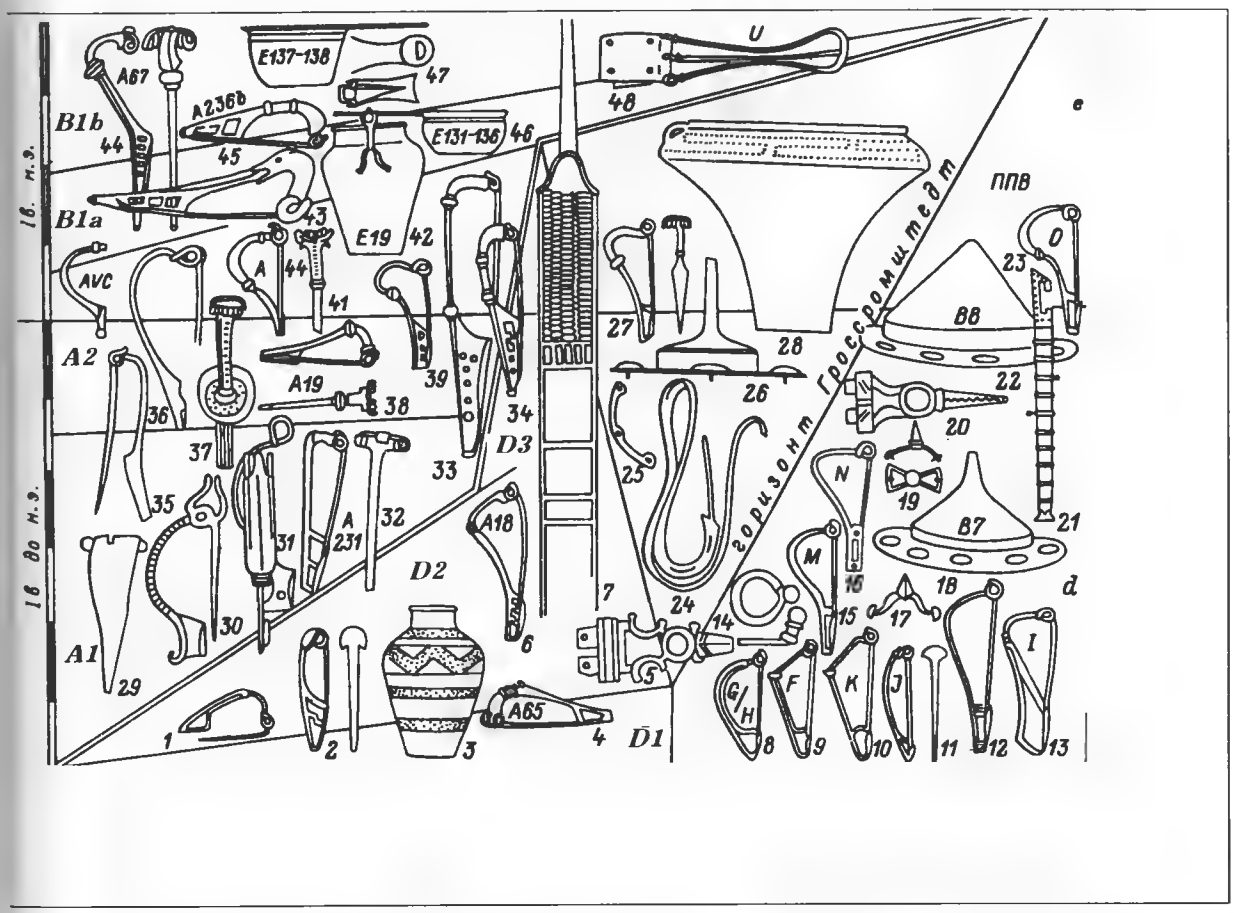


Рис.21. Соотношение хронологических групп рубежа эр и некоторые их хроноиндикаторы.

1, 8 — фибулы среднелатенской схемы варианта G/H по И.Костшевскому (вариант J по Белтцу); 2, 11 — позднелатенские фибулы варианта J по И.Костшевскому; 3 — кельтская расписная керамика; 4 — фибулы типа Альмгрен 65, прототип "крыльчатых"; 5, 20 — ажурные поясные крючки; 6 — фибулы типа Альмгрен 18, прототип "сильнопрофилированных"; 7 — норикские мечи в железных ножнах с ажурными накладками в стиле "опус интеррасиле"; 9 — фибулы среднелатенской схемы варианта F по И.Костшевскому; 10 — позднелатенские фибулы схемы варианта K по И.Костшевскому; 12 — позднелатенские "рамчатые" фибулы Альмгрен; 15, 18 — "лангобардские" фибулы среднелатенской схемы варианта I по И.Костшевскому; 14 — поясные крючки-колечки; 15, 16, 23 — позднелатенские "прогнутые" фибулы вариантов M — N — O по И.Костшевскому; 17 — позднелатенские шпоры; 18 — умбоны щитов типа 7 по Бонзаку; 19 — "стульчатые" шпоры; 20 — ажурные поясные крючки; 21 — однолезвийные мечи в ножнах с оковками; 22 — умбоны щитов типа 8 по Бонзаку; 24 — согнутые по пшеворскому ритуалу мечи горизонта Гроссромштедт; 25 — оковки края щитов; 26 — умбоны щитов с шипом; 27 — позднелатенские "прогнутые" фибулы варианта M/N по И.Костшевскому с треугольной ножкой (тип Гроссромштедт); 28 — керамические чернолощеные вазы-сигулы типа Гроссромштедт — Тышице; 29 — шарнирные фибулы типа Алезия; 30 — щипцовые шарнирные фибулы; 31 — фибулы типа Езерине; 32 — фибулы типа Альмгрен 241, раннеримские, с крючком для удержания пружины на головке; 33 — фибулы типа Альмгрен 237а (по Гарбшу); 34 — фибулы типа Альмгрен 236 (по Гарбшу); 35, 36 — раннеримские "легионные", или "воинские", фибулы; 37 — ранние "репейчатые" фибулы; 38 — фибулы Альмгрен 19; 39 — фибулы "бойев", вариант O по И.Костшевскому; 40 — ранние варианты фибул типа "аукисса" (без надписи); 41 —фибулы типа Альмгрен 44 (прототип "глазчатых"); 42 — бронзовые ведра типа Эггеро 19, с атташе в виде дельфинчиков; 43 — фибулы с кусающимся зверем на дужке (вариант "Эмона" типа Альмгрен 67); 44 — сильнопрофилированные фибулы типа Альмгрен 67; 45 — фибулы типа Альмгрен 236 (по Гарбшу); 46 — ковши-котелки типа Эггерс 131 — 136 с лебедиными головками на ручке; 47 — ковши-котелки типа Эггерс 137 — 138 с полукруглым отверстием на ручке; 48 — "маркоманские" длинные пряжки типа U (по Раддатцу)

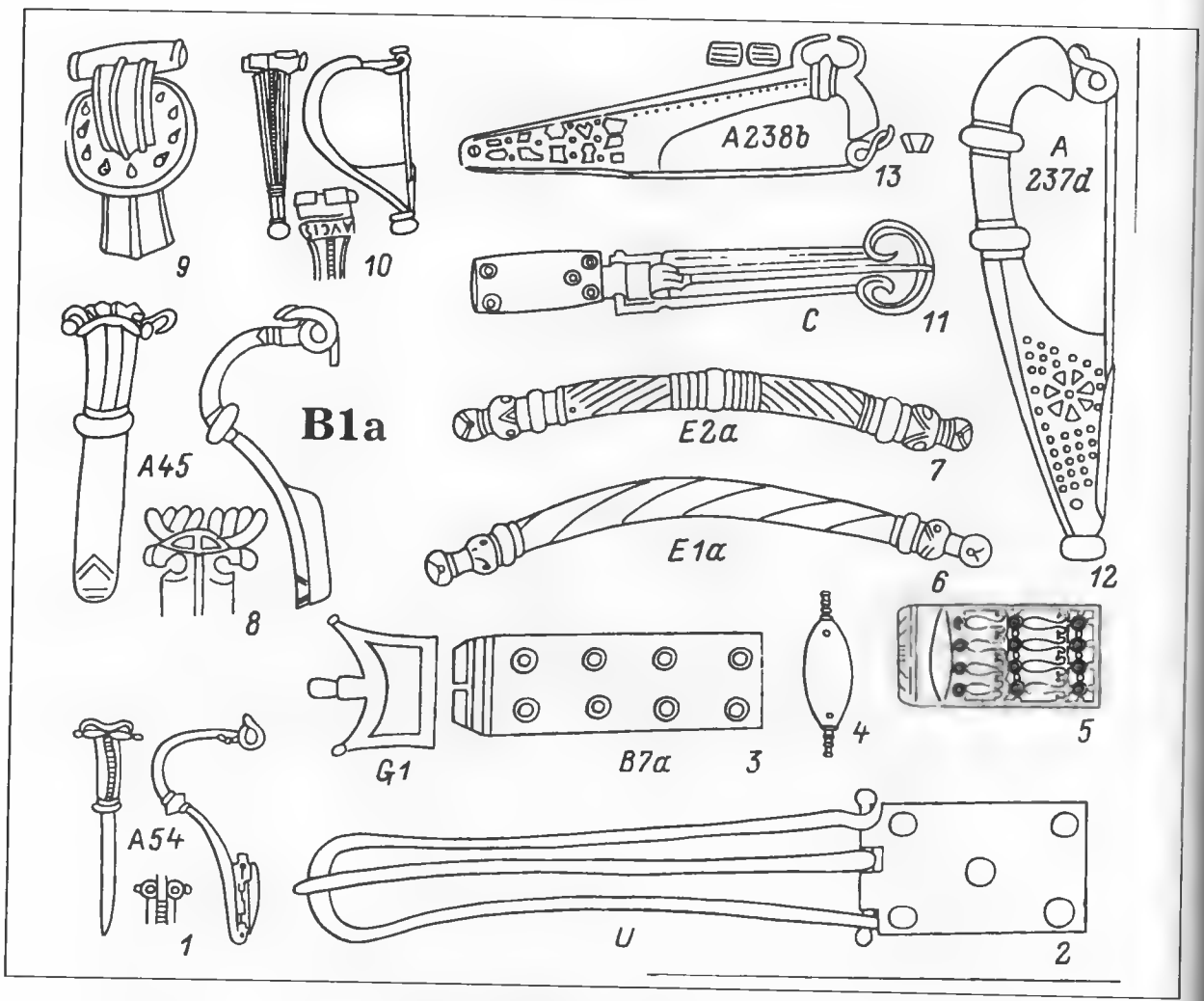


Рис. 22. Некоторые хронологические индикаторы ступени B1a.

1 — фибулы типа Альмгрен 54 (начальный вариант "глазчатых"); 2 — "маркоманские" пряжки типа U (по Раддатцу); 3 — норико-паннонские пряжки типа G и накладки на пояс типа B7a (по Гарбшу); 4 — лодочковидные накладки на пояса; 5 — ажурные норико-паннонские накладки на пояса типа B5 (по Гарбшу); 6, 7 — бронзовые дужки (детали украшения норико-паннонских поясов) типа E1a и E2a (по Гарбшу); 8 — "глазчатые" фибулы типа Альмгрен 45; 9 — репейчатые фибулы; 10 — фибулы типа "Аукисса" с надписью; 11 — "маркоманские" пряжки типа C (по Раддатцу); 12 — фибулы типа Альмгрен 237d (по Гарбшу); 13 — "крыльчатые" фибулы типа Альмгрен 238b (по Гарбшу)

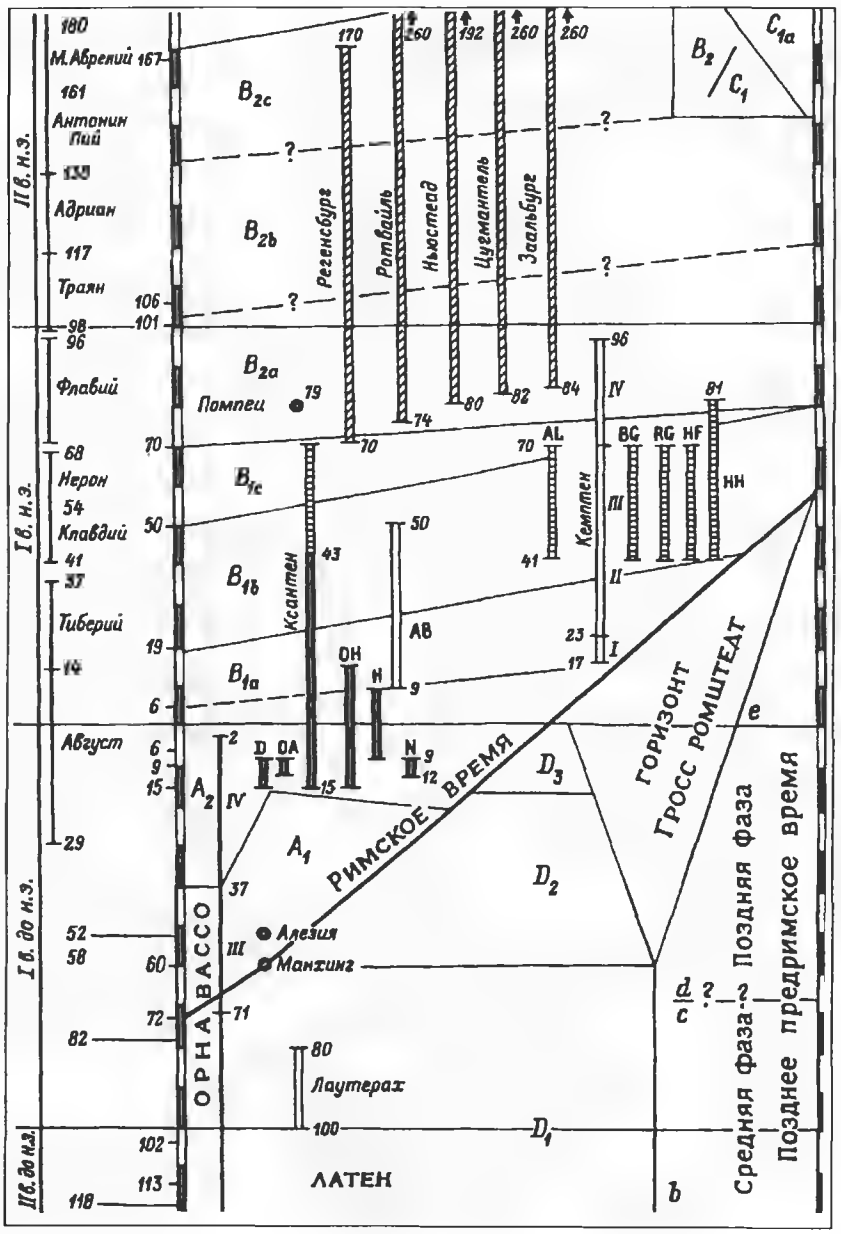


Рис. 23. Схема современного состояния хронологической системы позднего Латена и раннего римского времени.

Исторические даты: 124 — 118 гг. до н.э. — оккупация римлянами Нарбоннской Галлии, разрушение оппидума Антремон; 113 — 102 гг. до н.э. — нашествие кимвров и тевтонов; 82 г. до н.э. — разрушение святилища у Таламона; 72 г. до н.э. — начало переселения свевов Ариовиста; 60 г. до н.э. — разгром даками бойев и теврисков; 58 г. до н.э. — переселение гельветов, начало Галльских войн; 52 г. до н.э. — восстание Верцингеторига, взятие Алезии; 15 г. до н.э. — оккупация римлянами Норика и Реции; 9 — 6 гг. до н.э. — переселение маркоманнов; 6 г. до н.э. — договор Маробода с Римом; 19 г. н.э. — Катуальда разбивает Маробода, образование царства Ванния; 50 г. н.э. — гермундуры и лугии разбивают Ванния и языгов; 68 — 70 гг. н.э. — гражданская война, приход к власти Флавиев; 101 — 106 гг. н.э. — завоевание Дакии; 167 г. н.э. — начало Маркоманнских войн.

Археологические абсолютные даты: Орнавассо, могильники племени Лепонтов в Северной Италии с многочисленными римскими монетами, II период — с последней монетой 71 г. до н.э., III период — с монетой 37 г. до н.э., IV период — с монетой 2 г. до н.э.; Лаутерах — клад римских и кельтских монет 100 — 80 гг. до н.э. с фибулой, близкой наухаймским; Манхинг, кельтский оппидум, разрушенный ок. 60 г. до н.э.; Алезия — ров с телами кельтских воинов, павших при осаде Алезии Юлием Цезарем в 52 г. до н.э.; военные лагеря времени Августа: D — Дангстеттен, OA — Обераден, Ксентен (перестроен Клавдием в 43 г. н.э.), OH — Оберхаузен, H — Халтерн, N — Нойс; лагеря Тиберия: AB — Ауэрберг, Кемптен с 4-мя строительными периодами; лагеря Клавдия: AL — Айслинген, BG — Бургхоффе, RG — Рейнгенхайм, HF — Хюфинген, HH — Хофхайм-А; лагеря времени Флавиев: Регенсбург, Ротвайль, Ньюстеад, Цугмантель, Заальбург; Помпеи, Геркуланум — города, погибшие при извержении Везувия в 79 г. н.э.

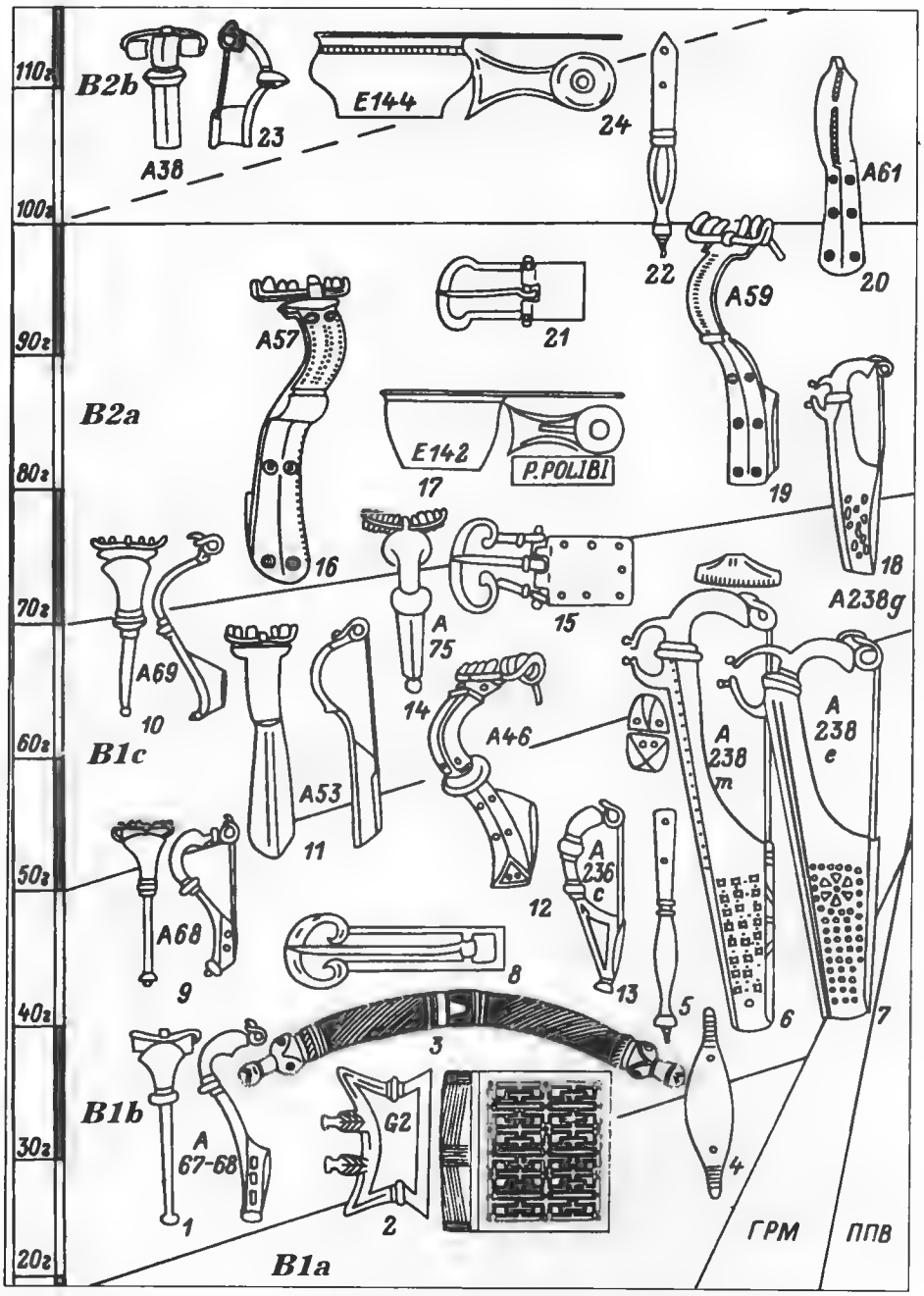


Рис. 24. Некоторые хронологические индикаторы ступеней B1b—B2b.

1 — сильнопрофилированные фибулы переходного варианта Альмгрен 67/68; 2 — пряжки типа C2 и ажурные накладки B1a норико-паннонских поясов (по Гарбшу); 3 — бронзовые дужки-накладки на пояса типа E3a (по Гарбшу); 4 — накладки-лодочки норико-паннонских поясов; 5 — наконечники ремней типа R2 (по Гарбшу); 6, 7 — "крыльчатые" фибулы типа Альмгрен 238m и Альмгрен 238e (по Гарбшу); 8 — "маркоманские" пряжки типа C (по Раддатцу); 9 — фибулы типа Альмгрен 68; 10 — фибулы типа Альмгрен 69; 11 — "глазчатые" фибулы типа Альмгрен 46; 13 — фибулы типа Альмгрен 236c (по Гарбшу); 14 — "трубчатые" фибулы типа Альмгрен 75; 15 — пряжки типа Бойлесфельд (по Раддатцу); 16, 19, 20 — "глазчатые" фибулы типов Альмгрен 57, 59, 61 ("прусской" серии); 17 — ковши-котелки Эггерс 142 мастерской Полибия; 18 — "крыльчатые" фибулы типа Альмгрен 238g (по Гарбшу); 21 — поздние варианты "маркоманских" пряжек; 22 — наконечники ремней типа R_{-3} (по Гарбшу); 23 — сильнопрофилированные фибулы с гребнем на дужке типа Альмгрен 38; 24 — ковши-котелки Эггерс 144

Рис. 25. Сарматская хронология по данным разных авторов.

Глава III.

От Аллии до Дельф. Некоторые события и археологические явления IV — начала III в. до н. э.

1. Кельты и античный мир и Восточная Европа

Период европейской истории, соответствующий ЛТ-В, — время богатое событиями и чреватое событиями последующими. У нас нет возможности рассмотреть подробно всю их совокупность, мы остановимся лишь на тех, которые оказались наиболее существенными для дальнейших взаимоотношений варваров Европы и античного Средиземноморья.

Одним из них было переселение кельтских племен в Северную Италию и первое столкновение их с римлянами. События эти подробнее всего описаны в V книге «Истории» Тита Ливия, римского историка августовского времени, но большого знатока более древних римских анналов. Ливий пишет: «...высшая власть у кельтов, занимавших треть Галлии, принадлежала битуригам, они давали кельтскому миру царя. В доблестное правление Амбигата и сам он, и государство разбогатели, а Галлия стала так изобильна и плодами, и людьми, что невозможно оказалось ею управлять. Поскольку население стремительно увеличивалось, Амбигат решил избавить свое царство от избытка людей. Белловезу и Сеговезу, сыновьям своей сестры, он решил назначить для обживания те места, на какие боги укажут в гаданиях... Сеговезу достались лесистые Герцинские горы, а Белловезу... боги указали путь в Италию. Он повел за собой всех, кому не хватало места среди своего народа, выбрав таких людей из битуригов, арвернов, сеннонов, эдуев, амбарров, карнутов и аулерков» (Ливий, V, 34, 1 — 5).

Перевалив через Альпы, толпы кельтов расселились по плодородным долинам реки По, вслед за первыми отрядами двинулись и другие — инсубры, ценоманы, салювии. Бойи, лингоны и сеннонны, переправившись на плотах через По, двинулись дальше к югу, заняли земли от «реки Утента вплоть до Эзиса», однако «Апеннины переходить не стали...» (Ливий, V, 34, 6 — 9; 35, 1 — 3). Многие этрусские города были разрушены, местные племена этрусков, лигурийцев и умбров подчинены.

Случилось все это около 396 г. до н.э., во всяком случае в этом году инсубры основали город Медиолан (Милан) на месте разрушенного ими этрусского города (Плиний, III, 3, 125). В переселении участвовали, как видно из перечисления Ливия, выходцы почти из всех кельтских племен, известных позднее и в самой Кельтике, поэтому трудно сказать, в каких случаях это было переселение племени целиком, а в каких — лишь частично. Очевидны лишь два факта: общее число переселенцев было достаточно велико, но связи с родственными племенами хинтерланда не обрывались.

Первое столкновение с римлянами произошло из-за этрусского городка Клузия. Римские послы, прибывшие уладить конфликт, приняли сторону горожан, и один из них, Квант Фабий, сражаясь на стороне клузийцев, даже убил галльского вождя.

Галлы, возглавляемые Бренном, ответили походом на Рим, были встречены у впадения в Тибр реки Аллии и так напугали римлян своим видом и воинственными криками, что те в панике рассеялись, не оказав практически сопротивления. Это произошло 18 июля 390 г. до н.э. «после летнего солнцеворота, около полполудня» (Плутарх, Камилл, 19, 1). Оставшийся без защитников Рим был захвачен и сожжен. Боеспособное население укрылось на Капитолии, и попытка кельтов овладеть его укреплениями с ходу не удалась. Не удалось им проникнуть в крепость и под покровом ночной темноты, защитников разбудили поднявшие гогот гуси храма Юноны. Осажденные, страдая от голода, были готовы уплатить выкуп и сравнительно небольшой, в тысячу фунтов золота, поскольку кельты тоже страдали от жары и голода в разоренном городе. Но к этому времени находившемуся в изгнании Марку Фурию Камиллу удалось собрать рассеянные при Аллии силы, связаться с защитниками Капитолия, получить права диктатора и отбить наконец кельтов. В источниках, описывающих эти события (Полибий, II, 18, 3; Диодор, XIV, 117, 7; Страбон, V, 220; Светоний, Тиберий, 3, 2), есть расхождения в деталях по сравнению с рассказом Тита Ливия. Но при всех обстоятельствах ясно — это был поворотный момент мировой истории. Не быть бы, вероятно, Риму «вечным городом», если бы Бренн захватил Капитолий, если бы массы кельтов перевалили через Апеннины. А так между кельтами и римлянами началась затяжная позиционная война.

Нависшая дамокловым мечом над Италией угроза «кельтского ужаса» стала, возможно, одним из стимулов объединения страны под властью Рима. Во всяком случае

римляне могли использовать ее в качестве дипломатического оружия, подчиняя себе народы и города Апеннинского полуострова. Против галлов был направлен в частности заключенный в 358 г. до н.э. римско-латинский союз.

Археологические следы проникновения кельтов в Северную Италию довольно отчетливы. В Марцаботто на месте одного из двенадцати городов этрусской конфедерации выявлены следы разрушения и кельтский могильник, заложенный на территории города. Подобные могильники открыты в Болонье, в Монтефортино, Филотрано и в других пунктах (Godłowski 1977, с.93; Kruta 1980; Kruta-Poppi 1975; Lollini 1979). Памятники эти уже упоминались в предыдущей главе.

Если события, связанные с действиями кельтов, пошедших за Белловезом, достаточно подробно описаны, то что происходило в пределах Герцинского леса, куда направился его брат Сеговез, мы не знаем. Хотя и там, возможно, события были не менее бурными и драматичными.

Взаимосвязанность различных кельтских группировок, входивших, вероятно, в «державу Амбигата» (хотя вряд ли может идти речь о какой-то централизованной власти в кельтском обществе, если только наше предположение об объединяющей и направляющей роли друидов не окажется верным), отразилась в особом археологическом явлении, которое В.Крута (Kruta 1980) назвал «фазой Духцов-Мюнзинген». Точнее следовало бы говорить о «горизонте», потому что это явление скорее социально-историческое, чем сугубо археологическое. Отмечается поразительное сходство отдельных вещей в весьма отдаленных регионах — Северная Италия, юго-западная Чехия, Шампань, район Берна и Женевы в Швейцарии. Кроме фибул, давших название, это — браслеты и гривны с небольшими печатевидными окончаниями, часто рифленые, иногда украшенные спиралевидным узором, близким орнаментации вещей в вальдальгесхаймском стиле, «волнистые» гривны из тонкой проволоки и др. (Рис.26) Часто изделия, особенно мюнзингенские фибулы, украшались кораллами, поступавшими, по всей видимости, через Адриатику. О том, что связи внутри образовавшегося союза продолжали существовать и дольше, по крайней мере до 225 г. до н.э., свидетельствует и дальнейший ход событий. Каждый раз при столкновениях с римлянами на помощь цизальпинским галлам приходили их сородичи из-за Альп, в частности, белги из бассейна Марны.

В 358 г. до н.э. оказавшись перед лицом римско-латинского союза, кельты не смогли продвигаться далее к югу и обратились на восток. В том же году они начали войны в Иллирии, о самом ходе которых, к сожалению, письменные источники не сообщают никаких подробностей. Но кельтское культурное воздействие отчетливо прослеживается с этого времени в культурах местного населения, например на могильниках, приписываемых племенам яподов — Голубич, Езерине, Рибич и в других местах (Marič 1963).

На Балканах кельты, однако, попали в сферу интересов другого сильного социального организма, державы Филиппа Македонского. В том же 358 г. он вел успешные войны с пеонами и иллирийцами. Тогда же противниками Македонии оказались и скифы. Их интересы столкнулись в Добрудже. Скифский царь Атей и Филипп попытались договориться, но безуспешно. Скифы осадили Истрию, Филипп обещал помочь Атею, но затянул с поставкой войск. Когда же те прибыли, Атей от них отказался. Филипп потребовал компенсации расходов, Атей сослался на бедность, тогда в качестве компенсации Филипп потребовал ни много, ни мало, как все скифское царство, престарелый Атей должен был бы назначить Филиппа наследником. Тот, естественно, тоже отказался. Конфликт назревал (Алексеев 1987; Мелюкова 1979).

В этих дипломатических играх естественно было бы антимакедонским силам искать союза или хотя бы контактов. В.Е.Еременко высказал остроумное предположение, что такие контакты могли иметь место, и их отражением могло быть распространение в это время на территории Скифии некоторых вещей в стиле Духцов-Мюнзинген (Еременко, 1986, с.14 — 22), прежде всего так называемых «браслетов с рубчиками», действительно очень напоминающих кельтские «гусеничные». Правда, подобные браслеты известны еще в эпоху гальштата и могли представлять собой гальштатское наследие как в латенской, так и в скифской культурах. Но в последнем случае хронологический разрыв делает предположение В.Е.Еременко, пожалуй, более предпочтительным.

Браслеты эти известны не только в самой Скифии, но и в лесной зоне, причем литейные формочки для их производства обнаружены как в Ольвии (Фурманьска 1958; Лейпунська 1984), так и на городищах милоградской культуры (Мельниковская 1967, рис.58, 8; Кухаренко 1959, рис.14, 9). В этой связи В.Е.Еременко думает о группе бродячих кельтских мастеров, попавших в Восточную Европу, и вместе с Г.М.Залашко предлагает даже несколько романтично-детективную догадку: не дождавшись в ходе событий 331—324 гг. до н.э. помощи от кельтов, скифы в отместку предприняли санкции против кельтских ремесленников, и те были вынуждены бежать в леса к милоград-

цам и днепро-двинцам (Залашко, Еременко 1986).

В группу ранних кельтских изделий Восточной Европы (рис.27) можно было бы отнести и «гусеничные» духцовские фибулы из Долинян (Смирнова 1981, рис.4, 2), Дублян (Амброз 1966, табл.1, 2), тонкопроволочную «волнистую» гривну и бронзовую личину-маску из Пекарей в Поднепровье (Ханенко, табл.X, 269), гривны с печатевидными окончаниями из Мельниковки (ИАК, вып.35, 1910, рис.33) и с Макарова Острова (Приходнюк 1980, рис.45, 2). Не без воздействия бронзолитейного дела кельтов была, вероятно, изготовлена и ажурная гривна с Мокрядинского городища (Третьяков 1963, рис.42, 11), не имеющая параллелей в восточноевропейских культурах, но очень напоминающая синхронную гривну с далекой западной окраины кельтского мира (Hatt 1976).

Нужно отметить, что если предполагаемый В.Е.Еременко кельто-скифский контакт в третьей четверти IV в. до н.э. действительно имел место, то существенного влияния на облик культуры скифов и жителей лесной зоны он не оказал и был, по всей вероятности, очень непродолжительным. Кроме того, широкая датировка большинства перечисленных находок в пределах всего горизонта Духцов-Мюнзинген, верхняя граница которого лежит где-то около 90 — 60 гг. III в. до н.э., не исключает и другой трактовки и гипотетической взаимосвязи с другими, более поздними событиями. О чем, однако, чуть ниже.

Назревавший македоно-скифский конфликт вылился в 339 г. до н.э. в прямое военное столкновение. Скифы были разбиты и Атей погиб.

Затем последовала война Македонии с фракийским, или иллирийским, племенем трибаллов, и сюда на Средний Дунай, в ставку ставшего царем Македонии Александра, явились в 335 г. до н.э. державшиеся очень независимо и даже надменно послы кельтов (Арриан, 1, 4; Страбон, VII, III, 2). Мы не знаем, о чем шли переговоры, но последующий ход событий позволяет предположить содержание договора. В 334 г. до н.э. Александр начал свою знаменитую восточную кампанию, а с рубежа ступеней B1 и B2 кельтские памятники появляются в Трансильвании (Zirra 1971), на территории современной Венгрии (Szabó 1971), Словакии (Benadik 1962; Benadik 1963), проникают в Силезию (Woźniak 1970).

Очевидно, речь в 335 г. до н.э. в ставке Александра шла о разделе сфер влияния, о разделе мира. Если это так, то значение договора явно недооценивалось и древними, и современными историками. Договор развязал руки молодому македонскому царю для войны на востоке и приостановил экспансию кельтов на Балканы, направив ее в другую сторону. Послы кельтов побывали затем у Александра в Вавилоне.

После смерти Александра в 320 г. до н.э. началась борьба диадохов за наследие завоевателя. Огромная держава распалась и была ослаблена смутами. Ослаблена была и сама Македония, доставшаяся вместе с Фракией Лизимаху.

На северных границах его владений царь гетов Дромихет создал к тому времени царство, представлявшее внушительную силу, захватил, вероятно, часть скифских земель в Прутско-Днестровском междуречье, южная часть которого всегда представляла пограничную, то и дело переходящую из рук в руки зону (Мелюкова 1969). Густая сеть гетских памятников Молдавии и Молдовы, существовавших именно в IV-III вв. до н.э., с многочисленными мощными городищами, на одном из которых у с.Бутучены раскопаны остатки святилища-обсерватории, неоднократные находки ювелирных изделий из благородных металлов, многочисленность находок железных сельскохозяйственных орудий — все свидетельствует о хорошо налаженной и организованной жизни населения этого региона (Никулицэ 1987). Скорее всего именно здесь и находилось ядро царства Дромихета. Прослеживается цепочка городищ, которая могла бы маркировать юго-восточную границу этого царства (Златковская 1969). Местоположение царства, правда, является предметом дискуссии. Полагают, что находилось оно непосредственно за Дунаем. Возможно, и эти земли входили в состав государства, но вряд ли деятель такого масштаба, как Лизимах, боровшийся за восстановление всей державы Александра, стал бы размениваться на личное участие в походе против царька, владеющего несколькими крепостями.

В 292 г. до н.э. Лизимах вместе со своим сыном предпринял поход против гетов, но в «гетской пустыне» (очевидно в буждакской степи), попал в ловушку, устроенную гетами, и был вынужден заключить мир на тяжелых условиях.

А тем временем все возрастала мощь Рима, объединившего уже большую часть Италии. В 283 г. до н.э. римляне оккупировали земли кельтского племени сеннонов в Умбрии в районе Сан-Марино и отрезали кельтов от Адриатического побережья. Возможно, это стимулировало кельтских вождей вновь поискать военного счастья и новых земель на востоке, где сложилась подходящая для того ситуация. В 281 г. до н.э. некий Никомед пригласил около 20 тысяч галатов-кельтов в Малую Азию и, опираясь на их силу, создал Вифинское царство в северо-западном углу полуострова. Уходом значительной части боеспособного населения могли

воспользоваться римляне. В 280 г. до н.э. они при Вадимонском озере нанесли решительное поражение объединенным силам цизальпинских кельтов, этрусков и белгов.

Зато на Балканах судьба благоприятствовала кельтам. Разгорелась вражда между Селевком I Никатором, сумевшим к этому времени уже объединить большую часть восточных владений Александра вплоть до Бактрии и Индии, и Лизимахом. В борьбе оба погибли, а оставшаяся беззащитной Фракия оказалась в руках кельтов. В 279 г. до н.э. кельты двинулись на Македонию и Грецию. Сменивший Лизимаха Птолемей Керван был убит, Македония опустошена. А самая сильная на Балканах армия эпирского царя Пирра была обескровлена «пирровой победой» и скована войной с римлянами в Италии и в Сицилии. «Галльский ужас» объял Балканы. В Фермопилах афиняне пытались преградить кельтам путь на юг, но те их обошли и двинулись к Дельфам. С большим трудом грекам — фокийцам и этолийцам удалось остановить врагов и заставить отступить в Фессалию. Фракия еще 70 лет оставалась в руках кельтов.

Тогда же Антиох I, сын Селевка, попытался восстановить власть в Малой Азии. Но Никомед в 278 г. до н.э. опять призвал галатов. Теперь «галльский ужас» переживала Малая Азия. Десять лет длилась война, и только в 269 г. до н.э. Антиоху, используя индийских боевых слонов, удалось остановить врагов. Но не изгнать. В районе современной Анкары они образовали государство-федерацию Галатию, управлявшуюся двенадцатью племенными вождями-тетрархами (Страбон, IV, I, 13; XII, 5, 1; XII, 3, 7 — 10; Юстин, XXV, 2, 8 — 11; Аппиан, Сирийские войны, 65) и просуществовавшую как особый социальный организм до 25 г. до н.э. Потомки галатов жили здесь и позже. Им адресовал свои послания христианский апостол Павел, и еще в IV в. н.э. здесь говорили на языке, напоминающем язык треверов, жителей Прирейнья в районе современного Трира.

Немногочисленные археологические следы кельтских походов в Грецию и их семидесятилетнего господства над Фракией уже упоминались в главе о хронологии. Как свидетельство похода на Дельфы рассматриваются находки браслета в пластическом стиле на Коринфском перешейке (Krämer 1961) и греческого бронзового канфара из Шоба в Венгрии (Szabó 1971, табл.5). Материалы по Малой Азии собраны Х.Поленцем (Polenz 1978). Это 17 пунктов со случайными находками фибул раннелатенской и среднелатенской конструкции (в том числе и фибул с «восьмерками»), браслетов и гривен. Кроме того, это 15 различных изображений кельтов или их оружия — терракота, показывающая боевого слона Антиоха, топчущего галата, рельефы из храма Афины Никофоры в Пергаме и др.

События в Северной Италии, Греции и Малой Азии отражены в письменных источниках, мы знаем их последовательность и детали, знаем названия кельтских племен и имена их вождей. Но это лишь окраина мощной волны кельтского расселения.

Если в ходе «доисторической экспансии» в V в. до н.э. кельты осваивали земли современной восточной Франции, Баварии, Швейцарии, Австрии и южной Чехии, то вся остальная Кельтика была освоена ими одновременно с «исторической экспансией» на юге, на ступени B. Где бы не прослеживался археологически процесс проникновения кельтов «исторической экспансии», всюду модель приблизительно одна — очень небольшое число находок Латена A, чаще всего случайных, вне комплексов, несколько больше B1, и лишь ступени B2 и C1 уже представлены выразительными памятниками. Кельты не двигались в неизвестность, сначала были какие-то контакты — дипломатические, торговые, и лишь затем следовало завоевание, переселение. Такое можно наблюдать с некоторыми вариациями и в юго-западной (Mohen 1979), и в северо-западной Франции (Giot 1978), в Британии (Laing 1979), в Венгрии (Szabó 1971), в Трансильвании (Zirra 1971), в северо-западной Чехии (Waldhauser 1979), в Силезии (Woźniak 1970), в советском Закарпатье (рис.28, 29). (Ščukin, Eremenko 1991) К началу ступени C1 кельты достигли максимума своего расселения. Мы не знаем, как протекали события в зонах, не попавших в «свет истории», какова была их последовательность. Остается только предполагать, что были они не менее бурными и драматичными, чем на юге.

На ступени B2b, где-то между 280 — 192 гг. до н.э., кельты оказались в Закарпатье, а с 280 г. до н.э. они владели Фракией, т.е. находились непосредственно на границах Скифии, где и к тому времени уже рухнула могучая держава «скифов царских».

2. Гибель «Великой Скифии».

В первой половине и в середине IV в. до н.э. охватившее все Северное Причерноморье так называемое «Второе Скифское царство» (Хазанов 1975) переживало свой расцвет, хотя это и была уже «золотая осень» скифской культуры и их социальной организации (Vinogradov, Marčenko 1989, с. 548). К этому времени относится основная масса скифских памятников, большая часть наполненных золотыми изделиями «царских» курганов скифской аристократии. На это же время, когда Скифией правил проживший 90 лет царь Атей, приходится и ос-

новной поток греческого импорта в Скифию (Онайко 1970, с.69 — 79, 82). После захвата Филиппом Македонским в 342 г. до н.э. Фракии скифы оказались непосредственными соседями его державы. В 339 г. до н.э. произошло открытое столкновение. Скифская легкая конница была бессильна против филипповской фаланги ощерившихся длинными копьями закованных в броню гоплитов. Сам Атей погиб. Затем, пока Александр Македонский громил персов на востоке, его полководец Зопирион попытался еще раз вторгнуться в Скифию, но неудачно. Македоняне были разбиты, Зопирион убит. Найденный у с.Оланешты в Молдавии клад из бронзовых греческих поножей, шлемов и других вещей связан, вероятно, именно с этим походом (Сергеев 1966; Галанина 1965; с.7, 27). Впрочем, с неменьшим основанием можно связывать этот клад и с походами Лизимаха в 292 г. до н.э.

Редкая счастливая случайность сохранила для нас удивительный документ, позволяющий разгадать один из эпизодов времени неудачной осады Зопирионом Ольвии. На поселении Козырка II под Ольвией, в зольнике, т.е. в куче мусора, был найден черепок амфоры с надписью, записка следующего содержания: «Никофон, сын Адраста, подарил Зопириону лошадь; пусть он пошлет ко мне в город и передаст ему (очевидно посланнику) письмена».

С первого взгляда ничего особенного, но после филологического анализа и сопоставления с рядом косвенных данных, Ю.Г.Виноградов реконструирует драматическую детективную историю (Виноградов, Головачева 1990). Трудно казать, верна ли догадка, но выглядит достаточно убедительно и увлекательно.

Известно, что ольвиеполиты во время осады отпустили на волю рабов, дали права гражданства иностранцам, провели решение о кассации долгов, отменили военный налог. Все это привело на стены города большее число защитников и позволило выстоять.

Не все были довольны этими реформами, среди них нашлись и такие, кто был готов сдать город, пытались установить контакты с македонским полководцем. Представителем этой «пятой колонны» и был, вероятно, Никофон, подаривший Зопириону лошадь, а конь хорошей породы по тем временам мог стоить целого состояния. Записка до адресата не дошла, заговор был раскрыт. В предместье города раскопана яма с беспорядочно брошенными туда останками 52 человек, в том числе детей, побитых камнями и расстреляных стрелами. Двое из погибших были в кандалах.

После победы над Зопирионом послы европейских скифов прибыли к Александру в далекую Бактрию для заключения почетного мира. Ответное посольство было направлено в Скифию (Арриан, IV, 1). Наборы золотого оружия со сценами из троянского цикла, четыре комплекта которого найдены на территории Скифии, в том числе в Чертомлыкском кургане, вполне могли быть дипломатическими дарами Александра скифским вождям. Но несмотря на эти военные и дипломатические успехи, после смерти Атея скифское царство ослабело. На западных границах возникло гетское государство Дромихета, гетские городища появились в Молдавии на скифских землях (Никулицэ 1977; Златковская 1969; Мелюкова 1969). А на восточных границах появилась новая сила — племена сарматов. Не исключено, что действия Александра, отогнавшего среднеазиатских саков от северо-восточных границ своей новой державы, всколыхнули подвижную кочевую среду евразийских степей, и появление сарматов было отголоском событий, разыгравшихся далеко на востоке.

Одним из моментов, отражающих движение с востока, могло бы быть образование в Поволжье в IV в. до н.э. прохоровской культуры, впитавшей как ряд местных, савроматских (блюменфельдских), так и привнесенных из Зауралья элементов (Мошкова 1974; Смирнов 1989, с.170 — 171), а также прослеживающееся достаточно отчетливо проникновение носителей этой культуры в юго-западном направлении.

По мнению ряда исследователей, сарматы не были прямыми потоками соседствовавших со скифами савроматов, а были пришельцами с востока (Мачинский 1971; Очир-Горяева 1989; Скрипкин 1988). Аргументация в пользу этой позиции представляется достаточно убедительной, хотя в целом весь процесс этот исследован еще слабо, вызывает ряд контроверсий.

Как бы там ни было, Диодор Сицилийский, живший в I в. до н.э. и написавший «Историческую Библиотеку», своего рода энциклопедию всех исторических знаний своего времени, сообщает, что савроматы «опустошили значительную часть Скифии и, истребляя поголовно побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Диодор, II, 43, 7). Во времена Диодора термины савроматы и сарматы употреблялись уже как равнозначные и обобщающие для кочевников Восточной Европы.

Диодору можно доверять с учетом этой оговорки. Он составил «Библиотеку», компилируя сведения, имеющиеся в трудах его предшественников, и располагая их в хронологическом порядке. Собственных комментариев и оценок не давал, а значит и не привносил представлений своего времени в более ранний источник.

В труде Диодора, к сожалению, нет непосредственных данных о времени вторже-

ния савроматов, и Д.А.Мачинскому пришлось пойти на ряд остроумных сопоставлений письменных источников, чтобы попытаться определить эту дату (Мачинский 1971). В основе его рассуждений лежит свидетельство Гераклида Понтийского (391-310 гг. до н.э.), переданное Каллимахом, жившим в 310 — 235 гг. до н.э. и сохраненное для нас автором III в до н.э., Антигоном Карисским в его «Своде невероятных рассказов» (CLII, 167). Невероятный рассказ состоит в том, что в стране Сарматии имеется некое озеро со столь дурным запахом, что его не перелетают птицы.

Д.А.Мачинский остроумно сопоставил это озеро с Сивашем, запах которого хорошо знаком каждому, побывавшему на Перекопе, а птицы Сиваш действительно не перелетают, всегда задерживаются на некоторое время подкармливаясь в богатых кормом плавнях перед дальнейшим путем.

Если это сопоставление верно, то получается, что уже перед 310 г. до н.э., когда умер Гераклид, в степях примыкающих к Сивашу, в сердце Скифии, размещается страна Сарматия, а следовательно становится вероятным, что и опустошение Скифии произошло где-то в это же время, между 330 г., когда скифы еще сильны и разбили Зопириона, и 310 г. до н.э.

Когда Д.А.Мачинский впервые выступил с этой идеей, а аргументация его естественно была шире, чем изложено здесь, скифологи и сарматологи встретили это в штыки. Трудно было отказаться от традиционного представления о том, что Скифия существует в неизменном виде и в III в., а сарматы появляются в Причерноморье лишь во II в. до н.э. Но вскоре число сторонников Д.А.Мачинского стало расти, археологическая часть его аргументации с точки зрения скифологии стала находить все новые и новые подтверждения. Д.А.Мачинский подметил, что в конце IV — начале III в. до н.э. угасает жизнь Бельского городища (Шрамко 1973, с.93), в то же время перестали функционировать и скифские некрополи Посулья (Ильинская 1968), и городища Среднего Поднепровья (Петренко 1989, с.13), а самое главное — прекратились знаменитые «золотые» царские захоронения скифов. Структура их общества была явно разрушена, скифская аристократия или погибла, или каким-то другим образом исчезла.

Последняя посылка и получила подтверждение в новых хронологических разработках ряда авторов. Самый поздний пласт захоронений в скифских царских курганах (Деев, Денисова Могила, Хомина Могила и др.) датируются временем между 340/330 гг. и 275 г. до н.э. (Алексеев 1982). Между 325 и 270 гг. до н.э. было совершено погребение в Чертомлыке (Алексеев 1984). Самый поздний из скифских курганов — Александропольский — датируется по амфорам первой третью III в. до н.э. (Брашинский 1965, с.102) и в него попали уже сбруя нового облика, приивнесенная вероятно с востока (Алексеев 1993). Наипознейшие скифские богатые захоронения были совершены в интервале 330 — 290 гг. до н.э. (Алексеев 1992, с.157, 164).

После уточнения хронологии скифских курганов идея Д.А.Мачинского стала практически господствующей, однако встретила вскоре и новых оппонентов. Решительней всех выступил С.В.Полин. Идею о Сиваше он считает «скорее остроумной, чем серьезной», мало ли на свете озер с дурным запахом (Полин 1992, с.18, 86) и аргументация Мачинского вызывает у Полина лишь недоумение. Так свидетельство Диодора стоит в тексте сразу за историей о переселении савроматов в Причерноморье из Мидии во время скифских походов в Переднюю Азию в VII — VI вв. до н.э., и должно поэтому относиться к тому же времени. В тексте Диодора, правда, сказано «много лет спустя» (Диодор, II, 43, 6 — 7), но что значит это «много» действительно никто не знает, хотя сам С.В.Полин, проанализировав еще раз «Библиотеку» (Полин 1989), пришел к заключению, что все данные о Причерноморье в труде Сицилийца не выходят за пределы конца IV — начала III в. до н.э. Самым поздним является упоминание о Боспорском царе Спартоке (304-284 гг. до н.э.), а это аргумент скорее в пользу Д.А.Мачинского. Никаких подтверждений о савроматском опустошении Скифии в VI — V вв, ни в археологических, ни в нарративных источниках, по мнению С.В.Полина, не имеется.

Основным же поводом для критики послужил другой момент, действительно Д.А.Мачинским не аргументировавшийся, главным образом за отсутствием данных. Выяснилось, что все те погребения, которые с ранними сарматами было принято связывать, оказались либо с «размытыми» датами, либо ранее III в. до н.э., либо позже, либо вообще относятся или к эпохе бронзы, или к киммерийскому времени (Полин, Симоненко 1990). Где же сарматы, разгромившие Скифию?

Поэтому С.В.Полин выдвигает другую гипотезу. Никакого нашествия сарматов вообще не было, а случилась в III в. до н.э. великая сушь, экологическая катастрофа, что объясняется и запустение Скифии, и кризис античных городов. Гипотеза, построенная, пожалуй, менее остроумно, чем у Д.А.Мачинского, но вряд ли более основательная.

Во-первых, не трудно убедиться, проверив ссылки С.В.Полина, что работы климатологов и экологов, касающиеся древних времен базируются на весьма бедных и не

очень достоверных данных. Во-вторых, если засухи действительно имели место, а определенный пик их фиксируется, но не превосходит случавшиеся ранее и позже (Раунер 1981, с.5-22), то последствия усушения вряд ли были столь уж катастрофическими. Население концентрируется в низовьях больших рек, где условия были более благоприятными. Объяснить все лишь экологической катастрофой нельзя (Бруяко 1992).

Кроме того экологические катастрофы и политические кризисы зачастую сопряжены друг с другом и одно не исключает другого, а исчезновение скифской знати — фактор явно политический и социальный.

Что же касается отсутствия и сарматских захоронений, то вопрос, вероятно упирается в неразработанность скифо-сарматской хронологии, не сведенной в систему. Сигналом тому может служить парадоксальный и даже абсурдный случай. Две катакомбы склепа 114 Беляусского могильника в Крыму по хронологии С.В.Полина оказались разделенными почти двумя столетиями: одна конца IV в. до н.э., другая — конца II в. до н.э., хотя вырыты они из одной и той же входной ямы (Полин 1992, с.42-44). В реальность такого случая трудно поверить.

После создания системы некоторое число памятников III в. до н.э., по всей вероятности, выявится, и такие погребения как Большая Белозерка в Белгородской обл. (Савовский 1977), Грушевка в Поднепровье, Ново-Баранниково на Северском Донце, курган III в группе Аккермань II и Верхние Серогозы на р.Молочной и некоторые другие (Смирнов 1994, с.58-65, 75-105), где встречаются прохоровские элементы, возможно смогут претендовать и на бытование в III в. до н.э. Хотя с хронологией их конечно еще предстоит разбираться, но и нынешнее состояние «размытых» дат не исключает III в. до н.э.

Большого же числа сарматских памятников III в. до н.э. и не приходится ожидать. Периоды кризисов, неустойчивости часто фиксируются именно «археологической пустотой», что вполне естественно и о чем уже говорилось.

Вероятно в III в. до н.э. сарматы действительно еще не заселили плотно северопричерноморские степи, концентрируясь вместе с прежним савроматским населением в Донецко-Волжско-Кубанском регионе, лишь в благоприятные сезоны выгоняя скот за его пределы, да выезжая на сбор дани с уцелевшего населения.

О беспокойной обстановке на Дону и в Прикубанье на рубеже IV-III вв. до н.э. тоже свидетельствует ряд фактов. В это время прекращается жизнь на одном из крупнейших центров в восточной части Скифии — на Елизаветинском городище (Марченко 1974, с.1257; Marcěnko 1986, с.388, 394; Копылов 1987), после чего на этом месте был основан греческий эмпорий, просуществовавший всего 10 — 15 лет и разрушенный, вероятно, сарматами в 60-х годах III в. до н.э. (Марченко 1987; Горанчаровский 1987).

В это же самое время или чуть раньше, еще в пределах второй половины IV в. до н.э., появились сарматы и на Северном Кавказе (Алексеева 1976; Виноградов 1963; 1965; Марченко 1988; Ждановский, Марченко 1988; Берлизов 1990). Это подтверждается и рядом косвенных данных: в конце IV — начале III в.в. до н.э. прекращаются захоронения в курганах у меотского Елизаветинского городища на Кубани, на могильнике Лебеди III, разрушаются оборонительные сооружения на городище 2 у хутора Ленина (Марченко 1988).

Северокавказские сарматские захоронения, несущие черты как блюменфельдской, так и прохоровской культур, кавказоведы связывают с продвинувшимися сюда племенами сираков. Д.А.Мачинский обратил внимание на рассказ Полиена, возможно восходящий к сакскому фольклору, о том, что во время войны Дария с саками решающую роль сыграл некий табунщик по имени Сирак, а у Страбона сираки Предкавказья названы «беглецами из среды живущих выше». Д.А.Мачинский думает, что этноним «сираки» зародился в дахо-массагетской среде кочевников Закаспия и прикавказские сираки им родственны (Мачинский 1993, с.15). С другой стороны, принято считать, что сираки — наследники савроматов Геродота (Виноградов 1965). Кто тут больше прав, сказать трудно. Возможны обе версии или, учитывая сложность социальных и этнических процессов в кочевническом мире, сочетание двух версий.

Для конца IV в. до н.э. появление сираков на Кавказе фиксируетсся и письменными источниками. После смерти боспорского царя Перисада I в 311 г. до н.э. в начавшейся борьбе за трон его сыновей, одного из них, Евмела, поддержал некий Арифарн. Диодор, описавший эти события, назвал его царем фракийцев. Однако иранское имя этого персонажа позволяет думать, что были правы те исследователи, которые предлагали коньюктуру ΣΙΡΑΚΟΘ вместо ΘΡΑΚΟΘ (Десятчиков 1977, с.45-48). Двухтысячный отряд фракийцев действительно принимал участие в событиях, но на стороне другого претендента Сатира II и это еще один повод думать, что Арифарн был царем какого-то другого народа.

Интересные наблюдения относительно взаимоотношений скифов, меотов и сарматов времени этого конфликта сделаны С.А.Яценко при изучении костюмов персонажей, изображенных на ритоне из Мерджан, на рельe-

фе из поселка Юбилейный и на ряде вещей из Курджипса (Яценко 1989). Меото-сарматские черты Ю.А.Виноградов отметил в кургане Ак-Бурун около Керчи и тоже связал их с описанными Диодором событиями (Виноградов 1993). Возможно свидетельством проникновения сарматов является и Казинский (Ставропольский) клад, хотя Е.Ф.Королькова и попыталась продатировать его более ранним временем (Королькова 1994).

Сатир II, законный наследник Перисада, как известно, был поддержан скифами, приславшими 20-тысячный отряд, а после поражения у скифского царя Агара укрылся сын Сатира. Так что у сарматов был и политический повод для нападению на Скифию. А дата конфликта, как видим, совпадает по времени и со свидетельствами Гераклида Понтийского (Алексеев 1992, с.46). Завоевание же и опустошение Скифии было, вероятно, не одноразовой акцией, а длительной и затяжной войной, занявшей не несколько лет, а может быть несколько десятилетий.

Некоторым скифам все же удалось избежать поголовного истребления сарматами. Часть их укрылась за Дунаем, в Добрудже, в Малой Скифии (Страбон VII, 45; Плиний IV, 41, 44). Пребывание их там засвидетельствовано эпиграфически (Карышковский 1971, с.51), монетами царей с иранскими именами, чеканившимися с конца III по начало I в. до н.э. (Карышковский 1962, с.55) и некоторыми археологическими находками (Irimia 1983).

Большая же часть уцелевших укрылась в Крыму (Высотская 1972; Дашевская 1991; Шульц 1971) и за стенами городищ в низовьях Днепра, где кроме огромного Каменского городища, существовавшего еще во времена Атея (Граков 1954), было построено не менее 16 укрепленных центров — городища Гавриловские, Козацкое, Золотая Балка, Любимовское и другие (Погребова 1958; Вязмітіна 1962; Дмитриев и др. 1961).

Воздвигнув ряд крепостей в северных предгорьях Крыма и на его западном берегу, скифы сумели сохранить за собой небольшой, но достаточно удобный участок от предгорий Крыма до Днепровских порогов. Его Страбон тоже называет Малой Скифией (Страбон VII, 3, 5).

Разнообразие природных условий (здесь есть и участок степи, и предгорья, и леса в Низовьях Днепра, и плавни) позволили, вероятно, скифам создать замкнутый хозяйственный комплекс, окрепнуть, и еще более трехсот лет «Третье Скифское царство» играло заметную роль в политической истории Причерноморья.

Остатками столицы этого царства обычно считают городище Кременчик около Симферополя и отождествляют его с городом Неаполем Скифским. О.Д.Дашевская и Д.С.Раевский попытались показать, что, если город в Кременчике и был столицей, то назывался он скорее Палакий, а Неаполь был лишь пограничной крепостью и располагался на городище Кармен-Кыр (Дашевская 1958; Раевский 1976). Впрочем, эта гипотеза оспаривается (Скржинская 1977, с.73).

Судя по последним исследованиям, небольшое поселение прото-Неаполь возникло еще в последней трети IV в. до н.э., возможно как ставка одного из скифских царей на конечном южном пункте сезонных меридиональных перекочевок. Городом он стал не ранее конца III — начала II в.в. до н.э. (Павленков 1989).

Что касается почти запустевших земель Северного Причерноморья, они возможно оказались под политическим протекторатом сарматов, но, поскольку основной их домен и зона обитания находились достаточно далеко на востоке и контролировать вновь обретенные земли было довольно трудно, в западной части бывшей Скифии образовался политический вакуум, который вскоре постарались заполнить другие народы и политические силы. Но об этом несколько позже.

3.«Третий мир» в IV—III вв. до н. э. (Рис. 64-1)

Приблизительно в то же самое время, когда в приальпийской зоне складывалась кельтская цивилизация, на севере Германии шел процесс становления Ясторф-Культур, а в восточной части Центральной Европы пришла в упадок огромная, распадающаяся на многие локальные варианты и группы, эффектная и богатая культура эпохи поздней бронзы и раннего гальштата — культура лужицкая. Во времена своего расцвета она простиралась от Заале до Западного Буга и верховьев Припяти и от польского Поморья до отрогов Карпат.

Были ли причиной гибели мощных городищ этой культуры в V — IV вв. до н.э. набеги скифов (Sulimirski 1939-1948; Скорый 1990) или резкое сокращение населения, его вымирание, было связано с общеевропейскими климатическими изменениями на рубеже субатлантического периода (Jankuhn 1952; с.23-25), — сказать трудно. Действовал, вероятно, комплекс причин (Gedl 1962, с.168-169).

Во всяком случае многие лужицкие городища погибли в пожарах, могильники перестали функционировать, а земли заросли лесом (Godłowski 1985). Сохранившееся население на западе (в частности, люди так называемой биллендорфской культуры) включилось в состав ясторфской культуры, на северо-востоке — в состав культуры западнобалтских куганов, а большая часть прež-

них лужицких земель была занята поморской культурой. Процесс возникновения, формирования и распространения этой культуры был достаточно сложным. Зародилась она в лоне кашубской группы лужицкой культуры, еще в VII — VI вв. до н.э. Ее социально-экономическая структура оказалась более приспособленной к происходящим переменам (в отличие от «лужичан», культивировавших пшеницу, просо и бобовые, они выращивали рожь и не тратили силы на возведение огромных городищ). Процесс этот осложнялся привнесением различных элементов с северо-запада и юго-запада, в том числе так называемых лицевых и «домковых» урн (Malinowski 1979; Malinowski 1989), но у нас сейчас нет возможности вникать в детали этого процесса.

Сложную проблему представляет и вопрос о соотношении лужицких и поморских памятников. Считается, что сочетание лужицких и поморских элементов дает особую группу поморской культуры, группу «Подклешовых погребений» в восточной Польше. Иногда в этой группе видят археологическую культуру, что вряд ли справедливо, поскольку горшки-клеши распространены и вне ее пределов, а в ней представлены и другие обряды (Malinowski 1988). Специфического комплекса признаков, характеризующих эту группу, выделить не удается.

Считается также, что отдельные лужицкие вкрапления продолжали самостоятельное существование в захлестнувшем их море поморской культуры. Польские исследователи полагают даже, что такие реликтовые эпилужицкие группы, особенно в южной Польше, куда поморцев проникло мало, жили вплоть до эпохи позднего Латена, т.е. более трехсот лет. Они-то будто бы и послужили в дальнейшем основой для развития пшеворской культуры (Kostrzewski 1981, с.76 — 77; Czerska 1970). При этом эпилужицкие группы столь консервативны и столь старательно сохраняют свой позднегальштатский облик, что отличить их, живущих в эпоху Латена, от их гальштатских предков абсолютно невозможно (Czerska 1970, с.155). Доказать этот тезис, таким образом, тоже невозможно.

Реальность чересполосного существования лужицких и поморских групп, своеобразной лужицко-поморской «шахматной доски», фиксируется для V в. и начала IV в. до н.э. встречаемостью у тех и у других вариантов чартозских фибул (Woźniak 1979, с.137-143), но нет данных для суждения о более длительном сохранении этой ситуации.

Затем начинается «историческая экспансия» кельтов, и одна из кельтских групп вторгается в Польшу, занимая земли в районе Вроцлава (могильники Карнча Гура, Зерники Вельки). Они приносят с собой наряду с вещами периода ЛТ-В1 (рис. 30) и некоторые предметы еще ЛТ-А — фибулы с птичьей головкой, тип Марцаботто (Woźniak 1970; Gedl 1978) (Рис.30). В это время наблюдаются следы их контактов с поморской культурой — так называемые фибулы ковальковские и типа Пекары Вельки (Woźniak 1970) (Рис.31).

С началом ЛТ-В2 число кельтов возрастает, возможно, был новый приток населения, закладываются новые могильники — Борек Стшелиньски, Мокронос Гурны, Собоциско, Гловин (Woźniak 1970). На горе Шленза размещается кельтское святилище — круглое сооружение из камней типа Стоунхенджа, каменные скульптуры: «медведь», «кабан», «панна с рыбой», «монах», «фаллические грибы» (Rosen-Przeworska 1964; Woźniak 1970).

Вторая группа кельтов появляется в Верхней Силезии, в верховьях Одры (могильники Кетч, Баборув и др., поселение Нова Цереква). Здесь представлен весь набор стадий В1, В2, С1 — духцовские и мюнзингенские фибулы, браслеты в пластическом стиле, гривны с печатевидными окончаниями, ножные браслеты из полусфер, браслеты из сапропелита, фибулы с шаром на ножке, длинные кельтские мечи, продолговатые умбоны и лавролистные наконечники копий (Woźniak 1970).

Но именно в это время расцвета «Северной Галатии» контакты кельтов с носителями поморской культуры прекращаются. Нет в поморской культуре ни одной импортной вещи ступени В2 (Woźniak 1979, с.128) (рис. 30-31). Более того, вообще не удается выделить пласта памятников, соответствующего этой ступени. Отношения, вероятно, сложились враждебные. Может даже возникнуть иллюзия прекращения поморской культуры, хотя, как увидим ниже, в реальности этого все-таки не произошло. Мы имеем дело опять со стрессовым состоянием культуры. Причиной его было, возможно, не только появление кельтов, но и события, происходящие на юго-западном пограничье. А там нарастает активность носителей ясторфской культуры. В северо-восточной Чехии они столкнулись с остатками эпилужицкого населения биллендорфской культуры, вступили в контакт с кельтами и в результате здесь, а также и в юго-восточной Саксонии, на рубеже ступеней В1 и В2 возникла своеобразная кельто-ясторфская группа Боденбах-Подмоклы (Venclová 1973; Godłowski 1977; с.143-145). Затем носители яс-торфской культуры продвинулись в междуречье Нейсе и Одера и, смешавшись с носителями поморской культуры на ступени В2, образовали ясторфско-поморскую губинскую груп-

пу (Domański 1975). Обе группы, особенно Боденбах-Подмоклы, испытывали определенное воздействие кельтов, и это, по сути дела, было началом латенизации Северной Европы.

Возможно, события в юго-западном углу ареала поморской культуры, сначала проникновение кельтов, а затем давление ясторфцев и племен губинской группы, заставили поморцев искать удачи на востоке, и они продвинулись на территорию Белоруссии и Украины, достигли среднего течения Припяти в районе Пинска, а на юге — Верхнего Поднестровья (Кухаренко 1960; Кухаренко 1961; Никитина 1965; Bukowski 1967; 201; Malinowski 1975, 1979, 1988).

Сейчас здесь известно около 35 памятников поморской культуры, и основой их хронологического определения являются находки духцовских фибул в Зимно (Кухаренко 1959, с.32, 45), Головно (Амброз 1966, табл.1, 4), Дублянах (Амброз 1966, табл.1, 2), Тростянице (Никитина 1965, рис.15, 9), Черске (Амброз 1966, рис.5, 4). Первое проникновение поморцев в Верхнее Поднестровье зафиксировано, правда, для более раннего времени — еще для рубежа V — IV вв. до н.э. (Malinowski 1975, N 42, 342, 938), т.е. времени становления поморской общности, но основная масса находок связана со второй волной движения поморских племен на восток, датированной духцовскими фибулами рубежа ступеней B1 и B2a. Поскольку на основной территории поморской культуры кельтские импорты ступени B2 не представлены, можно думать, что именно племена, непосредственно сталкивавшиеся с кельтами при захвате ими Силезии, принесли эти застежки на восток.

К этому времени рухнула скифская держава, и население северного пограничья Скифии, племена милоградской культуры и жители скифских городищ и поселений с зольниками в лесостепной зоне, если и уцелели от сарматского нашествия, то утратили политическую и военную поддержку своих степных соседей и властителей, что и облегчило, вероятно, проникновение поморцев.

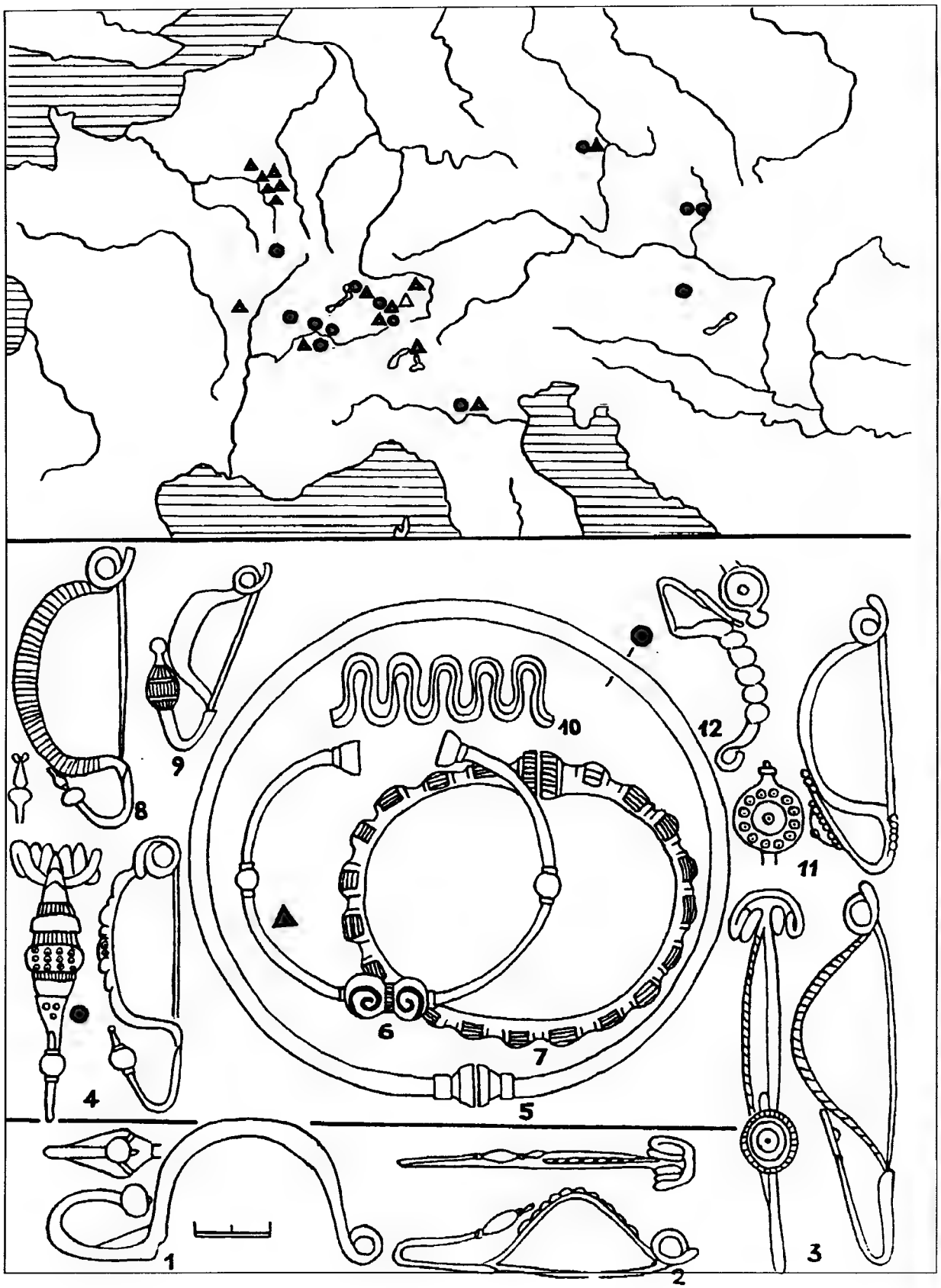


Рис. 26. Вещи, характеризующие горизонт Духцов-Мюнзинген, и основной ареал их распространения (по данным В.Круты).

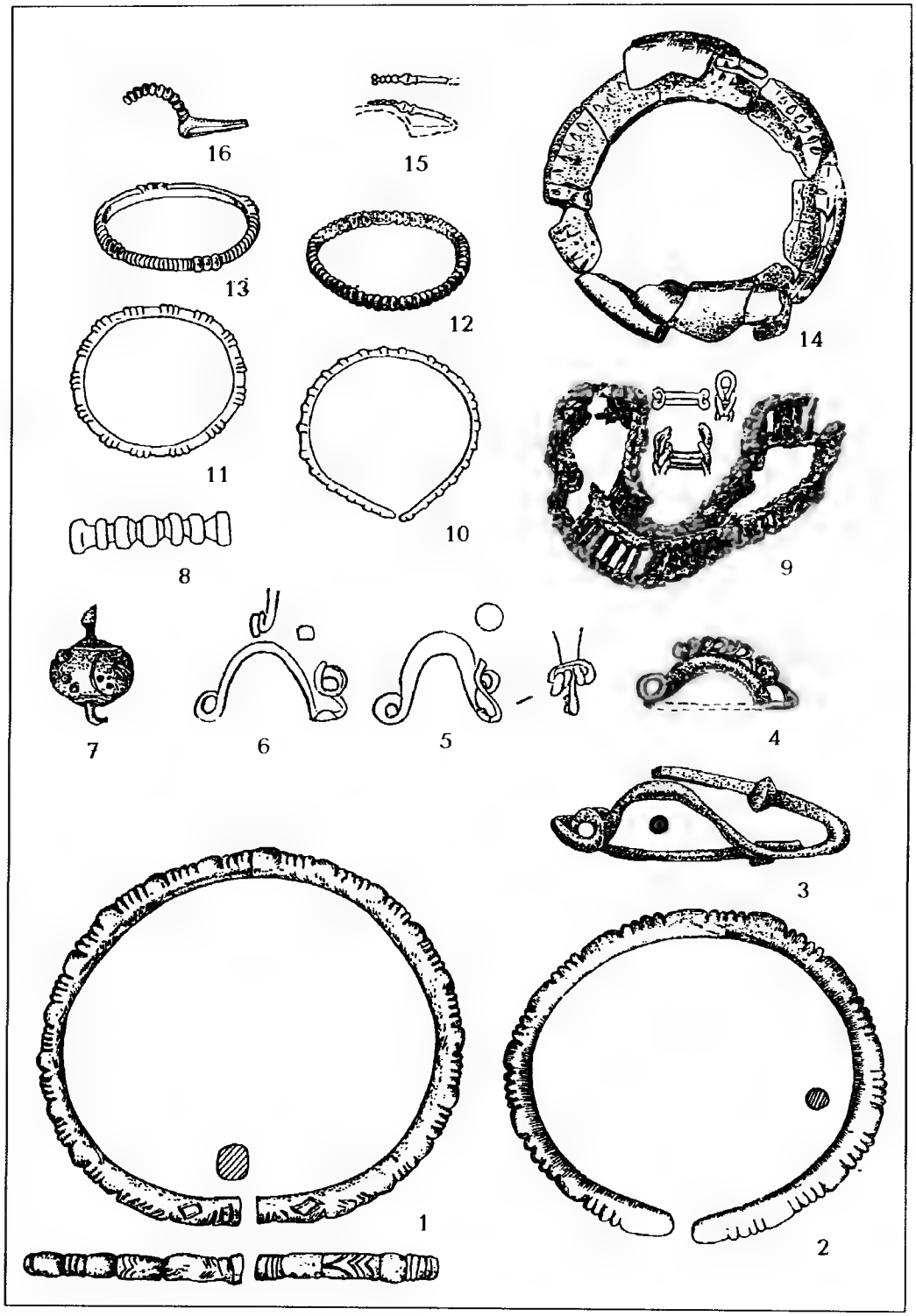


Рис. 27. Латенские находки на скифских и милоградских памятниках. 1,2 — Левобережное Поднепровье, Волковцы и Бобрицы (по В.Петренко); 3—7 — Находки из скифских курганов Нижнего Подунавья (по Е.Рединой); 8 — Иване Пусте, скифское поселение в Тернопольской обл. (по Ганиной); 9 — железная цепь узды (пояс -портупея) Горошков (по О.Н.Мельниковской); 10—13 — Браслеты Горошковского городища; 14 — глиняная форма для отливки большого «гусеничного» браслета с Моховского городища милоградской культуры; 15 — обломок Духцовской фибулы с Горошковского городища; 16 — Долиняны, скифское поселение (?).

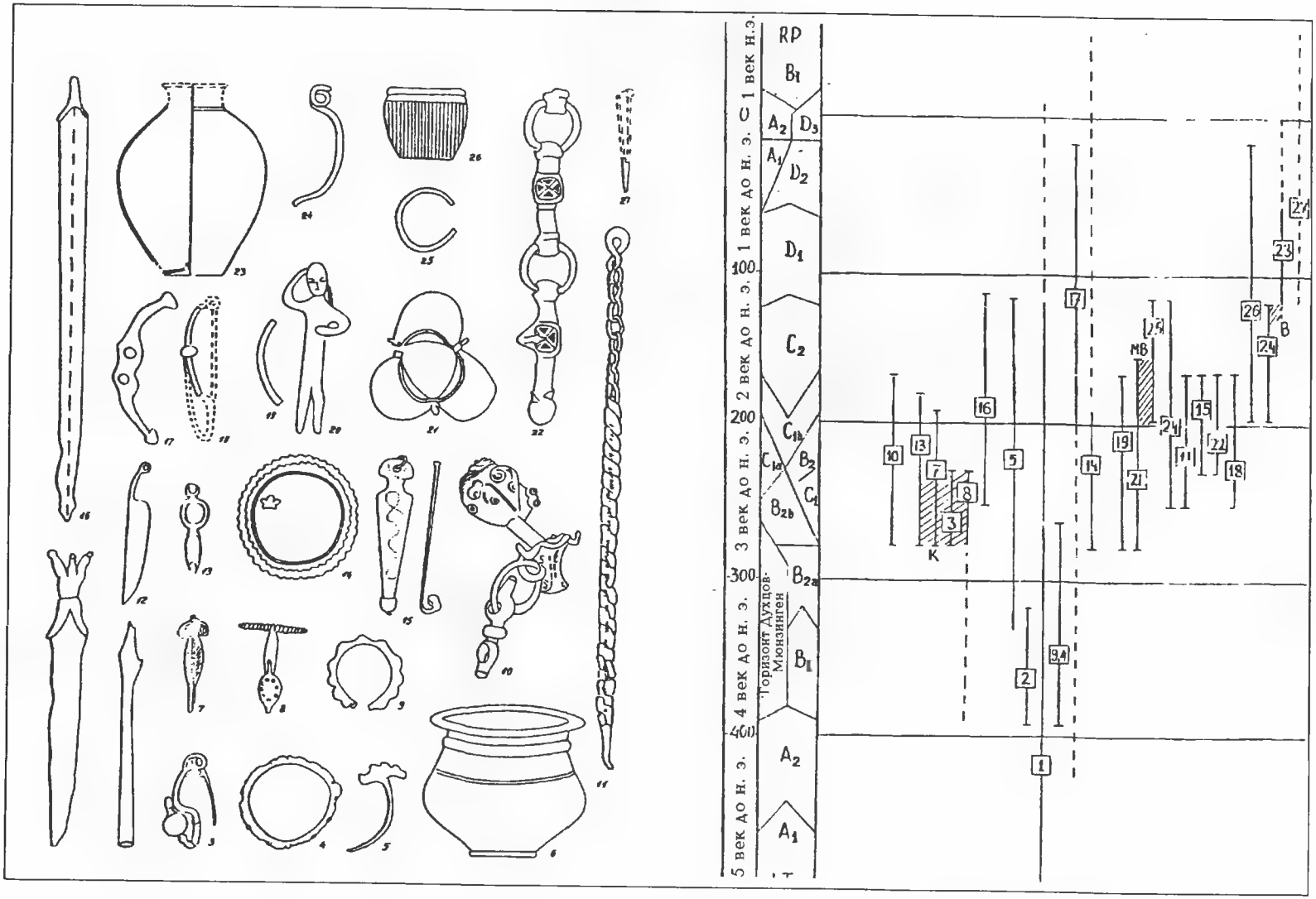


Рис. 28. Кельтские вещи Закарпатской Украины. 1,2,4—6,9,11,12,14—19,21,22,26,27 — Галиш-Ловачка; 3,6—8,13 — Куштановице, курган XI; 10 — Мукачево; 20,25 — Малая Бигань; 23 — Бобове.

Рис. 29. Хронологические положения кельтских находок Закарпатской Украины (номера соответствуют рис. 28)

Рис. 30. Кельтские находки из Силезии. 1 — Собоциско, погр. 9/1940; 2 — Собоциско, погр. 7/1940; 3 — Гловин, погр. 1/1930; 4 — Марцинковице, погр. 1; 5 — Борек Стшелинский; 6,7 — Мокронос Гурны; 8 — Гловин, погр. 1/1930; 9,10 — Гловин, погр. 1/1940; 11 — Собоциско, погр. 5/1952; 12 — Собоциско, погр. 27/1940; 13 — Гловин, погр. 2/1940; 14 — Мухебур Вельки; 15 — Садовице; 16 — Мокронос Гурны; 17,18 — Собоциско, погр. 27/1940.

Рис. 29. Хронологические положения кельтских находок Закарпатской Украины (номера соответствуют рис. 28).

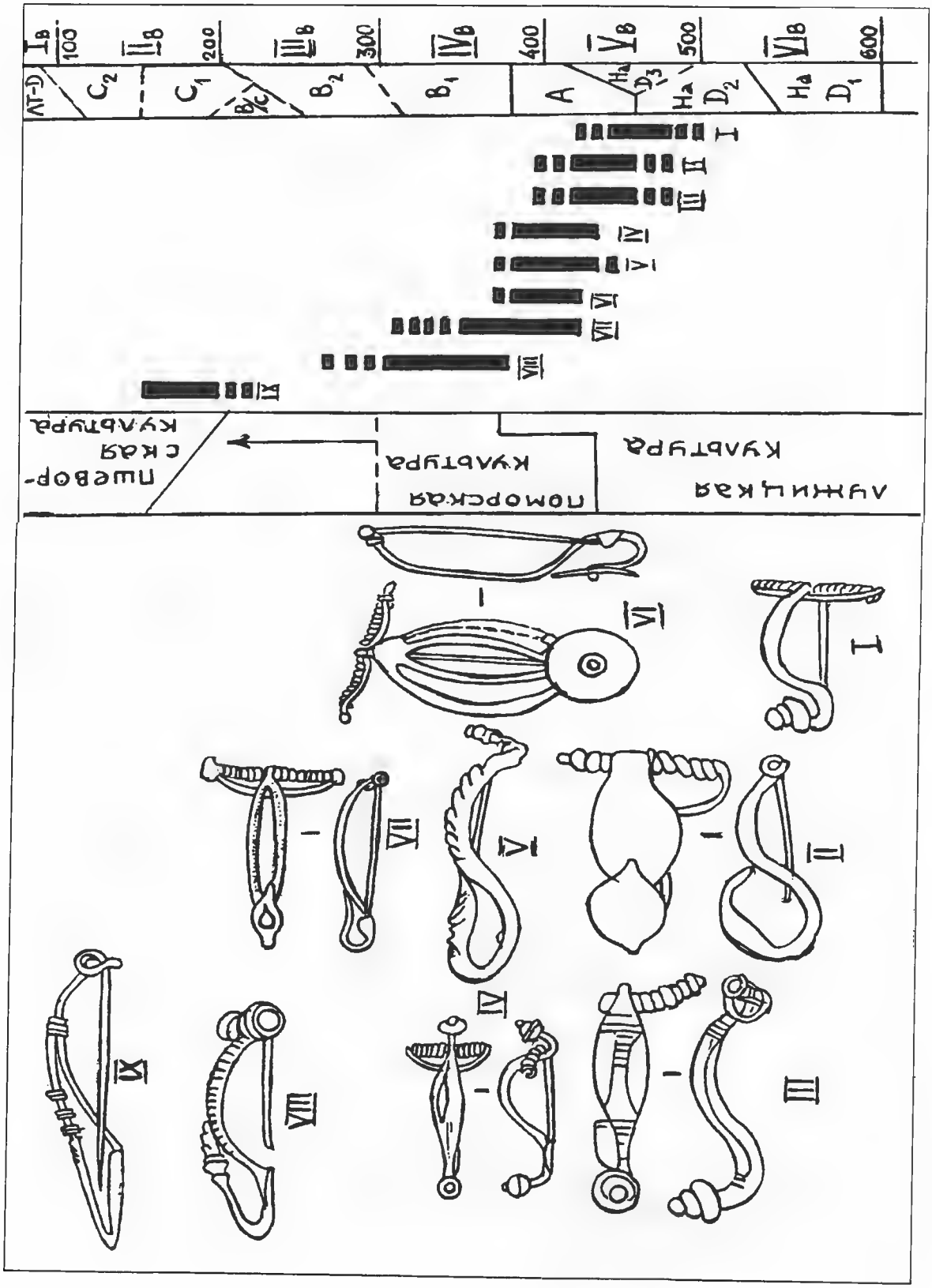


Рис. 31. Хронологическое положение датирующих вещей поморской культуры (по З.Возняку)

Глава IV.

От Аримина до Антремона. Вторая треть III в. до н. э. — конец II в. до н. э.

1. Конец "исторической экспансии" кельтов.

После своего пика в 80-70-е годы III в. до н.э. волна кельтской экспансии постепенно затухает. Все чаще они терпят неудачи. В 268 г. до н.э. на завоеванных землях сеннонов римляне создали свою колонию Аримин (современный Римини). К северу от Римини и к востоку от Болоньи — болотистые места, там трудно подойти к побережью. Кельтские мастера мюнзингенских фибул лишились необходимых им кораллов. В это же время начинает сходить на нет и былое единство горизонта Духцов-Мюнзинген.

В 40-30-х годах полные драматических событий войны против Галатии вел царь Пергама Аттал I (241-197 гг. до н.э.). Галатия после поражения перестала играть ведущую роль в политической жизни Малой Азии. Несколько позже в память о победах и были установлены в храме Афины Никофоры в Пергаме барельефы с изображением трофейного кельтского оружия и были созданы такие шедевры эллинистического искусства как «Умирающий галл» и «Галл, убивающий свою жену». Скульптуры Аттал подарил своим союзникам афинянам. Их мраморные римские копии ныне хранятся в Ватикане.

В 232 г. до н.э. римским ветеранам, участникам первой Пунической войны (264-241 гг. до н.э.) были выделены земли в ager gallicus, что вызвало недовольство галлов. Они объединились, опять призвали на помощь из-за Альп белгов и перешли Апеннины. Но у Таламона в 225 г. до н.э. были окружены и разбиты. Затем римляне вторглись в область бойев около Болоньи, взяли центр инсубров Медиолан (Милан). Для обеспечения коммуникаций построили стратегическую Фламиниеву дорогу.

Дальнейшее наступление прервала вторая Пуническая война (218-201 гг. до н.э.). Совершая далекий обходный маневр через Альпы, Ганнибал делал ставку именно на поддержку галлов. Но просчитался. Союз племен, представленный горизонтом Духцов-Мюнзинген, после 225 г. до н.э. очевидно окончательно распался, решительной поддержки кельты не смогли оказать. Его армию пополнили лишь отряды цизальпинских галлов. Несмотря на ряд блестящих успехов войну Ганнибал, как известно, проиграл. Его поражение было и очередным поражением кельтов.

Рассчитывал Ганнибал и на помощь царя Македонии Филиппа V. Тот должен был высадиться в Италии, но римляне сумели нейтрализовать его, уговорив греков Этолийского союза напасть на Македонию.

В 212 г. до н.э. пала власть кельтов и во Фракии; не выдержав восстаний местного населения, кельты эту страну покинули.

Закончив в 201 г. до н.э. Пуническую войну, римляне обернулись к врагам на севере и на востоке и сумели разбить их по очереди. Сначала объявили войну Филиппу V и разбили его в 197 г. до н.э. при Канискефалах. Продиктовали суровые условия мира — отдать флот, уплатить 1000 талантов контрибуции, армию сократить до 5 тысяч, признать независимость греческих городов. Затем, пока с другим грозным противником Антиохом III, сумевшим опять восстановить распавшуюся было державу Селевкидов, велась дипломатическая игра, набросились на галлов. В 196 г. до н.э. разбили инсубров, в 192 г. до н.э. — бойев, и те, покинув Италию, ушли на север, на территорию современной Чехии. До сих пор сохраняется происходящее от бойев название этой страны —Богемия. К 190 г. до н.э. вся Цизальпинская Галлия была в руках римлян.

А Антиох к тому времени уже успел победить Египет, заключить союз с галатами против Пергама, захватить греческие города Малой Азии и Фракии. Его войска стояли у Фермопил.

В 191 г. до н.э. римляне открыли военные действия против Антиоха, одним из полководцев которого стал изгнанник Ганнибал. В 190 г. до н.э. ему нанесли поражение при Магнезии и продиктовали не менее суровые условия мира: отдать флот и боевых слонов, уплатить огромную контрибуцию. Собирая ее со своих подданных, Антиох погиб. В ходе этой войны было нанесено поражение и малоазийским галатам. Рим стал ведущей силой во всем Средиземноморье.

Но Филипп V не сдавался, готовился к реваншу. Укреплял экономику государства, осваивал новые прииски драгоценных металлов. Каждый год он набирал 5 тысяч новобранцев, обучал и распускал. Создавал запасы хлеба и оружия. Под предлогом

Рис. 31. Хронологическое положение датирующих вещей поморской культуры (по З.Возьняку).

борьбы с дарданами в 179 г. до н.э. с севера пригласил бастарнов. Смерть царя прервала подготовку к войне. Сын Филиппа Персей с задачей, поставленной отцом, не справился, рассорился с бастарнами, начавшуюся в 171 г. до н.э. войну проиграл, попал в 168 г. до н.э. в плен. Греческие союзники Персея были наказаны, с другими греческими полисами и царствами римляне установили союзные отношения. Практически вся Греция оказалась в той или иной степени зависящей от Рима.

Затем последовала третья Пуническая война 149-146 гг. до н.э., в ходе которой римляне не только разрушили Карфаген, но и покорили почти весь Пиренейский полуостров. Правда только к 138 г. до н.э. они вышли на берег Атлантики, и только в 133 г. до н.э. был взят последний оплот кельто-иберов Нуманция.

После этого особое стратегическое значение приобрели земли побережья между Пиренеями и Альпами. Римской помощи против лигурийских и кельтских племен запросил греческий полис Массалия (современный Марсель). Римляне охотно согласились и оккупировали в 121 г. до н.э. земли современной южной Франции. Тогда был взят и разрушен оппидум Антремон, столица салувиев. О значении этого завоевания для хронологических расчетов шла речь выше. В 118 г. до н.э. новые земли были превращены в провинцию «Нарабонская Галлия».

Таким образом к концу II в. до н.э. сложилась совсем новая картина мира. Наследие Александра Македонского распылилось окончательно. Рим из маленького города-государства, имевшего лишь внутрииталийское значение, стал крупнейшей империалистической державой, и не было пока силы, способной противостоять ему. Никому больше не грозило испытать страх перед свирепыми обнаженными галлами. Волна их экспансии угасла. Потерпев ряд поражений и покинув ряд завоеванных земель, они сконцентрировались в Центральной Европе. Здесь резко возросло со ступени С1 число их памятников.

Наступил период «среднеевропейской консолидации» и постепенной перестройки кельтского общества. Авторитет военных вождей и всей «касты» воинов-профессионалов, вероятно, упал. Вперед выдвигаются социальные группы, связанные с ремесленным производством и торговлей, создатели кельтской «промышленной революции» и кельтского «общего рынка». Начинается период торговой экспансии кельтов и кельтского «неоколониализма», период латенизации культуры народов северной и восточной Европы. Об обстоятельствах, при которых этот процесс происходит, пойдет речь ниже.

Что касается ситуации в археологии этого периода, то она охарактеризована К.Годловским (Godłowski 1977). И к этому можно добавить лишь следующее. Когда Я.Филип писал обо всех упомянутых процессах в кельтском обществе, ступень С Латена еще не была расчленена, и для него «период среднеевропейской консолидации», соответствующий ступени С и представленный многочисленными «плоскими» могильниками с трупосожжениями и сравнительно редкими сожжениями длился от 250 по 125 г. до н.э., затем начинался «период оппидумов», соответствующий ступени D1. Дальнейшие исследования показали, что ситуация сложнее, на примере Чехии ее обстоятельней всего продемонстрировал, пожалуй, Ю.Вальдхаузер (Waldhauser 1979). К тому времени Х.Поленц, применяя комбинаторный метод, уже выделил ступени С1 и С2 на могильниках рейнско-гессенского региона (Polenz 1971). Применив его схему для Чехии, Ю.Вальдхаузер убедился, что на могильниках представлен набор фибул С1, а на оппидумах — С2, т.е. такие оппидумы, как Страдоницы, Грацаны, Завист появляются и функционируют не только на ступени D, но и раньше в С2. Горизонт оппидумов синхронизируется еще с С2-D1, Ю.Вальдхаузер принял абсолютные даты Х.Поленца и отнес эту перемену в структуре кельтского общества в Чехии приблизительно к 150-120 гг. до н.э. Но Х.Поленц, как помним, исходил лишь из 75-летнего цикла развития латенской культуры, считая ритм этот равномерным, что отнюдь не обязательно. Остается только еще раз пожалеть, что пока не появилось находок, которые могли бы определить абсолютную дату рубежа ступеней С1 и С2, и тем самым время этих существенных перемен. Однако прежде чем перестройка кельтского общества завершилась, можно думать, что был еще один слабый всплеск кельтской экспансии на востоке, который зафиксирован Ольвийским декретом в честь Протогена, если только окажется, что принятая ныне его датировка надежна.

2. Декрет Протогена и археологическая ситуация середины III-II вв. до н.э. в Северном Причерноморье.

Текст декрета достаточно хорошо известен (IOSPE, I2, 32), и нет необходимости приводить его полностью. Из всех деяний Протогена нам интересны два. Во-первых, он дал 400 золотых, «когда царь

Сайтофарн прибыл в Канкит и требовал даров проезда», и к тому же Протоген выкупил уже заложенные архонтами для этой цели священные сосуды. Во-вторых, несколько позже он на свои средства восстановил стены в «гаванной части и прилежащей к рыбному рынку», когда «перебежчики сообщили, что галаты и скиры составили союз и собрали большие силы, которые и явятся зимою, а сверх того, что фисаматы, скифы и сандараты ищут укрытия в укрепленном месте, точно также опасаясь жестокости галатов... а все рабы (ойкеты) и пограничные миксэллины, числом не менее 1500, бывшие в предыдущую войну союзниками города, были совращены врагами, выселились многие иностранцы и немалое количество граждан...»

Когда же Ольвия оказалась в таком плачевном положении? К сожалению, камень с декретом попорчен и даты на нем нет. Время определяется лишь палеографически. Т.Н.Книпович (1966) назвала «время, близкое к концу III в. до н.э.», а П.О.Карышковский (1968) — первое десятилетие II в. до н.э.

Если эта дата верна, то можно понять кельтов, устремившихся в припонтийские земли, были ли это бритолаги, как думает П.О.Карышковский (1971) или какие-то другие группировки племен. Только что кельты были изгнаны из Италии и из Фракии, а концентрация их в Центральной Европе, судя по обилию кельтских памятников в Чехии, Моравии, Венгрии и в Трасильвании, была явно избыточной. Поиски новых земель в такой ситуации были естественны, а Северное Причерноморье могло показаться добычей соблазнительной и легкодоступной, потому что уже не было здесь силы, объединявшей все кочевые и некочевые племена, силы, с которой приходилось считаться в свое время и персидскому царю Дарию и македонским царям Филиппу и Александру. Так называемое «Второе скифское царство» уже рухнуло, образовался «скифский вакуум».

В царе Сайтофарне иногда видят некоего царя скифов. Однако замечено, что понятие «фарн» было свойственно более сарматской ветви ираноязычных кочевников, и это заставляет предполагать, что скорее какой-то сарматский царь (Смирнов 1980, с.100-101), собиравший «полюдье» с недавно завоеванных территорий,требовал и от ольвиеполитов «даров проезда», и те были вынуждены их выплатить.

Остается совсем неясным, где находились и кем были упомянутые декретом фисаматы и сандараты. В других источниках они не фигурируют. Какие скифы опасались «жестокости» галатов тоже судить трудно — нижнеднепровские или крымские, но у них уже были свои «укрепленные места». Если это скифы Добруджи, то почему они искали защиты в Ольвии, а не в ближайших западнопонтийских городах? Быть может сохранялась какая-то часть скифов в степях Прутско-Днепровского междуречья? В этой связи привлекает внимание группа еще не совсем понятных «странных» памятников этого региона — «клады» из Великоплоского и Семеновки в Одесской области (Дзис-Райко, Синичук 1984; Субботин, Охотников 1981, рис. 32) Бравичены (Федоров 1960, рис.1) и Бобуечи (Отчет... 1908; Zirra 1979, рис.5; Нефедова 1993) в Молдавии, Марьевка на Южном Буге (Симоненко 1986) (Рис.32,33).

Это наборы конской упряжки, оружия и некоторых других вещей. В двух случаях зафиксировано, что они были помещены в бронзовые котлы (Великоплоское, Бобуечи), хотя все комплексы — находки случайные, за исключением Семеновки. Здесь они были обнаружены под насыпью кургана 20, но к погребениям кургана отношения не имели (Субботин, Охотников 1981). Г.А.Дзис-Райко и Е.Ф.Суничук комплексы из Великоплоского и Семеновки датировали концом III — началом II в. до н.э., дата клада из Бравичен определяется кельтскими бронзовыми колечками с крючком в виде лошадиной головки, характерными для Латена C1b-C2. Комплекс из Марьевки со шлемом типа Монтефортино и бронзовой ситулой типа Баргфельд А.В.Симоненко по всему сочетанию вещей датировал II в. до н.э. (Симоненко 1986).

Объединяет все эти «странные» памятники одна категория —своеобразные конские налобники с петлей на одном конце и с расширенной подтреугольной пластиной — на другом. (В Бравиченах и Марьевке, правда, вместо пластины — просто стержень.) Специальную работу этим налобникам посвятил А.В.Симоненко (Симоненко 1982). Поскольку в «Неаполе Скифском» была найдена форма для отливки таких налобников, А.В.Симоненко считает их скифскими, как скифские трактуются и находки из Великоплоского, Семеновки, Марьевки. Последнее М.Ю.Трейстер считает, впрочем, захоронением кельтского воина середины II в. н.э. (Трейстер 1992).

Но встречаются такие налобники и в сарматских погребениях, например, у хут.Клименкова (Яценко 1962), а котел из Великоплоского и крестовидные псалии оттуда же явно сарматского или точнее сармато-меотского происхождения. Кресто-

видные псалии «кубанского» типа на Северном Кавказе датируются второй-третьей четвертью III в. до н.э. (Лимберис, Марченко 1989, с.124). Налобник, аналогичный находкам из Бравичен и Марьевки, тоже происходит с Северного Кавказа из погребения в именьи Зиссерманов (Гущина 1983, рис.1, 5). Таким образом, все названные комплексы трудно трактовать однозначно. Они могли принадлежать и скифам или фисаматам, сандратам, могли — и сарматам, саям царя Сайтофарна. Быть может именно сайи Сайтофарна и его потомков собирая «полюдье», «дани проезда» на далеких западных окраинах своих владений пировали и совершали жертвоприношения на древних курганах Днепровского Правобережья на протяжении второй половины III — первой половины II вв. до н.э. Сами они здесь еще не жили, сарматские погребения здесь практически отсутствуют. Исключение составляет лишь детское захоронение, раскопанное С.М.Агульниковым у с.Никольское в Слободзейском районе Молдавии со среднелатенской фибулой, украшенной завитками-спиралями на ножке (Shchukin 1989, fig.20b, 3). Почти все комплексы типа Верхнеплоского содержат некоторые вещи западного происхождения: колечки из Бравичен, шлем типа Монтефортино и бронзовая ситула из Марьевки.

Особое место занимает незаслуженно забытый археологами комплекс из Бобуечи под Кишиневом (Отчет... 1908; Zirra 1979; Нефедова 1993, рис. 33). «Фракийский» бронзовый шлем этого комплекса Б.З.Рабинович датировал не ранее конца IV в. до н.э. (Рабинович 1941, с.157), а Е.В.Черненко (Черненко 1968, с.50, 88-89) — IV в. до н.э. Но здесь были найдены и уже упоминавшиеся своеобразные конские налобники с крючком на одной стороне, известные на памятниках III-II вв. до н.э. (Симоненко 1982). Особенно интересны две пластины с чеканными изображениями из Бобуечи. С одной стороны, фигурки оленей с прямыми рогами вызывают ассоциации с изображениями на котле из Гундеструпа, а человеческие лики-маски — с пластинами из Манербио-сул-Мелло в Италии (Megaw 1970, рис.209, 204, 205; Kruta 1973). Выше уже высказывалось предположение, что участниками восточных походов кельтов могли быть и выходцы из северной Италии. С другой стороны, орнаментация бобуечских пластин напоминает по стилю и по технике орнаментацию северогерманских гольштинских поясов — те же полукруги, дуги, шишечки, звездочки (Die Germanen... 1976, табл.11). Найден здесь же и сарматский котел (Нефедова 1993). Исторический смысл этих ассоциаций, отражающих и сложную эпоху создания декрета Протогена, станет понятней, когда будут завершены все разделы этой главы, хотя хронология комплекса по-прежнему остается проблематичной.

Где же все-таки находились галаты, упомянутые в декрете, с какой стороны они могли угрожать Ольвии вместе со скирами? Для ответа на этот вопрос необходимо собрать все находки латенских вещей на территории Восточной Европы (Рис. 34).

К востоку от карпатской дуги пока известны лишь два собственно кельтских памятника: в Верхнем Поднестровье поселение Бовшев с набором кельтской гончарной керамики ступени С1 (Крушельницкая 1965) и в глубине лесостепной Скифии, при впадении Припяти в Днепр — погребение у с.Залесье. Трупосожжение в гончарной урне с фибулой духцовского типа (Мачинский 1973). Менее надежны, но более многочисленны косвенные свидетельства о проникновении кельтов в Причерноморье — отдельные находки латенских вещей. Они собраны в работах А.А.Спицына (1904), Я.Розен-Пшеворской (Rosen-Przeworska 1946-47), Ю.В.Кухаренко (1959), Д.А.Мачинского (1973) и Т.Сулимирского (1976). Наиболее полная и объективная сводка составлена таким видным специалистом по европейскому латену, как Зенон Возьняк (Woźniak 1974). Она насчитывает 36 пунктов. Это духцовские раннелатенские фибулы (13 экземпляров), некоторые среднелатенские фибулы, профилированные бронзовые браслеты, стеклянные браслеты, накладка-маска из Пекарей в Поднепровье, фигурка кельтского божка с гривной на шее из Лукашевки (Романовская 1969). Список З.Возьняка можно дополнить. Появились еще две духцовских фибулы — с городища Рудь (Лапушнян и др. 1974) и из Долинян в Поднестровье. Последняя найдена при раскопках могильника культуры Поянешты-Лукашевка, но вне комплексов, относящихся к несколько более позднему времени, чем фибула. Могильник перекрывает слой скифского поселения (Смирнова 1981, рис.4, 2), но более раннего, чем время бытования духцовских фибул. Так что стратиграфическое положение этой находки остается неясным. Фотография еще одной духцовской фибулы с расширенной выпуклой спинкой и с раздвоенным концом ножки (рис.34, 15) обнаружилась в архиве В.П.Петрова (Научный архив ИА АН УССР, ф.16, л.60, фото N 39-40). Она происходит из с.Биевцы Богуславского района Киевской области.

При разведках в районе Бендер около городища Калфа в Молдавии Г.Ф.Чеботаренко подобрал на поле прекрасный экземпляр раннелатенской фибулы с дужкой, оформленной в пластическом стиле (Чеботаренко, Щербакова, Щукин 1987; Shchukin, Tchebotarenko, Shcherbakova 1993).

Прошла почему-то мимо внимания исследователей случайная находка бронзовой гривны в с.Мельниковка на Днепре (Бобринский 1910, рис.38). Сходная гривна была найдена на Макаровском Острове в Надпорожье, ее О.М.Приходнюк отнес к раннеславянскому пеньковскому слою (Приходнюк 1980, рис.45, 2). Из сборов А.В.Бодяньского в Надпорожье происходят и поздние варианты Paukenfibel с «фальшивой пружинкой на ножке», варианта А2 по К.Пешелю, ступени ЛТ-В1 и ЛТ-В2 (Peschel 1972, с.10), обнаруженные при разборе архива В.И.Даниленко[1].

Кельтскими являются, возможно, и золотые гривны клада в Бережанке (Винокур 1969). И.С.Винокур соединил две сломанные гривны в одну и датировал II в. н.э. В действительности же это обломки так называемых «гривен с буферами» III-II вв. до н.э. (Furger-Gunti 1982; Szabó 1971). Остальные вещи клада (бусы, бронзовые браслеты с шишечками, подвеска в виде птички) не противоречат такому определению. Клад найден на зарубинецком поселении типа Круглика, а встреченные здесь черепки серой гончарной керамики, по всей вероятности, не черняховские, как думал И.С.Винокур, а кельтские. По технике изготовления те и другие очень сходны (Щукин 1973). Добавим, что обломок еще одной гривны этого клада, свитой из золотой проволоки и имеющей ушко (Винокур 1969, рис.3, 5), может оказаться и звеном поясацепи вроде той серебряной, что происходит из Пашковца в Югославии (Еременко 1986; Todorović 1974, табл.XXXI).

Не исключено, что к латенскому времени может относиться и «волнистая» тонкопроволочная гривна (рис.34, 13) из Пекарей (Ханенко 1901, табл.X, 269). Такие гривны достаточно широко представлены на кельтских памятниках горизонта Духцов-Мюнзинген (Kruta 1979, рис.3, 14, 5; Filip 1956, табл.XXIV, 6-11). На рубеже позднеримского времени, во II-III вв. н.э., в связи с явлением «кельтского ренессанса» они вновь входят в употребление (Щукин 1973, рис.3). Волнистая гривна Жукинского клада (Ханенко 1907, табл.XXXII, 515), судя по составу комплекса, относится скорее к времени «кельтского ренессанса».

Наконец обломки браслетов из сапропелита и фрагменты латенской графитированной керамики найдены на поселении Горошова в Среднем Поднестровье (Пачкова 1979, рис.10, 8, с.45).

Мы не ставили здесь целью составление свода всех латенских находок в Восточной Европе. Дополнительную информацию читатель может найти в работах М.Ю.Трейстера (Трейстер 1992; Treister 1993), Бидзили и Щукина (1993) и в готовящейся публикации последнего (Shchukin, in print).

Всю совокупность латенских находок на землях к востоку от Карпат Д.А.Мачинский (1973) считал свидетельством проникновения в Причерноморье тех самых галатов, которые упомянуты декретом Протогена. И при той хронологии Я.Филипа, которая в начале 70-х гг. еще была общепринятой, у него были на это основания.

Посмотрим, однако, как располагаются эти же находки во времени при современном состоянии хронологии (рис.34, 35), (Бидзиля, Щукин 1993, рис.4).

Отчетливо видны четыре группы. Самую раннюю составляют вещи горизонта Духцов-Мюнзинген, его ранней части, ступени В1. Это духцовские фибулы с «гусеничными» спинками (Дубляны, Тростяница, Долиняны), «рубчатые» браслеты, гривны из Мельниковки и Макарова Острова, «волнистая» гривна из Пекарей. Однозначно пути их попадания трактовать трудно. Не исключено, что они — результат предполагаемого В.Е.Еременко скифо-кельтского контакта 358-339 гг. н.э. Но нельзя исключить и проникновения части этих вещей через носителей поморской культуры, имевших контакты с кельтами в Силезии на рубеже ступеней В1 и В2 и продвинувшимися в Полесье. Ими же могли быть принесены и вещи второй группы ступени В2а — духцовские фибулы из Залесья, Липлявы, Малой Сахарны, Головно, с городища Рудь, из Биевцев. Но поскольку эти же типы существовали и около 280 г., когда кельты оккупировали Фракию и проникли в Закарпатье, т.е. во время максимума кельтской экспансии на восток, то нельзя исключить и этого пути. С этой же волной кельтской экспансии могли попасть и вещи третьей группы — »пауковидные» фибулы с «фальшивой» пружинкой, фибула из Калфы. Но и для этой группы возможна двоякая трактовка. Они уже близки по времени к галатам декрета Протогена. От последних могли получить сапропелитовые браслеты жители

[1] Автор благодарит Е.Л.Гороховского, указавшего на находки из Мельниковки, Макарова Острова, а также за рисунки фибул из сборов А.В.Боднянского и из Биевцов.

поселения Горошова, а появление в верхнем Поднестровье поселения Бовшев с гончарной кельтской керамикой вполне может быть свидетельством того движения кельтов в союзе со скирами, которого так опасались граждане Ольвии. К этой же четвертой группе следует отнести и некоторые находки с зарубинецких памятников — среднелатенские фибулы с 8-видными завитками на спинке из Пироговского и Воронинского могильников, графитированная керамика и звено женского пояса-цепи из Велемичей (Каспарова 1981, с.57-78). Но и опять не исключена двоякая трактовка. Некоторые из этих вещей, в частности фибулы с «восьмерками», если участь их верхнюю дату, могли попасть к носителям зарубинецкой культуры во время их участия в походах бастарнов в 179-168 гг. до н.э. на Балканы (Каспарова 1981).

Таким образом, при сегодняшнем состоянии материала и латенской хронологической системы еще трудно локализовать галатов декрета Протогена, определить направление их движения (хотя их союз со скирами и делает предположение о движении с севера более предпочтительным) и определить их археологическое выражение. И все же несоответствие основной массы кельтских находок (II и III группы) единственному историческому свидетельству о присутствии кельтов в Причерноморье настораживает.

Названными выше находками не ограничиваются археологические свидетельства о пребывании некоторых групп кельтов-галатов в Северном Причерноморье. Кроме упомянутых «пауковидных» фибул из Пантикапея (Амброз 1966, табл.1, 8, 9) типа A2 по К.Пешелю и датируемых ступенью B2b, т.е. примерно 280-240 гг. до н.э., можно назвать фибулу по конструкции близкую мюнзингенской с кастом под коралловую или каменную вставку на ножке из Керкинитиды (Михлин, Бирюков 1983, рис.8, 9-10) и некоторые фибулы ступени C1 Беляусского могильника (Дашевская, Михлин 1983, рис.5, 16; 7, 1).

Особый интерес представляет группа терракот из разных городов Причерноморья, изображающих воинов, вооруженных характерным кельтским щитом (Пругло 1966). Часть их — более поздняя и относится, возможно, ко времени митридатовских войн рубежа II-I вв. до н.э., но некоторые, где изображен полуобнаженный воин с особенно большим щитом, несомненно представляет кельтов. На наличие таких щитов типа «тюреос» уже обращали внимание исследователи. В.П.Толстиков, публикуя надгробие воина с «тюреос», найденное у Ахтанизовского лимана на Таманском полуострове, даже дал их классификацию (Толстиков 1976).

О том, что в какой-то момент боспорские пари, находившиеся в середине III в. до н.э. в тяжелом положении (Боспор переживал кризис), использовали для поправки дел контингенты кельтов-наемников, свидетельствует нумизматика. На Боспоре была выпущена серия необычных монет с изображением меча и щита-тюреос. Считается, что это специальный выпуск денег, предназначенных для расплаты с наемниками. Д.Б.Шелов (1950; 1953) связывает их чеканку с деятельностью Левкона II (240-220 г. до н.э.). На хорошо сохранившейся монете Анапского клада М.Ю.Трейстер разглядел, что и меч на монетах изображен кельтский, с х-видной рукоятью (Трейстер 1992).

В этой связи обращает на себя внимание еще один факт. Щиты-тюреос стоят вдоль борта знаменитой в древности египетской триеры «Исида», изображение которой было открыто при раскопках боспорского города Нимфея на стене святилища, существовавшего в первой половине III в. н.э. Н.Л.Грач сопоставляет прибытие этого корабля на Боспор с дипломатической деятельностью боспорского царя Перисада II, ведшего, как известно по одному из папирусов, переговоры с Птолемеем II Филадельфом в 254 г. до н.э. (Грач 1987). Затем исследовательница стала склоняться к более ранней дате, к 80-м годам III в. до н.э. (Грач 1989, с.45). Но как бы там ни было, известно, что кельты-наемники служили Птолемеям, кельтский щит был найден в Египте. И совсем не исключено, что на «Исиде» посетил Пантикапей и отряд кельтов.

Все эти разрозненные факты пока не складываются в цельную картину, хотя при сведении их вместе уже возникает ощущение, что еще два-три звена и такая картина о пребывании кельтов в Причерноморье и их роли здесь может возникнуть. Не ясно, приведут ли дальнейшие изыскания к какой-то увязке свидетельства декрета Протогена о галатах с галатами-наемниками на Боспоре. Возможно, никакой связи и не выявится, это явления разновременные. Однако отмеченное уже выше несоответствие большинства кельтских находок Причерноморья датировке декрета Протогена настораживает, заставляет склоняться скорее к дате, предложенной Т.Н.Книпович, «конец III в. до н.э.», чем к дате П.О.Карышковского — «первое десятилетие II в. до н.э.» и даже поставить вопрос перед специалистами по

палеографии — не может ли быть эта дата еще раньше?

Ведь если разобраться (Щукин 1993), то настаивать на датировке декрета началом II в. до н.э. П.О.Карышковского заставляли главным образом два документа — истрийский декрет в честь Диогена и херсонесская надпись историка Сириска. Оба не имеют фиксированной даты и относятся ко второй половине III в. до н.э., а следовательно и дата может перемещаться в пределах этого интервала (рис. 36).

В пользу снижения даты декрета уже высказался К.К.Марченко (1987, с.248, 256), опираясь на упоминание в нем ойкетов и «миксэллинов», зависимого, вероятно, военно-земледельческого населения городской хоры, которое «было совращено врагами». Дело в том, что при исследовании поселений Ольвийской хоры Я.В.Доманским и К.К.Марченко, а также другими археологами, было установлено: поселения хоры погибают от пожаров и разрушения либо в начале второй трети столетия (Доманский, Марченко 1980, с.38; Рубан 1978, с.80-83), либо в середине — начале третьей четверти III в. до н.э. (Рубан 1985, с.43). После этого совращать было бы некого.

Предлагалась, правда, и другая локализация «миксэллинов» — в среднем течении Южного Буга (они же — каллипиды и алазоны), и связь их с Побужской или Восточноподольской группой скифских памятников (Яйленко 1989). Это одна из наиболее слабо исследованных скифских группировок, но видеть здесь какое-либо особенно сильное эллинское воздействие пока не приходится, и о существовании этих памятников в III в. до н.э. тоже пока нет достаточных данных (Петренко 1989, с.71-74).

Ю.Г.Виноградов не принял поправку К.К.Марченко, отдавая предпочтение дате декрета Протогена «20-10-е годы III в. до н.э.». (Виноградов 1989, с.182), но не потому, что в его распоряжении появились новые весомые аргументы, а, как можно понять, лишь поскольку в такой позиции этот яркий документ вписывался как бы в пик экономического и политического кризиса второй половины III — первой половины II в. до н.э., рисуемого Ю.Г.Виноградовым по эпиграфическим источникам.

И еще один момент. Декрет Протогена, упоминая галатов, скиров, фисиматов, скифов, сандаратов, ничего не сообщает о бастарнах, хотя не позже 216 г. до н.э., они уже зафиксированы Деметрием из Каллатиса, как «бастарны-пришельцы» в низовьях Дуная. Если декрет соответствует этому времени, то умолчание о движении бастарнов выглядит несколько странным.

Опять встает вопрос — не написан ли декрет раньше? Если же принять, что упомянутые в декрете события происходили где-то в интервале 70-20-х годов III в. до н.э., ближе к началу этого срока, а запись состоялась ближе к концу интервала, то все данные более или менее согласуются.

Прежде чем заняться проблемой бастарнов и скиров и выяснением, откуда они появились в Причерноморье, необходимо обратиться к более северным территориям и рассмотреть сложившуюся там ситуацию.

3. Процесс «латенизации» и парадоксы проблемы происхождения пшеворской культуры.

Одним из самых существенных моментов этой ситуации было образование губинской группы в междуречье Одера-Нейсе на пограничье ясторфской и поморской культур (рис.37; 64-I). Как особое археологическое явление эта группа выделена сравнительно недавно, хотя еще в 1919 г. И.Костшевский отметил специфику памятников междуречья Одера-Нейсе, «нижне-лужицкой группы» пшевора (Kostrzewski 1919). Пока памятников было мало и были это отдельные погребения и случайные находки (Tackenberg 1925), их зачисляли обычно в состав пшеворской культуры (Hachmann, 1961, с.71; Domański 1970). Иногда видели в них особую «позднепоморскую группу» (Мачинский 1966, с.92-94). Исследование в 1960-70 гг. ряда новых памятников, и, особенно, большого могильника в Любошицах, позволило внести некоторую ясность. Гжегожу Доманьскому, раскопавшему Любошицы и введшему термин «губинская группа», удалось выделить четыре хронологических фазы (Domański 1970). Выяснилось, что на первой фазе губинской группы нет выразительных элементов поморской культуры. Ближайшие поморские памятники удалены от губинских на 80-100 км, а некоторые общие черты в керамике объясняются за счет черт, характерных как для поморской культуры, так и для ясторфской культуры. С последней и обнаруживает более всего сходства губинская группа на ранней фазе, особенно с могильником Каммер (Marschalleck 1927, с.212-242; Hachmann, 1961, с.59-101) и другими памятниками в бассейне реки Хавель. «Проникновением ясторфцев из Анхальта и из южных районов Бранденбурга» и объясняет Г.Доманьский появление губинской группы, рассматривая это как один из «фрагментов» ясторфской

экспансии на юг. Кроме того они, с одной стороны, достигают Саксонии и Тюрингии (Grünert 1958), с другой стороны — переходят на правый берег Одера в его нижнем течении (Eggers 1955a, с.13-14; Wołągiewicz 1959, с.121-143).

Впрочем, полностью отрицать вклад носителей поморской культуры в формирование губинской группы, как это делает Г.Доманьский, не приходится (Godłowski 1977, с.155-156). Доманёвицы, второй крупнейший могильник этой группы, начал функционировать как могильник поморский, здесь выделяется поморская фаза, в погребении 50, например, найдена типичная лицевая урна с крышкой и мюнзингенская фибула коваловицкого варианта (рис.37: 4, 5). Затем здесь следует ясторфская фаза и далее развитие форм полностью соответствует Любошицам (Kołodziejski 1973). Определить дату первой фазы губинской группы трудно —в Любошицах в ранних погребениях нет металла, только керамика. Опереться можно лишь на сходство ее с сосудами из первой фазы могильника Каммер. А там эта фаза относится к III в. до н.э., исключая конец этого века, а точнее по находке раннелатенской фибулы с шариком на ножке может быть синхронизирована с ЛТ-B2b, т.е. где-то между 280-240 гг. до н.э. Следующая II фаза Каммера дает уже среднелатенские фибулы варианта А и фибулы с шариками на ножке, синхронизирующими ее со ступенью C1a, что при широкой датировке соответствует 250-190 гг. до н.э.

К материалам могильника Любошицы недавно обратился В.Е.Еременко и заново сделал корреляцию комплексов, расширив объем привлекаемого материала и коррелируя отдельно погребения женщин, мужчин и подростков, благо антропологические определения имеются. Таким образом ему удалось избавиться от «информационного шума» и получить более надежные результаты, хотя принципиальных расхождений с выводами Г.Доманьского не произошло (Еременко 1990, с.99-101, рис.20-25). Фазу, которая у Г.Доманьского была первой, В.Е.Еременко назвал нулевой, поскольку она представляет на могильнике еще собственно ясторфскую культуру и не несет признаков «латенизации», свойственной самой губинской группе. I фазу (соответствующую в общем и целом II фазе у г.Доманьского) по среднелатенским фибулам варианта А, по фибулам с шариками и по находке гривны типа 0-1 по Т.Фойгту (Voigt 1968, с.168, рис.22-23), являющегося более поздним ясторфским дериватом кельтских «гусеничных», В.Е.Еременко синхронизировал с Латеном C1b и соответственно с фазой «а» позднего предримского времени, т.е. где-то между 225-160 гг. до н.э. при всей условности этой датировки, о чем у нас шла речь в главе о хронологии.

Уже на этой фазе губинская группа обнаруживает определенное сходство с поянешты-лукашевской и зарубинецкой культурами (Domański 1975, с.104-105; Каспарова 1981; 1984; 1989) и отмечена процессом латенизации, выражающемся в обычае помещения металлического инвентаря в урны, чего не было в предыдущей фазе, а так же появлением форм мисок, напоминающих очертаниями гончарные латенские, отличающиеся, однако, таким характерным признаком большинства «латенизированных» культур, как подграненность венчиков.

Еще более отчетливо все это проявляется на следующей фазе II, где собственно ясторфские элементы по сути дела исчезают. По фибулам вариантов B, C, E и K классификации Костшевского эта фаза может быть синхронизирована с Латеном C2, а по варианту K даже с началом ступени D1 и соответствует фазам «b» и «c» Р.Хахманна. Таким образом, можно думать, что эти захоронения совершались где-то в интервале между 197 г. до н.э. (а скорее после 179-168 гг. до н.э.) и до первых десятилетий I в. до н.э., не обязательно занимая весь этот интервал. Но точнее сказать ничего нельзя.

Примечательно однако, что на этой фазе еще нет в губинской группе отчетливых элементов соседней, уже существовавшей пшеворской культуры, хотя обратное влияние ощущается.

Заметным становится пшеворское воздействие лишь в следующей III фазе (IV по Г.Доманьскому), которая синхронизируется с Латеном D1. К 60-м годам I в. до н.э. могильник Любошицы очевидно перестает функционировать, и губинская группа прекращает свое существование, земли эти на некоторое время запустевают (Godłowski 1978; 1985).

Могильник Любошице лишь одно маленькое звено, лишь капля, отражающая сложные многогранные и неоднозначно протекавшие на разных территориях процессы рассматриваемого периода. Но суть их состояла в следующем: в III-II вв. до н.э. на территории Центральной Европы действовали два встречных культурных импульса. С одной стороны, устремление и постепенное продвижение жителей более северных районов, начиная от Скандинавии, к югу, что находит выражение, скажем, в распространении целой серии вещей, карты которых (рис.42, 44, 46) составлены

М.Бабешем (Babeş 1985) и другими исследователями, в культурных переменах, отмеченных в ряде регионов. С другой стороны, во встречном влиянии кельтов, вынужденная «среднеевропейская консолидация» которых заставила перестроить общество, перейти к более интенсивным формам хозяйствования — возникновение протогородских центров-оппидумов с массовым производством железных сельскохозяйственных орудий и инструментов, оружия, с производством простых и общедоступных форм украшений, с развитой торговлей этими изделиями, солью (для ее транспортировки, считается, и использовались графитированные сосуды), с занятием, вероятно, и посреднической торговлей, в частности янтарем. Начинается все это как раз на ступенях C1b-C2, когда оба импульса встретились, что и рождает тот процесс, который археологически выразился в «латенизации» ряда культур.

В.Е.Еременко отмечает, что различные группы населения, начиная от Боденбах-Подмоклы в Чехии через губинскую групп, могильник Каммер в Анхальте, через могильники Бранденбурга, районов Шверина и Ростока до Ютландии в это время образуют как бы ряд культурной непрерывности (Еременко 1990, с.103).

Подобные соображения о двух импульсах, о передвижениях населения и кельтском воздействии уже неоднократно высказывались с теми или иными нюансами и немецкими (Grünert 1958; Hignst 1959), и польскими (Godłowski 1985; Niewęglowski 1981; Dąbrowska 1988) исследователями, и автором этих строк (Shchukin 1989, с.33-35). Нужно, однако, отметить, что каждый раз это делалось в достаточно общей форме или с конкретизацией лишь деталей (даже в диссертации В.Е.Еременко). Новое детализированное изучение этих процессов с проработкой и сопоставлением всех материалов еще предстоит, и это, очевидно, задача наших немецких коллег, до сих пор занимавшихся по преимуществу региональными исследованиями памятников, результаты которых и надлежит свести воедино и сопоставить.

Та часть общего процесса, которая происходила на территории Польши, после выхода обобщающих работ А.Невенгловского, К.Годловского и особенно последней книги Т.Домбровской оказалась изучена гораздо лучше, хотя нельзя сказать, что все проблемы уже решены. Более того, возникновение пшеворской и оксывской культур до сих пор остается в какой-то мере загадкой.

У большинства польских археологов нет особых сомнений, что часть потомков поморцев стала затем пшеворцами, а на севере — оксывцами, хотя характер культуры изменился резко и лишь очень немногие общие формы керамики (Niewęglowski 1972; Shchukin 1989, табл.11), да некоторых орудий труда, сходство которых объясняется их функциональностью, связывает эти культурные образования. Представления о безусловной преемственности, отстаиваемые старшими представителями познанской школы И.Костшевского (Kostrzewski 1923; 1961), теперь уходят в прошлое. А после тщательного рассмотрения Т.Домбровской ситуации оказались значительно ослабленными и прочие аргументы.

Выяснилось, что · большинство могильников пшеворской культуры (рис.38) заложены заново, из 37, где пшеворские и поморские погребения представлены вместе, лишь в 9 случаях есть захоронения ранней фазы пшевора, и можно действительно предполагать континуитет. Причем и некоторые из этих случаев сомнительны.

Выяснилось, что на ранней стадии пшеворцы стремились занимать пустующие участки земель, не заселенных прежде поморцами (Dąbrowska 1988, с.84-105). Различия в топографии памятников (пшеворские располагаются, как правило, в более низких местах) отмечались и прежде (Kurnatowski 1966; Niewęglowski 1966, с.55), так же как и наличие вполне определенного хиатуса (Woźniak 1979, рис.3). (Рис.31) Переходной поморско-пшеворской стадии выделить не удается. «Вновь возникшая культура не была просто продолжением культуры поморско-подклошевой», — делает вывод Т.Домбровска. «Вклад культуры поморской не мог быть большим, поскольку число черт, которые могли бы свидетельствовать о такой связи, ничтожно» (Dąbrowska 1988, с.105).

Но далее польские коллеги наблюдают ряд явлений парадоксальных. Два погребения могильника Гледзенувек (N 84 и 94) были совершены в урнах поморской культуры, а одна из них покрыта миской пшеворской. В обоих были и другие фрагменты пшеворской керамики с подграненными венчиками, а в одной еще и фибула варианта К. Оба погребения, таким образом, не из ранних пшеворских, а относятся ко второй фазе развития этой культуры — А2.

Аналогичный случай в погребении 266 могильника Задовице. Судя по горизонтальной стратиграфии могильника, погребение тоже относится к фазе А2. Подобная ситуация и с погребением 29 могильника Блоне (Dąbrowska 1988, с.97-99).

Самые поздние надежно датированные

комплексы поморской культуры на польской территории синхронизируются еще со ступенью Латен B1 (Woźniak 1979, рис.3), а самые ранние пшеворские содержат фибулы варианта A по классификации Костшевского, что синхронизирует их с Латеном C1b. Но такие же фибулы оказались в поморских погребениях могильников Новы Добры под Торунью, в Быхове под Вроцлавом (Dąbrowska 1988, с.99) и в яме 333 поселения в Гневове с поморским материалом. А в погребении в Соколовицах была даже фибула варианта B (Woźniak 1979, с.128).

Вывод, который делают польские коллеги из названных фактов, однозначен: несмотря на видимость хиатуса, на протяжении всего времени бытования фибул варианта A исчезающая поморская культура и зарождающаяся пшеворская сосуществовали, очевидно, чересполосно. Сосуществовали ранние пшеворцы какое-то время и с кельтами Нижней Силезии в районе Вроцлава, но не долго. Наипоздние кельтские памятники этого района относятся к C1a (Woźniak 1979, с.216). В это же время кельты проникли в Малопольшу, в район Кракова, и новый кельтский импульс, исходящий, вероятно, из Моравии, достиг Верхней Силезии. Кельтские же земли Нижней Силезии были заняты пшеворцами, носившими фибулы варианта C.

Таким образом, во время бытования фибул варианта A наблюдается определенная «мозаичность» в размещении культурных групп, опять своего рода «шахматная доска», поморско-кельто-пшеворская. Для Силезии это хорошо продемонстрировала Т.Домбровска картографированием памятников (Dąbrowska 1988, карта II). Ко второй фазе пшевора картина нивелируется и только в южной Польше — в Верхней Силезии и в районе Кракова — сохраняется кельтское население, в Силезии исчезнувшее к концу Латена C2, а в районе Кракова смешавшееся с пшеворцами, создав своеобразную Тынецкую группу, дожившую до римского времени.

Не вызывает особых сомнений, что кельты сыграли заметную роль в оформлении облика пшеворской культуры. Только от них пшеворцы могли получить обычай помещать в могилу оружие (у всех остальных народов Европы в это время это не было принято). Кстати, среди позднейших кельтских погребений Нижней Силезии имеются 8 трупосожжений, в том числе и 2 с согнутым оружием в Гловине (Woźniak 1970, с.60-62, табл.XV-XVI).

Оружие у пшеворцев кельтское или сделанное по кельтским образцам, кельтские у них фибулы, ряд форм керамики тоже восходит к кельтской гончарной. Основанное кельтами святилище на горе Шлёнза в этом же регионе продолжало функционировать и в пшеворское время.

Однако соединение кельтских и поморских черт не дает нам еще пшеворской культуры. Если бы произошло так, то пшеворская культура могла бы возникнуть значительно раньше. В течение всей ступени B2 около ста лет кельты и поморцы были соседями. Во-вторых, остается неясным, откуда взялся обряд трупосожжения в яме (и у поморцев, и у соседей-ясторфцев он встречается, но редко). Откуда взялись очень своеобразные так называемые «краузе» или «обратно-грушевидные» сосуды с X-видным ухом, цилиндрические кружечки с маленьким ушком, формы, характерные именно для раннего пшевора? Откуда любовь к орнаментам в виде меандров и свастик, образуемых параллельными линиями с точками или рисками между ними?

Ничего подобного нет ни в одной из окружающих или предшествующих культур, кроме, естественно, оксывской, во всем пшевору родственной, возникшей одновременно или даже чуть позже.

Необходимо искать третий компонент. Концепцию Мартина Яна о ютландском происхождении носителей пшеворской культуры (Jahn 1940, с.949-967) и польские, и датские исследователи отвергли. Она действительно имеет серьезные изъяны. Ютландский могильник Крагхеде имеет общие черты с пшевором (рис.61), но по времени он ей не предшествует и скорее можно говорить о южных влияниях в Ютландии (Klindt-Jensen 1950, с.66; Kostrzewski 1961, с.52-55; Hachmann 1961, с.174-180). Можно было бы обратиться на запад. Дело в том, что на Заале и Средней Эльбе в Тюрингии и Анхальте имеется группа памятников, прямо-таки повторяющих пшеворские — ямные погребения с оружием, «краузе», кружки, меандры на керамике. И проблема бы разрешилась, будь хоть какие-то доказательства, что эти памятники хотя бы чуть-чуть старше пшеворских. Но нет. Самые ранние из них дают те же фибулы варианта A, а в основном они позже, существуют параллельно пшеворской культуре. При этом они как бы вкраплены в местную ясторфскую среду, выглядят в ней достаточно чуждыми. Все исследователи, занимавшиеся ими (Hachmann 1957; Peschel 1978; 1988; Dąbrowska 1988), приходят к однозначному выводу. Это какие-то небольшие группы пшеворцев, поселившихся вместе или в непосредственном соседстве с ястофцами и не терявшие связи со своими родичами в Польше.

Пришлось вновь обратить взгляд на север.

Некоторые новые данные удалось получить А.Невенгловскому исследованием погребального обряда пшеворской культуры (Niewęgłowski 1981). Он заметил следующее: определяющим признаком погребальной обрядности пшевора являются ямные трупосожжения типа А — круглые или овальные ямы диаметром не менее 75 см с очень темным углисто-черным заполнением, с малым количеством кальцинированных косточек, с изобилием мелкобитой пшеворской керамики (сосуды чаще всего не восстанавливаются), с наборами ломаного, согнутого оружия, без каменных выкладок и конструкций.

В пшеворской культуре есть и другие ямные трупосожжения, типа В, со светлым заполнением, меньшими овальными или квадратными ямами, с обилием пережженных костей, с целыми или склеивающимися сосудами и чаще без оружия. Есть и урновые погребения разных типов, и отдельные трупоположения. Все эти обряды в той или иной степени характерны или для ясторфской, или для поморской культуры, или для кельтов. И только ям типа А нет ни в предшествующих, ни в соседних культурах.

Далее А.Невенгловский заметил: в ранней фазе «а» ППВ памятники, где ямы А представлены в чистом виде, без примеси других обрядов, располагаются на ограниченной территории — на севере Нижней Силезии и в примыкающей юго-западной части Великопольши. Это известные еще по довоенным раскопкам могильники Бартодзейе, Бельч Малы, Кайечин, Катовице, Вежбиче и некоторые отдельные погребения — всего около 50 (Peschek 1939, с.172, 176-192). Из них всего 13, судя по составу инвентаря, — женские. Группа не очень большая, но поражающая своей монолитностью. С появлением ее прекращается кельтское заселение Нижней Силезии.

Ямы типа А известны и за пределами означенного региона (Вымыслово, Доморадзицы и др.могильники) и распространяются они в двух направлениях — вдоль Одры на север и на северо-восток. По мере удаления от Нижней Силезии процент их на могильниках, по сравнению с иными обрядами, уменьшается. Аналогичная картина получается и при рассмотрении в пшеворской культуре кельтских мечей, умбонов типа I по Д.Бонзаку и дамаскированных наконечников копий. Среди могильников фазы «а» ППВ есть как заложенные на месте прежних некрополей поморской культуры (Вымыслово), так и заложенные заново (Варшава-Вилянув). На первых как правило сравнительно мало оружия, иногда нет и ям типа А (Зрепы), на вторых больше того и другого.

Единственное место, где Невенгловский нашел ямные трупосожжения, близкие силезским и относящиеся к предшествующему времени, — остров Борнхольм. Хотя сходство это тоже неполное. На борнхольмских могильниках ямы, напоминающие силезский тип А, чаще всего прикрыты или большим камнем, или окружены кольцевой каменной выкладкой, не содержат оружия, и керамика из них не дает пшеворских прототипов. Не замечено и каких-либо следов иммиграции с острова (Klindt-Jensen 1957; Becker 1962). На связи с Борнхольмом, Ютландией и с северогерманским балтийским регионом в целом указывает и еще ряд находок — фибулы из Вшедзеня (Kostrzewski 1919, с.26, рис.12), трехчастные поясные крючки, некоторые типы ножей (Dąbrowska 1973, табл.XXVII, 4), булавка с крестовидной головкой из Загожина, имеющая прямую аналогию на Борнхольме (Moberg 1941, рис.31, 1), некоторые формы керамики (Niewęgłowski 1972, с.98, 100, 191; Becker 1962, рис.3, 3, 5, 6; Brondsted 1962, с.54-56), гривны-короны из Цмахува, Милча, Става, Выбранова, Швидницы, Двикоз и Ключева (Kostrzewski 1919, с.73-79, рис.56-59; Kostrzewski 1923, с.154, 156, рис.533, 537, 545; Peschek 1939, с.43; Pietraszewski 1925; Rutkowski 1921).

Наблюдения над урновыми погребениями и ямными типа В привели А.Невенгловского к заключению о связи этих обрядов с ясторфским кругом культур, в частности с губинской группой и о распространении их с запада на восток. Ясторфская керамика найдена также в погребениях 31, 53а и 87 в Вилянуве (Marciniak 1957, табл.XXVII, 4; XLVI, 1, 2, 4: LXXIV, II), в могилах 96, 103, 109 в Карчевце (Dąbrowska 1973, табл.XXVI, 1, 13; XXVII, 5; XXVIII, 1) и в погребении 2 у Воли Шидловецкой (Różańska 1968, Рис.4F). Северо-западный компонент пшеворской культуры в результате стал приобретать более реальные черты.

По тому же пути пошла и Т.Домбровска (Dąbrowska 1988, с.192-204). Отметив, что в кругу групп, образующих ясторфскую культуру в широком смысле термина, особое место занимает население северной оконечности Дании (полуостров Вендсысел), острова Борнхольм и западной Швеции, исследовательница указала еще раз на некоторые находки с территории пшеворской и оксывской культур, которые могли бы быть связаны именно с этим регионом — на бронзовожелезные так

называемые фибулы «с мешочком» (Вшедзень, Лушин), на железные фибулы с бронзовыми шариками, на обычай «болотных даров» (гривны-короны, мечи). Причем контакты с этим регионом на севере не прерывались на протяжении всего «позднего предримского времени», чем и объясняется «пшеворизация» Крагхеде и некоторых других могильников. Однако выяснилось, что некоторые формы «пшевороидной» керамики Ютландии имеют местные корни, известные с поселений фазы II датской местной относительной хронологии, предшествующей фазе IIIa, которая по фибулам с шариками может синхронизироваться с ранней фазой пшевора и с Латеном C1b. Но что самое интересное, к числу таких форм относятся и прототипы «краузе», «обратногрушевидных» сосудов, с выделенной шейкой, резко отогнутым венчиком и иксовидным ухом. У прототипов ручки лишь помещены иначе — на плечике (Dąbrowska 1988, с.167-175, 192-204, рис.16, f, i; рис.13a).

Нельзя сказать, что исследования Т.Домбровской и А.Невенгловского выявили какую-то массовую миграцию населения с о.Бронхольм, с севера Дании и прилегающих районов к югу, на территорию Польши, что и привело здесь к созданию пшеворской и оксывской культур. Данных для такого утверждения немного. Но тем не менее северный компонент приобрел некую «плоть» и можно построить гипотезу, очень близкую представлениям Т.Домбровской, ряда других польских исследователей, а также сформулированной Д.А.Мачинским в его докладе на I конгрессе археологов-славистов в Варшаве еще в 1965 г. (Мачинский 1965, рис. 39).

Предлагаемая реконструкция отличается лишь некоторыми нюансами (рис.39). На рубеже ступеней B1 и B2 в период «исторической экспансии кельтов», возможно после «передела мира» с Александром, одна сравнительно небольшая их группа проникает в Силезию, вызвав сдвиг к востоку носителей поморской культуры. Отношения с оставшимися поморцами складываются или враждебные или нейтральные, во всяком случае не заметно каких-либо следов контактов между ними.

Спустя лет 50-70, на ступени B2b, в основном, вероятно, в междуречье Эльбы и Одера начинается тот процесс «двух импульсов» — латенского и северного — о котором шла речь выше и который приводит к возникновению таких групп, как губинская и Боденбах-Подмоклы. Сила латенского импульса возрастает со ступени C1 в связи со «среднеевропейской консолидацией» кельтов и перестройкой их общества из «военного» в «экономическое». Параллельно «северному» импульсу на западе происходит, вероятно, просачивание отдельных небольших групп выходцев с севера Дании и с о.Борнхольм на территорию Польши, слабые следы которого и наблюдают Т.Домбровска и А.Невенгловский. Приходится это, скорее всего, на время ступени C1a и C1b латенской хронологии, когда наблюдается разнобой в хронологических определениях, когда с трудом из-за этого разнобоя выявляются памятники непосредственно этого отрезка времени, лежащего между серединой III и серединой II в. до н.э., т.е. фиксируется период культурной и, вероятно, политической нестабильности, занимавший, очевидно, в действительности более узкий отрезок в этом интервале. Можно думать, что он лежит где-то между 230-ми и 160 гг. до н.э., но не исключены и другие варианты.

Одна из групп северных пришельцев, небольшая, но социально активная и практикующая обряд погребения с ямами типа A по А.Невенгловскому, заняла пустовавший участок между поморцами и кельтами Нижней Силезии, оказавшись в непосредственном соседстве с последними.

Раннепшеворские находки, синхронизирующиеся с Латеном C1, фиксируют район более широкий и образуют кроме того еще две группы — между Вартой и Нотецом и в Варшавском течении Вислы (Dąbrowska 1988, карта 5), но сути дела это, вероятно, не меняет.

Кельты Нижней Силезии в силу удаленности от территории остальной Кельтики, возможно, сохраняли еще традиции эпохи «исторической экспансии», не подверглись перестройке.

Мы не знаем, как складываются отношения поморцев, кельтов, пришельцев с севера и их западных сородичей. Но кельтская группировка вскоре исчезает, передав, по всей вероятности, ближайшим соседям свое вооружение, тактику и технику боя, отработанные еще в эпоху «исторической экспансии» и широко ценимые во всем мире (кельты-наемники), а также свои верования (погребение с оружием, святилище на горе Шленза). Самое же главное — была передана и получила развитие военно-социальная структура общества времени «исторической экспансии».

Процесс «пшеворизации» прочего населения территории Польши, включавшего как потомков поморцев, так и выходцев с севера и запада, произошел довольно быстро, на протяжении жизни одного поколения, во время бытования фибул варианта A и фибул с шариками, т.е.

на ступени C1b.

Если отсутствие оружия в погребениях еще отнюдь не свидетельствует о миролюбии населения, таков лишь обряд, то все же обилие оружия явно говорит о воинственности. К тому же специальное исследование фиксирует, что в своем дальнейшем развитии пшеворское общество представляло собой удивительно четко организованную военно-социальную структуру (Kietlińska 1963). В какой-то мере по своей вооруженности и социальной организованности пшеворское общество является уникальным в Европе, особенно в первое время. Позднее, на рубеже эр, эта структура получит распространение более широкое, о чем у нас еще пойдет речь впереди.

При таком подходе становятся понятными и пшеворизированные группы в других уголках Европы, в частности в Тюрингии и Анхальте — группы военных поселенцев, призванных выполнять какие-то социальные задачи.

А к тому времени, к ступени C2, завершилась перестройка Кельтики, с которой вновь возникшая пшеворская культура не потеряла контактов. Стимулом к оживлению этих контактов, а заодно и к укреплению и консолидации пшеворского общества, могла стать торговля янтарем. В 181 г. до н.э. как раз когда шли все упомянутые процессы, на побережье Адриатики была основана Аквилея (Филип 1961, с.67), ставшая центром янтарной торговли (Spekke 1957).

Высказанная гипотеза отнюдь не претендует на завершенность и совершенство. Можно по-разному оценивать вклад различных элементов, остается не ясным происхождение меандров, подграненных венчиков, цилиндрических кружек. Нужны новые материалы, новые разработки, уточнение хронологии. Но на сегодня трудно предположить что-нибудь более убедительное.

Что касается родственной пшевору оксывской культуры Польского Поморья, то она, очевидно, детище тех же процессов, хотя поморский компонент здесь играл еще меньшую роль. Гипотеза поморского происхождения ее (Kostrzewski 1961) подверглась решительной ревизии (Wołągiewicz 1979). Выяснилось, что возможность континуитета между ними не исключается (хотя и не доказывается) лишь в узкой полосе нижнего течения Вислы. На остальных территориях поморская культура кончается с фибулами типа Чертоза в V в. до н.э., в то самое время, когда поморцы появляются на юге Великопольши. А оксывские памятники датируются в Поморье не ранее средней фазы позднего предримского времени. Более двухсот лет большая часть Поморья оставалась не заселенной. Лишь самая западная часть была занята носителями нижнеодерской группы Ясторфа, а на юго-восточном пограничье в ранней фазе позднего предримского времени появилась хельминско-куявская группа пшеворской культуры. Взаимодействие этих двух групп и дало оксывскую культуру. Большее количество элементов ясторфсокй культуры, отсутствие или малое число элементов, восходящих к поморской культуре, к кельтам, и к силезской группе пшевора обеспечили специфический облик этой культуры (Wołągiewicz 1981c; Shchukin 1989, табл.13).

Когда Т.Домбровска изучала контакты пшеворской культуры с севером Ютландии и пыталась выяснить их роль в формировании этой культуры, она была вынуждена констатировать, что ряд этих немногочисленных элементов пронизывает территорию пшевора, но концентрация их происходит южнее — в культуре Поянешты-Лукашевка и в своеобразной черниченской группе в районе Люблина (Dąbrowska 1988, с.197-198), которую то относили к зарубинецкой культуре, то считают вариантом пшеворской.

4. Проблема генезиса зарубинецко-поянештской культурной общности (ЗПО).

Как уже говорилось в первой главе, культура Поянешты-Лукашевка в Молдавии и румынской Молдове (рис.40) и все три локальных варианта зарубинецкой культуры (среднеднепровский, полесский и верхнеднепровский) представляют собой в кругу восточноевропейских культур явление явно особое. Обилие мисок, чернолощеной, хроповатой и хроповато-лощеной керамики, обилие фибул, большие могильники с трупосожжениями («поля погребений») — все это заметно отличает эти культуры от культур синхронных и предшествующего времени в лесной и лесостепной зоне, от сарматских и скифских памятников, от гетской культуры в Молдавии. Сразу же бросается в глаза и сходство этих культурных образований с циклом латенизированных культур Центральной Европы.

Что касается уже предлагавшегося (Мачинский 1966; 1966а) объединения их в одну культурную общность, то его следует рассматривать, как условное. В среде местных восточноевропейских древностей Поянешты-Лукашевка и Зарубинцы выглядят как нечто единое, в кругу латенизированных

культур — каждая из них представляется достаточно автономной. Объединение их в одну общность имеет смысл еще и потому, что в промежутке между основными массивами начинают выявляться памятники, в отношении культурной принадлежности которых у специалистов то и дело возникают сомнения — Долиняны (Смирнова 1981; Пачкова 1984), яма 37 в Незвиско (Смирнова 1970; Мачинский 1965), Круглик (Пачкова 1977; Тимощук, Винокур 1962; Мачинский 1965) (рис. 43), черниченская группа под Люблиным, (Czopek 1992) некоторые другие (Кухаренко 1978; 1978а). Число их, вероятно, будет расти, и можно предвидеть возникающие при этом сложности.

У зарубинецкой и поянешты-лукашевской культур нет культуры-предшественницы, которая занимала бы ту же территорию (рис.64-I). В Среднем Поднепровье до появления здесь зарубинцев жили скифы. В Верхнем Поднепровье и в Полесье — носители милоградской культуры. В Западную часть Полесья, на Волынь и в Подолию заходили группы носителей поморской культуры, Молдавию занимали геты. Кроме того на эти же территории на некоторое время проникали и кельты.

Соответственно выдвигались гипотезы о происхождении зарубинецкой и поянешты-лукашевской культур от этих предшественников: гипотеза «скифская», «милоградская», «поморская» или «западная» и «гетская» (для Поянешты-Лукашевки). Каковы реальные разрешающие возможности этих гипотез?

Однако прежде чем ответить на этот вопрос, нужно выяснить, когда же все-таки ЗПО возникла, когда сложились составляющие ее культуры? Активная дискуссия на эту тему велась в 60-е годы (Мачинский 1963; Максимов 1969; 1971). Сторонники автохтонных теорий относили начало зарубинецкой культуры к III в. до н.э. или к III-II вв. до н.э., потому что только тогда могло произойти перерастание местных культур в зарубинецкую. Ю.В.Кухаренко (1964), Д.А.Мачинский (1963) и А.К.Амброз (1959) возражали им: получалось бы, что латенизированная зарубинецкая культура, удаленная от кельтского мира, древнее всех остальных латенизированных культур Европы и первой испытала кельтское культурное воздействие. Опираясь на хронологические разработки Я.Филипа и Р.Хахманна, эти три исследователя датировали возникновение обеих культур концом II — началом I в. до н.э. Их обоснования выглядели тогда значительного более фундированными.

Но вот в руках у сторонников «длинной» даты появились более весомые аргументы. На зарубинецком поселении Пилипенкова гора в одной из ям-погребов была найдена ручка косской амфоры с надписью астинома Аполладоса. Чиновник с таким именем клеймил на о.Косе амфоры с вином в 230-220 гг. до н.э. (Максимов 1972, с.113). С того же поселения происходила и паросская амфора с клеймом тоже III-II вв. до н.э. А на поселении Круглик в верхнем течении Днестра была обнаружена ручка херсонесской амфоры с клеймом конца III — начала II в. до н.э. (Тимощук, Винокур 1962, с.74). Обломки косских амфор приблизительно того же времени, но без штемпелей были найдены и на других зарубинецких поселениях. Специалистам-античникам было известно, что именно в конце III — II вв. до н.э. вывоз дешевого косского вина достиг особой интенсивности (Максимов 1969, с.21-22; Зеест 1960, с.25).

Поначалу сомневались в стратиграфической достоверности этих находок. Но число их все возрастало. Они появились в Поянешты-Лукашевке — в Лукашевке II, в заполнении жилища 4 находились три ручки родосских амфор с клеймами 220-146 гг. до н.э. (Лапушнян и др. 1974, с.80), клейма 220-180 гг. до н.э. были выявлены на поселении Лунка Чурей в Румынии (Tudor 1967). По последним данным на поселениях поянешты-лукашевской культуры найдено 13 амфорных ручек с клеймами пяти эпонимов и шести фабрикантов амфор III и IV периодов родосского производства, что соответствует времени около 210-146 гг. до н.э. (Babeş 1985).

Возникло парадоксальное противоречие между датами поселений, определяемыми по амфорам, и датами могильников, установленными по фибулам, противоречие между двумя хронологическими системами — античной и европейской латенской. Разница достигала почти столетия. Некоторые пытались ликвидировать эту амфорно-фибульную антиномию, предлагая выделить особую, «бесфибульную» стадию развития (Максимов 1969, с.18). Но когда это предположение попытались реализовать на конкретном материале (Поболь 1973), то такая «бесфибульная» стадия оказалась фикцией, в ней не было элементов, не представленных и в других, «фибульных» стадиях (Каспарова, Мачинский, Щукин 1976).

Кстати, поздняя датировка зарубинецко-поянештской культурной общности, опирающаяся на хронологию Хахманна, мешала в какой-то мере и построениям ее сторонника Д.А.Мачинского (Щукин 1993). Он выдвинул идею, что формирование

общности происходило в момент участия продвигавшихся к югу носителей поморской культуры, в походах бастарнов на Балканы в 179-168 гг. до н.э. (Мачинский 1966; 1966а). Историческая датировка тоже расходилась с археологической. Чувство неудовлетворенности возрастало, но выхода из парадоксальной ситуации, казалось, не было.

Тем временем К.В.Каспарова, разрабатывая относительную хронологию полесских могильников зарубинецкой культуры, в поисках параллелей самым ранним фибулам и в поисках прототипов «зарубинецких» фибул с треугольным щитком, обратилась к материалам латенских памятников Южной Европы и убедилась, что ряд общеевропейских фибул, в частности среднелатенские расчлененные варианта А, фибулы с восьмерками и другие, относятся на правобережье Дуная к более раннему времени, чем это было принято в системе Филипа; не к середине II — началу I в. до н.э., а к рубежу III-II вв. — первой половине II в. до н.э. (Каспарова 1978; 1978а; 1981, с.79-87). (Рис.49).

Наблюдения К.В.Каспаровой оказались в русле той же ревизии хронологии Я.Филипа и Р.Хахманна, которая в те же семидесятые годы происходила в европейской археологии.

Важную точку в этой ревизии поставил в 1977 г. К.Годловский, синхронизировав начало процесса латенизации североевропейских культур не с ЛТ-D, а с ЛТ-С. Получалось, что процесс этот начинался не около 120 г. до н.э., а много раньше, в районе 220-180 гг. до н.э. (Godłowski 1977, с.111-120), что совпадает и с амфорной датировкой ЗПО. Спор теперь мог идти лишь о двух-трех десятилетиях, величине далеко не всегда уловимой.

Окончательный вывод К.В.Каспаровой — полесская группа зарубинецкой культуры сформировалась в 170-150 гг. до н.э. Эта же дата приемлема, по ее мнению, и для других вариантов ЗПО (Каспарова 1981; 1981а, с.18), что она и постаралась подтвердить в последующей работе при синхронизации зарубинецкой культуры с центральноевропейскими (Каспарова 1984).

К аналогичным выводам для поянешты-лукашевской культуры пришел и М.Бабеш (Babeş 1985; 1988), а попытку А.М.Обломского при определении даты верхнеднепровского варианта вернуться к абсолютным датам Я.Филипа и Р.Хахманна, очевидно, можно считать недоразумением, никаких новых данных в его распоряжении не было (Обломский 1983; Чеботаренко и др. 1987; Shchukin et alli 1993).

М.Бабеш достаточно убедительно показал синхронность и единый ритм развития поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур с фазами ясторфской культуры стадий II b-d в Макленбурге, Бранденбурге и Гольштинии, а всех их — с Латеном С2-D. Но, как мы уже знаем, для определения абсолютной даты начала С2 нет данных, кроме тех родосских амфор с поселения Лукашевка II, уточнение даты попадания которых в Причерноморье было предложено В.Е.Еременко — между 197 и 183 или 179 гг. до н.э. (Ščukin, Eremenko 1991).

Последние разработки В.Е.Еременко (1990, с.107-119, 132-137), обработавшего корреляционным методом могильники Поянешты, Лукашевку и Долиняны для Поянешты-Лукашевской культуры (рис. 40), а также могильники Воронино, Корчеватое и Чаплин (по одному для каждого варианта зарубинецкой) позволяют в какой-то мере проследить динамику этого процесса (Абезгауз и др. 1992; Еременко, Журавлев 1992).

Для вопроса о начальной дате ЗПО здесь существенны два вывода: во-первых, оказалось, что первая фаза могильника Поянешты может предшествовать дате родосских амфор (Лукашевка II синхронизируется со второй фазой). Во-вторых, на могильниках Воронино и Корчеватое выделились первые фазы, не содержавшие «зарубинецких» фибул с треугольным щитком, а следовательно, предшествующие походам бастарнов на Балканы в 179-168 гг. до н.э. Таким образом, ранние погребения ЗПО могут быть синхронизированы еще со ступенью С1b. А начало этой ступени, как помним, лежит где-то между двумя дендродатами — 229 и 208 гг. до н.э. Если же принять самый ранний предел этой датировки, то дата сомкнется и с самой ранней находкой зарубинецкой культуры — косским клеймом Пилипенковой горы 230-220 гг. до н.э.

Возможно некоторые уточнения может дать еще один способ выйти на античную хронологию. Находки чернолощеных мисок с подграненными венчиками зафиксированы в Ольвии в слоях III —первой половины I в. до н.э. (Марченко 1988, рис.30, с.98-100) и в Тире в слоях середины II — середины I в. до н.э. (Самойлова 1988, с.73). Внимательное изучение стратиграфических условий залеганий таких находок могло бы дать, быть может, какие-то результаты. Особый интерес представляют находки чернолощеных мисок на поселении Козырка 2 (Доманский, Марченко 1980, рис.10, 13-14), на одном из поселков, приписываемых «миксэллинам» и погибшем по данным раскопщиков «в начале второй трети III в. до н.э.» (Доманский, Марченко 1980, с.38).

В.В.Рубан, впрочем, дает более позднюю дату: середина — начало третьей четверти III в. до н.э. (Рубан 1985, с.43). Нужно отметить, однако, что миски Козырки не имеют подграненности, характеризуются закрытостью формы и даже возникает сомнение — не попали ли они в слой случайно из культурных отложений римского времени. Впрочем, в погребении 17 могильника Вальхагар на Готланде есть очень близкая по форме миска (Hachmann 1961, рис.62, 17). Погребение по фибулам варианта К относится к средней фазе ППВ. Вопрос об этой керамике еще требует специального расследования.

Последние подтверждения ранней дате получены совсем недавно. При раскопках поселения Сата-Ноу в Добрудже, в IV слое был обнаружен выразительный набор поянештской посуды. Стратиграфия поселения достаточно отчетлива, а в IV слое содержатся амфорные штемпеля с 260 по 190 гг. до н.э. (Irimia, Conovici, 1989, Fig.24, p.121-122). В целом же мы, вероятно, будем не очень далеки от истины, если скажем, что формирование ЗПО началось, возможно, еще в течение последних десятилетий III в. до н.э., но в основном проходило в первой половине II в. до н.э. Процесс растянулся лет на 70, на два-три поколения. Точнее определить даты и конкретизировать ход процесса пока при современном состоянии материала трудно.

В этой связи выглядит не слишком принципиальным недавно возникший спор между К.В.Каспаровой и В.Е.Еременко (Каспарова 1993). Последний, вместе с соавторами (Абезгауз и др. 1992), попытался выделить на зарубинецких могильниках Воронино и Корчеватое «добалканскую стадию», предшествующую появлению «зарубинецких» фибул, имитирующих балканские «копьевидные». Сделано это было корреляционным методом и, нужно сказать, действительно на несколько ограниченном материале. В корреляциях в основном участвуют по два-три предмета из погребений, поскольку большего числа или не было, или включение дополнительных признаков вызывало «информационный шум», бытование вещей охватывало несколько фаз и «смазывало» картину.

В результате выделились отчетливые кластеры, первый из которых и был отнесен к «добалканской стадии». Можно говорить о недостаточной репрезентативности обработанного материала, но вряд ли можно вслед за К.В.Каспаровой сомневаться в объективности самого метода. Картину можно создать лишь более или менее четкой, но реальности сочетаний избежать нельзя, хотя не следует забывать и еще одного обстоятельства. Корреляция в конечном итоге дает лишь «идеальную» картину, в исторической же реальности, в силу текучести процессов культурных изменений, картина может быть не столь четкой, но мы не знаем, в какой мере она может расходиться с идеалом, хотя вряд ли слишком значительно.

Но не дает преимуществ и классический типологический метод, к которому прибегает К.В.Каспарова в споре с В.Е.Еременко, особенно когда дело касается такой простой формы фибул как вариант В Костшевского. Незначительные вариации профилировки и очертаний не обязательно представляют последовательное развитие, они могут быть и синхронными, отражая лишь капризы изготовителя. Рассматривавшиеся экземпляры из Воронино и Корчеватого не возможно разделить на относящиеся к ступени B2b и к C2. А сам вариант В бытовал в обоих периодах. Естественно из-за разницы применяемых методов возникают противоречия.

О сложностях возникающих при определении границы между названными ступенями в абсолютном счете времени уже говорилось в главе о хронологии. Объективных данных у нас очень немного. Переход происходит вероятно где-то в 30-40-летнем интервале между 208 г. до н.э. (дендродата Ведерата, еще B2b) и 179 г. до н.э. (верхняя дата поступления родосских амфор и начало балканских походов бастарнов), а может быть ступень C2 начинается и около 168 г. (конец балканских походов). И все это точки весьма условные.

Спор между К.В.Каспаровой и В.Е.Еременко сегодня вряд ли разрешим.

«Добалканская стадия» на зарубинецких памятниках должна была бы выявиться, если только зарубинецкие могильники не были заложены именно людьми вернувшимися из походов. Такая версия тоже возможна, но установить это с достоверностью при сегодняшнем уровне хронологических разработок достаточно трудно. Версия с уходом отрядов и возвращением выглядит более вероятной.

Теперь, после уточнения хронологии, можно обратиться и к оценке гипотез генезиса ЗПО.

Самое слабое место «скифской» гипотезы — слишком большой и отчетливый хронологический скифо-зарубинецкий разрыв, «скифский вакуум». Изменение абсолютной хронологии ППВ этот разрыв не ликвидировало, потому что снизилась ныне и верхняя дата скифской культуры. Сарматы превратили Скифию в пустыню в конце IV в., самые поздние скифские памятники — не позже начала III в., и мы не имеем пока

никаких данных о скифских поселениях и могильниках середины III в. до н.э. Самые же ранние зарубинецкие памятники при максимальных допусках — не старше конца III в. до н.э.

Вопрос о верхней дате лесостепных скифских комплексов специально рассматривался В.Е.Еременко (1986, с.39-40). Из серии курганов, датировавшихся ранее IV-III вв. до н.э., некоторые уже получили уточненную более раннюю дату. Это курганы 2 в урочище Галущино и курган в урочище Дарьевка с боспорскими бляшками IV в. до н.э. (Онайко 1970, N 816, 694), курган N 487 у Капитоновки с гераклейской амфорой второй половины IV в. до н.э., курган 158 у Большой Яблоновки с серьгами-уточками IV в. до н.э., курган «А» у Журавки с чернолаковым киликом третьей четверти IV в. до н.э. (Онайко 1970, N 587, 802, 688). Комплексы из Макеевки и Оситняжки датированы Л.К.Галаниной не позднее начала III в. до н.э. (Галанина 1965, N 71, 77).

Большая группа курганов отнесена к IV-III вв. до н.э. лишь по наличию катакомбы (Петренко 1967, с.95-97). В результате не уточненной остается датировка лишь 11 курганов Поросской группы и 19 — Тясминской. Для более точного определения их времени нужны новые разработки по скифской хронологии. Новых хронологических разработок не появилось, хотя в последней монографии, посвященной скифским памятникам днепровского лесостепного Правобережья (Ковпаненко и др. 1989), фигурируют в основном даты — начало III в. до н.э.

В.Г.Петренко, придя к заключению, что «жизнь на всех поселениях прекращается в начале III в. до н.э.» (Петренко 1967, с.13), делает, однако, вывод: «Близость форм массовой кухонной керамики дают возможность предполагать, что между зарубинецким населением и племенами правобережной группы лесостепной культуры скифского времени существовала генетическая связь» (Петренко 1967, с.13).

Конечно, теоретически можно предполагать, что какая-то часть прежнего лесостепного населения вошла в состав зарубинецкого. Более того, это весьма вероятно, но следует признать, что заключение это целиком умозрительно. Для раскрытия же конкретного хода процессов пока явно недостаточно данных. Кроме того, уцелевшее население «Великой Скифии» сконцентрировалось в низовьях Днепра и в степном Крыму, где сложилась культура, продолжающая древние традиции и весьма отличная от зарубинецкой. Если в последней и прослеживаются скифские элементы (а по сути дела, такой элемент лишь один — большие тюльпановидные горшки с вдавлениями по венчику), то остается не ясным, результат ли это включения в новую культуру какой-то пока неуловимой уцелевшей части скифского населения (тогда старые формы должны были бы прослеживаться лишь на начальных стадиях, чего не наблюдается в действительности), или результат контактов с нижнеднепровскими поздними скифами. Следы взаимодействия носителей зарубинецкой культуры, с нижнеднепровскими скифами отчетливы (Сымонович 1978; Еременко, Журавлев 1992. Рис.9). А контакты могли быть взаимными. Что касается «скифоидных» мисок с загнутым внутрь венчиком, на которые ссылаются сторонники «скифской» гипотезы, то подобные известны и других культурах, претендующих на участие в генезисе ЗПО — в губинской группе (Domański 1975; табл. IV, c: VII, g, h: VIII, g: XII, b: XIV, m), у кельтов (Filip 1965, табл. XVIII, 9, 1; XXIX, 13; XLIV, 16; XCIX, 12; CIII, 7; CXIX, 8).

Высказывалась еще одна версия «скифской» гипотезы. По ней предками зарубинцев были не скифы-пахари VI-IV вв., а предскифские белогрудовско-чернолесские племена IX-VIII вв. до н.э., потомки тшинецко-комаровских племен эпохи бронзы. Они будто бы пережили скифское время в глухих местах Поросья, на Стугне, Ирпене, по притокам Тетерева и в Подолии. А когда скифская власть рухнула, создали зарубинецкую культуру (Третьяков 1966, с.210). Подоплека идеи понятна. В таком случае объяснялось бы наличие в зарубинецкой культуре лощеной керамики и трупосожжений, так отличающих новую культуру от предшествующей скифской. Но построение это тоже умозрительно. Соответствующих памятников пока не обнаружено. В «глухих» местах находят ту же культуру скифов-пахарей или подгорцевскую, ранний вариант милоградской (Тереножкін 1965; Петровська 1964).

В выявлении роли милоградских элементов в составе зарубинецкой культуры все реальные и даже нереальные возможности реализовал Л.Д.Поболь, обосновывая свою точку зрения их генетической связи (Поболь 1969; 1973; 1974). Набор милоградских элементов оказался невелик даже в этих условиях, а если отбросить сомнительные случаи, то становится мизерным (Каспарова, Мачинский, Щукин 1976, с.246-247).

В последнее время вопросы характеристики, ареала и хронологии милоградской культуры изучались С.Е.Рассадиным (1989), а проблема соотнесения ее с зарубинецкой — А.М.Обломским (1983) и В.Е.Еременко (1989; 1990). По большинству пунктов исследователи были солидарны, хотя и разошлись в некоторых хронологических определениях. Из

списка датирующих вещей, приводимого С.Е.Рассадиным (1989, с.8-12), ясно, что основное время существования милоградской культуры приходится на период до III в. до н.э. Однако выделяется и третий этап развития культуры, относимый к III в. до н.э. — I в. н.э. «Начало последнего, наверное, совпадает с появлением на той или иной территории носителей зарубинецкой культуры: III в. до н.э. для Среднего и II в. до н.э. для Верхнего Поднепровья» (Рассадин 1989, с.10).

Если говорить о датированных находках, то речь может идти лишь о двух комплексах: кладе 1957 с городища Горошково (Мельниковская 1967, рис.33) и о жилище на IV раскопе городища Милоград.

Клад из Горошкова содержал латенские «рубчатые» браслеты и бусы. Если синхронность глазчатых бус клада и браслетов не вызывает сомнений, то сложнее обстояло с боченковидными из глухого грязно-синего стекла бусами и уплощенными пронизями. А.М.Обломский отнес их и весь клад ко II в. до н.э. Е.С.Нефедова (1988), отметив, что такие бусы появляются «не ранее I в. н.э.», усомнилась в достоверности комплекса, а В.Е.Еременко показал, что такие очень простые бусы (типа 29 и 32 по Е.М.Алексеевой) бытуют весьма долго как в скифское, так и в римское время (Еременко 1990, с.53-54). Определяют дату клада браслеты горизонта Духцов-Мюнзинген. С.Е.Рассадин, правда, высказал соображение, что браслеты такие в Восточной Европе могут бытовать и после III в. до н.э., ссылаясь на В.В.Седова и находки на Смоленщине «в хорошо датированных началом н.э. слоях» (Рассадин 1989, с.9). Нам находки в хорошо датированных слоях не известны, во всяком случае среди опубликованных. Днепро-двинские и тушемлинские слои на многих памятниках Смоленщины очень часто смешаны и дают разновременные находки. такова, например, ситуация с находками среднелатенских фибул варианта В, найденных на днепро-двинских городищах в Городке (Третьяков, Шмидт 1969, рис.52) и Девичь-Горе (Алексеев 1963, с.74). Обе найдены в смешанных слоях днепро-двинской и среднетушемлинской культур и точная стратиграфическая позиция их не известна. Судя по хронологии этих фибул, их скорее можно связать с нижним, днепро-двинским горизонтом и тогда они были бы свидетельством первых внешних контактов носителей днепро-двинской культуры (Shchukin 1989, с.337, часть II, рис.38, 8, 9), но поскольку возможно и довольно долгое переживание этой формы, например, на некрополе нижнеднепровского городища Красный Маяк (Гей, Бажан 1990), то не исключаются и другие варианты.

Что же касается жилища в Милограде, в заполнении которого обнаружена милоградская и зарубинецкая керамика и две позднелатенских фибулы варианта M/N, то и А.М.Обломский (1983, с.16-17), и В.Е.Еременко (1990, с.66-67) достаточно убедительно показали, что комплекс этот не достоверный, смешанный механически. Здесь же была и литая треугольная бляшка со спиральным орнаментом V в. до н.э., датирующая, вероятно, милоградскую часть комплекса. Зарубинецкая посуда представлена целыми формами, а милоградская — мелкими фрагментами. очевидно имеем дело с зарубинецким жилищем, прорезавшим милоградский слой.

И А.М.Обломский, и С.Е.Рассадин не настаивают на преемственности зарубинецкой культуры от милоградской, В.Е.Еременко такую преемственность решительно отрицает, ссылаясь прежде всего на хронологический разрыв: милоградские памятники не позже начала III в. до н.э., а верхнеднепровский вариант зарубинецких, судя по хронологии могильника Чаплин, не ранее середины II в. до н.э. И, если строго следовать лишь более или менее надежно датированному материалу, В.Е.Еременко абсолютно прав.

Но мы должны признать все же ограниченные возможности для датировки милоградских памятников и поэтому нельзя исключить возможности, что милоградское население в Верхнем Поднепровье какое-то время чересполосно сосуществовало с зарубинецким. Аргумент в пользу этого лишь один. В Горошкове раскрыты два могильника — зарубинецкий, где найдена «зарубинецкая» фибула с треугольным щитком, и милоградский, не давший датирующих материалов (Мельниковская 1962; 1963; 1965). На обоих сходный обряд погребения (сожжение в больших продолговатых ямах). Трудно сказать, кто на кого оказал влияние, но более вероятно, что зарубинцы на милоградцев.

Нельзя исключить, что к северу от зарубинецкого ареала в пограничье с культурой штрихованной керамики и днепро-двинской еще какое-то время жили потомки носителей милоградской культуры. Аргумент опять лишь один. В милоградской культуре известны жилища с центральным столбом, позже такие жилища появляются в постзарубинецких памятниках горизонта Рахны-Почеп и в киевской культуре (Мельниковская 1965, с.34-38; Терпиловский 1984, с.13). Где-то эта традиция могла сохраняться. В указанной межкультурной зоне открываются памятники типа Кистени-Чечерск (Обломский 1983; Обломский, Терпиловский 1991, с.34-38) (рис.86А), появился Юрковецкий могильник (Дробушевский 1989), любопытные материалы дает верхний, стратиграфически не выделенный слой городища Чаплин (Поболь 1974, с.89), на севере Черни-

говщины открыто городище Мощенка (Щукин 1989б, с.108-114), но пока о характере всех этих памятников, о их соотношении еще судить трудно.

Что же касается участия милоградского населения в формировании зарубинецкой культуры или хотя бы ее верхнеднепровского варианта, то его, конечно, можно предполагать априори, но аргументов в пользу такого предположения фактически нет. Приводившиеся не выдерживают критики (Каспарова, Мачинский, Щукин 1976; Еременко 1989, с.64-71).

Значительно весомей выглядит гипотеза о происхождении зарубинецкой культуры от тех самых носителей поморской культуры, которые проникли в Полесье и на Западную Украину еще в IV в. до н.э. или на рубеже IV-III вв. Первыми ее в несколько различных версиях выдвинули Ю.В.Кухаренко (1960) и Д.А.Мачинский (1966а), развивала К.В.Каспарова (1972; 1978). И действительно, в поморской культуре находят прототипы и опуклобокие горшки с цилиндрической горловиной, и кружки, и формы мисок. И проявляются поморские элементы по преимуществу в ранних зарубинецких памятниках. Вклад поморцев значительно более заметен и разнообразен, чем всех остальных предшествующих и окружающих культур. Не случайно, даже такой активный сторонник «скифской» гипотезы, как Е.В.Максимов, хотя и оговаривает, что поморский вклад «не следует преувеличивать», но при перечислении возможных компонентов на первое место ставит «позднелужицко-поморский» (Максимов 1969, с.128).

Однако непосредственного смыкания памятников зарубинецкой культуры с поморскими все же не наблюдается. Верхняя дата последних определяется находками духцовских фибул, в частности из Головно (Кухаренко 1961). Если исходить из датировки В.Круты (вторая четверть IV — начало III в. до н.э.), то между ними и ранними памятниками зарубинецкой культуры тоже оказывается разрыв. Обилие поморских черт становится труднообъяснимым. Правда, предлагаемые выше датировки (повышение даты горизонта Духцов-Мюнзинген до 60-х годов III в. до н.э. и снижение даты начала формирования зарубинецкой культуры до 20-х годов III в. до н.э.) сокращает хиатус до жизни одного поколения, но тем не менее разрыв остается. Мы не наблюдаем постепенного перерастания поморских памятников в зарубинецкие или поянештские. Если поморское население и приняло участие в формировании новых культур, то в результате каких-то трансформаций, сдвигов. Новые культуры появляются к югу и к востоку от зоны поморских памятников. Кроме того ряд «поморских» элементов в зарубинецкой и поянешты-лукашевской культуры можно объяснить и другим путем за счет общего лужицко-гальштатского субстрата поморской и ясторфской культур, давшего ряд сходных форм, в частности, горшки с вертикальной горловиной и уступчиком или валиком на плечиках (рис. 4а). Об этом, однако, чуть ниже, а пока рассмотрим еще гетскую версию происхождения Поянешты-Лукашевки.

Гетские материалы Молдавии, Мунтении и Молдовы обобщены И.Т.Никулицэ (Никулицэ 1977; 1987). Но верхняя хронологическая граница гетских городищ этого района остается неясной. Датировки И.Т.Никулицэ слишком суммарны. для духцовских фибул использованы завышенные даты Я.Филипа, так же как и для браслетов, характерных для упомянутого духцовско-мюнзингенского горизонта. Там же, где даты более конкретны, ничто не говорит о второй половине III в. до н.э. Греческая импортная керамика датируется концом V — началом IV в. до н.э., или концом IV — началом III в. до н.э. Клейма фасосских амфор 350-270 гг. до н.э. (Никулицэ 1977, с.24-25). Заметим, что набор амфор на городищах другой, нежели в ЗПО. Фасосские, герклейские и хиосские, вместо родосских, косских и паросских.

Не подтверждаются или во всяком случае недостаточно надежны и другие датировки вещей, которые И.Т.Никулицэ приводит для обоснования существования гетских городищ в III-II вв. до н.э. (Еременко 1986, с.76-78).

Если принять, что гетское население Молдавии составляло часть «державы Дромихета», то ясно: в 292 г. до н.э. государство, сумевшее одержать победу над Лизимахом, очевидно находилось в расцвете сил. Но сколь долго городища типа Стынцешти существовали после 292 г., сказать трудно. Верхняя их дата тоже зависит от датировки духцовских фибул, но говорить о непосредственном стыке культуры гетских городищ и Поянешты-Лукашевки пока не приходится.

Не подтверждается и мысль И.Т.Никулицэ, что в I в. до н.э. пришельцы с северо-запада, полностью истощенные и обескровленные, были ассимилированы затем гетами (Никулицэ 1987, с.207-208). Относительная хронология могильников не показывает постепенного нарастания гетских черт в культуре и изживания привнесенных (Babeş 1985; Еременко 1990), как должно было бы произойти, будь И.Т.Никулицэ прав.

«Гетская» гипотеза происхождения культуры Поянешты-Лукашевка (Федоров 1960; Романовская 1969) по сути дела опирается лишь на один аргумент — наличие, а иногда и преобладание, на лукашевско-поянештских поселениях грубой гетской кера-

мики. Решающей силы этот аргумент не имеет, поскольку даже преобладание гетских черепков к керамическом материале еще не свидетельствует о преимущественном использовании гетских сосудов в быту населения. Гетские горшки, как правило, больших размеров и, естественно, дают больше черепков. Да и не всегда грубую гетскую керамику можно отличить по отдельным черепкам от грубых горшков, тоже присутствующих в керамическом наборе Ясторфа и губинской группы. В этом отношении, например, очень показательна грубая лепная керамика одного из исходных пунктов движения населения на юг. В обобщающей работе К.Ю.Бекера по предримскому времени Ютландии мы найдем большие сосуды с расчлененными валиками (Becker 1961, рис.109, 159-162; табл.31 e, 33 b, 45 a, 46 f, 72 e, 71 e, 74 o, 76 g), и насечками или пальцевыми вдавлениями по венчику (Becker 1961, рис. 105; табл.6 c, 14 l, 18 g, 26 f, 32 k, 54 h, 76 g), и с шишечками-налепами (Becker 1961, рис.102; табл.36 j). Причем они есть как в III периоде, синхронном позднему предримскому времени, так и во II, предшествующем (рис.41). Кроме того, гетская керамика могла быть также воспринята не столько от гетов-предшественников, сколько от гетов-соседей в Мунтении. Во всяком случае объяснить появление Поянешты-Лукашевки без притока выходцев с северо-запада, из Центральной Европы невозможно. Это признают и сторонники «гетской» гипотезы (Романовская 1969, с.89-90; Федоров, Полевой 1973, с.134-135; Никулицэ 1987). Только выходцы из Центральной Европы могли привнести в эту культуру лощено-хроповатую и лощеную керамику с иксовидными ручками и подграненными венчиками, железные поясные крючки, среднелатенские железные фибулы с бронзовыми шариками, обряд погребения в урне, покрытой миской, и др. (Vulpe 1953; 1955; Мачинский 1966; Babeş 1985; 1988).

В результате о соотношении гетской и поянешты лукашевской культур можно сказать то же, что и о других предшественниках ЗПО. Само по себе участие местного населения в формировании новых культур не исключается, возможно оно имело место, но доказать это надежными археологическими материалами трудно. Новые культуры возникли в результате политических и социальных потрясений, одной из причин которых было, по всей вероятности, продвижение групп населения с северо-запада.

На сходство ЗПО с памятниками северо-европейского Латена обратили внимание давно. Конкретные параллели материалам ЗПО на западе продемонстрировали Р.Хахманн и К.Такенберг. Первый сопоставлял могильник Поянешты с могильником Каммер в юго-западном Бранденбурге (Hachmann 1957), второй — лукашевские материалы и некоторые зарубинецкие находки с памятниками Анхальта и Северо-Восточной Саксонии (Tackenberg 1962-1963). Еще более близкий поянештскому комплекс элементов обнаружил Д.А.Мачинский (1966). Он обратил внимание на памятники Лужицы и Силезии, которые позже были объединены Г.Домаьским в губинскую группу (Domański 1975). Д.А.Мачинский видел в памятниках междуречья Одера-Нейсе особую «позднепоморскую группу», что и позволило ему говорить о двух волнах поморского проникновения на юго-восток. Сходство Поянешты-Лукашевки с памятниками губинской группы Д.А.Мачинскому удалось продемонстрировать достаточно убедительно. После работ Г.Домаьского стало, однако, ясно, что группа эта не столько поморская, сколько ясторфская, и по своему происхождению связана именно с теми районами, где искали параллели ЗПО Р.Хахманн и К.Такенберг.

На ряд специфических черт, общих для зарубинецкой и ясторфской культур, обратила внимание К.В.Каспарова — трехчастные лощеные горшки-крынки с выделенным горлом, налепы-подковки на керамике, шайбовидный поясной крючок и др. (Каспарова 1981, с.67-69; Каспарова 1989). К этому можно добавить и характерный ясторфский сосуд с четырьмя ручками из погребения в Круглике (Тимощук, Винокур 1962) (рис. 43), и параллели сосудам Корчеватовского могильника в группах губинской и Боденбах-Подмоклы (Venclová 1973, рис.1, 1; Domański 1975, табл. XXVII k), подмеченные В.Е.Еременко, и некоторые наблюдения Т.Домбровской (Dąbrowska 1988). Так для зарубинецкой культуры и черниченской группы характерны хроповатые горшки с валиком в верхней части плечика, украшенным пальцевыми вдавлениями и отделяющим мощеную часть венчика и верх плечика. Они находят параллели в Ютландии (Hatt 1957, рис.247-249, 261, 268, 308, 309; Becker 1961, табл. 71 e, 74 c, 75 f, b). Там же и на о.Борнхольм находят ближайшие аналогии и железные фибулы с бронзовыми шариками из Поянешт (Bech 1975, с.80, рис.7; Becker 1962, с.321-322). Поясные крючки из Лукашевки близки гольштинским и т.д. Добавим своеобразные рамчатые железные фибулы с непрогнутой спинкой типа Каммер из ранней фазы могильника Поянешты. Это довольно узколокальная средненемецкая ясторфская форма. «Псевдопозднелатенская», потому что несмотря на свою «позднелатенскую» конструкцию встречается лишь на ранних фазах ППВ (Hachmann 1961, с.89, 100-101).

Сугубо локальное распространение имеют и так называемые «поморские» фибу-

лы с накладными дисками. Их находки сосредоточены в Мекленбурге, но одна обнаружена в Гэлаешты в Румынии (Babeş 1969).

Серия карт распространения целого ряда вещей (глиняных очажных подставок, фибул, поясных крючков), опубликованная М.Бабешем (Babeş 1985; 1988) (рис. 42; 44), делает вывод о проникновении населения с северо-запада достаточно наглядным. В этой серии особо любопытную картину дает распространение очень своеобразного украшения — зубчатых гривен-корон (Schcukin, Valkova, Shevchenko 1992). Основной район концентрации — Дания, затем — низовья Эльбы, три находки — в междуречье среднего течения Эльбы-Одера, шесть — в зоне ранней пшеворской культуры, одна отскочила на Самбийский полуостров, две — в районе слияния Вислы и Сана и далее на юго-восток — Ульвивок в Львовской области, Залесье в Тернопольской, Дашев в Винницкой, Давидени и Цебукани в Румынской Молдове и наконец — целое скопление на Десне в районе хутора Леськи. В 1981 г. в то же районе, у хутора Гребля была найдена еще пара корон. (Рис.45—47)

Подавляющее число находок и в Дании и вне ее, в том числе в Леськах — находки болотные, в ряде случаев парные. Очевидно, это какие-то сакральные вотивные предметы. Вряд ли ими торговали. Потопить их в болоте у Лесок или в Цебукани могли лишь выходцы с севера.

На территории Польши и Поэльбья некоторые гривны-короны как будто бы происходят из погребений (Dąbrowska 1988; с.181-184; Keiling 1970), но в достоверных комплексах они пока не найдены. В тех же случаях, когда комплекс хотя и не без сомнений, восстанавливается, например, в Двикозах (Pietraszewski 1925), то он дает такой набор керамики, что возникают затруднения в его культурном определении.

Все это осложняет и установление хронологии. В свое время И.Костшевский (Kostrzewski 1919) предложил типологию гривен-корон, но нет уверенности, что выделенные типы составляют какой-то ряд, поскольку в парных находках сочетаются самые разные типы. У Т.Домбровской, занимавшейся этими находками, возникло ощущение, что они должны относится к периоду поморско-пшеворского хиатуса (Dąbrowska 1988, с.181-183, 203). Некоторым подтверждением этому могла бы служить шарнирная конструкция гривен-корон, применяемая на латенских браслетах из полых полусфер ступеней В2-С1 и позднее исчезающая. И еще один аргумент в пользу этого тезиса дает находка 1981 в Гребле. Шишечки затычки шарнира на одной из корон Гребли (рис.47:8) украшены орнаментом из подтреугольных выпуклин со слегка вогнутыми сторонами, напоминающими редуцированную орнаментацию пластического стиля ступеней В2, В2/С1 латенской культуры, яркими примерами которого являются браслеты из Тарна и Клеттхайма (Megaw 1970, рис.175, 176).

Этот стиль продолжает существовать в несколько упрощенных формах и на ступени С1 в Латене и в синхронных вещах фазы «а» позднего предримского времени, встречаясь то на заклепках ажурных поясных крючков 1-й группы по Т.Фойгту, распространенных в бассейне Заале (Voigt 1971), то на головках крючков «гольштинских» поясов с Готланда (Godłowski 1977, табл. XIII, 3), то на конечных шариках гривны из Кюркбакена в Западной Швеции (Hachmann 1960, 1961, табл.4, 23). Аналогичный трифоль (треугольник с вогнутыми сторонами) украшает и одну из гривен-корон, случайно найденную в Дании около Орхуса. Форма этой гривны является переходной между IV и V типами предлагаемой нами классификации (Shchukin, Valkova, Shevchenko 1993, p.54).

О том, что контакты жителей Поднепровья с обитателями далеких западных районов возникли еще накануне сформирования зарубинецкой культуры может свидетельствовать и найденная на Горошковском городище железная цепь уздечного набора, имеющая одну аналогию в Ниенбурге в Саксонии (Мельниковская 1967, рис.20, 4; Tackenberg, табл.10, рис.1-3)(рис.27: 9). Нужно отметить также, что цепи аналогичной и своеобразной конструкции использовались западными кельтами и в качестве боевых поясов и портупей, например, воином из могилы 136 в Энзеруне конца III в. до н.э. (Schwaller 1991, с.361. кат.), в ряде захоронений в Шампани (Rozoy 1987, табл.81-93), похожая найдена также в святидище Гурнесюр-Аронд тоже конца III в. до н.э. (Rapin 1983-1984, кат. N 105, с.107). На городище Горшков найден и обломок ножки духцовской фибулы (Мельниковская 1867, табл.37:11).

Все приведенные материалы как будто достаточно однозначно свидетельствуют о постепенной пенитрации отдельных, возможно, небольших групп населения из-за Одера через территорию Польши в Северное Причерноморье (рис.64-Iк). В процессе участвовали, вероятно, выходцы не из одного локального района, а было вовлечено самое разное население. Не исключено, что появление на Верхнем Днестре кельтского поселения Бовшев с гончарной керамикой ступени С1 (Крушельницкая 1965), тоже результат этого процесса, по дороге пришельцы прихватили и группу кельтов из Силезии, Малопольши или Закарпатья.

Участвовали в этом процессе, как уже говорилось, и обитатели междуречья Одера-Нейсе, представители губинской группы. Лучше всего проникновение последних фиксируется поселением Горошова на Среднем Днестре (Пачкова 1984). С.П.Пачкова датировала его второй половиной II — первой половиной I в. до н.э., но не учла изменений, происходивших в последние годы в европейской хронологии. Дату найденных здесь сапропелитовых браслетов она определяла, ссылаясь на работы 50-х годов. По последним же данным такие изделия появляются на ступени B2b, особенно популярны в фазе B2/C1, а к фазе C1b исчезают, заменяясь стеклянными (Godłowski 1977, с.43). Поселение в Горошова могло быть заложено еще в первой половине II в. до н.э., а может быть и в конце III в. до н.э. В таком случае объяснимы и многие параллели с керамикой губинской группы, ведь ее вторую фазу Г.Доманьский датировал концом III — началом II в. до н.э., а третью — серединой II в. до н.э. (Domański 1975; Domański 1981). Впрочем, наличие на поселении обломков кельтских графитированных сосудов, появляющихся лишь в C2, и некоторых форм, общих с пшеворской культурой средней фазы ППВ, свидетельствует скорее о конце намечаемого срока. Вторая четверть II в. до н.э. представляется наиболее приемлемой «узкой» датой закладки, хотя поселение — это не «закрытый комплекс», и с большой точностью его время определить невозможно.

Ни проникающие на юго-восток, огибая дугу Карпат, губинцы, представляющие собой ясторфско-поморскую латенизированную смесь, ни просачивающиеся группы носителей гривен-корон, «поморских» фибул и других ясторфских элементов, ни галаты декрета Протогена, ни пришедшие несколько раньше в «скифский» вакуум» носители поморской культуры ни милоградцы, ни геты Молдавии не были еще носителями поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур, не составляли еще зарубинецко-поянештской культурной общности в полном смысле слова. Окончательное оформление этих культур, культурная консолидация их носителей происходит лишь к 70-60 гг. II в. до н.э., но они все вместе были, вероятно, той средой, из которой эта общность могла образоваться. И если в пшеворской культуре третий элемент играл роль своего рода «закваски», то и здесь он же мог сыграть ту же роль. Хиатус между культурами, датированными духцовскими фибулами и ранними памятниками ЗПО, приходящийся на середину — вторую половину III в. до н.э. — и отражает, возможно, то стрессовое состояние брожения, неустойчивости и неурядиц, в котором новая общность зарождалась (рис.48).

Все эти передвижения, столкновения и преобразования, которые мы улавливаем в туманном зеркале археологических источников, остались не известны цивилизованному миру, но некоторые их отголоски все же запечатлелись в античной традиции.

5. Бастарны-пришельцы и скиры.

Таким отголоском каких-то широких этнических процессов и передвижений могут быть свидетельства о появлении нового не известного ранее народа — бастарнов.

Впервые бастарны упомянуты Помпеем Трогом в связи с событиями 233-229 гг. до н.э. на Балканах и из контекста ясно, что в их среде происходят какие-то движения. Между убийством королевы Эпира Лаодомеи (Дедомеи) в 233 г. до н.э. и смертью македонского царя Деметрия в 229 г. до н.э. «...dictique in excessu Bastarniei motus» (P. Trog. Proleg. XXVIII, 1).

Не совсем ясно, были ли в это время бастарны на Балканах, прямо из текста это не следует, или Трог дает лишь хронологическую привязку движений бастарнов читателям, как можно понять, известных.

Около 216 г. до н.э. Деметрий из Каллатиса, описывая хорошо известные ему низовья Дуная, назвал живущих неподалеку «бастарнов-пришельцев». Известие дошло до нас в передаче Псевдо-Скимна, автора I в. до н. э. (Ps. Scimn 797).

После поражения от римлян в 197 г. до н.э. при Канискефалах Филипп V Македонский усиленно готовился к реваншу. Он ищет союза с этими самыми бастарнами. В 182-179 гг. до н.э. его послы «привезли оттуда знатных юношей и некоторых лиц царского рода, из которых один обещал выдать за сына Филиппа свою сестру; союз с этим племенем вызвал в царе подъем духа...» (Ливий. История. XL, 5.10). Филипп рассчитывал использовать эту новую силу для уничтожения враждебных племен дарданов и яподов, жителей западных районов современной Югославии, а также в борьбе против римлян.

«У них было условлено, чтобы Филипп доставил бастарнам безопасный проход через Фракию и провиант. Чтобы быть в состоянии это исполнить, Филипп задарил предводителей областей, поручившись, что бастарны совершат свой переход мирно» (Ливий. История, XL, 57, 4-5). Далее их путь лежал через земли скордисков, кельто-иллирийского племени, населявшего северо-западную Болгарию, часть Сербии и Банат, «а скордиски без труда пропустят бастарнов — они ведь и по языку, и по обычаям мало от них отличаются — и сами к ним присоеди-

нятся, когда увидят, что идут за добычей к весьма богатому народу» (Ливий. История, XL, 57, 8).

Когда войско бастарнов было уже в пути и достигло города Амфиполя (рис.64-Im), Филипп неожиданно умер. Все договоры потеряли силу. Фракийцы перестали поставлять провиант, бастарны начали грабить, фракийцы оказали сопротивление. В результате «тысяч тридцать перешло в Дарданию, куда они направились под предводительством Клондика, остальное множество возвращается обратно» (Ливий. История, XL, 58, 8). Войско Клондика некоторое время с переменным успехом вело войну с Дарданами.

Судя по недавно найденной в Болгарии надписи, если предположения ее издателя верны, то операция по переброске войск бастарнов к границам Македонии началась еще в 182 г. до н.э., и организатором ее был Антигон, сын Гераклита из Стиберы, перешедший после ее провала на службу к одному их фракийских царьков Сариаку (Лазаров 1985).

В 175 г. до н.э. новое войско бастарнов опять пытается перейти Дунай, однако большая часть его погибла, «когда неисчислимое множество людей и лошадей неосторожно стало переходить реку» по тонкому льду (Орозий, IV, 20, 34).

В 168 г. до н.э. сын Филиппа Персей снова призывает бастарнов на войну, начавшуюся в 171 г. против Рима. Римляне повели решительное наступление. Но «существенная подмога, предоставлявшаяся македонцам со стороны галлов, нахлынувших в Иллирию, упущена была вследствие жадности Персея. Шло 10 тысяч всадников и такое же количество пехотинцев, также соединявших пешую службу с конной и употреблявших в бою освободившихся коней павших всадников. Они выговорили себе: всадник по десяти золотых наличными, пехотинец по пяти, вождь их — тысячу» (Ливий. История, XLIV, 26, 2-3). Руководил ими опять Клондик. Персей же, «являясь более бдительным стражем для своих денег, чем для царства, сам начал говорить о вероломстве и дикости галлов» (Ливий. История, XLIV, 26, 14), о том, что видит в них «более опасных союзников, чем в римлянах врагов». В результате бастарны «вернулись в Истру, опустошив часть Фракии, лежащую поблизости от дороги...» (Ливий. История, XLIV, 27, 3). Персей попал в плен к римлянам, была вывезена и его знаменитая библиотека. Македония, а затем и вся Греция оказалась под властью Рима.

На значение этих, описанных Титом Ливием событий для зарубинецко-поянештской тематики уже обратил внимание Д.А.Мачинской (Мачинский 1966). Он предположил, что именно во время походов на Балканы произошла трансформация носителей поморской культуры (в числе которых он включал и представителей губинской группы) в культуру Поянешты-Лукашевка. Но в его распоряжении было еще мало археологического материала, подтверждающего эту мысль.

Такие материалы собрала К.В.Каспарова (Каспарова 1978; 1978а; 1981; 1981а). Этнографической особенностью носителей зарубинецкой культуры были так называемые «зарубинецкие» среднелатенские по конструкции фибулы с треугольным щитком. Во всех окружающих и предшествующих культурах они не известны. А.К.Амброз построил типологическую цепочку из пяти вариантов их эволюции. Чем шире щиток, тем позже фибула (Амброз 1966). Сейчас появились новые разработки типологии этих фибул (Обломский 1986; Пачкова 1988; Еременко 1989, с.140-142), соотношение типов оказалось более сложным, некоторые из них оказались синхронными или частично синхронными, но в данном контексте это сути не меняет. К.В.Каспаровой удалось найти прототипы этой формы в «копьевидных» фибулах северо-западной части Балканского полуострова, в Югославии, в том числе на могильниках, приписываемых племени яподов, и на памятниках, связываемых со скордисками (Каспарова 1978; 1978а; 1981) (рис.49, 50). На связи с этим же регионом указывает так же распространение фибул с «восьмерками» (Peschel 1972). Фибула, близкая к застежкам «орнаваского типа» из погребения 105 в Велемичах II, поясной крючок типа Ламиницы из погребения в Отвержичах, способ орнаментации бронзовых изделий чеканными дужками с полукружьями и некоторые другие элементы. Идея Д.А.Мачинского в результате работ К.В.Каспаровой обрела плоть (рис.49-50).

Так был выявлен еще один культурный импульс, определивший облик формирующейся общности. Участники бастарнских походов и принесли, вероятно, юго-западные элементы — зарубинецкие фибулы и др. Не исключено, что некоторые особенности зарубинецкого погребального обряда тоже связаны с этим же кельто-балканским импульсом (Каспарова 1987). После этого ЗПО выступает в уже сформировавшемся виде, произошла интеграция разнородных компонентов.

Если носители ясторфской культуры приняли участие в ЗПО и если они — потомки двигавшихся в югу жителей Северной Германии, если это построение хоть в какой-то мере справедливо, становится понятной еще одна находка. Это «зарубинецкая» или «копьевидная» фибула из Хольте в устье Эльбы (Tackenberg 1963), по соседству с ис-

ходными районами этой длительной и поэтапной миграции.

Кто-то из участников бастарнских походов или кто-то из носителей зарубинецкой культуры вернулся на свою далекую северную прародину.

В культуре Поянешты-Лукашевка найдена пока всего одна фибула зарубинецкого типа на поселении Лукашевка, и это дает основание В.Е.Еременко думать, что за этой культурой скрываются те бастарны, которые или не приняли участия в Балканских походах или вернулись с дороги в 179 г. до н.э. (Еременко 1990, с.119). Однако кое-какие балканские вещи к ним все же попадали — две бронзовых ситулы из Сипотен (Сергеев 1956) относятся к типу Баргфельд, хорошо представленному именно на Балканах, в Югославии (Břeščak 1962). Аналогичная ситула происходит так же из погребения I Субботовского могильника зарубинецкой культуры на Тясмине (Максимов 1972, табл. XXV, 12).

И еще одно археологическое явление может оказаться отражением тех же событий. Участники походов в ходе операций взаимодействовали с кельтами-скордисками, а также, возможно, и с другими кельтскими племенами. В этом отношении особенно примечателен третий поход 168 г. до н.э. Обращает на себя внимание, что как раз в это время прекращаются захоронения на крупнейших кельтских могильниках Трансильвании. На могильниках Апахида, Чумешти, Блаж, Дезмир и др. период ЛТ-С2 уже не представлен (Zirra 1971). Отсутствие комплексов ступени С2 в Карпатской котловине заметил и Й.Буйна (Bujna 1982) и З.Возьняк (Wozniak 1974, с.61). Это наводит на мысль, что третий поход бастарнов проходил по другому маршруту, чем первый. Не через земли враждебных им фракийцев, а через Карпаты и Трансильванию (рис.64-Im). Именно бастарнов этого похода Ливий называет галлами. Как реально развивались события, угадать невозможно. Были ли кельты разбиты и уничтожены бастарнами, были ли вовлечены в их македонское мероприятие и вынуждены были отступать вместе с ними другим путем, через Фракию? Все это — в области сугубых предположений, но факт хронологического совпадения нуждается в объяснении.

Об этническом лице бастарнов нет единого мнения. Все поздние источники единодушно, начиная с I в.н.э., именуют их германцами, хотя отмечают обособленность от других германских групп. Бастарны, участники балканских походов применяли ту же тактику, что и германцы — смешанный строй конных и пеших (Ливий. История, XLIV, 26, 2-3; Тацит. Германия, 6).

До нас дошло пять бастарнских слов, но из них только имя их вождя Клондик в какой-то мере сопоставимо с германским Хлодвиг — все остальные — спорно (Браун 1899, с.112). Не был уверен в германской принадлежности бастарнов и Страбон (Страбон, VII, 3, 17). Тит Ливий называет их галлами. Скорее всего они — выходцы из окраинных групп Ястрофа — один из народов «между германцами и кельтами». Вспомним так же об условности самого термина «германцы». Поэтому спорить об этносе в данном случае не имеет особого смысла. Бастарны были бастарнами.

Созданный ими союз племен с этого времени и вплоть до III в. н.э. играет весьма заметную роль в истории Северного Причерноморья. Бастарны неоднократно упоминаются источниками и остается только пожалеть, что до сих пор никто не взялся за труд, посвященный этому народу.

Ряд документов из городов Западного Причерноморья свидетельствует о неспокойной обстановке в конце III — начале II в. до н.э. в этом регионе и заставляет историков предполагать, что одним из источников этих беспокойств были бастарны. Их видят, например, в варварах, угрожавших Истрии и разрушивших ее стены согласно декрету в честь Аристагора, и в варварах, с которыми от имени Каллатиса вел переговоры гражданин Аполлонии Стратонакт (Блаватская 1952, с.135-157). С активностью бастарнов Т.В.Блаватская связывает и ослабление власти скифских царей Добруджи. Царем бастарнов мог быть и тот Ремакс, к которому жители Истрии отправили на корабле посольство за Дунай, чтобы получить поддержку против напавшего на город царя фракийцев (или скифов) Золта. Впрочем П.О.Карышковский и М.Б.Клейман видят в Ремаксе декрета Агафокла царя галатов (Карышковский, Клейман 1985, с.71).

Декрет Протогена наряду с галатами упоминает и скиров, еще одного участника событий в Причерноморье. Скиры на страницах истории появляются еще несколько раз. Спустя 200 лет с лишним Плиний Старший называет их среди народов, населяющих Восточную Европу, загадочный полуостров Энингию (Плиний, IV, 96). А спустя еще 400 лет имя их выплывает в водовороте событий эпохи переселения народов (Зосим, IV, 34; Иордан, 266, 275-279). Опираясь на силы скиров и герулов, в 476 г. Одоакр сверг последнего римского императора Ромула Августула (Иордан. Гетика, 242).

Данные о скирах скупы и сегодня трудно подыскать им археологические соответствия, но не исключено, что один из компонентов, составивших затем ЗПО, был с ними связан. Уж не они ли оставили нам гривны-короны? (Shchukin, Valkova, Shevchenko

1993).

Итак, ЗПО образовалась в результате весьма сложного процесса, последовательный ход которого можно реконструировать лишь приблизительно, поскольку хронологический разнобой дат ступеней B2b-C2 дает искажения.

Естественно, мы не знаем и не можем узнать конкретных событий, можем лишь догадываться об исходных точках тех или иных передвижений, не можем взвесить реальный вес местных и пришлых элементов во вновь образующихся общностях, поскольку не знаем, насколько адекватно археологический материал это отражает. Но при предельном упрощении картина выглядит приблизительно следующим образом (рис.48).

В конце IV в. до н.э., после смерти царя Атея начала клониться к упадку могучая «Великая Скифия». Геты царя Дромихета заняли междуречье Прута и Днестра, вплотную к северо-западным границам придвинулись носители поморской культуры. Затем страшный удар сарматов «превратил земли Скифии в пустыню». Образовался «скифский вакуум». Где-то в интервале 70-30-х гг. III в. до н.э. кельты-галаты, «историческая экспансия» которых уже начинала затухать, вторглись в Причерноморье, готовили нападение на Ольвию, заключив союз со скирами. Проникновение каких-то групп населения с севера Европы фиксируется для этого же времени поморской фибулой, находками гривен-корон. Это было лишь восточное ответвление процесса экспансии с севера, заметного на археологических материалах Польши и Германии. Столкнувшись в Средней Европе с кельтами, выходцы с севера еще ранее конца III в. до н.э. образовали ясторфско-позднелужицко-кельтскую группу Боденбах-Подмоклы и ясторфско-поморскую губинскую группу, а несколько позже — пшеворскую культуру. Часть носителей губинской группы где-то во второй половине III в. до н.э., вероятно, вдоль северных склонов Карпат, через районы еще очень слабо изученные в археологическом отношении, продвинулась на восток, вовлекая в свое движение и представителей других групп с территории Польши — остатки поморского пшеворизирующегося населения, кельтов Силезии или Малопольши, а так же выходцев из более отдаленных районов Одерско-Эльбского междуречья, Ютландии и островов Балтики. Из разнородных пришлых и местных элементов сложился племенной союз, возглавляемый бастарнами. Участники этого союза по приглашению царей Македонии совершили в 179-168 гг. до н.э. походы на Балканы. Вернувшиеся из походов привнесли в формирующуюся культуру дополнительные элементы. Во время походов и произошла окончательная консолидация культуры ЗПО. В отдельных группах ЗПО разнородные пришлые и местные элементы смешались в разных пропорциях, что и обеспечило их различие.

Контакты с исходными районами не прерывались и позже. Время от времени, вероятно, происходил приток новых поселенцев, вызывая определенные трансформации в культуре, начиналась новая фаза эволюции, но об этом позже.

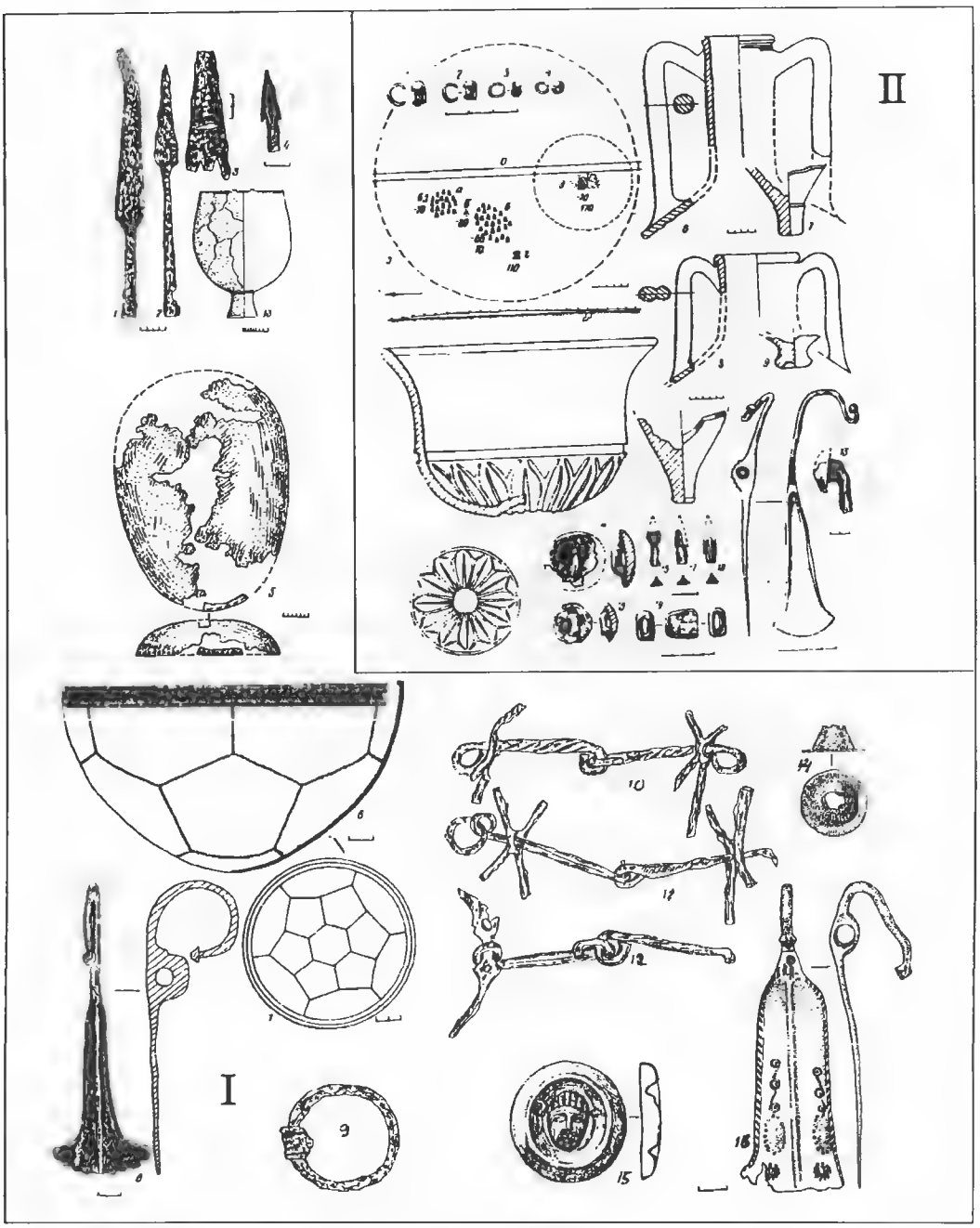


Рис. 32. Находки из Великоплосского и Семеновки (по Г.А.Дзис-Райко и Е.Ф.Синичук).

I. Великоплосское. 1,2 — наконечники копий; 3 — обломок наконечника дротика; 4 — наконечник стрелы; 5 — кожная обивка щита; 6,7 — серебряная чаша; 8,16 — бронзовый и серебряный налобники узды; 9 — Трензельное кольцо; 10,11 — удила с крестовидными псалиями; 12 — удила с С-видными псалиями; 13 — бронзовый котел; 14 — бронзовая ворворка 15 — бронзовая бляшка.

II. Семеновка, курган 20. 1—4 — бронзовые обоймочки; 5 — план и профиль кургана; 6—9,12 — обломки амфор; 10,11 — стеклянная чаша; 13 — железный гвоздь; 14,15 — железные бляшки; 16—18 — железные наконечники стрел; 19 — железная обойма ремней; 20 — бронзовый налобник узды.

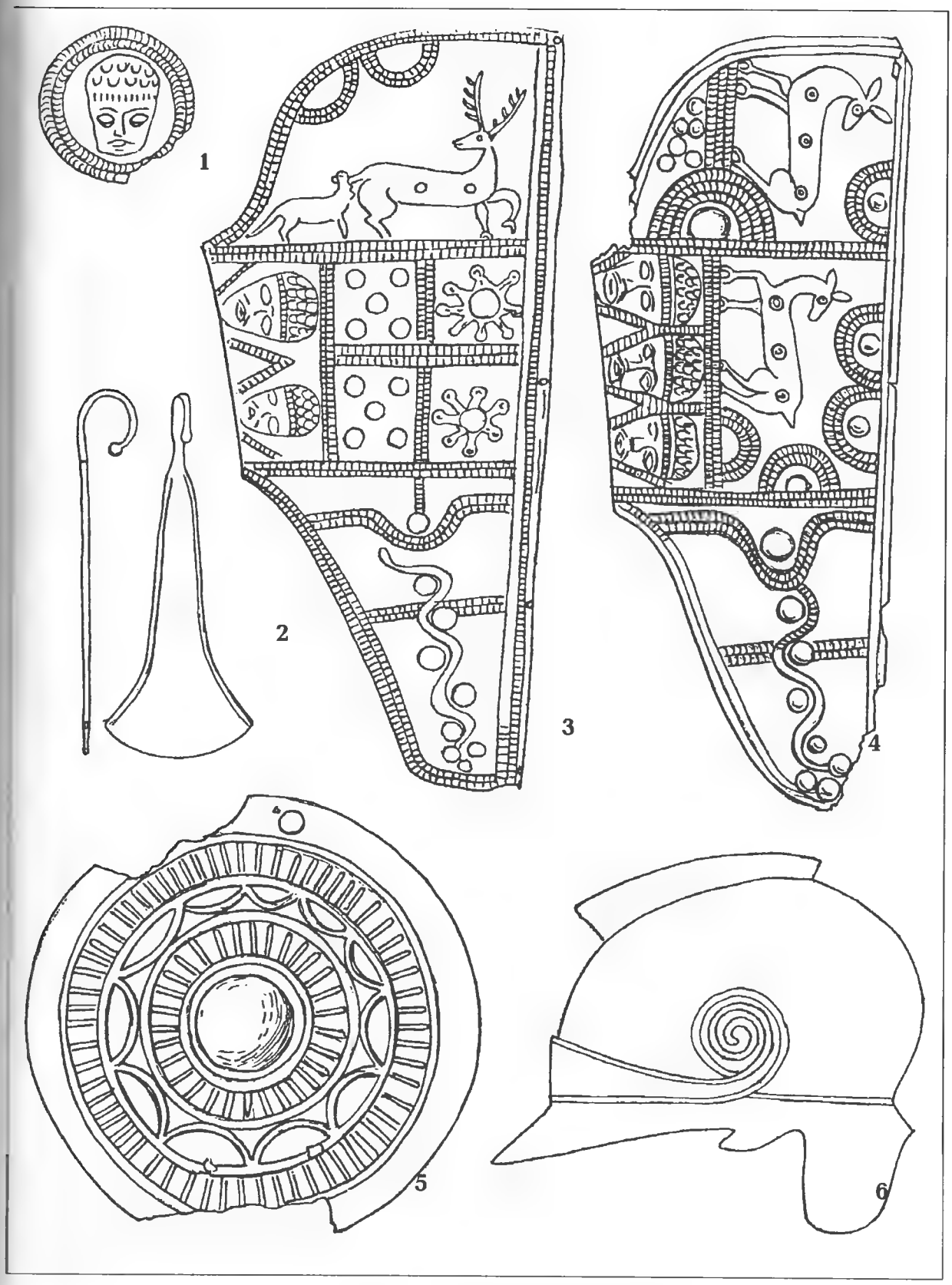


Рис. 33. Вещи комплекса из Бобуечи.

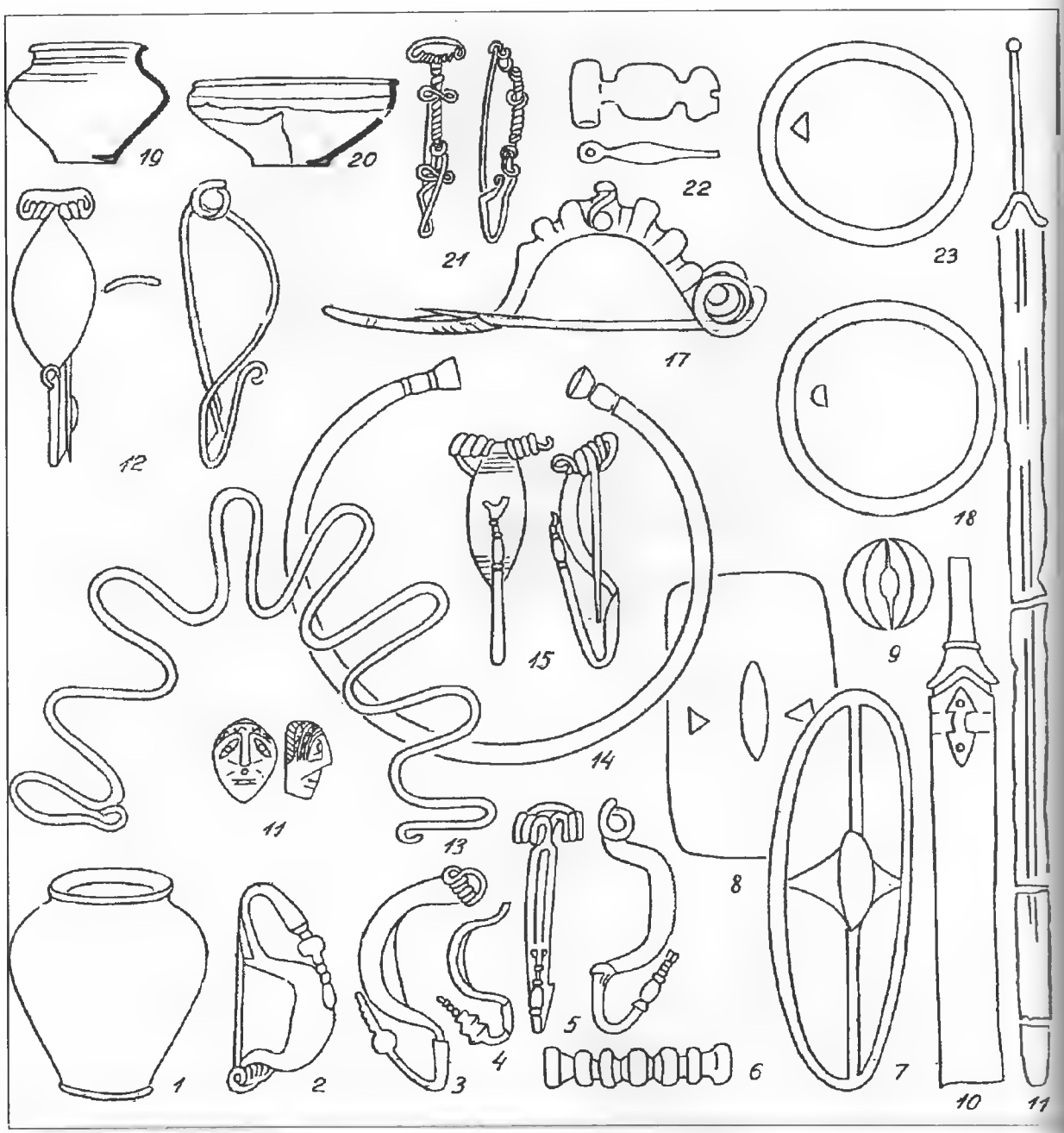


Рис. 34. Некоторые кельтские вещи из находок к востоку от Карпат. 1 — гончарная урна из погр. в Залесье; 2—5 — духцовские фибулы (2 — Залесье, 3 — Малая Сахарна, 4 — Рудь, 5 — Липлява); 6 — браслет из Иване Пусте; 7—9 — изображения щитов типа «тюреос» (7 — Пантикапей, 8 — корабль «Изис», 9 — монета Левкона II); 10 — меч из Верхней Тарасовки; 11 — меч из Неаполя Скифского; 12 — бляшка из Пекарей; 13 — «волнистая» гривна из Пекарей; 14 — гривна из Мельниковки; 15 — фибула из Биевцев; 16 — «пауковидная» фибула с «фальшивой» пружинкой из Надпорожья; 17 — фибула из Калфы; 18 — браслет из сапропелита; 19,20 — гончарная серая керамика из Бовшева; 21 — среднелатенская фибула с «восьмерками» из Пирогова; 22 — звено поясной цепи из Велемичей; 23 — браслет голубого стекла из Степановки.

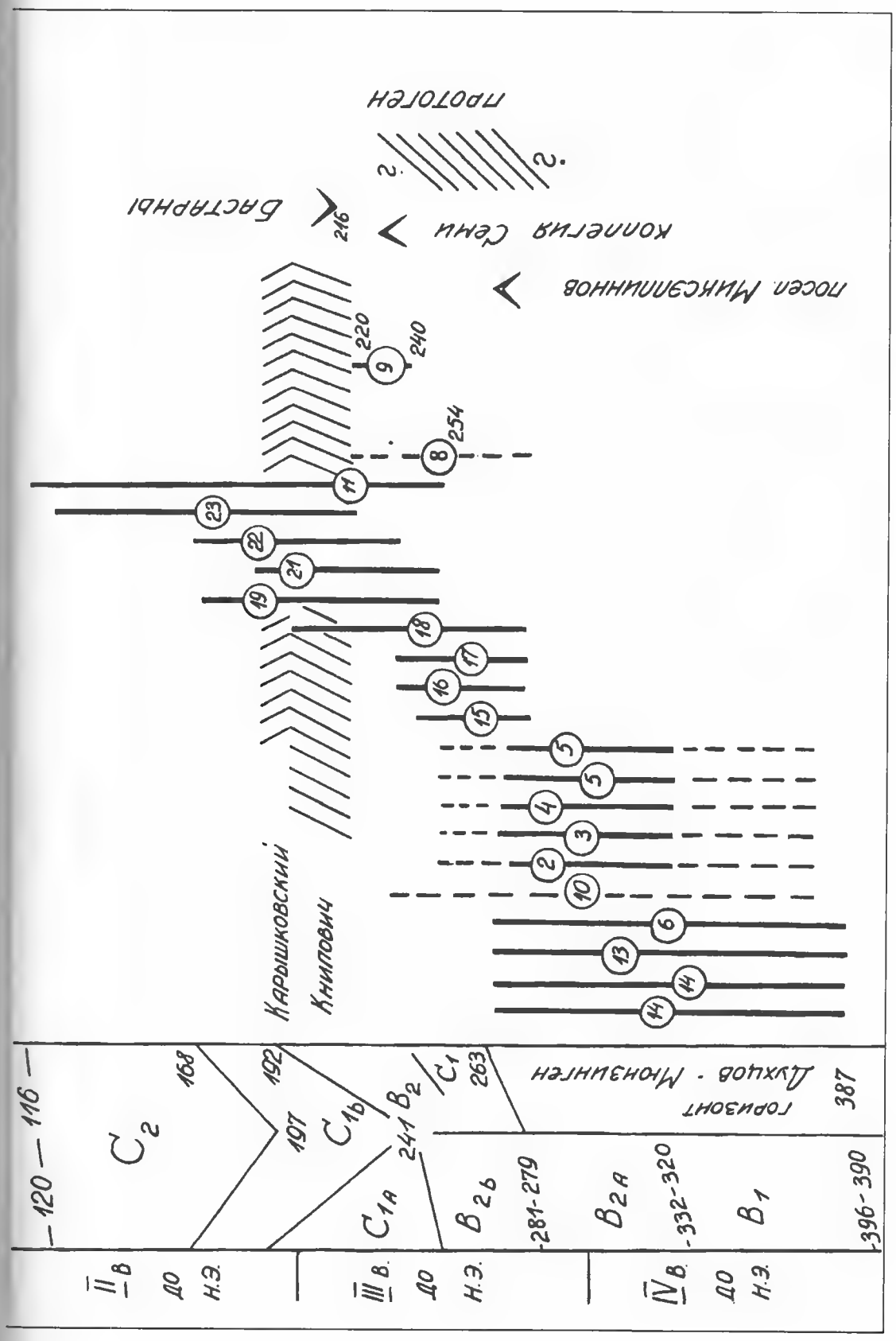


Рис. 35. Хронологическая позиция кельтских вещей и прочих данных, указывающих на возможную дату декрета Протогена (номера в кружках соответствуют рис. 34).

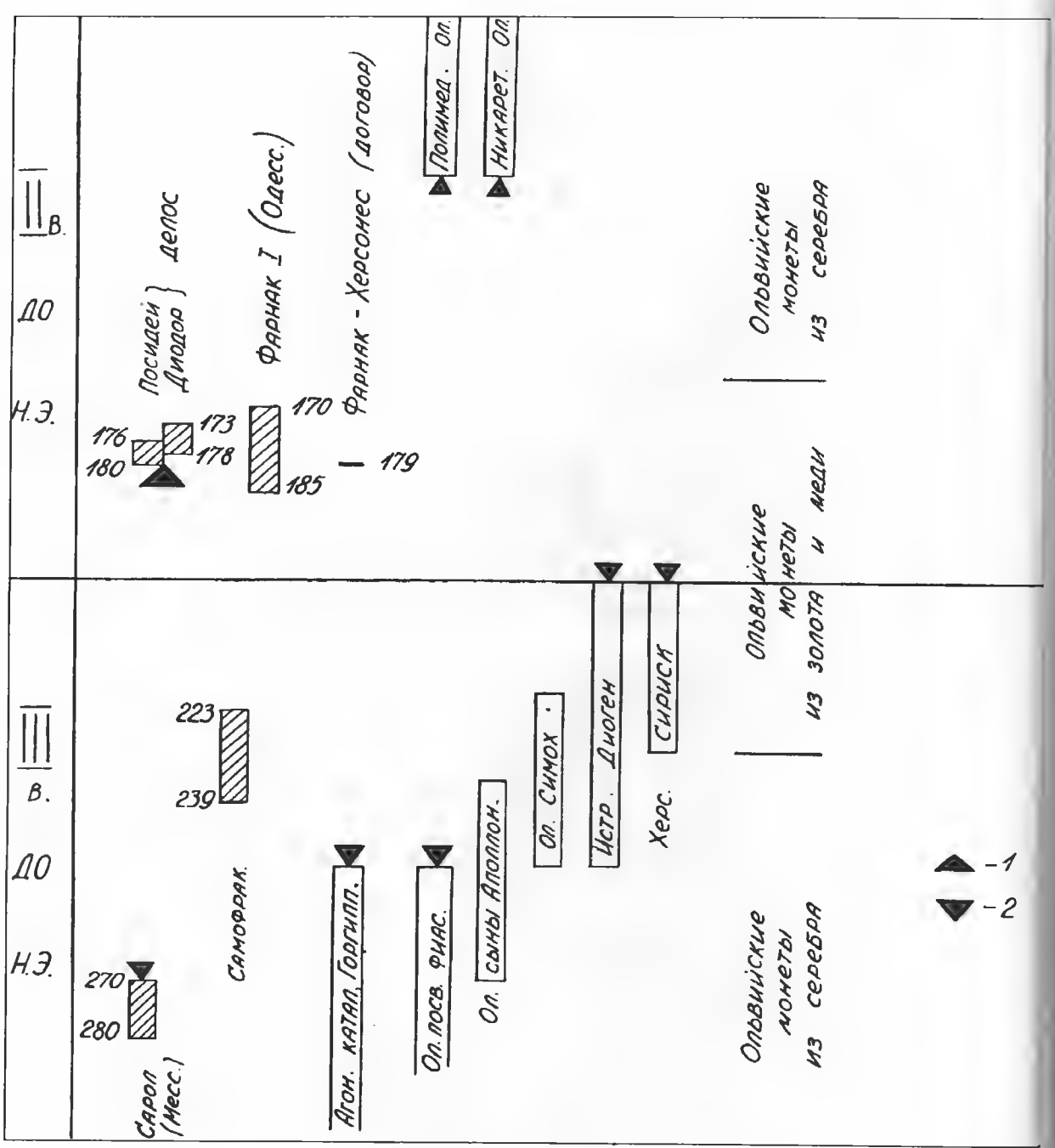


Рис. 36. Хронологическая позиция документов, использованных Т.Н. Книпович и П.О.Карышковским для обоснования даты декрета Протогена. 1 — не позже указанного времени; 2 — не ранее указанной даты.

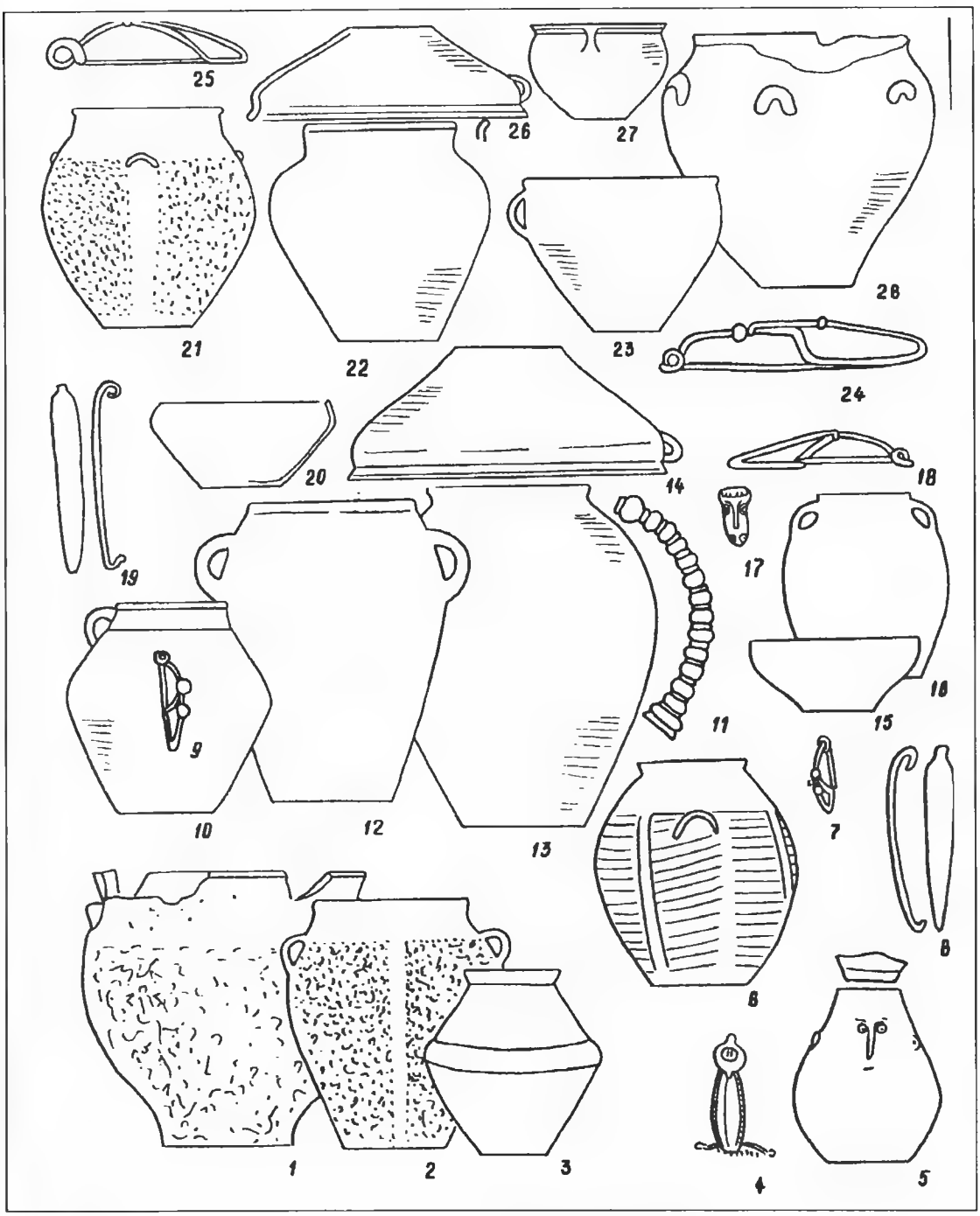
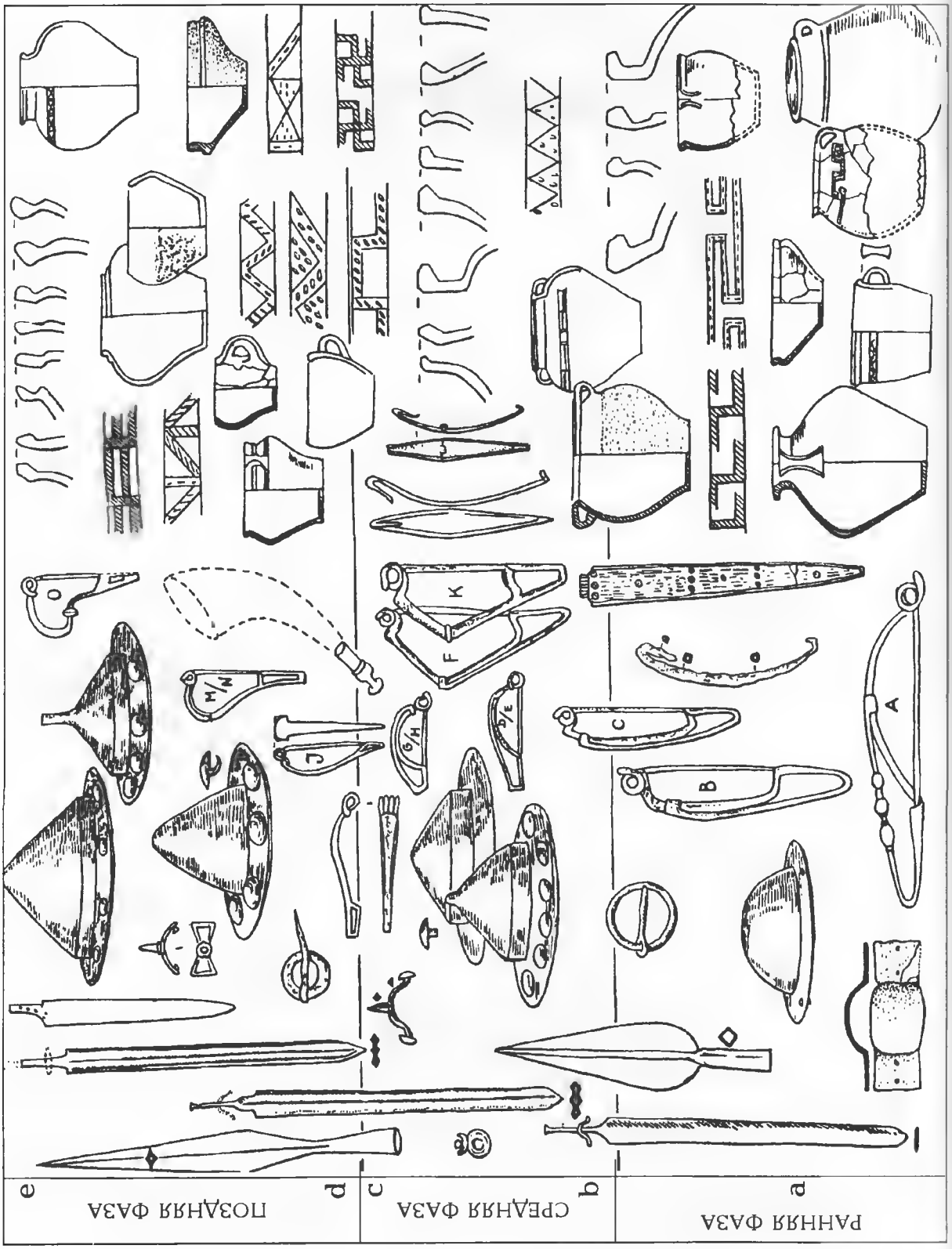


Рис. 37. Губинская группа I—III фаз по Г.Доманьскому. 1 — Любошице, погр.112. Фаза I (ясторфская); 2 — Любошице, погр.103, Фаза I (ясторфская); 3 — Любошице, погр.108, Фаза I (ясторфская); 4 — Мюнзингенская фибула из погребения 50 в Доманевицах (поморская стадия); 5 — урна из того же погребения 50 в Доманёвицах; 6—8 — комплекс погребения 100 в Доманевицах (ясторфская фаза); 9 — Любошице, погр.128, II фаза; 10 — Любошице, погр.106, II фаза; 11 — гривна из погребения 127 в Любошицах. II фаза; 12 — Любошице, погр.153, II фаза; 15—16 — сосуды из погр.137 в Доманёвицах; 17 — пуническая бело-голубая бусина из погребения 137 в Доманёвицах; 18 — фибула из того же погребения; 19 — поясной крючок из погр.128 в Любошицах; 20 — Любошице, погр.118, II фаза; 21 — Любошице, погр.172, III фаза; 22,26 — Любошице, погр.148, III фаза; 23 — Доманевице, погр.63; 24 — Любошице, погр.133, III фаза; 25 — Любошице, погр.16, III фаза; 28 — Садзаревиче, погр.63.


РАННЯЯ ФАЗА
СРЕДНЯЯ ФАЗА
ПОЗДНЯЯ ФАЗА
a
b
c
d
e

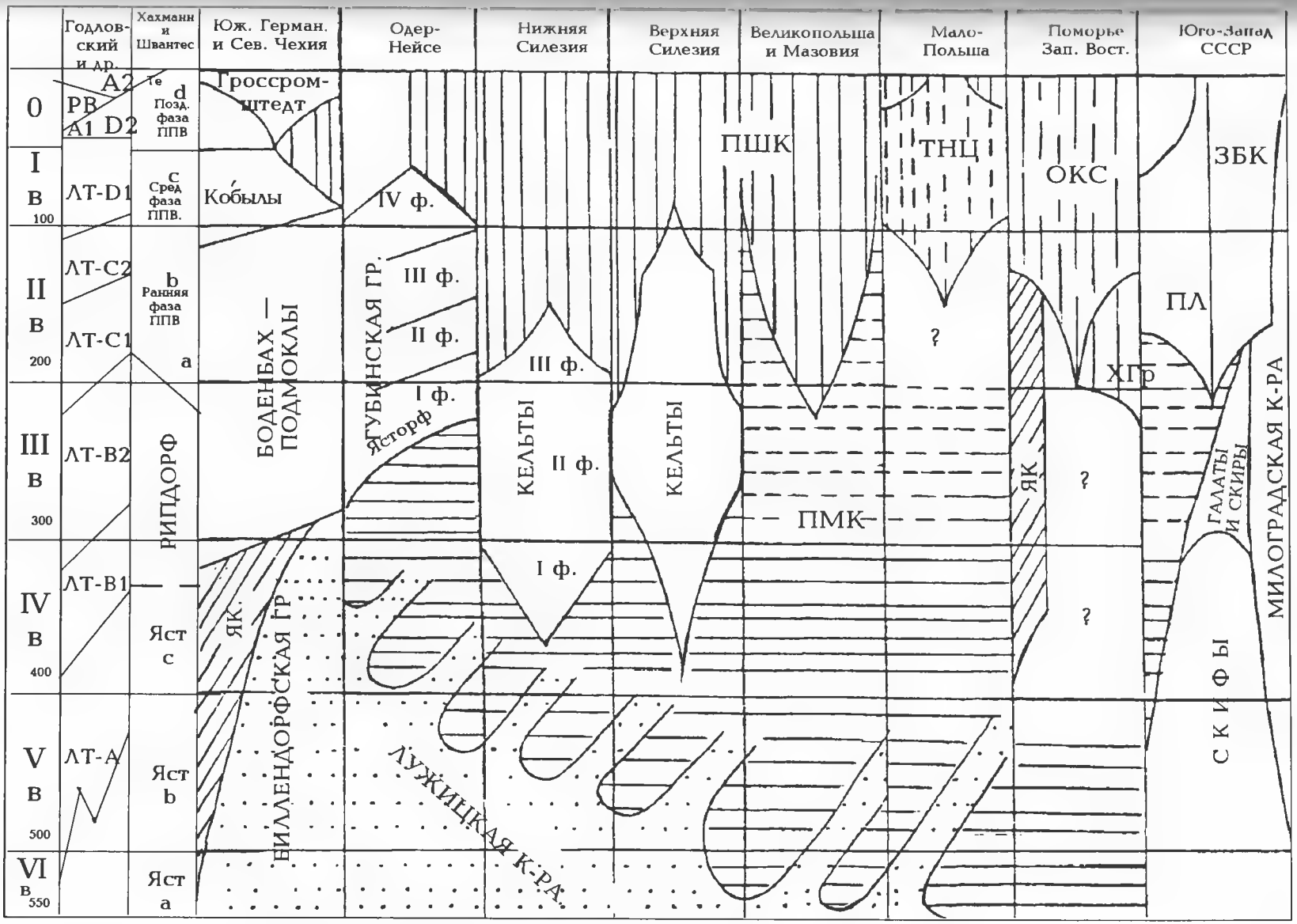


Рис. 39. Хронологическое соотношение культур первых веков до .э. в Центральной Европе.
ЯК — ясторфская культура, ПМК — поморская культура, ПШК — пшеворская культура, ТНЦ — тонецкая группа, ОКС — оксывская культура, ХГр — хельминская группа пшеворской культуры, ПЛ — культура Поянешты-Лукашевка, ЗК — зарубинецкая культура,

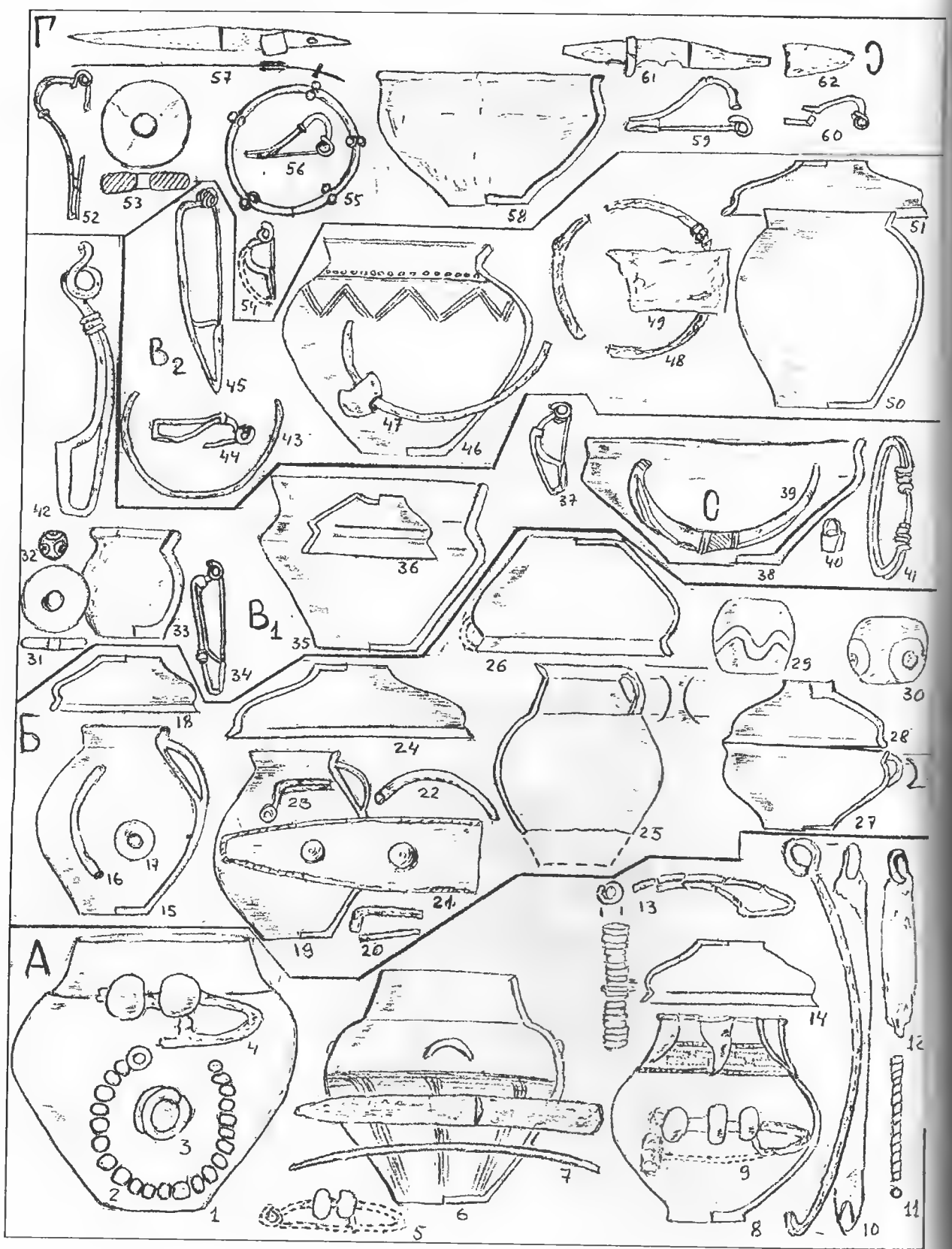


Рис. 40. Культура Поянешты-Лукашевка (разбивка на фазы по В.Е.Еременко).

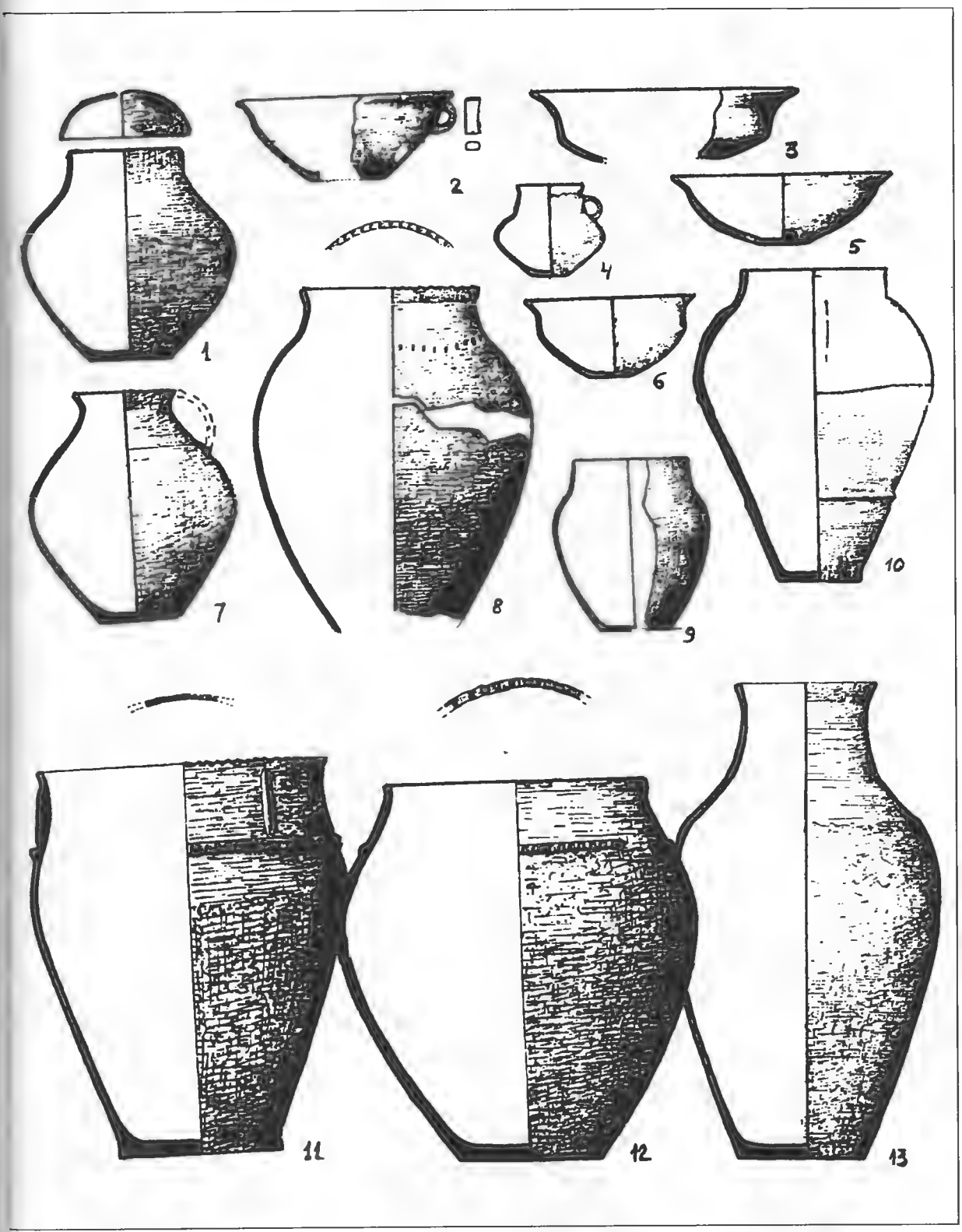


Рис. 41. Керамика Ютландии (по Бекеру).

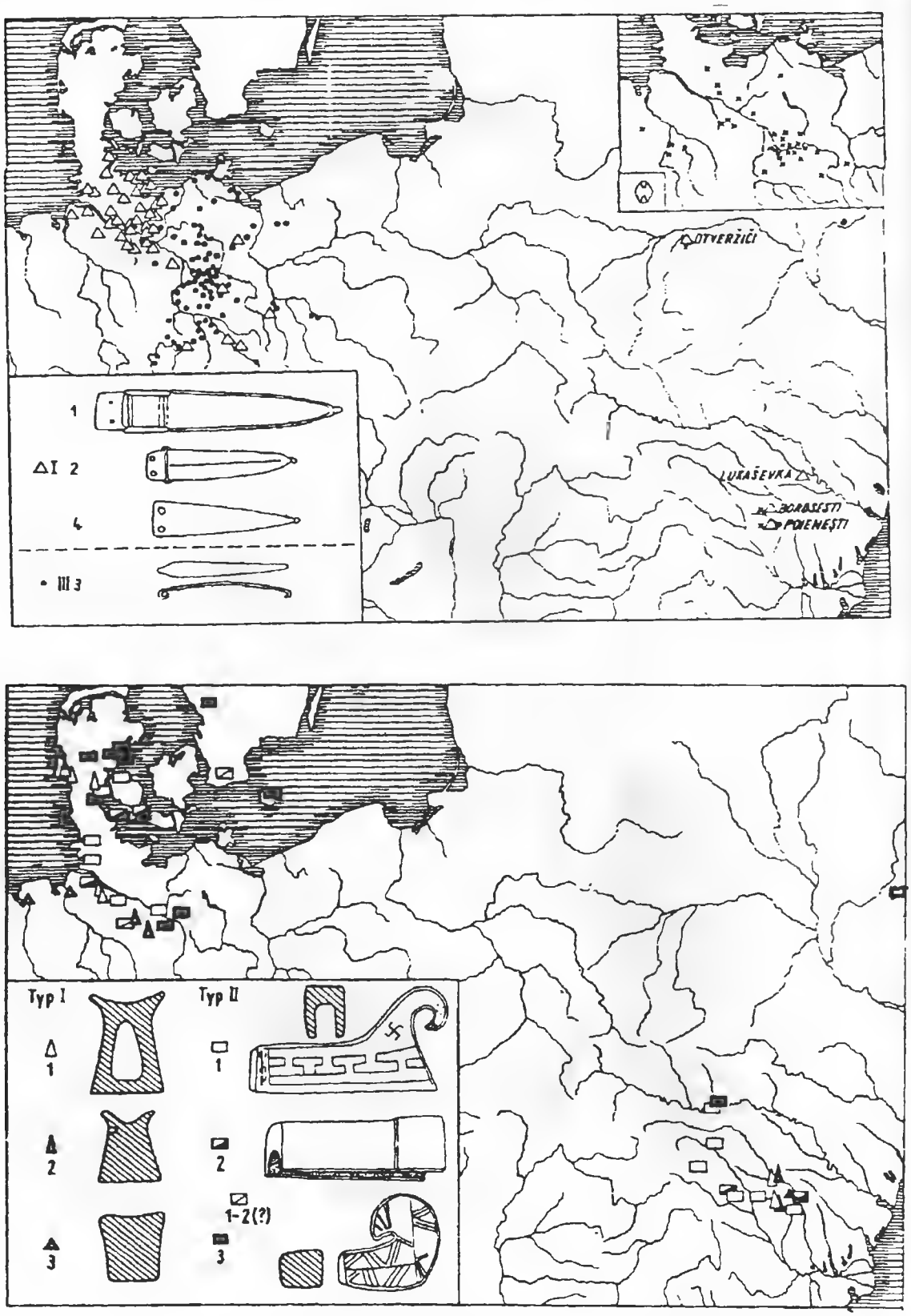


Рис. 42. Распространение поясных крючков и очажных подставок по М.Бабешу с некоторыми добавлениями: поясной крючок найден Т.М.Вальковой на поселении Гребля на Десне а обломок очажной подставки — А.М.Обломским на Сейме.

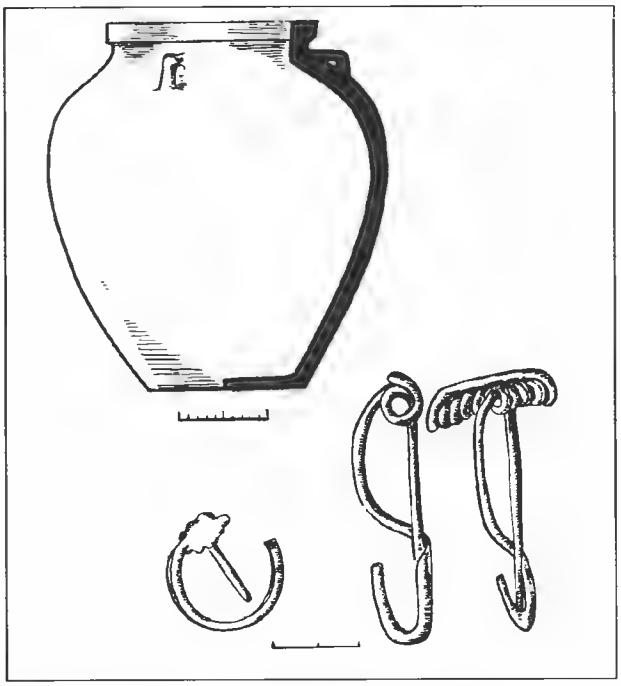


Рис. 43. Комплекс погребения из Круглика.

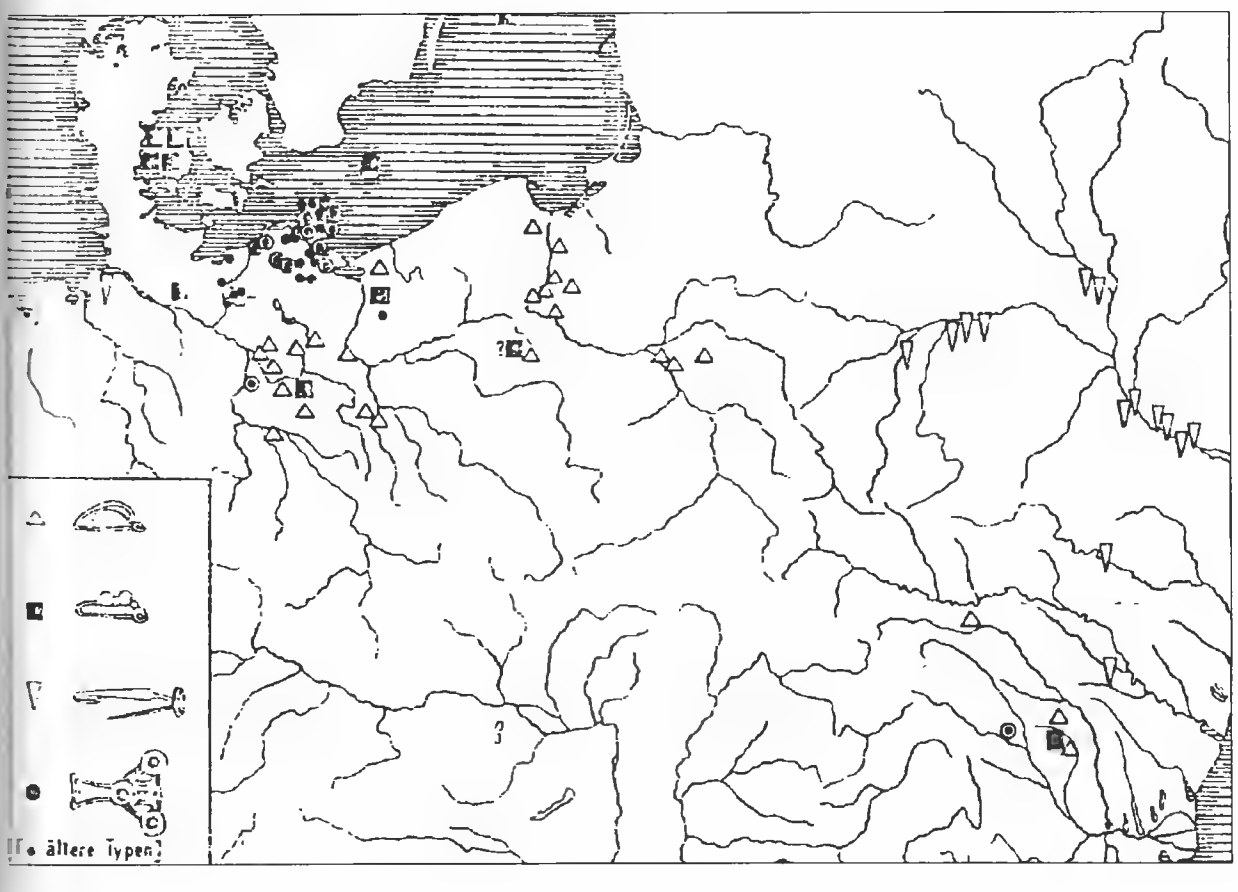


Рис. 44. Распространение некоторых типов фибул по М.Бабешу.

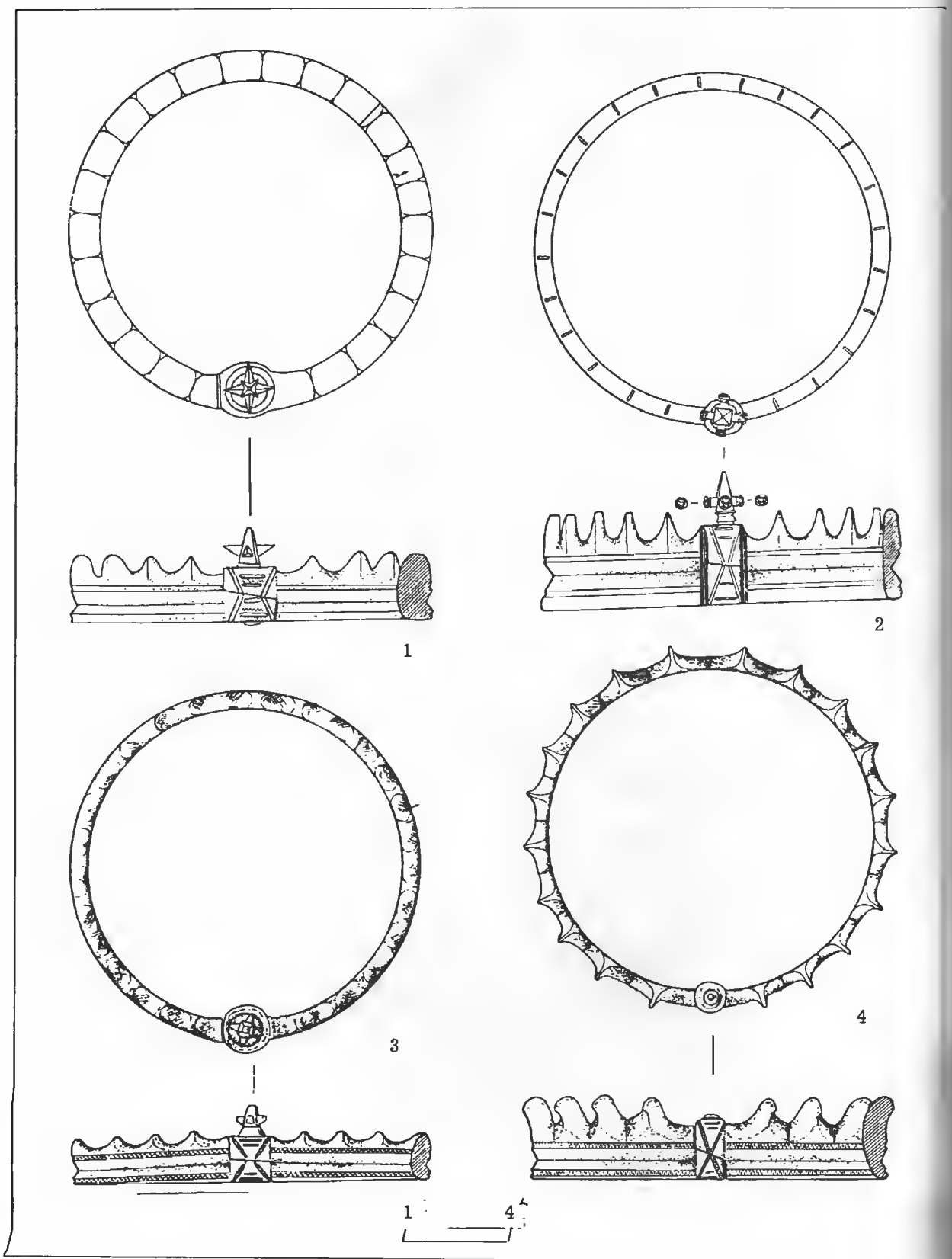


Рис. 45. Гривны-короны. 1,2 — хутор Гребля; 3 — Лески, ур. «Казенное», 1918 г.; 4 — Дашев Винницкой обл. (рис. Т.П.Вальковой).

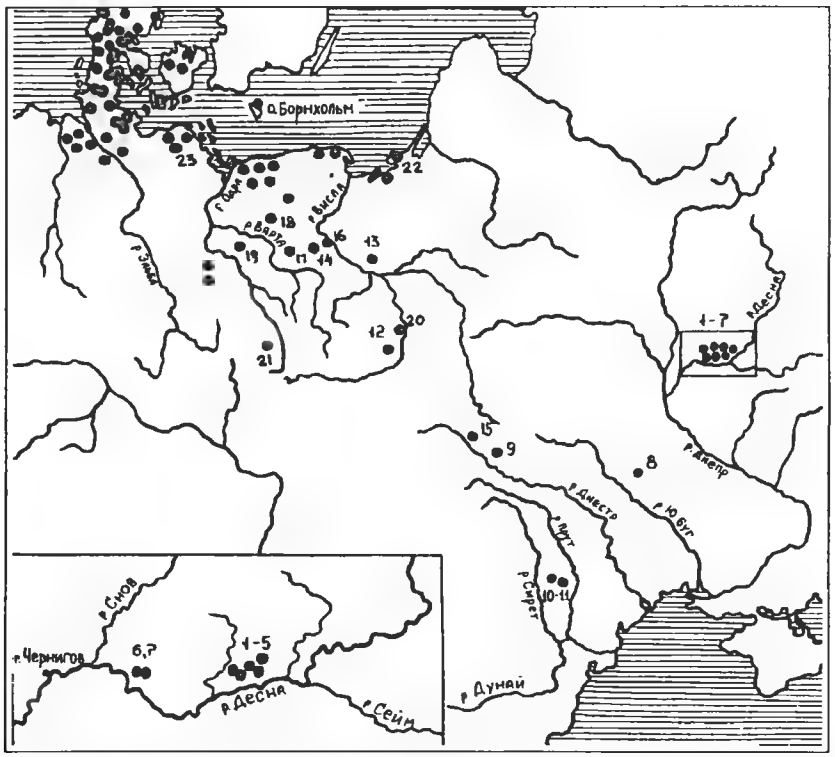


Рис. 46. Распространение гривен-корон по Т.П. Вальковой с добавлениями: 1—5 — Лески; 6—7 — Гребля; 8 — Дашев; 9 — Залесье; 10 — Давидени; 11 — Цибукани; 12 — Блоне; 13 — Клучево; 14 — Выбраново; 15 — Вильков (Ульвивок); 16 — Сыногач; 17 — Став; 18 — Милчек; 19 — Цмахов; 20 — Двикозы; 21 — Швидница; 22 — Лохстадт; 23 — Фридрихсхоф.

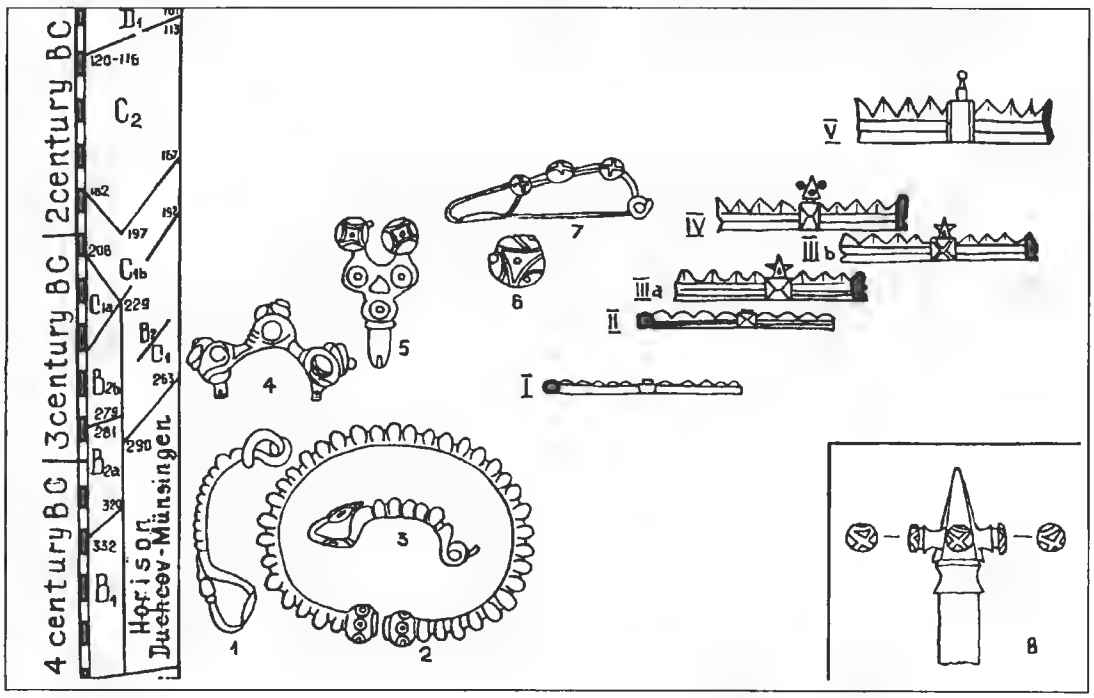


Рис. 47. Хронологическая позиция некоторых вещей важных для датировки гривен-корон и типологическая последовательность последних. 1—3 — вещи в «гусеничном стиле» горизонта Духцов-Мюнзинген; 4 — браслеты с шарнирной конструкцией в пластическом стиле; 5—6 — поясные крючки и накладки с трефолями; 7 — среднелатенские фибулы с шариками, украшенными косыми прогнутыми крестами; 8 — головка замка шарнира гривны с такими же крестами из Гребли.

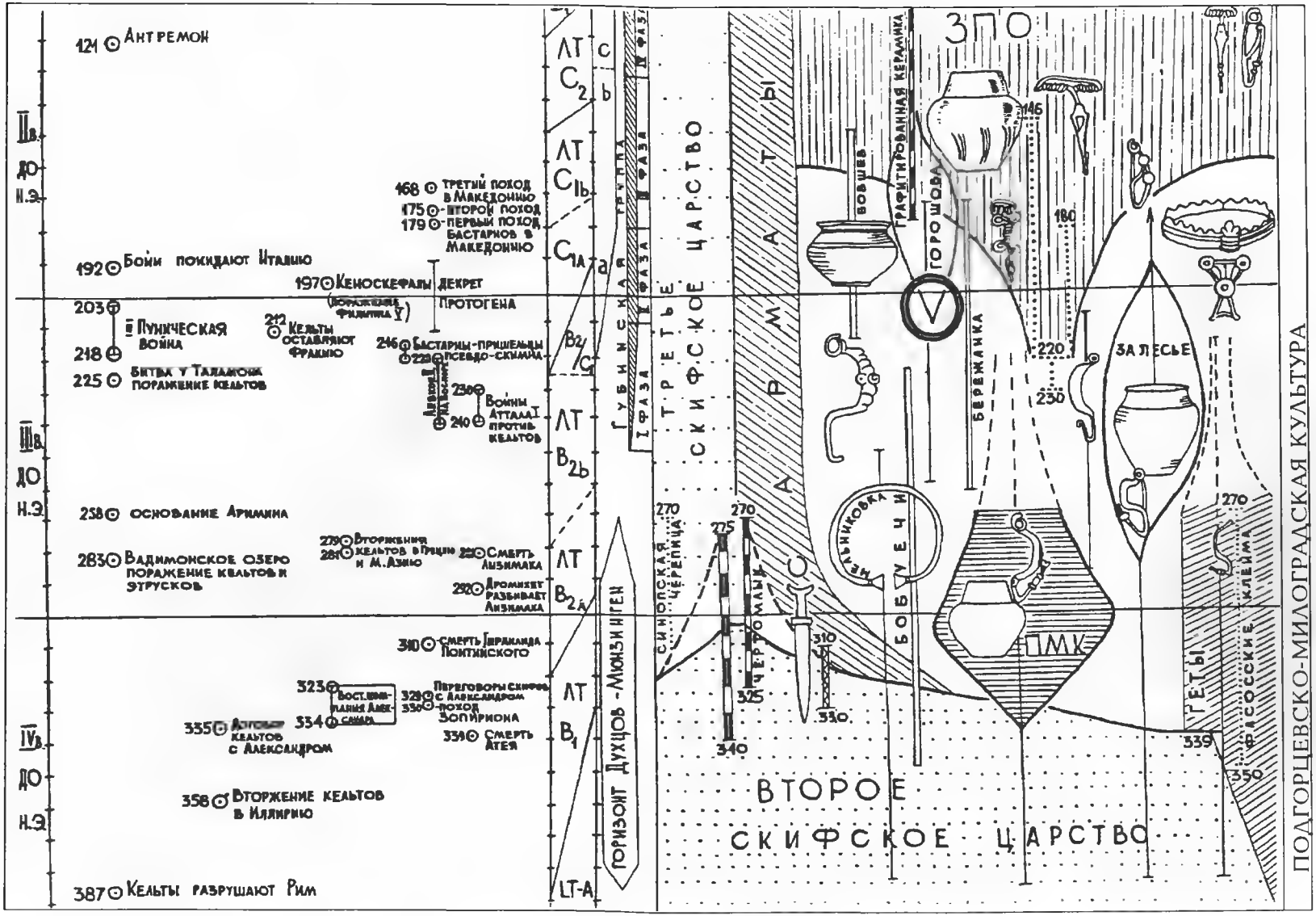


Рис. 48. Соотношение археологических культур, групп и памятников с историческими событиями IV—II вв. до н.э. Таблица составлена до изменения датировки декрета Протогена и уточнения хронологии гривен-корон. Первый должен помещаться в интервале 70—20-х годов III в. до н.э., второе — в пределах второй половины III — самого начала II вв. до н.э.

Рис. 49. Карта ранений, полученных в бою (по погр. 31 Пидхирцы, 32 Ольшаница, 33 Ленковцы, 34 Ольшаница, 35 Ленковцы, 36 Ольшаница, 37 Ленковцы, 38 Ольшаница, 39 Ленковцы, 40 Ольшаница, 41 Ленковцы, 42 Ольшаница, 43 Ленковцы, 44 Ольшаница, 45 Ленковцы, 46 Ольшаница, 47 Ленковцы, 48 Ольшаница, 49 Ленковцы, 50 Ольшаница, 51 Ленковцы, 52 Ольшаница, 53 Ленковцы, 54 Ольшаница, 55 Ленковцы, 56 Ольшаница, 57 Ленковцы, 58 Ольшаница, 59 Ленковцы, 60 Ольшаница, 61 Ленковцы, 62 Ольшаница, 63 Ленковцы, 64 Ольшаница, 65 Ленковцы, 66 Ольшаница, 67 Ленковцы, 68 Ольшаница, 69 Ленковцы, 70 Ольшаница, 71 Ленковцы, 72 Ольшаница, 73 Ленковцы, 74 Ольшаница, 75 Ленковцы, 76 Ольшаница, 77 Ленковцы, 78 Ольшаница, 79 Ленковцы, 80 Ольшаница, 81 Ленковцы, 82 Ольшаница, 83 Ленковцы, 84 Ольшаница, 85 Ленковцы, 86 Ольшаница, 87 Ленковцы, 88 Ольшаница, 89 Ленковцы, 90 Ольшаница, 91 Ленковцы, 92 Ольшаница, 93 Ленковцы, 94 Ольшаница, 95 Ленковцы, 96 Ольшаница, 97 Ленковцы, 98 Ольшаница, 99 Ленковцы, 100 Ольшаница, 101 Ленковцы, 102 Ольшаница, 103 Ленковцы, 104 Ольшаница, 105 Ленковцы, 106 Ольшаница, 107 Ленковцы, 108 Ольшаница, 109 Ленковцы, 110 Ольшаница, 111 Ленковцы, 112 Ольшаница, 113 Ленковцы, 114 Ольшаница, 115 Ленковцы, 116 Ольшаница, 117 Ленковцы, 118 Ольшаница, 119 Ленковцы, 120 Ольшаница, 121 Ленковцы, 122 Ольшаница, 123 Ленковцы, 124 Ольшаница, 125 Ленковцы, 126 Ольшаница, 127 Ленковцы, 128 Ольшаница, 129 Ленковцы, 130 Ольшаница, 131 Ленковцы, 132 Ольшаница, 133 Ленковцы, 134 Ольшаница, 135 Ленковцы, 136 Ольшаница, 137 Ленковцы, 138 Ольшаница, 139 Ленковцы, 140 Ольшаница, 141 Ленковцы, 142 Ольшаница, 143 Ленковцы, 144 Ольшаница, 145 Ленковцы, 146 Ольшаница, 147 Ленковцы, 148 Ольшаница, 149 Ленковцы, 150 Ольшаница, 151 Ленковцы, 152 Ольшаница, 153 Ленковцы, 154 Ольшаница, 155 Ленковцы, 156 Ольшаница, 157 Ленковцы, 158 Ольшаница, 159 Ленковцы, 160 Ольшаница, 161 Ленковцы, 162 Ольшаница, 163 Ленковцы, 164 Ольшаница, 165 Ленковцы, 166 Ольшаница, 167 Ленковцы, 168 Ольшаница, 169 Ленковцы, 170 Ольшаница, 171 Ленковцы, 172 Ольшаница, 173 Ленковцы, 174 Ольшаница, 175 Ленковцы, 176 Ольшаница, 177 Ленковцы, 178 Ольшаница, 179 Ленковцы, 180 Ольшаница, 181 Ленковцы, 182 Ольшаница, 183 Ленковцы, 184 Ольшаница, 185 Ленковцы, 186 Ольшаница, 187 Ленковцы, 188 Ольшаница, 189 Ленковцы, 190 Ольшаница, 191 Ленковцы, 192 Ольшаница, 193 Ленковцы, 194 Ольшаница, 195 Ленковцы, 196 Ольшаница, 197 Ленковцы, 198 Ольшаница, 199 Ленковцы, 200 Ольшаница, 201 Ленковцы, 202 Ольшаница, 203 Ленковцы, 204 Ольшаница, 205 Ленковцы, 206 Ольшаница, 207 Ленковцы, 208 Ольшаница, 209 Ленковцы, 210 Ольшаница, 211 Ленковцы, 212 Ольшаница, 213 Ленковцы, 214 Ольшаница, 215 Ленковцы, 216 Ольшаница, 217 Ленковцы, 218 Ольшаница, 219 Ленковцы, 220 Ольшаница, 221 Ленковцы, 222 Ольшаница, 223 Ленковцы, 224 Ольшаница, 225 Ленковцы, 226 Ольшаница, 227 Ленковцы, 228 Ольшаница, 229 Ленковцы, 230 Ольшаница, 231 Ленковцы, 232 Ольшаница, 233 Ленковцы, 234 Ольшаница, 235 Ленковцы, 236 Ольшаница, 237 Ленковцы, 238 Ольшаница, 239 Ленковцы, 240 Ольшаница, 241 Ленковцы, 242 Ольшаница, 243 Ленковцы, 244 Ольшаница, 245 Ленковцы, 246 Ольшаница, 247 Ленковцы, 248 Ольшаница, 249 Ленковцы, 250 Ольшаница, 251 Ленковцы, 252 Ольшаница, 253 Ленковцы, 254 Ольшаница, 255 Ленковцы, 256 Ольшаница, 257 Ленковцы, 258 Ольшаница, 259 Ленковцы, 260 Ольшаница, 261 Ленковцы, 262 Ольшаница, 263 Ленковцы, 264 Ольшаница, 265 Ленковцы, 266 Ольшаница, 267 Ленковцы, 268 Ольшаница, 269 Ленковцы, 270 Ольшаница, 271 Ленковцы, 272 Ольшаница, 273 Ленковцы, 274 Ольшаница, 275 Ленковцы, 276 Ольшаница, 277 Ленковцы, 278 Ольшаница, 279 Ленковцы, 280 Ольшаница, 281 Ленковцы, 282 Ольшаница, 283 Ленковцы, 284 Ольшаница, 285 Ленковцы, 286 Ольшаница, 287 Ленковцы, 288 Ольшаница, 289 Ленковцы, 290 Ольшаница, 291 Ленковцы, 292 Ольшаница, 293 Ленковцы, 294 Ольшаница, 295 Ленковцы, 296 Ольшаница, 297 Ленковцы, 298 Ольшаница, 299 Ленковцы, 300 Ольшаница, 301 Ленковцы, 302 Ольшаница, 303 Ленковцы, 304 Ольшаница, 305 Ленковцы, 306 Ольшаница, 307 Ленковцы, 308 Ольшаница, 309 Ленковцы, 310 Ольшаница, 311 Ленковцы, 312 Ольшаница, 313 Ленковцы, 314 Ольшаница, 315 Ленковцы, 316 Ольшаница, 317 Ленковцы, 318 Ольшаница, 319 Ленковцы, 320 Ольшаница, 321 Ленковцы, 322 Ольшаница, 323 Ленковцы, 324 Ольшаница, 325 Ленковцы, 326 Ольшаница, 327 Ленковцы, 328 Ольшаница, 329 Ленковцы, 330 Ольшаница, 331 Ленковцы, 332 Ольшаница, 333 Ленковцы, 334 Ольшаница, 335 Ленковцы, 336 Ольшаница, 337 Ленковцы, 338 Ольшаница, 339 Ленковцы, 340 Ольшаница, 341 Ленковцы, 342 Ольшаница, 343 Ленковцы, 344 Ольшаница, 345 Ленковцы, 346 Ольшаница, 347 Ленковцы, 348 Ольшаница, 349 Ленковцы, 350 Ольшаница, 351 Ленковцы, 352 Ольшаница, 353 Ленковцы, 354 Ольшаница, 355 Ленковцы, 356 Ольшаница, 357 Ленковцы, 358 Ольшаница, 359 Ленковцы, 360 Ольшаница, 361 Ленковцы, 362 Ольшаница, 363 Ленковцы, 364 Ольшаница, 365 Ленковцы, 366 Ольшаница, 367 Ленковцы, 368 Ольшаница, 369 Ленковцы, 370 Ольшаница, 371 Ленковцы, 372 Ольшаница, 373 Ленковцы, 374 Ольшаница, 375 Ленковцы, 376 Ольшаница, 377 Ленковцы, 378 Ольшаница, 379 Ленковцы, 380 Ольшаница, 381 Ленковцы, 382 Ольшаница, 383 Ленковцы, 384 Ольшаница, 385 Ленковцы, 386 Ольшаница, 387 Ленковцы, 388 Ольшаница, 389 Ленковцы, 390 Ольшаница, 391 Ленковцы, 392 Ольшаница, 393 Ленковцы, 394 Ольшаница, 395 Ленковцы, 396 Ольшаница, 397 Ленковцы, 398 Ольшаница, 399 Ленковцы, 400 Ольшаница, 401 Ленковцы, 402 Ольшаница, 403 Ленковцы, 404 Ольшаница, 405 Ленковцы, 406 Ольшаница, 407 Ленковцы, 408 Ольшаница, 409 Ленковцы, 410 Ольшаница, 411 Ленковцы, 412 Ольшаница, 413 Ленковцы, 414 Ольшаница, 415 Ленковцы, 416 Ольшаница, 417 Ленковцы, 418 Ольшаница, 419 Ленковцы, 420 Ольшаница, 421 Ленковцы, 422 Ольшаница, 423 Ленковцы, 424 Ольшаница, 425 Ленковцы, 426 Ольшаница, 427 Ленковцы, 428 Ольшаница, 429 Ленковцы, 430 Ольшаница, 431 Ленковцы, 432 Ольшаница, 433 Ленковцы, 434 Ольшаница, 435 Ленковцы, 436 Ольшаница, 437 Ленковцы, 438 Ольшаница, 439 Ленковцы, 440 Ольшаница, 441 Ленковцы, 442 Ольшаница, 443 Ленковцы, 444 Ольшаница, 445 Ленковцы, 446 Ольшаница, 447 Ленковцы, 448 Ольшаница, 449 Ленковцы, 450 Ольшаница, 451 Ленковцы, 452 Ольшаница, 453 Ленковцы, 454 Ольшаница, 455 Ленковцы, 456 Ольшаница, 457 Ленковцы, 458 Ольшаница, 459 Ленковцы, 460 Ольшаница, 461 Ленковцы, 462 Ольшаница, 463 Ленковцы, 464 Ольшаница, 465 Ленковцы, 466 Ольшаница, 467 Ленковцы, 468 Ольшаница, 469 Ленковцы, 470 Ольшаница, 471 Ленковцы, 472 Ольшаница, 473 Ленковцы, 474 Ольшаница, 475 Ленковцы, 476 Ольшаница, 477 Ленковцы, 478 Ольшаница, 479 Ленковцы, 480 Ольшаница, 481 Ленковцы, 482 Ольшаница, 483 Ленковцы, 484 Ольшаница, 485 Ленковцы, 486 Ольшаница, 487 Ленковцы, 488 Ольшаница, 489 Ленковцы, 490 Ольшаница, 491 Ленковцы, 492 Ольшаница, 493 Ленковцы, 494 Ольшаница, 495 Ленковцы, 496 Ольшаница, 497 Ленковцы, 498 Ольшаница, 499 Ленковцы, 500 Ольшаница, 501 Ленковцы, 502 Ольшаница, 503 Ленковцы, 504 Ольшаница, 505 Ленковцы, 506 Ольшаница, 507 Ленковцы, 508 Ольшаница, 509 Ленковцы, 510 Ольшаница, 511 Ленковцы, 512 Ольшаница, 513 Ленковцы, 514 Ольшаница, 515 Ленковцы, 516 Ольшаница, 517 Ленковцы, 518 Ольшаница, 519 Ленковцы, 520 Ольшаница, 521 Ленковцы, 522 Ольшаница, 523 Ленковцы, 524 Ольшаница, 525 Ленковцы, 526 Ольшаница, 527 Ленковцы, 528 Ольшаница, 529 Ленковцы, 530 Ольшаница, 531 Ленковцы, 532 Ольшаница, 533 Ленковцы, 534 Ольшаница, 535 Ленковцы, 536 Ольшаница, 537 Ленковцы, 538 Ольшаница, 539 Ленковцы, 540 Ольшаница, 541 Ленковцы, 542 Ольшаница, 543 Ленковцы, 544 Ольшаница, 545 Ленковцы, 546 Ольшаница, 547 Ленковцы, 548 Ольшаница, 549 Ленковцы, 550 Ольшаница, 551 Ленковцы, 552 Ольшаница, 553 Ленковцы, 554 Ольшаница, 555 Ленковцы, 556 Ольшаница, 557 Ленковцы, 558 Ольшаница, 559 Ленковцы, 560 Ольшаница, 561 Ленковцы, 562 Ольшаница, 563 Ленковцы, 564 Ольшаница, 565 Ленковцы, 566 Ольшаница, 567 Ленковцы, 568 Ольшаница, 569 Ленковцы, 570 Ольшаница, 571 Ленковцы, 572 Ольшаница, 573 Ленковцы, 574 Ольшаница, 575 Ленковцы, 576 Ольшаница, 577 Ленковцы, 578 Ольшаница, 579 Ленковцы, 580 Ольшаница, 581 Ленковцы, 582 Ольшаница, 583 Ленковцы, 584 Ольшаница, 585 Ленковцы, 586 Ольшаница, 587 Ленковцы, 588 Ольшаница, 589 Ленковцы, 590 Ольшаница, 591 Ленковцы, 592 Ольшаница, 593 Ленковцы, 594 Ольшаница, 595 Ленковцы, 596 Ольшаница, 597 Ленковцы, 598 Ольшаница, 599 Ленковцы, 600 Ольшаница, 601 Ленковцы, 602 Ольшаница, 603 Ленковцы, 604 Ольшаница, 605 Ленковцы, 606 Ольшаница, 607 Ленковцы, 608 Ольшаница, 609 Ленковцы, 610 Ольшаница, 611 Ленковцы, 612 Ольшаница, 613 Ленковцы, 614 Ольшаница, 615 Ленковцы, 616 Ольшаница, 617 Ленковцы, 618 Ольшаница, 619 Ленковцы, 620 Ольшаница, 621 Ленковцы, 622 Ольшаница, 623 Ленковцы, 624 Ольшаница, 625 Ленковцы, 626 Ольшаница, 627 Ленковцы, 628 Ольшаница, 629 Ленковцы, 630 Ольшаница, 631 Ленковцы, 632 Ольшаница, 633 Ленковцы, 634 Ольшаница, 635 Ленковцы, 636 Ольшаница, 637 Ленковцы, 638 Ольшаница, 639 Ленковцы, 640 Ольшаница, 641 Ленковцы, 642 Ольшаница, 643 Ленковцы, 644 Ольшаница, 645 Ленковцы, 646 Ольшаница, 647 Ленковцы, 648 Ольшаница, 649 Ленковцы, 650 Ольшаница, 651 Ленковцы, 652 Ольшаница, 653 Ленковцы, 654 Ольшаница, 655 Ленковцы, 656 Ольшаница, 657 Ленковцы, 658 Ольшаница, 659 Ленковцы, 660 Ольшаница, 661 Ленковцы, 662 Ольшаница, 663 Ленковцы, 664 Ольшаница, 665 Ленковцы, 666 Ольшаница, 667 Ленковцы, 668 Ольшаница, 669 Ленковцы, 670 Ольшаница, 671 Ленковцы, 672 Ольшаница, 673 Ленковцы, 674 Ольшаница, 675 Ленковцы, 676 Ольшаница, 677 Ленковцы, 678 Ольшаница, 679 Ленковцы, 680 Ольшаница, 681 Ленковцы, 682 Ольшаница, 683 Ленковцы, 684 Ольшаница, 685 Ленковцы, 686 Ольшаница, 687 Ленковцы, 688 Ольшаница, 689 Ленковцы, 690 Ольшаница, 691 Ленковцы, 692 Ольшаница, 693 Ленковцы, 694 Ольшаница, 695 Ленковцы, 696 Ольшаница, 697 Ленковцы, 698 Ольшаница, 699 Ленковцы, 700 Ольшаница, 701 Ленковцы, 702 Ольшаница, 703 Ленковцы, 704 Ольшаница, 705 Ленковцы, 706 Ольшаница, 707 Ленковцы, 708 Ольшаница, 709 Ленковцы, 710 Ольшаница, 711 Ленковцы, 712 Ольшаница, 713 Ленковцы, 714 Ольшаница, 715 Ленковцы, 716 Ольшаница, 717 Ленковцы, 718 Ольшаница, 719 Ленковцы, 720 Ольшаница, 721 Ленковцы, 722 Ольшаница, 723 Ленковцы, 724 Ольшаница, 725 Ленковцы, 726 Ольшаница, 727 Ленковцы, 728 Ольшаница, 729 Ленковцы, 730 Ольшаница, 731 Ленковцы, 732 Ольшаница, 733 Ленковцы, 734 Ольшаница, 735 Ленковцы, 736 Ольшаница, 737 Ленковцы, 738 Ольшаница, 739 Ленковцы, 740 Ольшаница, 741 Ленковцы, 742 Ольшаница, 743 Ленковцы, 744 Ольшаница, 745 Ленковцы, 746 Ольшаница, 747 Ленковцы, 748 Ольшаница, 749 Ленковцы, 750 Ольшаница, 751 Ленковцы, 752 Ольшаница, 753 Ленковцы, 754 Ольшаница, 755 Ленковцы, 756 Ольшаница, 757 Ленковцы, 758 Ольшаница, 759 Ленковцы, 760 Ольшаница, 761 Ленковцы, 762 Ольшаница, 763 Ленковцы, 764 Ольшаница, 765 Ленковцы, 766 Ольшаница, 767 Ленковцы, 768 Ольшаница, 769 Ленковцы, 770 Ольшаница, 771 Ленковцы, 772 Ольшаница, 773 Ленковцы, 774 Ольшаница, 775 Ленковцы, 776 Ольшаница, 777 Ленковцы, 778 Ольшаница, 779 Ленковцы, 780 Ольшаница, 781 Ленковцы, 782 Ольшаница, 783 Ленковцы, 784 Ольшаница, 785 Ленковцы, 786 Ольшаница, 787 Ленковцы, 788 Ольшаница, 789 Ленковцы, 790 Ольшаница, 791 Ленковцы, 792 Ольшаница, 793 Ленковцы, 794 Ольшаница, 795 Ленковцы, 796 Ольшаница, 797 Ленковцы, 798 Ольшаница, 799 Ленковцы, 800 Ольшаница, 801 Ленковцы, 802 Ольшаница, 803 Ленковцы, 804 Ольшаница, 805 Ленковцы, 806 Ольшаница, 807 Ленковцы, 808 Ольшаница, 809 Ленковцы, 810 Ольшаница, 811 Ленковцы, 812 Ольшаница, 813 Ленковцы, 814 Ольшаница, 815 Ленковцы, 816 Ольшаница, 817 Ленковцы, 818 Ольшаница, 819 Ленковцы, 820 Ольшаница, 821 Ленковцы, 822 Ольшаница, 823 Ленковцы, 824 Ольшаница, 825 Ленковцы, 826 Ольшаница, 827 Ленковцы, 828 Ольшаница, 829 Ленковцы, 830 Ольшаница, 831 Ленковцы, 832 Ольшаница, 833 Ленковцы, 834 Ольшаница, 835 Ленковцы, 836 Ольшаница, 837 Ленковцы, 838 Ольшаница, 839 Ленковцы, 840 Ольшаница, 841 Ленковцы, 842 Ольшаница, 843 Ленковцы, 844 Ольшаница, 845 Ленковцы, 846 Ольшаница, 847 Ленковцы, 848 Ольшаница, 849 Ленковцы, 850 Ольшаница, 851 Ленковцы, 852 Ольшаница, 853 Ленковцы, 854 Ольшаница, 855 Ленковцы, 856 Ольшаница, 857 Ленковцы, 858 Ольшаница, 859 Ленковцы, 860 Ольшаница, 861 Ленковцы, 862 Ольшаница, 863 Ленковцы, 864 Ольшаница, 865 Ленковцы, 866 Ольшаница, 867 Ленковцы, 868 Ольшаница, 869 Ленковцы, 870 Ольшаница, 871 Ленковцы, 872 Ольшаница, 873 Ленковцы, 874 Ольшаница, 875 Ленковцы, 876 Ольшаница, 877 Ленковцы, 878 Ольшаница, 879 Ленковцы, 880 Ольшаница, 881 Ленковцы, 882 Ольшаница, 883 Ленковцы, 884 Ольшаница, 885 Ленковцы, 886 Ольшаница, 887 Ленковцы, 888 Ольшаница, 889 Ленковцы, 890 Ольшаница, 891 Ленковцы, 892 Ольшаница, 893 Ленковцы, 894 Ольшаница, 895 Ленковцы, 896 Ольшаница, 897 Ленковцы, 898 Ольшаница, 899 Ленковцы, 900 Ольшаница, 901 Ленковцы, 902 Ольшаница, 903 Ленковцы, 904 Ольшаница, 905 Ленковцы, 906 Ольшаница, 907 Ленковцы, 908 Ольшаница, 909 Ленковцы, 910 Ольшаница, 911 Ленковцы, 912 Ольшаница, 913 Ленковцы, 914 Ольшаница, 915 Ленковцы, 916 Ольшаница, 917 Ленковцы, 918 Ольшаница, 919 Ленковцы, 920 Ольшаница, 921 Ленковцы, 922 Ольшаница, 923 Ленковцы, 924 Ольшаница, 925 Ленковцы, 926 Ольшаница, 927 Ленковцы, 928 Ольшаница, 929 Ленковцы, 930 Ольшаница, 931 Ленковцы, 932 Ольшаница, 933 Ленковцы, 934 Ольшаница, 935 Ленковцы, 936 Ольшаница, 937 Ленковцы, 938 Ольшаница, 939 Ленковцы, 940 Ольшаница, 941 Ленковцы, 942 Ольшаница, 943 Ленковцы, 944 Ольшаница, 945 Ленковцы, 946 Ольшаница, 947 Ленковцы, 948 Ольшаница, 949 Ленковцы, 950 Ольшаница, 951 Ленковцы, 952 Ольшаница, 953 Ленковцы, 954 Ольшаница, 955 Ленковцы, 956 Ольшаница, 957 Ленковцы, 958 Ольшаница, 959 Ленковцы, 960 Ольшаница, 961 Ленковцы, 962 Ольшаница, 963 Ленковцы, 964 Ольшаница, 965 Ленковцы, 966 Ольшаница, 967 Ленковцы, 968 Ольшаница, 969 Ленковцы, 970 Ольшаница, 971 Ленковцы, 972 Ольшаница, 973 Ленковцы, 974 Ольшаница, 975 Ленковцы, 976 Ольшаница, 977 Ленковцы, 978 Ольшаница, 979 Ленковцы, 980 Ольшаница, 981 Ленковцы, 982 Ольшаница, 983 Ленковцы, 984 Ольшаница, 985 Ленковцы, 986 Ольшаница, 987 Ленковцы, 988 Ольшаница, 989 Ленковцы, 990 Ольшаница, 991 Ленковцы, 992 Ольшаница, 993 Ленковцы, 994 Ольшаница, 995 Ленковцы, 996 Ольшаница, 997 Ленковцы, 998 Ольшаница, 999 Ленковцы, 1000 Ольшаница

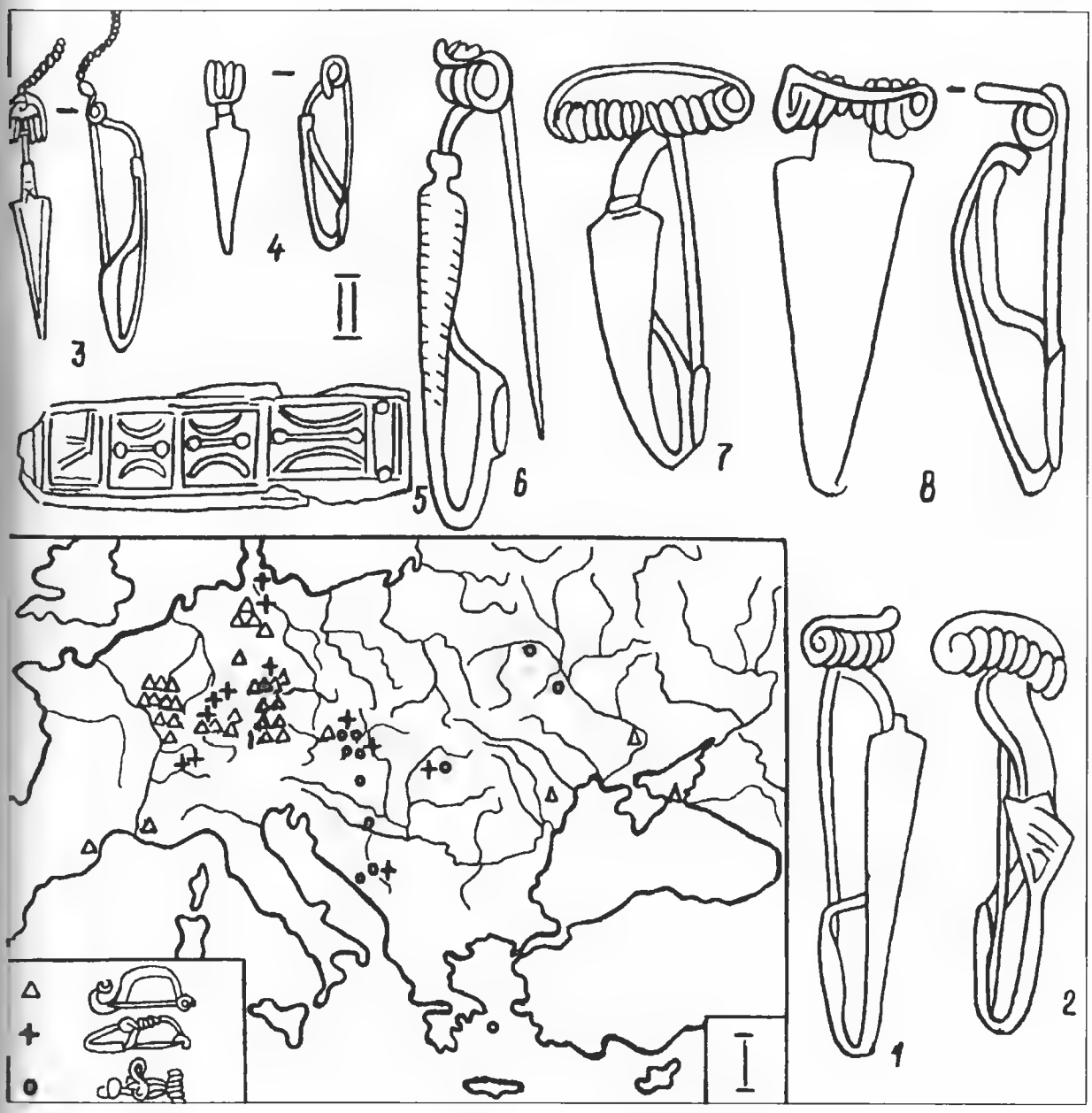


Рис. 49. «Копьевидные» фибулы Балканского полуострова по К.В.Каспаровой и распространение фибул с «фальшивой» пружинкой по К.Пешелю. 1 — Марьевичи; 2 — Езерине, погр.320; 3 — Гостилия, погр.122; 4 — Рибич, погр.37; 5 — Карабурма, погр.39; 6 — Езерине, погр.393г; 7 — Езерине, погр.278; 8 — Карабурма.

Рис. 48. Соотношение археологических культур, групп и памятников с историческими событиями IV—II вв. до н.э. Таблица составлена до изменения датировки декрета Протогена и уточнения хронологии гривен-корон. Первый должен помещаться в интервале 70—20-х годов III в. до н.э., второе — в пределах второй половины III — самого начала II вв. до н.э.

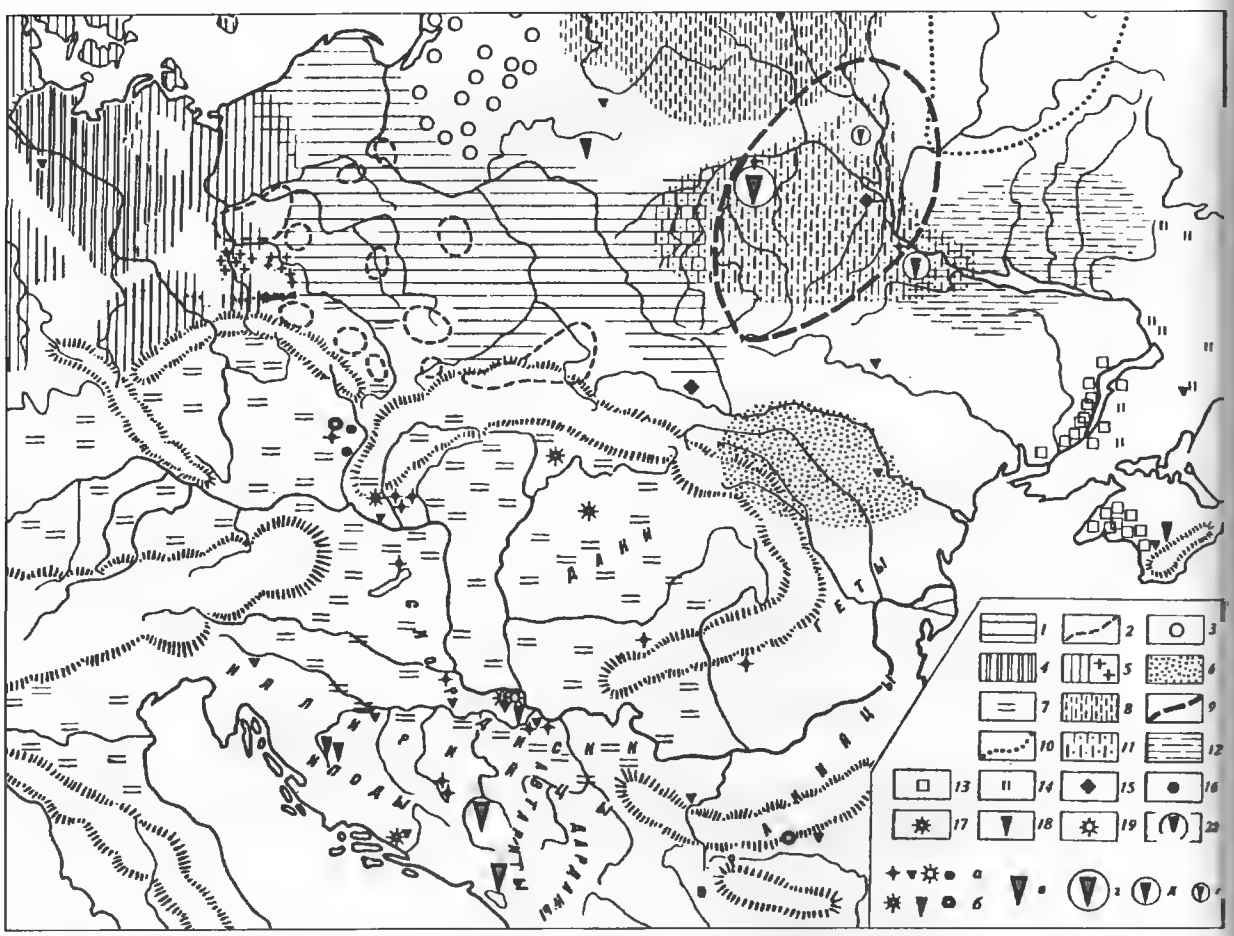


Рис. 50. Картосхема некоторых археологических культур и отдельных памятников Средней Европы в период Латена В и С (по К. В.Каспаровой).

1 — ареал поморско-подклешевой культуры; *2* — граница ареала эпилужицких групп; *3* — ареал культуры западно-балтских курганов; *5* — ареал культур ясторфского круга и памятники губинской группы; *6* — ареал культуры типа Поянешты-Лукашевка; *7* — области, занятые кельтами; *8* — ареал культуры штрихованной керамики; *9* — граница ареала милоградской культуры; *10* — граница ареала юхновской культуры; *11* — ареал зарубинецкой культуры; *12* — ареал скифообразных лесостепных культур; *13* — нижнеднепровские городища и позднескифские памятники Крыма (условно); *14* — раннесарматские памятники (условно); *15* — кельтские памятники Бовшев и Залесье; *16* — памятники с находками фибул раннелатенской схемы с восьмеркообразными петлями; *17* — памятники с находками фибул среднелатенской схемы с восьмеркообразными петлями; *18* — памятники с находками копьевидных фибул и фибул зарубинецкого типа вне ареала зарубинецкой культуры; *19* — памятник с находкой копьевидной фибулы с "восьмеркой"; *20* — количество фибул зарубинецкого типа в трех группах зарубинецкой культуры.

Масштаб условных знаков: *а* — 1 экз.; *б* — 2—5 экз.; *в* — 12—13 экз.; *г* — 32 экз.; *д* — 70 экз.; *е* — 116 экз.

Глава V.

Держава Митридата и события рубежа II — I вв. до н. э.

1. Из предыстории.

Происходящее на следующем «этаже» истории Восточной Европы, на рубеже II-I вв. до н.э. было бы непонятно, если не упомянуть о некоторых событиях III-II вв. до н.э. в восточной части ойкумены древнего мира. Здесь нет возможности рассказать о всех перипетиях борьбы диадохов, о взлетах и падениях власти Селевкидов, о всех событиях на восточных границах их державы, о войнах Китая с северными кочевниками. Напомним лишь самые узловые моменты.

В 302 г. до н.э. один из знатных персов рода Ахеменидов по имени Митридат, служивший при дворе Антигона, правителя Сирии, запутался в дворцовых интригах и, опасаясь казни, бежал в Каппадокию на север Малой Азии, сопровождаемый всего шестью всадниками. Потомок Ахеменидов нашел поддержку местного населения и в долинах рек Ириса и Аминиады. Митридат I Ктист-Основатель создал небольшое государство Понт. Выхода к Понту Эвксинскому, на берегах которого процветали греческие города Гераклея, Синопа, Амастрия, царство Понт тогда еще не имело.

Вскоре от державы Селевкидов отпали и стали самостоятельными Пергам и Вифиния. Образовалась Галатия и еще ряд царств. Наследники Ктиста всячески — оружием, дипломатией, династическими браками — добивались расширения своих владений и выхода к морю. Воевали с большим или меньшим успехом с соседями, отхватывали то тут, то там по кусочку, то заключая союзы, то предавая союзников (Молев 1976).

В середине III в. до н.э., как раз, когда «царский дом Селевкидов находился в такой неустройстве» (Аппиан, Сирийские войны, 65) — шла борьба за престол, так называемая «война Лаодики» 247-245 гг. до н.э. — в «дальних сатрапиях» Селевкидской державы произошло следующее: наместник Бактрии Диодот отложился от центрального правительства и «приказал именовать себя царем» (Юстин, X, 1, 4, 5). Возникло Греко-Бактрийское царство (Бокщанин 1960). Тогда же по соседству, «Аршак, родом скиф, владевший частью даев, называвшихся парнами и кочевавших вдоль Оха, ворвался в Парфию и подчинил ее себе...» (Страбон, XI, 9, 2, 2). Так по обеим сторонам Копет-Дага возникло Парфянское царство, расширившее затем свои пределы вплоть до Евфрата и ставшее двести лет спустя основным конкурентом Рима. В создании его не последнюю роль сыграли, видимо, кочевники евразийских степей. Дахи, или даи, по представлениям некоторых исследователей, заселяли все земли между Каспием, Сырдарьей и Уралом-Яиком, или во всяком случае были выходцами из бассейна Яика-Даика (Смирнов 1984, с.15-16; 237).

События, имевшие далеко идущие последствия, произошли на рубеже III-II вв. до н.э. далеко на востоке, в бурлящем котле «центральноазиатского генератора народов». Здесь столкнулись три силы — китайцы династии Цинь, без особого успеха пытавшиеся отгородиться от беспокойного моря северных кочевников Великой китайской стеной, их непосредственные северные соседи, кочевники-хунны и западные соседи последних — юэджи.

В 210 г. до н.э. умер император Цинь-Ши-Хуади. Китай был ослаблен борьбой за власть, а хунны наоборот усилились.

В 209 г. до н.э. во главе их встал энергичный правитель шаньюй Модэ и начал активно расширять пределы своей державы. Китайский писатель Сима Цянь рассказывает увлекательную историю его прихода к власти. Отец Модэ, шаньюй Тумань, опасался честолюбивого юноши и отдавал предпочтение его младшему брату. Модэ был послан в заложники юэджам, а затем вероломный Тумань напал на этих соседей. Заложника должны были казнить, но Модэ удалось бежать. Вернувшись домой и получив в управление тюмень (область с 10 тысячным населением), он ввел в своем войске жесткую дисциплину и приучил воинов не раздумывая стрелять в направлении, указанном его свистящей стрелой. Стрелял то в своего коня, то в свою жену, то в коня отца. Засомневавшимся рубил головы. Когда же однажды на охоте пустил стрелу в отца, усомнившихся не оказалось. Для начала, в 202 г. до н.э. он покорил динлинов и другие племена за Саянами. Затем, после ряда побед, в 198 г. до н.э. заключил с только что установившейся в Китае династией Хань договор «о мире и родстве», означавший выплату дани в виде приданного и даров выданной за него замуж китайской принцессе (Гумилев 1960, с.62-66).

А тем временем на западе в Малой

Азии все более крепло Понтийское царство. В 184 г. до н.э. царь Понта Фарнак I захватил Синопу, один из важнейших портов на Черноморском побережье (Страбон, XII, 3, II; Полибий, XXIII, 9). В 183 г. до н.э. из-за этого началась война Понта с Пергамом, Каппадокией и Вифинией. На стороне Понта выступали на первом этапе войны малоазийские галаты во главе с вождями Гайзотариксом и Карсюгнатом, присоединился затем царь Малой Армении, обещал поддержку Селевк IV, но опасаясь недовольства Рима, не рискнул выступить. Римляне в войну непосредственно не включились, но вели активную дипломатическую работу, пытаясь примирить враждующие стороны, и постараться не дать ни одной из малоазийских стран чрезмерно усилиться и избежать возможного союза кого-нибудь из них с Филиппом V Македонским. На втором году войны от Фарнака отпали галаты. Дело в том, что Фарнак захватил городок Тий на берегу Черного моря и вероломно вырезал оборонявший его отряд наемников-галатов. Как нередко бывало в эллинистическом мире, наемникам-то и дело приходилось сражаться с соплеменниками. Но в данном случае Фарнак поступил нечестно, перебив наемников, сдавшихся в плен.

Хотя в конечном итоге Понт войну проиграл, был вынужден вернуть часть захваченных территорий и уплатить контрибуцию, но Синопа осталась за ним, стала столицей. Укрепившись на южном берегу Черного моря, понтийские цари получили возможность расширить сферу своих действий и на его северное побережье. Активная торговля связывала Синопу с Херсонесом в Крыму.

В 179 г. до н.э., очевидно, не без дипломатической поддержки Рима был заключен многосторонний мирный договор. В него кроме уже упомянутых стран были включены Мессембрия, Кизик, Херсонес и царь европейских сарматов Гатал (Сапрыкин 1986).

Не совсем ясно, участвовал ли Херсонес непосредственно в военных действиях, но в союзе с Понтом он был заинтересован из-за сложившейся в Крыму ситуации. А там возникшее после разгрома Великой Скифии «Третье скифское царство» стало заметной силой на политической арене. Существенной частью в хозяйстве этого «царства» стало земледелие, и скифы теперь нуждаются в плодородных землях, кроме того они уже не удовлетворяются ролью посредника в черноморской торговле как раньше и стремяться полностью захватить ее в свои руки. Из союзников причерноморских греков они становятся их конкурентами и врагами. Скифские отряды все чаще разоряют хору Херсонеса и появляются под его стенами. Где-то между 220-183 гг. до н.э. горожанам так срочно приходится строить новые укрепления, что для этого были использованы даже надгробия некрополя (Щеглов 1978, с.131). Херсониты ищут союза с врагами скифов — сарматами. К рубежу III-II вв. до н.э. относятся, вероятно, события, описанные Полиеном и хорошо иллюстрирующие эту ситуацию. Херсониты, «обижаемые царем соседних скифов», заключили союз с сарматской царицей Амагой, и она направила скифскому царю «приказание прекратить набеги на Херсонес», а когда дипломатические усилия не принесли результатов, конный отряд воинов Амаги вторгся в Крым и неожиданно появился у ставки скифского царя. Амага «убила царя и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херсонеситам, а царскую власть вручила сыну убитого, приказывая ему править справедливо» (Полиен, VIII, 56). Набеги прекратились но ненадолго.

В 179 г. до н.э. задачу защиты Херсонеса взяла на себя созданная Фарнаком I коалиция — Понт, Херсонес и царь сарматов Гатал. Ситуация сложившихся взаимоотношений Херсонеса и скифов подтверждается и серией археологических наблюдений (Щеглов 1978, с.128-132). Среди сарматских памятников со временем царицы Амаги может быть связано открытое в 1973 г. погребение в г.Новочеркасске, с херсонесской амфорой конца III — начала II вв. до н.э (Смирнов 1984, рис.32, с.75-77), а со временем царя Гатала — знаменитый Федуловский клад с серебряными малоазийскими фаларами (Засецкая 1980), хотя не исключена его более поздняя датировка и, соответственно, связь с последующими событиями. К этому же периоду могут относиться отдельные погребения междуречья Днепра и Дона с прохоровскими элементами, хотя было высказано предположение что ядром царства Гатала является скорее всего Северный Кавказ (Еременко, Берлизов 1989; Ждановский, Марченко 1988). Во всяком случае именно здесь сосредоточена целая серия находок среднелатенских фибул по времени соответствующих союзу Фарнака, галатов и царя Гатала. Они найдены в погребениях у ст.Хоперской (Игнатов 1986, рис.2, 3), в Нижне-Джулатском могильнике (Абрамова 1972, рис.34, 5; 4, 45; 6, 67; 12, 22; 13, 20), при раскопках Чегемского курганакладбища (Керефов 1985, рис.5, 19; 8, 39; 13, 8; 6, 14-17, 32). Еще одна «копьевидная» фибула происходит из Курганинска (сообщение И.Е.Берлизова), а из Бойко-Понура — кельтский шлем (Treister 1993, fig.6). Тогда же попадают в Прикубанье стеклянные литые канфары 1-й хронологической группы по И.П.Засецкой и И.И.Марченко (Засецкая,

Марченко 1989).

Это вступает в противоречие со свидетельством Полибия о Гатале, как об одном из владык Европы (Полибий, XXV, 2), но мы ничего не знаем о размерах и пределах его «державы». Можно предположить, что и европейская часть Сарматии, междуречье Дона и Днепра, тоже входила в состав его царства или, как думает С.В.Полин (Полин 1989), Полибий пользовался уже устаревшими к его времени представлениями ионийских географов, по которым северная граница Азии проходила по Фасис-Каспий-Арал-Сыр-Дарья (последнюю они путали с Танаисом — Доном). Тогда Северный Кавказ оказывался в Европе.

Во-вторых, ход эволюции среднелатенских фибул у малоазийских галатов мог отличаться от европейского, здесь есть ряд специфических форм — среднелатенские, сочетающие восьмерки и спирали с треугольным копьевидным расширением ножки, «неапольские» с многовитковой подвязкой, «посевдораннелатенские» со свободным концом ножки, вероятно, с подвязкой из органического материала (Еременко 1990, с.162-163). Территория самой Галатии археологически совсем не изучена, а находки на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье еще не столь многочисленны, чтобы разработать типологию и продатировать их более точно в пределах II-I вв. до н.э. Поэтому трудно определить, какие конкретно находки можно связать с деятельностью Гатала, а какие с последующими событиями времени Митридата Евпатора и его сына Фарнака. Это задача последующих исследований.

Что же касается находок вещей латенского облика в Неаполе Скифском — меч, «копьевидная» серебряная фибула и др. (Погребова 1971, рис.II, 4; рис.4, 6; 5, 1), то при сложившейся политической ситуации можно думать, что скифы, враги Херсонеса и сарматов, должны бы скорее тянутся к союзу и к контактам с противоположной коалицией — с бастарнами и Македонией.

Мы не знаем, как относились к договору 179 г. до н.э. в Ольвии, но не исключено, что и ольвиеполиты заключили какое-то сепаратное соглашение с Фарнаком, как это сделал Одесс, не упомянутый Полибием, но где найдена надпись, допускающая толкование ее как свидетельства о таком соглашении (Виноградов 1989, с.230). Во всяком случае в Ольвии с 175 г. по 145 г. до н.э. была выпущена серия серебряных монет по родосской системе, которую ставят в связь с попыткой выйти из финансового и экономического кризиса (Виноградов 1989, с.228).

Но далее, где-то в пределах 50-х-20-х годов II в. до н.э., ситуация меняется. Тройственный союз 179 г. до н.э. перестает быть действенным, скифы снова усиливаются, кризис греческих городов обостряется (Виноградов 1989, с.231). Скифы захватывают Калос-Лимен и Киркенетиду, разоряют усадьбы непосредственно под Херсонесом. Весь Северо-Западный Крым оказывается в их руках. В Крым, как предполагают, переселяется часть жителей Поднепровья (Щеглов 1978, с.130-131). Не связано ли это с усилением бастарнов? ЗПО к этому времени окончательно сформировалась и достигает максимума своего распространения, образуется верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры (Еременко 1990, с.137-151). Кстати, и другие культуры латенизированного цикла дают в это время, на фазе b позднего предримского времени, обилие памятников, происходит пшеворизация в Ютландии, появляется могильник Крагхеде, погребения с оружием (Dąbrowska 1988, с.167-175).

В Ольвии к этому времени в результате кризиса сильно уменьшилось население, процесс выселения граждан и иностранцев, отмеченный еще декретом Протогена, дал свои результаты, и ольвиеполиты, не имея возможности оборонять всю территорию города, были вынуждены оставить даже теменос, разбирая алтари и храмы и используя их архитектурные детали для возведения новой стены (Виноградов 1989, с.247-248, 262, там же дальнейшая литература). В это же время Ольвия попадает под протекторат скифского царя Скилура, чеканящего здесь свои монеты. Протекторат скифов не означал полного политического подчинения, скорее был добровольным, хотя и вынужденным ситуацией, политическим союзом. К этому же времени относится деятельность некоего Посидея сына Посидея, ольвиеполита или родосца, устанавливающего в скифской столице статуи греческих богов со своими посвящениями. Этот греческий купец-кондотьер обеспечивал силами имевшихся в его владении кораблей морские связи скифов со Средиземноморьем (Виноградов 1989, с.230-250, там же дальнейшая литература), поскольку стены Херсонеса устояли под дарами скифских таранов.

С чем связано усилие скифов, не получили ли они какой-то новой поддержки со стороны новых сил? Складывается впечатление, что так и могло произойти, а появление новой силы, новой фигуры в политической игре, возможно, находится в какой-то связи с событиями, происходившими на востоке.

А тем временем далеко на востоке Модэ продолжал свою захватническую политику. Он затеял длительную войну на западных пределах своего государства, разбил в 177 г. до н.э. юэджей, подчинил усуней (Бичурин 1950, т.I, с.46-53; Гумилев 1960, с.63-71). По-

литику Модэ продолжали его преемники. Где-то между 174 и 165 гг. до н.э. правитель юэджей был убит и из его черепа сын Модэ Лаошань-шаньюй сделал кубок. Остатки юэджей горными труднопроходимыми тропами через Тянь-Шань ушли на юг в пределы Греко-Бактрийского царства, а их земли заняли усуни (Бичурин 1953, т.II, с.184, 266; Гумилев 1960, с.85-86; Литвинский 1972, с.187-195; Sulimirski 1970, с.113-114; Бабаев 1989, с.133-135). Китайские хроники именуют кочевников, двинувшихся на юг, юэджами, а античные авторы говорят о саках и массагетах. По Страбону «у эллинов отняли Бактриану асии, пасианы, тохары, сакарвалы» (Страбон, XI, VII, 2). Тохары в этом списке представляют наибольший интерес, поскольку их язык, сохранившийся в рукописях на пальмовых листьях в одном из Буддийских монастырей, оказался загадочным образом не иранским и даже не группы «сатем» индоевропейских языков, а группы «кентум», родственным кельтским и другим западноевропейским. Но это уже не наша проблема.

В какой мере эти термины, эти названия племен перекрывают друг друга, полностью или частично, решить трудно. Скорее второе. В движение были вовлечены, вероятно, различные группировки номадов евразийских степей и Средней Азии.

Греко-Бактрийское царство в этот момент как раз раздиралось усобицами. Правитель его Евкратид (175-155 гг. до н.э.) боролся со своими соперниками в Индии, а против него поднялся его сын Гелиокл. Греко-Бактрийское царство стало легкой добычей кочевников и к 135 г. до н.э. распалось на пять княжеств, управляемых потомками завоевателей.

В 129 г. до н.э. Антиох VII Сидет, наследник Селевкидов попытался вернуть часть захваченных парфянами земель и действовал весьма успешно. Тогда царь парфян Фраат II для борьбы с ним нанял контингенты саков, находившихся в Бактрии. Попавший в окружение Антиох, избегая парфянского плена, где уже томился его брат и первый муж его жены Деметрий, бросился с конем в пропасть. Саки же смели с лица земли греческие города, созданные еще Александром. «Это был решающий поворот во всей истории Средиземноморского рабовладельческого мира. Вместе с разгромом армии монархии Селевкидов в 129 г. до н.э. получила сокрушительный удар вся система господства греков в Передней Азии» (Гокщанин 1966, с.248). Северные кочевники таким образом и здесь сыграли определенную роль. Но неудовлетворенные платой, они разгромили и их нанимателя Фраата II. Он сам погиб в битве из-за измены греков Антиоха, включенных в парфянскую армию.

Несколько позже, в 115-110 гг. до н.э., Митридату II Великому удалось заставить вождей саков признать свое верховное господство, но они получили ряд привилегий при парфянском дворе — им принадлежало наследственное право возложения диадемы на голову вновь избранного царя и право верховного командования на войне (Плутарх, Красс, 21; Гокщанин 1960, с.10). Может быть, именно симбиоз с кочевниками и обеспечивал все растущую мощь парфянской державы. При Митридате II (ок.124-88 гг. до н.э.) ее пределы распространились от Месопотамии до Гандхары и, присваивая себе титул «царя царей», он имел для этого некоторые основания.

Порожденная действиями хуннов в Центральной Азии, волна движения номадов, отголоском которой были события в Бактрии и Парфии, покатилась, возможно, и дальше на запад и затухла в причерноморских степях. В конце II в. до н.э. здесь появились новые группировки кочевников — роксоланы на Украине и «мощноконные», аспургиане на Северном Кавказе, а в Крыму действовали некие сатархи, которых обычно связывают с тохарами (Десятчиков, 1973), что сказалось на дальнейшем ходе событий в этом регионе.

В столкновениях с греко-македонскими армиями Александра и его наследников в войсках кочевников выработалась новая тактика конного боя, родился новый род войск — тяжеловооруженная конница катафрактариев, что позже сыграло свою роль, когда столкнулись Парфия и Рим.

Сейчас нет возможности заниматься поисками археологических адекватов отмеченных событий и их археологических отголосков в евразийских степях. Некоторые наблюдения на этот счет сделаны (Мандельштам 1966; Sulimirski 1970; Литвинский 1972), но многочисленные археологические материалы огромной территории от Крыма до Тянь-Шаня и пустыни Гоби пока не сведены в единую систему.

Отмечено, правда, появление прибилизительно во II в. до н.э. новых памятников в районах Южного Казахстана, Средней Азии (Бернштам 1952; Мандельштам 1966; Литвинский 1972; Абетков, Баруздин 1963; Акишев, Кунаев 1963) и в Забайкалье (Давыдова 1971), перемены в Центральном Казахстане (Sulimirski 1970, с.112-114). В Минусинской котловине происходит смена сарагашенского этапа на тесинский, переходный к таштыкской культуре и бийского на березовский у носителей большереченской культуры Верхней Оби (Грязнов 1956; Кызласов 1960; Пшеницына 1975). В степях Приуралья и Поволжья, между Доном, Манычем и вер-

ховьями Тобола тоже происходят изменения: прохоровская культура сменяется сусловской, раннесарматский этап среднесарматским (Граков 1947; Смирнов 1957; с.200), хотя для последнего явления теперь предлагается более поздняя, и на мой взгляд несколько завышенная, дата — рубеж нашей эры (Скрипкин 1990; 1992). С сарматской хронологией, как уже говорилось, еще предстоит разбираться.

Насколько эти явления действительно связаны, могло бы показать специальное исследование, но это лежит за пределами и нашей темы и нашей компетенции.

Если события 129 г. до н.э. «нанесли сокрушительный удар системе греческого господства» и эллинистическая волна в культуре Востока начинает постепенно затухать, то на западной оконечности Азии ситуация сложилась иначе. Цари Понта в политической борьбе сделали ставку на греческие города, на филэллинизм. Дело в том, что правителям Понта, как и всем прочим царькам восточного Средиземноморья, приходилось считаться со значительно более мощной силой — Римом, который захватив Грецию и получив в наследство от царя Аттала в 132 г. до н.э. западную часть Малой Азии, распоряжался в этом район весьма решительно, выступая в роли третейского судьи. Многие малоазийские дела решались в Риме. Не случайно, еще при заключении Фарнаком I договора с Херсонесом, лежащим, казалось бы, тогда вне сферы римского влияния, в текст вносится специальный пункт о дружественной позиции по отношению к Риму (Молев 1976, с.16-17; IPE, 12, N 402, 3-5, 24-27).

Митридат V Эвергет (150-120 гг. до н.э.), отец Митридата Евпатора, со свойственным восточным деспотам цинизмом был одновременно и союзником, и противником римлян. Он принимал участие в третьей Пунической войне и помогал подавить восстание Аристоника. Но в то же время он расширяет свою территорию, присоединив союзные Риму Пафлагонию и Каппадокию, он усиленно подчеркивает свой филэллинизм, жертвуя крупные суммы греческим сьятилищам, набирая войско не из галатов-наемников, а из греков, сделав столицей греческую Синопу (Молев 1976, с.18-19).

Греческие полисы, страдавшие от римской конкуренции в торговле и находящиеся под постоянной угрозой утраты своей независимости, начинают видеть в царях Понта силу, способную спасти их от римского засилья.

Но у Рима длинные руки. В 120 г. до н.э. Митридат Эвергет был убит, и к власти пришли сторонники проримской ориентации во главе с царицей Лаодикой. На жизнь наследника, одиннадцатилетнего Митридата, тоже покушались, то посадив его на необъезженную лошадь, то подсыпая яд. Он был вынужден бежать и скрываться. Семь лет проводит он в изгнании. Покровительство ему оказал Антипатр, царь Малой Армении, страны, лежащей в северо-восточном углу Малой Азии. Митридат стал его наследником. Высказывалось также предположение, основанное на изучении анонимных монет Боспора, что Митридат с 30-х годов II в. еще при жизни отца был послан на воспитание к царю Боспора Перисаду и служил наместником последнего на Азиатском берегу Боспора (Нестеренко 1989). Так или иначе в 113 г. до н.э. он вернулся в Синопу, заключил в тюрьму свою мать Лаодику, казнил своего брата Митридата, женился на своей сестре Лаодике и стал в 20 лет полновластным правителем Понта. На восточных границах Римского государства появился противник, способный и готовый противостоять безудержной агрессии римлян.

2. Митридат, Херсонес и Боспор.

Когда Митридат пришел к власти, судьба благоприятствовала ему. римляне были заняты войной с кимврами, в Италии назревала союзническая война, Сирия и Египет были ослаблены смутами, в Парфии шла борьба за трон, Армения раздроблена, а в соседних малоазийских государствах достаточно сильны антиримские настроения, чтобы их правители рискнули выступить против Понта, ставшего центром филэллинизма, популярного и среди их подданных (Молев 1976, с.21-23).

Потомок персидских Ахеменидов по крови и наследник Александра Македонского по культуре, встал на пути Рима к мировому господству. Подняв знамя филэллинизма, стремясь сохранить и возродить эллинскую культуру, единство эллинов времен Александра и его идею эллинско-варварского симбиоза, Митридат старается очистить от римлян и римского влияния Восточное Средиземноморье. Но сначала нужно укрепить тылы. Митридат решает в подготовке к войне использовать с одной стороны антиримскую настроенность, деньги и корабли греческих полисов, с другой — природные и людские ресурсы варварских земель Причерноморья. Начинает он с успешного завоевания Колхиды. В это же время к нему прибывают послы Херсонеса Таврического, умоляющие о помощи против осаждающих их город скифов царя Скилура и его сына Палака. Отборные силы понтийской армии во главе с полководцем Диофантом в 110 г. до н.э. в Диоскурии грузятся на суда и, покинув кавказский фронт, отправляются в Крым.

«Прибыв в наш город, он отважно совершил со своим войском переправу на ту сторону (в северо-западный Крым); когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим войском, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми... подчинив себе окрестных тавров и основав город на том месте, он отправился в Боспорские местности и, совершив в короткое время много важных дел, снова воротился в наши места и, взяв с собой граждан цветущего возраста, проник в середину Скифии. Когда же скифы сдали ему царские крепости Хабен и Неаполь, вышло то, что почти все сделались подвластными царю Митридату Евпатору», — так описывает эти события почетный декрет в честь Диофанта, установленный херсонеситами (IPE, I2, N 352, 5-13).

Диофант вернулся в Понт, однако весной следующего года Палак возвратил себе свои владения, а осенью перед уборкой урожая осадил и Херсонес, поставив херсонеситов в затруднительное положение: нет хлеба, а помощи из-за бурного осеннего моря ждать трудно.

Осада длилась уже два месяца, когда Диофанту удалось переплыть море. Тогда-то и пришла на помощь Палаку конница кочевников-ревксиналов царя Тасия, зимовавших в болотах Меотиды. Но Диофант «сделал разумную диспозицию, и воспоследовала для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена» (IPE, I2, N 352, 25-27). Пятидесятитысячная лава кочевников оказалась бессильной против шеститысячной закованной в латы и скованной дисциплиной и выучкой диофантовской фаланги.

По идее В.А.Кутайсова, высказанной в личной беседе, событие это произошло на западном побережье Крыма, под стенами Калос-Лимена, крепости, оккупированной скифами и осаждаемой херсонеситами и Диофантом. Последнему удалось заманить подошедших на помощь осажденным кочевников на мыс, вдающийся в Ягорлыцкую бухту, и запереть там своей фалангой. Стиснутые в ограниченном пространстве скифы и ревксиналы в панике скорее передавили в толпе друг друга, чем пострадали от сарисс понтийцев.

Так на европейской политической арене появилась новая сила. Вместо сарматов, обычных противников скифов и союзников Херсонеса, выступили некие ревксиналы, сторонники скифов.

Во время действий в Колхиде и под стенами Херсонеса Митридату приходилось не выпускать из поля зрения еще одну очень важную фигуру в черноморской игре — Боспорское царство. Этот социальный организм был по структуре, вероятно, ближе к Понтийскому царству и эллинистическим государствам Востока, чем к остальным греческим городам-полисам черноморского побережья (Ростовцев 1918, с.108) и представлял собой своеобразный симбиоз элементов греческих, фракийских (правили им цари фракийской династии Спартокидов) и варварских — скифских, меотских, сарматских. Хотя все это и покрыто вуалью эллинской культуры, особенно в городах, но вне городов, на периферии пласт эллинства был тоньше. На Боспоре грань между эллинским полисом и окружающей варварской средой была, вероятно, более стертой, чем в Херсонесе, Ольвии и городах западного побережья. Долгие споры вокруг вопроса о соотношении греческих и различных варварских компонентов в данном случае, как и во всех подобных, вряд ли имеют смысл, поскольку механический подсчет тех или иных компонентов по данным материальной культуры и эпиграфики все равно даст неизбежно в той или иной мере искаженную картину.

Единственное, что можно утверждать с очевидностью — состав населения был в той или иной мере пестрым. Пестрота населения рождала подчас борьбу противоречивых тенденций.

Так было и к моменту высадки десанта Диофанта в северо-западном Крыму. Царем был Перисад V, Спартокид, сторонник «греческой партии», всегда готовой поддержать филэллина Митридата. Но среди боспорской знати были и скифы (Яковенко 1970, с.134-135), потенциальные сторонники Скилура и Палака. Из Пантикапея происходит даже вотивная надпись дочери царя Скилура (Виноградов 1987). Положение осложнялось и тем, что города Боспора охватил общий экономический кризис II в. до н.э. (Молев 1976, с.23), казна была пуста, а в степях появилась ко всему прочему новая сила кочевников. Т.В.Блаватская считает, что именно необходимость выплаты дани сарматам при отсутствии ресурсов и заставила Перисада пойти на передачу власти над Боспором Митридату (Блаватская 1959, с.142). В складывавшейся ситуации такое решение могло было бы быть выходом, более всего устраивавшем «греческую партию», но ей противодействовала партия «скифская», вождем которой мог быть Савмак, скиф и воспитанник Перисада. Чаша политических весов Боспора могла качнуться в любую сторону.

Не случайно, еще не окончив первый поход, Диофант отправился на Боспор, очевидно, чтобы заручиться его нейтралитетом. По окончании второго похода Диофант опять едет в столицу Боспорского царства Пантикапей и «устраивает тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора» (IPE, I2, N 352, 30-31). Очевидно, с

Перисадом удалось договориться о подчинении Понту

Но в ответ вспыхнуло восстание Савмака. О характере этого восстания, о личности Савмака, его социальном статусе ведется длительная дискуссия (Гайдукевич 1968; Молев 1974). Так или иначе, Перисад был убит, а самому Диофанту едва удалось бежать на торговом херсонесском судне. Савмак стал царем Боспора, а Диофант в Херсонесе собрал свои силы и херсонесское ополчение и весной следующего 107 г. до н.э. начал наступление, захватив прежде всего Феодосию и отрезав Керченский полуостров от степного Крыма. Пантикапей после ожесточенного сопротивления был взят, Савмак отправлен в Синопу на суд Митридата. Таким образом Крым вошел в состав Понтийской державы.

Один за другим города-полисы западного побережья обращаются к Митридату за помощью, и он охотно расставляет всюду свои гарнизоны. Отряд арменийцев, жителей Малой Армении, был поставлен и в Ольвии. Сохранился декрет в честь некоего сына Филокрета, амисенского кибернета, переплывшего бурное море и доставившего в город помощь арменийцам, а также перевезшего из Синопы возвратившихся ольвийских послов.

Надгробие командира армянских лучников Айхемона сына Зарея с изображением щита «тюреос» было обнаружено и в Херсонесе. Они же, вероятно, и были переведены в Ольвию, составив ее гарнизон (Виноградов 1989, с.252-255).

Во всех городах Причерноморья проводится унификация монет по понтийскому образцу (Карышковский 1962; Карышковский 1965; Молев 1976), торговля оживляется. Понт Эвксинский становится внутренним морем царства Понт. Но это только половина задуманного Митридатом в подготовке войны с Римом.

Нужно было добиться поддержки причерноморских варваров. Осуществить эту программу было поручено стратегу Неоптолему, заменившему Диофанта. В его задачи входило продемонстрировать варварам силу понтийских войск, а затем склонить их к союзу, что Неоптолем успешно осуществил сначала в азиатской части Боспора, а затем на западе, в районе Ольвии. К тому времени были присоединены к Понту в 101 г. до н.э. Галатия и Пафлагония (Бикерман 1976, с.273). Галаты тоже оказались вовлеченными в орбиту понтийской политики, что и объясняет ряд латенских и малоазийских находок в Причерноморье (Еременко 1990, с.158-168).

Для латенских не исключен и другой источник. К союзу с Митридатом присоединились среди прочих бастарны и скордиски, послы были направлены и к кимврам (Страбон, VII, 3, 18; Юстин, Эпитома Помпея Трога, XXXVIII, 3, 7; 5, 6-7).

Пока Неоптолем занимался причерноморскими делами, разразилась развернувшаяся на территории Греции война с Римом, ставшая неизбежной после того, как в 88 г. до н.э. Митридат устроил резню, издав указ о поголовном истреблении всех римлян и италиков в его царстве. Первый греческий тур ее Митридат проиграл Сулле в 89-85 гг. до н.э. Ко второму туру Митридат готовился тщательно. Перевооружил армию по римскому образцу. Обучали ее инструкторы, присланные Серторием, римским офицером, поднявшим в Испании восстание против центрального правительства. Были привлечены контингенты бастарнов и сарматов.

Не исключено, что именно эти взаимоотношения Понта и варваров отражают находки шлемов типа Монтефортино (рис.57:14). В Северном Причерноморье сейчас набралось около 15 находок таких шлемов, последний был найден в 1993 г. в Одесской области и еще не опубликован, остальные собраны в серии работ (Raev 1986; Симоненко 1987; Раев 1988; Бруяко, Россохацкий 1993; Raev, Simonenko, Trejster 1994). Большая часть шлемов происходит из сарматских комплексов. При этом возникает определенное противоречие. Хорошо представлены шлемы Монтефортино А и В, относящиеся к IV — III вв. до н.э. и не позднее первой половины III в. А найдены они в сарматских погребениях II-I вв. до н.э. Такая асинхронность вызывает удивление и требует объяснения.

Авторы упомянутых работ предполагают, что шлемы могли попасть к сарматам в качестве добычи или во время кампании Митридата Евпатора против галатов, когда на его стороне сражались и сарматские контингенты (Аппиан, Митр. 18-21, 112), или во время войн Диофанта в Крыму (Трейстер 1992, с.41), но, поскольку считается, что шлемы этого типа производились в Этрурии, то более вероятно третье — они были захвачены сарматами армии Митридата у солдат-римлян, стоявших в провинции Малая Азия со 133 г. до н.э. и воевавших с Митридатом в 80-70 годах I в. до н.э. (Trejster 1993, с.791).

Было предложено и еще одно объяснение (Shchukin 1989, с.239). Накануне второго тура Римско-Понтийских войн Митридат, как известно, перевооружал свою армию по римскому образцу с помощью инструкторов Сертория. Как это обычно делается в таких случаях, он, перевооружая свою армию, мог использовать морально устаревшее оружие своих арсеналов для снабжения союзников.

Второй тур войны начался в 74 г. до н.э. Яблоком раздора оказалась Вифиния. Царь

Никомед, умирая, завещал свое царство Риму, но Митридат ввел туда войска раньше. Тогда в действиях Митридата и приняли участие сарматы и бастарны. Первые отличились в сражениях на границах Понта и Вифинии, вторые сражались в битве у Халкедона.

Но изменилась к этому моменту позиция греческих городов Западного причерноморья. Они уже не хотят поддерживать Митридата, стремятся сохранять нейтралитет и ищут союзников на стороне. В том же 74 г. до н.э. жители города Дионисополиса послали своего гражданина Акорниона в Арагидаву к царю даков. Полагают, что это был Буребиста (Crişan 1978, с.38-55). Но Буребиста тогда был занят делами устройства своего царства, борьбой с правителями, препятствующими централизации власти. Именно в 80-70-х годах I в. до н.э. зарыто большинство кладов монет, найденных в Дакии (Horedt 1973, табл.II). Поэтому он не смог помочь грекам и в 72 г. до н.э. Лукулл поставил в полисах Западного Причерноморья римские гарнизоны.

Чем дороже обходилась война жителям греческих городов, чем больше возрастал «налог кровью» для варваров, поставлявших воинов, тем меньше находил Митридат поддержки в их среде; чем меньше сопутствовала ему удача, тем чаще сталкивался он с предательством со стороны своих соотечественников и даже родственников. Когда в 70 г. до н.э. Лукулл запер в Синопе войска Митридата, а сам царь отсиживался у своего зятя Тиграна в Армении, его сын Мохар, назначенный правителем Боспора, весь транспорт продовольствия и оружия, предназначенный Синопе, направил Лукуллу, послал ему золотой венок и пожелал стать «другом римского народа». Второй малоазийский тур войны 74-69 гг. до н.э. Митридат опять проиграл.

Во время третьего, кавказско-боспорского тура 66-63 гг. до н.э. против Гнея Помпея, Митридат после ряда неудач сам прибыл на Боспор, последний его оплот. Мохару пришлось покончить с собой. Но в это время восстание подняла Фанагория. Семейство Митридата было осаждено на акрополе, который фанагорийцы обложили дровами и подожгли. Сыновья Митридата Артаферн, Дарий, Ксеркс, Оксафр и дочь Евпатра сдались в плен. Им предстояло идти за колесницей триумфатора Помпея. Другая дочь, Клеопатра, решилась сопротивляться. Царю удалось спасти ее, послав к Фанагории корабли своего флота, но не подавить восстание. Пламя его перекинулось дальше, и вот уже сам Митридат осажден на акрополе Пантикапея своим собственным сыном Фарнаком. Здесь, в современной Керчи, на горе, носящей и поныне его имя, и закончил в 63 г. до н.э. великий царь свою жизнь, не сумев осуществить грандиозных планов сплочения варваров Причерноморья и удара их силами через Дунай на Италию. Так скончался самый непримиримый и упорный враг Рима, царь Понта, потомок Ахеменидов, поклонник эллинской культуры и Александра Македонского, убитый рукой его телохранителя-галата, потому что яд не подействовал на закаленный противоядиями организм, а поднять меч уже не было сил.

Собранная по частям лоскутная держава Митридата Евпатора оказалась слабой — слишком разные цели и интересы имели составные части этого конгломерата. Рим, даже расшатанный Союзнической войной и анархией, борьбой Мария и Суллы, восстанием гладиаторов Спартака и другими неурядицами, был сильнее.

Тело Митридата Фарнак направил Помпею, надеясь получить власть над всем Понтийским царством. Трон отца за труп отца. Однако этого не случилось; более того — он лишился и Фанагории. В награду за восстание Помпей предоставил городу независимость. Фарнаку осталось лишь довольствоваться Боспором и внимательно следить за событиями, за войной Рима с Парфией, за началом гражданских войн.

3. «Ревксиналы»-роксоланы.

Как мы видели раньше, на протяжении III-II вв. до н.э. и сарматы царицы Амаги, и сарматы царя Гатала постоянно выступали как союзники Херсонеса в борьбе против скифов. И вдруг, в 109 г. до н.э. ситуация резко изменилась. В среде кочевников сторонников Херсонеса не оказалось. Некие же «ревксиналы», зимовавшие около Меотиды, сражались на стороне скифов и были разбиты Диофантом.

Как заметил Д.А.Мачинский, ревксиналы, упомянутые в декрете Диофанта, были никто иные, как роксоланы других источников (Страбон, VII, 3, 17), народ, в степях Причерноморья новый, и звучание их имени еще не было хорошо знакомо жителям Херсонеса (Мачинский 1974, с.125-127).

Возможно, что роксоланы были выходцами из закаспийских степей и не были, собственно говоря, сарматами (Мачинский 1974, с.126-127), и их участие в эпизоде с Диофантом лишь конец цепи упоминавшихся выше бурных событий II в. до н.э., начало которой лежит в степях Внутренней Монголии. Они — представители восточной, массагето-роксоланско-аорско-аланской ветви ирано-язычных кочевников евразийских степей, сдвинутой со своих мест передвижениями юэджэй, усуней, саков, массагетов, их

участием в разгроме Греко-Бактрийского царства. Недавно с разительной критикой Д.А.Мачинского выступил А.В.Симоненко(1991), обиженный тем, что роксолан лишают их сарматского звания. Думаю, это результат недоразумения. Д.А.Мачинский отнюдь не отрицает, что термин сарматы, как обобщающий, наряду с термином савроматы, применяется древними авторами, главным образом поздними, по отношению к различным группировкам кочевников вместе, в том числе и к роксоланам. Античные авторы ощущали, что имеют дело с неким общим кочевническим миром.

Но, со свойственной ему интуицией, Д.А.Мачинский подметил, и совершенно справедливо, что в употреблении терминов есть и различия. Древние, хотя и смутно, но знали, что собственно савроматы, собственно сарматы и роксоланы — это не совсем одно и то же население. Те сарматы, которые появились на рубеже IV-III вв. до н.э., теснее связаны с исседонами, а роксоланы, аорсы и аланы, появившиеся позже, — с более южной массагетской средой. Не смотря на смутность сведений, сопоставления Д.А.Мачинского и сегодня выглядят достаточно убедительно. В реконструкциях Д.А.Мачинского можно сомневаться, но на основе данных письменных источников их трудно и опровергуть.

То же факт, что известия древних авторов не находят прямого археологического соответствия, говорит скорее о несовершенстве нашей методики, чем о неправомерности представлений древних. Мы пока не научились по сугубо археологическим признакам отличать захоронения собственно савроматов от сарматов, роксолан от аорсов, последних от сираков и алан. Для подвижной кочевнической среды это действительно трудно сделать. Кое-какие наблюдения и предположения возможны, но вряд ли они могут быть однозначными. Критика А.В.Симоненко выглядит скорее критикой ради критики, чем новой попыткой реально разобраться в реальной ситуации, которая еще осложняется и тем, что древние авторы обычно кроме основных группировок, часто повторяющихся у разных авторов, называют и единичные другие, вроде ургов или асиев Страбона, которые тоже были, очевидно, определенной реальностью того или иного момента, хотя и существовали сравнительно короткое время, а точнее зафиксированы лишь единожды.

Возможно, частицей этого восточного потока были и «мощноконные» аспургиане (Сокольский 1976, с.89), племя или дружина, проникшие к самым границам Боспорского царства и занявшие на восточном берегу земли в 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией (Страбон, XI, II, 2). Надгробные надписи свидетельствуют, что много боспоритов погибло в это время от копий и мечей варваров (КБН, 119, 120, 121), но на так точно очерченной территории до сих пор не выявлено памятников, которые могли бы принадлежать этому сарматскому племени (Масленников 1990, с.81). Не исключено, что именно для этих «мощноконных» варваров (именно так переводится с иранского их название) местные греческие мастера изготовили по сибирским или переднеазиатским образцам многовитковые спиральные гривны Буеровой могилы и Ахтанизовского кургана и погребения в Элитном (Анфимов 1986). С аспургианами связывал Н.И.Сокольский погребение у ст.Курчанской (Сокольский 1976, с.48). Но все эти захоронения относятся к районам, заселенным скорее дандариями, которые несмотря на их иранское название появились на Кавказе гораздо раньше (Масленников 1990, с.81). Загадка аспургиан таким образом пока не разгадана.

Но так или иначе, именно с этой волной движения кочевников и появились в Причерноморье серебряные позолоченные бляхи-фалары, несущие элементы искусства Бактрии и Индо-Скифии, тех «княжеств», которые были созданы кочевниками на месте Греко-Бактрийского царства. Имеются в виду находки из Янчокрака (57,II:4) и Булаховки — в Поднепровье; погребения у хутора Клеменьковского, у деревни Антипово и у Балаклии, Старобельский и Таганрогский клады — на Дону и Северском Донце; находки у станиц Ахтанизовской, Воздвиженской, Успенской и в «Северском кургане» — на Кавказе и на Тамани (Смирнов 1984, с.72-114, там же дальнейшая литература). Новые находки появились недавно на Северном Кавказе (Анфимов 1986, рис.2, 1-4) и в Молдавии (сообщение В.С.Бейлекчи)(рис.51).

На фаларах — мифологические сцены, какие-то персонажи, фантастические и реальные животные, иногда растительные орнаменты — пальметы, листья аканфа и лотоса. Параллели им — в находках из Западной Сибири и Поволжья. С другой стороны — в фаларах из Фракии и Дакии, из Галиче(рис.52), Шерца-Суркеа, Хэрэстрэу (Fettich 1953). Два диска со звериными изображениями близкого стиля, хранятся в Национальной библиотеке в Париже, один из них с греческой надписью, упоминающей Митридата Евпатора (Klindt-Jensen 1961, рис.24, 53; Megaw 1970, с.135). Стилистически сходные вещи найдены и в северо-западной Европе — донышко котла из Гундеструпа в Дании (рис.54) и диск из Хельдена в Голландии, целый клад фаларов, в том числе и с реалистическим изображением слона, на острове Сарк в Ламанше (рис.53) вместе с кельтски-

ми монетами и римской республиканской 89 г. до н.э. (Allen 1971). В них исследователи видят восточные влияния (Megaw 1970, с.134-135, рис.214, 215). Но некоторые общие декоративные элементы можно увидеть и далеко на востоке — на пластинах из Ноин-Улы в Монголии (Артамонов 1973, рис.160) и даже на более ранних деревянных бляхах из Туэкты и Пазырыка на Алтае (Руденко 1953, с.124-125, рис.75; Руденко 1960, с.183, табл.XLII, 8). К названной группе изделий близко примыкает серебряная пластинка с изображением парфянского царя Готарза I (около 90-80 гг. до н.э.), найденная в Тюменской области (Кинжалов 1954). На монетах Готарза I, на основании сходства с которыми идентифицируется и портрет на пластинке, царь изображен с многовитковой гривной на шее. Такие гривны и на персонажах из Янчокрака, Галиче и Шерца-Суркеа, сходны также их одежды и прически. Многовитковые спиральные гривны есть в составе «сибирской коллекции» (Артамонов 1973, с.168-188), найдены они в Буеровой могиле и в Ахтанизовском кургане на Тамани (Артамонов 1973, с.178-179, рис.230).

Трасса проникновения изделий этого стиля фиксируется фаларом с изображением боевого слона из Сибирской коллекции Петра I (рис.56), собранной в основном на территории между Иртышом и Обью (Тревер 1940, с.46, табл.1, 2), бляхами из Няксимволя в Западной Сибири (Мошинская 1965), фалярами со свернувшимся драконом из Новоузенска (Спицын 1909, рис.79; Тревер 1940, с.48-50, табл.3-5) и идентичные им из погребения у деревни Сидоровки под Омском (Древние... 1988). Для Новоузенских свернувшихся драконов К.В.Тревер находила аналогии в Китае (Тревер 1940, с.50), что подтверждается и находкой бронзового зеркала с таким же драконом в Синьцзяне (Государство... 1992. Кат.N 324, с.124). На этой же трассе, или ее ответвлении, находятся и фалары с изображением всадника из кургана в урочище «Кривая Лука» в дельте Волги (Дворниченко, Федоров—Давыдов 1981, рис.1) (Федоров-Давыдов 1983, рис.1). (Рис.55)

Тимоти Тэйлор (Taylor 1992), занимаясь спорной проблемой происхождения котла из Гундеструпа, указал недавно еще раз некоторые восточные элементы изображений и высказал идею, что в изготовлении подобных вещей в Западной Европе могли принимать участие некие группы мастеров, подобные цыганам недавнего прошлого, выходцы из Индии, мастера кузнечного и ювелирного дела, гадатели и предсказатели, плясуны и певцы. Возможно он где-то прав, такие группы действительно могли существовать, но их передвижения определялись и облегчались скорее всего той цепью политических событий, о которой у нас уже шла речь выше, а что касается Западной Европы, то будет рассмотрена несколько ниже.

Появление и распространение изделий достаточно единого «Греко-Бактрийского» стиля от Индии до Монголии, степей Причерноморья, Фракии и Ламанша, все это — своеобразные рефлексы в кочевническом мире сложной эпохи от падения Греко-Бактрии до Митридата Евпатора и несколько позже, до времени Помпея, Цезаря и дакийского царя Буребисты. Участие кочевников евразийских степей в событиях в Бактрии и в Парфии, в войнах Фарнака I, в столкновении с Диофантом и возможное включение позже сарматских группировок в коалицию, созданную в Причерноморье Митридатом Евпатором, как бы «подтянуло» подвижный кочевой мир к югу, в сферу воздействия эллинистической культуры. Кочевническая аристократия — а именно в это время создавался такой аристократический род войск, как катафрактерии (Хазанов 1971) — оказалась способной воспринять достаточно сложный мир образов и символов восточно-эллинистической идеологии, эллинистического искусства. Но в целом эта интереснейшая группа находок II-I вв. до н.э. еще ждет своего исследователя.

Непосредственно с ревксиналами царя Тасия по их положению вблизи Меотиды и времени захоронения могут быть связаны погребение у с.Васильевка (Смирнов 1984, с.93-94; Михлин 1975), впускное погребение 5 и 8 в кургане 2 и 3 могильника Аккермань I на р.Молочной (Смирнов 1984, рис.43), погребение у хутора Шевченко (Смирнов 1984, рис.44, II) и некоторые другие, но сколько-нибудь четких признаков, позволяющих определить племенную принадлежность умерших пока выделить не удается (рис.57).

Одно время считалось, что роксоланам принадлежат могилы с диагональным размещением умершего (Смирнов 1989). Но при более подробном изучении выяснилось, что связать этот обряд только с роксоланами невозможно. Он распространен в сарматском мире широко и вряд ли отражает племенную принадлежность умерших (Засецкая 1974). Вряд ли будут иметь успех и попытки приписать этот обряд представителям какого-либо другого объединения — аорсам или аланам (Скрипкин 1989).

Сейчас накопилось уже достаточно большое количество сарматских памятников III-I вв. до н.э. для междуречья Днепра и Дона, они обобщены В.И.Костенко (Костенко 1981, 1983), для низовьев Дона — В.Е.Максименко (Максименко 1983), для Прикубанья — И.И.Марченко (Марченко 1988). Это избавляет нас от необходимости специального

анализа и позволяет ограничиться лишь некоторыми замечаниями самого общего или наоборот сугубо частного характера.

Невозможность достаточно четко отграничить сарматов роксолано-аорской волны от их предшественников зависит от недостаточной разработанности сарматской хронологии.

Сарматологам начинает мешать все более устаревающая хронологическая схема Гракова-Рау с раннесарматским, среднесарматским и позднесарматским периодами (Симоненко 1989) (рис.25). В.И.Костенко, например, удалось, сведя в корреляционные таблицы только находки междуречья Дона и Днепра, выделить 9 хронологических групп, но отказаться от трехчленности он не решился и в интерпретационной части работы продолжал пользоваться прежней схемой. К сожалению, корреляционные таблицы В.И.Костенко остались неопубликованными, появилась на свет лишь выводная часть работы (Костенко 1983) и трудно судить о поведении различных вещей в его корреляциях, о степени четкости выделения групп и обоснованности абсолютных дат.

Для памятников Нижнего Подонья аналогичной работы проделано не было, хронологические выкладки доводятся лишь до ближайшей аналогии без проверки обоснований ее датировки, что приводит к некоторым просчетам. Так курган 3 или «Крестовый» у хутора Алитуб датирован II в. до н.э. по античному глиняному бальзамарию и бронзовой сковородке типа Айлесфорд (Максименко 1983, с.47). Но сковородки эти не II в. до н.э., а, судя по последним разработкам И.Вернера, бытовали на протяжении I в. до н.э., без самого его начала и самого конца, между 90 и 10 гг. до н.э., и преимущественно в первой половине указанного срока (Werner 1978). Так что комплекс этот скорее всего времени пребывания в Причерноморье Митридата, что и отметил уже Б.А.Раев (Raev 1986, с.16-17, 40-41).

Наиболее же основательно разработанная хронология сарматских памятников Северного Кавказа сделана недавно И.И.Марченко (Марченко 1988) и Н.Е.Берлизовым (Берлизов 1990), но их выводы не во всем совпали. Назрела необходимость свести все данные воедино, составить корреляционные таблицы и для других регионов сарматского мира и создать полную единую систему относительной хронологии для сарматского мира, проверить степень обоснованности абсолютных дат, после чего можно будет выйти и на исторический уровень интерпретации полученных данных. Создание такой схемы сейчас не входит, однако, в наши задачи.

И еще два небольших замечания. Первое касается уже неоднократно привлекавших внимание исследователей шлемов типа Монтефортино (Симоненко 1987; Раев 1988; Raev 1986), появление которых в Северном Причерноморье очевидно связано с деятельностью Митридата Евпатора (Shchukin 1989, p.239). Второе — обращает на себя внимание почти полное отсутствие сарматских памятников рассматриваемого времени к западу от Днепра (Щукин 1989а; Щукин 1989б). Цепочки позднескифских городищ в низовьях Днепра и зарубинецких с Среднем Поднепровье, вероятно, препятствовали проникновению сарматов далее на запад.

Суть ситуации, впрочем, заключалась, вероятно, не столько в мощности этих укреплений, сколько в том, что сарматы роксолано-аорской волны и не претендовали еще на Правобережье. О дружественных отношениях со скифами свидетельствует совместное выступление против Диофанта, а о возможности союза с носителями зарубинецкой культуры тоже есть некоторые данные, о которых будет сказано ниже.

4. Проблема кимвров и тевтонов.

Когда Митридат только начинал свою антиримскую карьеру, римляне не смогли ему помешать. Над Италией нависла угроза, на северных границах появились полчища неведомых ранее варваров.

«Что касается кимвров, то одни рассказы о них неточны, а другие совершенно невероятны. Ведь нельзя считать причиной превращения их в кочевников и разбойников то обстоятельство, что они были изгнаны из своих жилищ сильным наводнением, когда жили на полуострове... они еще и теперь владеют той страной, которую занимали и раньше...

...бойи жили прежде в Геркинскому лесу, а кимвры проникли в эту область, но они были отброшены бойями и спустились к Истру в страну галатов-скордисков, затем в область тевристов и таврисков (тоже галатов) и, наконец, в страну гельветов — племени, богатого золотом, но мирного. Когда гельветы увидели, что богатство, приобретенное кимврами разбоем, превосходит их собственное, то они (особенно их племена тигиренов и тонгенов) пришли в такое возбуждение, что поднялись вместе с кимврами» (Страбон, VII, 2, 1-2).

«Сначала вести о количестве и силе наступающих войск вызывали недоверие, но впоследствии они оказались преуменьшенными сравнительно с действительностью. На самом деле двигались триста тысяч вооруженных воинов и, по рассказам, толпы детей и женщин шли вместе с ними в еще большем числе — они нуждались в землях, чтобы было где прокормить такое множество... о них

было неизвестно, что это за люди или откуда они надвинулись и, как туча, напали на Галлию и Италию. По большей части предполагали, что это — германские племена, расселившиеся вплоть до Северного океана: у них высокий рост и голубой цвет глаз...» (Плутарх, Гай Марий, XI).

Первое столкновение с римлянами произошло в 113 г. до н.э. в восточных Альпах около Нореи. «Многолюдная группа тевтонов вторглась в земли нориков ради грабежа. Римский консул Папирий Карбон, опасаясь, что они вторгнутся в Италию, подстерегал их в том месте Альп, где перевал особенно тесен... При приближении Карбона тевтоны послали ему сообщить, что они готовы их (нориков) в дальнейшем не трогать... Он похвалил послов и дал им проводников, а проводникам тайно приказал вести их окольным путем. Сам же пошел более короткой дорогой и неожиданно напал на тевтонов, когда они еще стояли на отдыхе. Он поплатился за вероломство большими потерями... Римляне вразброд разбежались по лесам и с трудом собрались вместе на третий день. А тевтоны ушли в Галлию» (Аппиан, Кельтика, 13).

В войне с кимврами и тевтонами счастье было на стороне римлян. После победы при Норее варварам был открыт путь в Италию, но они двинулись дальше на запад, в Галлию. Пока они действовали в Галлии и Испании, Гай Марий успел разгромить в Африке в 109 г. нумидийского царя Югурту, был избран в 107 г. консулом и начал реорганизацию римской армии. Народное ополчение землевладельцев должно было быть заменено армией добровольцев-профессионалов из числа пролетариев, готовых пойти куда угодно за своими полководцами, лишь бы они обеспечивали деньги, добычу, земли ветеранам. Роль армии и ее императоров (тогда это был еще только почетный титул военноначальника) с этого момента начала все более возрастать, пока не стала решающей. Таким образом важное изменение в структуре римской республики, приведшее к созданию нового политического строя принципата, было в какой-то мере стимулировано нападением северных варваров.

Реорганизация армии еще не была закончена и Югуртинская война все еще продолжалась, когда в 105 г. кимвры и тевтоны опять нанесли римлянам поражение при Араузоне. Открывался путь в Италию и Рим оказывался беззащитным. Но кимвры обратились против белгов, «единственных из всех галлов, кто выдержал их вторжение» (Страбон, IV, 4, 3). Марию удалось завершить войну в Африке и обновление армии. Справились римляне и с восстанием рабов в Сицилии. В 102 г. вновь созданная и обученная армия выступила в Наробонскую Галлию. Тевтоны и кимвры разделили свои силы — первые вместе с амбронами двинулись навстречу Марию, а вторые, преодолев горные переходы в Альпах — прямо в Италию. «Эти последние были охвачены такой смелостью и презрением к своим врагам, что больше старались выказать свою отвагу и силу, чем сделать что-нибудь нужное. Так например, они нагими терпели падающий снег или взбирались на вершины гор по глубокому снегу и льду, а оттуда, подложив под себя широкие щиты, стремительно неслись по скользкой крутизне, имеющей головокружительные гладкие склоны» (Плутарх, Гай Марий, 23). Заградительные отряды консула Катулла были сметены. Но кимвры не двинулись дальше, дожидаясь подхода тевтонов. Дождаться их им не пришлось. Тевтоны своей кровью удобрили земли около Массалии (Плутарх, Гай Марий, 22). Марий, тонко рассчитав психологию варваров, их возбудимость и необузданность, отсутствие терпения и дисциплины, наголову разбил их при Аквах Секстиевых. Затем в 101 г. до н.э. появился в Италии. Поражение, которое он нанес кимврам у Верцелл, было не менее решительным. «...было взято в плен больше 60 тысяч. Говорили, что пало их вдвое больше. Имущество разграбили воины Мария» (Плутарх, Гай Марий, 27).

Длительный многолетний марш многолюдных толп варваров, вдоль и поперек пересекавших Европу — от Ютландии, полуострова Кимвров (Плиний, IV, 96) вдоль Одера или Эльбы на средний Дунай, к скордискам, потоль вдоль Альп в Галлию до Пиренеев, до Тулузы (Дион Кассий, XXVII, 9), затем на север до Марны, мест обитания белгов, затем опять на юг, в Италию (рис.64-I) — должен был, казалось бы, потрясти варварскую Европу, вызвать перепады культуры. И было вполне естественным, что в сознании археологов один из самых заметных культурных перепадов — начало ППВ, начало латенизации, а также рубеж ЛТ-С и ЛТ-D связывался именно с этими событиями. На этом в конечном счете строилась и абсолютная хронология ППВ у Р.Хахманна. Но ситуация, как мы уже знаем, изменилась. начало ППВ, начало процесса латенизации, сдвинулось почти на сто лет, к тому времени, когда источники никаких особенно серьезных потрясений в варварском мире не отмечают. Археологически движение кимвров и тевтонов теперь никак не фиксируется в третьем мире, хотя в собственно латенской культуре в узком значении термина, переход от Латена С2 к D1 совершается действительно во время нашествия кимвров и тевтонов, что подтверждается и независимой дендрохронологической датировкой поселения Тилле — 120-116 гг. до н.э.

Однако, почему нет решительных изменений в «Третьем мире»?

Это невольно рождает беспокойство: правы ли мы в своих хронологических расчетах, все ли благополучно в нашей методике? Есть ли этому парадоксу приемлемое объяснение?

Исследователи уже обратили внимание, что кимвры и тевтоны по описаниям в источниках, выступают в сильно кельтизированном облике (Vries 1951). Они постоянно действуют совместно с теми или иными кельтскими племенами, их вожди носят кельтские имена — Бойорикс, Лугиус, Кезирикс. У них кельтское вооружение — шлемы с изображениями зверей, длинные тяжелые мечи, большие щиты. Именно кельтские щиты с ребром посередине и сравнительно плоским умбоном могли служить кимврам санями при спуске с заснеженных Альп. Серторий, воевавший тогда еще под началом Мария, направляясь на разведку во вражеский стан, одевался по-кельтски и учил кельтский язык (Плутарх, Серторий, III). Остается предположить, что в рейдах кимвров и тевтонов принимали участие не столько непосредственно вышедшие из Ютландии носители ясторфской культуры, сколько германцы из южных областей, скажем, из группы Боденбах-Подмоклы, а это как раз в то время, когда происходит трансформация ее в группу Кобыли (Venclova 1973). А чтобы набралось 300 тысяч только воинов, в движение очевидно должно было бы втянуться практически все население латенизированных культур. В таком случае движение кельтизированного населения в кельтской среде уловить значительно труднее. Тем более что внимание исследователей было сковано безуспешным поиском ясторфских элементов. Отдельные захоронения, которые кимвры и тевтоны могли оставить на своем пути, очевидно, мало отличаются от кельтских и остались не замеченными. Те же перемены, которые произошли в кельтском мире на рубеже ступеней ЛТ-С2 и ЛТ-D1, вполне могут быть следствием вторжения кимвров и тевтонов.

Если бы окончательной целью германцев был захват земель в Италии, то их маневры трудно объяснимы и нелогичны. Скорее их целью было завоевание Кельтики и их передвижения диктовались той политической ситуацией, той расстановкой сил в кельтской Европе, о которой античные авторы не были осведомлены.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в ЛТ-D в кельтском мире широко распространяется обычай погребений археологически неуловимых (Godłowski 1977, с.65) и в этой связи любопытен один из пассажей Плиния Старшего, на которого обратил наше внимание Д.А. Мачинский: «В древности самым явным признаком победы считалась передача побежденными зеленого стебля. Она обозначала отказ от обладания землею, от пользования производящей и питающей силой почвы, даже от погребения в земле; этот обычай, как я знаю, до сих пор сохранился у германцев» (Плиний, XXII, 8,1). Не может ли это обозначать, что кельтские племена, перешедшие к обряду «безземельных» погребений, оказались в какой-то форме зависимости от германцев? Отражением этой ситуации могут быть и усиливающиеся на средней фазе ППВ южные воздействия. Именно в это время «латенский импульс» набирает полную силу. Возможность участия выходцев из северной Европы в кельто-кимврских войнах (а столкновения с римлянами были, вероятно, лишь отголосками этих событий) фиксируется за счет «обратной связи». Воинами, вернувшимися из походов, были, возможно, привезены на родину, в Данию, и принесены здесь в жертву германским богам, брошены в болото — богато украшенные бронзой колесницы с кельтскими усатыми личинами из Дейбьерга (Klindt-Jensen 1961; Megaw 1970, с.129), бронзовые котлы из Рынкеби и Бро (Megaw 1970, с.109, 138) и, наконец, знаменитый серебряный котел из Гундеструпа, изделие какого-то восточнокельтского или кельто-фракийского мастера со Среднего Дуная (Klindt-Jensen 1961; Megaw 1970, с.131-132). Беннер Ларсен (Larsen 1991) заметил по следам чеканов, исследованных под микроскопом, что по крайней мере пять мастеров работали над созданием котла. Не исключено, что артель была интернациональной, включавшей и выходца с востока, одного из тех «цыган», о которых говорил Тимоти Тейлор (Taylor 1992). Тогда становятся объяснимыми и некоторые восточные «Греко-Бактрийские» или сарматские элементы — «митраитский» бык на донышке, изображения слонов на одной из боковых пластин(рис.54). Хотя, приглядевшись к маленькой фигурке «Митры», пытающегося в неком акробатическом прыжке заколоть огромного быка мечом, можно заметить, что это женщина. Слоны очень отдаленно напоминают реальных животных. «Цыган» явно не встречался с ними, только слышал что-то.

О контактах такого рода может свидетельствовать и один из фаларов Янчокракского клада на Днепре, где изображен щит с характерным кельтским умбоном ступени С1 или С2 (Гущина 1969, рис.1:2). (Рис.58) Такие же умбоны использовались и носителями пшеворской культуры на ранней фазе ее развития (Dąbrowska 1988, табл.1:2).

О священных котлах кимвров, над ко-

торыми жрицы убивали приносимых в жертву пленных и гадали, сообщает Страбон (Страбон, VII, 3, 1). Сходные обычаи были известны и у кельтов. Тот же процесс «обратных связей» отражают и южные пшеворские и кельтские элементы могильника Крагхеде в Ютландии (Еременко, Щукин 1992).

Но как же быть со свидетельствами древних авторов о Ютландии, полуострове Кимвров, где они жили и позже, как об исходном пункте их экспансии? В археологических материалах не заметно следов передвижений на рубеже II-I вв. до н.э. ни вдоль Эльбы, ни вдоль Одера. Перемены, происходящие в культурах ППВ на рубеже фаз «b» и «c», которые могли бы синхронизироваться с движением кимвров и тевтонов, не столь значительны, чтобы отражать такое массовое переселение. Самые существенные перемены фиксируются в этих районах раньше, на рубеже III-II вв. до н.э. Тогда же отмечается и продвижение ястрорфских элементов к югу и к востоку. Об этом уже шла речь в разделах о пшеворской и зарубинецкой культурах.

Остается предположить, что исход кимвров из Ютландии состоялся не накануне их столкновения с римлянами, а значительно раньше, в III в. до н.э. Память об этом сохранилась в устной традиции германцев и с их слов была зафиксирована античными авторами в I в. до н.э. Ситуация, аналогичная с известиями о произошедшеих позже переселениях готов. Тогда становятся в какой-то мере понятными и смутные свидетельства древних авторов о походах кимвров к Меотиде, о сопоставлении их с кельто-скифами, с киммерийцами (Страбон, VII, 2, 2; Плутарх, Гай Марий, XI). В движении III-II вв. до н.э. выходцы из области ястрофской культуры достигали и Причерноморья.

О факте каких-то контактов обитателей Балтики с Причерноморьем или Восточным Средиземноморьем в это время мог бы свидетельствовать небольшой клад золотых изделий с острова Готланд. Это несколько маленьких филигранных сережек с львиной головкой, золотая плетеная цепочка с гранатами и фигурками дельфинов на застежке (Steinberger 1977, fig. 159). Вещи явно эллинистические III — II вв. до н. э. К сожалению условия находки неопределенны. Поступили от местного готландского коллекционера, который собирал, однако, лишь местные древности и, в отличии от некоторых своих далеких предков, редко покидал пределы острова, на юге не бывал.

Упомянутые же свидетельства письменных источников следующие. Страбон пишет: «Посидоний... делает удачное предположение о том, что кимвры, как разбойничье и кочевое племя совершали походы даже до области Меотиды».

Посидоний из Апамеи, на которого ссылается Страбон, современник событий он жил со 135 по 51 гг. до н.э., бывал в Галлии и в Италии, с кимврами, хотя бы с кимврами-рабами мог встречаться.

Плутарх тоже отсылает нас к Посидонию и рассказывая о кимврах, сообщает: «...но некоторые утверждают, будто земля кельтов так велика и обширна, что от Внешнего моря и самых северных областей обитаемого мира простирается на восток до Меотиды и граничит со Скифией Понтийской. Здесь кельты и скифы смешиваются и отсюда начинается их передвижение, и они не стремяться пройти весь свой путь за один поход, и не кочуют непрерывно, но, каждое лето снимаясь с места, продвигаются все дальше и дальше и уже долгое время ведут войны по всему материку. И хотя каждая часть племени носит свое имя, все войско носит общее имя — кельтоскифы» (Плутарх, Марий, XI).

В.Е.Еременко удалось подобрать некоторые данные, которые как-будто бы подтверждают эти свидетельства (Еременко 1990, с.151-158), всегда воспринимавшиеся исследователями и комментаторами как фантастические и вздорные.

Он отметил, что начиная со второй фазы эволюции Чаплинского могильника зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье, синхронизируемой с Латеном D1, здесь отчетливо проявляются следы контактов и взаимодействия со скифами Нижнего Поднепровья и Крыма — оселки, браслеты с завязанными концами, нагубник и др. С другой стороны, на этой же фазе появляются в Чаплине погребения с оружием, с наконечниками дротиков очень близких дротикам оксывской культуры. Появляются новые формы керамики, сопоставимые с ютландской (Еременко 1990, с.137-151, рис.56-60), а также своеобразные поясные скрепы с двумя крючками, распространенные в ясторфской культуре (Babeş 1988, рис.8).

В это же время закладывается новый могильник в северной части культуры Поянешты-Лукашевка, могильник Долиняны (Смирнова 1981), с фибулами вариантов B, G/H, с ганноверской фибулой (Dąbrowska 1988, с.180). Материалы его С.П.Пачкова сопоставляет с находками со среднего течения Одры (Пачкова 1984).

Таким образом, просматривается в зарубинецко-поянештской общности еще один культурный импульс с северо-запада, а скорее всего и приток новых поселенцев, совпадающий с временем передвижений кимвров и тевтонов.

В таком контексте свидетельства Посидония о кимврах у Меотиды (очевидно в ши-

роком понимании этого термина) о кельто-скифах, донесенные до нас Страбоном и Плутархом, не кажутся уже столь нелепыми.

Сведения о ситуации в Причерноморье Посидоний мог получить от своего друга Помпея (Страбон, XI, I, 6), который воюя с Митридатом Евпатором в 66-63 гг. до н.э., естественно, был должен собирать информацию о союзниках своего противника, а также от самих кимвров, с которыми мог встретиться в Галлии и Италии.

Термин «кельтоскифы», как и «кельтоберы» для Посидония не случаен, он, много путешествуя, знал о процессах этнического смешения, происходящих в Европе. И нужно учесть, что во время Посидония еще не использовался термин «германцы» в обобщенном значении. Он никогда не называет кимвров и тевтонов германцами. Германцы для него — лишь небольшое племя в верховьях Рейна. Что же касается сопоставления с киммерийцами, то оно не удивительно. И Посидоний, и Страбон, и Плутарх читали Геродота, про киммерийцев, их подвижность знали. Знали, что они заселяли до скифов Северное Причерноморье, и естественно было все нескифское население степь между Океаном и Понтом, о котором им так мало известно, считать потомками киммерийцев.

В.Е.Еременко и автор этих строк (1992) попытались определить, в чем же все-таки выражалось археологически движение кимвров и тевтонов в пределах «Третьего мира». Были рассмотрены памятники с хронологическими индикаторами перехода от ступени С2 к D1 — фибулами вариантов D/E, G/H, K, F, K, L, T, по Костшевскому и некоторыми другими вещами. Выявилось, что имеется по крайней мере около десяти зон в Европе, где наблюдается в этот период от середины II в. до н.э. по середину I в. до н.э. (точнее абсолютные даты к сожалению не определяются) некая напряженность и появление или новых памятников, или новых элементов культуры. Уже упоминались оксывские наконечники копий во второй фазе Чаплинского могильника (Рис.59) и закладка могильника в Долинянах. Это в Восточной Европе. В Центральной же Европе ощущается активность носителей пшеворской культуры — возрастает число погребений с пшеворскими чертами на Средней Эльбе и на Майне (рис.61), появляется могильник Крагхеде в Дании (рис.60), пшеворизируется Тынецкая группа на Верхней Висле в районе Кракова и Губинская группа между Одером и Нейсе. В «Третьем мире» очевидно происходили какие-то подвижки и перетасовки населения.

К сожалению, из-за хронологической неопределенности мы не можем пока определить их последовательности, мы вынуждены оперировать широким интервалом бытования фибул D/E, G/H, K,T, и других приблизительно от середины II в. до н.э. по середину I в. до н.э. Поэтому мы не знаем точно, какие из наблюдаемых явлений относятся ко времени накануне походов кимвров и тевтонов, какие к самой кампании или к последующим процессам возвращения уцелевших воинов, а также, какие связаны уже со следующим этапом движения на юго-запад свевов Ариовиста в 70-50-х годах I в. до н.э. Для нас они неразличимы.

Как бы там ни было, процесс перетасовок и движений очевидно имел место и охватил весь «третий мир» от Эльбы и Ютландии до Поднепровья (рис.62), те пространства, которые Посидоний, в пересказе Плутарха, и отводил киммерам-киммерийцам: от границ с «Понтийской Скифией», занимая «тенистую и лесистую землю» у «внешнего моря», вплоть до «Геркинских лесов» (Плутарх, Марий, XI). Скорее всего это были передвижения отдельных воинственных отрядов, которых и называли киммерами, что значит разбойниками и бродягами (Страбон, VII, 3, 1). «Они наступали так, что против их храбрости и отваги нельзя было выстоять, а в сражениях они действовали руками с быстротой и силой огня» (Плутарх, Марий, XI).

Таким образом можно представить, что кампания против Кельтики, лишь побочно задевшая и Рим, была организована некими воинственными группами, возможно действительно выходцами из Ютландии (Кимврского полуострова), но в кампанию был втянут весь, или почти весь прочий «Третий мир», только в таком случае кимвры и тевтоны могли выставить армию «кельто-скифов» в 300 тысяч воинов. Вряд ли эта цифра точна, но огромность армии источники отмечают единодушно. Весьма вероятно, что представители зарубинецкой и поянешты-лукашевской культур могли тоже принять участие в походах, так же как и некоторые другие выходцы из Причерноморья, например, нижнеднепровские скифы и сарматы с берегов Меотиды (Еременко, Щукин 1992).

В этом контексте становятся понятными и замыслы Митридата Евпатора, мечтавшего сокрушить Рим ударом с севера, из-за Дуная с использованием сил европейских варваров. Пути прохода из Восточной Европы через Геркинский лес как раз были открыты кимврами и тевтонами. И не случайно Митридат искал дипломатических контактов с последними (Юстин, эпитома Помпея Трога XXXVIII, 5,6-7). Возможно, фалары "греко-бактрийского" типа в Европе — именно результат дипломатической деятельности Понтийского царя, хотя не исключены непосредственные

контакты с сарматами.

Но Митридат опоздал. Посольство к тевтонам было послано лишь накануне второго тура понтийско-римских войн, накануне 74 г.до н.э.

5. Об одном пассаже в «Географии» Страбона

Страбон — представитель уже следующего поколения после Посидония, откровенно признается в слабой осведомленности о глубинных областях Европейского континента. «Что касается германцев, то, как я уже сказал, северные германцы населяют океанское побережье. Известны, однако, только те племена, что живут от устьев Рена до Альбия: из этих племен наиболее известны сугамбры и кимвры. Области же за Альбием близ океана нам совершенно неведомы. Я не знаю никого из людей прежнего времени, кто бы совершил это прибрежное плавание в восточные области вплоть до устья Каспийского моря, и римляне еще не проникали в земли за рекой Альбием: равным образом и сухим путем никто не проходил туда. Однако если идти по долготе к востоку, то мы встретим области, лежащие около Борисфена и к северу от Понта, это ясно из «климатов» и параллельных расстояний. Но что находится за Германией; нужно ли принять, что там живут бастарны (как думает большинство), что между ними обитают другие народности — языги или роксоланы, или какие-либо другие из кочующих в кибитках, сказать трудно» (Страбон, VII, 2, 4).

Чем ближе к побережью Понта, тем естественно полнее и знания Страбона и для нас его сообщения особенно ценны, поскольку именно у него впервые после Геродота мы находим достаточно подробную этнокарту этого региона (рис.63).

Страбон детально описывает само побережье от устья Дуная до устья Днепра, а затем сообщает: «Все пространство, лежащее выше упомянутого побережья между Борисфеном и Истром, состоит, во-первых, из гетской пустыни, во-вторых, из области тирагетов, за которой идет область языгских сарматов, страны так называемых царских сарматов и страны ургов. Все они по большей части кочевники, но немногие занимаются и земледелием. Эти последние, говорят, живут так же по Истру, нередко на обоих берегах его» (Страбон, VII, 3, 17).

При попытке сопоставления этих данных с археологией мы сталкиваемся с рядом сложностей. В «гетской пустыне» комментаторы страбона обычно видят Буджакскую степь, хотя Буджак, где есть и озера, и речушки трудно назвать пустыней в полном смысле этого слова. Судя по тому, что у Страбона есть и «пустыня бойев» на Среднем Дунае земли, которые племена бойев были вынуждены покинуть из-за давления даков царя Бурбисты, о чем у нас пойдет речь в следующей главе, то и здесь, скорее всего имеется в виду территория, покинутая гетами.

Что касается «области тирагетов», т М.И.Романовская (Романовская 1969) сопоставляет с ними носителей культуры Поянешты-Лукашевка. Но такое сопоставление малоправдоподобно и текстуально и археологически. Более перспективными в этом отношении представляются некоторые памятники Тираспольщины и низовьев Днестра памятники с преобладанием черт то гетской то скифской культур, которые частично продолжали существовать и в III-II вв. до н.э., может быть и позже. К сожалению, они еще плохо изучены (Кравченко 1959; Мелюков 1962, 1963).

Мы до сих пор не знаем пласта сарматских памятников III-I вв. до н.э. к западу Днепра. Большинство обнаруженных здес погребений относятся к более позднему времени. Перечисленные Страбоном сарматские племена пока археологически никак не представлены. С ними можно связать раз что такие неопределенные в культурном отношении комплексы как Бравичены в Молдавии (Федоров 1960, с.9-10, рис.1) и Марьевку под Херсоном (Симоненко 1986), да по два погребения из Кута на Днепре и из Ново-Григорьевки на Южном Буге (Смирно 1984, с.62-63, 114, 179), датировка которы неопределенна.

Остается надеятся, что новые полевы исследования принесут дополнительные данные о сарматских племенах Страбоновской этнокарты в степях между Дунаем и Днепром. И кое-какие памятники уже появились — в Слободзейском районе Молдавии С.Агульников раскопал впускное сарматское погребение со среднелатенской фибулой с «восьмерками» на дужке (сообщение С.А.Агульникова; Shchukin 1989, табл.20В, 3), а в Чадыр-Луганском районе Молдавии у с.Твердица найдена пара фаларов в «сармато-греко-бактрийском стиле» (сообщение В.С.Бейлекчи)(рис. 51). Но и эти находки пока не развеяли неопределенности и не снимают тезиса лишь о спорадическом проникновении сарматов на земли к западу от Днепра (Щукин 1989а, 1989б).

Далее Страбон обращается к лесостепной зоне и пишет: «В глубине материка обитают бастарны также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен. Действительно, одни из них называются атмонами, другие — сидонами; те, что владеют Певкой, с островом на Истре, носят название певкинов, а самые северные, обитающие на равнинах между Танаисои и Бо-

рисфеном роксоланов» (Страбон, VII, 3, 17).

Последнее замечание, где сарматы-роксоланы оказываются одним из бастарнских племен наряду с певкинами, вызывает удивление. Объясняли эту странность или невежеством географа или опиской переписчика. Д.А.Мачинский, специально рассматривая этот пассаж (Мачинский 1974, с.126), был более склонен доверять тексту «Географии» и предложил другое объяснение — роксоланы могли быть в какое-то время союзниками бастарнов, составляли определенное политическое единство, что и отразилось в замечании географа. Как отмечалось уже выше, логика событий II-I вв. до н.э. должна была подталкивать скифов, роксолан и бастарнов к союзу, который затем и реализовался в составе державы Митридата.

В целом же получается, что Страбон в данном отрывке описывает всю дугу лесостепи от Дуная до Днепра, от молдавских Кодр через Подолию до Киевщины и Днепровского Левобережья. А в этой зоне мы имеем лишь одно археологическое единство I в. до н.э. — зарубинецко-поянештскую культурную общность, распадающуюся на несколько культурных групп. И именно эта общность может с достаточным основанием претендовать на страбоновских бастарнов. Альтернативного решения пока предложить невозможно. В бастарнский союз могли входить разноэтничные племена, но сути дела это не меняет.

Союзническим и тесным связям бастарном с роксоланами есть и некоторые археологические подтверждения. Сарматские вещи встречаются в зарубенецких погребениях (Максимов 1978) и наоборот (Вязьмітіна 1960, с.95, рис.73, 14; Симоненко 1977).

В нижнем течении Псла и Сулы открыты курганы, в которые были впущены, как это было принято у сарматов, погребения, но по обряду сожжения и с зарубинецкой керамикой — Лубны, Верхняя Мануйловка, Дьяченки (Махно 1966, с.185; Рудинський 1928, с.43, 48-50, табл.III; Кухаренко 1989, с.49). Есть погребение такого рода и на правом берегу Днепра — Михайловка (Максимов 1972, с.57). Роксоланы, как известно, были союзниками скифов. На акрополе Каменского городища найдено погребение представителя высшей аристократии, похороненного, как это делали и в Неаполе Скифском, около стены крепости, с золотыми наглазниками и нагубником, с «мегарской» краснолаковой чашей и с мисочкой зарубинецкого облика (Погребова 1958, с.128, 139, рис.12, 4). Возможно, это еще одно свидетельство союзнических отношений.

Достаточно удачное соответствие ряда данных Страбона археологическим реалиям при поразительном несоответствии других, заставляет подозревать, не совмещены ли в его этнокарте разновременные сведения.

По мнению П.О.Карышковского и И.Б.Клеймана, в рассматриваемых пассажах Страбона отражена ситуация рубежа III-II вв. до н.э. (Карышковский 1985, с.66-70), хотя очевидные доказательства этого положения привести трудно.

Более убедительна традиционная точка зрения, что диатеса Страбона относится ко времени Митридатовский войн. Источником его были труды Артемидора Эфесского конца II в. до н.э. и Тапсикрита из Амиса I в. до н.э. (Neuemann 1883, с.331). Сам Страбон тоже родился в Амисе. Прадед его был полководцем Митридата Евпатора, другой родственник — верховным жрецом в Коммагене и, вероятно, мог располагать какими-то документами. Дед сражался под знаменами Лукулла. Знал лично Страбон и Феофана Митиленского, друга Помпея и историка его походов. Так что часть информации Страбон мог почерпнуть от непосредственных участников событий.

Родился Страбон в 64 г. до н.э. и умер в 24 г. н.э. Свою «Географию», труд всей жизни, он закончил в 7 г. н.э., хотя делал вставки и позже, до 18 г. н.э. Так что могла попасть в его труд и современная ему информация рубежа эры. Контаминация трех пластов сведений, вероятно, и запутывает в какой-то мере рисуемую им картину.

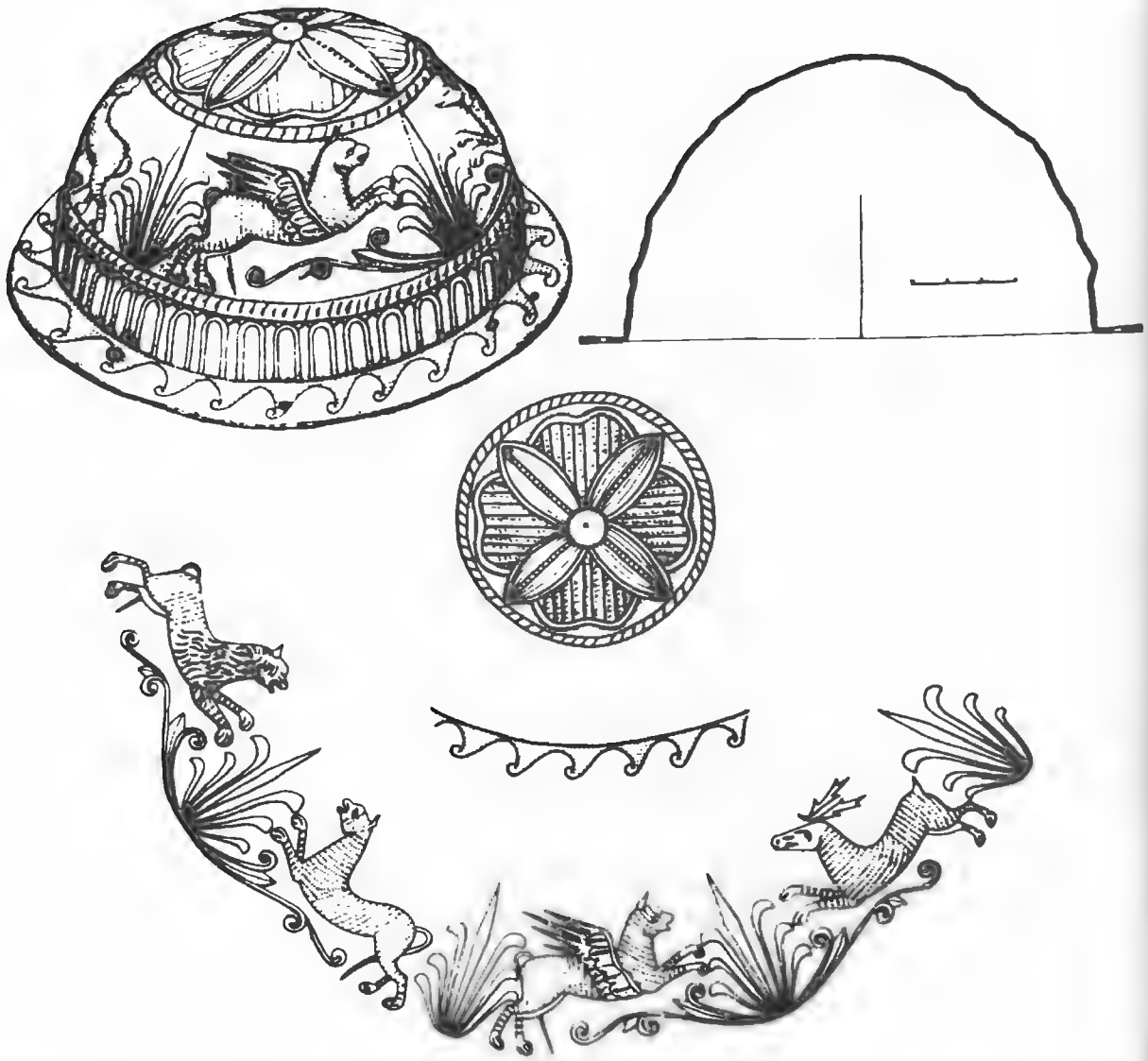


Рис. 51-а. Фалары из Твердицы, Молдавия. По В.С.Бейлекчи, В.В.Бейлекчи, В.М.Дунявиной (в печати).

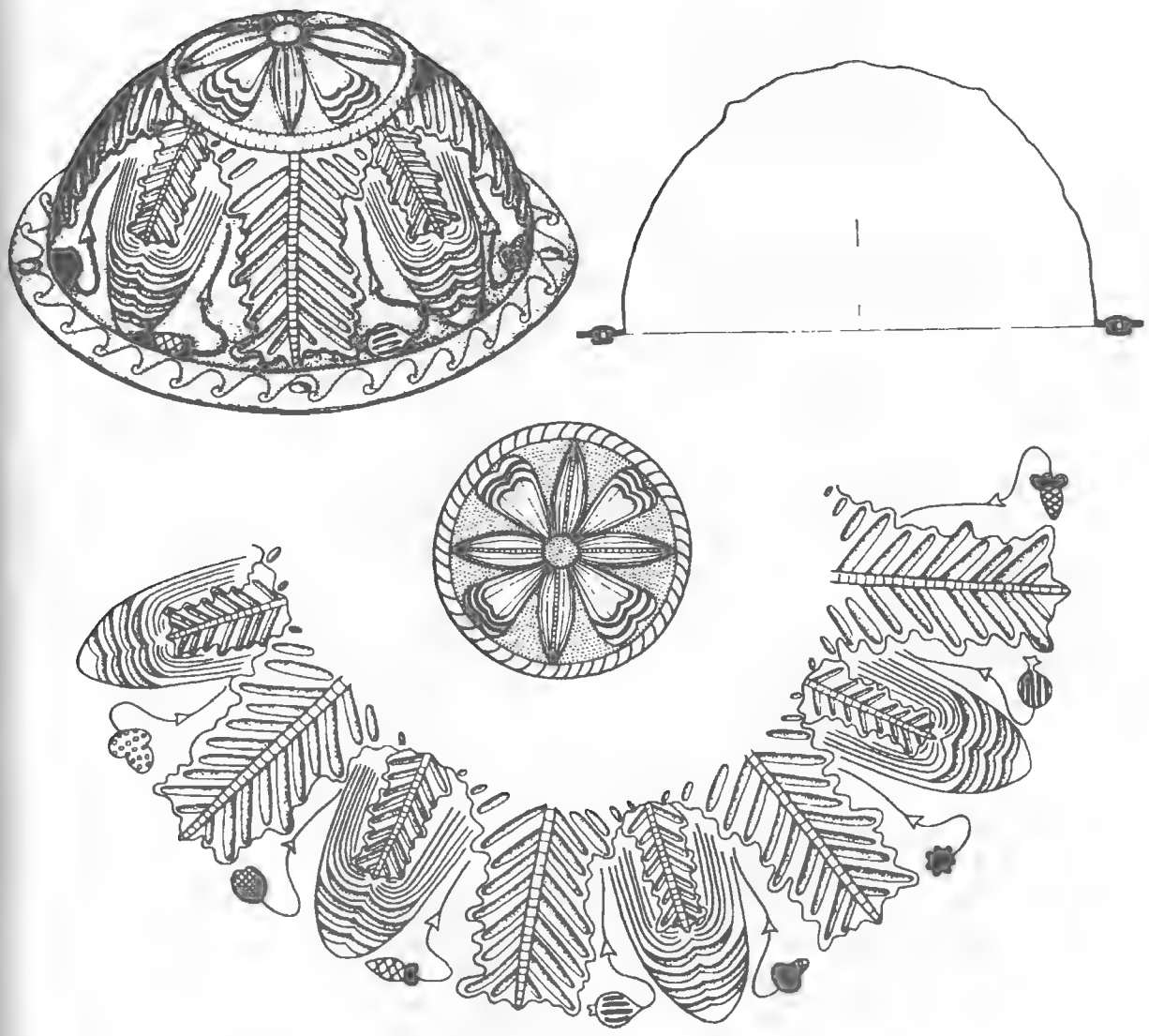


Рис. 51-б. Фалары из Твердицы, Молдавия. По В.С.Бейлекчи, В.В.Бейлекчи, В.М.Дунявиной в печати).

Рис. 52. Фалар из Галиче (Болгария)

Рис. 53. Фалар со слоном, из коллекции Петра I.

Рис. 54. Некоторые из фаларов с о.Сарк.

Рис. 55. Изображения на котле из Гундеструпа (Дания). Дно сосуда с «Митраистским быком» и одна из боковых пластин со «слонами».

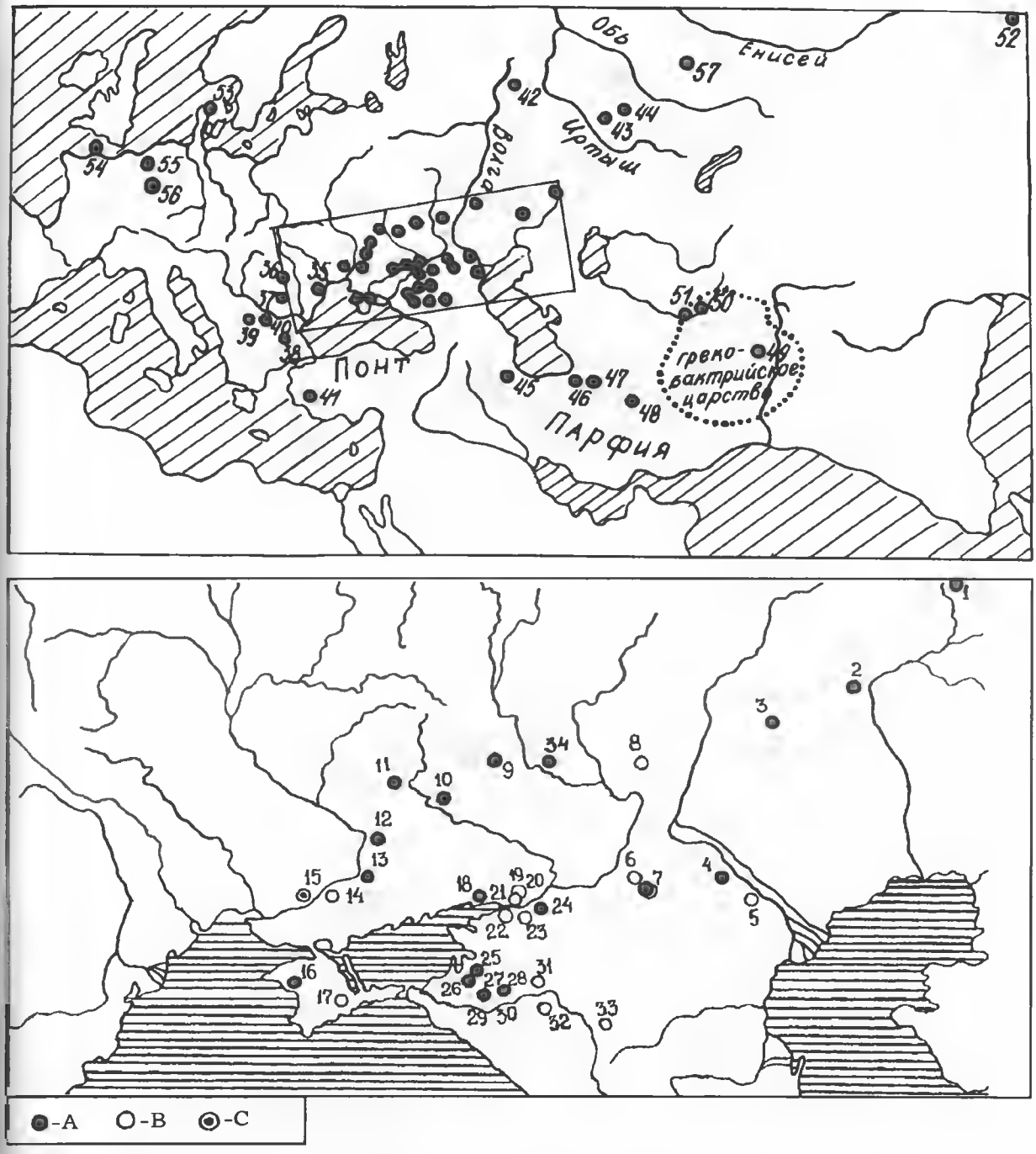


Рис. 56. Распространение фаларов «Греко-Бактрийского стиля» (Составитель В.Мордвинцева, с дополнениями).

1 — Прохоровка
2 — Володарка
3 — Новоузенск
4 — Кривая Лука
5 — Косика
6 — Октябрьский
7 — Жутово
8 — Ветюнев
9 — Клименковский
10 — Старобельск
11 — Балаклия
12 — Булаховка
13 — Янчокрак
14 — Запорожье
15 — Александрополь
16 — Чайка
17 — Золотое
18 — Таганрог
19 — Садовый
20 — Хохлач
21 — Кобяково
22 — Дачи
23 — Багаево
24 — Федулов
25 — Новоджерлиевская
26 — Кореневск
27 — Воронежская
28 — Ахтанизовка
29 — Северская
30 — Сергиевская
31 — Воздвиженская
32 — Зубовский хут.
33 — Курджисл
34 — Антиповка
35 — Твердица
36 — Суркеа
37 — Хэрастреу
38 — Стара Загора
39 — Рогозен
40 — Галиче
41 — "Малая Азия" Эфес? (Нац. библ. в Париже)
42 — "Пермская обл." Готарз I (Кинжалов, 1954)
43 — "Между Тобольском и Омском". Артемида (Тревер. 1940, табл. 12)
44 — Сидоровка
45 — Хасанлу (по Pformer, 1993, nb 70)
46-47 — "Из Ирана", колл. в Малибу (по Pformer, 1993, n 30-36)
48 — "Из Ирана", (по Pformer, 1993, n 6)
49 — Равалапинди (по Taylor 1992), Таксила (по Pformer, 1993, n 10)
50 — "Сталинабад" (по Тревер 1958. Сообщ. респ. ист.-кр. музея Тадж. III)
51 — Тып-Хона (по Pformer, 1993, n 69)
52 — Ноин-Ула
53 — Гундеструп
54 — о. Сарк
55 — Хельден
56 — Обераден
57 — "Сибирь" (по Л.А. Спирину и К.Р. Тревер)

A—фалары III-I в. до н.э.; B—фалары I-II в. н.э. (в бирюзово-золотом стиле); C—Александровский курган конца IV в. до н.э — начала III в. до н.э.

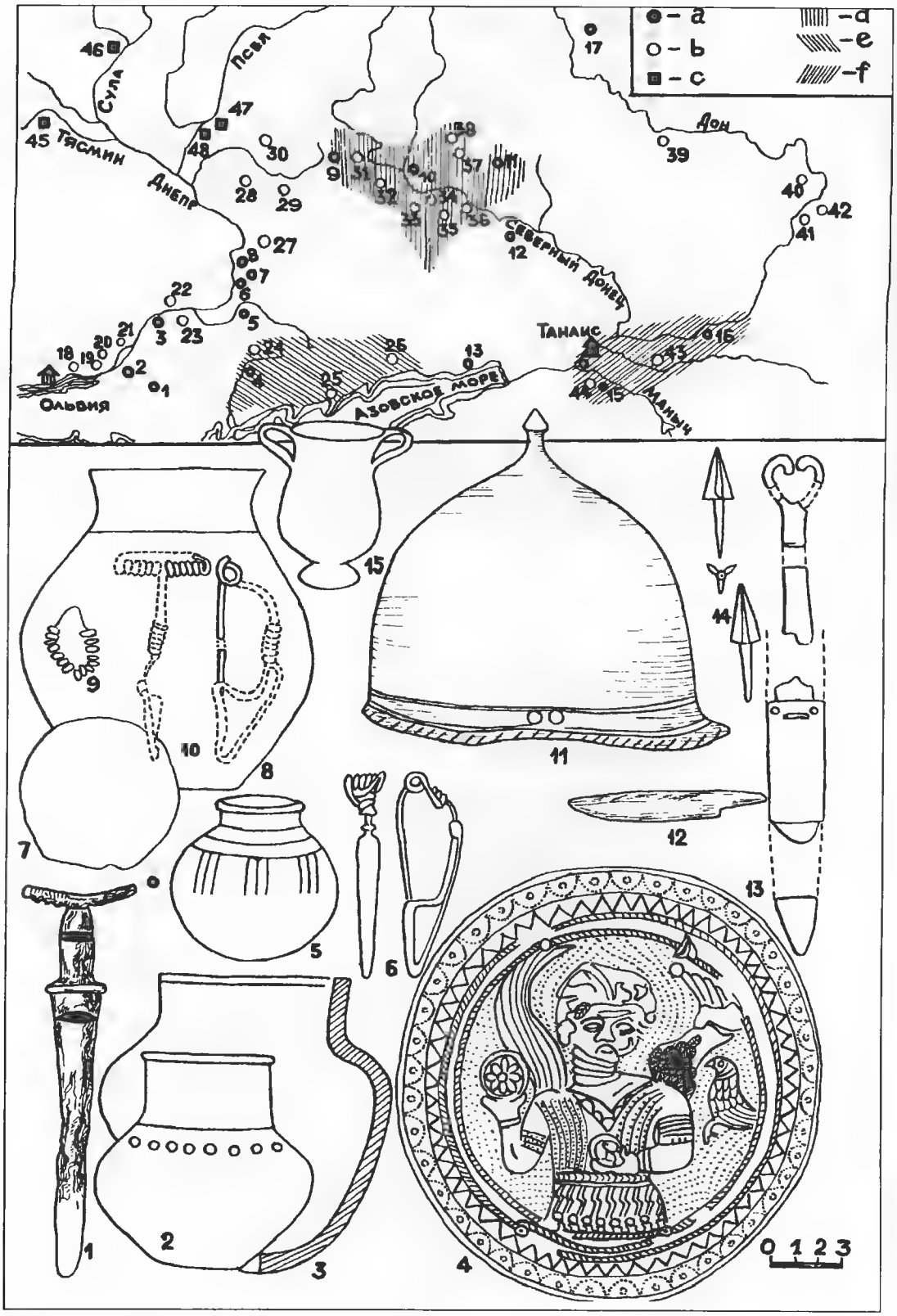


Рис. 57. Некоторые сарматские находки II-I вв. до н.э. 1 — карта сарматских памятников по М.П.Абрамовой: a — сарматские памятники III-II вв. до н.э., b — сарматские памятники I в. до н.э.—I в. н.э., c — сармато-зарубинецкие впускные трупосожжения в курганы, d — Северно-Донецкая группа, e — Азово-Молочанская группа, f — Нижне-Донская группа,

1 — Верхние Серогозы, 2 — Близнецы, 3 — Ушкалка, 4 — Ново-Филипповка (Аккермань), 5 — Янчокрак, 6 — Днепрострой, 7 — Вольно-Уланово, 8 — Михайловка, 9 — Раздольская и Новоселки, 10 — Яремовка, 11 — Старобельск, 12 — Луганское, 13 — Таганрог, 14 — Федулово, 15 — Хутор Веселый, 16 — Хутор Попов, 17 — Антипово, 18 — Херсон, 19 — Белозерка, 20 — Львово, 21 — Казацкое, 22 — Никополь, 23 — хутор Харчевик, 24 — Большой Токмак, 25 — Осипенко, 26 — Сартаны, 27 — Хорошово, 28 — Суженое, 29 — Афанасьевка, 30 — Климовка, 31 - - Бунаковка., 32 — Селимовка, 33 — Славянск, 34 — хутор Черевков, 35 — Ступки, Радионовка, Каменка, 36 — Переездная, 37 — Сватовая Лучка, 38 — Нижняя Дуванка, 39 — Мигулинская, 40 — Голубинская, 41 — хутор Ляпичев, 42 — Карповка, 43 — хутор Спорный, 44 — хутор Тузловка, 45 — Михайловка, 46 — Лубны, 47 — Верхняя Мануйловка, 48 — Дьяченки, 49 — Кичкас.

II: 1 — меч прохоровской культуры из погребения Близнецы, около Белозерки; 2 — сосуд прохоровской культуры из погребения 1 кургана 3 западной группы могильника Аккерман II; 3 — сосуд из диагонального погребения кургана IV в Вольно-Уланово; 4 — фалар из Янчокрака; 5 — сосуд из Днепростроя; 6 — фибула «зарубинецкого типа» из погребения 13 могильника Аккермань 1; 7- -10 — комплекс вещей из погребения 1 в Новолуганске; 1—13 — находки из погребения 5 в Новолуганске; 14 — шлем типа Монтефортино из коллекции Новочеркасского музея; 15 — канфар из погребения 8, кургана 3 могильника Аккермань 1.

Рис. 58. Фалар со сфинксом с латенским щитом ступени С2 *(по И.И. Гущиной).*

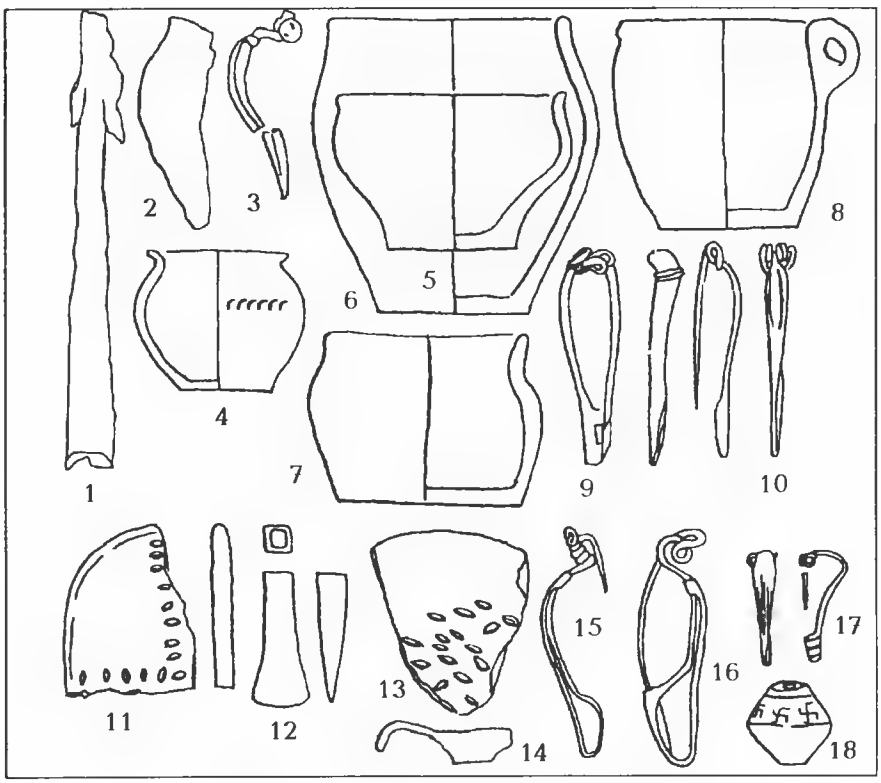


Рис. 59. Западные элементы фазы «с» позднего предримского времени на зарубинецких памятниках Полесья (1—10) и Среднего Поднепровья (11—18) по В.Е.Еременко.
1 — 2 — Велемичи I, п.116, 3 — Велемичи I, п.109, 4 — Воронино, п.31, 5 — 6, 8, 10 — Семурадцы, п.21, 7 — Семурадцы, п.20, 11, 14 — Таценки, 12 — Бортничи, 13 — Пилипенкова Гора, 15 — Зарубинцы, 16 — Вишенки, 17 — Бабина Гора, 18 — Басовка

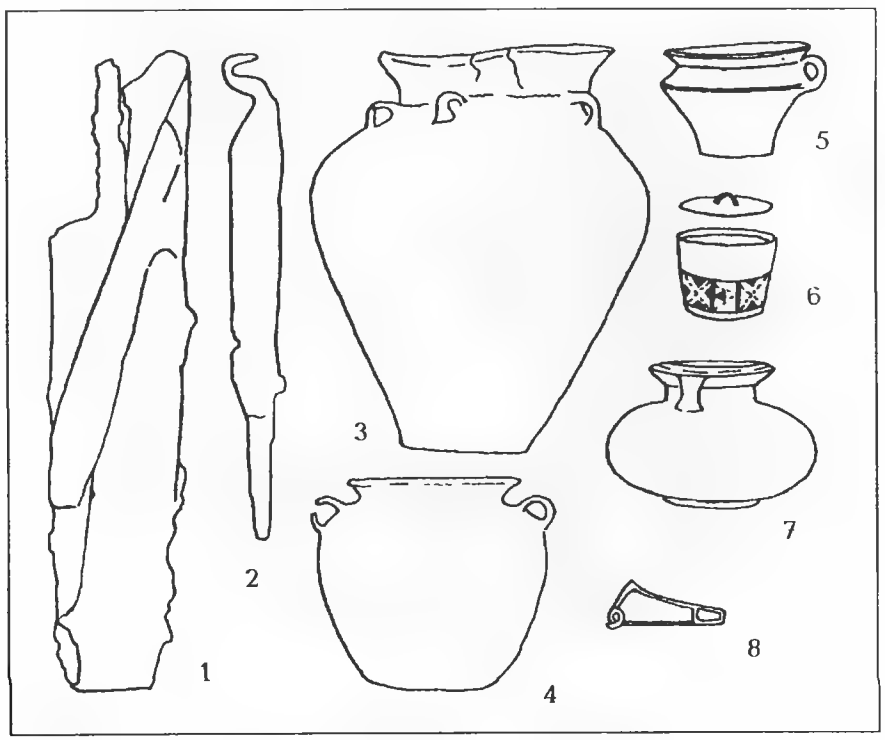


Рис. 60. Погребение с пшеворскими элементами в Крагхеде (Ютландия).

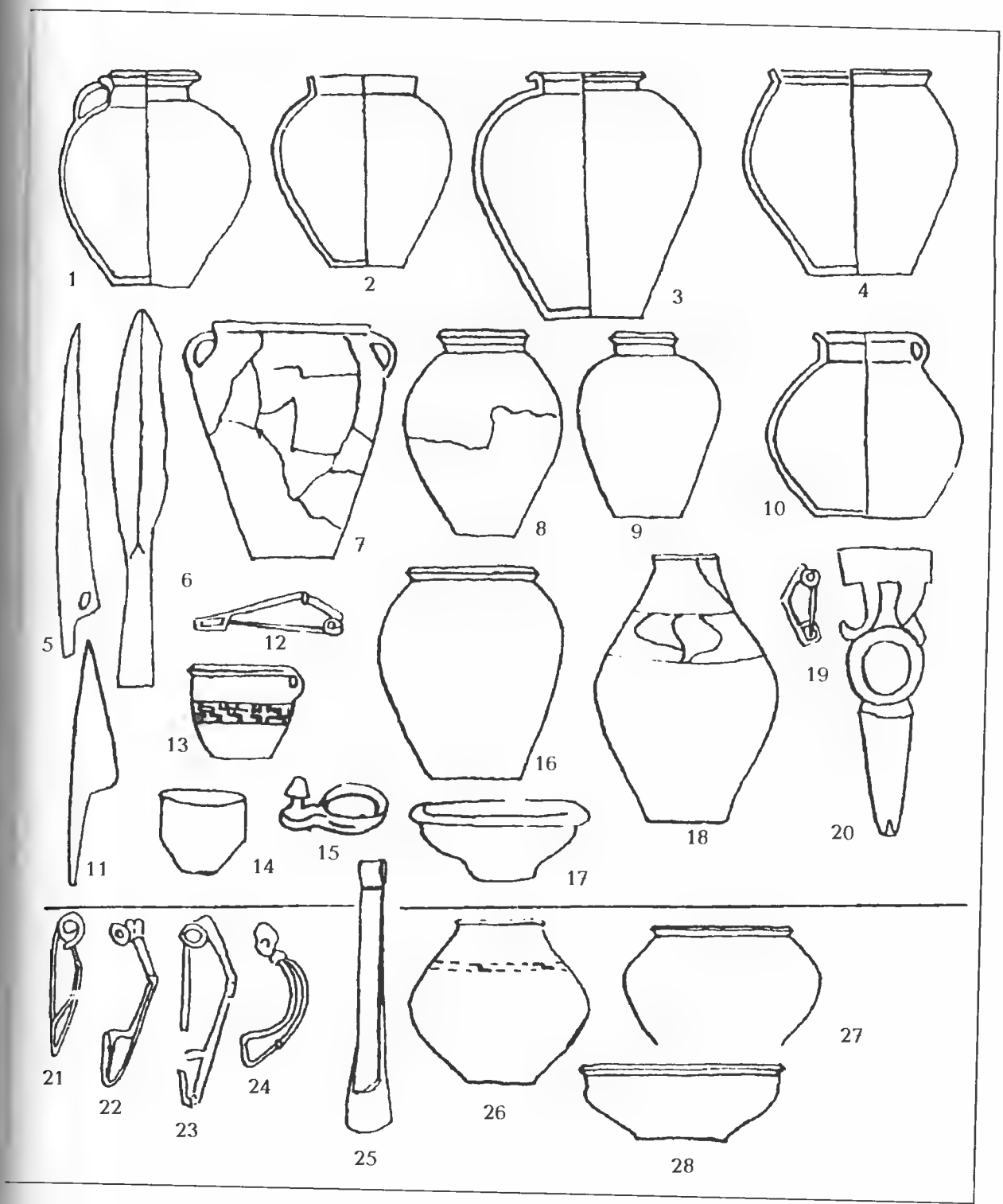


Рис. 61. Пшеворские комплексы фазы «с» позднего предримского времени на Майне (1—20) и пшеворские элементы кобыльской группы (21—28).
1—3 — Цербст-Анкюн, 4 — Кросвиг, 5—9, 12 — Гернштедт, 10, 19—20 — Боберсен, 13—18 — Мюсхенхейм.

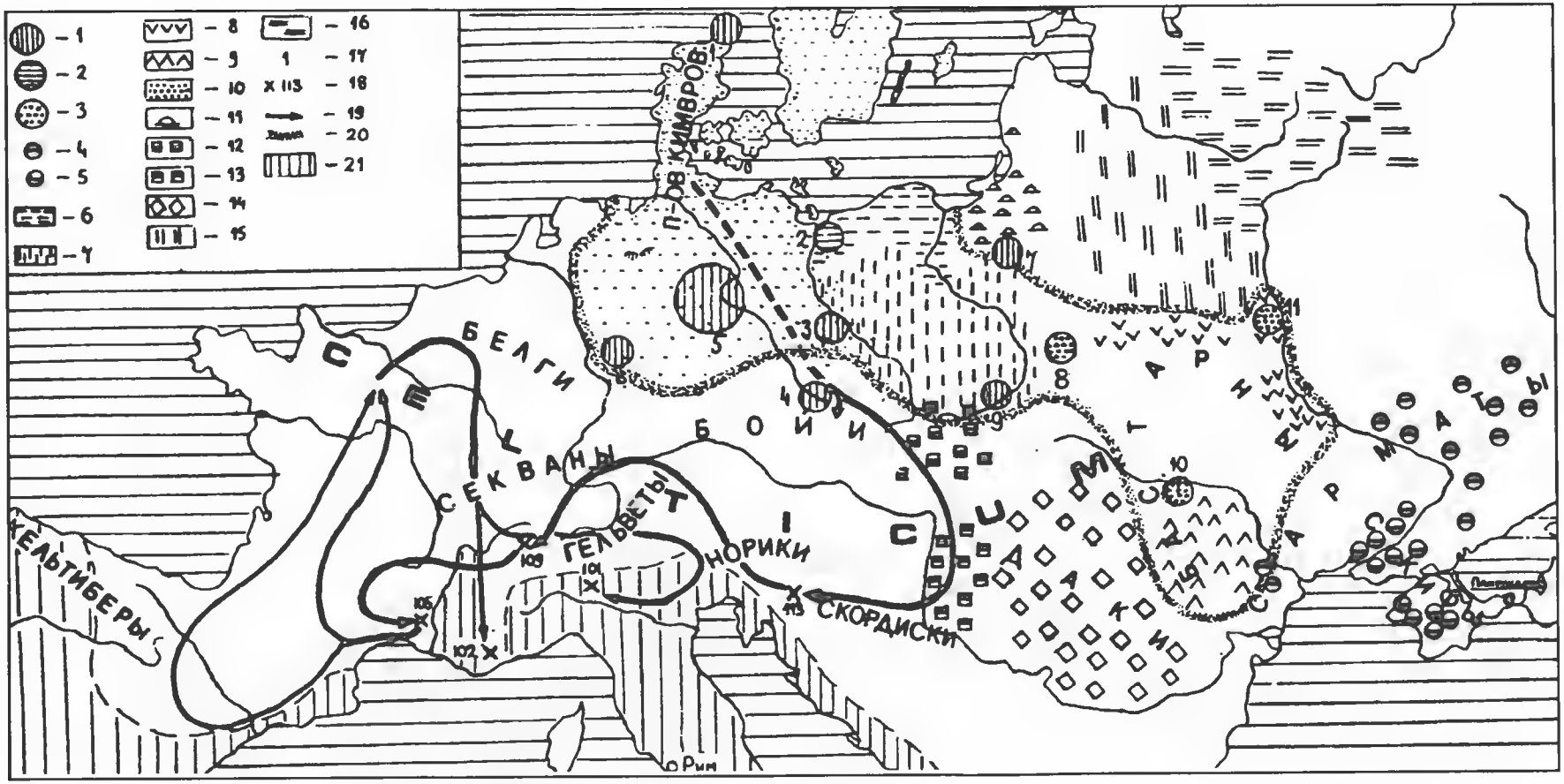


Рис. 62. Карта археологических культур периода походов кимвров и тевтонов.
1—3 — зоны культурных инноваций: 1 — зоны "пшеворизации", 2 — зоны "оксывизации", 3 — зоны "ясторфизации", 4 — сарматские памятники, 5 — позднескифские памятники, 6 — оксывская культура, 7 — пшеворская культура, 8 — зарубинецкая культура, 9 — памятники типа Поянешти — Лукашевка, 10 — ясторфская культура, 11 — культура западнобалтийских курганов, 12 — пуховская культура, 13 — земплинская культура, 14 — дакийские памятники, 15 — культура штрихованной керамики, 16 — днепро-двинская культура, 17 — зоны культурных инноваций: 1 — группа Крагхеде, 2 — надодерская группа ясторфской культуры, 3 — пшеворская фаза губинской группы, 4 — ясторфско-пшеворско-кельтская кобыльская группа, 5 — скопление памятников с пшеворскими чертами на Средней Эльбе, 6 — скопление памятников с пшеворскими чертами на Среднем Рейне, 7 — индицкая группа пшеворской культуры, 8 — ясторфско-пшеворская черничинская группа, 9 — кельто-пшеворская тынецкая группа, 10 — могильник Долиняны, 11 — верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры, 18 — даты сражений: 113 г. до н.э. — при Норее, 109 г. — в верховьях Роны, 105 г. — при Араузоне, 102 г. — при Аквах Секстиевых, 101 г. — при Верцеллах, 19 — основные направления походов кимвров (по данным письменных источников), 20 — зона [illegible] культур "[illegible]", 21 — границы [illegible]

черничинская группа, 9 — кельто-пшеворская гынецкая группа, 10 — могильник Долиняны, 11 — верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры, 18 — даты сражений: 113 г. до н.э. — при Норее, 109 г — в верховьях Роны, 105 г. — при Араузоне, 102 г. — при Аквах Секстиевых, 101 г. — при Верцеллах, 19 — основные направления походов кимвров (по данным письменных источников), 20 — зона латенизированных культур "третьего мира", 21 — границы Римской республики около 12-х гг. до н.э.

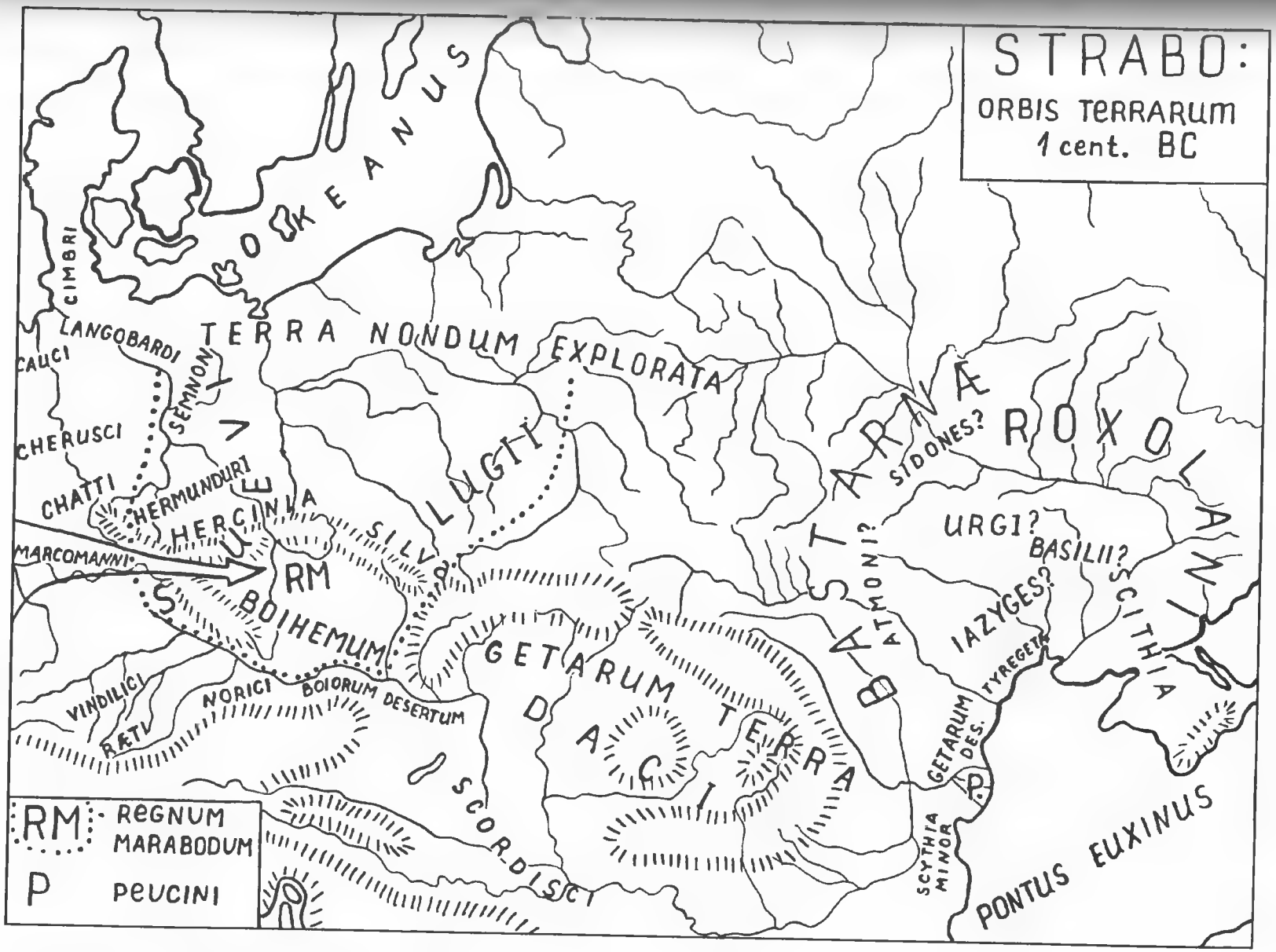


Рис. 63. Карта расселения племен по Страбону

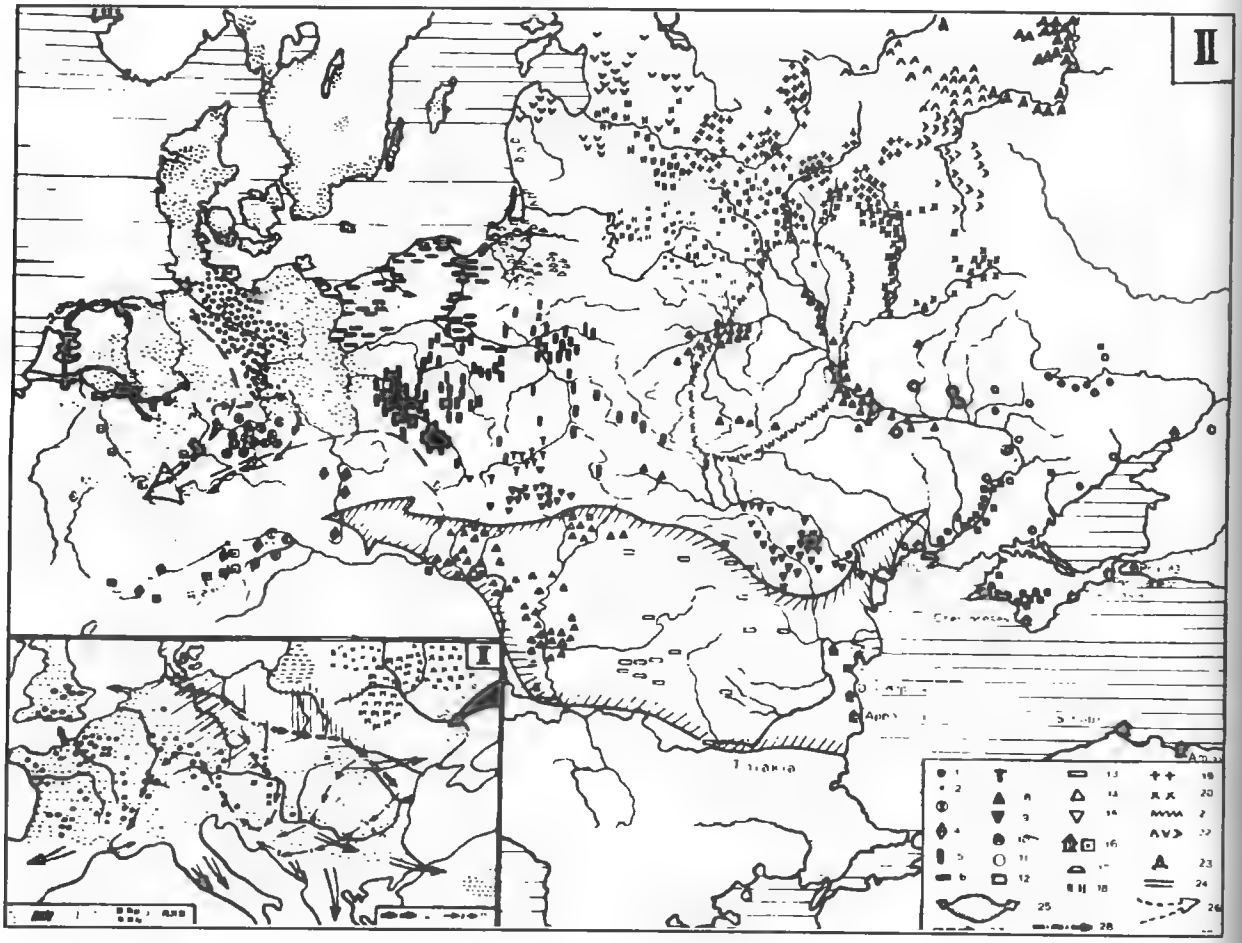


Рис. 64. Археологические культуры и памятники IV-II вв. до н.э. (карта I) и I в. до н.э. (карта II). По состоянию на 1978 г. Легенда к карте I. a — ареал максимального расселения кельтских и кельтизированных племен, b — кельтские оппидумы; c — ядро культуры Ясторф; d — «цивилизация» Ясторф, в широком значении термина; e — поморская культура, f — культура западно-балтских курганов; g — культура штрихованной керамики; h — милоградская культура; i — юхновская культура, j — направления кельтской экспансии, k — гипотетическое направление расселения носителей губинской группы (бастарнов); l — передвижения кимвров и тевтонов; m — походы бастарнов; n — направление экспансии сарматов; gg — губинская группа.

Легенда к карте II. 1 — памятники ядра культуры Ясторф; 2 — памятники «цивилизации» Ясторф; 3 — памятники горизонта Гроссромштадт; 4 — кельтские оппидиумы; 5 — памятники пшеворской культуры; 6 — памятники оксывской культуры; 7 — памятники Тынецкой группы; 8 — памятники зарубинецкой культуры; 9 — памятники культуры Поянешты-Лукашевка; 10 — зарубинецко-сарматские памятники; 12 — позднескифские городища; 13 — гето-дакийские памятники; 14 — памятники земплинской культуры; 15 — памятники пуховской культуры; 16 — греческие города, римские кастеллы и каструмы; 17 — памятники культуры западно-балтских курганов; 18 — культура штрихованной керамики; 19 — днепро-двинская культура; 20 — юхновская культура; 21 — границы милоградской культуры; 22 — различные типы памятников угро-финнского населения; 23 — дьяковская культура; 24 — границы Римской империи; 25 — границы направления экспансии царства Буребисты; 26 — направление движения свевов Ариовиста; 27 — походы Друза в 12 г. до н.э.; 28 — поход Друза в 11 г. до н.э.; 29 — походы Друза в 10-9 гг. до н.э.

Глава VI.
Середина I в. до н. э. От Алезии до Зелы

1. Буребиста — царь даков.

Судьбы народов Европы в середине I в. до н.э. во многом определялись делами и поступками трех человек, хотя каждый из них был лишь выразителем определенных социальных потенций и политических сил своего общества. Это — римский патриций и вождь популяров Гай Юлий Цезарь, царь даков Буребиста и вождь германцев-свевов Ариовист, дружины которого ко времени столкновения с Цезарем в Галлии в 58 г. до н.э. уже 14 лет провели в беспрерывных походах и войнах. Сложный узел событий, определивших дальнейший ход истории, завязался в 60-50-е годы. Но о них несколько позже.

«Буребиста, гет, достиг верховной власти над своим племенем. Ему удалось возродить свой народ, изнуренный длительными войнами, и настолько возвысить его путем физических упражнений, воздержания и повиновения его приказам, что за несколько лет он основал великую державу и подчинил гетам большую часть соседних племен. Он стал внушать страх даже римлянам... Чтобы удержать племя в повиновении, он обратился за помощью к колдуну Декинею, который странствовал по Египту и научился узнавать некоторые предзнаменования, и по ним объявлял волю богов... Доказательством полного повиновения гетов его приказаниям является то, что они позволили убедить себя вырубить виноградную лозу и жить без вина» (Страбон, VII, 2, 11, 13).

Утверждение единодержавия царя-абсентитиста в Дакии происходило, вероятно, не безболезненно. Об этом свидетельствуют и многочисленные клады монет 80-70-х гг. и следы пожаров на ряде поселений, прекративших свое существование — Попешти, Зимнича, Пескул-Кресань и др. (Федоров, Полевой 1973, с.136). Центр заселенности переместился из Мунтении в Трансильванию, богатую месторождениями железа, золота, серебра и меди.

В южной Трансильвании в горах Орештие сохранился целый комплекс крепостей, поселений, святилищ, построенный в I в. до н.э. и просуществовавший до начала II в. н.э., до завоевания Дакии Римом. Здесь была и столица даков — Сармизегетуза, городище Градиштя-Мунчелулуй. Раскопками вскрыты мощные стены из крупных известняковых блоков. На плато обнаружены остатки больших деревянных домов — очевидно казармы гарнизона. За пределами стен раскопаны остатки мастерских по обработке железа. Найдены заготовки — железные болванки и более 400 готовых орудий (Glodariu, Jaroslavchi, 1979).

С юга подступы к столице даков защищали горы Орештия и Себру. Наиболее доступный путь с северо-запада по долине реки Апа Градиштей прегораживали возведенные на вершинах холмов крепости Костешти и Блидарул (Федоров, Полевой 1973, с.136-137). Земляные валы с деревянными парапетами и мощные каменные стены с башнями делали их практически неприступными, а большие казематы для оружия и провизии, каменные цистерны для воды расчитаны на длительную осаду.

В нескольких километрах к югу еще *одна крепость — Пятра-Рошие* со сложной фортификационной системой (Daicoviciu 1954). С севера подступы к столице охраняли крепости Присака, Вырфуллу, Хулпе. В этом укрепленном районе располагалось и около 100 неукрепленных поселений разного характера. Таким было одетое в камень сердце суровой Дакии. Сармизегетуза была, очевидно, не только резиденцией царя, местом дислокации основных военных сил и крупным ремесленным центром, она была и центром религиозным.

Из восточных ворот крепости Грэдиштя-Мунчелулуй мощеная камнем дорога вела к священной округе даков, где среди векового букового леса раскопаны остатки дакийских храмов. Особый интерес представляют два круглых концентрических святилища из андезитовых и деревянных столбов, удивительно напоминающие по конструкции знаменитый Стоунхендж в Англии (Рис. 5:9).

Английский астроном Дж.Хокинс, привел остроумные и достаточно веские доказательства в пользу того, что Стоунхендж был не только местом ритуальных церемоний, но и своеобразной астрономической обсерваторией, которая позволяла с большой точностью вести календарный счет, отмечать начало времен года и даже предсказывать солнечные и лунные затмения.

Каменные столбы святилища расставлены так, что могут служить визирами на определенные положения небесных светил, например, на восход Солнца в дни летнего солнцестояния, зимнего солнцестояния, восходов и заходов Луны, а перемещение камней или других предметов в лунках, расположенных вокруг святилища, позволяло делать достаточно сложные вычисления (Хокинс, Уайт

1973).

Не исключено, что тайна расчетов такого рода была известна и дакийским жрецам, в том числе и упомянутому Декинею.

Первая модель Стоунхенджа была создана еще на заре эпохи бронзы, но он несколько раз перестраивался, модернизировался и не исключено, что продолжал функционировать и в эпоху кельтского господства на Британских островах. Латенская керамика есть в его напластованиях (Godłowski 1970, с.85).

А как раз во времена Буребисты складывается своеобразный кельто-дакийский горизонт памятников (Točik 1959; Collis 1972), который можно было бы назвать земплинской культурой. Она протянулась дугой от городища Земплин на восточной границе Словакии до изгиба Дуная в районе Братиславы, а затем, через междуречье Тиссы и Дуная до границ современной Югославии (Рис. 64-II, 14). Основные наиболее полно раскопанные памятники — Земплин, Нитранский Гродок, Девин в предместьях Братиславы, Геллертеги-Табан в Будапеште, городище Жидовар в Югославии. Возможно сюда не следует отнести некоторые пункты в Трансильвании (Benadik 1965; Bonis 1969; Gavela 1952; Berciu et alli, 1965; Horedt 1965).

В большинстве своем это небольшие городища, напоминающие по составу находок, свидетельствующих об активной производственной деятельности, кельтские оппидумы. Но если на западноевропейских оппидумах стены окружали всю площадь городища, то здесь укреплялась лишь центральная цитадель-убежище, что больше напоминает дакийские крепости (Collis 1972, с.314).

На всех этих поселениях находят кельтскую расписную и графитированную гончарную керамику в сочетании с лепной гето-дакийской — коническими кружками с массивной ручкой, вазами-фруктовницами, грубыми слабопрофилированными горшками с налепами, валиками.

Сегодняшнее состояние источников пока не позволяет определить с полной очевидностью — имело ли место проникновение даков на север двумя волнами, как предполагает А.Точик (около 100 г. до н.э. и около 60 г. до н.э.) или только одной (Točik 1959; Щукин 1974, с.15-16), но факт тесных контактов даков с кельтским миром и включения земель земплинской культуры в состав державы Буребисты не вызывает особых сомнений. В Закарпатской Украине в верховьях р.Тиссы В.Г.Котигорошко ведет исследование городища Малая Копаня, по всей вероятности одной из пограничных крепостей, созданных Буребистой (Котигорошко 1981; 1983).

К северу от земплинской культуры, в горных областях словацко-польского пограничья, воздвигнув на неприступных кручах свои городища и укрывшись в пещерах, жили горцы пуховской культуры (Рис. 64 -II, 15) — своеобразный сплав в культурном отношении элементов местных, восходящих к позднелужинецкой, платеницкой и куштановицкой культурам, а также кельтских и дакийских (Pieta 1982).

Если власть Буребисты распространялась на носителей земплинской культуры, а может быть и пуховской (здесь тоже присутствуют дакийские элементы), то в середине I в. до н.э. на границах римской империи действительно неожиданно выросла новая немалая сила. Природные и людские ресурсы державы были огромны. Страбон говорит, что геты и дакийцы в состоянии выставить войско в 200 тысяч (Страбон, VII, 3, 1 и число это выглядит вполне реальным.

В письменных источниках нет данных о деятельности Буребисты на северных границах его государства, здесь его завоевания фиксируются лишь археологически. Письменные источники осветили лишь события на западе и на востоке. На западе около 6 г. до н.э. жертвой стали жившие за Тиссой (Патисом) кельтские племена бойев и тевриков, возглавляемые Критасаром (Страбон VII, 5, 2). Оба племени были практически уничтожены. Всего 32 тысячи бойев, оставшихся от многочисленного некогда народа, добрались до Галлии, где Цезарь поселил их на землях эдуев, по просьбе последних (Цезарь, I, 27, 28). Гибель оппидума Манхинг в Баварии, ряда кельтских оппидумов и поселений на территории Австрии, Чехии и Моравии, случившиеся на рубеже ступеней Латен D1 и D2, ярко иллюстрируют эти события, хотя не всегда ясно, в каких случаях это дело рук даков, а в каких — германцев Ариовиста, начавших свое движение на запад приблизительно в это же время.

Отряды даков, возможно, доходили до Рейна, до районов, где в VI в. н.э., во времена Иордана жили франки (Иордан, 57). Но здесь интересы даков столкнулись бы с интересами Цезаря и Ариовиста и, наверное поэтому, оставив запустевшие земли бойев и тевриков, Буребиста удалился за Дунай

Вскоре его взгляд обратился на восток Складывалась подходящая для того ситуация Всеми делами в Риме в это время заправляли практически три человека, «первый Триумвират» — Цезарь, Помпей и Марк Красс. Но если за плечами Помпея была славная победа над Митридатом и присоединение земель бывшей Селевкидской монархии вплоть до Евфрата, а более молодой Цезарь успешно воевал в Галлии, то Красс мог похвастаться лишь победой над рабами Спартака. И он втянул Рим в авантюру — начал в 53 г. до н.э.

войну с Парфией. Его 7 легионов и 4 тысячи конницы, в том числе 1 тысяча галльских всадников, приведенная его сыном Публием от Цезаря, перешли Евфрат. Но парфяне сначала заманили римлян в пустыню, а затем при Каррах разбили их наголову. Публий пал в бою, а потом и сам Красс был вероломно убит во время переговоров с парфянским полководцем Суреной. Более 20 тысяч римлян погибло, 10 тысяч попало в плен. Их поселили в Антиохии Маргианской, на восточных границах Парфии. Лишь Гаю Кассию, будущему убийце Цезаря, удалось с отрядом в 500 всадников прорваться обратно в Сирию (Бокщанин 1966, с.49-59).

Причины, по которым парфяне не воспользовались своей блестящей победой, остаются неясными. Царь Ород почему-то казнил Сурену, время было упущено. Ставший наместником Киликии Цицерон, наместник Сирии Гай Кассий и сменивший его Марк Бибул сумели организовать оборону.

Пока шла борьба с парфянами, Цезарь подавлял восстание в завоеванной им Галлии и затем, во время гражданской войны 49-48 гг. до н.э., римлянам было не до соблюдения своих интересов на берегах Черного моря. А еще в 61-60 гг. жители западнопонтийских полисов заключили союз с бастарнами, освободились от римских гарнизонов, поставленных Лукуллом, и отбились от проконсула Македонии Антония Гибриды (Дион Кассий, XXXVIII, 10, 1-3). Но независимость свою сумели сохранить недолго. Теперь, воспользовавшись ситуацией, на них напал Буребиста. Дотла была разрушена Ольвия, в прежних масштабах уже никогда не возродившаяся, Истрия лишилась своих стен, на три года в ней был поставлен дакийский гарнизон, многие граждане были увезены в плен и за них затребован большой выкуп. Та же судьба постигла Одессос, Аполлонию. Лишь Дионисиополис — родной город Акорниона, агента Буребисты — был пощажен. Следы разрушений Буребисты зафиксированы в Ольвии (Крыжицкий 1979, с.355), в Истрии и Одессосе (Tončeva 1969). Мессембрия, как полагают, устояла (Блаватская, 1952, с.175).

О дате восточной кампании дакийского царя существуют контрверсии (Виноградов 1989, с.263-264) — 67 г. до н.э., 55 г. до н.э., 50 г. до н.э. Исходный пункт расчета: сообщение Диона Хризостома — за 150 лет до него. Если принять дату его поездки в Ольвию 83 г. н.э., то получится первая и мало реальная, если принять дату прочтения им речи на возвращение его в родной город Прусу в 95 или 100 г. н.э., то — две вторых. Ю.Г.Виноградов принимает дату 55 г. до н.э. Исходя же из исторической ситуации, наиболее реальная — 50 г. до н.э. или 49 г., в тот момент, когда началась гражданская война в Риме. В 55 г. до н.э., хотя Цезарь и был занят в Галлии, но триумвират его с Помпеем и Крассом еще не распался, оба триумвира как раз были избраны консулами и скорее всего отреагировали бы на беспардонные действия дакийского царя. Для наших целей, впрочем, расхождение в 5 лет не слишком существенно. так или иначе, в результате мощь и благополучие Буребисты возросли. Инженеры и каменщики из захваченных греческих городов возводили, вероятно, стены и постройки в Сармизегетузе — они построены в эллинистической технике и на камнях встречаются греческие буквы, метки мастеров.

Не исключено, что продвинулись дакогеты и дальше на восток вплоть до Днепра. С их нападением исследователи связывают разрушение стен акрополя на городище Гавриловка и следы катастрофы в Золотой Балке. Заметно возрастает и удельный вес фракийских элементов в материальной культуре населения Северного Причерноморья (Вязьмитина 1960, с.119-134).

Опасалось гетского нашествия, вероятно, и зарубинецкое население Среднего Поднепровья. Именно в середине I в. до н.э. строятся валы на Пилипенковой горе около Канева, перекрывающие более ранние жилища № 3 и № 11, в которых найдены обломки косских и родосских амфор начала I в. до н.э. (Максимов 1982, с.42). А в качестве форпоста в нескольких километрах южнее закладывается зарубинецкая крепость на Бабиной Горе. Время возведения валов определяется находкой двуствольной ручки амфоры из розовой глины середины I в. до н.э. (Максимов 1982, с.98, 100). Под прикрытием зарубинецких крепостей укрывается, вероятно, и часть нижнеднепровского населения. Рядом с городищем на Бабиной Горе раскопан зарубинецко-скифский могильник Дидов Шпиль (Максимов 1982, с.103-110).

Бастарны были союзниками не только нижнеднепровских скифов, но и греческих западнопонтийских полисов и должны были неизбежно пострадать во время восточной кампании Буребисты, особенно западные их группировки в Молдавии. В середине I в. до н.э. прекращаются захоронения на таких могильниках, как Поянешты и Лукашевка, прекращается культура Поянешты-Лукашевка. В северной части ее ареала, на Буковине, не затронутой, вероятно, действиями Буребисты, жизнь продолжалась дольше, о чем свидетельствуют материалы могильника в Долинянах (Смирнова 1981) и поселения Круглик (Пачкова 1977). Здесь найдены позднелатенские фибулы, полностью отсутствующие в Поянештах и Лукашевке.

Мы ничего не знаем о характере взаимоотношений Буребисты с сарматами, но

где-то в северо-западном Причерноморье (Н.Феттих преполагает, что в восстановленной после разгрома Ольвии) работала группа серебряных дел мастеров, выпускавшая фалары, фибулы, спиральные браслеты со змеиными головками плетеные серебряные цепочки, расчитанные на сбыт и в сарматской и в дакийской среде (Рис. 65). Из нее вышли, вероятно, фалары Шерца-Суркеа (Fettich 1953), фибулы из Бэлэнешти, Херэстрау и Валени-де-Мунте (Horedt 1973).

На четырех последних мы видим портретное изображение одного и того же персонажа — крупное, несколько одутловатое лицо, двойной подбородок, маленький, брезгливо сжатый, рот, нос с горбинкой, низкий лоб, прикрытый разделенными на прямой пробор волосами, которые буклями спускаются до плеч (Рис. 65:15). Кто это? Какое-то дакийское божество или, может быть, сам Буребиста? Ведь находим мы на стилистически близкой и синхронной вещи изображение парфянского царя Готарза I (Кинжалов 1959).

Не менее интересно и загадочно другое. Среди кладов этого «дакийского серебра» немало вещей, которые обнаруживают параллели с синхронными изделиями мастеров Иберии (Horedt 1973; Raddatz 1969). Каким образом вдруг позникли связи этих столь удаленных друг от друга крупнейших в Европе центров добычи серебра? И может быть стоит вспомнить в этой связи Гнея Помпея? Ведь это он, Помпей Великий, Помпей Магн, победив Митридата и средиземноморских пиратов, стал самым авторитетным римлянином на Востоке. Его покровительства искали все местные цари и правители. Это он, победитель Сертория, сумел установить в Испании хорошие взаимоотношения с местными племенами, стал их патроном и покровителем. И это он, пока Цезарь воевал в Галлии, а Красс — в Парфии, управлял Испанией через своих легатов. Не через него ли Буребиста получил специалистов, наладивших ему добычу и обработку серебра? Может быть, не случайно, когда Цезарь перешел Рубикон и началась Гражданская война, Буребиста поддержал именно Помпея? И не случайно, переправляясь на Балканы, чтобы там организовать отпор Цезарю, Помпей говорил солдатам: «Все народы Востока и берега Понта Эвксинского, и греки, и варвары — на нашей стороне, и цари, друзья римского народа и мои, помогут нам войсками, оружием, продовольствием» (Аппиан, Гражд.войны, II, 51). Среди этих царей имел он в виду, очевидно, и Буребисту, царя, «первейшего и наиважнейшего», как титуловали его греки в декрете в честь Акорниона. И действительно, в июне 48 г. для переговоров в лагерь Помпея явился посланник Буребисты Акорнион. Но события разворачивались слишком быстро. 9 августа 48 г. в битве при Фарсале Цезарь разбил Помпея, помощи ему даки оказать не успели.

Цезарь в дальнейшем готовился воевать против даков (Аппиан, Гражданские войны, II, 110; Страбон, VII, 3, 5; Плутарх. Цезарь, 58; Светоний, Август, VIII, 4). Это должно было стать первым этапом кампании против парфян. Сначала захватить Дакию и Припонтийские земли, а затем через Кавказ ударить по парфянам (Плутарх, Цезарь, 58). Рим не мог не воевать, а слава завоеваний Александра Македонского не давала спокойно спать многим честолюбцам вроде Цезаря. Армия в 16 легионов и 10 тысяч конницы (Crişan 1978, с.13), расквартированная в Македонии (при ней находился и наследник Цезаря Октавиан) уже готова была выступить когда диктатор был убит 15 марта 44 г. заговорщиками-республиканцами.

Судьба царя даков похожа. Тоже был заговор, и Буребиста пал его жертвой. Царство его распалось на четыре части. Распад Дакии и последовавшие затем междоусобицы находят отражение во втором пике числа находок кладов дакийского серебра и монет, приходящемся на 40-е годы I в. до н.э (Horedt 1973).

2. Цезарь, галлы и германцы.

Когда Буребиста, укрепив свою власть готовился к расширению пределов своей державы, в Риме происходило следующее.

Назревал заговор Катилины и раскрыть его помогли в 62 г. послы галлов-аллоборгов, через которых заговорщики обращались к галлам за помощью. Состоялся торжественный триумф Помпея в 61 г., но сенат не утвердил его распоряжений на Востоке Недовольный Помпей, Красс и Цезарь организовали антисенатскую коалицию, триумвират, и Цезарь на 59 г. был избран консулом. А тем временем все неспокойней становится на границах с Галлией. Вот как несколько позже объяснял Цезарю ситуацию вождь галлов-эдуев и друид Дивитиак: «Вся Галлия распадается на две партии: во главе одной стоят эдуи, во главе другой арверны. Они много лет вели друг с другом ожесточенную борьбу за господство и дело кончилось тем, что арверны и секваны наняли на свою службу германцев. Последние перешли Рейн сначала в количестве около 15 тысяч, но когда этим грубым варварам понравились галльские поля, образ жизни и благосостояние, их перешло еще больше; и теперь их в Галлии около 120 тысяч. Эдуи и их клиенты неоднократно вели с ними вооруженную борьбу, но в конце концов потерпели тяжкое

поражение и лишились всей знати, всего сената и всей конницы... Впрочем, с победителями секванами случилось нечто худшее, чем с побежденными эдуями: в их стране утвердился германский царь Ариовист» (Цезарь, I, 30). Любопытно совпадение некоторых дат. Известно, что до появления в Галлии свевы Ариовиста уже 14 лет находились в беспрерывных походах, то есть они покинули родину где-то в 74-72 гг. до н.э., как раз после того как Митридат Евпатор накануне второго тура Римско-Понтийских войн в 74 г. искал контактов со скордисками и тевтонами. Если посольство было одно и тоже, то на пути со Среднего Дуная в Северную Германию оно могло проходить и через земли свевов на средней Эльбе и во всяком случае пересекать зону «третьего мира». Не уговоры ли Митридатовских послов возымели определенное воздействие?

В год консульства Цезаря был заключен союз с Ариовистом, его признали царем и дали титул «друга и союзника римского народа». Римлянам было выгодно держать германский бич над всегда готовыми взволноваться галлами.

Ситуация осложнилась еще одним обстоятельством. Цезарь пишет: «У гельветов первое место по своей знатности и богатству занимал Оргеториг. Страстно стремясь к царской власти, он в консульство Мессалы и Писона (т.е. в 61 г. до н.э.) вступил в тайное соглашение со знатью и убедил общину выселиться всем народом из своей земли: так как гельветы, говорил он, превосходят всех своих храбростью, то им нетрудно овладеть верховной властью над всей Галлией. Склонить на это гельветов было для него тем легче, что по природным условиям они всюду стеснены: с одной стороны весьма широкой и глубокой рекой Рейном, которая отделяет гельветов от Германии, с другой — очень высоким хребтом Юрой — между секванами и гельветами, с третьей — Лемоннским озером и рекой Роданом (Роной), отделяющей нашу Провинцию от гельветов...

Эти основания, а также авторитет Оргеторига, склонили их к решению приготовить все необходимое для похода... Для выполнения этих задач, по их мнению, было довольно двух лет, а на третий год должно было состояться по постановлению их народного собрания, поголовное выселение» (Цезарь, I, 2-3).

У Оргеторига однако была оппозиция среди соплеменников. Не все поддержали его планы. В ходе разгоревшейся борьбы он погиб.

«После его смерти гельветы тем не менее продолжали заботиться о выполнении своего решения выселиться всем народом. Как только они пришли к убеждению, что у них все для этой цели готово, они сожгли все свои города, числом до двенадцати, села числом до четырехсот и сверх того все частные хутора, сожгли и весь хлеб, за исключением того, который должны были взять с собой на дорогу... Они уговорили также своих соседей — рауриков, тулингов и латоников — сжечь, подобно им, свои города и села и двинуться вместе с ними. Наконец, они приняли к себе и включили в число своих союзников также бойев, которые поселились за Рейном, затем перешли в Норик и осаждали Норею» (Цезарь, I, 4-5).

«В пятый день до апрельских календ в год консульства Писона и Габиния (28 марта 58 г. до н.э.) огромные массы гельветов, до 300 тысяч, собрались на берегу Родана (Роны), готовые начать переселение». 1 марта 58 г. истек срок консульских полномочий Цезаря и он, став проконсулом, получил в управление Иллирию, Цизальпинскую и Наробоннскую Галлии.

Из земли гельветов в Галлию Косматую вели два пути — труднопроходимый по горным узким дорогам через земли секванов и более доступный через Провинцию. Гельветы, естественно, предпочитали второй, но его быстро перекрыл новый наместник — Цезарь. Гельветы пытались договориться с ним о мирном пропуске. Он не дал ответа сразу, предложил явиться к апрельским Идам (к 13 апреля) и успел за это время построить на границе укрепления. После этого пропустить гельветов отказался. Гельветам пришлось идти другим путем и вести переговоры с секванами. Здесь им повезло больше. Эдуй Думнориг, женатый на дочери Оргеторига, помог уговорить секванов. но за это время Цезарь успел набрать два новых легиона и, сконцентрировав все свои силы — 5 легионов, вышел за пределы Провинции. Гельветов он нагнал в земле эдуев, на переправе через Арар-Сону и полностью уничтожил оставшийся на левом берегу реки арьергард. Затем, наведя через Арар мост, нагнал остальные силы переселенцев, после некоторого маневрирования дал им бой. В упорном сражении гельветы были разбиты. Не менее двух третей в результате было перебито, а остальным Цезарь приказал вернуться обратно в Гельветию. Только бойям разрешил поселиться в земле эдуев.

Завоеватель Галлии подробно описывает ход событий начального этапа войны, но есть в его рассказе странные умолчания. Он ни словом не упомянул ни даков, ни Буребисту, ни разгром и изгнание бойев и тевриков. Что это? Недостаточная информированность? Вряд ли. Почти полное уничтожение двух крупных галльских племен в непосредственной близости от границ управляемых им провинций — события слишком значительные, чтобы быть незамеченными

Связь этих событий с выселением гельветов напрашивается сама собой. Цезаревское же объяснение причин их движения выглядит по крайней мере наивным и странным. Автора «Комментариев к Галльской войне» однако можно понять, если учесть обстановку, в которой это произведение было написано, в 52-51 гг. до н.э. Завоевание «Галлии Косматой» было завершено, но завоеватель попал в весьма щекотливое положение. С одной стороны его авторитет, власть и богатство возросли неизмеримо. Но, с другой стороны, возросла и сенатская оппозиция. Триумвират после гибели Красса и смерти Юлии, дочери Цезаря и жены Помпея, распался. Помпей окончательно занял просенатскую позицию. Был издан ряд законов, сильно затруднявших Цезарю дальнейший путь к неограниченной власти. Победителей не судят, но Цезаря судить собирались. Злоупотреблений, нарушений старых и новых римских законов в деятельности проконсула Галлии можно было при желании найти предостаточно. «Комментариями» Цезарь пытался оправдаться, отвести возможные обвинения (Утченко 1976, с.55). Одно дело, когда наместник Провинции не допускает вторжения в ее пределы агрессивных воинственных и безрассудных варваров. Другое дело, когда он не позволяет пересечь небольшой участок подвластной ему территории гонимому народу, отправляющемуся искать своего удела в землях, от Рима никак не зависящих. На ситуацию можно было взглянуть и так, и этак.

После поражения гельветов к Цезарю обратились «князья общин» почти всей Галлии. Беззастенчивый политик опять не уточняет, что за «князья общин» обратились к нему, упомянуты лишь эдуи и секваны, причем последние упорно молчали. Говорил лишь один Дивитиак: «германский царь Ариовист занял треть земли секванов, самой лучшей в Галлии, и теперь приказывает секванам очистить еще одну треть, так как несколько месяцев тому назад к нему прибыло 24 тысячи гарудов, которым должна быть предоставлена земля для поселения. Дело кончится тем, что через немного лет все галлы будут выгнаны из своей земли и все германцы перейдут через Рейн... Ариовист со времени своей победы над галльскими войсками при Магетобриге властвует высокомерно и жестоко, он требует в заложники детей самых знатных граждан... Это — человек дикий, вспыльчивый и вздорный; его деспотизма они выносить дальше не могут. Если они не найдут помощи у Цезаря или у римского народа, то всем галлам придется последовать примеру гельветов, покинуть свою родину, искать себе другой земли... подальше от германцев... Только Цезарь... может остановить германцев от переселения в еще большем количестве за Рейн и защитить всю Галлию от обид со стороны Ариовиста» (Цезарь, 1, 31).

«Князья общин» на собрании у Цезаря говорили лишь о необходимости общегалльского съезда, где нужно поставить вопрос о помощи Рима против германцев. Но Цезарь не стал дожидаться этого съезда и «другу римского народа» Ариовисту был предъявлен ультиматум, явно рассчитанный на то что он будет отвергнут — вернуть всех заложников и не допускать новых германских поселенцев за Рейн. Вся история с «призванием» римлян галлами — явно шита белыми нитками.

Ариовист, естественно, был возмущен Это было, конечно, открытое вмешательство во внутренние дела германцев и галлов.

Переговоры полководцев не принесли результата. В упорном и кровопролитном сражении в сентябре 58 г. войско свевов, куда кроме них самих входили гаруды, маркоманны, трибоки, вангионы и неметы, было разбито. Спастись, переправившись через Рейн, удалось не многим. Сам Ариовист спасся, но погибли обе его жены, свевка и норийка, сестра царя Воккиона.

Известие о поражении Ариовиста остановило и движение остальных свевов, уже подходивших к Рейну. На них к тому же напали прирейнские германцы-убии.

Цезарь отмечает, что свевы и племена их коалиции отличаются от других германцев, живущих непосредственно за Рейном, но ни он, ни другие древние авторы ничего не сообщают о том, откуда Ариовист привел эти племена, как протекало их переселение, чем оно было вызвано.

Некоторый свет на это могут пролить лишь археологические источники. Уже давно обратили внимание на группу трупосожжений с оружием и с керамикой, удивительно напоминающей пшеворскую, обнаруженных в районе Веттерау, на Майне (Peschek 1941; Peschel 1978). Многие исследователи так или иначе, в различном контексте, касались вопроса о свевах Ариовиста, существует достаточно обширная литература. Назовем лишь некоторые работы, где эта проблема рассматривалась наиболее целенаправленно.

В 1957 г. Рольф Хахманн показал картированием ряда типов вещей — оружия, фибул, поясных крючков, — что наблюдается определенная тенденция распространения вещей, широко представленных в оксывской и пшеворской культурах и в восточных районах Ясторф-Культур, на запад (Hachmann 1957).

В 1977 г. Карл Пешель продемонстрировал еще одну промежуточную группу типично пшеворских погребений на Средней Эльбе — ямы с многочисленными пережженными черепками пшеворских сосудов, согнутое оружие. Кроме того он собрал до-

сильно большое число (около 70 пунктов) находок характерной пшеворской керамики, часто выступающей в местном контексте. А это была смешанная «кельто-германская» зона и здесь ранее не были характерны ни ямные погребения, ни кремации с оружием. Основная концентрация пшеворских находок приходится на междуречье Заале и Эльбы. Выразительную картину дало также картирование полукруглых сферических умбонов щитов (Peschel 1977, с.261-281).

Несколько иную методику применил в 1978 г. К.Годловский. Он заметил, что в средней фазе позднего предримского времени, приблизительно на границе ППВ «b» и «c» прекращает существование уже сильно пшеворизированная к тому времени губинская группа на Одере и Нейсе, земли эти запустевают вплоть до периода B2 римского времени. Значительно уменьшается число памятников в междуречье Эльбы и Хавеля, прекращается нижнеодерская группа Ясторфа и здесь появляются носители оксывской культуры, обрывается группа Кобылы в Северной Чехии, гибнут оппидумы Моравии и городища кельтизированного поселения Южной Германии, а также оппидумы Тюрингии и Баварии. К этому же времени относится появление новых памятников с пшеворскими чертами на Средней Эльбе и на Майне (Godłowski 1978).

Параллельно продолжал свою работу К.Пешель и в вышедшей в том же 1978 г. монографии (Peschel 1978) показал отмеченные им ранее явления на более широком историко-археологическом фоне. Подробнее охарактеризовал памятники смешанной зоны и проследил их сложение в предшествующее время, отметил, что восточные элементы проникают на запад в хронологическоам горизонте фибул A, C, K, F и заметил, что хронологически непосредственно примыкая к описанному процессу, в горизонте фибул G/H начинается проникновение к югу и юго-западу новой волны, исходным районом которой была территория южного Альтмарка, бассейн Хавеля, вплоть до Пригнитца. Это движение фиксируется распространением высоких чернолощеных ваз-ситул и некоторых других форм сосудов (Peschel 1978). Вспомним, что и Цезарь неоднократно говорит о двух волнах германских переселенцев. Он потому и спешил напасть на Ариовиста, что ожидался подход к Рейну новых групп свевов. А среди них упомянуты гаруды, имя которых созвучно с гариями Тацита и хиррами Плиния, обитателями скорее всего восточных окраин распространения пшеворской культуры.

Соединение этих двух потоков переселенцев и создало, вероятно, к концу I в. до н.э. такое явление как «горизонт Гроссромштедт» (Рис. 64:II, 3). Выходцам с территории Польши при этом возможно принадлежала роль организующего, кристаллизирующего фермента, приблизительно та же, какую кельты Силезии в свое время сыграли в оформлении самой пшеворской культуры. И заключалась эта роль в создании военной организации, возможно, сохранявшей традиции и формы кельтской военной и социальной структуры эпохи их «исторической экспансии». Спустя несколько столетий эта традиция таким образом вернулась в земли, некогда являвшиеся центром формирования кельтской культурной общности, но носителями ее были уже германцы-свевы. Сам же кельтский мир эту традицию утратил в ходе «средневропейской консолидации» и «промышленной революции» периода ЛТ-С.

В наблюдаемых археологических явлениях улавливаются лишь некоторые общие тенденции и пока невозможно определить конкретные памятники маркоманнов, гарудов, трибоков и других племен, так же как и конкретные пункты исхода каждого из них. Не ясны остаются и причины их переселений. Скорее всего толчком служили какие-то климатические изменения, совпавшие с определенными социальными и политическими переменами. В частности, замечено, что влажный и холодный период второй половины II в. до н.э. и рубежа I в. до н.э. сменился в первой половине I в. до н.э. сухим и теплым, что должно было сказаться на плодородии легких песчанистых почв Пригнитца и Бранденбурга, где в это же время наблюдается прекращение ряда могильников (Germanen... 1976, с.209; 570).

Вернемся однако к Цезарю. Не будем подробно описывать дальнейший ход завоевания остальной Галлии, достаточно обстоятельно обрисованный им самим (Рис. 65а). При всей тенденциозности «Комментариев» фактическую канву происходившего он был вынужден давать довольно точно — слишком близки были события, слишком много среди читателей было непосредственных их участников. И чем точнее и детальнее изображал он ход сражений, тем больше доверия должна была вызывать и трактовка событий. Проведя зиму 57 г. в Цизальпинской Галлии, ранней весной этого года он напал на белгов. На этот раз он даже не искал подходящего повода, достаточно было того, что белги, нервии, адуатаки и венеты заключили между собой союз и собирали ополчения. Действовал он, как всегда, стремительно, войну начал раньше, чем ожидал противник. Хотя временами события разворачивались не совсем благоприятно для римлян, особенно во время борьбы с нервиями, спасала удачливость полководца и прекрасная выучка солдат, способных действовать самостоятельно,

когда руководитель терял нити управления своими войсками. В результате — полная победа над всей коалицией.

Весь 56 г. до н.э. ушел на войну с венетами и на завоевание северо-западной Галлии. Поскольку венеты были прекрасными моряками, пришлось и Цезарю создать свой флот.

В 55-54 г. он организовал две экспедиции в Британию, и, наведя мост через Рейн, совершил рейд против зарейнских германцев — узипетов и тенкретов. Эти операции продемонстрировали варварам, окружающим вновь захваченные земли, силу римского оружия, хотя и не принесли ощутимых результатаов.

Тем временем началось брожение в Галлии, галлы были завоеваны, но не были покорены. Осенью 54 г. вспыхнуло общегалльское восстание. В один день все зимние лагеря легионов оказались осаждены восставшими. Все пятилетние усилия чуть-чуть не пошли насмарку. Всю зиму 54 и весь 53 г. до н.э. Цезарь метался по Галлии. Едва удавалось затоптать один очаг восстания, как огонь его вспыхивал с новой силой в другом месте. Особенно напряженным и решающим был 52 г. до н.э. Восставших возглавил молодой вождь арвернов Верцингеторикс. Он предложил новый план войны, войны партизанской. Галлы должны были сжечь свои села, укрыться в лесах и в наиболее укрепленных оппидумах. С большим трудом Цезарю удалось соединить разъединенные было силы его армии и осадить, наконец, самого Верцингеторикса в Алезии. Впрочем к восставшим прибыло пополнение, Цезарю самому пришлось строить укрепления. Но более опытные в шанцевой войне римляне одержали победу, Верцингеторикс сдался.

После поражения под Алезией воинственный дух галлов был наконец сломлен. Слишком много воинов погибло, слишком много населения было захвачено и продано в рабство. Оставшиеся были сломлены concordia (милостью) Цезаря. На разоренные племена он налагал иногда удивительно низкую контрибуцию, арвернам вернул 20 тысяч пленных — Риму были нужны не пустые выжженные земли, а будущие налогоплательщики, хотя некоторые непокорные общины Цезарь вырезал полностью. Всем оборонявшим город Укселлодун он приказал отрубить руки. Но в то же время он осыпал поддержавших его вождей наградами, льстил им. Местное самоуправление повсеместно сохранялось, местные культы и религия не преследовались, за исключением самого института друидизма. Римляне, наученные горьким опытом общегалльского восстания и успевшие хорошо узнать галлов, старались не особенно задевать их болезненное самолюбие. Процесс романизации начался, но был очень медленным и постепенным.

Археологически последствия римского завоевания Галлии изучены еще недостаточно. Самую выразительную картину дают, конечно, раскопки Алезии, но они были проведены еще в прошлом веке Наполеоном III, и не на очень высоком методическом уровне (Gall 1963; Широкова 1989, с.128-133). Полностью эти материалы еще не изучены.

Велись небольшие раскопки и на некоторых других оппидиумах — в Бибракте, в Герговии, в ряде других мест (Collis 1975 с.170-210). В последние годы особенно активно ведется исследование Бибракты, создан специальный научный центр по ее изучению, работает международная экспедиция (Beck et alli 1987; Le fouille... 1988). Результаты раскопок и исследований достаточно хорошо иллюстрируют описания Цезаря, например, изучение фибул из Алезии подтвердило участие в осаде оппидума легиона, присланного Помпеем в помощь Цезарю из Испании (Duval 1974). Но серьезной работы, обобщающей все данные последних лет о Галлии времен Цезаря, пока не появилось Несколько лучше исследованы области прирейнских германцв, тех самых «германцев», которые носили это имя, но были скорее всего «народами между кельтами и германцами». Ни на их территории, ни в самой Галлии не наблюдается пока резких перемен материальной культуры. Появляются или находят более широкое распространение лишь некоторые новых формы фибул — наухаймские, тип Алезия и тип Езерине, шарнирные щипповые и простые проволочные «воинские», близкие по облику и конструкции позднелатенским M\N, но с меньшим прогибом спинки. Некоторые из этих форм имеют свои прототипы в Цизальпинской Галлии или в Иллирии, где Цезарь набирал свои легионы (Rieckhoff 1971).

По окончании войны в Галлии Цезарь, как уже говорилось, попал в щекотливое положение. В 51 г. он был вынужден еще подавлять отдельные очаги затухающего восстания, в 50 г. занимался устройством местных дел, а 1 марта 49 г. истекал срок его проконсульских полномочий. По закону он должен был распустить войска и явиться частным лицом к стенам Рима. Входить в город он не имел права. Но так он не успевал к консульским выборам на 49 год. Ему предстояло бы ждать до 1 января 48 г., почти год числиться лишь рядовым гражданином, быть лишенным «депутатской неприкосновенности». А одно обвинение — о незаконном даровании прав римского гражданства жителям города Нового Кома — уже было выдвинуто. Просьбу же о разрешении баллотироваться заочно сенат отклонил. Не будучи избранным в консулы Цезарь не только лишил-

ся неприкосновенности, но и не мог выполнить многих обещаний о различных льготах своим соратникам и солдатам. Выборы на 49 г. состоялись без Цезаря, консулами были выбраны его противники, сразу же был назначен новый наместник его провинций — Домиций Агенобарб. Тогда Цезарь, находившийся в Цизальпинской Галлии, вызвал свои войска из-за Альп, а сам с XIII легионом 13 января 49 г. перешел пограничную речку Рубикон и двинулся к Риму. Началась гражданская война.

Сенат поручил Помпею организовать отпор, но переход через Рубикон и дальнейшие действия Цезаря были столь стремительны, что Помпей не успел ничего предпринять. Он бежал в Македонию, чтобы там собирать силы, оставив Рим своему противнику.

3. Цезарь, Клеопатра и царица Динамия.

9 августа 48 г. до н.э. при Фарсале на севере Греции Цезарь разбил Помпея. Побежденный полководец бежал на юг, сопровождаемый всего четырьмя всадниками. Удалось добраться до о.Лесбос, где находилась жена его Корнелия, сын Секст и немногочисленные сторонники. На вопрос, куда он намерен направиться, Помпей ответил — в Парфию! Только парфяне могли в этот момент дать действительно боеспособную армию. Соратники отговаривали: нужно поберечь чувства Корнелии, первый муж которой, Публий Красс, пал при Каррах (Плутарх, Помпей, 76). Но дело было не только в этом романтическом мотиве. Еще в самом начале гражданской войны Помпей искал союза с парфянами. Поначалу без успеха. Парфяне потребовали платы черзмерной — Сирию — и заключили посла Помпея в оковы. Но теперь Помпей готов был пойти на эту жертву. Его тесть Сципион, отец Корнелии, бывший проконсулом Сирии, потребовал от местных правителей и городов выплаты всех задолжностей, собрал налоги на год вперед и вывел войска из Сирии, оставляя их парфянам. Поборы эти вызвали возмущение, местное население и жившие там римляне стали поддерживать Цезаря и заявили, что не впустят к себе Помпея. Путь в Парфию оказался отрезанным.

Выход оставался один — Египет. В свое время в 56-55 гг. до н.э. Помпей и его друг Авл Габиний, бывший тогда наместником Сирии, помогли восстановить на александрийском престоле изгнанного Птолемея Авлета, Помпей, будучи консулом, добился для Габиния продления его наместничества и тот вместе со своим начальником конницы Марком Антонием ввел римские войска в Египет. Сделал он это без разрешения сената и имел потом большие неприятности. Через год Авлет умер, но и его детей, ставших супругами, тринадцатилетнего Птолемея XIII и двадцатилетнюю Клеопатру, Помпей мог рассматривать как союзников, так же как и Габиния, все еще стоявшего с римским отрядом в Египте. Еще совсем недавно, весной 49 г., в Александрии был его старший сын Гней и привел оттуда 50 боевых кораблей и транспорт хлеба. Направляясь в Египет, Помпей не знал однако, что, пока он сражался в Греции, ситуация изменилась. Молодые супруги рассорились, Клеопатра была изгнана и в данный момент осаждала с набранными в Палестине наемниками пограничную крепость Пелусий. К лагерю Птолемея около Пелусия прибыли небольшая флотилия Помпея. В лодке, которая была прислана, чтобы доставить полководца на землю, по приказу молодого фараона Помпей был убит.

Слухи распространяются удивительно быстро. Молва о битве при Фарсале опережала и гонимого Помпея и преследовавшего его Цезаря. Не успел победитель покинуть Грецию, как к нему начали прибывать посланники из разных уголков ойкумены, в том числе и от царя Боспора Фарнака. Обделенный и обиженный в свое время Помпеем сын Митридата Евпатора надеялся получить свое у Цезаря, предлагал руку дочери, восемнадцатилетней Динамии. Но тому было не до боспорской принцессы. Он спешил в Египет.

Тогда Фарнак начал действовать на свой страх и риск. Отчаявшись получить царство своего отца из рук римлян, он решил отвоевать его своими руками. Точнее руками своих союзников-сарматов. «Абеак, царь сираков, выставил 20 тысяч, Спадин же царь аорсов даже 200 тысяч, однако верхние аорсы выставили еще больше» (Страбон, XI, 5, 8).

Прежде всего Фарнак осадил Фанагорию и, взяв город, срыл его стены. Следы его деяния выявили археологи, раскопав устроенные позднее на месте разрушенной стены гончарные печи I в. до н.э. — I в. н.э., обнаружив следы пожара и найдя каменные ядра метательных орудий (Цветаева 1965). Затем он покарал вышедшее из повиновения племя дандариев, прокопав старое русло Кубани и затопив их земли. Когда же тыл был обеспечен, его войска заняли Колхиду, Малую Армению, Каппадокию и Вифинию. Действовал он так смело, зная свою безнаказанность. Цезарь в Египте попал в ловушку. Он попытался примирить Птолемея с Клеопатрой, причем, плененный красотой и обаянием юной царицы, тайком пробравшейся в его покои, был более на ее стороне. Жители Александрии и придворные царя, опасавшиеся давно уже ожидавшегося акта превращения страны в римскую провинцию, восстали и осадили Цезаря во дворце фараонов. Действовали

против него и габиниевы солдаты, сторонники Помпея к тому же прижившиеся в Египте и не желавшие возвращаться к суровой дисциплине римской армии.

Положение было очень тяжелым. Три с небольшим тысячи цезаревских солдат должны были оборонять припортовый участок города и дворец против многотысячных толп горожан, регулярной египетской армии и легионеров Габиния. К счастью, Цезарю удалось захватить гавань и маяк на о.Фарос, удержать в своих руках выход в море. Но часть флота пришлось потопить, часть кораблей разослать с призывами о помощи. Организовать эту помощь Цезарь поручил не кому-либо из своих легатов, а присоединившемуся к нему после поражения Помпея побочному сыну Митридата Евпатора, царевичу Митридату Пергамскому.

Одно из таких писем с призывом о помощи, адресованное наместнику римской провинции Азия Домицию Кальвану, было перехвачено людьми Фарнака Боспорского. Фарнак должен был вступить в бой с основными силами тетрарха Галатии Дейотара, вождя кельтского племени толистоборгов, владевшего землями бывшего Понтийского царства. На помощь галатам спешил Домиций Кальван с XXVII кадровым легионом римской армии, Фарнак поспешил переправить письмо по назначению. Легион покинул своего союзника и отправился морем в Египет, а боспорский царь без особого труда разбил у г.Никония войска галатов и фактически стал властителем почти всей Малой Азии. Цель обиженного сына Митридата Евпатора была, казалось, достигнута — царство отца было в его руках.

Тем временем Митридату удалось организовать помощь осажденному Цезарю. От различных местных правителей он набрал армию из отрядов сирийских, финикийских, греческих, арабских. Полторы тысячи латников дал правитель Иудеи Антипатр. Иудеи не могли простить Помпею осквернения Иерусалимского храма. Он, будучи в Иерусалиме, вошел в то помещение, «святая святых», где пребывал, по верованиям иудеев, бог Ягве и куда вход непосвященным был воспрещен. Поэтому они были готовы поддержать любого противника богохульника. Направился к берегам Египта и родосский флот, моряки которого считались самыми умелыми в Средиземном море. Совместными действиями Цезаря и Митридата войска египтян были разбиты. Молодой фараон «пропал без вести». Осада была снята. Еще два месяца провел Цезарь в Египте, путешествовал с Клеопатрой по Нилу, затем выдал Клеопатру замуж за очередного младшего брата, десятилетнего Птолемея XIV и, наверстывая время, стремительным маршем бросился в Малую Азию. Такого марша-бро ска история еще, пожалуй, не видела. Менее чем за два месяца, с небольшой задержкой в Антиохии, его легионы промаршировали, точнее, видимо, пробежали от Александрии через Иудею и Сирию до города Зелы в центральной части Малой Азии, где стоял лагерем никак не ожидавший его Фарнак. А на кануне неожиданного появления Цезар Фарнак узнал к тому же, что он больше н царь Боспора — он свергнут Асандром, на местником, которого он оставил вместо себ для управления делами.

Попытка договориться с Цезарем н увенчалась успехом и деморализованный Фа нак был разбит полностью. Именно после эт победы Цезарь бросил крылатую фразу: «ve vidi, vici» — «Пришел, увидел, победил!»

Ситуацией тут же поспешили воспольз ваться жители Херсонеса, подчинявшие Фарнаку. До нас дошел декрет (IPE I2, 691) честь Гая Юлия Сотира, который в 46 г. до н совершил посольство к Юлию Цезарю и доби ся предоставления городу независимости (В ноградов 1989).

Побежденному Фарнаку оставалос или покончить с собой, или попытаться ве нуть себе Боспорское царство силой. С ос татками войск он высадился в Фанагории, столкновение с Асандром кончилось неуда но. Фарнак был ранен и вскоре умер. Асандр женился на его дочери Динамии стал, таким образом, законным наследник боспорского престола.

О происхождении этого нового цар мало что известно. Предполагали, что он бы представителем старой боспорской династ Спартокидов (Gajdukewič 1971, с.324). Посл дующий ход событий и раскопки дают, одн ко, некоторые основания думать о тесны связях его с племенем «мощноконных» а пургиан, появившихся в Прикубанье еще конце II в. до н.э. вместе с волной роксол ского движения. С.П.Толстов, на основан сходства родовых знаков, тамг боспорски царей династии, основанной Асандром и е сыном Аспургом, считает, что они были вы ходцами из Средней Азии, «отраслью хоре мийских Сиявушидов» (Толстов 1948, с.18 186), но это предположение встречает реш тельные возражения (Драчук 1975, с.61).

Оценка исследователями роли предст вителей новой династии и всех процессо которые нашли свое отражение в «сармат зации» культуры Боспора, начиная с серед ны I в. до н.э., отнюдь не однозначна. Ес одни, отмечая появление варварских элеме тов, усиленно подчеркивают процесс «сарм тизации» (Десятчиков 1974), то други склонные его отрицать полностью (Корпус ва 1983, с.83 сл.) или признавать лишь ча тичное воздействие при сохранении «греч

ской окраски» (Гайдукевич 1955, с.140; Блаватский 1959, с.33; Кругликова 1975, с.233). А.Масленников попытался продемонстрировать, что варварское воздействие на культуру жителей Боспорского царства в разных его районах было различным (Масленников 1990). Если Ю.М.Десятчиков считает, что новая династия опиралась на варварскую аристократию и проводила политику в ее интересах (Десятчиков 1974), то А.А.Масленников думает, что «политика, не учитывающая прежде всего внутренних интересов Боспора, ориентированная на зависимость и слишком тесную связь с соседними племенами и внешние авантюры, не пользовалась успехом среди основной массы жителей Боспора. Попытки ее проведения всякий раз осуществлялись под «знаменем» митридатовских традиций. Напротив, программа, реализованная Асандром, более отвечала интересам Боспора и в основном продолжалась его преемниками. Причем она была объективно связана с проримской ориентацией» (Масленников 1990, с.163).

Единственным более или менее серьезным аргументом в пользу связи боспорских правителей с сарматским миром остается созвучное названию аспургиан имя сына Асандра и Динамии — Аспург, да косвенные археологические данные о «сарматизации» — некоторые черты погребальных обрядов, появление лепной керамики, тамги, некоторые детали вооружения воинов, изображенных на надгробиях, и т.д. Оценивать их можно поразному, но какой ни была бы недоступная нам реальность, приходится признать, что некая «волна» варварского влияния на Боспор во второй половине I в. до н.э. все же имела место (Масленников 1990, с.61).

При современном состоянии источников, очевидно, трудно установить истинное положение дел и проследить все извивы политики разных царей новой династии, вникнуть во все побудительные мотивы их действий. Тем более что нам не известно расположение сил в сармато-меото-скифском варварском мире, который отнюдь не был единым и был к тому же подвергнут изменениям. А политика боспорских царей во многом зависела от расстановки сил в этом мире и от расстановки сил на мировой политической арене.

В глазах Цезаря Асандр, несмотря на женитьбу на законной наследнице митридатовского престола, оставался узурпатором. На Боспоре Риму нужен был свой человек, Цезарь, вероятно, уже обдумывал план кампании против парфян, где Боспору отводилось видное место плацдарма для удара через Кавказ во фланг и тыл Парфии. Права на боспорский престол он передает своему другу и помощнику Митридату Пергамскому. Но отвоевать себе свое царство тот должен уже сам. У Цезаря и других хлопот много — в Италии поднял мятеж Марк Целий Руф, в Африке объединили свои усилия постоянный оппонент по сенату Катон и царь Мавритании Юба I. Путь Митридата лежал через Кавказ. Здесь он встретился с войсками Асандра и погиб (Аппиан, Митридат, 121; Дион Кассий, XLII, 48, 4; Страбон, XIII, 4).

В составе армии Митридата Пергамского по всей вероятности были и какие-то вспомогательные отряды римских войск, в том числе и те, что участвовали в Галльских войнах и носили фибулы типа Алезия. Иначе трудно объяснить попадание этой своеобразной формы шарнирных застежек в Пантикапей (находка в кургане Ак-Бурун) и на Кавказ (Щукин 1989д). Фибула, сделанная по образцу Алезии, попала, в частности, в комплекс кургана I у Зубовского хутора на Средней Кубани, и даже в Поволжье (Скрипкин 1990, рис.38:33).

Это небольшая группа курганных захоронений, так называемая Зубовско-Воздвиженская, уже давно привлекает исследователей своей неординарностью. Одиннадцать очень богатых захоронений (5 мужских, 3 женских и 3 неопределенных). Воины-катафрактарии в римских кольчужно-пластинчатых панцирях с фалерами, у одного — римское копье-пилум (Симоненко 1989). В могилах стеклянные и бронзовые сосуды в основном малоазийского или италийского производства. Серебряная чаша-фиала еще V-IV вв. до н.э. с посвящением «Аполлону-Предводителю, что в Фасисе». (Ограбили святилище?) Многочисленные украшения в эллинистической ювелирной технике с зернью и цветными вставками, а также некоторые украшения сарматского бирюзово-золотого звериного стиля. Высокий социальный статус погребенных подчеркнут помещением в могилы жезлов со звериными изображениями или с древними каменными топорами вместо навершия.

К проблеме интерпретации и датировки этих погребений исследователи обращались неоднократно (Березовская 1989; Гущина, Засецкая 1989, там же дальнейшая литература). Но каждый раз датировка получалась слишком широкой для 11 захоронений, растягивалась на два-три столетия: III в. до н.э. — II в. н.э.; I в. до н.э. — I в. н.э. и т.д. с различными вариациями.

Если же считать, что все погребения принадлежат сравнительно небольшой родственной группе, опереться в основном на вещи, хронология которых разработана достаточно надежно и использовать «узкие» даты, то получится, что все захоронения были совершены в сравнительно коротком интервале второй половины I в. до н.э. — начала I в. н.э. (Щукин 1992).

Были ли это вернувшиеся из неудачного похода Фарнака его союзники сарматы, возможно, действительно сираки, как полагает большинство исследователей, или это какой-то контингент из сдавшейся Асандру армии Митридата Пергамского, поселенный Асандром за пределами государства в союзной (или враждебной) сармато-меотской среде — сказать трудно. Создание таких «буферных» социальных образований, своего рода «казаков», достаточно широко практиковалось в древнем мире. Например, создание римлянами «царства Ванния», о чем у нас пойдет речь дальше.

Интересно, что имеются в Зубовско-Воздвиженской группе захоронений и некоторые восточные элементы. Впервые являются изделия в бирюзово-золотом стиле (Гущина, Засецкая 1970, Табл.XI, II9; XII, 115). Один из погребенных носил шаровары, скрепляющиеся на щиколотках круглыми серебряными бляхами. Они найдены в погребении под пятками покойного (Гущина, Засецкая 1970, с.125, Табл.IV, 35). Как заметил С.А.Яценко такая деталь характерна для согдийского и кушанского костюма, добавим в частности, что круглые бляхи на щиколотках изображены на известной статуе из Хатры (Луконин 1977, с.107), и у всадника на фаларе из Кривой Луки (Двориченко, Федоров-Давыдов, 1981) и др. Неожиданное сходство с гончарной керамикой Иволгинского, хуннского городища в Забайкалье обнаруживает один из сосудов (Щукин 1992, рис.2) (Рис.66).

Указав еще ряд восточных элементов, Б.А.Раев и С.А.Яценко приходят к заключению, что мы имеем дело с первой группой алан, проникших с востока (Раев, Яценко 1993). Возможно это и так, выходцы с востока вполне могли принимать участие наряду с другими сарматами в мероприятиях Фарнака и Асандра, хотя первые упоминания об аланах в письменных источниках весьма смутны. Мы еще вернемся к этому вопросу позже (см.стр. 209). Возможно восточные элементы действительно попадали в Предкавказье по начавшему функционировать в 36 г. до н.э. «шелковому пути» из Китая (Берлизов 1992), хотя импульсы эти не обязательно ограничивались лишь торговлей.

Ясно одно — в Зубовско-Воздвиженской группе курганов погребены два поколения представителей варварской военной аристократии, современников Асандра и Аспурга, возможных участников и дальнейших событий на Боспоре и в Предказказье.

Определенное отражение событий можно найти в Прикубанье не только в Зубовско-Воздвиженской группе курганов левобережья среднего течения реки, но и в некоторых других. Упомянем лишь кельтский железный шлем I в. до н.э. из Бойко-Понура (Trejster 1993, рис.6, с.793), очевидно тоже добыча или воинов Фарнака в Галатии, или воинов Асандра, захваченная у войск Митридата Пергамского.

Захоронение одного из современников событий обнаружено и на Дону. В кургане 26 у пос.Алитуб найдены монеты Митридата Евпатора и Асандра и бронзовый котелок римского легионера типа «Сиския», Е 136, ступени B1a (Raev 1986, рис.11, с.139-149).

Цезарь вряд ли простил бы Асандру смерть Митридата, если бы план большой восточной кампании оказался реализованным. Первым этапом ее должна была стать Дакия Буребисты, вторым, вероятно, припонтийские земли, а третьим — Парфия. Армия уже была готова, планы разработаны, но за четыре дня до отъезда из Рима, в марте 44 г. до н.э Цезарь был убит заговорщиками-республиканцами. Возродить республиканскую форму правления однако было уже невозможно Опять началась гражданская война.

Возник конфликт между «начальником конницы» убитого диктатора, т.е. по армейской службе первым его заместителем, Марком Антонием и усыновленным по завещанию внуком сестры Цезаря девятнадцатилетним Гаем Октавианом. Пасынка никто не принимал в расчет, но он решительно претендовал на наследование не только денег, но и положения своего отчима.

Республиканцы собрали свои силы на востоке, и наследникам Цезаря, несмотря на разногласия, пришлось объединить усилия Возник «второй триумвират»: два боевых соратника Цезаря — Марк Антоний и Марк Лепид — и молодой Октавиан. Республиканцы были разбиты. Марк Брут и Гай Кассий, организаторы и вдохновители «мартовских ид», покончили с собой. Триумвиры поделили сферы влияния. Лепид получил Африку, его политическая роль все падала и вскоре сошла на нет. Октавиану достался Запад, ему предстояло бороться с «пиратским государством» Секста Помпея, а Антонию — Восток. Задачей последнего была организация отпора парфянам. В Тарсе Антоний собрал в 41 г. до н.э. всех подвластных и полузависимых государей Востока, чтобы продиктовать волю римского народа, заручиться поддержкой, обсудить планы. Была вызвана и Клеопатра, царица Египта. Начался знаменитый скандальный роман Антония и Клеопатры.

Был, вероятно, в Тарсе и Асандр. Во всяком случае, начиная с 41 г. до н.э. он чеканит золотые монеты с портретом Марка Антония и с собственной царской титулатурой. До этого, при жизни Цезаря, не признававшего боспорского узурпатора царем, выпускались монеты с изображением Цезаря, а сам он титуловался архонтом. Как только диктатор погиб, Асандр поспешил выпустить

монету с собственным портретом, затем заменив его изображением сначала Антония, а с гибелью последнего — Августа.

В 40 г. в связи с назревавшей парфянской угрозой (враги были уже в Малой Азии, в Сирии и в Финикии) триумвирам опять пришлось отложить на время свои разногласия. В подкрепление союза Антоний женился на Октавии, сестре Октавиана. Юридически его брак с неримлянкой Клеопатрой все равно считался недействительным. Парфян удалось оттеснить, но когда в 36 г. до н.э. Антоний совершил рейд на парфянскую территорию, это закончилось полным разгромом. Антоний попытался реализовать заключительный этап плана восточной кампании, разработанного Цезарем. Поход начался на севере, из города Карана (Эрзерума). Через Армению и Мидию следовало ударить прямо в сердце Парфянской державы. Но подготовлен поход был плохо, римляне имели слишком смутные представления о странах, через которые они двигались, не знали дорог, местных условий. Огромный парк осадных машин застрял на горных переходах, войска растянулись. Подвели и союзники — армянский царь Артавазд увел свою армию, царь Понта Полемон сдался в плен. Не сумев взять столицу Мидии Фрааспу, не сумев дать решающего сражения, под угрозой надвигающейся зимы Антоний был вынужден отступить (Бокщанин 1966, с.108). Четвертая часть его войска погибла в сражениях и от холода при переходе через заснеженные горы Армении. Октавиан же действовал успешно, с пиратами Секста ему удалось справиться.

Антоний вернулся в Египет, к Клеопатре, признал ее детей, официально женился и держал себя скорее как восточный монарх, чем как представитель «римского народа». Конфликт триумвиров стал неизбежен и закончилось все морским сражением при Акции 2 сентября 31 г., а затем гибелью Антония и Клеопатры. Драматические и достаточно хорошо известные события.

Пока шла борьба триумвиров, власть Асандра на Боспоре все укреплялась. Он успешно усмирил пиратов, постоянный бич черноморской торговли, отгородился от скифов степного Крыма валом. Предполагали расположение этого вала у Перекопа (Сокольский 1957), но более вероятно, что он отгораживал лишь Керченский полуостров. Как полагает А.А.Масленников, тогда же создается сеть военных поселений и крепостей, заселенных разноплеменным населением (Масленников 1983; 1990, с.97).

В 24 г. до н.э. Асандр попытался вернуть Боспору власть и над Херсонесом, о чем сохранились, правда, лишь легендарные сведения в сочинении позднем — «О управлении империей» Константина Баргрянородного (Анохин 1989). За эту попытку Асандру пришлось расплатиться. В 20/21 г. до н.э. Август, устраивая дела в своем государстве, посетил Малую Азию. И в том же году на Боспоре была выпущена монета не Асандра, а Динамии. Единственный экземпляр этой монеты был обнаружен в 1983 г. при раскопках варварского святилища Гурзуфское седло (Анохин 1989; Сапрыкин 1989). Вероятно Август строго соблюдал все распоряжения Цезаря и, наказывая Асандра, попытавшегося нарушить свободу, данную Цезарем Херсонесу, отстранил Боспорского царя от власти, заставив передать трон Динамии. Дальнейшая ситуация не очень ясна. Источники сообщают, что Асандр умер в возрасте 93 лет, хотя еще в 90 лет он никому не уступал ни в конном, ни в пешем бою (Дион Кассий, LIV, 24, 4). Умер же он, уморив себя голодом, когда власть на Боспоре захватил самозванец — Скрибоний, выдававший себя за внука Митридата Евпатора. До смерти Асандр, однако, успел еще выпустить три монеты, то есть считался царем. Скорее всего в стране было двоевластие. Динамия вышла замуж за Скрибония, но он был изобличен в обмане и убит. В 16 г. до н.э. Динамия вновь выпускает монету от своего имени. Золотой статер с ее портретом на аверсе и эмблемой Ахеменидов — полумесяцем и звездой — на реверсе (Рис. 67:2).

Такой поворот событий, вероятно, взволновал римлян. Боспор уж очень подчеркивал свою ахемендиско-митридатовскую линию в политике. Зять Августа Агриппа, ставший в это время наместником на Востоке, назначил своего преемника на престол Боспора, человека надежного и преданного Риму. Это был понтийский грек Полемон, сын ритора Зенона, человек, выслужившийся во времена Марка Антония. За готовность помочь в экспедиции против Парфии в 36 г. до н.э. он получил ни много ни мало, а все Понтийское царство, а также права римского гражданина и право носить тогу. Этого царя теперь звали Марк Антоний Полемон. Из парфянского плена он уже вернулся, на его сомнительное поведение во время похода победитель Антония смотрел, вероятно, сквозь пальцы и кому как не ему, нынешнему царю Понта, было взять в руки принадлежавшее ранее Понту Боспорское царство.

Полемону же приходится на Боспоре утверждать свою власть силой. Собственных сил, впрочем, мало и он просит помощи у Агриппы. Тот собирает огромный флот из всех малоазийских государств, спешит ему в подмогу со своим флотом и царь Иудеи Ирод. Все эти силы концентрируются в Синопе. Непосредственное вмешательство, впрочем, не понадобилось. Полемон на Бос-

поре утвердился и женился на Динамии.

Яркие иллюстрации к этим событиям дают раскопки. Археологи без труда распознают «почерк Полемона»: следы разрушений неподчинившихся городов и селений конца I в. до н.э. Тогда были разрушены Танаис в устье Дона и ряд укреплений на Тамани. Интересную картину полемоновского разрушения, важную для понимания всей ситуации на Боспоре, раскрыли раскопки дома-крепости некоего Хрисалиска, вероятно, одного из приближенных царя Асандра (Сокольский 1975; 1976) (Рис. 67).

Огнем и мечом усмирил Марк Антоний Полемон, сын Зенона из Лаодикии, недовольных боспорцев и их союзников аспургиан. Волей судьбы и волей Агриппы стал он царем опять объединенного Понта и Боспора и мужем 50-летней внучки великого Митридата Евпатора. Воспитанник римлян, он хорошо освоил официальную фразеологию империи, никогда не забывал назвать Августа «божественным», «забывая» иногда называть себя царем (Голубцова 1971, с.82); город Пантикапей, столицу Боспора, он переименовал в Кесарею, а Фанагорию — в Агриппею. Но, очевидно, он не очень хорошо разбирался в интригах боспорского двора, не понимал важности традиционных связей с окружающими племенами, не доучитывал авторитета Динамии. Иначе он не совершил бы опрометчивого шага, разведясь с нею. А развелся он, чтобы заключить более выгодный с его точки зрения брак и стать непосредственно родственником самого Августа. Женился он на Пифадориде, дочери богатого грека из Тралл, а матерью Пифодориды была Антония, дочь Марка Антония и Октавии, сестры Октавиана Августа.

Жениться на внучке знаменитого Марка Антония, внучатой племяннице божественного Августа и на дочери одного из богатейших людей в Средиземноморье. Это ли не выгоднейшая партия?! Но не на Боспоре. Оскорбленная Динамия со своим сыном Аспургом бежала к родственникам по матери (Gajdukevič 1971, с.329), а, возможно, и родственникам первого мужа, к жителям Прикубанья. В борьбе с ними Полемон попал в засаду, устроенную аспургианами, был захвачен в плен и убит. Это случилось в 8 г. до н.э

Источники молчат о дальнейших событиях на Боспоре и только нумизматика дает возможность догадываться о сложившейся ситуации. Начиная с 8 г. до н.э. по 7 г. н.э. на Боспоре чеканятся монеты, на аверсе которых портрет Августа, а на реверсе бюст другого человека с чертами, явно не греческими, и монограмма Динамии. Вероятно, Динамия правила в эти годы совместно с сыном Аспургом Ее участие в политических делах, впрочем, некоторыми исследователями подвергается сомнению (Фролова 1978). Предполагается возможность и несколько иного хода событий Динамия умерла раньше, до женитьбы Полемона на Пифадориде. Последняя после гибели мужа некоторое время противостояла Аспургу. Тогда-то и была в Герменассе установлена ею статуя Ливии. Постамент статуи обнаружен в 1983 г. (Болтунова 1989).

Так или иначе, Рим, очевидно, в конце концов молчаливо признал их власть (Аспурга), он в свою очередь лояльно относился к римским властям. На монетах — изображение Августа, нет ахеменидско-митридатовской эмблемы, нет царского титула. Из Пантикапея и Фанагории происходят посвятительные надписи этих лет в честь Августа и в честь его жены Ливии (Gajdukevič, 1971 с.331). Спокойствие и утверждение местной династии было куплено хотя и номинальным но подчинением Риму.

Достаточно очевидно, что события на Боспоре так или иначе связаны с процессами протекавшими в широком кругу варварских племен. Некоторые уже отмечались — перемещение центра богатых погребений из степей Правобережной Кубани в междуречье Лабы и Кубани (Ждановский, Марченко 1988 с.49), переселение меотского или меотско-сарматского населения из Прикубанья в Подонье после Полемона (Каменецкий 1965) и др. Но создание единой картины — дело будущего. До последнего времени сарматологов слишком часто отвлекала трудноразрешимая проблема этнической, точнее племенной, атрибуции памятников, что тормозило реконструкцию исторических событий.

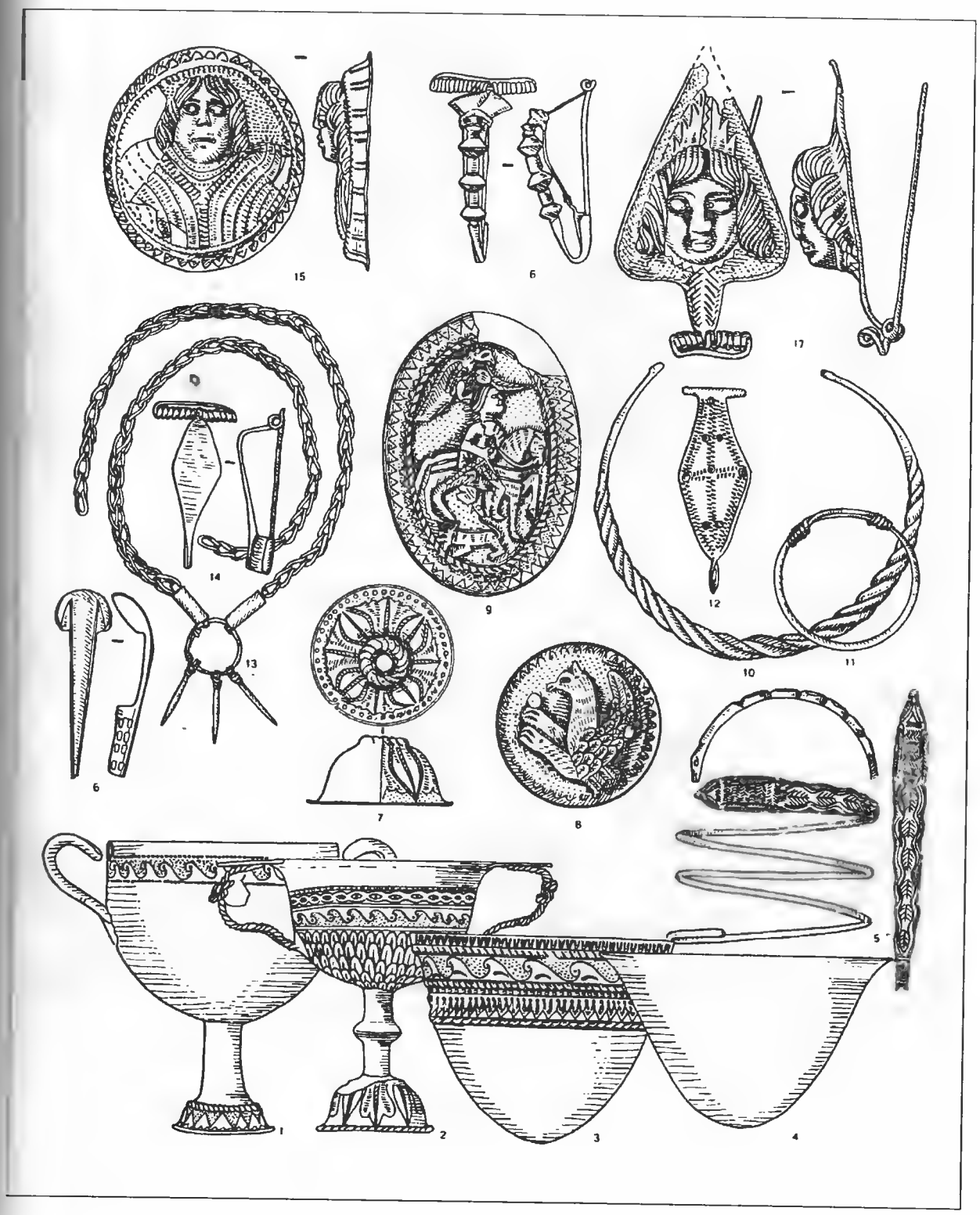


Рис. 65. Дакийское серебро. 1—3 — Сынкрэйени; 4 — происхождение не известно; 5,17 — Коада Малулуй; 6 — Себнереуш; 7—9 — Суркеа; 10-12 — Пояна; 13 — Медиаш; 14,16 — Шаеш, 15 — Хэрэстрау.

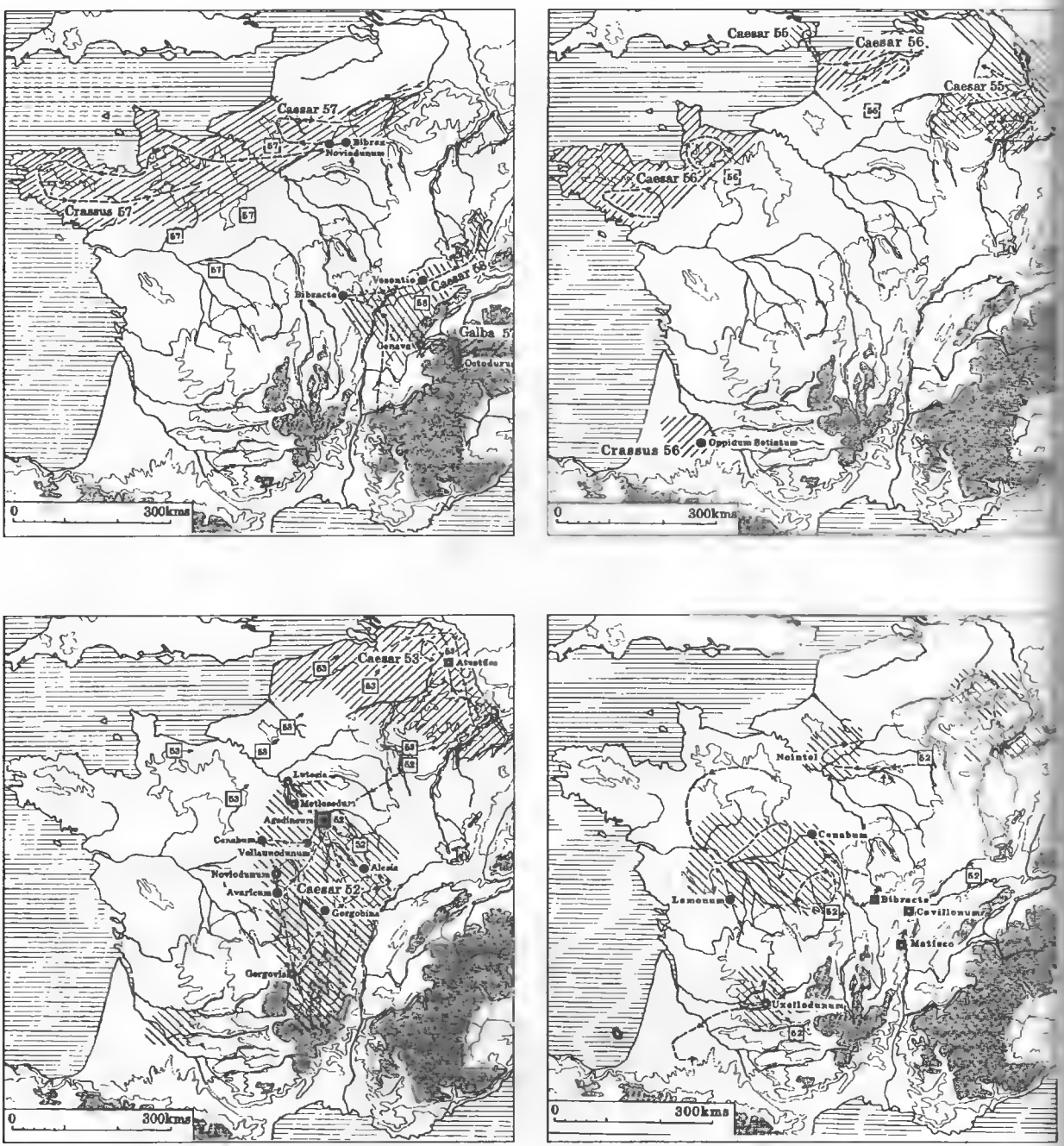


Рис.65а. Галльские кампании Юлия Цезаря (по J.Collis, 1992). 1 — 58-57 гг. до н.э.; 2 — 56-55 гг. до н.э.; 3 — 53-52 гг. до н.э.; 4 — 51 г. до н.э.

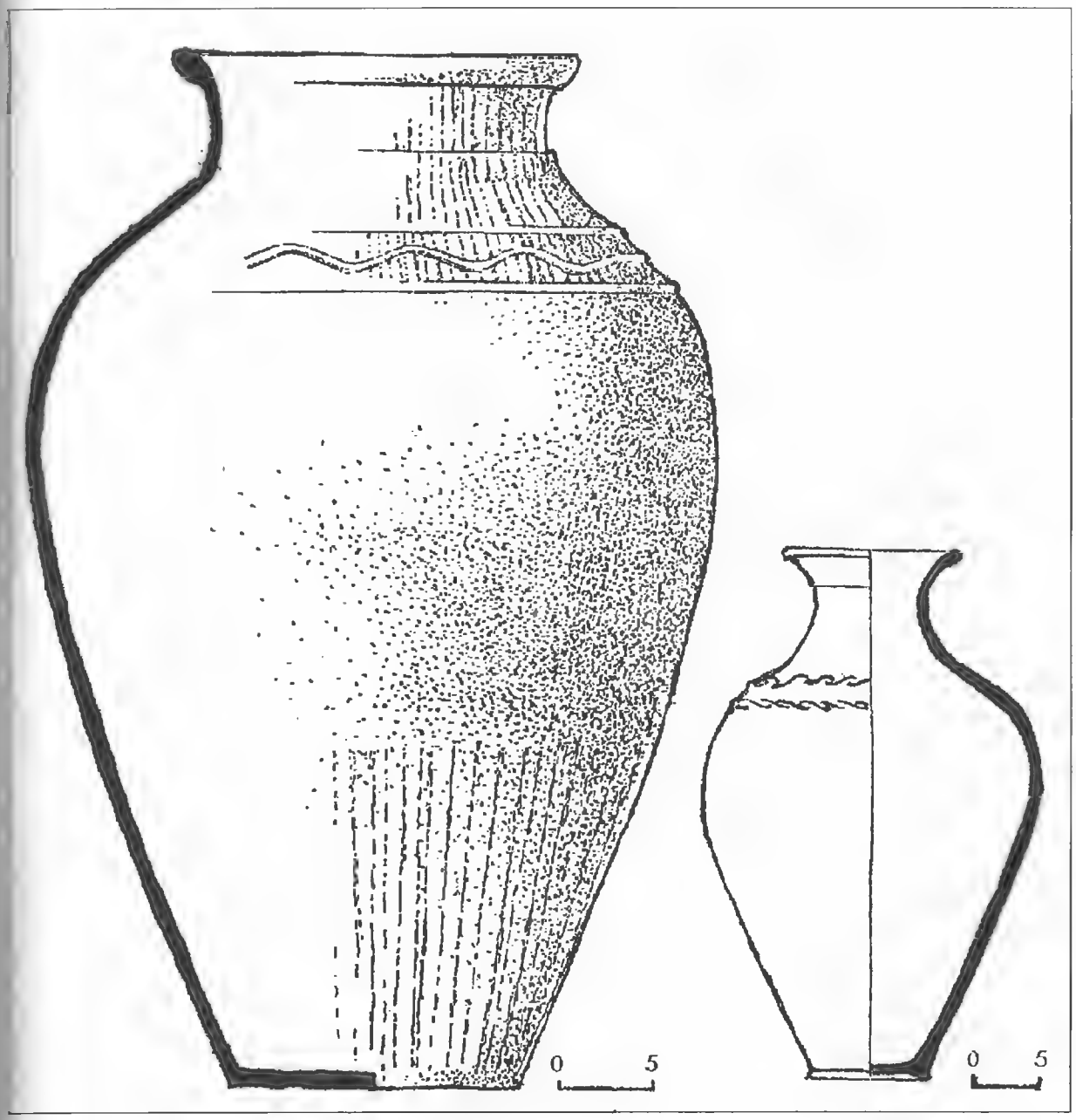


Рис. 66. Гончарные сосуды с Иволгинского городища в Забайкалье (1) и из станицы Тифлисской, Прикубанье (2).

Рис. 67. Царица Динамия и некоторые находки из «Дома Хрисалиска». 1 — бронзовый бюст, приписываемый царице Динамии; 2 — золотой статер царицы Динамии 18-17 гг. до н.э. Некоторые находки из «Дома Хрисалиска»: 3-4 — наконечники копий из «дома Хрисалиска»; 5—7 — игральные кости; 8 — костяное навершие меча; 9 — гемма бронзового перстня-печатки; 10 — изображение крепости и богини («Тиха Хрисалиска») на каменной плите; 11 — железный нож; 12—22 — керамика.

Глава VII.
На рубеже новой эры

1. Рим, Маробод и Парфия.

«Когда после гибели Брута и Кассия республиканское войско перестало существовать, когда Секст Помпей был разбит у Сицилии, отстранен от дел Лепид, умер Антоний, не осталось у юлианской партии другого вождя, кроме Цезаря Октавиана, который, отказавшись от звания триумвира, именуя себя консулом и якобы довольствуясь трибунской властью для защиты прав простого народа, сначала покорил своими щедротами воинов, раздачами хлеба толпу и всех вместе — сладостными благами мира, а затем, набираясь мало-помалу силы, начал подменять собою сенат, магистратов и законы, не встречая в этом противодействия, так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций, а остальные из знати, осыпанные им, в меру их готовности к раболепию, богатством и почестями и возвышавшиеся благодаря новым порядкам, предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому...

Итак, основы государственного порядка претерпели глубокие изменения и от общественных установлений старого времени не осталось где ничего не осталось. Забыв о еще недавнем всеобщем равенстве, все наперебой ловили приказания принцепса» (Тацит, Анналы, 1, 2-4).

16 января 27 г. до н.э. сенат преподнес Октавиану титул Августа, «возвеличенного божеством». Был таким образом официально оформлен новый социальный строй — принципат. Римская республика стала Империей, хотя доспехи императора-деспота и теперь еще прикрыты республиканской тогой и сам Август свой авторитарный режим именовал не иначе как «res publica restituta» — «восстановленная республика». Это был «едва ли не первый в истории пример режима, основанного на политическом лицемерии да возведенном в принцип» (Утченко 1969, с. 196-210).

«Божественный спаситель отечества» практически не имел политической оппозиции, была лишь оппозиция культурная. Молодежи, следующему поколению, смешной казалась та тога республиканского пуританизма, в которую рядился Август, смешными казались «гражданские доблести», превозносимые официальной пропагандой, «доблести», которые режим пытался насильно вменить согражданам «законом о браке» и «законом против роскоши». Борьба отцов и детей расколола семейство и самих Юлиев-Клавдиев, Август был вынужден сослать свою дочь Юлию Старшую и свою внучку Юлию Младшую. Жертвой борьбы стал и выразитель настроения культурной оппозиции, автор «Науки о любви» и «Метаморфоз» поэт Овидий Назон: сосланный в Томи, в греческий городок на берегу Черного моря, в стране гетов и сарматов, он оставил ряд любопытных сведений об этих варварах.

Император, создатель нового политического строя, представитель новой эпохи, пытается сохранить старую республиканскую оболочку, пытается, объективно содействуя превращению Рима в мировой город, декретированием морали остановить процесс превращения столицы мировой империи во «всемирную блудницу», столь ненавидимую затем пуританами раннего христианства, являвшегося в свою очередь детищем той же культурной оппозиции. Вот лишь три ниточки сложного и большоого клубка противоречий, распутывать который мы не имеем здесь возможности.

Рим не мог не воевать, не мог существовать без захвата новых земель. Еще в 35-33 гг., сразу после расправы с Секстом Помпеем, пока Антоний воевал в Армении с парфянами, Октавиан, имея в виду далеко идущие стратегические и политические планы, направился со своими войсками в Иллирик, провинцию, бывшую театром военных действий во время гражданский войн и в результате практически утраченную Римом. Октавиан надеялся, что Иллирик будет для него тем же, чем стала Галлия для Цезаря (Колосовская 1973, с.39-52). Усмирив яподов и другие племена, он дошел до р.Савы и взял штурмом Сегестику (Сискию), «город от природы приспособленный служить опорным пунктом в войне с даками» (Страбон, VII, 5, 2). Старые планы Цезаря не были забыты.

В 29 г. до н.э. наступил «сладостный мир». Были в знак этого даже закрыты двери храма Януса Квирина, что за всю историю Рима до тех пор случалось лишь дважды. Но на этот раз было неправдой, «политическим лицемерием». В том же году племена бастарнов перешли по льду Дунай и достигли западной части Балканского полуострова. Их движение было остановлено проконсулом Македонии Марком Крассом, сыном триумвира. Его легионы совершили рейд за Дунай, в бастарнские земли. Затем он усмирил восставших бессов, покорил племена мезов, вмешался в борьбу фракийских

царей Дапига и Рола (Златковская 1951, с.24-31). Представлялась возможность закрепиться на берегах Нижнего Дуная, которую Август не использовал. Он занят был делами устройства принципата, праздновал триумфы, обновлял сенат, делил провинции на сенатские и императорские, создавал новую администрацию. Затем занимался восточными делами, пытаясь исправить промахи политики Красса и Антония.

В его руках оказался важный козырь. К римлянам бежал после попытки неудачного переворота претендент на парфянский престол Тиридат, прихвативший с собой и старшего сына своего противника, законного царя Фраата IV. В 23 г. до н.э. к Августу прибыли парфянские послы с требованием выдать Тиридата и принца. Римляне, сконцентрировав на границе с Арменией свои силы во главе с пасынком принцепса, молодым Тиберием, и угрожая вторжением, повели переговоры. Сам Август побывал в Антиохии и посадил на престолы Комагены, Амана, Малой Армении и Каппадокии своих ставленников. Проримски настроенный Тигран III стал царем Армении. Была создана на границах с конкурентом цепь буферных государств. Август стремился избежать прямых конфликтов с парфянами. За пленного принца удалось выторговать возвращение нескольких тысяч пленных легионеров и боевых знамен, потерянных Крассом и Антонием. Это была большая дипломатическая победа, принесшая принцепсу не меньший престиж, чем дали бы успешные военные действия. В руках римлян оставался Тиридат, и поскольку усобицы в Парфии продолжались, они имели возможность в любой момент в эти усобицы вмешаться. Несколько позже, в 10 г. до н.э. сам Фраат IV еще более усугубил положение — стараясь избавиться от потенциальных претендентов на власть, он отправил в Рим заложниками всех своих детей и внуков.

Удачно разыгранная Августом «дипломатическая партия» на востоке позволяла обратиться к другим делам. К 15 г. до н.э. перед Августом должна была встать проблема — приближалась пора расплачиваться с ветеранами, призванными в 44 г. до н.э. и приведшими его к власти. Нужны были земли.

В 16 г. до н.э. происходит сразу несколько пограничных инцидентов. В год консульства Лициния Руфа сарматы, перейдя Дунай в районе гирл, вторгаются в Малую Скифию (Дион Кассий, IV, 20, 3; V, 30, 3-4), в землю союзника римлян Рола, паннонцы и норики нападают на полуостров Истрию, германцы-сугамбры — на Галлию. Барбарикум бурлил, но изучение дальнейших событий невольно наводит на мысль, что некоторые из этих нападений, могли быть спровоцированы самими римлянами. Им был ну-жен повод, чтобы начать широкие наступа-тельные действия на северных границах, за-хватить новые земли, захватить в свои рук важнейшую водную артерию Европы — Ду-най, выйти на Эльбу, чтобы центральноевр-пейские варвары все время были под угро-хой фланкирующих ударов. Официально-августовской пропагандой эти действия вы-давались за миротворческие.

Август устроил свою ставку в Аквиле-и оттуда руководил всеми операциями. Н-восточном фланге события разворачивали-не очень удачно для римлян. Воспользова-шись вторжением сарматов, подняли восста-ние бессы, подданые фракийского Одри-ского царства. Восстание возглавил жре-святилища Диониса Вологез. Только к 11 до н.э. римлянам удалось изгнать сармато-усмирить бессов и переселить их остатки-Малую Скифию, в Добруджу. Власть на-Фракией получил царь одрисов Реметалк, и-широкую полосу земель вдоль правого бер-га Дуная от Железных ворот до моря рим-не оставили за собой и позже, к 15 г. н. здесь была создана провинция Мезия (Зла-ковская 1951, с.44; Moczy 1970, с.47-48).

Более результативны были действия-центральном участке. Римляне оккупиров-ли в 15 г. до н.э. земли нориков, ретов и вин-деликов, вышли к Дунаю. Именно эти зав-евания долгое время служили отправно-точкой хронологических расчетов, связан-ных с гибелью Манхинга и оказавшихс-ошибочными. В том же году ставший нам-стником Македонии Тиберий совершил по-ход против скордисков, завоевал порече-Савы и Дравы, а затем в 12 г. до н.э. в сою-зе со скордисками выступил против племе-населявших Паннонию. В результате к 9 г. до н.э. все верхнее и среднее течение Дуна-оказалось в руках римлян, здесь были созда-ны три новые провинции — Рэция, Норику-и Паннония. Активная колонизация этих зе-мель будет осуществлена, однако, позже-уже после смерти Августа.

Пока шло завоевание придунайских-земель, велись приготовления и на рейнской-границе. Сюда были переброшены легионы-из Испании. Их опорными пунктами стали-построенные вновь лагеря в устье Майна-(Могонтиак) и Липпы (Кастра Ветера I около Ксантена). Протянулась цепочка крепостей-кастеллов и вдоль Рейна, где разместились вспомогательные когорты и алы.

В 12 г. до н.э. сюда прибыл второй пасынок Августа — Друз. Он начал со строительства хорошей дороги вдоль Рейна и канала от одного из рукавов Рейна в море, что позволяло в любой момент высадиться на Эмсе или Везере, в тылу германцев, три племени которых — узипеты, сугамбры и херуски — образ-

вали священный союз против римлян и при-товились к борьбе. Вдоль Липпы были со-зна стратегическая дорога, ведущая вглубь рманской территории, и для охраны ее по-троен ряд укреплений (Халтерн, Обераден, реппен) (Рис. 64-II, 27-29).

В 10 г. до н.э. Друз перенес военные йствия на юг, на Майн, вступил в борьбу с тами в Веттерау, дошел до южных обла-й расселения херусков, пересек Везер и в до н.э. достиг Эльбы. На обратном пути однако, погиб, неудачно упав с лошади. место занял брат Тиберий. Опираясь на ехи римского оружия и инженерного де-наглядно продемонстрированные германи-его братом, прибегая временами к силе там, он повел переговоры с вождями пле-н. заключил ряд договоров. Условия их ос-ются неизвестными, но мы знаем, что части мбров и свевов было разрешено поселить-к западу от Рейна, между батавами и уби-, что за свою военно-дипломатическую де-льность Тиберий был удостоен триумфа, была выпущена монета с изображением уста, принимающего заложника.

Германия, казалось бы, была подчине-Хотя, как это часто бывает, официальная опаганда, очевидно, выдавала желаемое за йствительное. Потому что, когда в 6 г. до э. из-за сложных отношений с отчимом Ти-рий покинул свой пост и удалился в доб-вольную ссылку на о.Родос, а командова-е принял Домиций Агенобарб, дед буду-его императора Нерона, римлянам опять ишлось продемонстрировать силу и совер-ить рейд через всю Германию от Рэции до льбы. На правом берегу этой реки был воз-игнут алтарь в честь Августа, заключен со-з с гермундурами, части которых разре-или переселиться на юго-запад, на земли, вободившиеся после ухода с Майна одно-из свевских племен — маркоманнов.

Это переселение маркоманнов, поя-вшихся здесь в свое время вместе с Ари-истом, произошло где-то между 9 и 6 г. до э. и оказалось существенным для всего альнейшего хода истории в Центральной Европе. Уходя от угрозы римского завоева-я, они двинулись на восток в глубины Гер-инского леса, в Бойехайм, земли современ-ой Чехии, запустевшие после того как бойи од давлением даков покинули свою родину. Переселение маркоманнов возглавил Маро-д, талантливый вождь из знатного германи-ого рода, к тому же хорошо знавший рим-н. Он провел в Риме свою юность, вероят-, будучи заложником, пользовался особым сположением Августа (Страбон, VII, 1, 3), бучался вместе с внуками принцепса у ерия Флакка. Не исключено, что находясь ри Августе он мог и прослышать кое-что о ланах принцепса. На пирах языки развязываются и вряд ли кто-то обращал внимание на присутствующего здесь же германского юношу.

Приведя свое племя в Бойехайм, Маробод «победил одних соседей силой оружия, других присоединил посредством договора» (Патеркул, I, 108) и создал могучий союз племен, включавший кроме самих маркоманнов и другие свевские и не-свевские племена — лугиев, зумов, бутонов (некоторые исследователи читают — гутонов, готонов), мугилонов, сибинов и семнонов (Страбон, VII, 1, 3). Одни племена из этого списка — зумы, мугилоны, сибины — иными источниками не упоминаются, а другие хорошо известны и поминаются неоднократно. Входили в союз Маробода кроме свевов-семнонов и лангобарды (Тацит, Анналы, II, 45). Исходя из наших знаний о расселении всех известных племен, несколько позже, спустя 50-70 лет, можно представить себе приблизительные границы этой «державы». Лангобарды обитали на нижней Эльбе, семноны — в междуречье среднего течения Эльбы и Одера, лугии — между Одером и Вислой (Dobiaš 1964, c.95-96). Спорным остается вопрос о бутонах-готонах, но о том, что с готонами, в это время жившими скорее всего где-то в низовьях Одера, у Маробода были определенные связи, покажет дальнейший ход событий.

А пока они разворачивались следующим образом. Один за другим неожиданно умерли два внука Августа — Луций и Гай Цезари. У Августа не осталось прямых наследников. Тиберий был возвращен из ссылки, усыновлен и объявлен наследником. Он продолжил начатое ранее завоевание Германии.

Тиберий действовал систематично. Летом 4 г. покорил племена между Рейном и Везером. Перезимовал в лагере, устроенном в верховьях Липпы, вероятно, в Анреппене (Die Germanen 1976, c.270). Следующим летом обрушился на хавков и лангобардов, живших между Везером и Эльбой. Флот тем временем совершил рейд вдоль берегов Дании. Поскольку племена херусков подчинились добровольно, то фактически вся Западная Германия была завоевана. В Риме объявлено о создании провинции Германии, можно было бы начинать обычную в таких случаях политику романизации: строительство крепостей и дорог, раздачу земель ветеранам и колонистам, возведение городов. Но пока дело ограничивалось поборами с местного населения. Нужно было сначала обезопасить новую границу на Эльбе. Война с германцами еще не окончена. Предстояла борьба с более серьезным противником чем прежде — с «державой» Маробода. Она, как заноза, вклинилась между только что завоеванной Германией и недавно покоренными Нориком и Паннонией. Маробод мог выста-

вить войско в 74 тысячи воинов, тыл ему обеспечивали бесчисленные племена Свевии вплоть до самого Океана. Ситуация не могла не внушать тревоги.

Двенадцать легионов были предназначены для борьбы с этим противником, что не создавало однако численного превосходства. Поэтому операция должна была быть проведена быстро: ударами из Могонтиака вдоль Майна и из Карнунта долиной Моравы взять в клещи сердце державы Маробода, Бойехайм — Чехию. В 6 г. эта операция началась. Но, когда до встречи южных и северных сил оставалось 5 дней пути, войну пришлось прекратить. В тылу Тиберия, руководившего южной группой войск, вспыхнуло восстание жителей Паннонии и Далмации, разоренных поборами при подготовке к войне. Войска наместника Иллирика Марка Мессалина были разбиты, восставшие угрожали Италии. В Риме возникла паника. «Если не будут приняты чрезвычайные меры, то через 10 дней враг будет у самого города Рима», — заявил в сенате Август (Патеркул, II, III, 1). И меры были приняты: призваны не только ветераны, но и рабы — сенаторы и всадники и должны были сформировать отряды из своих рабов-отпущенников. Они хотя и несли лишь караульную службу, но освободили от этого регулярные войска. Запрошена помощь у союзников, прибыла фракийская конница Реметалка, пришли войска из Мезии. С Марободом был заключен мир на каких-то очень выгодных для него условиях. Подавление паннонско-далматинского восстания потребовало от Рима большого напряжения сил. Здесь действовали 10 легионов, более 70 вспомогательных когорт и 14 конных алл. Было призвано 10 тысяч ветеранов, бои продолжались до 8 г.

Поскольку Тиберий был занят в Паннонии, на освободившееся место командующего рейнской армией назначили в 7 г. Квинтилия Вара, до того управлявшего Сирией. «Бедным человеком прибыл он в эту богатую страну и богатым оставил ее бедной» (Патеркул, II, 118). Теперь этот богатый человек прибыл в бедную Германию и продолжал себя вести так, как он привык делать в Сирии. Германцы же к такому не привыкли: с ними сражались, их побеждали, но их еще не угнетали. Особенно были недовольны херуски, добровольно вступившие в союз с Римом. В их среде и возник заговор, во главе которого встал вождь Арминий, служивший со своим отрядом римлянам и дослужившийся даже до звания римского гражданина и всадника.

Летом 9 г. легионы, дислоцировавшиеся на Ветеру и Колонию (Кёльн), стояли, как обычно, в лагере в глубине Германии, где-то между Эмсом и Везером. В сентябре, когда настала пора возвращаться на зимние квартиры, к Вару поступило известие о волнении среди отдаленных племен. Известие было ложным, его подстроил Арминий, которому нужно было сманить Вара в сторону от дороги по Липпе. Вар на уловку поддался, хотя и был предупрежден о заговоре другим вождем — Сегестом. Три легиона, шесть вспомогательных когорт и три конных алы, всего 25-30 тысяч человек, огромный обоз с маркитантами, женщинами и детьми, растянувшись километров на двадцать пять, свернул в сторону и углубился в Тевтобургский лес. До самого ухода из лагеря Арминий с его людьми был здесь же, готовился к переходу. Затем под благовидным предлогом вернулся, поднял окружающие племена. Застигнутые на марше в болотистой местности в глухом лесу, легионеры не могли построиться, не могли сражаться, и все были вырезаны. Погиб и сам Квинтиллий Вар.

Существует около 700 версий местонахождения поля битвы, но недавние раскопки 1989 г. кажется подтвердили одну из самых ранних, предложенную еще Т.Моммзеном в урочище Калькрайз, в 15 приблизительных километрах к северо-востоку от Оснабрюка. Найдены детали римского обмундирования (пряжки, фибулы, обломки фалер) и даже бронзовая маска-забрало центуриона, наконечники копий, детали узды и кое-какая иная мелочь, медные монеты, все чеканенные не ранее 10 г. н.э. Выглядит достаточно убедительно (Berger et alli 1991), хотя не менее вероятно, что Калькрайз это место битвы Германика с Арминием на р.Эмсе в 15 г. н.э.

Столь крупного поражения Рим не знал со времен битвы при Каррах. Все посты, все стеллы, дороги на правом берегу Рейна оказались в руках восставших, все предшествовавшие завоевания были сведены на нет.

Херуски послали голову Вара Марободу — недвусмысленный жест приглашения к участию в восстании. Но Маробод связан договором с Римом, он еще помнит двусторонний марш легионов по его землям и находит вполне выгодной оживленную торговлю с римскими купцами. Поэтому он предпочитает нейтралитет и в качестве подтверждающего жеста посылает голову римского полководца в Рим для погребения и почестей.

Итак, в Германии нужно начинать все сначала. Командующим назначен Тиберий. Стягиваются восемь легионов, два года ведется подготовка. В 11 году совершается поход за Рейн, чтобы продемонстрировать силу римского оружия, заслужить полководцу триумф и право вернуться в Рим. Дело в том, что Август был уже плох, «его начали томить недуги и телесные немощи», в 14 г. он скончался. Принцепсом стал Тиберий. На Рейн был послан Германик, племянник нового при-

цепса, сын погибшего в Германии Друза.

Тем временем личная вражда двух германских вождей Арминия и его тестя Сегеста вылилась в открытую войну, и едва наступила весна 15 г. Германик поспешил вывести войска из зимних лагерей, пока эта междоусобица не заглохла. Хотел воспользоваться ситуацией. Диспозиция кампании была следующей. Цецина отвлекающими действиями на Липпе должен был сковать действия херусков и марсов, а сам Германик наносил основными силами удар с юга, из Могонтиака. Луцию Апронию было поручено обеспечить тыл этого корпуса строительство дорог и крепостей. План был выполнен точно. Германику удалось проникнуть достаточно далеко вглубь Германии, хотя до Эльбы он не дошел. Тогда и были построены такие лагеря как Хофхайм, Наухайм, Фридберг, Редген. Удалось вызволить осажденного в одном из укреплений Сегеста «с большим числом родичей и клиентов... и среди них — жена Арминия, она же дочь Сегеста» (Тацит, Анналы, I, 57). Но германцы уклонялись от решающего сражения, вели партизанскую войну и в конечном итоге так хорошо расчитанный удар пришелся в пустоту. Основные силы Арминий собирает на севере.

Тогда Германик меняет план. Посадив 4 легиона на корабли, он переправляется морем из Рейна в устье Эмса. Начинается погоня за Арминием, отступающим в непроходимые дебри, что чуть-чуть не закончилось для римлян вторым Тевтобургом. Германцы застигли легионы на марше. «Все было неблагоприятно для римлян: топкая почва, засасывавшая остановившихся и скользкая для пытавшихся двигаться, тела, стесненные панцирями, и воины, увязавшие в жидкой грязи, не могли как следует метать дротики. Херуски, напротив, привыкли сражаться в болотах, отличались большим ростом и своими огромными копьями могли разить с очень далекого расстояния...» (Тацит, Анналы, I, 64). Спасло лишь то, что германцы начали грабить обозы, не завершив разгрома. Римлянам удалось добраться до сухого места, построить лагерь и отбить врага. Пришло время возвращаться на зимние квартиры и два легиона, направлявшиеся к Рейну берегом моря, чуть-чуть не погибли во время неожиданно высокого прилива. Долгая компания 15 г. не принесла ожидаемых результатов.

За зиму Германик построил тысячу судов и в 16 г. уже значительно большими силами высадился на Везере. На этот раз удалось навязать германцам свою тактику.

На берегах Везера произошло наконец два открытых сражения, где перевес был на стороне римлян. «Германцы дрались с неменьшей отвагой, чем римляне, но условия боя и их оружие были неблагоприятными для них: стиснутые во множестве в узком пространстве, они не смогли ни наносить ударов своими чрезмерно длинными копьями, ни быстро отводить их назад, ни применять выпады, используя свою подвижность и ловкость; напротив, римские воины, у которых щит был тесно прижат к груди, а рука крепко держала рукоятку меча, пронзала огромные тела варваров и их ничем не защищенные лица, пробивая себе дорогу в гуще повергаемых ими врагов» (Тацит, Анналы, I, 20).

Но и эта победа была сведена на нет свирепой бурей, захватившей флот на обратном пути и разбросавшей корабли по всему морю. После этого Германик был отозван в Рим для новой миссии на Востоке.

Отлаженная машина римской регулярной армии в конечном итоге оказалась бессильной против холодных джунглей Германии и партизанской тактики ее населения. Новый командующий долгое время не назначался, лагеря внутри Германии оставлены, зато отстраиваются и строятся заново, превращаясь в города, крепости на левом берегу Рейна. Римляне отказались от попыток захватить земли вплоть до Эльбы и их тактика становится оборонительной. Основная задача теперь — не допустить объединения германцев и решается эта задача дипломатическими средствами.

И еще раз Рим проявляет «политическое лицемерие». Германия не исчезает из списка провинций, хотя фактически она потеряна. Две провинции — Верхняя и Нижняя Германия — занимают лишь сравнительно узкую полосу земель со смешанным кельто-германским населением вдоль левого берега Рейна.

А в свободной Германии тем временем разгорелась борьба между героем Тевтобурга Арминием и царем маркоманнов и всех свевов Марободом. При этом произошла перегруппировка сил. Семноны и лангобарды, жители среднего и нижнего Поэльбья, вышли из союза Маробода и примкнули к Арминию. Но к Мароботу перешел вместе со своей испытанной в боях дружиной Ингвиомер, дядя Арминия. Силы уравнялись. Это замечание Тацита примечательно. Сила одной дружины равнялась ополчению двух крупнейших племен Поэльбья. Еще раз о значении малых групп в событиях и социальных процессах в Барбарикуме.

В 17 г. произошло открытое столкновение. Маробод потерпел поражение. «Лишившись в конце концов из-за большого числа перебежчиков почти всего своего войска, он отступил в пределы маркоманнов и отправил послов к Тиберию с мольбой о помощи. Ему ответили, что он не вправе призывать римское войско для борьбы против херусков, так как ничем не помог в свое вре-

мя римлянам, сражавшимся с тем же врагом» (Тацит, Анналы, II, 45-46).

Тогда же в Иллирию с особыми полномочиями был направлен сын императора Друз, в задачу которого входило также обеспечить спокойствие на Дунайской границе. В 19 г. «Друз, подстрекая германцев к раздорам, чтобы довести уже разбитого Маробода до полного поражения, добился немалой для себя славы. Был между готонами знатный молодой человек по имени Катуальда, в свое время бежавший от чинимых Марободом насилий, и, когда тот оказался в бедственных обстоятельствах, решившийся ему отомстить. С сильным отрядом он вторгается в пределы маркоманнов, соблазнив подкупом их вождей, вступает с ними в союз, после чего врывается в столицу царя и расположенное близ нее укрепление. Тут были обнаружены захваченные свевами в давние времена добыча, а также купцы и маркитанты из наших провинций... Для Маробода, всеми покинутого, не было другого прибежища, кроме милосердия Цезаря» (Тацит, Анналы, II, 62-63).

Приняли Маробода с почетом и поселили в Равенне, где он и состарился, прожив еще 18 лет.

«Сходной оказалась судьба Катуальды, и убежище он искал там же, где Маробод. Изгнанный несколько позже силами гермундуров, во главе которых стоял Вибилий, и принятый римлянами, он был отправлен в форум Юлия — город в Наробоннской Галлии. Сопровождавшие того и другого варвары, дабы их присутствие не нарушало спокойствия мирный провинций, размещаются за Дунаем, между реками Маром и Кузом, и в цари им дается Ванний из племени квадов» (Тацит, Анналы, II, 63).

Вскоре и Арминий, «притязав после ухода римлян и изгнания Маробода, на царский престол, столкнулся со свободолюбием соплеменников... и пал от коварства своих приближенных» (Тацит, Анналы, II, 88).

Таким образом римская дипломатия оказалась сильнее римской армии. То, чего не удавалось добиться силой оружия, было достигнуто за счет подкупов и интриг в среде аристократической верхушки германцев.

2. Норицкие мечи, проблема готонов, поиски янтарного пути и некоторые другие вопросы.

Вражда Арминия и Сегеста, Арминия и Маробода, Маробода и Катуальды — все это, очевидно, лишь отдельные эпизоды напряженной политической жизни германского мира, лишь то немногое, что было известно римлянам, происходило на их глазах, непосредственно их касалось. А только в эти описанные выше события, были втянуты и лангобарды с Нижней Эльбы, и готоны откуда-то с севера континента, и лугии из междуречья Одера и Вислы, то есть практически почти все население Центральной Европы. А сколько событий, не менее драматичных, не попало на страницы анналов. Можно думать, что в глубинах «Германии Либера», т.е. в Германии, не завоеванной римлянами, между Балтикой и Карпатами, между Эльбой и Вислой тоже было немало и военных столкновений, и передвижений дружинн, и переселений племен. Заключались военные союзы и торговые договоры, осваивались новые земли и новые пути, происходили перегруппировки политических и социальных сил, борьба между ними — шел процесс разложения первобытно-общинных отношений. Происходили подобные процессы, вероятно, и на северо-восточной окраине ойкумены между Вислой и Черным морем. События эти не попали в «свет истории» и мы не знаем, да вряд ли и сможем узнать и конкретный их ход, и имена участников. В нашем распоряжении лишь безгласный археологический материал.

О том, как наблюдаемые археологами изменения этого материала сопрягаются с историческими событиями, уже шла речь в хронологической части нашей работы. Так различия ступеней A1 и A2 раннеримского времени возможно стимулированы деятельностью Друза, Домиция Агенобарба и Тиберия, которыми были построены лагеря Дангштеттене, Оберадене, Нойсе, Оберхаузене Ксантене, Халтерне и некоторые другие. На Рейне и Верхнем Дунае складывается эмбрион провинциальной римско-кельто-германской культуры с фибулами A 44, A 18, A 19, A 65, A 236 a-b, A 237 a, ранними вариантами римских аукисс, позднелатенскими «фибулами бойев». Ими пользовались как легионеры и их местное окружение, так и варвары.

Переселившиеся в 6-9 гг. до н.э. в Чехию маркоманны принесли сюда, вероятно, вещи ступени A и BI — I по К.Мотыковой.

Договор 6 г. н.э. Маробода с римлянами вызвал чешскую волну римского импорта в западную зону Центральной Европы и обусловил здесь начало римского времени, ступени BIa.

Отказ римлян от завоевательной политики и переход к дипломатической и торговой экспансии, своего рода римский «неоколониализм», в результате крах «державы» Маробода в 19 г. н.э. и образование буферного «государства Ванния» — все это стимулировало «словацкую волну» римского импорта в Европу, вступление ее населения в следующий этап римских влияний в ступень BIb.

Наконец, в 40-50-х гг., когда в моду

вошли фибулы А 68, римское время наступило и для носителей пшеворской культуры, самой консервативной в то время группы европейцев.

О том, насколько широк был круг воинов, втянутых в водоворот описанных выше событий, свидетельствует распространение одной категории находок — норицких мечей в железных ножнах, украшенных ажурными бронзовыми или серебряными накладками в стиле opus interrasile. Им на симпозиуме 1972 г. в Малых Возаканах посвятил свой доклад И.Вернер (Werner 1977). Хотя это не самая многочисленная категория находок (каталог их насчитывает всего 22 пункта), но распространены они очень широко — около Любляны в Югославии и в Остерготланде в Швеции, в Болгарии около Пловдива и в Польском Поморье, также на пути туда — в Шент Эндре у Будапешта — и целых три экземпляра на могильнике Весёлки под Калишем. Крайне западные — на Рейне (Гоблинген-Носпельт), самые восточные — в Прикарпатье (в Замплине, Звенигороде, Лучке). Здесь же, в погребении 3 могильника Гринев, одна из самых интересных находок. Ажурная накладка не с простым геометрическим орнаментом, как остальные, а с целой серией фигур — звери, любовная сцена, всадник с копьем (Kozak 1982) (Рис. 80:1). Стиль изображений, с одной стороны, перекликается с кельтскими вещами типа котелка из Гундеструпа, с другой, с более древними фракийскими, например, из клада в Летнице (Венедиков, Павлов 1965), с третьей (фигура грифона) — со скифо-сарматскими и с кавказскими (Техов 1959).

Самые ранние мечи в ножнах opus interrasile (находка в районе Любляны) относятся к раннеавгустовскому времени, другие — непосредственно к рубежу эр. Мечами из Гоблингена-Носпельта пользовались, вероятно, ауксилярии-треверы, служившие во вспомогательных войсках Друза и Тиберия, а меч из «Горната Могила» около Пловдива был занесен в Болгарию, как предполагает И.Вернер, фракийскими воинами, участвовавшими в подавлении паннонско-далматинского восстания 6-9 гг. н.э. Находки же из Поморья и Остготланда, быть может, принесены сюда дружинниками Катуальды, отказавшимися пойти под руку Ванния и вернувшимися на родину. Самые поздние мечи сочетаются с фибулами А 67/68 (Виташевице, Стара Весь, Гринев). Орнамент ножен этих позднекельтских мечей подражает, по мнению И.Вернера, ажурным бутеролям римских гладиусов, но значительно упрощен. В отличие от римских, накладки не литые, а вырезаны из бронзовой пластины. Сходные «ступенчатые» ажурные орнаменты встречаются и в украшении перемников позднекельтских фибул, на накладках женских поясов из Норика и Паннонии. Одна из таких фибул варианта j золотая ложечковидная, с ажурным приемником попала в богатое сарматское погребение «Соколову могилу» на Южном Буге (Ковпаненко 1986, рис.35-36) и не исключено, что кто-то из старших родственников погребенной здесь женщины-жрицы мог принять участие в прорыве сарматов в пределы империи в 16 г. до н.э.

Кстати в этой же технике из прорезной золотой пластинки сделана ажурная накладка на навершие меча из упоминавшегося ранее погребения I в Зубовском хуторе (Гущина, Засецкая 1989, табл.XI, 124). Вся система орнаментации, ее удивительно напоминает бронзовые литые накладки бутеролей римских мечей раннеавгустовского времени (Mayer 1960). Но в данном случае декорировано навершие, а это перекликается с ажурными навершиями мечей и кинжалов из Усть-Полуя в Зауралье (Чернецов 1953), Зубовский меч таким образом самым фантастическим способом сочетает в себе западные и восточные элементы.

Центр производства вещей в стиле opus interrasile находился, вероятно, в Норике, где изготовлялись и мечи из знаменитого Ferrum Noricum, из норицкой стали. Придунайские земли Рэции, Норика и Паннонии, захваченные в 15 г. до н.э. римлянами, но в первых десятилетиях н.э. еще слабо романизированные, стали в это время своеобразным центром культурной иррадиации для варварского населения Европы. Вспомним, что еще свевы Ариовиста имели с ними дружеские контакты, и сам Ариовист был женат на сестре рекса нориков Воккиона (Цезарь, Галльские войны, I, 53), а позже страдавшие от римского притеснения жители этих областей часто уходили за Дунай, к варварам (Патеркул, I, 109).

Ножны opus interrasile найдены и в одном из погребений известного могильника Гроссромштедт (Werner 1977, рис.11, 2; Eichhorn 1927, с.141). Большие, исключительно мужские могильники, наполненные оружием, — характерная черта такого археологического явления как горизонт Гроссромштедт. Кроме эпонимного памятника можно назвать еще Майсдорф, Крюхерн (Schulz 1928), Харсфельд (Wegewitz 1937) и другие. Причем далеко не каждого воина хоронили в полном вооружении, набор оружия отражал место погребенного в довольно сложной иерархической социальной структуре (Hachmann 1956). Это кладбища тех военных дружин, которые играли видную роль в описанных выше событиях. Вспомним, что переход на сторону Маробода дружины Ингвиомера компенсировал выход из его союза двух крупнейших племен — семнонов и лангобардов (Тацит, Анналы, II, 45).

С лангобардами Тиберий столкнулся в 4-5 гг. н.э. Перед опасностью римского завоевания часть их, возможно, отошла за Эльбу и на юго-восток. С этими событиями связывают увеличение заселенности в Альтмарке (Die Germanen... 1976, с.214) и появление характерных нижнеэльбских элементов («лангобардских» фибул, некоторых форм керамики) в районе Магдебурга (Schmidt-Thielbeer 1967, с.34). Но, возможно, это имело и более далекие последствия, по принципу «падающего домино». Во всяком случае так склонен объяснять А.Невенгловский наблюдаемые им изменения в погребальной обрядности пшеворской культуры на выделенном им этапе A3/B1 (10-5 гг. до н.э. — 30-е гг. н.э.) — резкое увеличение числа урновых погребений, особенно в Великопольше и Силезии, появление некоторых эльбских форм в инвентаре (Niewęgłowski 1981, с.135, 138-140).

Отмеченный процесс усилившейся «германизации» пшеворской культуры мог иметь и еще одну причину — сыновья и внуки воинов, ушедших с Ариовистом, возвращались на родину, на некоторых оставленных было могильниках Силезии вновь совершаются захоронения (Godłowski 1978, с.120).

С этими же процессами, вероятно, связаны находки галло-римских фибул с головками львов, пара которых обнаружена в Польше, по одной в Иллирии и Англии, а остальные на территории Галлии (Pyrgala, Tomaszewska 1987).

Поскольку в «Германии Либера» всегда ощущалась нехватка угодий, то может быть именно отмеченные процессы вызвали внутреннюю колонизацию в противоположном северо-восточном углу пшеворской культуры. Осваиваются земли к северу от Вислы и Западного Буга, бассейны Вкры и Бзуры, занятые прежде культурой западнобалтских курганов. Здесь образуется особая нидицкая группа (Бартки, Добжанково, Дзеренжа, Гродки, Колозонб, Неданово, Палуки, Ступек и др.). Специфический облик памятников этой группы свидетельствует об участии в процессе ее образования и носителей оксывской культуры, а возможно и поэльбских элементов. Известны отдельные мужские и женские могильники, что характерно и для жителей Поэльбья, реже встречается оружие, но керамика — типично пшеворская.

Эти события имели отголоски и в соседней культуре западно-балтских курганов. Вот как описывает здесь ситуацию на рубеже эр Ежи Окулич: «В группе самбийской и частично на восточных Мазурах можно наблюдать выраженный континуитет развития культуры эпохи раннего железа и превращения ее в культуру прусскую раннеримского времени. В то же время западномазурская группа исчезает полностью. Это приписывают частично консерватизму местной культуры, в результате которого нельзя якобы отличить форм позднелатенских от более ранних. Последнее представляется малоправдоподобным из-за соседства высокоразвитых культур — оксывской и пшеворской. Зато палинология указывает на упадок хозяйственной деятельности. Следует признать, что наступил в этом районе кризис и запустение. Население западной части культуры западнобалтских курганов, пограничной с Поморьем, уже ранее тяготевшее к поморской культуре, вошло в состав новых группировок оксывской культуры на нижней Висле. Подобное произошло и на верховьях Вкры, где нидицкая группа пшеворской культуры могла включить местное население верхнего течения Вкры и Ожицы. Остальные группы в бассейнах Лыны и Пасленки распались, частично отойдя на запад и юг, частично создав новую группу в Мронговском поозерье Во всяком случае карта поселений раннеримского времени дает широкий пояс пустоты в бассейны Лыны и Пасленки, тянущийся до Эльблонгской возвышенности, Оструды и до южной границы Ольштынского поозерья» (Okulicz 1973, с.339-340).

Некоторые памятники нидицкой группы — Бартки, Добжанково, Гродки, Неданово — наряду с могильниками на левом берегу Вислы и Буга (Вилянув, Карчевец) Рольф Хахманн был склонен рассматривать как особое культурное единство (Мазовецкую группу) и приписывать ее готонам Катуальды и готам вообще (Hachmann 1970, с.239-279). Она, по его мнению, соответствовала трем необходимым условиям: 1) достаточно обособлена от остальной пшеворской культуры, 2) находится сравнительно недалеко от центра державы Маробода, 3) располагается к северу от пшеворской культуры (лугиев) но не на самом побережье, занятом, по Тациту (Германия, 44), ругиями и лемовиями Предположение Р.Хахманна однако было скептически встречено археологами. Обособленность нидицкой группы он перенес на все мазовецкие памятники и явно преувеличил (Godłowski 1972, с.535). Любое другое скопление памятников на северном пограничье пшевора, скажем, куявское, могло бы претендовать на эту роль с неменьшим основанием (Щукин 1977, с.84), а точнее без особых оснований, потому что пшеворская культура рубежа эр достаточно монолитна, едина, а целиком связать ее с готами явно невозможно. Не соблюдено было Р.Хахманном и еще одно условие, необходимое при локализации готонов. Они, как известно, входили в союз Маробода и, следовательно, должны были бы быть охвачены «чешской

волной» римских импортов. А эта волна, как показал Р.Волонгевич, отчетливее всего проявилась в Западном Поморье (Wołągiewicz 1970, рис.А). Ян Чарнецки, сопоставляя все данные письменных источников о готах в Польше, пришел к заключению, что их поселения должны были бы располагаться в среднем течении Одры (Czarnecki 1975). Но этот исследователь полностью игнорировал археологический материал и попал буквально в пустоту. Во всяком случае, во времена Маробода-Катуальды эти земли практически *почти не заселены*. Губинская группа, как уже было замечено, к середине I в. до н.э. прекратила существование и только позже, со стадии B2, со II в. н.э. здесь появляется особая любошицкая культура, но есть достаточно оснований связывать ее не с готами, а бургундами (Domański 1973).

Думается, что земли готонов Катуальды следует искать в нижнем течении Одры и тогда остается два претендента. Первый — группа любусска в междуречье Варты и Нижней Одры, а также в полосе, примыкающей к левому берегу этой реки (Leube 1968, с.282; Leube 1975, с.60-62; Domański 1973, с.151-153; Wołągiewicz 1981b, с.205-216). Претендент второй — некоторые памятники густовской группы, занимающей побережье от острова Рюгена и до Парсенты, где особый интерес представляет комплекс памятников в Любишеве — могильник рядового населения, вначале ясторфского, со стадии B1 — густовского, и по соседству два «княжеских» могильника по 3 кургана в каждом, с импортами ступени B1a. Одни из самых ранних погребений этого рода (Wołągiewicz 1970a; Eggers 1955). Не исключено, что именно здесь могли быть захоронены какие-нибудь родственники Катуальды.

Любишевско-густовская версия обладает преимуществом — гутовская группа по своему облику очень близка сформировавшейся к стадии B2 вельбаркской культуре, процесс расселения носителей которой достаточно хорошо соответствует данным письменных источников о переселении готов и их движении к Черному морю. Густовская керамика обнаруживает отчетливые параллели в Дании, в Сконии и на Борнхольме. И появляются здесь эти формы еще в выделенной польскими исследователями фазе A3/B1, датированной прогнутыми фибулами варианта 0, т.е. на рубеже эр и не позже первой половины I в. н.э. (Wołągiewicz 1981a, табл.XXVIII, 1-6, 12, 15). Впрочем, процесс сложения культурного облика густовской группы, пока еще очень плохо изучен. Весь регион западной Балтики — побережье от Одры до Дании, датские острова и сам полуостров, так же как и южная часть Швеции — дает удивительно пеструю археологическую картину. И пока никто, кроме Э.Оксенштерны, работа которого тенденциозна и в значительной степени устарела (Oxenstierna 1945), не пытался сопоставлять и сравнивать эти многочисленные группы и группки. Позднее мы еще вернемся к этому вопросу.

А пока вновь обратимся к пшеворской культуре, теперь к южному ее пограничью. В верхнем течении Вислы, в районе Кракова, на рубеже эр и в первые десятилетия новой эры продолжает существовать особая кельто-пшеворская *тынецкая группа*, потомки тех кельтов, что появились здесь еще на стадии ЛТ-С1 (Woźniak, табл.XXX, XXXI).

Позже, для ранней стадии тынецкой группы, представленной рядом поселений — Пельчиски, Далевицы, Краков-Выценж, Краков-Могила, Тынец — погребения неизвестны. На поселениях, где открыты небольшие полуземлянки 15-20 м², преобладает гончарная кельтская керамика — серая, графитированная и расписная. Лепной керамики не много, она очень простых невыразительных форм (Woźniak 1970, табл.XXXII-XXXVII). А на поздней стадии, рубежа эр, тынецкая группа выступает как кельто-пшеворская. Процент гончарной керамики уменьшается, а лепная представлена типично пшеворскими формами — поселения Краков-Креславичи, Краков-Могила, Подлежье и др. (Woźniak 1970, табл.XLII-XLV). Возможно, пшеворизация тынецкой группы была связана с тем процессом экспансии носителей пшеворской культуры на юг и юго-восток, который фиксируется в Словакии погребением с однолезвийным оксывско-пшеворским мечом в Цыфере (Bona 1963, рис.1), погребением в Девине (Kolnik 1977, с.168) и в Северной Молдове трупосожжением в Рэкэтэу (Vulpe, Capitanu 1971) (Рис. 78). Погребения позднего этапа тынецкой группы не были известны, пока К.Годловский не раскопал могильник в Крыспинуве около Кракова (Godłowski 1977). Здесь наряду с типичными пшеворскими захоронениями, самые ранние из которых датируются фибулами A 68, а самые поздние — концом стадии B2, были открыты странные сооружения в виде рвов шириной 1,5 м и глубиной от 0,3 до 1,5 м, образующих квадраты со сторонами от 3,4 до 7 м. В заполнении рвов — угольки, черепки сосудов, часть их вторично пережженная, мелкие кальцинированные косточки, мелкие обломки изделий из железа и бронзы. Керамика из этих объектов — кельтская расписная и пшеворская, т.е. то же сочетание, что характерно для тынецкой группы. Не понятны пока назначение и способ устройства этих объектов — устраивались ли они специально для совершения коллективных захоронений или это остатки культовых построек, культовых мест?

Аналогичные объекты, открытые в Че-

хии на могильнике Тшебушице, К.Мотыкова-Шнайдрова рассматривает как кельтское культурное наследие в маркоманнской среде (Motyková-Šnaidrová 1977). Все остальные аналогии — из кельтского мира. Они известны во Франции — в Шампани и на Марне, в Бельгии, на треверском могильнике Ведерат около Трира, а также в Британии (Flouest, Stead 1977; Bonenfant 1966; Koethe 1933; Decker, Scollar 1962; Haffner 1971; Stead 1961; Stead 1969). Не совсем ясно, каким образом распространялся этот культ, нашедший археологическое отражение в квадратных объектах? Как он проник в Польшу? Но не исключено, что его могли перенести какие-то группы кельтов, бежавших от Цезаря и союзных Ариовисту, или укрывавшиеся от римлян у Маробода. Может быть идею обряда наряду с какими-то верованиями привнесли кельтские друиды, бежавшие от гонений, которым их подвергли римляне в Галлии и Британии?

Эпизод с кельтскими культовыми объектами возвращает нас к еще очень мало изученной проблеме позднекельтского культурного воздействия на варваров Центральной и Северной Европы, которой мы уже коснулись, говоря о мечах в стиле opus interrasile. Дело не ограничивалось одними мечами. И.Вернер обратил уже внимание на целую серию разнотипных фибул с ажурными приемниками, элементы которых повторяют орнамент на ножнах мечей (Werner 1977, рис.4). Среди них находятся и А 18, являющиеся прототипами всех столь характерных для раннеримского времени глазчатых фибул от А 44 до А 61, эволюцию которых и их все более и более широкое распространение по Европе так блестяще исследовали О.Альмгрен и Р.Ямка (Almgren 1923; Jamka 1964).

Весьма показательна и картина распространения сравнительно редких и очень своеобразных фибул, украшенных мордой кусающегося зверя на дужке. Известна целая их серия в могильнике Эмона в Словении (Menke 1977, рис.12; Šribar 1968, табл.1), есть они в Аквилее (Werner 1954, с.156), в верхнерейнских и дунайских лагерях и поселениях (Menke 1977), затем в пуховской культуре в Словакии (Pieta 1977, рис.2, 1; 3, 2) и в Польше, на могильнике Кужа около Калиша (Kaszewska 1977, рис.4, 2). Застежки эти — вариант известных А 67-68, одного из самых распространенных хронологических индикаторов раннеримского времени. В конечном итоге и сами фибулы А 67-68 развиваются на той же приальпийской почве.

Проблема, конечно, нуждается в дальнейшей конкретной разработке и уточнении, но возникает впечатление, что складывающийся стиль раннеримского времени в Барбарикуме во многом определился не столько воздействием собственно римской культуры, сколько культурной иррадиацией из правобережья Верхнего Дуная, из Норика, Рэции и Паннонии, и даже из более широкого региона вплоть до Адриатики, включая Иллирию и, возможно, Северную Италию. А земли эти были заселены кельтами и различными группами кельтизированного населения, находящегося в тот момент под властью римлян, но далеко еще не полностью романизированного.

В этой связи любопытны два замечания, брошенные вскользь Велием Патеркулом и Корнелием Тацитом. Первый писал, что у Маробода постоянно «находили убежище отпавшие от нас племена и отдельные лица» (Патеркул, I, 109). Это и было одной из причин напряженных отношений Маробода с римскими властями. О притеснениях, от которых страдали жители новых провинций, свидетельствует сам факт «паннонского восстания», охватившего весь этот регион. По сообщению Тацита, в 19 г. Катуальда застал в ставке Маробода большое количество «купцов и маркитантов из наших провинций» (Тацит, Анналы, II, 62-63). Среди ушедших за Дунай вряд ли было много земледельцев, свободных земель и самим германцам не хватало. Но варвары, вероятно, охотно принимали ремесленников и торговцев. Первые изготовляли оружие и другие вещи, находившие сбыт в варварской среде. А чем занимались вторые? Экономическим центром всего очерченного региона была Аквилея, она же — конечный пункт янтарного пути, который шел отсюда на Карнунт, затем через Моравию или Словакию и горные перевалы Татр в Силезию, далее на расположенную в бассейне Варты, на Просне Калисию-Калиш, в Куявию, на Вислу и, наконец, в Прибалтику (Рис. 76). Походы кимвров и тевтонов, разгром германцами кельтских оппидумов Моравии, затем движение дружин Ариовиста должны были прервать этот путь. Был разрушен оппидум Старе Градиско в Моравии, перевлочный пункт этой торговли. Груз одного из караванов в 1500 кг янтаря не достиг цели и был укрыт в землю в Партыничах под Вроцлавом (Wielowiejski 1980, с.19, 110).

Но вот возникла «держава» Маробода почти все племена вдоль янтарного пути вошли в нее и естественно было для поселившихся здесь торговцев из Аквилеи и прилегающих районов попытаться возобновить его. В ювелирных изделиях римского времени янтарь встречается не так уж часто, но дело в том, что его использовали не только и не столько как ювелирное сырье, янтарь был известным и широко употреблявшимся лекарственным средством. Торговля им была делом доходным. И вероятно не случайно вдоль янтарного пути в Польше наблюдают Э.Кашевска и Е.Веловейский распростране-

ние кельтских элементов — упомянутых фибул и мечей, гончарной керамики, трупоположений и др. (Kaszewska 1977; Wielowiejski 1980).

Может возникнуть вопрос. Если торговцы и мастера могли свободно передвигаться по всей территории «державы» вплоть до самых удаленных уголков, если повсеместно происходили единые социальные процессы, шли перемещения населения и его смещения, то почему археологи не видят на территории этого «государства» единой археологической культуры? Дело, наверное, прежде всего в том, что никакой «державы» не было. Был добровольный или не совсем добровольный союз племен, участники которого то входили в него, то выходили. Вспомним семнонов и лангобардов. Лугии, по словам Страбона, были участниками союза, но отсутствие в пшеворской культуре римских импортов «чешской волны» свидетельствует об особом положении этих племен в союзе. Возник он под угрозой римского завоевания. Молодой Маробод, находясь в Риме при дворе Августа и пользовавшийся его расположением, мог узнать о завоевательных планах принцепса. Но когда в 6 г. он пошел на мирный договор с Римом, а после Тевтобурга не поддержал херусков, он тем самым подорвал «идеологическую основу» своей власти.

Во-вторых, существовало это объединение племен сравнительно недолго, всего около двадцати лет, срок, слишком, вероятно, короткий для окончательного оформления археологической культуры.

Активность выходцев из-за Дуная в «державе» Маробода не ограничивалась лишь пределами этого «государства». Во всяком случае без их участия трудно объяснить некоторые явления, наблюдаемые в это время и в зарубинецкой культуре Поднепровья и Полесья.

Зарубинецкая культура — одна из цикла латенизированных культур варварской Европы, возникла одновременно с ними и развивалась в сходном ритме (Каспарова 1984). Но на II и III фазах своего развития она с этого ритма сбивается. Здесь совсем не представлены фибулы, характеризующие синхронные периоды европейских культур, среднюю фазу ППВ и ЛТ-D1 — варианты J, K, G/H и другие. Вместо них носители зарубинецкой культуры пользовались развивающимися здесь самостоятельно среднелатенскими по конструкции «зарубинецкими» фибулами второго, третьего и четвертого вариантов (Каспарова 1984, с.116). То есть около 100 лет, от конца II в. до н.э. и до второй половины I в. до н.э., после кампании кимвров и тевтонов зарубинцы почти не имели культурных контактов с жителями Центральной Европы. Не случайно Т.Домбровской, несмотря на специально направленный поиск, так и не удалось обнаружить следов непосредственного взаимодействия двух соседей — пшеворской и зарубинецкой культур (Dąbrowska 1973). Но к концу I в. до н.э. ситуация меняется и зарубинецкая культура с рубежа III и IV фаз ее эволюции вновь включается в ритм развития центральноевропейских культур — появляются прогнутые позднелатенские фибулы вариантов M-N-O (Каспарова 1976; Каспарова 1984). Это можно было бы объяснить установлением наконец контактов с пшеворомом (Обломский 1983), но никаких специфических пшеворских черт в этот момент в зарубинецкой культуре не обнаруживается. Зато обнаруживаются некоторые элементы, указывающие на связи с более отдаленными областями на западе. В погребении 152 Чаплинского могильника верхнеднепровской группы зарубинецкой культуры найдена шарнирная щипцовая фибула (Поболь 1971, рис.61, 9). А такие застежки характерны для ступени AI римского времени в верховьях Рейна-Дуная. Истоки же, и весьма древние, эта форма имеет в Далмации и Северной Италии (Rieckhoff 1971). Фибулы варианта O представлены в зарубинецкой культуре специфической маркоманнской модификацией, фибулами «бойев» — в Велемичах I, Велемичах II и в Грищинцах. Для маркоманнов Чехии и примыкающих к ним племен, особенно из междуречья Эльбы-Заале, были характерны ажурные поясные крючки (Voigt 1971; Motyková-Šneidrová 1963, табл.3, 38-40), и обломок такого крючка, варианта C по Т.Фойгту, датирующегося августовской эпохой, происходит из погребения 3 в Субботове на Тясмине (Максимов 1960) (Рис. 68:8).

Вещи западного происхождения из числа производившихся в Норике, Рэции, в Галлии или в пределах царства Маробода попадали не только к носителям зарубинецкой культуры. Путь их проникновения на восток хорошо обозначают находки в пуховской культуре Словакии и на памятниках Верхнего Поднестровья.

В Верхнем Поднестровье, кроме уже упоминавшихся погребений с норицкими мечами в Лучке и Гриневе (Рис. 69), укажем еще на «маркоманнускую» восьмерковидную пряжку типа U из того же Гринева (Śmiszko 1932, табл.IV, 19), на случайно найденную Diestelfibel (Смішко 1948, табл.III, 13), на сковородку типа Айлесфорд (Смішко 1948, табл.III, 13; Кропоткин 1970, рис.63, 6, с.96, N 837) и на комплекс богатого погребения в Колоколине (Śmiszko 1935). Здесь и фибула A 44, начальный верхнедунайский вариант глазчатых, и фибула A 67, и «нертомарус» и норицкая пряжка G1c и бронзовый кувшин E 124 — весь набор ступени B1a. А в пухов-

ской культуре мы найдем, кроме уже упоминавшихся фибул с кусающимся зверем, и тип Езерине, и «нертомарус», и целую серию А 67 и А 236, и фибулу типа Алезия (Pieta 1977, рис.2, 1, 5, рис.3). Галльские фибулы типа Алезия известны и среди случайных находок в Поднепровье (Щукин 1989д).

Вещи западного происхождения найдены и на таких памятниках, как Почепское селище на Десне — «маркоманнская» пряжка (Заверняев 1969, рис.14, 23) — могильник Рахны и поселение Марьяновка на Южном Буге — фибулы «Аукисса», А 67-68 и А 236 (Хавлюк 1975, рис.7, 1-3). Последняя несколько более позднего времени, это вариант «с» эпохи Тиберия-Клавдия, хотя бытовал он в течение всего I в. н.э. (Garbsch 1965, с.29-32).

С этим же западным культурным импульсом, во всяком случае частично, могут быть связаны проникающие очень глубоко в варварскую среду Восточной Европы раннеримские фибулы типа «Аукисса» (Амброз 1966, с.26-27, табл.27, 1).

Отмеченное загадочное явление распространения вещей, происходящих из Порейнья и Подунавья не имеет пока удовлетворительного объяснения. Одна из возможных версий — норико-паннонские и провинциально-римские торговцы и маркитаны из царства Маробода или искали новых источников янтаря в Поднепровье, или пытались освоить минующий беспокойную пшеворскую культуру обходный путь в Прибалтику через Днепр-Березину-Двину или Неман (Щукин 1981).

Путь их должен был бы пролегать через Словакию, через земли носителей земплинской и пуховской культур, а здесь жили во времена Тацита, т.е. спустя полстолетия — марсинги, котины, осы и буры. Первые и последние были германцами, а котины и осы, «обосновавшиеся кое-где на равнине, но главным образом на горных кручах», говорили: первые на галльском, а вторые — на паннонском языках (Тацит, Германия, 43). Для торговцев не существовало по крайней мере языкового барьера.

Предполагаемый нами путь за янтарем был, конечно, предприятием нелегким и опасным. Если и удавалось добыть его, то не всегда удавалось довезти. И не является ли тому свидетельством низка янтарных бус в погребении сарматского воина, вооруженного коротким мечом с кольцевым навершием, из Островца в Ивано-Франковской области (Смішко 1962), как раз на намечаемом пути. Фибула варианта О датирует его именно этим временем, рубежом эр (Рис. 70).

С конца I в. до н.э. сарматы, с которыми до тех пор у носителей зарубинецкой культуры были как будто мирные и союзные отношения, начинают угрожать им.

По расчетам Е.В.Максимова получается, что в конце I в. до н.э. горят укрепления городищ Среднего Поднепровья, а население или укрывается в труднопроходимых болотистых местах днепровской поймы (возникает, в частности, поселение Оболонь в Киеве), или переселяется в другие районы — в брянские леса, на Южный Буг (Максимов 1982) На днепровских городищах зарубинецкой культуры найдены наконечники сарматских стрел — оружие нападающих, а также каменные и глиняные снаряды оборонявшихся пращников.

Из 6 наконечников сарматских стрел, найденных на зарубинецких городищах (Максимов 1982, табл.X), лишь один с Бабиной Горы (Максимов 1982, табл.XIX, 8), если исходить из классификации А.М.Ждановского (Ждановский 1988) относится ко второй половине I в. до н.э. — I в. н.э. Остальные позже — I-II вв. н.э. И только начальная дата поселения в Оболони подтверждает в какой-то мере нарисованную Е.В.Максимовым картину. Самая ранняя находка — обломок синопской амфоры, которые ввозились в Северное Причерноморье в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э. (Максимов 1982, с.95; Зеест 1960, рис.2). Приблизительно в это же время гибнет и самое северное из цепочки позднескифских нижнеднепровских городищ — Знаменское и на его валу совершаются сарматские захоронения, к сожалению, тоже не датированные точно (Потребова 1958, с.115, 126, 127-129, 235-236; Щукин 1970, с.55-56). Соблазнительно все это поставить в связь с тем движением сарматов на запад, последним отголоском которого было появление их в 16 г. до н.э. на дунайской границе.

Может быть археологическим отражением этого набега является находка фаларов из Галиче в Болгарии (Fettich 1953). Изображенные на них персонажи носят на шее многовитковые гривны вроде тех, что известны в составе Сибирской коллекции Петра I и в Прикубанье (Анфимов 1986, рис.1, 1-2; Артамонов 1973, с.168-188). Галиче, вероятно, уже последние проявления более раннего «роксолано-аспургианского» стиля.

Набег сарматов не уничтожил еще окончательно зарубинецких городищ Поднепровья, они укрепляются вновь своеобразными земляными конструкциями в виде эскарпов (Максимов 1982). Конец зарубинецкой культуры наступит несколько позже.

Самая западная группировка сарматских племен — языги. Где-то в степях между Днепром и Дунаем помещал их Страбон, рисуя ситуацию еще рубежа II-I вв. до н.э. (Страбон, VII, 17).

В 8 г. н.э. Август сослал в Томи Овидия, где тот и умер, прожив в изгнании 10 лет. В написанных здесь «Скорбных элегиях»

и в «Письмах с Понта» Овидий 37 раз поминает сарматов (Подосинов 1976. с.27). Поэт встречал сарматских всадников на улочках города, выучил язык сарматов, видел как воловьи упряжки языгов зимой пересекают Дунай по льду (Tr.III. 10. 34; V, 7, 13-14, 56; V, 12, 58; Ep.IV, 7, 9-10; Ep.IV, 9, 85).

Ослабление бастарнского союза после ударов Буребисты и Марка Красса, очевидно, открыло путь для дальнейшего и более массового проникновения сарматов на запад. Намечается, судя по археологическим находкам, два направления этого проникновения — в Буджак и на север. Среди последних уже упомянутое погребение в Островце Ивано-Франковской обл. (Смішко 1962), Бурякивка в Тираспольской области (Малеев, Піоро 1973), на Буковине — впускные погребения в Ленковцах и Кельменцах (Смирнова; Мелюкова 1953), возможно, грунтовый могильник в Киселево, дата которого не очень определенна (Винокур, Вакуленко 1963). В северной Молдавии — Скаены-Безены и Новые Костешты (Рикман 1966, рис.2; Гросу 1982, с.8, 10). На юге Молдавии и в Буджаке к сарматским памятникам рубежа эр и первой половины I в. н.э. ко времени сарматского рейда 16 г. до н.э. и времени Овидия можно отнести погребение 4 в Холмском (Гудкова, Фокеев 1984, с.8-10, рис.2) со среднелатенской фибулой еще варианта В, но с бусами I в. н.э. (Гросу 1982), курган 7 могильника Турлаки с обломком среднелатенской фибулы «неапольского варианта» и бляшками, аналогичными из упомянутого погребения в Холмском (Гросу 1988, рис.36, 7-9, табл.4). Сюда же В.И.Гросу относит погребение 9 в Старых Дубосарах с фибулой варианта О и менее надежно датированные захоронения в Тараклии I, Беляевке, катакомбу кургана 10 в Казаклии. К сожалению, неразработанность сарматской хронологии не позволяет датировать памятники с достаточной определенностью и в большинстве случаев трудно отличить захоронения сарматов времени Овидия от тех, что появляются со следующей волной движения сарматских племен. Из таковых в более восточных районах назовем Надлиманское III на Днепре (Мелюкова 1984) и Лупарево на Буге. Уже в это время, возможно, сарматы начинают проникать и в лесостепное Поднепровье, например, погребение в Тенетинке на Тясмине (Рис.72) с позднелатенской фибулой варианта еще M/N (Shchukin 1989, часть II, рис.31, 4; 32; 23), но большинство надежно датированных комплексов связывается скорее с последующей волной движения (Щукин 1972; Симоненко 1981) (Рис. 72).

Та же картина и на территории Румынии — в Молдове и Мунтении. Нельзя исключить, что среди погребений с «широкой датой» есть и захоронения овидиевского времени, но очевидное большинство — позже. Г.Бикир считает, что сарматы проникают сюда лишь после краха «державы» Децебала в начале II в. н.э. (Bichir 1977).

Считается, что еще во время движения 16 г. до н.э. языги проникли на Средний Дунай в венгерскую пушту. Есть упоминания о их набегах и в 6-7 гг. н.э. во время паннонско-далматинского восстания (Parducz 1971; Moczy 1974). Но данные эти имеются лишь у авторов поздних, у Диона Кассия и в «Хронике» Евсебия. А ни современник событий Велий Патеркул, сам служивший под командованием Тиберия в Паннонии, ни Плиний, получавший информацию от таких компетентных людей, как наместники Паннонии и Мезии Флавий Сабин и Плавтий Сильван, ничего не говорят об этих набегах.

Сильным аргументом в пользу раннего проникновения языгов в пушту служила строительная надпись из Аквинка о возведении каменных укреплений Друзом в 17-20 гг. против языгов (Moczy 1974, с.267-268), но оказалось, что надпись эта позже, времени Веспасиана (Toth, Vekony 1970).

Археологические материалы тоже не подтверждают с достаточной надежностью появление сарматов в Венгрии в первой половине I в. н.э. (Щукин 1989в, с.47-49) (Рис. 74).

Как уже говорилось, этнокарта Страбона — результат контаминации разновременных сведений — рубежа II-I вв. до н.э. и современных ему рубежа I в. до н.э. — I в н.э. Если его свидетельство о языгах, сарматах царских и ургах, восходит к первому пласту, то оно не находит пока подтверждения в археологических источниках. Встает вопрос — не является ли во всяком случае свидетельство о языгах вставкой из второго пласта? И достаточно очевидно, что таковой является информация о языгах и роксоланах, обитающих между бастарнами на восточных границах Германии (Страбон, VII, 2, 4). Это могут подтвердить перечисленные выше сарматские памятники Буковины, Северной Молдавии и Прикарпатья.

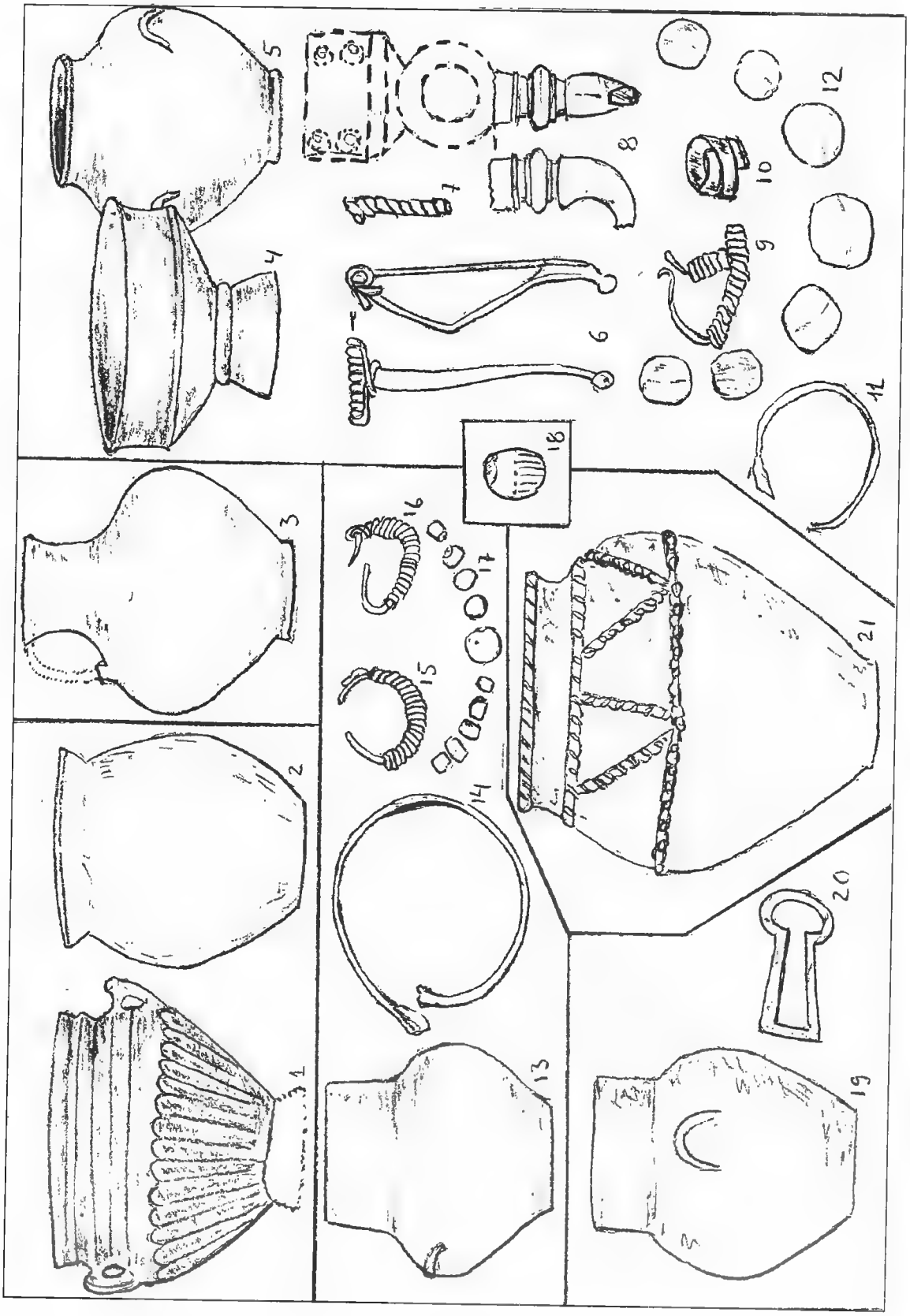


Рис. 68. Находки с Субботовского могильника и городища (21), погребения в Жаботине (19,20)

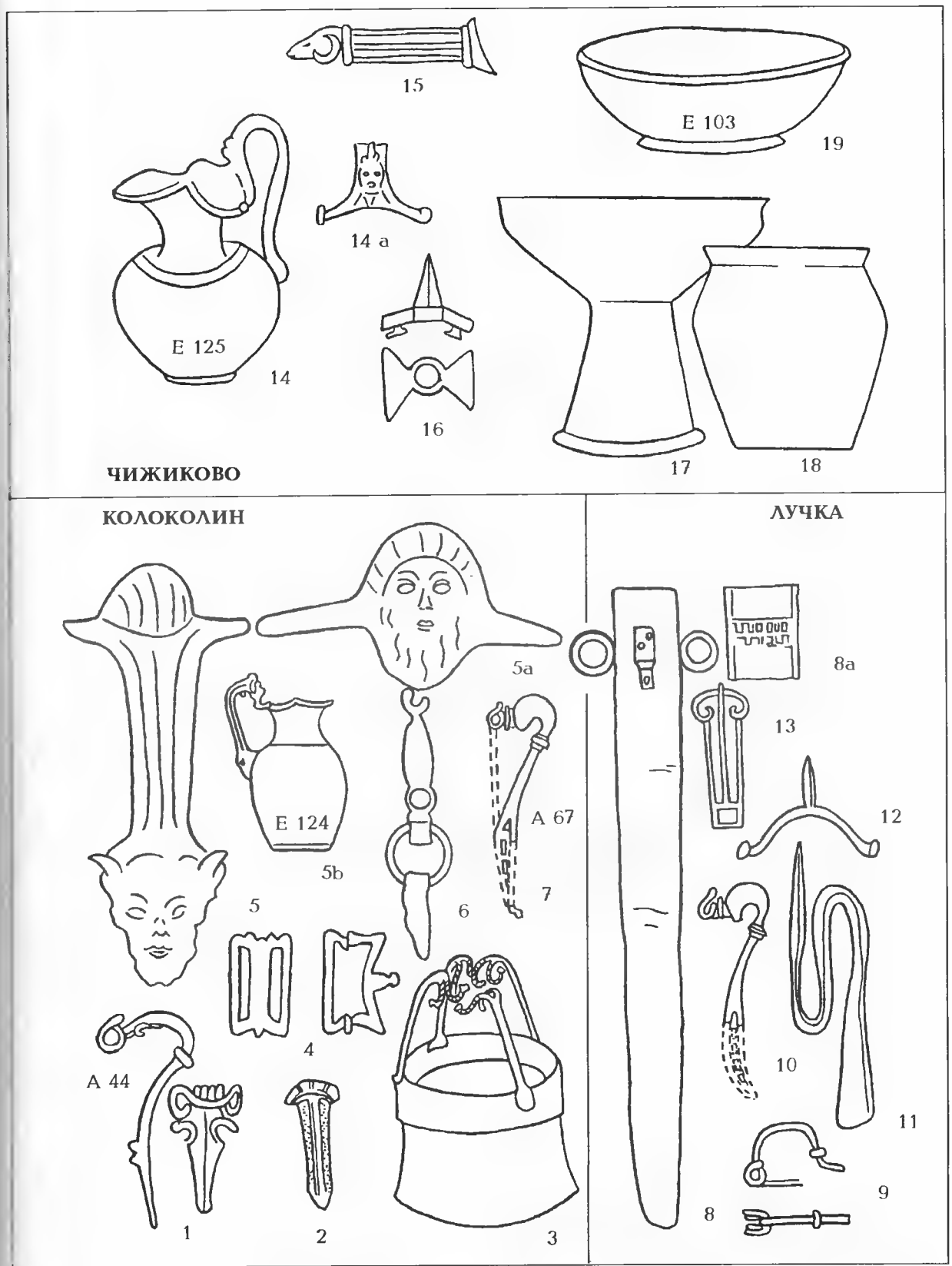


Рис. 69. Находки из Колоколина, Лучки и Чижикова (по М.Ю.Смишко). Реконструкция серебряного котелка по Т.Сулимирскому (3) маловероятна. Ручки и обломки стенок принадлежат двум канфарам. 2 — фибула типа «Нертомарус».

Рис. 68. Находки с Субботинского могильника и городища (21), потребления в Жаботине (19,20)

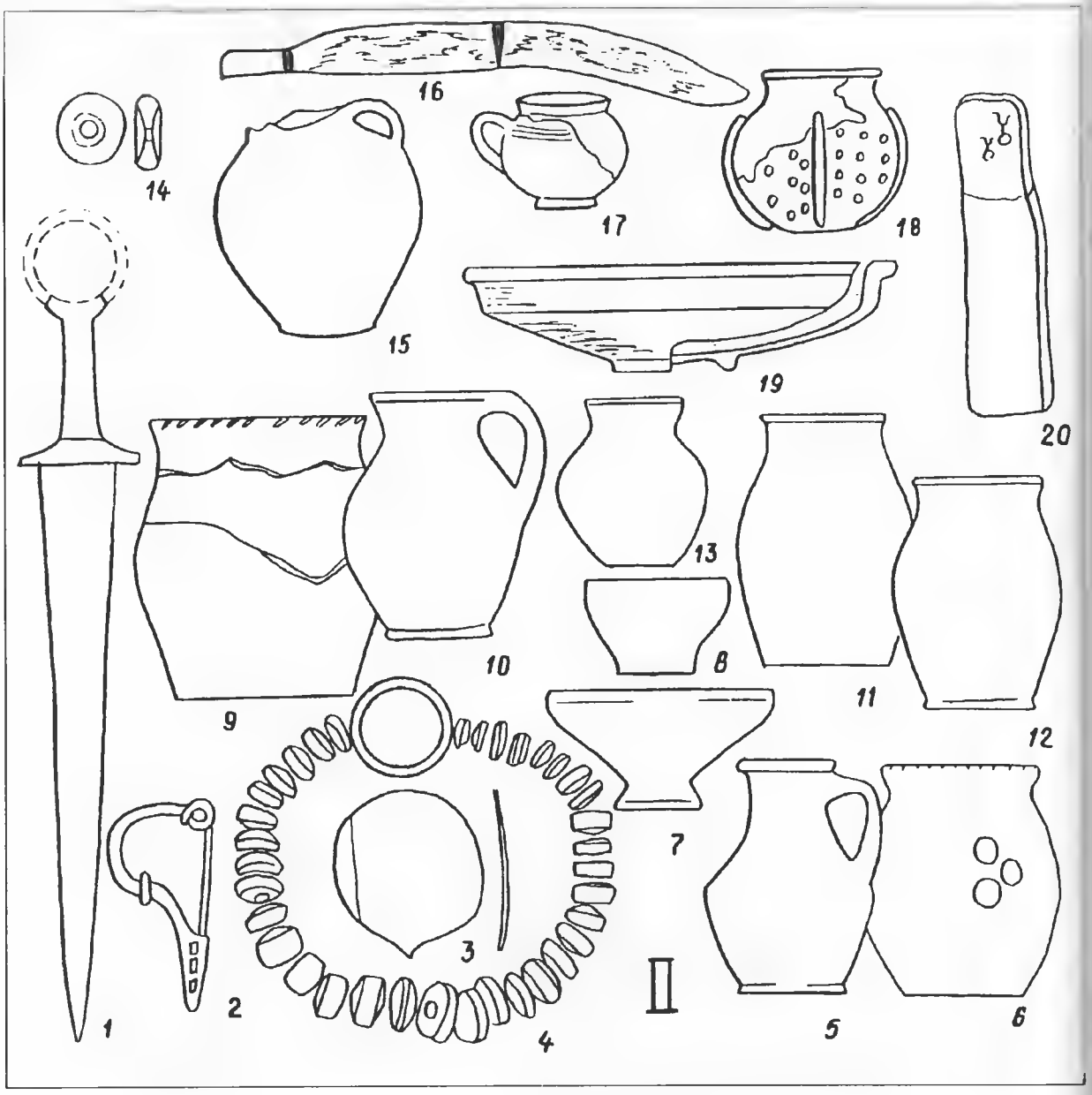


Рис. 70. Вещи из сарматских комплексов Верхнего Поднестровья. 1,2 — Островец-Вертеби, погр.2; 3,4 — зеркало и янтарные бусы из погр.9 в Островце-Вертеби; 5—6 — Островец-Олещина, погр.1; 7,8 — Островец-Вертеби, погр.10; 9 — Островец-Вертеби, погр.1; 11,12 — Островец-Вертеби, погр.6 и3; 13 — Островец-Вертеби, погр.4; 14 — большая бусина (подвеска к темляку меча?) из мрамора. Погр.2, Островец-Вертеби; 15—18 — Киселовский могильник; 19 — Буряковка; 20 — каменная стела (5м) из Задрости.

Глава VIII.

События середины I в. н. э. Рим и сарматы

1. Рим Юлиев-Клавдиев.
Внешняя политика и внутренние распри.

В августе 14 г. н.э. скончался Август. «Золотой век» принципата сменился «железным» (Светоний, Тиб., 59).

Начать Тиберию пришлось с усмирения поднявших мятеж рейнских и паннонских легионов. Уговорами, угрозами, обещаниями и убийствами зачинщиков племяннику нового принцепса Германику и сыну Друзу удалось умиротворить мятежников (Тацит, Анналы, I, 16). О последовавших затем успешных, но безрезультатных действиях Германика против Арминия и о блестящем дипломатическом успехе Друза, победившего Маробода руками Катуальды, уже говорилось выше. Эти события наглядно показали бесперспективность попыток завоевания Германии и преимущества оборонительно-дипломатической тактики сдерживания варваров. От экспансии на север Рим отказался. Тем более, что на востоке положение оборачивалось не в пользу римлян.

Еще во 2 г. до н.э. был убит Фраат IV Парфянский. Заговор был организован его наложницей гречанкой Музой, на престоле оказался ее малолетний сын Фраатак, которого она заставила вступить в брак с ней и объявить ее богиней и царицей. Юный Гай Цезарь, внук Августа, пытался договориться с ними в 1 г. н.э., но вмешавшись в династические распри армянских царей, погиб. Когда же в 4 г. н.э. Муза и Фраатак были свергнуты ставленником парфянской знати Ородом III, римляне выдвинули свой козырь — Вонона, одного из сыновей Фраата IV, отданных римлянам в заложники. Поддержанный жителями месопотамских городов, он стал «царем царей». Но проживший в Риме 15 лет и воспитанный по-римски, принц не смог ужиться при парфянском дворе. Он был изгнан в 12 г. правителем Мидии Артабаном, бежал в Армению, попытался утвердиться на престоле там, но был вынужден в 15 г. бежать и оттуда.

Армения оказалась для римлян фактически потерянной, а на парфянский престол вступил опытный политик Артабан, не принадлежавший к роду Аршакидов и не столь опасавшийся интриг римских Фраатидов.

Отозвав Германика из Германии, Тиберий посылает его на восток. Но одновременно этот интриган устраняет от управления Сирией Кретика Силана, тестя Германика и назначает на его место Гнея Пизона, «человека неукротимого нрава, не способного повиноваться» (Тацит, Анналы, II, 43). Положение Германика оказалось сложным — он чувствовал скрытую неприязнь Тиберия и видел скрытую враждебность своего личного друга Пизона (Светоний, Тиб., 42). Пизон, например, отказался выделить войска для операций в Армении, требовал поддержки Вонона, использовать которого Германик не хотел, чтобы избежать прямой конфронтации с Артабаном. Со своими небольшими силами Германику удается захватить Артаксату и посадить на армянский престол Зенона, сына Полемона Понтийского, того самого, что погиб на Боспоре. Вонон был сослан, бежал из ссылки и был убит. Отношения с Пизоном все обострялись. Неожиданно Германик заболел и умер. Оставшаяся вдовой Агриппина обвинила Пизона в отравлении. Обвиненный и сенатом, тот вынужден был покончить с собой. Агриппина же вскоре тоже попала в опалу, была сослана Тиберием на о.Пандатерию и, не выдержав жестокого обращения, уморила себя голодом (Светоний, Тиб., 53). Круг смертей вокруг Тиберия все разрастался. По Риму прокатилась волна процессов по обвинению «в оскорблении величества». «Никакому доносу не отказывали в доверии... Никогда Рим не бывал так подавлен тревогой и страхом: все затаились даже от близких, избегали встреч и боялись заговаривать как с незнакомыми, так и знакомыми» (Светоний, Тиб., 61; Тацит, Анналы, IV, 69).

Гонимый манией преследования, Тиберий укрылся в 27 г. на о.Капри и оттуда десять лет руководил разгулом доносов и казней.

В 34 г. умер Зенон, римский ставленник в Армении, и это послужило поводом для нового конфликта с парфянами. Артабан объявил царем Армении своего сына Аршака, потребовал возврата казны Вонона и всех владений Ахеменидов. Терроризированный Тиберием Рим не был готов к войне. Тиберий посылает посольство к царям кавказских иберов и албанов, предлагая напасть на Парфию. Он мирит двух братьев иберийских царей Фарасмана и Митридата, обещая последнему в случае победы власть в Армении. Втягиваются в это мероприятие и сарматы Предкавказья. Иберы пропускают отряды сарматских катафрактариев через «Каспийские ворота» и те обрушиваются на парфян. Полагают, что это были племена сираков, прошедшие через Дарьяльский про-

ход (Виноградов В.Б. 1963). Артабан тоже призывает на помощь прикаспийских сарматов, очевидно, аорсов, старых врагов сираков, но те не смогли помочь союзнику, летом 35 г. вода в Каспийском море стояла высоко и дербентский проход по побережью оказался закрыт (Тацит, Анналы, VI, 32-36). Одновременно используется и испытанный козырь — внук Фраата IV Тиридат, живший в Риме, начинает претендовать на престол деда. Легату Сирии Луцию Виттелию удается организовать заговор при парфянском дворе. Артабану, разбитому сираками и иберами в Армении, потерявшему там двух сыновей, приходится бежать на северо-восток своей державы. Тиридата поддержали и некоторые знатные парфяне, в частности Орноспад, сатрап Месопотамии, некогда изгнанный из Парфии и участвовавший вместе с Тиберием в подавлении Паннонского восстания (Тацит, Анналы, VI, 37). Тиридат и его сторонники занимают столицу Ктезифон, Тиридат коронуется и облачается в царские одежды, хотя борьба далеко не закончена, приверженцы Артабана удерживают цитадель столицы, где находятся казна и гарем царя царей. А сам он, набрав в восточных провинциях новую армию саков, неожиданно вновь появляется на арене. Тиридат отступает в Сирию. На Евфрате в 36 г. встречаются Артабан и Вителий, заключается мир. Римляне обещают не поддерживать больше Тиридата, а Артабан признает власть над Арменией ибера Митридата. Это было последнее достижение внешней политики Тиберия, в 37 г. престарелый принцепс умирает.

Из наследников оставался лишь Гай Цезарь, сын Германика и Агриппины, прозванный в детстве, которое он провел с отцом на Рейне, — Калигулой. Последние годы он был приближен к Тиберию на Капри, был участником его кровавых дел, что определенным образом сказалось на рассудке юноши.

С событиями 35 года Ю.Г.Виноградов попытался связать чрезвычайно интересный и богатый комплекс сарматского погребения из Косики на Нижней Волге (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993; Виноградов, в печати). На серебряном сосуде отсюда имеется надпись, что блюдо, сделанное мастером Ампсалаком, было подарено сарматскому скептуху (скипетроносцу) царем Артавасдом. Ю.Г.Виноградов полагает, что это царь, управлявший Арменией с 37 по 41 гг., когда Митридат Иберийский был арестован почему-то Каллигулой. Письменные источники такого царя Армении не знают, зато знают по крайней мере четырех Артавасдов: один из них был армянским царем, предавшим Марка Аврелия во время похода 36 г. до н.э., другим был царь Мидии Атропатены, умерший в 20 г. до н.э., в 1 г. н.э. Арменией управлял некий Артавасд сын Артавасда и у него был внук с тем же именем, умерший в 10 г. н.э.

Вопрос упирается в хронологию комплекса из Косики, который еще нуждается в специальном рассмотрении, но кажется серебряная ложечка с тамгой Боспорского царя Аспурга 8-38 гг. — самая поздняя вещь комплекса. Таким образом любой из названных Артавасдов в принципе мог быть дарителем блюда, особенно последний, заставший еще Аспурга царем. Нет необходимости «изобретать» нового царя, если более поздняя дата комплекса не будет строго доказана (Щукин, в печати).

Четыре года Рим терпел причуды и произвол сумасшедшего деспота, пока наконец кинжалы заговорщиков не положили этому конец. В возникшей суматохе, неожиданно для себя самого принцепсом стал в 41 г. сын Друза Клавдий, престарелый уже, по понятиям римлян, человек, ему было за пятьдесят.

Любитель гладиаторских боев, мелких судебных дел, в разбирательстве которых охотно принимал участие, и историк (он даже написал несколько книг), Клавдий, будучи человеком осторожным, старался не вмешиваться в сколько-нибудь крупную политическую игру ни во внешней, ни во внутренней политике. При нем не раз приходилось отбивать нападения германцев, хавков, хаттов, херусков и других и поэтому римляне были обеспокоены укреплением границы на Рейне и Дунае. Строятся новые лагеря и кастеллы вдоль Рейна и Дуная, перестраиваются, укрепляются и благоустраиваются старые. Все они соединяются единой стратегической дорогой via Klavdia, создается единая система пограничных укреплений — limes Romanus. Следы этих перестроек хорошо улавливаются при археологических раскопках и служат важным репером для хронологических расчетов.

Но когда дружина из хавков и каннифатов в 47 г. ограбила жителей галльского берега Нижнего Рейна и новый легат Нижней Германии Гней Домиций Корбулон не только изгнал их, но и вторгся на правобережье Рейна, Клавдий приказал прекратить военные действия (Тацит, Анналы, II, 18-20) Не помог он и римскому ставленнику, царю квадов Ваннию, когда на того напали другие германские племена. Впрочем, в Британии война велась и велась достаточно успешно. Пришлось Клавдию вмешаться и в усобицу боспорских царей и организовать экспедицию в Пантикапей. Об этих событиях у нас пойдет речь специально.

Артабан Парфянский умер вскоре по-

сле заключения мира 36 г. и с тех пор там не прекращается борьба за власть различных представителей парфянской знати. Одна из враждующих группировок обратилась в 48 г. к Клавдию с просьбой прислать сына Вонона Мехердата. Мероприятие это закончилось бесславно. Мехердат попал в плен к своему сопернику Котарзу и ему обрезали уши, чтобы лишить права царствовать.

Клавдий вернул сосланного было Калигулой царя Армении Митридата, но на это место претендует и его племянник Радамист. Римский префект Целий Поллиен сдал Радамисту крепость Горнею, где укрылся Митридат, и даже короновал захватчика. Но это решение не было утверждено его начальником, наместником Сирии Уммием Квадратом, и в Армению двинулся легион легата Гельвия Приска из Сирии. Но в это время были получены сведения из Парфии, что гражданская война там, наконец, закончилась, что к власти пришел Вологез (52 г.), и он собирается вмешаться в армянскую усобицу крупными силами. Квадрат срочно отозвал легион из этой страны. Однако парфяне, нарушая мирный договор 36 г., туда вторглись и царем был объявлен брат Вологеза Тиридат.

И Тиберий, и Клавдий понимали, что их держава достигла тех размеров, когда дальнейшее расширение территории чревато центробежными тенденциями. Управление таким огромным механизмом Империи уже рождало немало трудностей, и для удержания власти принцепсов важнее «благотворный мир», чем безудержная агрессия, тем более, что ресурсы уже захваченных провинций еще не полностью исчерпаны. Нерешительность действий в Германии и в Армении рождены были не столько слабостью римского оружия, сколько осторожностью и осмотрительностью, которые проповедовал и основатель принципата. Но для окружающих варваров, которые больше всего ценили силу и удачливость, это казалось проявлением слабости. Престиж Рима получил первые трещины.

В 49 г. осторожный Клавдий совершил самую большую ошибку в своей жизни — женился на своей племяннице Агриппине Младшей, дочери Германика и Агриппины. Через 5 лет жена-племянница отравила мужа, чтобы предоставить власть принцепса своему любимому сыну от первого брака, юному Нерону, последнему из династии Юлиев-Клавдиев.

Во время его 14-летнего правления «на границах римского государства царили мир и покой, а в самом Риме отвратительная разнузданность» (Тацит, Анналы, XIII, 25). «Расширять и увеличивать державу у него не было ни охоты, ни надежды» (Светоний, Нерон, 18).

Что касается «разнузданности» и развращенности юного деспота, то эти эпизоды римской истории хорошо известны и нет необходимости повторяться. Что касается «мира и покоя», то они были относительными, потому что от своего предшественника он унаследовал войну с Парфией за Армению. Впрочем, велась она «вяло и нерешительно», войска больше маневрировали, чем сражались (Тацит, Анналы, XIII, 6-9, 35-41; XIV, 23-26; XV, 1-18, 24-31; 44, с.189-206).

Нерон готовил большой поход на восток, к Каспийским воротам, набрал в Италии новый легион из молодых людей шести футов роста и назвал его «фалангой Александра Великого» (Светоний, Нерон, 19). Но поход так и не состоялся. В Армении кончилось все соглашением, которое означало в конечном итоге поражение, хотя в Риме было выдано за победу.

Гладиаторских игр, пиров, театральных представлений при Нероне, считавшем себя великим артистом, певцом и кифаредом, устраивалось большем чем когда-либо. Однажды гладиаторы появились на арене с оружием, украшенным янтарем, янтарные сети были развешены на ярусах цирка. За янтарем для этого зрелища была организована специальная экспедиция в Прибалтику (Плиний, XXXVII).

И Цезарь, и Август в свое время для завоевания авторитета и любви плебса не скупясь тратились на зрелища, но эти расходы окупались доходами со вновь захваченных провинций. Теперь новых завоеваний не было, и государство, во главе которого пятьдесят лет стояли люди то сумасшедшие, то бездарные, наконец не выдержало урона, нанесенного бессмысленными тратами Нерона. Разразился финансовый кризис. Нерон первый из римских императоров для поправки дел пошел на такой сомнительный шаг, как девальвация денег. Содержание чистого серебра в монетах в 64 г. было снижено. В эти годы вообще все социальные и экономические явления, которые подспудно зрели в недрах рабовладельческого общества эпохи Империи и должны были привести к его окончательному краху, проявились впервые достаточно отчетливо.

Содержание огромной армии и расходы императорского двора тяжким бременем ложились на провинции. Волнения происходят среди местного населения в Галлии, в Иудее и в Испании. А стоящие здесь легионы, служба которых была нелегка, отказываются подчиняться центральной власти и выдвигают, в расчете на будущие привилегии, своих императоров — Гальбу в Испании, Виндекса в Галлии, Веспасиана в Иудее. Лишенный чьей-либо поддержки, «великий ар-

стист» кончает с собой 7 июля 68 г.

Началась двухлетняя гражданская война. Погибают в борьбе Гальба, Виндекс, ставленник преторианцев Отон. Выдвинутый рейнскими легионами Вителий был близок к победе, но разбит у Кремоны полководцем Веспасиана Антонием. К 71 г. Веспасиан Флавий и его сын Тит, расправившись с конкурентами и подавив освободительные движения в Галлии и в Иудее, уже прочно удерживают власть в своих руках. Были закрыты двери храма Януса.

Характерная особенность гражданской войны 68-70 гг. — в ней активное участие приняли варвары. Вологез предлагал Веспасиану 40-тысячную парфянскую конницу, но тот от нее разумно отказался. Однако германцы-квады сражались на стороне Веспасиана при Кремоне. На Рейне вспыхнуло батавское восстание Юлия Цивилиса, в котором приняли участие германцы (батавы, фризы, канифаты), галлы (треверы и лингоны), кельтизированные германцы или «народы между германцами и кельтами» — нервии и тунгры, а также целые подразделения разноплеменных вспомогательных войск.

Из описания этих событий Тацитом в его «Истории» отчетливо видно, как тесно переплетаются здесь элементы германские, галльские и римские. Взаимоотношения варваров и Империи вступили в следующую стадию, начался процесс варваризации армии, провинциализации римской культуры. А это все имело далеко идущие последствия как для империи, так и для Барбарикума.

В ходе гражданской войны были сожжены некоторые пограничные лагеря, Флавии произвели перестройку и реорганизацию лимеса. На 70-е годы I в. падает рубеж ступеней B1 и B2 римского времени в Центральной и Северной Европе. Появилась новая сила и на востоке. В 72 г. отряды алан обрушиваются на Закавказье.

Начало 70-х годов I в. можно считать условным рубежом, за которым последует своеобразный период истории и Рима и варварской Европы. Рассмотрению его следовало бы посвятить специальную работу.

2. Наследники Динамии и Юлий Аквила. Сираки, аорсы и аланы.

Вернемся к событиям, описанным в конце VI главы, к делам на Боспоре. Царица Динамия, престарелая внучка Митридата Евпатора, пережив трех мужей, умерла в 8 г. н.э., а может быть и раньше. Вопрос спорный. Последние годы, дабы избежать повторения истории с Полемоном, ей и ее сыну от Асандра Аспургу приходится держаться в русле проримской политики и официальной фарзеологии Империи, не допуская уже ахеменидско-митридатовских демонстраций. Они не именуют себя царями, монеты чеканят с бюстом Августа, скромно скрывая свои имена под монограммами. Оставшись один, Аспург продолжает ту же политику.

У Аспурга были основания постараться не раздражать Августа, ведь это из-за его матери погиб Полемон, ставленник Рима и законный правитель Понта и Боспора.

Но вот в августе 14 г. Август умер. Императором стал Тиберий и Аспург поспешил в Рим. Расчеты его оправдались. Он вернулся домой «другом римского народа», царем с налаженными, очевидно, связями в Риме и с развязанными руками для действий в Причерноморье. Уже в том же году, за четыре месяца, он успел выпустить монеты со своим портретом и с монограммой «царь» на одной стороне и с изображением Тиберия на другой, а также разослал соответствующие рескрипты по городам. До нас дошел горгиппийский 15 г. (Блаватская, 1965).

Не следует забывать однако, что новоиспеченный «друг римлян» был политиком и дипломатом, прошедшим хорошую школу восточного коварства при дворе отца и матери и, клянясь в верности Риму, он вряд ли преклонялся перед величием своего прадеда и не вынашивал его честолюбивых планов. Контакты устанавливают не только с Римом. Женится Аспург на фракийской принцессе Гипепирии, тронное имя принимает фракийское — Рескупорид. Последнее, впрочем, оспаривается (Блаватский 1976).

За этими действиями могут скрываться две идеи. Во-первых, и Асандр, и Динамия в конечном итоге — чужаки, пришельцы на Боспоре. В глазах не всех боспоритов, триста лет живших под фракийской династией Спартокидов, власть наследников сармата и понтийки, даже из Ахеменидов, законна. Влив фракийской крови мог бы поправить дело. Второе. За союзом с Фракией проглядывают замыслы Митридата — объединения причерноморских земель. Это могла быть игра с дальним прицелом.

А во Фракии происходило следующее. Еще в 13 г. умер Реметалк Фракийский и его царство Август поделил между братом царя Рескупоридом и сыном Котисом. В 19 г. Рескупорид заманил Котиса для переговоров на пир и посреди веселья заключил его в оковы, а затем и убил, став единственным правителем Фракии. Римлян, знавших о честолюбивых устремлениях Рескупорида, такое положение дел не устраивало. Опять мог встать вопрос об угрозе с северо-востока как во времена Митридата. А союз Фракии и Боспора был вдвойне опасен. Этому нужно было помешать.

Правителем Мезии был назначен ста-

рый воин Помпоний Флакк, связанный с Рескупоридом тесной дружбой. Ему и удалось заманить фракийского царя в ловушку. При совместном осмотре пограничных укреплений Рескупорида неожиданно окружил сильный отряд римлян и доставил в Рим. В сенате он был обвинен в убийстве Котиса и осужден на изгнание из своего царства. Отправили его в Александрию, где вскоре и убили при таинственных обстоятельствах.

Фракия была поделена между сыном его Реметалком II, воспитывавшимся в Риме, и малолетними детьми Котиса, опекуном которых стал бывший претор Требуллен Руф. Так было подготовлено осуществленное несколько позже мирное присоединение Фракии (Тацит, Анналы, II, 64-67).

Аспургу пришлось перестроить игру. Вероятно, он побывал в Риме еще раз, хотя у нас нет никаких прямых доказательств этого. Но около 23 г. он становится не только «другом римлян», но и «другом цезаря» и тут же приступает к восстановлению «прежних» границ Боспора (Блаватская 1959; Блаватская 1965, с.207). Тогда-то, возможно, и были подчинены скифы Центрального Крыма, а в Палакии (Неаполе Скифском) поселилась группа выходцев из Прикубанья и Боспора (Раевский 1971; Пуздровский 1989). О подчинении крымских скифов Боспору в 23/24 гг. свидетельствуют одна из боспорских надписей (КБН N 39) и находка в Палакии серебряной тарелки с именем царицы Гипепирии, жены Аспурга (Раевский 1973; Яценко 1962).

Вел Аспург тогда же и какие-то переговоры с Ольвией, как можно понять из восстановленной недавно надписи (Сапрыкин 1985).

Возможно во время второй поездки Аспург стал римским гражданином, как был им в свое время царь Понта и Боспора Полемон, и принял имя своего патрона — Тиберий Юлий. Официально на Боспоре он им не пользовался, во всяком случае ни надписей, ни монет с ним пока не найдено, но о нем вспомнят и начнут широко использовать потомки Аспурга. Все боспорские цари, современники уже не Тиберия, а совсем других императоров, с 67 по 233 г. будут именоваться Тибериями Юлиями.

Умерли Тиберий и Аспург почти одновременно. Один в 37, другой — в 38 г. И для Рима, и для Боспора наступили смутные времена. Императором стал сумасшедший Калигула, разрешивший боспорские дела одним махом. В его представлении Боспор был все еще частью Понта и был передан потому царю Понта Полемону II, сыну печально известного мужа Динамии. Памятуя участь отца, Полемон не рискнул отстаивать свое право силой. Место Аспурга занял его сын Митридат, который не зря носил имя своего великого пращура и был полон желания осуществить его планы. В 39/40 г. он, подчеркивая самостоятельность, выпустил золотую монету со своим именем и стал чеканить медные монеты с собственным портретом или портретом матери — Гипепирии.

Своими тайными замыслами Митридат неосторожно поделился с младшим братом Котисом, отправляя его в Рим для уверения ставшего в 41 г. императором Клавдия в боспорской лояльности и, вероятно, в качестве заложника. Котис «проговорился» Клавдию о планах брата. Здесь даже обычно осторожный и нерешительный Клавдий действовал стремительно. Группа римских войск из Мезии или из Вифинии не менее 7-8 тысяч солдат во главе с Дидием Галлом и Юлием Аквилой неожиданно высадилась в 45 г. в Пантикапее (Блаватский 1973, с.214). Впервые римские легионеры вступили на землю Таврики. Митридат был вынужден бежать из столицы, царем был объявлен Котис. Одновременно, чтобы избежать дальнейших боспоро-фракийских заговоров, Фракию решено превратить в провинцию. Что и было осуществлено в 46 г., но для этого понадобились военные силы и Дидий Галл с большей частью войска должен был вернуться в Мезию.

«Между тем Митридат Боспорский... узнав об уходе основных сил во главе с полководцем Дидием и о том, что в наново устроенном царстве остались лишь неопытный по молодости лет Котис и несколько когорт под начальством римского всадника Юлия Аквилы... он принимается возмущать племена и сманивать к себе перебежчиков и, собрав в конце концов войско, прогоняет царя дандаров и захватывает его престол» (Тацит, Анналы, XII, 15). Поддержал Митридата также царь сираков Зорсин, и открыл военные действия против Боспора. В сираках некоторые исследователи (Виноградов 1963; 1965; 1966) видят союз племен, состоявших из потомков геродотовских савроматов и укрывшихся в степях Предкавказья в междуречье Маныча, Терека и Кубани со времен сарматского движения на запад еще в конце IV в. до н.э. Со всех сторон этот осколок древних савроматов был окружен племенами, принадлежавшими к другой ветви кочевых ираноязычных народов — массагето-роксоланоаланской и к моменту описываемых событий объединенных аорсами. Обе группировки издревле враждовали. Сираки отгородились от своих опасных соседей цепочкой укреплений — городищ на Маныче, Тереке и Сунже. Для кочевников, не имевших опыта в осаде крепостей, эти укрепления были неприступными и достаточно хорошо защищали территорию сираков от вторжений (Виноградов 1963). О локализации сираков и их археологическом отождествлении ведутся

бесконечные споры. Но находился ли центр этого объединения западнее района, очерченного В.Б.Виноградовым, помещался ли он междуречьи Кубани и Лабы, на Средней или Нижней Кубани, или севернее — на Маныче и Егорлыке, сути описываемых событий это не меняет. Может быть он охватывал все названные районы. Конечно, хотелось бы конкретизации, но на сегодняшнем уровне исследования получить на этот счет бесспорные данные трудно. Сираки были союзны иберам Закавказья, контакты с которыми осуществлялись через Дарьяльский проход, по современной Военно-Грузинской дороге. Перехватить этот путь в Закавказье мечтали аорсы. Дело в том, что они были «народом торговым», по словам Страбона, и держали в своих руках караванный путь из Закавказья и Передней Азии далеко на восток по евразийским степям (Страбон; IX, 5, 1). Но для связей с Передней Азией в их распоряжении был только Дербентский проход вдоль берега Каспийского моря, который действовал нерегулярно. Если дули восточные ветры, воды моря закрывали его (Тацит, Анналы, VI, 33). Так случилось, например, в 35 г., когда сираки свободно прошли на помощь иберам и римлянам, а аорсы не смогли помочь своим союзникам парфянам.

Котис и Юлий Аквила, оказавшись перед лицом войск Митридата и конницей сираков, попали в трудное положение. Они «стали искать поддержки извне и направили послов к Эвнону, правившему племенам аорсов... Они без труда склонили Эвнона к союзу. Итак, было установлено, что Эвнон бросит на врага свою конницу, тогда как римляне займутся осадою городов» (Тацит, Анналы, XII, 15). Эвнона, судя по ситуации, обрисованной выше, действительно не нужно было долго уговаривать.

В 49 г. аорсы разгромили сираков и Митридата. Инженерное искусство римских легионеров помогло во взятии неприступных доселе крепостей, в том числе и крепости сираков Успе. Осажденные «не могли противостоять натиску нападавших, которые приводили в смятение осажденных, забрасывая их с возведенных для этого высоких башен пылавшими головнями и копьями... Истребление жителей Успе вселило страх во всех остальных...» (Тацит, Анналы, XII, 16).

Для решения проблемы локализации сираков было бы очень важно определить местоположение Успы, а знаем мы об этом лишь одно. После победы Юлий Аквила за три дня дошел на Танаиса, чтобы там погрузиться на корабли и отплыть в Пантикапей (Тацит, Анналы, XII, 17-19). От цепочки городищ, известных на правобережье Кубани, до Танаиса по прямой порядка 200 км. Для трех дней пути многовато. Римские легионеры могли форсированным маршем покрывать достаточно большие расстояния (вспомним марш Цезаря к Зеле), но в данном случае у Аквилы, кажется, не было такой необходимости.

Группа городищ располагается так же северо-западнее в районе станицы Ново-Джерелевской. От них до Танаиса ближе, но это регион, где обычно помещают племена дандариев (Шилов 1950). Если это так, то сюда был направлен первый удар Аквилы и аорсов, поскольку Митридат сверг царя дандариев и обосновался в его столице, но при приближении римлян ее покинул, не надеясь на лояльность местного населения.

Конечно, обнаружение Успы, городища разрушенного в середине I в. н.э., со следами римских шанцевых сооружений, весьма способствовало бы разрешению споров о локализации сираков, но, как выясняется, при внимательном прочтении текста Тацита, вовсе не обязательно искать ее вблизи от Танаиса. Три дня пути Аквиле оставалось с того момента, когда Зорсин, царь сираков, «после долгих размышлений» решил «склониться перед изображением императора». Как и куда передвигался Аквила пока Зорсин предавался размышлениям, остается неизвестным.

Митридат же после поражения предпочел сдаться не Юлию Аквиле и брату Котису, а царю аорсов Эвнону. Тот, через прокуратора провинции Вифиния и Понт Юния Нилона выдал пленника римлянам с просьбой сохранить жизнь и не унижать участием в триумфе (Тацит, Анналы, XII, 18). Просьбу союзника уважили. Еще 20 лет прожил Митридат в Риме частным лицом и погиб в смутные времена после смерти Нерона, оказавшись замешанным в заговор Нимфидия.

Хотя победа была блестящей, несколько когорт сумели расправиться с двумя царями, триумфа в Риме не справляли. И не только из-за просьбы Эвнона. Дело в том, что, действуя совершенно правильно с точки зрения тактики, Юлий Аквила, этот римский офицер не очень высокого ранга, плохо разбирался в хитросплетениях большой политики и совершил стратегическую ошибку. Заключив союз с аорсами и разгромив сираков, он нарушил равновесие сил в регионе. Аорсы, старые союзники парфян, усилились, в их руках оказался Дарьяльский проход, выводящий в случае поддержки иберов, в Армению к границам Империи. Некоторое время спустя, в 72 г. через этот проход на Переднюю Азию и обрушились полчища аланов, союзников и родственников аорсов, составлявших вероятно с ними одну конфедерацию.

Мы очень плохо знаем этно-политическую ситуацию середины и второй полови-

ны I в. н.э. в евразийских степях. Письменные источники молчат и нет пока обобщающей работы, где были бы сопоставлены все археологические памятники и культуры от Алтая до Гиндукуша, от Енисея до Дона. Нет и единой хронологической системы.

Вспомним, однако, что каждый раз, когда парфянский престол захватывали сторонники проримской ориентации, опиравшиеся на эллинизированное население Месопотамии, их противники отправлялись в восточные или северо-восточные провинции и там черпали силы для восстановления своей власти, а то и просто призывали саков (Бокщанин 1966). И с этой позиции обратим внимание еще раз на бросающееся в глаза стилистическое сходство вещей «сарматского звериного стиля», находки которых как бы отмечают границы региона, возможно объединенного в какой-то момент неким культурным или политическим единством (Клейн 1976; Засецкая 1980; Раев 1984; Раев 1989; Щукин 1989а; 1989б).

Имеются в виду: спиральная гривна с шествием кусающих друг друга зверей, флакончики и диадема из кургана «Хохлач» в Новочеркасске на Дону, аналогичные изображения на ажурных браслетах и флакончике из Александрова под Ростовом (раскопки В.К.Гугуева в 1987 г.), браслеты «Сибирской коллекции» Петра I и браслет из Пешеварского музея, место находки которого, правда, не известно (Артамонов 1973, рис.234, 232), диадема из погребения на р.Каргалинке в Казахстане (Артамонов 1973, рис.58). Золотые с обилием бирюзы фалары «Садового» кургана на Дону (Клейн 1976; Раев 1976), аналогичный из «Сибирской коллекции» (Артамонов 1973, рис.273) и похожие из Гонийского клада (Лоракипанидзе и др. 1980) в Закавказье, Р-образные бляхи в зверином стиле «Сибирской коллекции», из Запорожского кургана (Шилов 1983) и Верхне-Погромного (Шилов 1956). Многочисленные вещи бирюзово-золотого стиля из Тилля-Тепе в северных предгорьях Гиндукуша на восточных границах Парфии (Сарианиди 1983) и подобные в кургане «Дачи» под Азовым (Беспалый 1988), в Порогах на Среднем Днестре (Сымоненко, Лобай 1991). Здесь названы лишь наиболее выдающиеся находки, список их можно было бы пополнить. При всем разнообразии деталей, стилистическое сходство всех этих вещей несомненно.

Истоки этого стиля еще предстоит выяснить. На материалах Сибирской коллекции М.И.Артамонов проследил, как на произведениях более простых и реалистичных выявляются элементы общие с искусством древнеалтайских резчиков по дереву, создавших в IV в. до н.э. украшения сбруи из Пазырыкских курганов, и как постепенно композиции усложняются, распадаются, все обильнее оснащаются бирюзой (Артамонов 1973). Впрочем, проблему не следует упрощать, как не упрощал ее и М.И.Артамонов. Алтайский корень, вероятно, не единственный. Для более детального обсуждения вопроса здесь просто нет ни времени, ни места.

Для установления хронологии вещей бирюзово-золотого стиля есть лишь несколько более или менее фиксированных точек. Кажется, самыми ранними в Причерноморье окажутся пряжка и полусферические бляшки из упоминавшихся Воздвиженского и Первого Зубовского курганов в Прикубанье второй половины I в. до н.э. (Гущина, Засецкая 1989; Щукин 1992). В погребении 3 в Тилля-Тепе был ауреус Тиберия, чеканенный между 16 и 21 гг. (Сарианиди 1983, рис.34, 35). Остальные причерноморские находки позже — второй половины и конца I в. н.э. Наборы римской импортной посуды из «Хохлача» и «Садового» позволяют датировать их таким образом (Raev 1986). Близки им по времени и захоронения в Порогах, о которых у нас пойдет еще речь ниже.

Свидетельства о восточном культурном импульсе в I в. н.э. не ограничивается распространением вещей бирюзово-золотого стиля. Есть данные и о более далеких восточных связях — находки сделанных из нефрита деталей портупеи мечей на Дону и в «Рошава Драгана» во Фракии (Буюклиев 1986). Последняя с изображениями фантастических животных в стиле искусства династии Хань. На Северном Кавказе и на Дону есть находки китайских зеркал «арочного типа» (Берлизов 1990) и даже наконечники стрел китайских арбалетов (Симоненко 1989). Со Средней Азией связывают находки парфянской и среднеазиатской керамики — баклажка и боченковидные сосуды (Медведев 1983, рис.2, 20), находки в погребениях кусочков опия-сырца (Берлизов 1990, с.148). Восточное происхождение имеют некоторые типы зеркал. Сильную связь с верховьями Сыр-Дарьи, Прибалхашья и с Памиро-Ферганским районом показало детализированное изучение устройства катакомбных погребений (Берлизов 1990). Центральноазиатское происхождение имеет по всей вероятности обряд искусственной деформации черепов, последнее, впрочем, появляется лишь во II в. н.э. Примеры можно умножить. Все эти и некоторые другие моменты уже неоднократно отмечались в литературе (Клейн 1976; Раев 1984; Раев 1989; Раев, Яценко 1993; Щукин 1989а,б; Яценко 1993; Берлизов, Каминский 1994).

Можно было бы связать все эти инновации с начавшим уже функционировать «шелковым путем». Первый китайский караван достиг границ Римской империи в 36 г.

до н.э., затем, когда в 23 г. н.э. Китай потерял Восточный Туркестан, путь прервался и был возобновлен в 74 г. н.э. (Бернштам 1952, с.32; Мандельштам 1957, с.32; Берлизов 1990, с.151-159). Но трудно себе представить, чтобы вещи такого класса как кинжалы из Тилля-Тепе и «Дач» или массивные золотые гривны и браслеты «Хохлача», «Александрова» и Пешеварского музея были просто предметами рыночной торговли. Это предметы сакральные, знаки очень высокого социального достоинства и передвигаться они могли или вместе с их владельцами, или в виде дипломатических даров, при заключении династических браков и тому подобных обстоятельств. Впрочем, одно не мешает другому. А когда обрывалась торговля, контакты другого рода не обязательно прерывались. Мы не знаем, как происходило все на самом деле, но очень похоже на то, что и в данном случае мы имеем дело с какими-то передвижениями кочевников, в том числе и аристократических дружин.

О том, что сарматы Северного Причерноморья временами были втянуты в парфянские дела, мы знаем по событиям 35 г. н.э., о которых речь шла выше. А в то же самое время на восточных границах Парфии, в районах близких Тилля-Тепе происходили свои события. Потомки юэджей и саков, завоевавших Греко-Бактрию и разделившихся в 135 г. до н.э. на пять княжеств, теперь «через сто лет с небольшим» по сообщению китайской хроники «Хоу-Хань-шу» (Бичурин 1953, т.II, с.227-228), создавали свое объединенное Кушанское царство, простиравшееся от Арала до Индии. Хотя хронология кушанских царей является предметом долгой дискуссии, существует около тридцати ее вариантов (Займаль 1968, с.132-133), но начало процесса зафиксировано китайскими хронистами с достаточной определенностью.

Эти события, очевидно, не могли не отразиться и на окружавшем кочевом мире и появление в Причерноморье новой волны выходцев с востока в такой ситуации не было бы удивительным.

Возможно какие-то сведения об этих процессах достигали и Рима. Волна кочевнического движения, вероятно, уже катилась по степям и нарушение стабильности и равновесия сил в Причерноморье, вызванное неосторожными действиями Юлия Аквилы, могла насторожить римскую дипломатию. Может быть именно поэтому он не получил триумфа, победив двух царей, а лишь повышение в звании, знаки преторского достоинства. Хотя, конечно, все это в области догадок.

Результаты однако сказались. В степях Причерноморья появилась новая сила — аланы. Мы не будем сейчас вдаваться в давнюю и оживленную дискуссию об археологическом отождествлении алан. С ними связывают то распространение катакомб, то диагональные погребения, их видят то в памятниках Нижнего Дона (Raev 1986; Яценко 1989), то в курганах «Золотого кладбища», напоминающих по обилию импортных изделий и вооруженности Зубовско-Воздвиженскую группу, но более поздних и расположенных на правом берегу Кубани (Ждановский 1987; Ждановский, Марченко 1988), то в погребениях на Центральном Кавказе предполагая, правда, или их местное происхождение или от поднепровских скифов (Берлизов 1990). Но не с меньшим основанием можно видеть в Нижне-Донских погребениях представителей аорской знати, а во всех кубанских — сиракской или сирако-меотской. Хотя не исключено, что часть их могла принадлежать и аланам. На сегодняшнем уровне знаний эта проблема, по всей вероятности, не разрешима. Самих алан в сарматской среде очевидно столь же трудно уловить археологически, как самих тюркютов в составе тюркских каганатов и самих хазар в составе населения Хазарского каганата.

Что касается погребений «Золотого кладбища» (Гущина, Засецкая 1994), то характер этого интересного памятника, который был приписан Н.Н.Веселовским варваризированному контингенту римских войск так много здесь импортных римских вещей и оружия, то этот феномен можно объяснить следующим образом.

Конечно, после победы над Митридатом Боспорским и сираками, римляне были обеспокоены обеспечением относительной стабильности в беспокойном Прикубанском регионе. Вряд ли это было можно сделать введением крупного контингента регулярных римских войск. На это у Рима не хватило бы и сил, и возникли бы сложности со снабжением зимой и осенью, когда коммуникации с Пантикапеем прерывались. Не могли обеспечить стабильность и войска Боспорского царя Котиса.Окружающие сарматские племена были боеспособнее. Оставался лишь один способ которым позднее римляне пользовались в самых различных уголках Империи — создание войска «федератов» или «союзников» (Socii). За определенную плату и подарки вожди варварских дружин зачастую брались выполнять те или иные задачи, поставленные перед ним римским командованием. А чаще всего ставилась задача именно сохранения спокойствия в приграничных областях.

Не исключено, что «Золотое кладбище», возникшее как раз в середине I в. н.э. оставлено именно воинами одного из таких «союзных» варварских соединений «социев»

на римской службе.

В эпоху «военной демократии» такие дружины могли состоять как из одного племени, так и собираться из представителей различных племен. Вспомним, царство Ванния, созданное римлянами из остатков дружин Маробода и Катуальды. Дружины могли быть полиэтничными и не входить в племенную структуру, даже выступать против своих соплеменников. Вспомним, опять же, как херуск Ингвиомер со своей дружиной сражался против херусков Арминия на стороне маркоманна Маробода. Не имея дополнительной информации письменных источников определить этнический состав погребенных на «Золотом кладбище» вряд ли возможно.

Было бы наивно видеть так же в каждом погребенном с вещами бирюзово-золотого стиля представителя именно аланской аристократии. Очевидно, что стиль стал интернациональным, престижным, распространился в аристократической среде разных племен. А это среда, как обычно бывает, еще и повязана династическими родственными узами. Аристократам часто доводится воевать со своими кровными родственниками. Так что аланскую проблему таким образом разрешить трудно, тем более, как позже заметил Аммиан Марцелин: «разделенные... по обеим частям света, аланы... живя в огромном расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства: однако, с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи, дикий образ жизни и одинаковое вооружение (Аммиан Марцелин, XXXII, 2, 17).

Первые упоминания об аланах в письменных источниках туманны и ненадежны. Их имя уже известно Веррию Флакку, воспитателю внуков Августа, но вставляет он это имя в миф об аргонавтах. Два писателя эпохи Нерона Луций Анней Сенека и его племянник Марк Анней Лукан тоже знают что-то об аланах. Сенека отмечает их появление на Дунае: «Истр, представляющий путь к бегству диким аланам» (Вестник, 630), Лукан в поэме «О гражданской войне или Фарсалия» вкладывает в уста Помпея речь о том, что он «стремился к Каспийским воротам и преследовал суровых и вечно воинственных аланов» (II, VIII, 215-225). Скорее всего это такая же поэтическая вольность, как и присутствие Цицерона в войске Помпея, о чем пишет Лукан, хотя на самом деле Цицерон там не был и поэт это наверняка должен был знать. Но для нас важно, что, если и не до времена аргонавтов или Помпея, то во всяком случае к концу жизни Августа и во времена Нерона воинственность аланов была римлянам уже достаточно известна. Если только в текстах Флакка и Лукана нет ошибок переписчиков.

В дальнейшем источники фиксируют алан неожиданно в самых разных местах. В 50-70-х годах Плиний отмечает их «к северу от Истра», а в 72 г. они уже совершают набег на страны Передней Азии. Причем, если прав Н.Е.Берлизов в его реконструкции этого похода, а выглядит она достаточно убедительно (Берлизов 1990, с.154-158), то двигаются они откуда-то из Средней Азии через Гирканию.

В 135 г. они опять попадают на Мидию, Армению и Каппадокию (Дион Кассий, 9, LXIX, 15), а в 166-175 гг. участвуют в Маркоманнских войнах на Среднем Дунае. Встает вопрос, не имеем ли мы дело с какой-то сравнительно небольшой, но очень воинственной и постоянно передвигающейся ордой, имя которой охотно стали принимать в силу ее авторитета и другие, так или иначе подчинившиеся им группировки. Уловить археологические памятники алан в таком случае будет действительно почти безнадежным делом, хотя сам факт их присутствия и воздействия на политическую историю сомнений не вызывает.

Другие группировки сарматских племен Северного Причерноморья отличались большей устойчивостью и более стабильной привязанностью к местам своего обитания. Однако в середине I в. н.э. и в их среде происходят изменения, что хорошо фиксируется сопоставлением этнокарт Страбона и Плиния (Щукин 1989а,б; Ščukin 1993) (Рис. 71).

Страбон, как известно, кончил свою «Географию» в 7 г. н.э., но делал вставки в книгу по крайней мере до 18 г. н.э. Он, например, рассказывает о войне Арминия и Маробода, но ничего уже не сообщает о разгроме последнего Катуальдой в 19 г. н.э. У Страбона, как уже говорилось, языги размещаются к западу от Днепра, вперемежку с бастарнами, роксоланы — между Борисфеном и Танаисом (Страбон, VII, III, 17). Аорсы — между Меотидой и Каспийским морем, а сираки — к югу от них, на р.Ахардее, стекающем с Кавказских гор (Страбон, XI, V, 7-8).

У Плиния же языги оказываются на Среднем Дунае, около «паннонских зимних стоянок в Карнунте» (IV, 80), аорсы-гемаксобии, роксоланы и аланы — все вместе «занимают места, прилегающие к Побережью», «к северу от Истра» (IV, 80). Поскольку все Левобережье Днепра Плиний вынужден был отвести уже не существовавшим племенам Геродота, то можно думать, что и здесь в действительности находились те же аорсы, роксоланы и аланы, или кто-то из них, хотя точно, конечно, ничего сказать нельзя. Что касается сираков, то они у Плиния оказыва-

ются около «Ахиллова дрома», рядом со скифами-сардами (IV, 83). То есть где-то в районе Перекопа. «Ахиллов дром» обычно сопоставляют с Тендровской косой. Еще одну группу сираков и каких-то сарматов-эпагерритов поместил он южнее их прежних мест обитания — к северу от Питиунта (VI, 16).

Плиний черпал информацию из довольно надежных источников. Ему доводилось беседовать и с пленным Митридатом Боспорским, и с Плавтием Сильваном, наместником Мезии с 57 по 66 г., проводившим военные операции в Причерноморье.

Таким образом, где-то между 18 и 66 г. (конец наместничества Сильвана) или 79 г. (смерть Плиния при извержении Везувия) произошел явный сдвиг сарматских племен Причерноморья на запад, стимулированный, вероятно, как отмеченным передвижением восточных кочевников, так и аорско-сиракским кофликтом 49 г. (рис.71).

Фиксируемый сравнением этнокарт Страбона и Плиния сдвиг сарматских племен на запад получает подтверждение и в археологических находках (рис. 70, 72, 74). С середины I в. н.э. резко возрастает число сарматских памятников в Молдавии (Рикман 1966; Гроссу 1990), в Молдове и Мунтении (Bichir 1977), в степях под Одессой (Дзиговский 1982), в Западном Крыму. Это небольшие могильники (курганные или плоские), часто — отдельные впускные погребения в курганы более раннего времени. В них находят широко распространенные во всем сарматском мире маленькие плоские зеркала в виде металлического кружочка, VI тип по А.М. Хазанову (Хазанов 1963) или в виде амулетика-подвески с магическими знаками-тамгами на обороте(IX тип), короткие железные мечи с кольцевым навершием, много бус, не только на шее, но и на руках и ногах. Бусы часто сделаны из голубого египетского фаянса, встречаются и коралловые. Характерны также бронзовые колокольчики, глиняные цилиндрические курильницы, костяные круглые коробочки-пиксиды и др. Ориентировка костяков преобладает северная, отмечены случаи погребения со скрещенными в голенях ногами. Черепа иногда носят следы искусственной деформации. Некоторые захоронения содержат импортные стеклянные сосуды, амфоры, фибулы, бронзовую римскую посуду, в частности ковши Е 144 в кургане 4 в Старых Куконештах и Ульмень-Олтеница (Гросу 1982, с.11; Bichir 1977, рис.25, 2) ступени В2 (70-170 гг. н.э.).Хронология молдавских памятников подробно рассмотрена В.И.Гросу (Гросу 1990). За исключением нескольких, упоминавшихся ранее, все они не ранее середины I в. н.э. К сарматским памятникам Молдавии примыкают с севера несколько сходных могильников Верхнего Поднестровья (Ленковцы,Киселев, Бурякивка), к сожалению, не датированных точно (Мелюкова 1953; Винокур, Вакуленко 1967; Малеев, Пиоро 1973) В этом же районе располагаются находки камней с высеченными на них сарматскими тамгами (Драчук 1967; Нудельман, Рикман 1968; Moroşan 1938). Возможно, это пограничные знаки какого-то сарматского политического объединения или объединений.

Проникают сарматы в лесо-степные районы не только в Поднестровье. Они занимают на правобережье Днепра районы от Тясмина до Киева, т.е. оказываются на территории среднеднепровской группы зарубинецкой культуры. С их появлением окончательно гибнут городища зарубинецкой культуры и прекращаются захоронения на всех крупнейших зарубинецких могильниках (Каспарова 1976; 1986; Щукин 1972).

Хронология сарматских захоронений уже рассматривалась (рис. 72) и нет необходимости останавливаться на этом вопросе еще раз (Щукин 1972; Симоненко 1981 Shchukin 1989). Отметим только, что Калантаевский могильник, устроенный на небольшом чернолесском городище, напоминающем внешне в какой-то мере те курганы-кладбища, которые известны в Прикубанье (Керефов 1985; Берлизов 1990), а обряд скрещивания ног покойного, зафиксированный в некоторых сарматских погребениях Среднего Поднепровья и Молдавии, как оказалось восходит в сарматском мире к меотской погребальной практике (Марченко 1988). Так что в движении на запад, вероятно, приняли участие и выходцы из Прикубанья.

О том, что в этом потоке устремившихся на запад сарматских племен были и те выходцы с востока, которые принесли с собой бирюзово-золотой звериный стиль, свидетельствуют Р-образные поясные пряжки сибирского образца и фалары, найденные в кургане около Запорожья (Шилов 1983) погребения в Порогах на Днестре (Сымоненко, Лобай 1991).

Мы не знаем, как сложились отношения сарматов и нижнеднепровских скифов. Знаем только, что где-то в первой половине или в середине I в. н.э. вновь отстраивается, заброшенное было после набега Буребисты городище Золотая Балка (Вязьмітіна 1962 с.222), поспешно возводятся новые укрепления в Гавриловке (Погребова 1958, с.179; Раевский 1968, с.72). Хотя сарматские памятники второй половины I в. со всех сторон окружают территорию нижнеднепровских скифов — могильник в Усть-Каменке, погребения в Белозерке, Ново-Покровке и другие (Щукин 1970) — сами городища уцелели. быть может, в результате политического подчинения. На них нет следов разгрома, бо-

лее того, именно на это время приходятся многочисленные следы контактов со Средиземноморьем, с античным миром, не только греческим, но и латинским — италийские амфоры из коричневато-розовой глины с двуствольными и шипообразными ручками, обломок амфоры с клеймом ERINA EROTIS. Новая находка на Любимовском городище, впрочем, свидетельствует, что правильно имя этого фабриканта следует читать как C (ai) Pinn(arii) Erotis (Зубарь, Храпунов 1989). Если учесть твердо датированные экземпляры этих амфор в Средиземноморье и в римских лагерях Европы, они придутся на промежуток времени между 29 и 90 гг. н.э. (Щукин 1970, с.57; Callender 1965, с.12, 16, 17, 140, 141, рис.1, 2, 5, 43, табл.III, а). Контакты эти осуществлялись, возможно, через Ольвию.

Недавно Н.Е.Берлизов (Берлизов 1990) предпринял попытку пересмотреть предложенную выше реконструкцию хода событий в Нижнем Поднепровье. Справедливо отметив, что за исключением Петуховки и нескольких захоронений в Знаменке, около этих крепостей не выявлено некрополей соответствующих ранним слоям поселений III — середины I в. до н.э., он даже предлагает следующее. В середине I в. до н.э. городища были разрушены, но не гетами Буребисты, как думала М.И.Вязьмитина, а группой кочевников, аланами пришедшими с Центрального Кавказа. Они и заложили катакомбные могильники в Золотой Балке. Городища же, как таковые в это время не существовали.

В позиции Н.Е.Берлизова есть два слабых звена. Во-первых, приведенные выше данные об амфорах из верхних слоев городищ, в том числе и Золотой Балки достаточно очевидно свидетельствуют, что на поселениях в I в. н.э. жизнь продолжалась синхронно и функционированию городищ. Во-вторых, как известно в археологическом датировании мы всегда имеем дело с определенными интервалами. У Н.Е.Берлизова получилось, что наиболее ранние погребения Золотой Балки лежат в интервале второй половины I в. до н.э. — самого начала н.э. Их нижний предел и принимается за время закладки могильника. Но ведь это могло произойти в любой другой момент этого интервала. Как видно из составленных Н.Е.Берлизовым таблиц, единственным серьезным аргументом в пользу столь ранней даты оказывается находка в погребении 8 Золотой Балки меча с брусковидным перекрестием, аналогии которым на Кавказе датируются не позже середины I в. до н.э. Но в том же погребении краснолаковая чашечка I в. н.э., кружка первой половины I в. н.э. и позднелатенская фибула варианта M-N-0. Если принять их европейскую дату, то это вторая половина I в. до н.э. — начало I в. н.э. А в пшеворской и оксывской культурах возможно их бытование и до 40-х годов I в. н.э. Наиболее вероятная дата совершения захоронения где-то около рубежа н.э. Меч в данном случае запаздывает. Случай не редкий. Думается, что пока в нашем распоряжении слишком мало материала для пересмотра дат нижнеднепровских могильников и верхних слоев городищ.

Конечно, установленное Н.Е.Берлизовым удивительное сходство деталей обряда нижнеднепровских катакомб с Центральнокавказскими заставляет задуматься. Не были ли восстановлены городища около 16 г. до н.э. и быть может даже какой-то группой выходцев с Кавказа. Эту версию, может быть, и стоило бы отработать. Но реконструкция в том виде, как ее предлагает Н.Е.Берлизов, вряд ли приемлема. Тем более трудно говорить в это время об аланах. Свидетельства Лукана, как помним, не надежны.

А скорее всего на Нижнем Днепре происходили процессы, похожие на те, которые наблюдаются и в среде скифов Крыма. Культура их приобретает все больше черт, сближающих их с сарматами, до такой степени, что подчас их трудно различить. И происходит это, по всей вероятности, не без притока сарматского населения.

В некрополе столицы крымских скифов, подчиненных еще Аспургу, появились подбойные погребения (Раевский 1971). Современное состояние скифо-сарматской хронологии таково, что трудно определить, произошел приток нового населения в столицу крымских скифов в «первой трети I в. н.э.» при Асандре, как думает Д.С.Раевский, или позже, в середине I в. при Котисе. Последние исследования подтверждают скорее второе (Пуздровский 1989). Возможно, это Котису пришлось поселить здесь часть своих союзников аорсов, потому что приток с востока все новых аланских групп мог вызвать нехватку пастбищ. И в Предкавказье ситуация аналогична той, что складывалась в Прирейнье во времена Ариовиста. Начинался процесс сложения новой смешанной этнической общности (Высотская 1972; Ушаков 1989).

Итак, мы можем засвидетельствовать, что в середине I в. н.э. происходит продвижение различных сарматских группировок на запад. На разных территориях, очевидно, это протекало не однозначно, но повсеместно имело существенное значение для дальнейшего хода истории. К сожалению, мы не знаем конкретных событий, которые этот процесс сопровождали. Лишь в трех случаях в нашем распоряжении есть некоторые конкретные данные. Один такой эпизод мы уже рассмотрели — события 45-49 гг. н.э. на Боспоре и Северном Кавказе.

События второго эпизода, который мы можем реконструировать несколько подробнее и конкретнее, чем, скажем, ситуацию в Среднем Поднепровье, происходили в районе Ольвии.

3. Царство Фарзоя.

Этот эпизод не нашел отражения в письменных источниках, но одесскому историку и нумизмату П.О.Карышковскому удалось рядом остроумных сопоставлений вычислить целое царство, правители которого чеканили в Ольвии свои монеты и были враждебны Риму. Враждебность, впрочем, ставится под сомнение (Виноградов Ю.Г. в печати).

Золотые ольвийские монеты с именем царя Фарзоя и серебряные деньги его родственника царя Иненсимея были известны нумизматам и ранее, но только в 1962 г. П.О.Карышковыский достаточно убедительно реконструировал обстоятельства, при которых они выпускались (Каришковський 1962). Его гипотезу можно кратко резюмировать следующим образом:

В 48/49 г. в Ольвии начали чеканить деньги нового образца — с головой Зевса на аверсе и с фигурой взлетающего орла на реверсе. В эллинистическом мире такая символика обычна для государств с царскими режимами. В республике-полисе появился царь. Для ольвиеполитов он впрочем был первым архонтом. Раньше эта должность была выборной, архонты ежегодно менялись, монограммы их имен проставлялись на монетах. На новых деньгах — только титул, буквы или монограмма ΠΑ — «протос архонт», «первый архонт». Поскольку должность стала не сменяемой, называть имя смысла не имело. Зато ставится цифра года правления.

Эта серия ольвийских монет очень близка к самым ранним чеканенным в Ольвии золотым монетам царя с иранским именем Фарзой. Штемпели и медных денег, и золотого вышли из-под резца одного мастера. На золоте вместо Зевса — портрет молодого человека с усиками, на реверсе — взлетающий орел несет в когтях тамгу в виде двух полуовалов, соединенных перемычкой, надпись «базилевс Фарзой», обозначение Ольвии (0), монограмма «первый архонт» и «дзета» (7-й год). Очевидно выпуск меди с Зевсом и орлом тоже начал Фарзой, а на седьмом году его эры была выпущена золотая монета с полной титулатурой. А это был очень важный политический шаг. Еще Август запретил всем зависимым от Рима правителям выпуск золотой монеты. Вспомним, как печально обернулась попытка чеканки собственных золотых для Динамии — на боспорский трон был посажен Полемон. Фарзой таким образом демонстрировал независимость. Сочетание титула архонта и царя не удивительно. Это делали и боспорские правители. Для окружающих племен они были царями, для горожан-греков — архонтами.

На 9-м году эры Фарзоя ситуация в Ольвии несколько изменилась. Медные монеты с «тетой» (9-й год) кроме монограммы первого архонта несут и сокращение его имени. Оно начиналось на ΕΥ... Этот ΕΥ. выпустил и традиционно ольвийские монеты с орлом, держащим в когтях дельфина, с изображениями Деметры или Тихе и Аполлона.

В 58-59 г. выпуск монет в Ольвии вообще прекратился. Это связыается с деятельностью римского легата Мезии Плавтия Сильвана, вмешавшегося в борьбу Херсонеса со скифами и поставившего заодно римские гарнизоны в Ольвии и Тире.

В 68-69 гг., на 21-м году правления, Фарзой возобновляет чеканку золота в Ольвии. Перед нами теперь пожилой человек с небольшой бородой, но сходство с портретом ранних монет несомненно. Если первые монеты Фарзоя по номиналу близки статерам эллинистического времени, то теперь Фарзой следует стандарту римских ауреусов. Возобновляет он и чеканку медных денег, отличающихся знаком кадуцея на аверсе, как и на новых золотых монетах, и буквами ΚΑ (21 год) на реверсе. Находившиеся в обращении медные монеты надчеканиваются знаком кадуцея или изображением орла.

Отношения с ольвиополитами изменились. Город, вероятно, имел самоуправление, потому что на реверсах кроме монограммы «первый архонт» (им по-прежнему был Фарзой) стоит еще ΑΡΧ и сокращения их имени — Ал..., Мол..., Со. Эти же архонты выпускали медные деньги с изображением Аполлона и фигурой орла с дельфином в когтях

На какое-то время Фарзой утратил свою власть полностью, потому что некоторые его монеты надчеканены изображением дельфина — гербом Ольвии. Но на этих же монетах — вторая надчеканка, буквы IN. Вероятно, наследовавший Фарзою Иненсимей восстановил «справедливость». Чеканил он и свои серебряные деньги. Судя по сходству тамги, оба царя из одного рода. В тамге Иненсимея в середине перемычки между полукругами добавлен кружок. Все выпуски последних монет Фарзоя и Иненсимея были сделаны между 69 и 83 гг. Точнее даты их не определяются. В 83 г. Ольвию посетил Дион Хризостом и застал ее уже освободившейся от «скифских» царей.

В той же работе П.О.Карышковский

высказал в очень осторожной форме еретическую по тем временам мысль, что Фарзой и Иненсимей могли быть не царями крымских скифов, как считало подавляющее число специалистов, а правителями какого-то сарматского племени. На эту мысль наталкивали замечания языковедов-иранистов о скорее сарматской, чем скифской форме этих имен.

Эта идея позднее была поддержана автором этих строк (Щукин 1982). Бросалось в глаза совпадение трех обстоятельств.

1. Все находки монет ложатся в следующий регион: «на Нижнем Балкане», «в реке Прут», «около Бердичева» и в «Херсонской губернии, на левой стороне Днепра» и, наконец, последняя находка — с.Брынзены в Молдавии.

2. Здесь же концентрируются находки с «сарматскими загадочными знаками», близкими тамгам Фарзоя и Иненсимея. Из девятнадцати случаев лишь четыре тамги боспорские, остальные происходят из Ольвии, Тернопольской области, Побужья и Болгарии (Драчук 1975, табл.V, 289-293; XI, 849-853; 963, 864, 867; XXXI, 1, 5-8).

3. В последние годы в этом же регионе открыто значительное число сарматских памятников I-II вв.

Метоположение монет, изделий с тамгами Фарзоя и Иненсимея позволяет даже очертить приблизительно территорию «царства Фарзоя»: река Прут, район Тернополя, где найдена 5-метровая каменная стела со знаком Фарзоя (Драчук 1967), Бердичев, возможно, все Правобережное Поднепровье. Таким образом, благодаря расчетам П.О.Карышковского, удается вычислить не известное ранее и достаточно обширное варварское царство и при дальнейших попытках реконструировать политическую ситуацию I в. н.э. в Северном Причерноморье зту новую «фигуру» нельзя не учитывать. Впрочем, реальный ход событий столь слабо и смутно просвечивает из разнородных и туманных данных, что можно очень по-разному представлять себе их картину (Анохин 1989; Раевский 1973; Каллистов 1952; Соломоник 1952; Гайдукевич 1955; Дьяков 1941). Мы не имеем сейчас возможности разбирать все достоинства и недостатки различных реконструкций, но все они исходили из одного и того же тезиса — Фарзой был царем крымских скифов. Отсюда уже следовали прочие заключения — о захвате Ольвии скифами, самостоятельными или зависящими от Боспора, о тяготении подчиненных ими ольвиополитов под протекторат Рима и т.п. Полемизируя со сторонниками скифской принадлежности Фарзоя, П.О.Карышковский опубликовал в 1982 г. еще две статьи, где заново рассмотрел все данные о монетах Фарзоя и синхронных медных деньгах Ольвии. При этом были поставлены, однако, под сомнение и некоторые прежние положения самого автора (Карышковский 1982; 1982а).

Различаются пять эмиссий фарзоевского золота. Эмиссия первая — статеры, весом около 8,3 г, прекрасной работы, с портретом молодого Фарзоя, с датами 7 и 8 гг. (N 1-4 по каталогу, приложеннорму к последним статьям П.О.Карышковского).

Вторая эмиссия — «тяжелые» ауреусы, с весом около 7,6 г, по норме, существовавшей в Риме до реформы Нерона 64 года. Они значительно уступают по качеству изображений первой эмиссии, в надписях есть ошибки (N 5-7).

Третья эмиссия (N 8, 9) — с номиналом 7,02 и 7,15 г, т.е. близкая пореформенным ауреусам Нерона и Флавиев (7,26 г). Только в 82 г. Домициан восстановил донероновское содержание золота в монетах — 7,59 г. Начиная с третьей эмиссии, все монеты выполнены весьма небрежно, на всех есть изображение знака кадуцея.

Четвертая эмиссия (N 10-13) отличается еще большим снижением веса, до 6,9 г. На монетах этой эмиссии обозначены имена архонтов — Ал..., Мол..., Со...

Пятая эмиссия представлена лишь одной эрмитажной монетой того же номинала (N 14) с явными признаками стилистической деградации и с инициалами архонта — IN.

В городской ольвийской меди П.О.Карышковский различает восемь эмиссий монет с изображением Зевса и три последующих эмиссии монет с изображением Аполлона (Карышковский 1982).

Для синхронизации эмиссий ольвийской меди и фарзоевского золота (рис. 73) имеются следующие данные. На монетах Фарзоя первой эмиссии и монетах с Зевсом от четвертой до седьмой эмиссий стоят те же даты неизвестной (фарзоевской?) эры — 7 и 8 гг. на золоте, с 6 по 9 г. — на меди.

На золотых четвертой эмиссии упомянут архонт Ал... Тот же (?) Ал... чеканил медные даньги первой эмиссии с изображением Аполлона. Выпуск последних монет четвертой эмиссии золота (N 13) произошел при архонте CW... Возможно, тот же человек скрывается за инициалами ТФCW на третьей эмиссии меди с Аполлоном. Если прав А.Н.Зограф, расшифровавший это сокращение как Тит Флавий Со..., то мы получаем данные для выхода на абсолютный счет времени. Некий ольвиополит Со... имел права римского гражданина, полученные от Тита Флавия, т.е. не ранее 79 г.

Остальные расчеты, позволяющие судить об абсолютных датировках, заключаются в следующем. Поздние «легкие» ауреусы третьей, четвертой и пятой эмиссий чеканены по нероновской норме, т.е. где-то между 64 и 82 гг. «Тяжелые» ауреусы второй эмиссии близки по весу золоту Клавдия и первых лет Нерона. Они ранее 64 г. Этот год и берет в качестве основного репера в своих новых исчислениях П.О.Карышковский. Золотые Фарзоя первой, второй и третьей эмиссий чеканены в ряде случаев теми же штемпелями. Так монета из коллекции Р.В.Вассаль (N 8) третьей эмиссии имеет общий штемпель реверса с монетами второй эмиссии (N 5-7) и только надчеканена знаком кадуцея. А в свою очередь, аверс монеты из коллекции В.В.Кочубея (N 5) второй эмиссии (известный, правда, лишь в прорисовках XIX в.), общий статерами первой эмиссии (Карышковский 1982, рис.2). Поэтому все три эмиссии, по мнению П.О.Карышковского, не могут отстоять далеко друг от друга и должны группироваться около 64 г. А это вынудило поставить под сомнение ряд положений прежней реконструкции событий самим П.О.Карышковским — приуроченность к 48-49 гг. начала эры Фарзоя и выпуска первых монет с Зевсом, наличие перерыва в ольвийской чеканке в связи с оккупацией города Плавтием Сильваном, трактовку букв КА на восьмой эмиссии монет с Зевсом как обозначения 21 года эры Фарзоя. Прежняя стройная концепция Карышковского стала менее ясной.

Если однако расположить все наиболее существенные нумизматические и исторические данные на одной хронологической таблице (рис. 73), то открывается возможность согласовать их таким образом, чтобы получилась картина, объединяющая обе версии одесского нумизмата без разительных противоречий.

Прежние расчеты П.О.Карышковского и его предшественников представляются достаточно логичными и надежными — ритм относительной хронологии фарзоевских монет соответствует ритму политических перемен (Щукин 1982).

В 48/49 г. произошли события, описанные в предыдущем разделе — разгром Митридата и сираков аорсами. Если верно наше предположение, что это вызвало волну сарматского движения на запад и резкое увеличение сарматских памятников на правобережье Днепра связано с этим процессом, то для ольвиополитов, поддерживавших ранее Митридата в этой ситуации было бы разумно, дабы избежать разгрома города, отдаться под руку одного из сарматских вождей. Им и мог быть Фарзой.

О поддержке мятежного боспорского царя ольвиополитами свидетельствует декрет, где сообщается о награждении Митридата золотым венком (IPE, N 38; Болтунова 1954, с.173-176; Gajdukewič 1971, с.341-342) А.С.Русяева рядом сопоставлений имен и тамг приходит к заключению, что Фарзой был сыном царя сираков Зорсина. А как известно Плиний фиксировал сираков поблизости от Ольвии в районе «Ахиллова дрома» (Плиний, IV, 83), сопоставимого с Тендринской косой, и Дион Хризостом (XXXVI, 31-34) сообщал об укреплении Алектор при слиянии Бориисфена и Гипаниса, которое принадлежало «дружине савроматов» (Русяева 1989, с.192). Отметим попутно, что тамга Фарзоя напоминает тамгу, изображенную на одной из серий монет Аспурга (Голенко, Шелов 1963).

О присутствии сарматов в Ольвии могут, в частности, свидетельствовать многочисленные тамги, испещряющие древние фигуры двух львов, которые украшали, вероятно, какое-то общественное здание в городе (Драчук 1975). В 49 г. были выпущены первые медные царские деньги с Зевсом, сначала архонта ΔΙ-ΤΑ, затем в последующие годы самого Фарзоя, ставшего первых архонтом ольвиополитов и скрывавшегося за обозначением ΠΑ (2-я эмиссия) или монограммой из тех же букв (3-я эмиссия). Выпуск этих денег продолжался до 54 г.

В октябре был отравлен Клавдий и власть в Риме перешла к семнадцатилетнему Нерону и его матери Агриппине. Наступил удобный момент, чтобы сармато-ольвийскому царству объявить во всеуслышание о своей самостоятельности. Как уже говорилось, нерешительность внешней политики последних Юлиев-Клавдиев подорвала авторитет римского оружия. Только что, в 52-53 гг. римляне потерпели неудачу в Армении Был изгнан из Армении их сторонник ибер Радамист, Уммий Квадрат отвел оттуда свой легион, армяне присягнули Тиридату, брату парфянского царя Вологеза (Тацит, Анналы, XII, 49-51). Нерон и его опекуны собирались продолжать войну, но в «Риме, падком на всевозможные толки, принялись говорить о том, сможет ли принцепс, едва достигнув 17 лет, возложить на себя столь тяжкое бремя и справиться с ним, годится ли на что-нибудь тот, кем распоряжается женщина, по силам ли каким-то учителям (имелся в виду Сенека) руководить сражениями, осадами городов и всем тем, что несет с собой война» (Тацит, Анналы, XIII, 6).

Чеканка собственных золотых монет была верным признаком политической независимости любого правителя и в 55 г. Фарзой чеканит золотую монету (N 1 по каталогу Карышковского). Одновременно на медных деньгах появляется обозначение «эры

Фарзоя» — «стигма», 6 г. В следующем 56 г. обозначение года дается и на золотых монетах (N 2 и 3). Шел седьмой год его правления.

В 58-59 гг. ситуация в мире меняется. Надежда на ослабление Рима не оправдалась. Корбулон, тот самый, который при Клавдии отличился в боях с германцами, восстанавливает боеспособность сирийских легионов и ведет успешные действия в Армении. Была сожжена Артаксата. Нерон избавляется от опеки. Была убита его мать Агриппина. В Риме царит разнузданность, но вряд ли кто-нибудь мог усомниться в крепкой власти принцепса.

Какие-то изменения происходят и в Ольвии. Появляется на 9-м году эры Фарзоя, в 58 г. н.э., архонт — ЕУ... Происходит денежная реформа. Вес медных монет резко увеличивается с 4,03 г до 5,36-5,68 г. Выпускаются деньги с изображениями Тихе и Аполлона. Одновременно вместо золотых статеров весом около 8,3 г, значительно превосходящих вес интернациональной римской валюты, выпускаются монеты Фарзоя, приравненные к римской норме этого времени. Вес ауреусов Клавдия — 7,63 г, нероновских до 64 г. — 7,64 г, фарзоевский второй эмиссии —7,64, 7,65 г (N 6 и 7), хотя один из них чеканен по норме времен Августа (N 5) — 7,8 г.

Трудно сказать, имела ли эта реформа только экономический смысл или за ней скрывались и определенные внешние мотивы. Скорее второе. И можно лишь строить догадки об отношениях Фарзоя и архонта ЕУ..

Тем временем в Рим прибыли послы гирканцев, жителей южного побережья Каспия, поднявших восстание против царя Вологеза (Тацит, Анналы, XIV, 25). Обратно пришлось отправлять послов, чтобы они не попали в руки парфян, кружным путем — через Красное море и Индию (Щукин 1989б, с.79).

Тогда и мог Нерон возродить вынашиваемый еще Цезарем (Плутарх, Цезарь, 48) план далекого восточного похода через Кавказ в тыл Парфии. Ситуация была подходящей, для его реализации была создана отборная группа войск — «фаланга Александра» (Светоний, Нерон, 19). План этот, хотя и малореальный, не был такой уж пустой прихотью деспота. На далеком востоке происходили важные события, о которых речь шла выше, зрели новые силы и сведения о них могли просачиваться в Рим не только через Парфию по уже функционировавшему «шелковому пути», но и через Индию, где существовали римские торговые фактории (Wheeler 1945). Поход был бы направлен не столько на разгром Парфии (при определенном стечении обстоятельств эта страна с ее эллинистическим пластом культуры могла бы даже оказаться союзником), сколько против этих «новых сил», которые могли создать дополнительную потенциальную угрозу Империи (Бокщанин 1966, с.209). Римские политики смотрели в корень. Определенным ситмулом, вероятно, было и желание возобновить и контролировать «шелковый путь» из Китая на запад.

Иначе расценивал складывающуюся ситуацию трезвый и опытный Корбулон. Он «предпочитал состоять в войне, чем вести ее в полную силу» (Тацит, Анналы, XV, 3). Укрепляет побережье Ефрата, затрудняет парфянам подходы к реке, засыпает часть источников, остальные усиленно охраняет. Два римских легиона вводятся в Армению, но им приказано «хранить спокойствие и избегать торопливости». После переговоров с Вологезом войска Армению покидают. Нерон всем этим, естественно, недоволен. Он не «ратифицировал» договор с парфянами (Тацит, Анналы, XV, 7). Ряд дальнейших действий можно расценивать как подготовку плацдарма и тылов задуманной Нероном кампании.

Армянские дела изымаются из ведения Карбулона, бывшего, вероятно, противником восточной авантюры. За ним остается лишь Сирия. А в Кападокию и Армению назначается новый легат Цезаний Пет. Для усиления его войск ему придается V Македонский легион из Мезии (Тацит, Анналы, XV, 6). Это свидетельство Тацита оказывается чрезвычайно важным для уточнения даты дальнейших действий Плавтия Сильвана, легата Мезии: «в каковую провинцию он переселил из племен, обитавших за Дунаем, более ста тысяч человек с женами и детьми, со знатью и царями их для взимания с них подати. Отправив большую часть своего войска в Армению (подчеркнуто мною — М.Щ.), он все же сумел подавить начавшееся волнение сарматов, привел из-за реки на свой берег царей, прежде римскому народу неведомых или ему враждебных, дабы они склонились перед его знаменами, возвратил царям бастарнов и роксоланов их сыновей, а царю даков — братьев, взятых ранее в плен или захваченных врагами, и принял от некоторых из них заложников, чем укрепил мир в провинции и раздвинул ее пределы, ибо осадой заставил царя скифов отступить от Херсонеса, что находится по ту сторону Борисфена. Первым он доставил из этой провинции великое количество пшеницы, чем пополнил хлебные запасы римского народа» (CIL. XIV, 3608; Перевод по Г.С.Кнабе, 1981, с.48).

Хотя ход реальных событий очень смутно просвечивает в этом послужном списке Сильвана, но некоторые моменты он уточняет. Свидетельство о переселении ста

тысяч из различных племен может служить дополнительным аргументом в пользу тезиса о бурных процессах, начавшихся в Причерноморье около 49 г. И не следует ли под «волнениями сарматов» понимать образование царства Фарзоя? Пока у Нерона не было далеко идущих восточных планов, это оставалось на далекой периферии римских интересов, но с их возникновением становилось актуальным. Сарматы в союзе с Ольвией могли угрожать коммуникациям. Акция Плавтия Сильвана должна была последовать, и произошло это не в 58-59 гг., как считалось, а позже, скорее всего в 62 г. — Цезаний Пет начал военные действия в Армении в конце 61 — начале 62 г., не дождавшись прибытия V легиона из Мезии (Тацит, Анналы, XV, 9). Дело, очевидно, было летом 62 г., так как по окончании похода, осенью, Сильван отправил в Рим транспорт с хлебом.

Поскольку Сильван вернул царям бастарнов, роксоланов и даков их родственников, захваченных ранее врагами, усмирил сарматов (Фарзоя?) и «отогнал» скифов, то вырисовывается и расстановка сил. Союзниками римлян были в данном случае бастарны, роксоланы и даки, а врагами — сарматы и скифы. Их царей, «прежде неведомых» (Фарзоя) или враждебных (скифов) Сильван «привел на свой берег» и заставил склониться перед знаменами, от них же, вероятно, «принял заложников». Не был ли в плену и сам Фарзой? А в связи с заложниками особый интерес представляет находка в кургане «Рошава Драгана» около римской виллы Чаталка под Старой Загорой в Болгарии (Бююклиев 1986). В погребении 2 кургана 1 в соответствии с фракийским ритуалом трупосожжения был захоронен человек, в могилу которого помещены многочисленные вещи — вооружение катафрактария — чешуйчатый панцирь и штаны, шлем римского центуриона с маской-забралом в виде женского лица, длинный меч, портупейные скобы которого китайские нефритовые эпохи Хань, на навершии и ножнах знаки, напоминающие тамги Иненсимея и Фарзоя, наконечник ножен — в сарматском бирюзово-золотом стиле. Погребение богатое, с набором бронзовой римской посуды середины — второй половины I в. н.э. Это мог быть, конечно, и какой-то фракийский аристократ, принимавший участие во главе контингента вспомогательных войск или в акции Плавтия Сильвана, или в каких-то других действиях римской армии на востоке, и погребенный с трофейным оружием. Но мог быть и знатный заложник, родственник Фарзоя и Иненсимея, проживший остаток жизни во Фракии и принявший местные обычаи.

В эпитафии Плавтия Сильвана сказано, что Херсонес находится по ту сторону Борисфена. А это может быть только в том случае, если римлянам на пути к Херсонесу пришлось форсировать Днепр. Значит акция проводилась сухопутной армией. В.М.Зубарь привел недавно ряд доказательств в пользу того, что акция Сильвана осуществлялась флотом и морской пехотой (Зубар 1988). Самые сильные аргументы — клейма вексиляций Равенского флота, стоявших после похода в Херсонесе и Хараксе, а также то соображение, что в распоряжении Плавтия Сильвана оставался лишь один легион. Мы не знаем, как разрешил эти трудности наместник Мезии, какие силы использовал, очевидно, поход был комбинированным, но указание эпитафии трудно сбросить со счета. И подтверждением участия сухопутных сил являются, возможно, открытые в Нижнем Побужье остатки двух военных римских лагерей (Дидова Хата III и Дарьевка), расчитанных на центурию каждый. На первом даже найден солдатский свинцовый тессарий (Буйских 1989).

Как бы не осуществлял свой поход Плавтий Сильван, плывя вдоль берега и делая лишь временами вылазки или продвигаясь сушей с поддержкой флота, он не мог миновать ни Тиры, ни Ольвии. Последняя, кажется, все-таки была оккупирована римлянами, подтверждением чему служит алтарик центуриона Эмилиана Северина 60-90-х гг. н.э., найденный в Ольвии (Буйских 1989).

Должен был тогда последовать и перерыв в чеканке монет, только из-за изменения даты событий он оказался короче, от 62 до 69 г., а за семь лет штемпеля могли сохраниться и Фарзой мог ими в 69 г. воспользоваться для третьей эмиссии своего золота (№ 8 и 9). Чеканил он их по норме, введенной Нероном в 64 г. Ведь норма эта действовала до 82 г.

Акция Плавтия Сильвана была не единственной в ходе подготовки восточной кампании. В том же 62 г. были урезаны права Котиса на Боспоре, с монет исчезает даже его монограмма. В 63 г. был превращен в провинцию Понт. Вероятно, именно за эти семь лет активной деятельности римлян в Причерноморье и попали к нижнеднепровским скифам италийские амфоры.

В Армении тем временем события разворачивались неблагоприятно для Нерона. Операция Цезания Пета оказалась плохо подготовленной. Хотя он и отправил в Рим победную реляцию и там уже готовились к триумфу, но Вологез осадил его лагерь в Рандее и легионы были вынуждены «пройти под ярмом». Корбулону удалось в какой-то мере исправить положение и восстановить равновесие сил. В 63 г. состоялись переговоры, римляне обязались оставить Армению парфянину Тиридату, выторговав лишь для

морального удовлетворения одно условие — вручение короны самим Нероном в Риме.

Знаменитый пожар города в 64 г. и заговор Пизона в 65 г. оттянули этот акт до 66 г. Получилось все в конечном итоге по Корбулону, стремившемуся к миру, а не по Нерону, задумавшему большую авантюру. Нерон простить этого не мог и наградил своего полководца смертным приговором, предвидя который, Корбулон покончил с собой еще до прибытия гонца.

Окончательно от своих планов Нерон однако не отказался. В том же 66 г., как сообщает Иосиф Флавий, в Причерноморье прибыло 3000 гоплитов и 40 кораблей (Иосиф Флавий. Иудейская война, 1, 11, 16, 4). Не была ли это знаменитая «фаланга Александра»? Но поэтому ли Иосиф Флавий употребляет уже устаревший термин «гоплиты»? Но тогда же разразилось восстание в Иудее, на следующий год в Риме вспыхнула эпидемия, затем последовал бунт легионов Виндекса, затем — самоубийство Нерона. В 69 г. началась гражданская война.

Ситуацией не преминули воспользоваться варвары Причерноморья. В Мезию вторглись отряды роксоланских катафрактариев и, не окажись здесь случайно III Галльского легиона, передислоцировавшегося из Сирии в Италию, судьба провинции могла бы оказаться печальной (Тацит, История, 1, 79). Третьему легиону довелось затем сыграть важную роль в утверждении власти Флавиев.

В связи с начавшейся гражданской войной римские войска, вероятно, были выведены из Ольвии и Фарзой выпустил очередные золотые монеты. Самостоятельность его царства была восстановлена. И не роксоланский ли рейд освободил его из плена? Тогда же были чеканены и новые медные деньги, восьмая эмиссия монет с Зевсом. На них монограмма первого архонга и буквы КА. П.О.Карышковский теперь видит здесь инициалы одного из архонтов, но соблазнительно и прежнее предположение, что они обозначают дату. В 69 г. шел 21 год эры Фарзоя.

Вскоре несколько изменились отношения Фарзоя с ольвиополитами, роль городского самоуправления, вероятно, возросла. На золотых четвертой эмиссии (N 10-13) стоят инициалы архонтов. Те же архонты чеканят новую серию меди, не с Зевсом, а с Аполлоном. Архонт Со, (Тит Флавий Со...) чеканил свои монеты, скорее всего, в 79 г., затем архонтом стал IN. В этих инициалах соблазнительно видеть Иненсимея, занявшего затем (в 80 г.?) место Фарзоя и еще два года чеканившего серебряные деньги. В 83 г. Ольвия была окончательно свободна от власти «скифских» царей.

На левом берегу Днестра у с.Пороги около Могилева Подольского были недавно раскопаны два богатых катакомбных погребения (мужское и женское) с многочисленными вещами в бирюзово-золотом стиле, имеющие прямые параллели в Тилля-Тепе (Симоненко, Лобай 1991). На некоторых из них тамга Иненсимея. Очень соблазнительно видеть здесь или его самого, или кого-либо из его родственников.

Недавняя находка в Крыму, на Мангупе, надписи, происходящей скорее всего из Ольвии и упоминающей Плавтия Сильвана и неизвестного ранее царя аорсов Умадия, побудила Ю.Г.Виноградова обратиться еще раз к описанному выше эпизоду (Виноградов, в печати). Какую конкретно информацию можно почерпнуть из вновь открытой надписи? Некий гражданин Ольвии (надпись попорчена и имени его не сохранилось, а ольвийское происхождение устанавливается лишь по косвенным признакам) несколько раз добывал продовольствие для города. Первый раз, «пройдя через вражескую страну», затем, совершая посольства «на собственные средства» к наместникам Мезии, вероятно к Флавию Сабину, исполняющему эту должность с 53 по 60 гг. и, очевидно, к Плавтию Сильвану, состоявшему в должности с 60 по 69 гг.

Как раз в этот момент, когда эвергет «оказался с посольской миссией», разразились какие-то события «и война». Отметим, что смерть Клавдия, в октябре 54 г., выпуск золотых монет Фарзоем в 55 — 56 гг. и вступление Сильвана в должность в 60 г. практически совпадают. Новому наместнику эвергет Мангупской надписи сообщил «о серьезных, нависших тяжким бременем обстоятельствах» и, в результате, «заполнил нашу местность вспомогательным отрядом». Кроме того эвергет «совершил также посольство» к некему Умабию и еще какому-то (в надписи опять лакуна) из величайших царей Аорсии».

Ю.Г. Виноградов полагает, что в лакуне должно было бы стоять имя Фарзоя, а «Великая Аорсия» располагается конечно в Северо-Западном Причерноморье. «Нависшие тяжким бременем обстоятельства», «и война» — это те самые «волнения сарматов», о которых говорится в элогии Плавтия Сильвана, подавленные им в 62 г. Последнее весьма вероятно, но трактовка двух первых посылок может вызвать сомнения (Щукин, в печати).

Из надписи никак не вытекает местоположение Аорсии, это могло быть и нижнее Подонье, где приблизительно в то же время совершались захоронения в «Хохлаче», «Садовом», «Дачах» и «Александрове», и Прикубанье, где уже функционировало «Золотое кладбище». Расстояние вряд ли может нас смущать, обе точки вполне достижи-

мы из Ольвии, а соотношение аорсов и аланов для данного времени ведь абсолютно не ясно.

Мы не знаем племенной принадлежности Фарзоя. Был ли он аорсом, аланом или сираком?

Сираки располагаются ближе всего к Ольвии, на «Ахилловом дроме» и эти союзники Митридата, изгнанные аорсами, могли скорее всего найти поддержку в Ольвии, тоже союзной Митридату, хотя настаивать на этом тоже нет оснований.

Кроме того следует учесть, что мы имеем дело с представителями аристократических родов, которые, благодаря родственным связям и династическим бракам могли оказаться, зачастую вне своей воли, во главе противоборствующих политических объединений. Примеров из истории можно привести массу.

Ю.Г. Виноградов считает, что находка в Мангупе, заставляет «без сожаления расстаться с умозрительной гипотезой», предлагавшейся ранее (Щукин 1982; 1989 а,б), и построить новую, по которой Ольвия выступала бы как союзница Рима, поскольку Фарзой выпускал деньги по римскому образцу.

Такую версия, очевидно, тоже следовало бы отработать, но начал Фарзой все-таки с аттического стандарта, проигрывая в ф нинсовом отношении, но явно противоп ставляя себя Риму. Я, признаться, не вид прямых противоречий новых свидетельс Мангупской надписи предлагаемой рекон рукции.

Отношения сарматского царя с ольв еполитами, как мы видели, складывались н однозначно. И М.Б. Щукин никогда не го рил о захвате или оккупации Ольвии вар рами-сарматами (Сымоненко, Лобай 1991. 85). В городе, вероятно, были силы, как п держивавшие Фарзоя, так и настроенные о позиционно. Эвергет Мангупской надпи мог принадлежать ко вторым, стремивши ся получением «гуманитарной помощи» римлян обеспечить себе поддержку горож а в определенный момент прибегшим и к енной силе «вспомогательного отряда», ск рее всего в 62 году.

Следует признать, что из имеющихс обрывков информации, мы пока не в сост янии восстановить всю конкретику событ и вынуждены строить лишь умозрительн гипотезы, какими бы они не были.

Третий эпизод из той же цепи событи середины I в. н.э., про который мы имеем н которые конкретные сведения, произош на территории Словакии.

Рис. 71. сарматс туры; 4 — терри ской кул ские гор тория п ство Ва

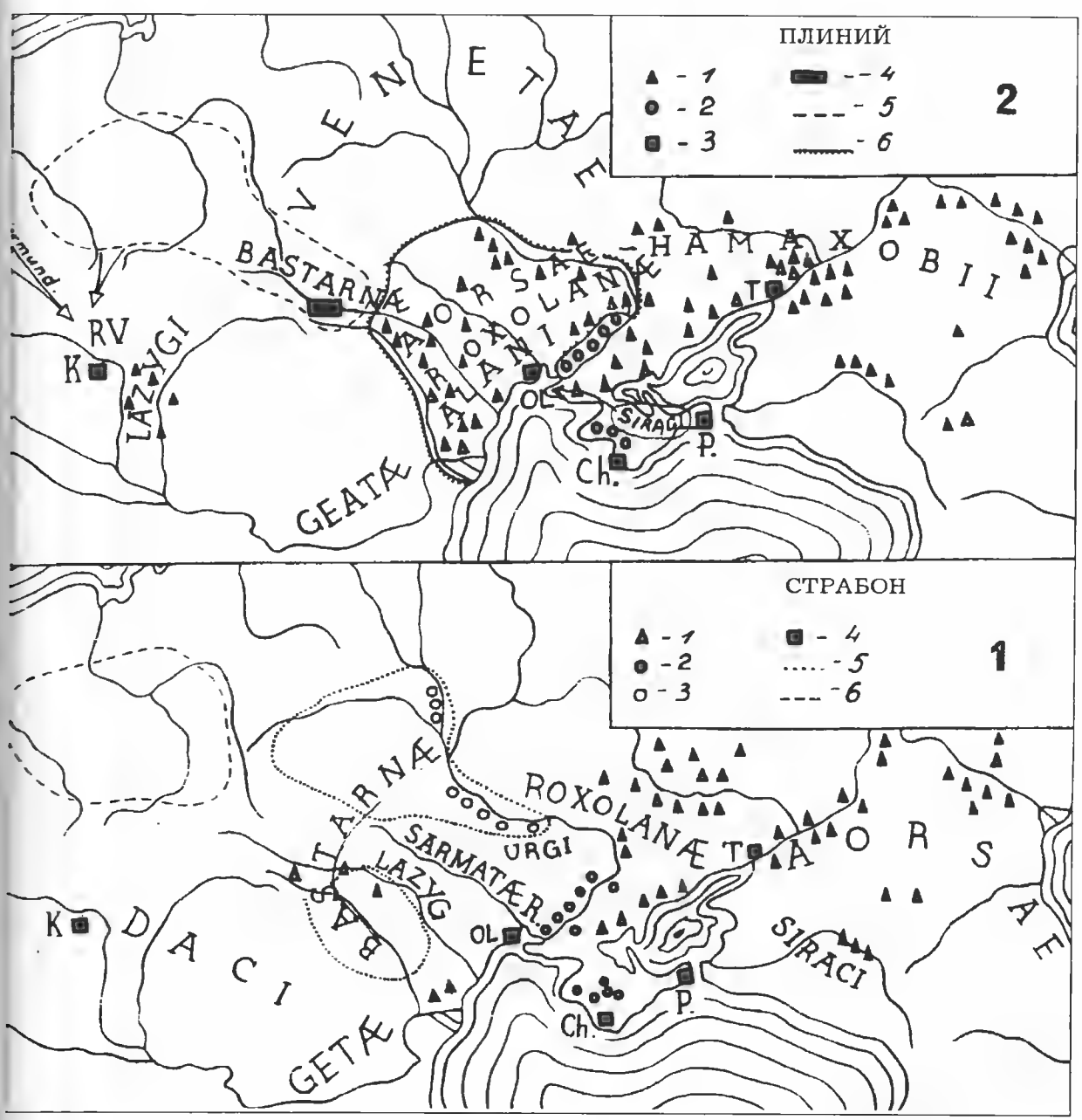


Рис. 71. Сопоставление этнокарт Страбона и Плиния. Карта 1, по Страбону: 1 — основные сарматские памятники; 2 — позднескифские городища; 3 — городища зарубинецкой культуры; 4 — античные города (Ol -Ольвия, Ch - Херсонес, P -Пантикопей, K - Карнунтум); 5 — территория зарубинецкой и Поянешты-Лукашевской культур; 6 — территория пшеворской культуры. Карта 2, по Плинию. 1 — основные сарматские памятники; 2 — позднескифские городища; 3 — античные города; 4 — территория Звенигородской группы; 5 — территория пшеворской культуры; 6 — предполагаемая территория «царства Фарзоя»; RV — царство Ванния.

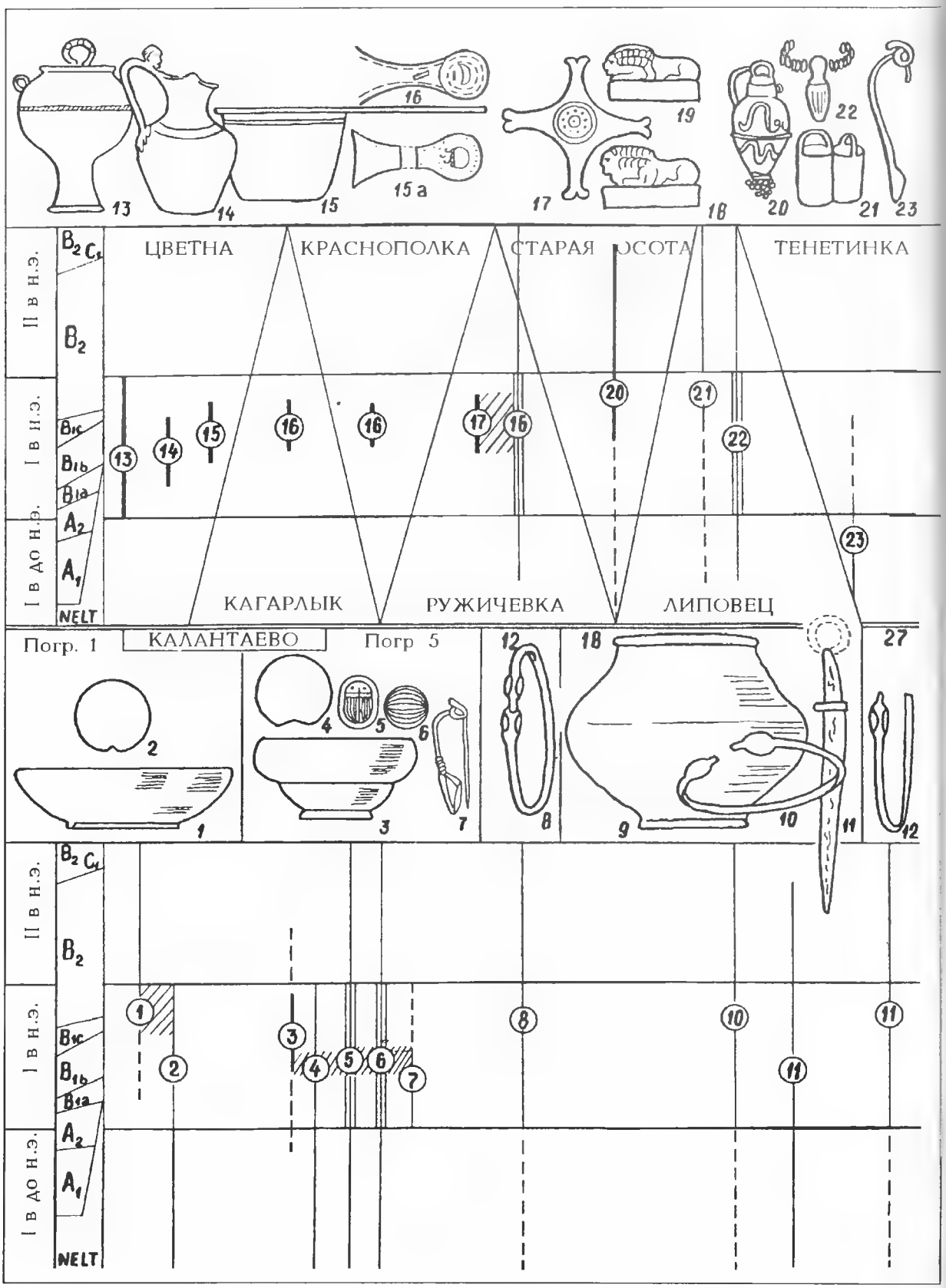


Рис. 72. Сарматские памятники Среднего Поднепровья. Хронология.

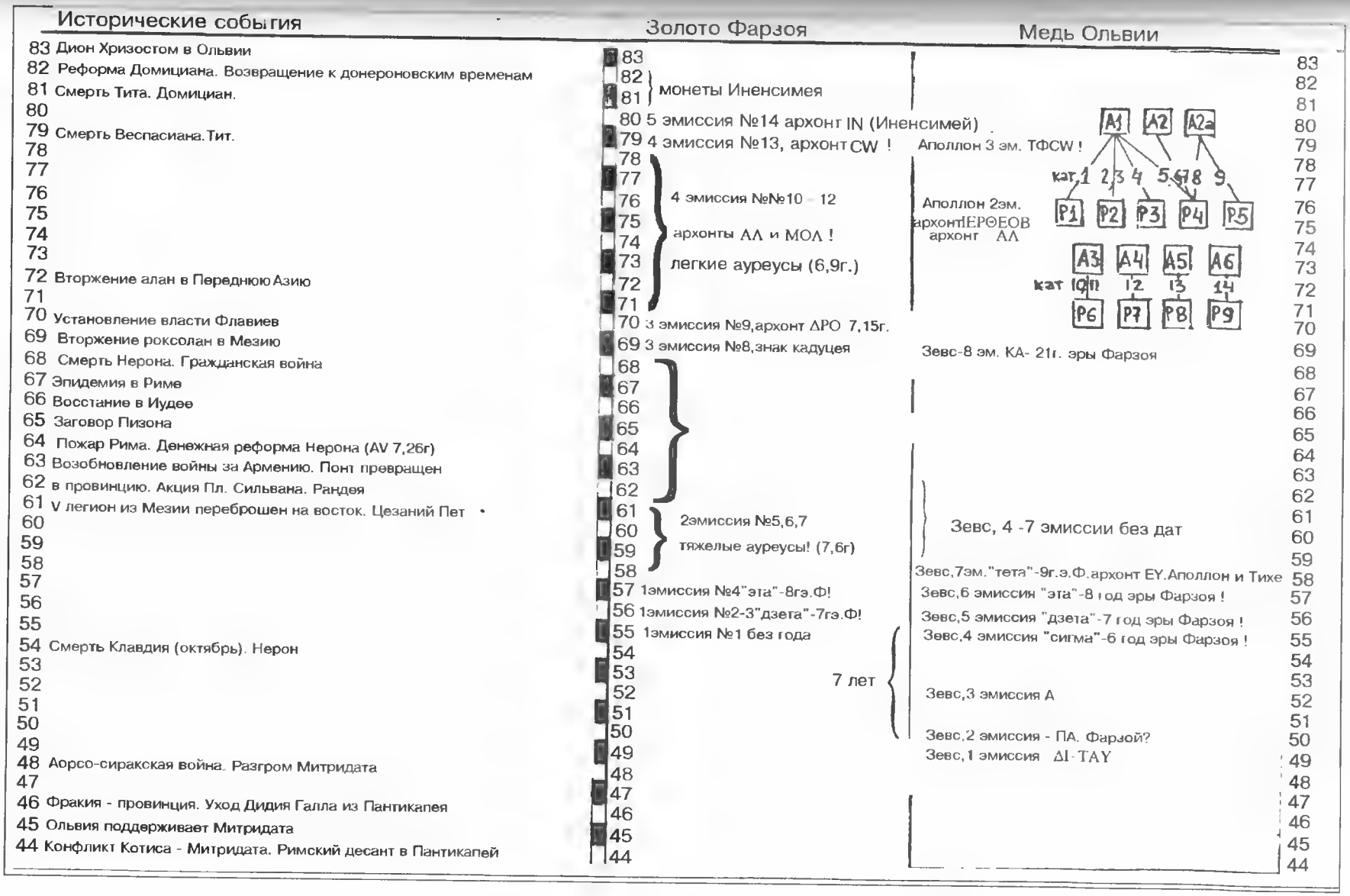


Рис. 73. Соотношение эмиссий золотых монет Фарзоя и медных денег Ольвии с политическими событиями. По данным П.О.Карышковского. Знаком «!» отмечены наиболее важные факты.

Глава IX.

От Тевтобурга до Кремоны. Рим, германцы и венеты

1. Царство Вания, лугии и языги. События в центре Европы.

Столкновение аорсов и сираков в Предкавказье произошло в 49 г., кажется в том же году образовался ольвийско-сарматский союз — «царство Фарзоя». В 50 г. сарматское племя языгов принимает непосредственное участие в событиях на среднем Дунае, на территории Венгрии и Словакии. Произошло это при следующих обстоятельствах. Тацит пишет: «Тогда же свебы изгнали Вания, которого поставил над ними царем Цезарь Друз; вначале хорошо принятый соплеменниками и прославляемый ими, а затем, вследствие долговременной привычки к владычеству, впавший в надменность, он подвергся нападению со стороны возненавидевших его соседних народов и поднявшихся на него соотечественников...».

Борьбу с ним возглавил царь гермундуров Вибилий (возможно, тот самый, под руководством которого гермундуры разбили Катуальду. — М.Щ.) и сыновья сестры Ванния Вангион и Сидон. Несмотря на неоднократные просьбы Ванния о поддержке, Клавдий не вмешался силой оружия в усобицы варваров, но обещал Ваннию надежное убежище, если он будет изгнан из своего царства, а вместе с тем написал правившему тогда Паннонией Палпелию Гистру, чтобы он поставил вдоль Дуная один легион и набранные в той же провинции отряды вспомогательных войск для оказания помощи побежденным и устрашения победителей, если подстрекаемые удачей они попытаются нарушить мир. *Ведь двигалась несметная сила — лугии и другие народности* (подчеркнуто мною — М.Щ.) — привлеченные слухами о богатстве царской казны, которую за тридцать лет накопил Ванний грабежами и пошлинами. *Пехота у Ванния была собственная, конница — из сарматского племени языгов* (подчеркнуто мною — М.Щ.), и поскольку его войска уступали в численности вражеским полчищам, он решил уклоняться от открытого боя и отсиживаться за стенами укреплений.

Но не желавшие выносить осаду языги рассеялись по окрестным полям, и так как их настигли лугии и гермундуры, Ванний оказался вынужденным сразиться. Итак, выйдя из укреплений, он вступил в бой и был в нем разгромлен... ему пришлось бежать к поджидавшему на Дунае нашему флоту; вскоре за ним последовали туда и его приближенные, и им были отведены земли в Паннонии. Царство Ванния поделили между собой Вангион и Сидон, соблюдавшие по отношению к нам безупречную честность» (Тацит, Анналы, XII, 29, 30).

Какие археологические реалии соответствуют описанным событиям на Среднем Дунае — царству Ванния и его краху, появившимся здесь гермундурам и лугиям, а также сарматам-языгам?

Буферное «государство Ванния» было создано в 19-20 гг. римлянами, как помним, «между Маром и Кузом» из остатков дружин Маробода и Катуальды и свевского племени квадов. В чешской и венгерской литературе велась длительная дискуссия о местоположении этих земель — к востоку или к западу от Мара-Моравы (Dobiaš 1960; Dobiaš 1964; Filip 1958; Fitz 1965; Beninger 1937). Археологические материалы подтвердили восточную гипотезу (Kolnik 1977, с.163-164). В округе Галанта, на расстоянии приблизительно 20 км друг от друга открыты три больших могильника — Костолна-при-Дунае, Сладковичово и Абрахам. Сходство их по обрядам, по обилию римских импортов и оружия с маркоманнскими памятниками Чехии типа Тышице, Добричев-Пичора не вызывает сомнений (Kolnik 1980).

Известны и другие памятники этого рода на Мораве и в долине Трнавы, но исследованы они в меньшей степени (Tejral 1977). Хотя на могильниках представлены вещи и даже комплексы, диагностирующие ступень BIa (котелки E 131 с лебедиными головками на ручке, глазчатые фибулы A 47/48 и A 45 и некоторые другие), но основная масса их относится к ступени BIb. Люди, погребенные после 19 г., естественно уносили с собой в могилу и вещи предшествующего периода. Бросается однако в глаза полное отсутствие в словацких материалах фибул A 67, распространен лишь переходный вариант A 67/68. Не исключено, что ранние погребения оставлены появившимися здесь несколько раньше квадами (в них, между прочим, нет оружия), а не людьми Маробода и Катуальды. О принадлежности последним некоторых погребений ступени BIb может свидетельствовать ряд фактов. С этой ступени в могилах появляется много оружия, в том числе и однолезвийные, северо-германские по происхождению, мечи. Умбоны, рукояти щитов и шпоры тоже находят аналогии в могильниках низовьев Эльбы. Некоторые фибулы, например, A 24 происходят с верхо-

вьев Рейна, а параллели керамике и другим вещам из Чехии особенно многочисленны. Как и на чешских маркоманнских могильниках, отдельные захоронения совершены по обряду трупоположения. Дружинники Маробода и Катуальды прежде, чем были поселены «между Маром и Кузом», должны были провести некоторое время в провинции Рэции или Норике и в могилах находят норико-паннонские фибулы A 236 и A 237, норико-паннонские пояса (Kolnik 1977; 1980).

О том, какое значение имело образование царства Ванния для оформления облика материальной культуры Барбарикума в целом, о «словацкой волне» римского импорта в Северную Европу, о вызванном в результате смещении центра культурной иррадиации к востоку и о различиях на той основе ступеней BIa и BIb уже говорилось ранее.

О контактах новых поселенцев Словакии с языгами могут свидетельствовать найденные в Абрахаме браслеты с шишечками и змеиными головками на концах (Kolnik 1977, рис.7, 2-3).

Следующая фаза этих могильников, ступень BIc и богатые погребения в Зохоре (Kraskovska 1959) отражают период после поражения Ванния. Найденные в погребениях этой ступени североиталийские скифосы и канфары, покрытые темно-зеленой глазурью, являются, по мнению Титуса Кольника, археологическим подтверждением участия квадских контингентов в гражданской войне 68-69 гг., в частности, в битве при Кремоне, на стороне Флавиев (Kolnik 1977, с.167-168).

Археологические следы «несметных сил» лугиев и гермундуров, двигавшихся на Ванния с территории Польши и со средней Эльбы, пока не многочисленны. Это 24 фрагмента керамики из трупосожжения в Дубанах около Олмоуца и обломок чернолощеного округлобокого сосуда с орнаментом зубчатым колесиком с поселения (?) Храбетице (Tejral 1977, рис.5, 6). Керамика из Дубан украшена меандрами, образованными врезанными параллельными линиями с точками между ними — типичный элемент пшеворской культуры. Сосуд из Храбетиц характерен для области расселения гермундуров на Средней Эльбе. Ярослав Тейрал, правда, склонен рассматривать эти находки наряду с погребением в Цифере как следы сравнительно раннего проникновения германцев в Словакию еще на склоне позднего Латена (Tejral 1977, с.308-311). Но, как уже было замечено, пшеворская культура достаточно долго сохраняет латенский облик вплоть до появления фибул A 68 в сороковых-семидесятых годах н.э., с которыми и начинается римское время в Польше. В начале его сохраняется и меандровый орнамент из линий с точками (Liana 1970). Именно с событиями 50 г., с движением лугиев к югу к границам Империи и связывают польские исследователи перемены в пшеворской культуре и вступление ее носителей в римское время (Liana 1970; Dąbrowska 1976).

Аналогичную картину более длительного переживания латенских элементов по сравнению с придунайскими областями наблюдала Эрика Шмидт-Тильбир на могильниках гермундуров на Средней Эльбе — позднелатенские прогнутые фибулы в сочетаниях с ситулами типа Гроссромштедт существуют здесь по крайней мере до середины I в. н.э. (Schmidt-Thielbeer 1967, с.13-28). К середине I в. н.э. может относиться и погребение 81 могильника Кляйнцербст с междуречья Эльбы-Заале, где сосуд, идентичный находке из Храбетиц сочетается с глазчатыми фибулами A 45-47 и со сравнительно поздним вариантом «маркоманнской» пряжки типа U по К.Раддатцу (Schmidt-Thielbeer 1967, табл.118; Raddatz 1957, с.24-27). Показательны и другие комплексы этого могильника. Например, в погребении 73 норицкая пряжка, близка типу G2f тибериевского времени по Гарбшу (Garbsch 1965, рис.43f, с.81-83), сочетается с плоским зеркальцем-пластинкой VI типа по А.М.Хазанову (Хазанов 1963, с.63-64) — свидетельства контактов гермундуров с жителями провинции Норик и с языгами

О контактах в это время носителей пшеворской культуры с сарматами могут говорить, по мнению А.Невенгловского, и некоторые трупоположения Нижней Силезии. В них найдены проволочные браслеты с завязанными концами (Niewęgłowski 1981, с.55), вещи для Центральной Европы ранее не характерные, но известные на сарматских памятниках Венгрии.

Что же касается собственно сарматских памятников Венгрии, то вычленить из более чем 450 пунктов, собранных в фундаментальной работе М.Пардуча (Parducz 1941; 1944; 1946-48; 1950), именно те, которые связаны с первопоселенцами-языгами, оказалось почти неразрешимой проблемой. Дело в том, что многие венгерские историки и археологи верят в переселение языгов в степи междуречья Дуная и Тиссы еще до 50 г. Говорят о 20-30-х годах или даже о первом десятилетии I в. Поэтому все усилия и были направлены на поиски памятников первой половины I в.

Краеугольным камнем исторической аргументации гипотезы о раннем появлении языгов в Венгрии служила строительная надпись о возведении каменных укреплений в Аквинке, важном стратегическом пункте на паннонско-сарматской границе. Укрепления возводились якобы именно в связи с языг-

ской угрозой. Надпись относили ко времени деятельности здесь в 17-20 гг. Друза (Parducz 1971, с.267-268). Но оказалось, что надпись эта более поздняя, времени Веспасиана, 73-76 гг. (Toth, Vekony 1970). После этого в распоряжении сторонников ранней гипотезы остались лишь два не очень ясных упоминания о нападениях сарматов на Паннонию в 6 и 7 гг., во время паннонско-далматинского восстания, и некоторые соображения общеполитического характера вроде того, что, проводя политику создания буферных государств вдоль границы, Друз кроме ванниевского королевства должен был создать «буфер» и на границах с беспокойными даками, для чего и мог использовать язигов (Mocsy 1974). Оба свидетельства о сарматских нападениях содержатся однако в работах поздних авторов, в хронике Евсебия и у Диона Кассия, отдаленных от конкретных событий несколькими столетиями, но о них ничего не говорят авторы-современники, хорошо знавшие ситуацию на Среднем Дунае, такие как Велий Патеркул и Плиний Старший. Расселение племен в Прикарпатье Плиний дает тоже применительно к своему времени (Плиний, IV, 80, 81), а не ко времени Друза, как думает А.Мочи (Mocsy 1974, с.445). Рассуждения же венгерского исследователя о «буферном» язигском государстве достаточно разумны и логичны, но в источниках подтверждения не находят. А.Мочи пытался обосновать раннее появление язигов и археологическим путем (Мочи 1954). Он исходил из следующих соображений. Только что появившиеся в пуште язиги не успели установить еще тесных контактов с Паннонией, поставлявшей затем сарматам фибулы. Ранних язигов следует искать поэтому в погребениях без фибул и с вещами греческого причерноморского происхождения, в основном с мелкими золотыми и серебряными украшениями — бляшками, подвесками-лунницами и т.п., тем более что с приходом в Дакию в 87 г. н.э. к власти Децебала, враждебного сарматам, контакты язигов с Причерноморьем должны были прерваться.

А.Мочи причислил к этой группе 20-80-х годов н.э. могильники Сегед-Фельшепустасер, Кишкереш-Чукашто, а также ряд отдельных погребений и случайных находок. Датировки вещей этой группы им подробно не рассматривались. Если же такую работу проделать (Щукин 1989а; 1989б; Shchukin 1989, с.316-317), то в результате оказывается, что венгерские погребения с подвесками-подковками, часто сочетающимися с мелкими золотыми бляшками, не оправдывают ожиданий А.Мочи. Большинство их совершено не между 20-80-ми гг., а скорее всего позже, в конце I в. или даже во II в. Проблема язигов остается нерешенной и на пути, предложенном А.Мочи.

Если же отказаться от идеи раннего поселения язигов в Венгрии и допустить, что они появились здесь именно в 49-50 гг. по приглашению Ванния, то среди материалов, собранных М.Пардуцем, можно найти и некоторые могилы современников этих событий (рис. 74). Это — погребение 17 могильника Сегед-Фельшепустасер с проволочными браслетами с заходящими друг за друга и завязанными концами и с фибулой типа Аукисса, оно могло быть совершено и на протяжении всей первой половины I в. н.э., но не исключается и время около 50 г. (Parducz 1944, табл.XIII, 2-5, 11, 13; табл.XIV, 1-7, 11). Затем — погребение 22 могильника Ходмезевашархей-Фехерто, где найдено зеркало из числа производившихся в римских лагерях Нижней Германии в течение I в. н.э., а особенно интенсивно в клавдиевское время (Parducz 1946-48, табл.L, 3; Lloyd-Morgan 1974).

Современниками событий в Словакии могут оказаться и сарматы, в могилы которых были положены или вещи, имевшие широкую дату, как например, римское бронзовое зеркало с дырочками по краю из погребения 8 Кишкереш-Чукашто (Parducz 1941, табл.XXVI, 6; Roth-Rubi 1974, с.35), или с вещами, получившими широкое распространение позже, но возникшими около середины I в. н.э., как например, трубовидная фибула из погребения 145 в Сентеш-Киштоке (Parducz 1944, табл.XXII, 2). На упоминавшихся могильниках подданных Ванния такие фибулы появляются еще в фазе BIb (Kolnik 1977, с.157).

Оживленно дискутируется в венгерской и румынской литературе вопрос о пути движения язигов в междуречье Тиссы и Дуная — с юга, через Мунтению, Олтению, Банат и далее на север, или с севера, через горные перевалы в Закарпатье и Потисье (Parducz 1971, с.268). Последнее представляется более правдоподобным. Ближайшие хронологически и территориально сарматские памятники располагаются в Верхнем Поднестровье — Островец, Бурякивка и др. (Рис.70) Памятники Румынии не раньше венгерских (Bichir 1977), в Банате они не ранее III в. (Барачки 1975).

Язиги Буковины и Верхнего Поднестровья, вероятно, охотно воспользовались приглашением Ванния, поселились в пустовавшей венгерской пуште, подальше от своих сородичей, пришедших с востока и вошедших в состав царства Фарзоя.

2. Янтарный путь и Прибалтика.

Гермундуры и лугии, разбившие Ванния, соблюдали по отношению к римлянам «безупречную честность» и поэтому «словац-

кая волна импортов» в 50 г. не прервалась. Было ликвидировано лишь промежуточное звено в виде царства Ванния, наживавшегося на посредничестве, и народы Центральной и Северной Европы получили возможность установить непосредственные контакты с римлянами. Оживился прежний янтарный путь, торговля на нем была организована в государственных масштабах. Представитель нероновской императорской администрации, человек всаднического сословия был направлен из Карнунта к берегам Океана-Балтики, за 600 тысяч шагов (т.е. за 888 км), чтобы доставить груз янтаря, предназначенного украсить очередные гладиаторские игры в столице. Добытого хватило, кроме прочего, на украшение каждого узелка сетки, отделившей места публики от арены, а наибольший кусок весил 13 фунтов, т.е. более 4 кг (Плиний, XXXVII, 45). Янтарь опять стал поступать десятками килограммов, тоннами.

В задачу представителя императора, вероятно, входила не столько непосредственная добыча янтаря и торговля им, сколько переговоры с вождями местных племен об условиях торговли, о пропуске купцов и т.д. Миссия была скорее дипломатическая, чем торговая. В этой связи чрезвычайно интересна надгробная плита, обнаруженная недавно вмурованной в стену одного из средневековых костёлов в Южной Словакии. В ней упоминается некий италик Квинт Атилий Прим, сын Спурия. Он служил переводчиком при XV легионе и имел неожиданно высокое звание центуриона, т.е. скорее всего был не рядовым толмачом, а руководил целым «бюро переводчиков». Выйдя в отставку, Прим стал негоциантом (Kolnik 1977a). XV легион стоял в Карнунте на янтарном пути с 14 по 62 г., а затем с 70 по 114 г. Не исключено, что найдено надгробие того самого всадника, который по приказу Нерона организовал янтарную торговлю, или переводчика из его свиты. Тогда уточняется и дата поездки, это произошло до 62 г., легион вернулся в Карнутум уже после Нерона, погибшего в 68 г.

Собирать янтарь можно по всей береговой полосе от Эстонии до Дании, особенно богаты им пляжи Вислянского и Куршского заливов. Но все это не идет ни в какое сравнение с тем количеством, которое дают голубые илы третичной эпохи на Самбийском полуострове. А по соседству, в Мазурии большие куски янтаря можно выкапывать из земли, добывать, как добывают драгоценные камни. Еще в средние века крестоносцы занимались этим промыслом в районе Щитна и Мронгова (Okulicz 1973, с.183). Десятками, сотнями килограммов янтарь можно было получить только в этом углу Балтики. И 888 км по прямой от Карнунта приходится как раз на устье Преголя, на район Калининграда. На рубеже эр эти янтароносные земли были заселены несколькими группами носителей культуры западнобалтских курганов (рис.75).

Ежи Окуличем выделяется ряд локальных групп, каждая со своей спецификой. Из них наиболее богата и эффектна самбийско-натангинская в устье Преголя и на Самбийском полуострове, две группы в Мазурии — венгожевская и мронговская. Активно идет процесс внутренней колонизации в Мазурии, заселяются пустовавшие ранее земли в районе Августова и Голдапа (Okulicz 1973; 1976).

Изменения, происходящие с этой культурой на рубеже ступеней B1 и B2, т.е. в 60-80-х годах, в какой-то мере были, вероятно, стимулированы и оживлением янтарной торговли. Замечено, что районы, наиболее богатые янтарем — Самбийский полуостров, Венгожево и Мронгово — дают и наиболее густую сеть памятников римского времени (Okulicz 1973, с.379; Okulicz 1976, рис.1, 2).

Погребения становятся много богаче, в них больше фибул, бронзовых и железных изделий, керамики. Наступает «золотой век» Прибалтики.

Как показывают последние исследования литовских коллег (Michelbertas 1986; Ушинскас 1988; 1989), перемены, происходящие здесь, особенно разительны. В предшествующее время почти вся территория Литвы занята городищами культуры штрихованной керамики, для которой не характерны погребальные памятники. Наиболее густо заселены при этом северо-восточные районы, между Швентоей и Нярис, среднее течение Нярис и Немана дают менее густую сеть памятников, а западнее лежит зона вообще заселенная слабо. В низовьях же Немана и в районе Клайпеды напротив Куршской косы находятся группы курганов близких западнобалтским. (Рис.64-Iд; 64-II, 18) В I в. н.э., а точнее тоже с рубежа ступеней B1 и B2 первоначально на слабозаселенных штриховиками землях возникают три новых культурных группы с погребальными памятниками и обилием различных изделий в могилах — культура курганов с каменными венцами, группа курганов жемайтийского типа и группа памятников типа Сергеняй-Вершвяй с бескурганными погребениями в среднем течении Немана. (Рис.100:13) Их появление В.А.Ушинскас (Ушинскас 1988) ставит в связь с теми процессами, которые происходят на территории Польши, где сложение новой вельбаркской культуры вызвало ряд передвижений населения, что коснулось и носителей культуры западнобалтских курганов. К сожалению, все эти изменения на территории Литвы изучены еще недостаточно подробно. М.Михельбертас (Michelbertas 1986)

продемонстрировал серией карт, что постепенно начинается продвижение различных групп населения с погребальными памятниками все дальше на восток, в зоны, заселенные штриховиками.

При изучении прибалтийских культур наблюдается еще одно любопытное явление. На Самбийском полуострове, в Литве и Мазурии скапливается значительно больше вещей норико-паннонского происхождения, выполненных в ажурном стиле opus interrasile, чем на всех окружающих территориях. И что еще интересней, здесь находят не столько импорты, сколько их местные дериваты, подчас немногим уступающие по качеству оригиналам. Таковы, например, довольно многочисленные ажурные бронзовые накладки на пояса (Okulicz 1976, рис.7-8). В Поваровке около Приморска Калининградской области найден пояс с квадратными ажурными накладками и аппликациями в виде лодочек (рис.75:13), точно повторяющими украшения женских поясов из Норика и Паннонии. Но застежкой его служила не пряжка, а крючок, как это было распространено в германской среде. Ажурные накладки изготовлялись в Прибалтике и для поясов с характерной пряжкой «самбийского типа», язычок которой делался неподвижным, а вращалось кольцо-дужка. Такая конструкция известна среди древностей нидицкой группы, в Поморье и в Скандинавии (Okulicz 1976, рис.7b, c, d; Jankuhn 1950).

Другим проявлением этого стиля в Прибалтике являются цепи-поводья и ажурные украшения конской узды (Werner 1979; Baranowski 1973).

Свидетельства контактов с Верхним и Средним Подунавьем не ограничиваются сказанным. В одном пункте в Самбии и в семи пунктах в Литве найдены большие норико-паннонские фибулы A 238. Из них две ажурные — импортные, а остальные — местные варианты без ажурного орнамента на приемнике. За пределами Прибалтики последние встречены лишь дважды и оба раза на янтарном пути — около Вроцлава и в Пухове в Словакии (Okulicz 1976, с.205; Michelbertas 1980, рис.18) (рис.76).

Показательна и история эволюции глазчатых фибул, исходные формы которых находят на территории между Дунаем и Адриатикой. На основе попавшего в Прибалтику варианта A 55 здесь вырабатывается специфическая «прусская серия», экземпляры которой утрачивают прорезные «глазки» у основания дужки и лишь иногда украшены концентрическими кружками на ножке. Прибалтика становится вторичным эпицентром их распространения (Jamka 1964) (рис.90).

Скопление в янтарных землях такого изобилия обиходных вещей из далекого Задунавья и изготовление здесь их местных дериватов заставляет склоняться к мысли, что какое-то количество мастеров-одиночек или небольших артелей, наследников бродячих кельтских ремесленников, добиралось вместе с торговцами янтарем до Прибалтики и оседало в среде местного населения.

Возможно, именно с ними контактировали информаторы Плиния Старшего и Тацита и поэтому появились таки странные и труднообъяснимые замечания, что язык собирающих янтарь эстиев напоминает британский, т.е. кельтский, и что у них распространен культ вепря, известный также у кельтов (Тацит, Германия, 45).

В связи со сказанным стоит вспомнить легендарную часть литовских летописей, где рассказывается о неком Полямонисе, бежавшем со своей семьей и 500 римскими всадниками от преследований императора Нерона и ставшем основателем Литовского государства. В.А.Ушинскас, правда, считает, что легенда относится к началу IX в., когда действительно образовались Литва и Жемайтия. В роли Нерона, по его мнению, выступал Карл Великий, с державой которого прослеживаются контакты, а группы дружинных захоронений располагаются как раз в тех местах, где по летописи расселились сыновья Полямониса (Ушинскас 1988). Но не исключено, что легенда отражает в какой-то мере и реальность времени Нерона, или в ней произошла контаминация разновременных событий.

Обратили исследователи внимание и еще на один факт — именно на двух оконечностях янтарного пути, на Адриатике и в Прибалтике наблюдается скопление топонимов «вент». Область Венеция, где жили в районе Аквилеи кельтизированные иллирийцы венеты, река Вента и город Вентспилс на полуострове Курземе (Lamberg-Karlovsky 1971). Здесь еще в XII в. жили некие «вентии», упомянутые в «Хронике» Генриха Латыша, а в XIX в. часть жителей обозначалась названием «вентии» (Мачинский, Тиханова 1976, с.64). Венетским заливом «Сарматского океана» назвал Клавдий Птолемей изгиб Балтийского моря. Поблизости расселялись венеды Плиния и Тацита. С венетами торговцами янтарем и ремесленниками мог быть занесен в Прибалтику этот термин. Перенесенный затем соседями и на местное население региона он уже в этом значении возвращен информаторами Плинию, Тациту и Птолемею. Для этого не требовалось столетий, достаточно было и 20-30 лет, от возобновления янтарного пути при Нероне до написания «Естественной истории» и «Германии» при Флавиях.

Здесь мы выходим на проблему определения местоположения венетов-венедов и их отношения к славянам. Но прежде чем к этой проблеме обратиться, необходимо, во-первых, найти местоположение и археологическое выражение тех бастарнов, которые были известны Плинию и Тациту, потому что на этнокарте Тацита именно от бастарнов ведется отсчет. Во-вторых, выяснить, что произошло ко времени Плиния-Тацита с зарубинецкой культурой.

3. Ситуация в Прикарпатье и проблема бастарнов.

Выше мы установили, что бастарнам времени Страбона, I в. н.э. лучше всего соответствует зарубинецко-поянештская культурная общность. Но мы установили также, что поянештская ее часть прекратила свое существование как особое культурное единство в середине I в. до н.э. Бастарны, однако, со страниц истории не исчезли. Они поминаются многими источниками, часто в связи с реальными событиями в северо-западном Причерноморье. Вспомним хотя бы надпись Плавтия Сильвана. Указание на их локализацию есть лишь у Плиния Старшего (рис.92). Он пишет: «В целом к северу от Истра все племена скифские, однако места, прилегающие к побережью, заняли разные народы; в одних находятся геты, которых римляне называют даками; в других сарматы, по-гречески савроматы (в их числе гамаксобии или аорсы), в-третьих, — выродившиеся и произошедшие от рабов скифы или троглодиты и затем — аланы и роксоланы. Выше между Данувием и Геркинским лесом вплоть до Паннонских зимних стоянок и тех мест, где граница германцев, поля и равнины населяют языги-сарматы, а горы и леса до реки Патис (Тиссы) — изгнанные ими даки. От Мара или Дурии идет граница между свевами, царством Ванния и вышеназванными племенами: области, расположенные за ними, занимают бастарны, а дальше другие германцы» (Плиний, IV, 80-81).

Ключ к пониманию этого отрывка содержится в последующем абзаце. «Весь этот путь от Истра к Океану имеет длину, согласно сообщению Агриппы, две тысячи миль, а в ширину от пустынь Сарматии до реки Вистлы четыреста четыре мили» (Плиний, IV, 81).

Плиний для ориентировки читателя ссылается на хорошо известную римлянам карту Агриппы, составленную во времена Августа на основе различных итинериариев, где и был, очевидно, обозначен речной путь от устья Истра вверх по Дунаю до Карнунта и далее по янтарному пути в Прибалтику. Двигаясь вдоль этого пути, Плиний дает описание зоны между Дунаем, Вислой и степями Причерноморья, но рисует здесь ситуацию не времени Агриппы, а современную ему. Ситуацию, которую знал достаточно хорошо — сам побывал на Дунае, был знаком с наместниками Мезии.

Примечательно также то, что в предшествующем отрывке (Плиний, IV, 75) описывается весьма подробно устье Дуная, называются все шесть гирл его, острова между ними, в том числе и о.Певка. Но Плиний ничего не говорит о бастарнах-певкинах, хорошо известных Страбону. Очевидно, после походов Буребисты и Марка Красса бастарнского населения в низовьях Дуная уже не было. На месте о.Певки на песчаной гряде Сэрэтуриле (Петреску 1963, с.153) археологические изыскания, правда, не проводились, но ближайшие по территории памятники бастарнов — Поянешты и Лукашевка — уже прекратили существование, как и вся эта культура. Бастарнов Плиния нужно искать под другим культурным обличием.

Далее Плиний следует вверх по течению Дуная, поэтому следующее предложение и начинает он словом «выше», а Дунай называет Данувием, а не Истром. Название менялось в районе Железных ворот, где река «приближается к Иллирику» (Плиний, IV, 75). Таким образом, описывается район между Дунаем до Карнунта и поречьем Тиссы (р.Патис) вплоть до ее верховьев, т.е. включая и западную Трансильванию. И действительно, во времена Плиния равнины здесь занимали языги, а горные районы — даки. В верховьях Тиссы раскопано дакийское городище Малая Копаня (Котигорошко 1981; Котигорошко 1983, с.8-9). В верхнем течении Тисса протекает через земли кельто-дакийской земплинской культуры, а с севера к ней примыкает пуховская культура, тоже содержащая дакийские элементы. Не исключено, что и тех и других Плиний считал даками. Тогда становится понятным и следующее предложение. Речь идет о северной границе описываемого региона. Царство Ванния размещалось в юго-западной Словакии между Марой (Моравой) и Дурой (Гроном или Вагом) и с севера за горами начиналась область лугиев, входивших в состав Свевии (Тацит, Германия, 43). Таким образом, Свевия граничила и с царством Ванния, и с «вышеназванными племенами» — языгами и даками. Поскольку северная граница описывается Плинием с запада на восток, то «областями, расположенными за ними» (за «вышеназванными племенами»), оказываются земли северо-восточного Прикарпатья — верхнее Поднестровье, Львовщина, возможно, Посанье. Здесь и размещались бастарны. «Далее (следует понимать — при дальней-

шем следовании по янтарному пути) другие германцы», т.е. опять многочисленные племена лугиев-свевов, представленных пшеворской культурой.

Каким условиям должны соответствовать археологические памятники намеченного региона, чтобы претендовать на принадлежность плиниевским бастарнам? Во-первых, нужно соответствие хронологическое — около 50 г. н.э. Упомянуто и царство Ванния, и языги. Во-вторых, союз бастарнских племен находился в поле зрения римской политики, сюда должны были попадать римские импорты. В-третьих, хорошо было бы найти в них и какие-либо поянештские или зарубинецкие черты. Второму условию лучше всего соответствуют погребения в Колоколине (Majewski 1935; Śmiszko 1932) и Чижикове (Смишко 1957). Сочетание в Чижикове кельтской гончарной керамики и лепной дакийской вазы-фруктовницы говорит о смешанном характере памятника, а сочетание римских бронзовых сосудов Е 125 и Е 103 дает дату — рубеж ступеней B1a и B1b. То есть соблюдено и условие хронологическое (рис.69).

Погребение в Колоколине несколько раньше, начала ступени B1a. Здесь сочетаются фибулы А 67, А 44, фибула «Нертомарус» (ошибочно названная М.Ю.Смишко наухаймской), норицкий поясной набор с пряжкой G-1c, бронзовый кувшин Е 124 с маской Пана на атташе. Оба погребения — трупоположения, впущенные в курганы более раннего времени. Обособленное положение курганов, обилие импорта позволяет сближать эти памятники с серией «княжеских» захоронений любишевского типа. Высказывалось даже предположение о существовании в Верхнем Поднестровье центра племенного объединения или варварского, клиентального по отношению к Риму, государства вроде царств Маробода и Ванния (Majewski 1962). Вероятно, К.Маевский прав в своей догадке и к ней можно добавить, что «государство» это было бастарнским. Во всяком случае в 62 г. Плавтий Сильван был в союзе с бастарнами, возвратил их царю сыновей, захваченных врагами, возможно, сарматами, «волнения» которых он подавлял (CIL, XIV, 3608).

А сарматы, как мы уже знаем, находились тут же, по соседству: два сарматских могильника около Островца, могильники Ленковцы, Киселов (Смішко 1962; Мелюкова 1953; Смирнова, Винокур, Вакуленко 1967), погребение в Бурякивке (Малеев, Піоро 1973). Из Задрости около Теремовли происходит каменная стела с сарматскими знаками-тамгами, в том числе и напоминающими тамгу Фарзоя (Драчук 1967) (рис.70:20).

Труднее всего соблюсти третье условие. В интересующем нас регионе пока не найдено памятников I в. с ярко выраженными поянешто-лукашевскими чертами. Ситуация получается парадоксальная. Археологическая культура, достаточно хорошо увязываемая с бастарнами II-I вв. до н.э., прервалась, но бастарны продолжают существовать, постоянно появляются на страницах письменных источников. Имеется пока всего лишь один памятник, всего лишь одно погребение в Рэкэтэу на севере Молдовы (Vulpe, Capitanu 1971) (рис.77). Это трупосожжение воина в кольчуге с мечом и щитом, совершенное по пшеворскому обряду, но с керамикой поянештской культуры. Найдены в погребении и два импортных бронзовых сосуда. Оба относятся, к сожалению, к довольно редким типам. Один напоминает котлы типа «Кёнген», но имеет более плавные очертания и иное оформление ручек — с катушковидным шарниром. Второй — Е 95. Ион Глодариу датирует их соответственно второй половиной I в. н.э. — первой половиной I в. н.э. и I в. до н.э. — первой половиной I в. н.э. (Glodariu 1979, с.201, табл.38; 29a; 40; 29b). Г.Эггерс тип 95 относит к ступеням A и B1 (Eggers 1951, с.168-169). Уточнить дату до более дательной проработки этих типов бронзовой посуды не представлялось возможным (Schmidt-Thielbeer 1967, с.283).

Ими занялась Т.Домбровска (Dąbrowska 1988, с.189-192) и заметила, что сохранившаяся лишь верхняя часть второго сосуда, как и сопоставлявшейся с ним сосуд Е 95 из пшеворского погребения в Тарновке, являются скорее всего стамносами Е 18 этрусского происхождения еще IV в. до н.э. В северной Европе есть еще серия случаев (Ланг в Дании, Мосбэк и Фыклинге в Швеции, Келдби на острове Мэн), когда этрусские бронзы V-III вв. до н.э. попадают в болотные находки или в погребения позднего предримского времени. Возможно результат грабежа кимврами и тевтонами храмов и святилищ северной Италии и Южной Галлии или бастарнами храмов Иллирии. К этой категории, вероятно, относится и сосуд из Рэкэтэу. Но дата комплекса по-прежнему остается не уточненной.

Обратила внимание польская исследовательница и еще на один момент. Хотя связи культуры Поянешты-Лукашевка с ясторфским кругом особенно отчетливы, но и пшеворский компонент в ней достаточно ощутим. При личном знакомстве с материалом она насчитала полтора десятка пунктов, поселений и могильников, где представлена типичная пшеворская керамика (Dąbrowska 1988, с.178-179). Так что определенная пшеворская окраска свойственна этой культуре изначально и усиливается на позднем этапе

с появлением могильника Долиняны, дающим ямный обряд погребения с пережженными черепками, типичный для пшеворской культуры. Это момент, может быть, существенный для понимания процессов, которые начались в Верхнем и Среднем Поднепровье в I в. н.э. Никто пока не занимался сопоставлением возникших здесь памятников с культурой Поянешты-Лукашевка и только Ю.В. Кухаренко, ученый, обладавший недюжинной интуицией, указывал однажды на возможность такого хода процесса, хотя и в очень общей форме (Кухаренко 1978; 1978а).

Поянештская керамика или близкая ей, кстати, фиксировалась в Среднем Поднестровье на таких поселениях как Бернашевка (Козак 1983, с.110) и Великая Слободка (Винокур, Мегей 1989). С большей очевидностью прослеживается связь новообразованной культуры с пшеворской. Около Тернополя открыто, например, погребение в Лучке рубежа ступеней B1a и B1b, то есть 20-40 гг. н.э. (рис.69). Здесь сочетаются — позднелатенская фибула варианта 0, фибула A 67, длинный меч в ножнах с ажурной накладкой opus interrasile, но с кольцами для крепления к портупее по образцу римских гладиусов, наконечник копья, шпоры. Погребальная урна была покрыта умбоном. Самая поздняя вещь комплекса — пряжка с волютами типа C по К.Раддатцу, характерная для ступени B1b (Śmiszko 1932, табл.V, 15-22; Raddatz 1957, с.27-28).

Тереса Домбровска, исходя из противоречивого описания М.Смишко урны этого погребения и анализа железа наконечника копья, отличающегося от свентокжижских пшеворских, отказалась признать погребение в Лучке пшеворским (Dąbrowska 1973a, с.178-179). Думается, однако, что решающим здесь является обряд погребения. Из всех культур ближайшего окружения лишь пшеворцам был свойственен обряд погребения со сломанным согнутым оружием. А в тех случаях, когда этот обряд наблюдается в других культурных группах, например, в горизонте Гроссромштедт, то в конечном итоге, как выясняется, он тоже восходит к пшеворской культуре.

Синхронным Лучке может оказаться и нижний слой поселения Пидберизцы. Д.Н.Козак отнес его к позднелатенскому времени, ко второй половине I в. до н.э. (Козак 1983). Обоснованием такой датировки послужило сопоставление керамики с материалами мазовецкого могильника Карчевец, относительная хронология которого разработана Т.Домбровской (Dąbrowska 1973). Керамика Пидберезцев, в частности, формы подграненых венчиков, действительно соответствуют поздним стадиям этого позднелатенского могильника. Но эпоха Латена в пшеворской культуре, как показали Т.Лиана и Т.Домбровская, продолжалась до 40-50-х гг. I в. н.э., до появления фибул A 68 (Dąbrowska 1976; Liana 1970). Так что на этом материале невозможно решить, относится ли нижний слой Пидберизцев и аналогичные поселения в Чишках, Комарно и Пасека-Зубрецких (Козак 1983) ко второй половине I в. до н.э. или к первой половине I в. н.э.

К ранним пшеворским памятникам в Верхнем Поднестровье может быть причислена и находка характерного сосуда с меандровым орнаментом в Монастырихе на Збруче (Kropotkin 1977, рис.7). (Рис.80-II, 12).

Стремление носителей пшеворской культуры к югу отразилось в это время и в пуховской культуре Словакии. Следы разрушений наблюдаются на городище Липтовска Мара, изменяется расположение открытых поселений вокруг него, одни были оставлены, новые — заложены. Прекращают существование городища Дивинка и Вельки Быстерец. Исчезает в пуховской культуре кельтская гончарная керамика, хотя подражания кельтским сосудам в лепной посуде сохраняются. Происходит это в горизонте распространения фибул A 67, A 236, аукисс, типа Нертомарус (Pieta 1977) на рубеже ступеней B1a и B1b, когда в Поднестровье было совершено погребение в Лучке.

Пшеворские элементы в пуховской культуре появляются однако лишь с середины I в. н.э. Карел Пиета считает, что под воздействием двигавшихся с севера пшеворцев-лугиев носители пуховской культуры теряют свою самостоятельность, хотя пуховские памятники, поредев, продолжают существовать и дольше (Pieta 1977, с.291-292).

Не исключено, что все эти процессы в Словакии и в Поднестровье составляют различные звенья одной и той же цепочки событий, движения к югу «несметных сил лугиев», разрушивших царство Ванния, что было в этом движении лишь одним из эпизодов. Но малое количество исследованных памятников пока не дает возможности соединить все это в отчетливую картину.

К середине I в. н.э., в хронологическом горизонте фибул A 68, в 40-70-х годах складывается в Верхнем Поднестровье культурная группа, представляющая симбиоз элементов пшеворских, дакийских и сарматских, которую можно с наибольшим основанием связать с плиниевскими бастарнами. На это уже указывали М.А.Тиханова и Д.А.Мачинский (Мачинский, Тиханова 1976, с.73). Имеются в виду два могильника в Звенигороде (Гоева Гора и Загуминки), могильники в Болотном и Гриневе (Свешников 1957; Кропоткин 1974; Козак 1978; 1984;

Kozak 1982; Цыгылик 1987).

Картина здесь очень пестрая. (Рис.79) В погребении 8 Гоевой Горы урной служил лепной биконический чернолощеный сосуд с характерной трехчастностью, свойственной ряду культур ППВ, в том числе и пшеворской. Урна была накрыта обломками лепных дакийских сосудов — чаши на ножке, вазы с двумя ручками и слабопрофилированного горшка с налепами-шишечками. В урне находилось оружие: наконечник копья, шпоры типа 46 по М.Яну (40-70-х гг. н.э.) и согнутый по пшеворскому обычаю меч с кольцевым навершием, характерным для сарматских мечей (Кропоткин 1974).

Сочетание дакийских и пшеворских черт наблюдается и в погребении 15 того же могильника. Урной служила здесь дакийская гончарная ваза, прикрытая обломком зернотерки и разбитой фруктовницей на высокой ножке. Урна была установлена на треножнике, образованным вбитым в землю наконечником копья и согнутым мечом. В раннеримское время обычай вбивать оружие в дно могильной ямы был распространен у жителей поречья Варты в ее среднем течении (Liana 1968, с.381; Никитина 1974, с.89-90, рис.71, 72), (рис.100:11) что может указывать на исходный район населения, а скорее некой особой социальной прослойки воинов пшеворской культуры, принявших участие в формировании звенигородской группы.

У урны найдены — согнутый железный нож со следами инкрустации, две железных пряжки (одна инкрустирована бронзой) и обломок фибулы А 68.

Могильник Гоева Гора — биритуальный. Из 10 трупоположений опубликованы лишь два, наиболее интересных. В погребении 15 (1954 г.) был обломок зеркала, пряжка, нож, пастовые и хрустальные бусы, две фибулы А 68. В погребении 17 (1954 г.) — сарматское зеркало VI типа по Хазанову, игла, пуговица, шило, пряжка, два колечка с цилиндриком внутри и со следами розовой и коричневой краски (остатки туалетной шкатулки) и опять две фибулы А 68. Найденная здесь же лепная цилиндро-коническая миска напоминает керамику постзарубинецкого горизонта Рахны-Почеп, о котором речь пойдет несколько позже.

Ряд признаков этих захоронений — ингумация, хрустальные бусы, зеркала, румяна — позволяют предположить, что это захоронения женщин-сарматок, входивших в звенигородскую общину.

Трупоположение мужчины-воина выявлено на соседнем могильнике Загуминки (Свешников 1957, с.68). Здесь найден меч в ажурных норицких ножнах, шпоры, умбон щита.

Чрезвычайно интересная находка была сделана Д.Н.Козаком и на могильнике в Гриневе (Kozak 1982), где вместе с фибулой А 67/68 обнаружены остатки меча в ножнах с бронзовой высокохудожественной ажурной накладкой. В ней причудливо переплелись взаимовлияния искусства кельтского, дакийского и сарматского (Рис. 80,1).

По мнению Д.С.Козака близки рассмотренным памятникам поселение Бернашовка и погребение в Неполковцах на Среднем Днестре (Козак 1984, с.99-102; Тимощук Никитина 1978). Первое из них, однако, возможно относится к более раннему времени (здесь найдена среднелатенская фибула варианта В) и может быть наряду с погребением в Рэкэтэу дает переходное звено от поянештско-лукашевской культуры к звенигородской группе памятников. Во всяком случае среди керамики с поселения есть и формы, близкие поянештским (Козак 1984 с.100). Таким образом в Верхнем Поднестровье в течение I в. н.э. имели место весьма сложные процессы взаимодействия пшеворизирующегося позднепоянештского или пришлого пшеворского населения с соседним дакийским и с сарматами. Происходил вероятно приток и новых пшеворских переселенцев, в частности тех, кто принес обычай вбивать оружие в дно могильной ямы из бассейна Варты, из пограничья с образующейся в это же время в Поморье вельбарской культурой.

Любопытное свидетельство сармато-германских контактов, осуществлявшихся на уровне воинов-дружинников, причем контактов скорее дружеских и мирных, чем военных и вражадебных, вспомним, что язиги воевали на стороне Ванния, дают две интересных находки. Имеются в виду наконечники копий из Бодзанова в Польше и из Вальле в Норвегии, где копье тоже пшеворского образца (Kaczanowski 1988, Рис.3:1, с.60-61; Zielonka 1958. Рис.72f, с.369-370). На обоих серебром инкрустированы магические знаки изображающие тамгу Фарзоя — две дуги с перемычкой. Оба комплекса датируются ступенью В2, т.е. приблизительно 70-170 гг. В начале этого периода престарелый Фарзой, возможно пользовавшийся громкой славой в интернациональной военно-аристократической среде, был еще жив (рис.78).

Контакты такого же рода фиксируются и находками из сарматских памятников. На Нижнем Дону, в курганах «Садовый» и Высочино обнаружены умбоны щитов центральноевропейского образца, явно чуждые сарматскому вооружению (Raev 1986, табл.1:2). В «Садовом» умбон найден в грабительском ходе и местоположение его в могиле не известно, а в Высочино щит был положен в тайник вместе с драгоценными серебряными сосудами (Raev 1986, Табл.64:1; 65:5;

66:1; 68:1). Очевидно, для владельца и его окружения он представлял какую-то особую ценность. Мы можем лишь гадать, в чем эта ценность заключалась — был ли это трофей, взятый в бою с каким-то выдающимся германским бойцом, или наоборот подарок соратника-побратима, но сам факт неких сармато-германских контактов фиксируется с достаточной определенностью. Исходя же из политической ситуации, описанной выше, контакты такого рода представляются не столь уж удивительными (Ščukin 1993).

Могильники звенигородской группы, как и погребения в Колоколине и Чижикове некоторые исследователи относили к липицкой культуре Верхнего Поднестровья. Вряд ли это полностью справедливо. Сопоставление их с эпонимным некрополем в Верхней Липице (Рис.79) показывает, что они хотя и не очень далеко отстоят друг от друга во времени, тем не менее асинхронны (Щукин 1974; Shchukin 1989, часть II, табл. 52). Верхняя Липица — памятник самого конца I и в основном II в. и образование липицкой культуры произошло, по всей вероятности, чуть позже, в связи с переселением в Поднестровье дакийского племени костобоков (Śmiszko 1932), ушедшего на север под угрозой римского завоевания после вторжения Домициана в 88 г. в Дакию и поражения даков при Тапах.

Памятники Звенигородской группы, включая Колоколин, Чижиково, погребение в Лучке, поселения в Бернашовке и Пидберизцах, представляют предшествующий предлипицкий этап в истории Верхенго Поднестровья — первой половины и середины I в. н.э. Но нельзя безоговорочно приписать их и пшеворской культуре. Отчетливые дакийские и сарматские черты составляют их специфику. Это особая синкретическая группа, по месту и времени хорошо соответствующая бастарнам Плиния и Тацита. «Речью, образом жизни, оседлостью и жилищами они повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешаных браков их облик становится все безобразнее и они приобретают черты сарматов» (Тацит, Германия, 46). Это замечание Тацита как нельзя лучше соответствует характеру памятников Звенигородской группы.

Отношение исследователей к этой группе очень не однозначно. Существует масса контрверсий, главным образом терминологического порядка. Одни и те же памятники, одни и те же захоронения, поселения то относят к липицкой культуре, то к пшеворской, то включают в состав так называемой волыно-подольской или зубрецкой группы. Чересполосное положение памятников на сравнительно небольшой территории, смешанный характер их, отсутствие для многих поселений надежных хронологических определителей окончательно запутывает картину.

Последние попытки разобраться в ситуации предприняты Л.В.Вакуленко (Вакуленко 1989) и Д.Н.Козаком (Козак 1989). Л.В.Вакуленко, справедливо отметив еще раз хронологическое различие могильников Звенигород и Верхняя Липица, считает, однако, что звенигородская группа представляет собой начальный этап формирования липицкой культуры, где в процессе интеграции победил дакийский элемент. Можно подойти к вопросу и так, хотя следует отметить, что на существующем ограниченном материале последовательность процесса постепенного уменьшения пшеворских черт и нарастания дакийских проследить достаточно трудно. Грань все равно получается резкой. В один короткий момент полностью исчезает обычай погребений с оружием. новый приток дакийского населения, оставившего могильник в Верхней Липице, тоже исключить нельзя. Спор становится терминологическим.

Позиция Л.Н.Козака в отношении липицкой культуры, которую он не без оснований склонен именовать культурной группой, в общем близка. Он различает тоже по сути дела три хронологических этапа, которые называет культурно-этническими типами (КЭТ). 1 — кельто-дакийский КЭТ Болотни 20-х годов I в. н.э. до конца I в. н.э., 2 — КЭТ Звенигорода дакийско-пшеворский 40-70-х годов. 3 — КЭТ Верхняя Липица — Ремизовцы конца I — II вв. н.э. Дакийско-пшеворско-зарубинецкий. Дело в том, что по мнению Д.Н.Козака в середине I в. н.э., в связи с кризисом зарубинецкой культуры в Полесье, часть ее населения отошла на юго-запад, привнеся в Поднестровье и на Волынь свои элементы. Кроме того он выделяет и собственно пшеворские памятники I в. до н.э. — 70-х годов I в. н.э. Их сменяют памятники волыно-подольской зубрецкой группы, создание которой вызвано притоком зарубинецкого населения. Здесь Д.Н.Козак выделяет два КЭТ — пшеворско-зарубинецкий тип Загаев и пшеворско-зарубинецко-липицкий Пидберезцев. К концу II в. они объединяются в КЭТ Сокольников. Существовала зубрецкая группа на Волыни до появления здесь носителей вельбаркской культуры в конце II в., а в Поднестровье до образования черняховской культуры в середине III в.

Термин волыно-подольская группа нельзя признать удачным, он рождает образ обширной территории, хотя в действительности памятники этой группы размещаются между Западным Бугом и Стоходом на западе, верховьями Горыни и Днестром до г.Га-

лича на востоке и юге. Включается таким образом только часть и Волыни, и Подолии. Совершенно справедливо Д.Н.Козак отказался от этого термина заменив его понятием зубрецкая группа (Козак 1991). Но не в термине дело. Хотя в целом подход Д.Н.Козака может оказаться плодотворным, но на сегодняшнем уровне исследованности памятников он вряд ли сильно проясняет картину и не снижает терминологической разноголосицы. Нет четких критериев для разграничения КЭТ. Как отличить поселения КЭТ Подберезцы волыно-подольской (зубрецкой) группы от КЭТ Звенигорода, если их составляют одни и те же элементы, представленные лишь на поселениях в одном случае, и на могильниках в другом. И т.д.

Думается, на сегодня можно констатировать с очевидностью одно — в I-II вв. в Верхнем и Среднем Поднестровье, а также на Западной Волыни протекал сложный процесс интеграции различных групп населения различных культурных элементов — пшеворских, дакийских (липицких), зарубинецких. Добавим — поянештских, сарматских и быть может земплинских кельто-дакийских. Завершиться этому процессу не довелось в связи с появлением вельбаркцев, набегами новых групп пшеворцев и образованием черняховской культуры.

Если же мы хотим найти археологическое соответствие тем бастарнам, которые были известны Плинию и Тациту, с которыми взаимодействовал Плавтий Сильван, тех бастарнов, которые упоминаются источниками и позже, в частности на «Певтингеровых таблицах» помещены вдоль «Бастарнских Альп», откуда стекает река Агалингус (Днестр), а при императоре Пробе (276-281) были переселены на территорию Империи, то мы не найдем пока что лучшего соответствия хронологического и территориального, чем звенигородская и зубрецкая группы.

Что касается уже ставшего традиционным сопоставления липицкой культуры с дакийским племенем костобоков (Śmiszko 1932), то оно вполне вероятно, если понимать под липицкой культурой лишь памятники синхронные и аналогичные эпонимному могильнику (КЭТ Ремизовцы Д.Н.Козака), хотя есть и определенное хронологическое несоответствие. Возможны поиски и других вариантов, но это уже лежит за рамками нашей работы.

Итак, образование зубрецкой группы произошло по Д.Н.Козаку за счет притока носителей зарубинецкой культуры. Что же случилось с этим культурным образованием?

4. Кризис зарубинецкой культуры. Горизонт Рахны-Почеп.

Если рассмотреть комплексы погребений всех крупнейших могильников, то не трудно убедиться, что они неожиданно обрываются около середины I в. н.э. Д.А.Мачинский и М.А.Тиханова указывали на 40-70-е гг. (Мачинский, Тиханова 1976, с.77), но не аргументировали свои выводы специальным разбором хронологии. Это было сделано в работах К.В.Каспаровой (Каспарова 1976; 1986), автора этих строк (Щукин 1972 1986) и А.М.Обломского (Обломский 1983; 1987). Сейчас, очевидно, нет необходимости заниматься разбором хронологии еще раз. Вывод М.А.Тихановой и Д.А.Мачинского в основном подтвердился — где-то в интервале 40-70-х годов классическая зарубинецкая культура прекратила свое существование(рис.81). Возникающие противоречия не столь уж существенны. В последней статье для Полесского варианта зарубинецкой культуры К.В.Каспарова указывает несколько более раннюю дату, 20-30-е годы. А.М.Обломский, привлекая для среднеднепровского варианта более широкий круг материалов — стеклянный сосуд Е-183, обнаруженный на могильнике Девич-Горе на Стугне и поздние формы зарубинецких чернолощеных мисок, сопоставимые по очертаниям с некоторыми формами античных краснолаковых — делает заключение, «что классические зарубинецкие памятники исчезают в I в. н.э. (исключая его конец), а позднезарубинецкие появляются в I в. н.э. и продолжают существовать во II и, вероятно, в III в. н.э.» С выводом трудно не согласиться в целом. Расхождение лишь в том, что, если говорить об интервале 40-70-х гг., то А.М.Обломский, как можно понять, больше склоняется к концу этого интервала, а мы с К.В.Каспаровой больше к его началу, хотя это уже такие нюансы, которые больше базируются на хронологическом чутье оппонентов, чем могут быть доказаны с достаточной строгостью при современном состоянии хронологических разработок.

Итак, где-то в пределах указанного интервала зарубинецкая культура переживает серьезные потрясения. Прекращают функционировать все большие могильники этой культуры. На Каневщине сожжены и покинуты зарубинецкие городища, на них найдены сарматские стрелы, о чем мы уже рассказывали. На территории среднеднепровской группы появляются сарматские захоронения. Не известно, достигали ли сарматские набеги Полесья, но зарубинецкое население его явно покидает и эта территория запустевает вплоть до появления здесь в VI в. славянских памятников типа Корчак.

Д.Н.Козак (1991, с.12-13) и А.М.Обломский с соавторами (1990), полагают, что зарубинцы покинули эти земли в результате каких-то климатических катаклизмов (подъем грунтовых вод, выщелачивание земли и

т.п.), но без каких-либо специальных исследований на этот счет, доказать возможность такого хода событий будет трудно. Она не исключается, но не противоречит и политическим причинам.

Население, оставшееся в Среднем Поднепровье, занимает низкие, затапливаемые места (рис.82), вероятно трудно доступные для сарматских конников. Пробираться через широкие поймы заросшие кустарником, с неожиданно возникающими под ногами ботцами и старицами иногда бывает не просто. Небольшие поселения, укрытые в таких местах были действительно трудно досягаемы, если не знать проходов и тропинок.

Большая часть зарубинецкого населения этого нашествия не пережила. Если посмотреть на карту памятников последующего времени, второй половины I — начала II в., то создается впечатление, что носители прежней зарубинецкой культуры как бы «разбегаются» в разные стороны (рис.100).

К северо-западу от ареала класссической зарубинецкой культуры в бассейне Западного Буга обнаружен постзарубинецкий памятник второй половины I в. — могильник Гриневичи Вельки (Szmit 1922). Зарубинецкие элементы здесь представлены булавкой в виде пастушьего посоха и зарубинецкой фибулой с треугольным щитком наипоздней-шего пятого варианта их типологии. Хронология памятника определяется глазчатыми фибулами А 59 и А 61 (рис.83).

На северном пограничье зоны в основном тоже уже за пределами ее ареала, в бассейне Березины, Л.Д.Поболь исследует группу памятников типа поселения Абидня (Поболь 1969; Поболь и др. 1976). Материалы еще не опубликованы полностью и мы обладаем весьма бедной информацией о характере и хронологии этих памятников. В основном они относятся к несколько более позднему времени, к так называемой киевской культуре III-IV вв., но в Абидне найдена и круглая римская пластинчатая фибула с эмалью II в. Начальная дата поселения в Абидне пока не очень ясна.

Показательно, что даже Л.Д.Поболь, будучи страстным сторонником последовательного, непрерывного и поступательного развития древних культур Белоруссии, отмечает определенный культурный перепад между собственно зарубинецкой культурой и памятниками типа Абидни (Поболь 1972, рис.78), памятниками следующего этапа исторического развития в Верхнем Поднепровье.

Не очень ясна пока ситуация на Гомельщине. Появляющиеся здесь в последнее время памятники еще слишком слабо исследованы, чтобы говорить уверенно о их хронологии и соотношении с другими группами зарубинецких и постзарубинецких древностей. А.М.Обломский выделяет здесь особую группу Кистени-Чечерск: городища Вороновка-Лядцы, Чечерск, Шепотовичи, предположительно могильник, Стрелица в среднем течении Сожа, городища Щатково на Березине, Кистени и Рогачев на Днепре к северу от устья Березины (Рис.85 г). Они дают фрагменты горшков, напоминающие по форме верхнеднепровские, чаплинские, но покрытые штриховкой (рис.86 А), обломки чернолощеной керамики здесь единичны (Обломский, Терпиловский 1991, рис.25-26). Располагаются они в зоне, которую Л.Д.Поболь назвал «буферной» между зарубинецкой и культурой штрихованной керамики, а сами сосуды он считал милоградскими, покрытыми штриховкой (Поболь 1974, с.174). А.Г.Митрофанов относил их к начальному этапу культуры штрихованной керамики, возникшему под воздействием милоградцев (Митрофанов 1978, рис.12). Железная подзднелатенская фибула из Щатков (Обломский, Терпиловский 1991, рис.5:35) (рис.86В,1) могла бы сопоставляться по слабому изгибу дужки с вариантом М по Костшевскому или с «воинскими» ступени А римского времени (Щукин 1991, рис.5:35) синхронизируясь с Латеном D2 второй половины I в. до н.э., но, как уже говорилось, на востоке бытование латенских форм не исключается и до первой половины I в. н.э., а может быть и чуть позже. Железная сюльгама из Щатков и обломок серебряного браслета из Кистеней вряд ли могут уточнить датировку. Пока группа Кистени-Чечерск выглядит как синхронная финалу классической зарубинецкой культуры или началу следующего постзарубинецкого этапа. Необходимо дальнейшее накопление материалов, и они могут оказаться весьма существенными для разрешения целого ряда проблем. Выделение этой группы, быть может, одно из самых значительных открытий последних лет.

К юго-западу от среднеднепровского и к югу от полесского ареалов зарубинецкой культуры в среднем течении Южного Буга П.И.Хавлюк открыл целую группу постзарубинецких памятников (Хавлюк 1971; 1976).

Наиболее яркие из них — могильник и поселение Рахны, поселение Марьяновка (рис.83, 84). Самая ранняя вещь могильника — римская аукисса первой половины I в. найдена в пахотном слое вне комплекса. Закрытые комплексы погребений дают более позднюю дату: середина — вторая половина I в. В погребении 4 — сочетание двух глазчатых фибул с причерноморской, имеющей пластинчатую спинку. А.К.Амброз датирует такие I в. (Амброз 1966, с.45, табл.5, 16). Здесь же обломок «зарубинецкой» фибулы пятого варианта. Комплексы середины I в. В погребении 9 встретились прусская глазчатая фибула А 60 и фибула из второй серии боспорских сильнопрофилированных II в. по А.К.Амброзу (Амброз 1966, табл.8, 13, с.42). Это наипоздний комплекс могильника

рубежа I-II в. или начала II в. Поздние прусские глазчатые фибулы и глазчатые А 53 найдены в погребениях 7 и 10 (Щукин 1986).

Захоронения совершались в больших овальных ямах, куда ссыпались остатки трупосожжения. В одном случае сожжение было совершено на месте, в остальных одиннадцати — на стороне. Керамика носит характерные признаки позднезарубинецкой, но два сосуда — биконический кубок и миска с загнутым внутрь краем — изготовлены на гончарном круге. Происхождение этой серой кружальной керамики остается невыясненным, скорее всего из античных городов Причерноморья.

На Марьяновском поселении, кроме керамики, близкой рахновской, найдены обломки амфор с двуствольными ручками I в. до н.э. — I в. н.э., обломок фибулы А 67-69 (точнее вариант установить невозможно) и фибула А 236-с — тип, бытовавший на протяжении всего I в. н.э., но наиболее популярный во времена Тиберия-Клавдия (Garbsch 1965, с.29-32).

Побужские постзарубинецкие памятники еще сохраняют традиции зарубинецкой культуры, ее структуру, хотя и содержат вещи уже другой эпохи, римского времени. По-прежнему достаточно высок процент лощеной керамики, много фибул, по-прежнему практикуются захоронения в больших ямах.

Особый интерес представляет самая южная суботовская группа зарубинецкой культуры на Тясмине (Максимов 1960; Самойловский 1960). Кроме погребения 1, по времени относящегося, вероятно, еще к классическому периоду культуры, остальные могут рассматриваться как постзарубинецкие (рис.68).

В погребении 1 была найдена бронзовая ситула типа Баргфельд II-I вв. до н.э. (Рис.68:2) Автор этих строк считал ее сосудом типа Эггерс 38, варианта Тингфоль (Shchukin 1989, с.302, табл.20), относимого в Центральной Европе к ступени В1 и В2 римского времени, поскольку полагал, что на сосуде есть следы листовидных атташе, свойственные этому варианту. При повторном, более внимательном изучении поверхности сосуда таких следов однако не обнаружилось. Керамическая ваза этого же погребения с каннелированным туловом не имеет прямых аналогий. Е.В.Максимов сравнивал ее с позднеэллинистическими греческими канфарами (Максимов 1972, с.71), но сходство это весьма приблизительно. Зато черепки подобных сосудов найдены при раскопках дакийской Сармизегетузы, городища Мунчелулуй, в слое I в. до н.э. (Glodariu 1976, с.182, табл.32).

В погребении 3 наряду с достаточно характерным зарубинецким горшком и миской на высоком поддоне с валиком у основания (формой специфической и напоминающей некоторые сосуды пшеворской культуры) были найдены бронзовые проволочные сережки, браслет и набор крупных бус из горного хрусталя — вещи, характерные скорее для сарматов и в зарубинецкой культуре не типичные.

Датировку погребения определяет сочетание обломка позднелатенского ажурного поясного крючка, близкого варианту С по Т.Фойгту, и датируемого «концом позднеавгустовской эпохи и началом римского императорского времени» (Voigt 1973, с.248) с причерноморской фибулой, украшенной кнопкой на конце приемника и имеющей тетиву, обвитую вокруг спинки. А.К.Амброз датирует такие I в. н.э. (Амброз 1966, с.44). Ко времени после рубежа нашей эры относит эти материалы и А.М.Обломский, так же как и большинство находок с Суботовского городища (Обломский 1987, с.70). Отметим еще, что кувшин из погребения 2 (Shchukin 1989, рис.20, 10) очень близок сосуду из верхнеднестровского Гринева (Козак, 1984, рис.38), а на городище (Рис. 68:1) найден большой характерный дакийский сосуд с валиками (Максимов 1972, табл.XXVII, 15).

К суботовской группе относится и погребение в Жаботине (Максимов 1972, с.56, табл.XXV, 13,14), где в зарубинецкой урне обнаружена железная пряжка, близкая поздним вариантам тирпа U по К.Раддатцу рубежа ступеней В1 и В2 (Raddatz 1969, с.24-27). Пряжки этого типа встречаются и в сарматских комплексах.

Синкретические памятники на Тясмине, как и южнобужские, представляют, возможно, группировки носителей зарубинецкой культуры, тех, которые оказались союзниками сарматов и пережили поэтому сарматскую экспансию. Возможно они даже были переселены южнее, дабы легче было собирать дань.

Какие-то группы гонимого зарубинецкого населения уходят, возможно, еще дальше на запад, в Поднестровье. Возникают своеобразные пшеворско-зарубинецкие поселения Пидбирцы и Зубра. Включаются переселенцы и в число жителей уже существовавших пшеворских поселений Пидберезцы и Пасеки-Зубрецкие (Козак 1977; 1983). А в верховьях реки Золотая Липа В.К.Цыгылык раскопал три поселения со смешанным зарубинецко-липицким материалом — Ремезивцы, Майдан-Галогирский и Вороняки (Цигилик 1975, с.70-73), причем он заметил, что сначала здесь поселились носители зарубинецкой культуры, а вскоре к ним подселилисоь люди липицкой культуры (даки-костоболки) и ассимилировали их. Раскопщик дати-

ровал эти поселения, в частности Ремезивцы началом нашей эры. Дата эта однако несколько занижена. Она основывается на находке в Ремезивцах своеобразной коленчатой фибулы с дужкой обмотанной целиком проволокой, из которой сделан и приемник в виде петли (рис.80, 17).

В.И.Цигилик сопоставлял их со среднелатенскими фибулами с «восьмерками». Но, во-первых, эти фибулы, как мы знаем, более ранние, а не начала нашей эры. Во-вторых, фибулы, аналогичные ремезивской, действительно редки, но они есть и указывают совсем на другое время. Так очень близкая по конструкции фибула найдена в погребении 53 пшеворского могильника Опатув вместе с квадратной пряжкой ступени B2 (Godłowski 1959, рис.53, 1-2; Madyda 1977, с.373-375). Похожая застежка происходит так же из погребения 534-А могильника Прущ-Гданьский, датированного уже ступенью C1, третьим веком н.э. (Wołągiewicz 1981, рис.6). В Ремезивцах фибула, как и найденная там шпора конца II — начала III в., связаны скорее всего поздними, собственно липицкими или черняховским слоями. Не случайно и Д.Н.Козак отнес это поселение к позднему этапу липицкой культуры (Козак 1989, с.22-23).

Набор керамических «зарубинецких» форм, отсюда, в частности лощеные цилиндро-конические миски позволяют сопоставлять начальный этап поселение не столько с зарубинецкой культурой, сколько с рассматриваемым постзарубинецким горизонтом.

Если одна часть зарубинецкого населения под ударом сарматов отошла на запад, другая укрылась в болотистых поймах, то третья, и быть может самая многочисленная, бежала в Брянские леса. Здесь, опять же за пределами прежней зарубинецкой территории, около середины I в. возникает новое образование, именуемое иногда в археологической литературе или деснинским вариантом зарубинецкой культуры, или почепской культурой. Поселение Почеп на реке Судости в Брянской области — самое богатое и полнее других исследовано (Заверняев 1969). Оно дает характерную керамику — сочетание чернолощеных цилиндро-конических мисок и грубых лепных округлобоких горшков с вдавлениями по венчику. Среди фибул поселения есть формы позднелатенские, близкие варианту 0 Костишевского. Но некоторые имеют на приемнике круглые дырочки, как на A 68, у некоторых спинка перевита, вероятно, чтобы имитировать многовитковую подвязку южных причерноморских лучковых, одна из которых (вариант 1, серии 1 по А.К.Амброзу, «I в. н.э., возможно, больше его первая половина») найдена на поселении. Многовитковую подвязку имеет и подвязная фибула «верхнеднепровской серии» (Заверняев 1969, рис.15; 13, с.57-76). Кроме того, в Почепе найдены длинная восьмерковидная «маркоманнская» пряжка типа U ступени B1 (Raddatz 1957, с.24-26) и фаянсовая голубая бусина-плакетка с фигуркой лежащего льва.

Уходившие в брянские леса зарубинецкие беженцы должны были столкнуться здесь с населением юхновской культуры. Если в Почепе юхновских элементов, как утверждает Ф.П.Заверняев, не прослеживается (Заверняев 1969, с.116-117), хотя некоторые горшки украшены наколами в виде фестонов, как на юхновской керамике (Заверняев 1969, рис.11, 17), то в соседнем Синькове на той же Судости местные традиции выявляются достаточно отчетливо, например, в домостроительстве. В отличие от Почепа с его полуземлянками, в том числе имеющими центральный столб (новый элемент, появившийся в постзарубинецкое время), в Синькове исследовано длинное жилище столбовой конструкции, какие обычно строили юхновцы (Амброз 1964, рис.6). Время поселения определяется глазчатой фибулой «основной серии» середины — второй половины I в. (Амброз 1966, рис.7, 15; Jamka 1964).

Группы зарубинецких переселенцев появляются и в Среднем Подесенье — Киселевка 3, Чулатово, Змеевка (Терпиловский 1984, с.52, рис.24) и далеко в глубинах Днепровского Левобережья, в Курской и Белгородской областях, даже на Северском Донце (Митрофанова 1965). Памятники этой крайней юго-восточной зоны расселения постзарубинецких племен исследовал Е.А.Горюнов (Горюнов 1981) и работы продолжают его соратники по Днепровской левобережной экспедиции ИИМК. Активно ведут раскопки А.М.Обломский, Р.В.Терпиловский, Н.А.Тихомиров и другие. Славяно-сарматской экспедиции Гос.Эрмитажа тоже довелось раскопать своеобразный памятник у хутора Кулига на севере Белгородской области. По всем внешним признакам могильник с трупосожжениями, но среди пережженных косточек не оказалось ни одной человеческой, только кости животных. Пришлось трактовать памятник как "поминальник", место, где совершались некие ритуалы, связанные с погребальным обрядом. Сам же могильник был, возможно, из числа наземных, не оставляющих следов для археологов (Щукин 1990).

Ныне материалы всех исследований обобщены в серии работ А.М.Обломского и Р.В.Терпиловского (Обломский, Терпиловский 1991; Обломский 1991) (рис.85). На Десне и Судости выделена Почепская группа постзарубинецких древностей, в верховьях Сейма, Псла, Донца и Оскола — группа Картамышево-Терновка, к которой отнесены и довольно далеко отстоящие к юго-западу поселения около Осиповки на Орели. Датировка этой группы определяется глазчатой фибулой из Картамышева, ранними эмалевыми подвесками-лунницами в Картамышева и Бобрицы, фрагментами светлоглиняных амфор типов B, C и D по

Д.Б.Шелову (1978) и красноглиняных, аналогичных найденным в Танаисе I-II вв. н.э., бусами красного глухого стекла из Картамышева и Терновки. В целом дата укладывается во вторую половину I-II вв. н.э. Постзарубинецкие памятники, сохранившиеся в Среднем Поднепровье, объединены в группу Лютеж, а Среднебугские — в группу Рахны.

Особый интерес представляет группа Грини-Вовки (рис.86, C, D), памятники которой не многочисленны и разбросаны по широкой полосе от устья Березины (Абидня) до среднего течения Псла (Вовки), отмечены в устье Припяти (Грини), в среднем Подесенье (Змеевка, Мена 5), в устье Трубежа на Среднем Днепре (Решетки). От прочих эти памятники отличаются почти полным отсутствием лощеной и хроповатой керамики, отсутствием крышек или сковородок-дисков; наличием широкогорлых раскрытых горшков со штриховкой. Подмеченное А.М.Обломским сходство с упомянутой грпуппой Кистени-Чечерск на Соже-Березине действительно очень велико. Группа Грини-Вовки как бы разрезает надвое ареал расселения людей несущих собственно зарубинецкие традиции и движение выходцев из группы Кистени-Чечерск к югу было вызвано, вероятно, иными причинами, чем расселение прочего постзарубинецкого населения. Время этого движения однако определить достаточно трудно. Имеются лишь две хронологические привязки: в Гринях найден фрагмет краснолаковой чашечки конца I-II вв. н.э., а в Вовках обломок фибулы А 84 второй половины II — начала III в. н.э.

Таким образом, наблюдается любопытное археологическое явление. На обширных пространствах широкой контактной зоны лесо-степи и леса от Верхнего Поднестровья до Подесенья, верховьев Псла и Северского Донца разбросаны отдельные памятники или малые группы небольших недолговременных поселений, достаточно далеко отстоящие друг от друга. Они все более или менее синхронны где-то в рамках интервала второй половины I в. н.э. — начала, середины или конца II в. Верхняя граница не ясна и варьирует в разных группах. Жилища— по преимуществу полуземлянки достаточно разнообразные, но среди них не редкость жилища с центральным столбом. Набор керамических форм варьирует от группы к группе, но повсеместное преобладание горшковидных сосудов. Одни как будто восходят к зарубинецким, другие своей банковидностью и слабой профилировкой напоминают керамику лесной зоны. На ряде поселений встречаются черепки штрихованной керамики. Процент чернолощеной посуды по сравнению с зарубинецкой культурой значительно ниже. Лощеные миски иногда напоминают зарубинецкие, а иногда пшеворские. Есть и специфические формы — цилиндро-конические «почепские» миски. Для кухонной керамики характерным признаком является обилие шамота в тесте.

Материалы различных групп на этом огромном пространстве достаточно разнообразны и объединяет их сравнительно небольшое число интегрирующих типов. В качестве таковых выступают глазчатые фибулы «прусской» серии, цилиндро-конические чернолощеные «почепские» миски, тюльпановидные или округлобокие «зарубинецкие» горшки с насечками или пальцевыми вдавлениями по венчику, «суботовские» миски с валиком на поддоне, явно пшеворского происхождения, прорезные конические бронзовые «колокольчики» и некоторые другие вещи. Могильники кроме Рахнов, почти не известны, а имеющиеся могут оказаться такими же «поминальниками», как Кулига. За исключением Казаровичей (Максимов, Орлов 1974), где определения костей не проводилось, все прочие исследованы очень слабо (Горюнов 1981, с.29-34). Кроме того, и Казаровичи, и Кулига, также как могильники-поминальники Шишино на Донце и Приоскольское относятся к несколько более позднему времени, к началу формирования киевской культуры в конце II в. (Обломский 1991).

Наблюдаемое явление трудно было бы назвать археологической культурой, слишком велик разброс памятников и групп, слишком велика разница между ними по набору элементов. По аналогии с такими явлениями с других территорий и другого времени — горизонт Гроссромштедт, горизонт Духцов-Мюнзинген, горизонт Унтерзибенбрун — было предложено и это явление назвать горизонтом памятников типа Рахны-Почеп, памятуя условность этого названия и совсем не обязательное тождество с эпонимами (Shchukin 1989; Щукин 1986). Зубрецкая группа (Козак 1991) тоже может быть включена в этот горизонт на раннем этапе ее эволюции, тем более что определенные черты сходства с поднепровскими памятниками постзарубинецкого времени достаточно убедительно продемонстрировано Д.Н.Козаком и Р.В.Терпиловским (Козак, Терпиловский 1986). Как и другие «горизонты», горизонт Рахны-Почеп, вероятно, представляет группировки поселения, находящиеся в процессе расселения, которые уже вступили на путь интеграции, но по тем или другим причинам она не состоялась на всей территории, охваченной горизонтом. На Левобережье и в Среднем Поднепровье этот процесс завершился созданием киевской культуры. На Правобережье кроме участка непосредственно примыкающего к берегу на

Киевщине этому процессу завершиться не удалось.

Считать ли древности горизонта Рахны-Почеп поздним или заключительным этапом зарубинецкой культуры, как это делают Е.В.Максимов, С.П.Пачкова и др. или рассматривать их как самостоятельное постзарубинецкое явление — вопрос в конечном итоге не слишком принципиальный. Терминология всегда условна. Положение их двойственно. С одной стороны, очевидна преемственность с зарубинецкой культурой, с другой стороны — это явление новое, родившееся в новых условиях. Трудно назвать пункты, где наблюдалось бы постепенное перерастание зарубинецкой культуры в горизонт Рахны-Почеп. Подавляющее большинство памятников возникает на новых местах. Выявлены случаи и отчетливой стратиграфии. В устье Стугны в урочище Девичь-Гора классический могильник зарубинецкой культуры перекрыт слоем поселения I-II вв. (Циндровська 1984). Поэтому автор больше склонен ко второму решению.

«Взрыв» зарубинецкой культуры, «детонатором» которого было сарматское нашествие, вызвал не только образование горизонта Рахны-Почеп, но имел резонанс и во всей лесной зоне, во все четвертом мире, что отмечал еще в 1966 г. П.Н.Третьяков: «Юхновское и смоленское (днепро-двинское. — М.Щ.) население, вынужденное освободить берега Десны, двинулось на север, к верховьям Днепра и Волги, в пределы бассейна Западной Двины, а главным образом на восток, на Верхнюю Оку и в западные части Волго-Окского междуречья. В последней области, принадлежавшей дьяковским финно-угорским племенам, в начале нашей эры возникла смешанная культура с отчетливыми западными элементами — позднезарубинецкими и балтийскими...» (Третьяков 1966, с.231).

П.Н.Третьяков даже считал, что юхновское население в своем движении на север достигает Себежского поозерья юга Псковской области, хотя позднее он от этой идеи отказался. Однако последние открытия, находка на одном из поселений полуземлянки и черепков лощеной керамики (рис.91), очень напоминающей постзарубинецкую (Лопатин, Фурасьев 1994), заставляет подозревать, что в какой-то мере П.Н.Третьяков был первоначально прав — и столь далекие контакты и передвижения, возможно, имели место.

Ситуация осложняется, правда, еще одним обстоятельством. На некоторых городищах Литвы тоже иногда встречается чернолощеная керамика, например, на городище Мигонис. Здесь такая керамика могла иметь и другое, западное происхождение, за счет контактов с носителями западно-балтской или вельбаркской культур. С этой стороны проблему еще никто не рассматривал, а такой подход может оказаться перспективным для объяснения ряда явлений в лесной зоне.

В это же, вероятно, время на Оке начинается сложение мощинской культуры (Булычев 1889) с керамикой, напоминающей почепскую (Седов 1970, рис.11), а в дьяковской культуре резко, по экспоненте возрастает процент лощеной керамики (от 10% до 40%). Среди дьяковской керамики так же встречаются «почепские» миски (Розенфельд 1974, рис.41, рис.42, 17, 18; Смирнов К. 1974, с.79).

Неожиданно сходство с зарубинецкой культурой, особенно с полесским вариантом, горизонтом Рахны-Почеп и образовавшейся позже на его основе киевской культурой обнаруживается еще дальше на востоке — в именьковской культуре Среднего Поволжья и Приуралья (Старостин 1967; Матвеева 1981). Сходство проявляется и в обряде погребения, и в домостроительстве, и в формах керамики, в том числе и лощеной, и в украшениях (Матвеева 1981). Сопоставления Г.И.Матвеевой (рис.87) выглядят весьма убедительно, беглое знакомство с материалом у специалистов по зарубинецкой культуре тоже вызывает впечатление сходства, хотя со стороны поволжских археологов раздаются и решительные голоса против (Васюткин 1988).

Явление это остается загадочным. Не было ли зарубинецкое население Полесья переселено сарматами, захватившими Среднее Поднепровье, далеко на восток, на северо-восточные границы аорской конфедерации, чтобы создать пограничную зону пустоты, отделившую новых хозяев Поднепровья от носителей культуры штрихованной керамики? Насильственные переселения целых народов издревле практиковались владыками восточных деспотий. И создание пограничных зон «выжженной земли» тоже применялось кочевниками. Так позже гунны в переговорах с Приском, послом византийского императора, настаивали на такой зоне в пять дней пути на границах с Империей.

Как результат зарубинецкого воздействия П.Н.Третьяков рассматривал образование на Смоленщине, в зоне Днепро-двинской культуры, нового явления — памятников типа среднего слоя Тушемли, среднетушемлинской культуры. Постзарубинецкие элементы этого новообразования усматривают в черепках лепных чернолощеных мисок и в насечках по краю венчика больших горшков. Те и другие, правда, не очень многочисленны.

Хотя среднетушемлинская керамика

более толстостенна, имеет другие отощающие примеси в глиняном тесте и сильнее отогнутые венчики (рис.88), хотя средний слой городища Тушемля отдален от нижнего днепро-двинского стерильной прослойкой (Третьяков, Шмидт 1963, с.42-71), в этой культуре видят дальнейшее развитие днепродвинской культуры, потому что на ряде городищ находки обеих культур лежат в нерасчлененных слоях. Скорее всего основную часть среднетушемлинского населения составляли потомки носителей днепро-двинской культуры, пережившие, однако, серьезную культурную «встряску». И по времени эта «встряска» близка зарубинецкому «взрыву», чистый среднетушемлинский слой на эпонимном памятнике дал подвязную «верхнеднепровскую» фибулу середины — второй половины I в. н.э. — первой половины II в. н.э. (Третьяков, Шмидт, 1963, рис.21).

Поскольку в среднем слое Тушемли найдены фрагменты сосудов с типично юхновским «фестонным» орнаментом (Третьяков, Шмидт, 1963, рис.22, 26), можно думать, что на Смоленщину продвигалось из Среднего Подесенья не только постзарубинецкое население горизонта Рахны-Почеп, но и гонимое ими юхновское.

Нужно сказать, что слабая изученность юхновской культуры (за последние годы не появилось ни одной работы, ей посвященной), весьма ограничивает реальную реконструкцию интересующих нас процессов, делает ее в значительной мере ущербной. Возможно роль носителей этой культуры была значительно более существенной, чем мы можем себе представить сегодня.

Какие-то потрясения охватывают в I в. н.э. и культуру штрихованной керамики. А.Г.Митрофанов выделяет два основных этапа в жизни городищ этой культуры. На первом этапе поселения укреплялись только деревянной стеной (Августовское городище) или небольшим валом с напольной стороны. Обрывистые края площадок лишь дополнительно эскарпировались — Новоселки, Кимия, Оздятичи, Лабенщина (Митрофанов 1978, с.10-15). Керамика — банки и горшки, штриховка нерегулярная, формы и орнаментация сосудов ямками под венчиком сближает ее с посудой милоградской культуры (Митрофанов 1978, с.29-30, рис.12-14). Этот этап завершается большим пожаром, слой которого особенно отчетливо прослеживается в Лабенщине. После этого часть городищ была оставлена, часть основательно перестраивается. Площадки нивелируются, склоны подсыпаются, валы возводятся по всему периметру, иногда в несколько рядов. На городищах выявлены скопления камней, возможно, метательных снарядов на случай осады (Лабенщина). Возникает целый ряд новых городищ с такими же мощными укреплениями — Малышки, Збаровичи, Васильковка (Митрофанов 1978, с.15-28). Теперь характерной формой керамики становятся ребристые горшки, покрытые в нижней части регулярной штриховкой, а по ребру иногда ногтевым орнаментом и защипами (Митрофанов 1978, с.29-33, рис.15-17). Установить дату этих перестроек трудно, но показательны следующие находки (рис.89). На городище Новоселки, памятнике первого этапа найдена подвязная «верхнеднепровская» фибула (Митрофанов 1978, рис.19, 9) середины-второй половины I в. н.э. — середины II в. н.э. С другой стороны, в Малышках, на городище второго этапа, найдена позднелатенская фибула с расширенной спинкой, отдаленно напоминающая наухаймские (Митрофанов 1978, с.25, рис.22, 16). Вещь I в. до н.э. и быть может самого начала I в. н.э. Очень похожая найдена, кстати, на Бабиной горе в Среднем Поднепровье, на зарубинецком городище, погибшем под сарматским ударом (Максимов 1982, табл.XIX, 15). Парадоксальный случай обратной хронологии. Фибула раннего этапа позже фибулы позднего. А такое могло произойти лишь при одном условии — пожарища и начало перестройки городищ культуры штрихованной керамики относятся к тому сравнительно краткому временному интервалу где-то в пределах первой половины — середины I в. н.э., когда и те, и другие фибулы могли сосуществовать (Щукин 1994). Активность носителей культуры штрихованной керамики в I в. н.э. проявляется и в находках на городище Церковище на Смоленщине. Здесь, в зоне днепро-двинской культуры обнаружен памятник со штрихованой керамикой и с глазчатой фибулой прусской серии (Седов 1964). Штриховики продвигаются на восток. А возможно и на юг. Во всяком случае на ряде памятников горизонта Рахны-Почеп найдены фрагменты штрихованной керамики (Бидзиля, Пачкова, с.64; Заверняев 1969, рис.15-17) (рис.99). Не исключено, что эти же процессы подействовали на население группы Кистени-Чечерск, двинувшееся к югу, образуя группу Грини-Вовки.

Как уже отмечалось выше, происходят в это же приблизительно время какие-то изменения и в среде носителей культуры штрихованной керамики в Литве — на их пограничье появляются группы населения, практикующие погребальные обряды, и начинают вытеснять жителей городищ (Ушинскас 1988; 1989; Michelbertas 1986).

Остается только пожалеть, что до сих пор не появилось работ, посвященных всей культуре штрихованной керамики, где возможность взаимосвязанности всех процессов была бы изучена.

Пока же из всего сказанного можно

сделать лишь один вывод — около середины I в. н.э. лесной мир тоже «взбурлил», здесь происходят какие-то подвижки населения, какие-то социальные процессы. В это «бурление» возможно каким-то образом включается часть населения Прибалтики. С одной стороны, глазчатые фибулы, не случайно носящие названия «прусских», так обильно представлены в горизонте Рахны-Почеп, найдены на Смоленщине и в Белоруссии, на городище Ивань культуры штрихованной керамики (Егорейченко 1988).

С другой стороны, в лесную зону проникают подвязные проволочные фибулы «верхнеднепровского» варианта — Тушемля, Банцеровщина, Новоселки — что завершается, по мнению А.К.Амброза, созданием в Южной Прибалтике прогнутых фибул с подвязной ножкой (Амброз 1966, с.57-58, 60-62). Впрочем, существует и другая версия происхождения европейских подвязных фибул, через сарматов Венгрии (Kolnik 1965, с.202-217).

Несколько позже, уже к концу существования горизонта Рахны-Почеп, но тем же путем через лесную зону начнут распространяться подвески-лунницы с красной эмалью, а затем и другие эмалевые изделия (Корзухина 1978; Гороховский 1982; 1983).

Все события и процессы, столь смутно просвечивающиеся в археологическом материале, которые мы попытались по мере сил реконструировать в этой главе, происходили как раз в то время, когда писали свои книги Плиний Старший и Корнелий Тацит, первыми упомянувшие венетов-венедов, один из народов, особенно волнующих славистов.

5. Венеты Плиния и Тацита.

Мы не будем сейчас вникать во все перипетии долголетней дискуссии о локализации венетов на современной археологической карте. Весь ход рассуждений в данной работе привел нас в конечном итоге к тому же решению, которое уже предложили Д.А.Мачинский и М.А.Тиханова (Mačinskiy 1974; Мачинский 1976; Мачинский, Тиханова 1976), хотя шли мы несколько иным путем и выводы наши в некоторых нюансах отличны.

Мы, вслед за Д.А.Мачинским старались лишь избежать многократно повторявшихся ранее ошибок и следовать трем принципам: 1) не объединять воедино сведения различных разновременных источников; 2) рассматривать данные о венедах-венетах в контексте всего произведения в целом, учитывая обстоятельства и условия его создания; 3) сопоставлять их лишь с сугубо синхронными археологическими явлениями.

Итак, первым упомянул венедов в Восточной Европе Гай Плиний Секунд, именуемый Плинием Старшим, в отличие от его племянника и воспитанника, тоже известного писателя, Плиния Младшего, издателя трудов своего дяди. Родился Плиний Старший в 24 г. при Тиберии. При Клавдии служил префектом конной алы в войсках Корбулона в Нижней Германии. Участвовал в кампании 47 г., где имел возможность непосредственно познакомиться с зарейнскими германцами. Его сослуживцем был молодой Тит Флавий, будущий император. С семейством Флавиев вообще был дружен и с приходом их к власти входил в круг близких им лиц, занимал ряд видных административных и военных постов. Был прокуратором Нарабонской Галлии и Ближней Испании, префектом флота в Мизине. Ему была доступна самая важная государственная информация. О делах в Причерноморье доводилось ему беседовать и с Митридатом Боспорским, тем самым, из-за которого разразилась в 49 г. война между аорсами и сираками, и с наместником Мезии Плавтием Сильваном, поставившем в 62 г. римские гарнизоны в Херсонесе и Ольвии, и с его предшественником на этом посту старшим братом Флавиев Титом Сабином (Скржинская 1977).

Плиний, человек широко образованный, был не только государственным деятелем и офицером высокого ранга, был он кроме этого и ученым-энциклопедистом. Плодом его научных трудов явилась 37-томная «Естественная история», своего рода энциклопедия всех знаний его времени. Работал над ней Плиний до самой смерти, а погиб он в 79 г., организуя по долгу службы спасение жителей Помпей и Геркуланума при извержении Везувия. Книга 4 его труда посвящена географии и этнографии. Она отражает, в основном, ситуацию между 47 и 79 гг.

Для древних географов было большой проблемой сомкнуть данные о Скифии, полученные в Северном Причерноморье, с теми сведениями о Германии, Северном океане — Балтийском море и о территории далее на восток, которые были получены во время военных действий на Рейне, Везере и Эльбе и во время плаваний вдоль берегов Дании. Они понимали, что эти данные где-то должны сомкнуться, но в их распоряжении не было положительно никаких сведений о промежуточных землях. Страбон откровенно признавался в этом (Страбон, VII, 2, 4). Всезнающий Плиний здесь тоже путается. О странах к северу от Скифии он приводит фантастические данные эллинистических писателей об островах Океана, населенных коненогими, людьми с огромными ушами и т.д., которым сам не очень верит. Д.А.Мачинский думает, что и сведения о венедах,

непосредственно следующие в изложении Плиния за рассказами греков, могут восходить к тем же источникам и к тому же эллинистическому времени (Мачинский 1976, с.83-84). Нам же представляется более вероятным предположение, что источником была сумма разведывательных данных о Балтийском море, полученных римлянами во время действий к востоку от Рейна и на янтарном пути (рис.92).

Плиний начинает описание с полуострова (promuntorium) кимвров, т.е. Ютландии, за которым следует залив «Коданус Синус», наполненный островами. Крупнейший из них — «Скатинавия». «Другая же», «следующая», противоположная земля» (alterem orbem terrarum) не меньших размеров, называется Энингия, и заселена она вплоть до реки Вистлы сарматами, венедами, скирами и гиррами. Затем в своем описании Плиний возвращается к полуострову кимвров (Плиний, IV, 96). Таким образом, перед нами, как справедливо полагает Д.А.Мачинский, перипл, описание пути вокруг Балтийского моря. Представление о Балтийском море как об «изгибающемся в виде брови» большом заливе Океана (Codanus Sinus), свойственно не только Плинию, но и его предшественнику и современнику Помпонию Мела, написавшему свою «Хорографию» около 44 г. (Мела, III, 33), и могло оно возникнуть скорее всего в том случае, если бы было известно, что напротив Кимвровского полуострова, к востоку, за морем, заполненным островами, есть противоположная земля — литовско-латвийское побережье Балтики, «противоположный» берег. Поэтому Д.А.Мачинский и думает, что Энингия Плиния скорее всего — полуостров Курземе, где вплоть до средневековья жили некие венты, в XIX в. часть жителей именовалась «вентини», где сохранились такие топонимы, как река Вента и город Вентспилс (Мачинский, Тиханова 1976, с.63-64).

Существует, правда, мнение, что «противоположная земля» напротив «Скатинавии» — польское Поморье (Lowmiański 1963, с.152-153). Текст Плиния допускает и такую трактовку, но первое предположение представляется более вероятным.

Реальные знания о географии региона у Плиния были слабые. Коданус Синус ему кажется значительно большим и сильнее влающимся в континент, чем на самом деле. Курземе — лишь оконечность полуострова Энингия, а начинается он от мест обитания сарматов. Мы знаем, что северные сарматские памятники в это время достигают в Поднепровье района Киева, а в Поднестровье — Тернополя. О том, что сарматы достигли «неизведанных земель» Страбона, должен был знать и Плиний из бесед с Митридатом Боспорским, Титом Сабином и Плавтием Сильваном. Они-то люди информированные, во всяком случае о политической ситуации на территориях, непосредственно примыкающих к зоне их действий. Вслед за сарматами Энингию вплоть до Вислы заселяют венеды, скиры и гирры. О соотношении этих народов в пределах Энингии можно только гадать. Отметим только созвучие гирров и гариев Тацита, одного из племен лугиев (Тацит, Германия, 43), возможно, пшеворцев правого берега Вислы, проникновение которых в Поднестровье, а быть может и далее на восток в составе горизонта Рахны-Почеп археологически фиксируется.

Следует помнить, однако, что писал Плиний «Естественную историю», произведение естественнонаучное, а не историко-политическое и его замечания о расселении народов поэтому и были недостаточно подробны.

Вероятно, в таких трудах как «Анналы» и «Германские войны» он давал более точные сведения. Труды эти до нас не дошли, но ими широко пользовался младший современник писателя, друг его племянника историк Тацит.

Публий Корнелий Тацит, один из крупнейших римских историков, блестящий оратор и стилист — представитель уже следующего поколения. Плиний был приятелем его отца, прокуратора Белгики (Плиний, VII, 16, 76). В столице этой провинции Августе Треверов (современный Трир) в 57 или 58 г. и родился будущий историк. Родиной всего семейства была восточная Наробонская Галлия, заселенная племенами аллоборгов и гельветов. Так что по происхождению и по рождению он — провинциал. И не случайно проблемы римско-провинциально-варварских отношений волновали его всю жизнь, что и нашло отражение в его трудах. Семейство Тацитов — из сословия всадников, но с приходом к власти Флавии провели цензуру состава сената и ввели туда новых людей. Среди них оказался и отличившийся незаурядными ораторскими способностями молодой Корнелий Тацит, оказался среди тех, на кого Флавии расчитывали опираться в дальнейшем при управлении государством.

При Домициане он выполнял в 88 г. особо важную, по понятиям принцепса, задачу. Он стал одновременно городским претором, по сути дела, мэром Рима, и членом высшей жреческой коллегии квиндецимвиров, коллегии пятнадцати, в которой состоял и сам Домициан. В задачу Тацита входило, при сочетании этих должностей, проведение столетних игр «центрального пропагандистского мероприятия императора» (Кнабе 1981, с.54-68).

После секулярных игр, а они прошли успешно, ему было поручено какое-то важное задание в провинции. В источниках нет непосредственных указаний, где протекала

его служба в 89-93 гг., но большинство историков сходится на основании косвенных данных во мнении, что это был Нижний и Средней Рейн или примыкавшие к нему земли (Кнабе 1981, с.79).

Думается, что скорее всего это была Верхняя Германия, где только что было подавлено восстание четырех легионов во главе с наместником провинции Антонием Сатурнином и куда прибыл сам император, чтобы провести кампанию против хаттов. Возможно, при его штабе и работал Тацит, собирая сведения о германцах и Германии. Он один из тех референтов-специалистов, в которых всегда нуждаются правители и на объективность которых они могут положиться. А Тацит был экспертом именно по римско-галльско-германским отношениям.

Затем он вернулся в Рим. В 98 г. он опубликовал небольшую работу «О происхождении и местах обитания германцев», опубликовал в тот момент, когда к власти пришел Ульпий Траян, наместник Верхней Германии. Нового императора, последнего завоевателя в истории империи, отличала подлинно римская основательность. Все его кампании, и дакийская, и парфянская, были тщательно подготовлены, продуманы и рассчитаны.

И, если с этих позиций еще раз перечитать тацитовскую «Германию», то невольно возникает ощущение, что перед нами докладная записка штабного офицера-специалиста верховному командованию о состоянии дела в стане врага. Хотя личное отношение и собственные идеи Тацита в ней проскальзывают, он был талантливым писателем, а не бездушным чиновником, но в основе записки — объективность. Он взвешивает все достоинства и недостатки противника и его страны. Делалась она еще для Домициана, а адресована уже Траяну. И быть может работа Тацита сыграла известную роль в том, что Траян не стал осуществлять старого августовского плана захвата «Германии Либера», а воплотил в реальность более ранний план Цезаря — завоевание Дакии. Добросовестность и тщательность работы Тацита он оценил. Во время подготовки парфянской кампании в 112-113 гг. Тацит был проконсулом провинции Азия, где подготовка и осуществлялась.

Таким образом «Германия» — собрание наиболее точной и достоверной информации, в том числе и агентурных сведений о землях между Рейном и Дунаем, которые были доступны римлянам, и выполнена эта работа человеком в высшей степени компетентным, добросовестным и точным. Данная Тацитом картина расселения германских и негерманских племен в Центральной и Восточной Европе (рис.93), относящаяся, очевидно, ко времени 50-80-х гг., позволяет сегодня с достаточной долей достоверности сопоставлять ряд из них с группами определенных археологических памятников, что и сделано в отношении территории Германии в ряде работ Розмари Зейер (Germanen... 1976, с.49-55, 198-216).

Отправной точкой может быть отождествление памятников Чехии с маркоманнами Маробода, а могильников и поселений юго-западной Словакии — с квадами Ванния.

«И та часть свебов, о которой я поведу сейчас рассказ, тоже обитает на землях, простирающихся до самых глубин Германии. Ближе всего, — ибо я буду следовать вниз по Дунаю... — племя гермундуров, верное римлянам... В краю гермундуров начинается Альбис» (Тацит, Германия, 41).

С гермундурами немецкие исследователи сопоставляют ряд археологических групп от пограничья Рэции, где часть их поселил Домиций Агенобабр, вернувшись из похода за Эльбу; далее их поселения тянулись через Тюрингию, бассейн Заале и Унструта до дрезденского Поэльбья. На рубеже нашей эры они представлены основным массивом горизонта Гроссромштедт, а к тацитовскому времени несколькими скоплениями памятников, в культурном отношении составляющими сложный и неоднородный сплав элементов эльбско-германских, западных везерско-германских и субстратных кельтских реминисценций. Последнее сказывается и в их наименовании с суффикосм — dur (Germanen... 1976, с.387-396).

«А теперь следует рассказать о свебах, которые не представляют собой однородного племени, как хатты или тенкреты, занимая большую часть Германии, и посейчас еще расчленяются на много отдельных народностей, носящих свои наименования...

Среди свебов, как утверждают семноны, их племя самое древнее и прославленное... ими заселено сто округов, и их многочисленность и сплоченность приводят к тому, что они считают себя главенствующими над свебами.

Лангобардам, напротив, стяжала славу их малочисленность, ибо окруженные множеством очень сильных племен, они оберегают себя не изъявлением им покорности, а в битвах и идя навстречу опасностям. Обитающие за ними регдигны и авионы, и англии, и варины, и эвдосы, и свардоны, и нуитоны защищены реками и лесами» (Тацит, Германия, 38-40).

Поскольку лангобарды в «Анналах» Тацита неоднократно упоминались во вполне конкретных исторических ситуациях и известны другим авторам (Страбону, Патеркулу, Диону Кассию и Павлу Дьякону), приблизительное определение мест обитания этих

варваров не представляет труда. Юго-восточные соседи везерских хавков и северо-восточные соседи херусков и ангривариев среднего и верхнего Везера, лангобарды заселяли оба берега нижнего течения Эльбы (Germanen... 1976, с.374-381).

Перечисленные далее Тацитом племена кроме англиев и ревдигнов, позднее выступающих как часть племенного союза саксов, и заселявших в I в. Гольштинию, по другим источникам неизвестны. По всей вероятности, обитали они в озерно-лесистых районах Мекленбурга, но конкретное отождествление с археологическими группами в данном случае проблематично.

Между лангобардами и гермундурами, на средней Эльбе, обитали семноны, с которыми удачно сопоставляется группа памятников междуречья Эльбы и Хавеля (Germanen... 1976, с.381-383).

В Пригнитце, между поселениями семнонов и лангобардов западного Мекленбурга, выделяется еще одна группа памятников не находящая прямого соответствия тацитовской номенклатуре племен.

Зона пустоты отделяет хавельских семнонов от любошицкой группы на Одере, очень близкой пшеворской культуре. Сопоставление ее с племенем бургундов выглядит достаточно правдоподобго (Germanen... 1976, с.386; Leube 1975; Domański 1973).

Вернемся к исходной точке. Тацит сообщает: «Сзади к маркоманнам и квадам примыкают марсигны, котины, осы и буры... Все эти народности обосновались кое-где на равнине, но главным образом, на горных кручах и на вершинах гор и горных цепей. Ведь Свебию делит и разрезает надвое сплошная горная цепь, за которой обитает много народов: среди них самые известные — расчленяющиеся на различные племена лугии...» (Тацит, Германия, 43).

Сзади, т.е. к северо-востоку от маркоманнов и квадов (Тацит пишет для римлян и смотрит из Рима) может быть лишь одна горная цепь — Судеты-Татры-Карпаты. Земли к северу от нее, заселенные лугиями, очевидно, входили в понятие Свевия (Тацит, Германия, 43). Тогда котины и осы, соседи квадов и сарматов, которые в тацитовское время уже обосновались на Большой Венгерской низменности, — скорее всего жители гористых районов северной и восточной Словакии, носители культур пуховской и кельтодакийской земплинской, сохранявших еще элементы латенской цивилизации.

Если верны все те сопоставления, о которых шла речь выше, то остается лишь одна возможность — носители большой пшеворской культуры должны быть многочисленными лугиями. Мы не можем сказать ничего определенного об этническом лице лугиев-пшеворцев, мы не знаем, в какой мере они сохраняли состояние народа «между кельтами и германцами», но тесная культурная и историческая связь их с миром Германии Либера достаточно очевидна. Восточная граница пшеворской культуры в это время проходила по Западному Бугу (Dąbrowska 1973a, с.183).

«За лугиями живут готоны, которыми правят цари, и уже несколько жестче, чем у других народов Германии... Далее, у самого Океана, — ругии и лемовии; отличительная особенность всех этих племен — круглые щиты, короткие мечи и покорность царям.

За ними среди Океана обитают общины свионов; помимо воинов и оружия они сильны также флотом... Им свойственно почитание власти и поэтому ими единолично, безо всяких ограничений повелевает царь. Да и оружие в отличие от прочих германцев не дозволяется у них иметь каждому: оно всегда на запоре и охраняется стражей...» (Тацит, Германия, 44).

К проблеме археологического отождествления готонов мы обратимся несколько ниже. Скорее всего и их, и ругиев с лемовиями, следует искать в составе культуры вельбаркской и группы Густов Балтийского побережья от острова Рюген до низовьев Вислы.

В свионах большинство комментаторов Тацита видят жителей Скандинавии. Обращает на себя внимание близость структуры вельбаркской культуры со структурой многих групп вокруг Балтики (разнообразие черт и их сочетаемости, биритуализм, отсутствие оружия в могилах), что совпадает и со свидетельствами Тацита о сходстве социальной структуры готонов, ругиев, лемовиев, свионов и тех племен, которые были северными соседями лангобардов (Тацит, Германия, 40, 44).

«За свионами еще одно море — спокойное и почти недвижное, которым, как считают, опоясывается и замыкается земной круг...» Здесь «последнее сияние заходящего солнца не гаснет вплоть до его восхода и яркость его такова, что им затмеваются звезды». Речь идет, очевидно, о северных белых ночах. «Что касается правого побережья Свебского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев... они обшаривают море и по берегу, и на отмелях единственные из всех собирают янтарь...» (Тацит, Германия, 45).

Жители правого берега Балтики — Свебского моря — Коданус Синус, собирающие янтарь, очевидно, носители культуры западно-балтской.

«Здесь конец Свебии. (То есть она кончается на свинонах, эстиях и лугиях. — М.Щ.). Отнести ли певкинов, венетов и феннов к германцам или сарматам, право не

знаю, хоть певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеты переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне. У феннов — поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей... все свои упования они возлагают на стрелы, на которые из-за недостатка в железе, насаживают костяной наконечник... Все прочее уже баснословно...» (Тацит, Германия, 46).

Для того, чтобы по приведенному пассажу Тацита определить местоположение венетов, нужно прежде всего найти место певкинам-бастарнам. У самого историка нет на это никаких указаний. Они есть только у Плиния и мы их уже рассматривали (см. стр. 227-228). Бастарнов Плиния нужно искать в северо-восточном углу Прикарпатья, и наиболее реальной археологической группой, которая могла бы претендовать на роль бастарнов середины I в. н.э., являются памятники типа Гринева-Звенигорода и возможно зубрецкой группы.

Северные пределы области, где венеты «рыщут ради грабежа», определяются южной границей расселения древних угро-финских племен и групп охотников-саами, живущих еще по-неолитически — «феннов» Тацита. В Прибалтике эта южная граница четко определяется благодаря распространению в среде финнских племен своеобразного обряда погребения, когда остатки трупосожжений рассыпались среди каменных выкладок. Такие погребения известны на северной оконечности полуострова Курземе, в северной и северо-восточной части Латвии, в Эстонии и Финляндии (Граудонис 1967; Шмидехельм 1955; Salo 1968).

Другая группа угро-финнских племен представлена, вероятно, дьяковской культурой, где, что опять совпадает со свидетельством Тацита, вплоть до II в. н.э. применялись костяные наконечники стрел (Смирнов К.А. 1974, с.28-33, 78, табл.1). В таком случае западная граница дьяковской культуры очерчивает зону венетской активности с востока.

«Костеносными» являются также городища западного, точнее северо-западного варианта днепро-двинской культуры в среднем течении Двины и Себежском поозерьи юга Псковской области (Шадыро 1985, с.110-111).

Ареалы названных культур совпадают и с зоной распространения финно-угорской топонимики, перемежающейся с балтской.

Д.А.Мачинский уже обратил внимание исследователей на то место «Германии» Тацита, где он пишет, что «Германия отделена... от сарматов и даков обоюдной боязнью и горами» (Мачинский 1976; Mačinskiy 1974). Горы — очевидно, Карпаты. А с востока и юго-востока граница проходит не по Висле, а в некой неопределенно широкой зоне «взаимного страха». И действительно, восточная граница пшеворской культуры во времена Тацита не очень определенна. Пшеворцы в это время занимают междуречье Вислы и Западного Буга, проникая временами и восточнее. Зона «взаимного страха» соответствует «зоне археологической трудноуловимости», существовавшей и ранее между культурами пшеворской, западно-балтских курганов и зарубинецкой, а теперь расширевшейся за счет «воронки», образовавшейся в Полесье после зарубинецкого «взрыва». И простирается эта зона действительно вплоть до занятых сарматами земель Среднего Поднепровья. Окаймляют ее памятники горизонта Рахны-Почеп. Не оставили ли их «бродящие ради грабежа» венеты? Носители культуры этого горизонта действительно «исходили» все земли между «феннами» дьяковской культуры и бастарнами Верхнего Поднестровья. Ведь именно в этой зоне распространяется «почепская» лощеная посуда.

Но если строго следовать тексту Тацита, под наименованием «венеты» попадают и носители культур лесной зоны — штриховики и днепро-двинцы, трансформирующиеся в среднетушемлинцев. Археологически прослеживается взаимодействие и взаимопроникновение частиц обеих групп, претендующих на «венетство». В описанной выше ситуации более вероятным становится предположение, что венетами Тацита были носители культур штрихованой керамики и среднетушемлинской, а люди, оставившие памятники зарубинецко-пшеворского горизонта Рахны-Почеп, были теми бастарнами, из нравов которых венеды многое переняли.

Как уже говорилось (см. стр. 224-232), не исключено, что сам термин «венеты» был перенесен при Нероне по янтарному пути с побережья Адриатики в Прибалтику группами торговцев, мастеров-ремесленников и, возможно, людьми Полямониса. Быть может эти группы, своего рода «викинги до викингов» разносили по пространству между Балтикой и Поднепровьем «глазчатые» прусские фибулы, а затем вещи с эмалью, жгли городища штриховиков в Белоруссии и вообще принимали активное участие в процессе

«брожения», охватившем пространства лесной зоны «между бастарнами и феннами». Их имя и было перенесено информаторами Тацита на все население зоны.

Позднее южная часть участников этих процессов в результате «перетасовки» (Обломский 1991, с.79; Обломский 1992) интегрировалось в киевскую культуру (Терпиловский, Абашина 1992), а ее сложение было стимулировано новой опасностью, возникшей в конце II в. — проникновением готов. Необходимость противостоять пришельцам могла консолидировать различные группы населения.

6. Еще раз о проблеме готов.

«Громадное море с арктической, т.е. северной стороны имеет обширный остров по названию Скандза. С него-то и надлежит нам, с божьей помощью, вести нашу речь, потому что племя, о происхождении которого ты с нетерпением хочешь узнать, пришло на европейскую землю, вырвавшись подобно пчелиному рою из недр именно этого острова...» (Иордан, 9).

«Скандза лежит против реки Вистулы, которая, родившись в Сарматских горах, впадает в северный океан тремя рукавами в виду Скандзы, разграничивая Германию и Скифию...» (Иордан, 17).

«С этого самого острова Скандзы, как из мастерской племен, или вернее, как из утробы, по преданию вышли некогда готы с королем по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза.

Вскоре они продвинулись оттуда не места ульмеругов, которые сидели тогда по берегам океана; там расположились лагерем и, сразившись, вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив их к своим победам.

Когда там выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы воины готов вместе с семьями двинулись оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест он прошел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум.

Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни пройти, ни вернуться.

Говорят, что та местность замкнута, окружена зыбкими болотами и омутами, таким образом сама природа сделала ее недосягаемой...

Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в область Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы.

Отсюда, уже как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории» (Иордан, 25-29).

Это выдержки из труда историка Иордана, создавшего в 551 г., спустя почти 500 лет после описанных событий, небольшую книжку «О происхождении и деяниях гетов». Иордан сам гот, потомок тех, кто некогда переселился в Ойум, но человек образованный, эрудированный, из интеллигентной семьи, христианин. Его дед служил нотарием, т.е. ведал канцелярией аланского вождя Кандака, правителя Малой Скифии и Нижней Мезии. Сам Иордан занимал такую же должность где-то между 505-536 гг. при византийском военачальнике Гунтигисе Базе. Этот полководец был из числа тех готов-федератов, которых было немало в византийской армии, и принадлежал к знатному роду Амалов, из коего происходило и большинство готских королей — и Германарих, возглавлявший готскую державу в Причерноморье и разбитый гуннами, хотя непосредственно в генеалогию Амолов он и не включен, и Теодорих, основавший остготское королевство в Италии, и другие. Так что «исторические песни», на основе которых воссоздавал древнюю историю своего племени вестготский историк Аблавий (труд его до нас не дошел), были, вероятно, знакомы и самому Иордану.

В них, очевидно, было зерно исторической истины, как есть оно в «Песне о Нибелунгах» и в русских былинах, но размеры его сегодня уже установить трудно. Поэтому одни современные историки и археологи верят версии Иордана, другие верят меньше, третьи — не верят совсем. Слово за археологией — найдутся ли археологические следы переселения из Скандинавии в Поморье и дальше в Скифию.

Мы не будем здесь излагать ход долголетней дискуссии немецких, скандинавских и польских ученых. Читатель может найти его в специальном обзоре А.Пшевожной (Przewoźna 1972), в соответствующих разделах монографий Е.Кмециньского и Р.Хахманна (Kmieciński 1962; Hachmann 1970).

Взыскательность современных исследователей уже не могут удовлетворить ни

методические посылки берлинской школы Густава Коссинны, на основе которых велась разработка готской проблемы, ни прямолинейность археологической аргументации Эриха Оксенштерны, когда некоторые общие элементы в культурах Скандинавии и польского Поморья рассматривались как очевидный признак переселения народов, а наличие корня «гот» в названиях острова Готланд и провинций Вестготланд и Остготланд в Швеции, как свидетельства исходных пунктов миграции (Kossina 1896; 1940; Oxenstierna 1945). Недостаточность и шаткость такой аргументации достаточно убедительно показали работы Е.Кмециньского и Р.Хахманна.

В I в. н.э. в низовьях Вислы появляются новые элементы материальной культуры. Их насчитывали семь — трупоположения, отсутствие оружия в погребениях, грушевидные золотые и серебряные подвески, браслеты со змеиными головками, s-видные скрепы-застежки, орнаментальное сочетание хроповатости и лощения на сосудах и надмогильные сооружения из камней в виде концентрических кругов, каменных насыпей курганов и др. Эти элементы считались признаками возникшей здесь «культуры гото-гепидской». Е.Кмециньский наглядно продемонстрировал, что каждый из семи элементов распространен достаточно широко во всем Балтийском и Североевропейском регионе и все они, за исключением одного (каменных кругов на могильниках), не имеют глубоких корней в Скандинавии.

Памятники низовьев Вислы, зачисляемые ранее в так называемую гото-гепидскую культуру, продолжают, по мнению Кмециньского, древнюю оксывскую традицию, а готы, если и побывали в Поморье, то просочились на юг, не оставив здесь своих следов (Kmieciński 1962).

Но в таком случае факт появления и концентрации в Повисленье разнородных североевропейских элементов и трансформации оксывской культуры (сохранять ли это наименование для римского времени или нет — вопрос уже чисто терминологический) оставался необъясненным. Чувство неудовлетворенности исследователей не покидало. Вопрос оставался открытым.

Р.Хахманн, не верящий древним преданиям — а переселение из-за моря, «бродячий мотив германского фольклора», — предпочитает искать готов на континенте, где они, по его мнению, жили издревле (Hachmann 1970). О неудачной его попытке найти их в Мазовецкой группе пшеворской культуры мы уже говорили выше.

Вопрос о причинах изменения культурного облика жителей Поморья в I в н.э. он обошел молчанием, хотя сам же утверждал: «Понятие миграция по своему содержанию столь неопределенно, что можно, если хотите, сказать: нет миграций (Völkerwanderungen), есть лишь изменения населенности (Bevökerungsveränderungen) разной природы, по самым разным причинам, разнообразные по характеру и результатам» (Hachmann 1970, с.279). Он специально рассмотрел все очевидные случаи миграции древних германцев и пришел к малоутешительному для археологов заключению — все они выражены очень неотчетливо. Почти никогда не удается с достаточной точностью определить исходный район миграции, улавливаются лишь общие направления движения. Иногда можно археологически подтвердить факт эмиграции населения по уменьшению численности находок, но тогда трудно бывает определить, куда оно переселилось. Никогда не наблюдается полного переноса всего комплекса культуры на новую территорию. Фиксируется лишь инфильтрация отдельных элементов, причем движение их частично может быть обратно движению населения. Результатом миграции являются чаще всего изменения материальной культуры (степень и качество их могут быть различны), наблюдаемые или в конечном, или в изначальном районе миграции, или на ее пути. Инновации — отражение миграции, хотя не все инновации объясняются ими. Археологически переселение не может быть доказано, оно может лишь предполагаться. Таков смысл сделанных Р.Хахманном выводов.

А в облике культуры населения польского Поморья в I в. н.э. действительно произошли изменения, хотя ряд прежних оксывских могильников продолжал функционировать, но из могил исчезло оружие, появился биритуализм, стали употребляться новые виды украшений, в том числе и грушевидные филигранные подвески, широкие серебряные браслеты со змеиными головками и s-видные скрепы. Появились захоронения под каменными курганами и в выложенных камнями концентрических кругах. Если оксывская культура была тесно связана с пшеворской культурой сходством обрядов, оружия и посуды, то носители новой культуры имели мало контактов с южным соседом. Процесс образования новой культуры, процесс «изменения населения» (Bevölkerungsverändurungen) остался Р.Хахманном незамеченным (Godłowski 1970).

Его заметили зато польские археологи, раскопавшие целый ряд новых памятников — Одры и Венсёры на Кашубах (Kmieciński 1968; Kmieciński et alli; 1966), Гжибница и Гроново в междуречье Парсенты и Реги (Wołągiewicz 1977; 1977a), Варшава-Кавенчин и Брулино-Коски в Мазовии (Jankowska 1962; Kempisty 1968; Kempisty, Dąbrowski 1959-60), Цецеле и Ростолты в Подлясье (Jaskanis 1972; 1976) и другие. А советскими археологами сходные памятники были раскопаны в районе Бреста и на Волыни (Куха-

ренко 1980; Смішко, Свешніков 1961; Козак 1985; 1991).

При всех хронологических и локальных различиях, сходство их друг с другом и с известными ранее памятниками низовьев Вислы было очевидным, хотя и территориально, и по объему это уже не совпадало с прежним понятием «культура гото-гепидская». Избегая этнических этикеток, К.Годловский назвал это единство культурой восточно-поморско-мазовецкой (Godłowski 1970). Но название тоже оказалось не совсем удачным. Во-первых, выпадали ранние памятники западного Поморья и Кашубско-Крайенского Поозерья, во-вторых, возникали излишние ассоциации с поморской культурой раннего железного века. Тогда Р.Волонгевич предложил иную терминологию. Вся культура получила название вельбаркской, по могильнику Вельбарк-Госцишево (бывший Вилленберг) с двумя временными и территориальными подразделениями — культурой вельбаркско-любовидзской, распространенной на ступенях B1-C1 римского времени от западного Поморья до низовьев Вислы, и культурой вельбаркско-цецельской, ступеней C1-D1, включавшей соответствующие памятники Повисленья, Мазовии, Подлясья, Белоруссии и Волыни (Wołągiewicz 1974).

Когда в 1979 г. польские и советские археологи собрались в старинном поморском городе Слупске на симпозиум «Проблемы культуры вельбаркской», споров о терминах и о содержании самого понятия этой культуры не было. Терминология Р.Волонгевича была принята единодушно. Доклады, посвященные различным аспектам этой культуры и ее соотношениям с соседними, хорошо стыковались друг с другом, получалась мозаичная, но достаточно цельная картина, наиболее ярко обобщенная, пожалуй, Р.Волонгевичем (Wołągiewicz 1981d). Он выделил шесть локальных вариантов, шесть «стреф», где развитие протекало в сходном ритме, но не однозначно. У населения каждой из них — своя история (рис.94; 95; 96; 97).

«Стрефа» A — Нижнее Повисленье, от впадения реки Брды (около Быдогоща) до побережья Гданьского залива. Большая часть памятников этого региона — оксывские, начиная со ступени B1, они приобретают некоторые характерные признаки вельбаркской культуры и существуют в ее составе вплоть до эпохи переселения народов. Серьезных изменений в заселенности этой «стрефы» за все это время не происходило.

Прежнее оксывское население продолжало жить в римское время и в «стрефе» B, на Словиньском побережье и в Дравском поозерье, в северной части Слупского и в Кошалинском воеводстве. Однако представлена здесь лишь любовидзская стадия. К моменту образования культуры вельбаркско-цецельской на ступени B2/C1a, т.е. на рубеже II-III вв., могильники этого региона были оставлены.

«Стрефа» C особенно интересна для готской тематики. Она охватывает Кашубско-Крайенское поозерье, пустовавшее в оксывское время, и часть Великопольши к югу от Нотеца, междуречье Варты и Обры, район Познани, заселенный до появления здесь вельбаркцев носителями пшеворской культуры. Все вельбаркские могильники здесь были заложены приблизительно в одно и то же время — в конце ступени B1 и в начале B2a, т.е. в 50-90-е гг. I в., и только два самых юго-западных памятника в Великопольше — Бабимост и Бройце — основаны были несколько позже, в B2c, т.е. приблизительно в середине II в. И все памятники этой группы прекратились, как и в «стрефе» B, в момент образования вельбаркско-цецельской культуры, на рубеже II-III вв.

В «стрефе» C практически нет памятников, продолжающих местную традицию, все заложены заново. И именно здесь сконцентрированы биритуальные могильники с каменными курганами, концентрическими кругами из камней, и большими, до 36 м в диаметре, ординарными кругами, составленными из больших каменных стел, обращенных плоской стороной внутрь круга. Стелы соединены по окружности кладкой из камней более мелких. Иногда их основания тоже окружены камнями. В центре круга — одна-две больших стелы. Четыре таких сооружения раскрыты в Гжибнице, пять — в Одрах, четыре — в Венсёрах. Большие камни этих сооружений установлены так, что они могли служить визирами на точки восхода в дни солнцестояний (Müller 1970). Это как бы уменьшенная и упрощенная копия Стоунхенджа и дакийских святилищ.

В связи с раскопками в Гжибнице Р.Волонгевич внимательно сравнил конструкции поморских каменных курганов и сооружений с таковыми же в зоне ясторфской культуры, в зоне западно-балтских курганов и в Скандинавии. Он пришел к заключению, что совпадения во всех деталях можно найти лишь в Скандинавии — в западной Швеции и в Норвегии (Wołągiewicz 1977a).

Благодаря появившимся недавно анализам по C14 выяснилось к тому же, что бедные находками каменные круги Скандинавии старше вельбаркских, а не младше, как полагали ранее (Myhre 1971; Jaanusson 1967; Sahlstrom 1942). Что касается больших каменных кругов со стелами-визирами, то Р.Волонгевич думает, что они могли выпол-

нять несколько функций. Их устраивали при закладке новых кладбищ, как святилища под открытым небом, служившие одновременно и местом собраний-тингов. Найденные же внутри этих кругов захоронения с очень бедным инвентарем не являются погребениями в полном смысле этого слова. Это остатки совершавшихся здесь человеческих жертвоприношений. По набору находок могильники с каменными конструкциями не отличаются от прочих вельбарско-любовидзских памятников ступени B2 и B2/C1. Здесь тот же ассортимент фибул, браслетов, украшений, керамики и изменения в их составе происходят в том же ритме, что и в других стрефах.

Поскольку памятники с каменными конструкциями в вельбарско-любовидзской культуре занимают особую территориальную и хронологическую позицию, думается можно было бы говорить об особой группе Одры-Венсёры в составе вельбаркской культуры.

В «стрефе» D вельбарско-любовидзской культуры, охватывающей Илавское и Ольштынское поозерья памятники появились тоже не в первый момент возникновения этой культуры, а несколько позже, на ступени B2b и B2c, и тоже были заложены на новых местах. Но если в «стрефе» C возникновение могильников связано скорее всего с выходцами из Скандинавии, то здесь это результат продвижения на восток жителей Нижнего Повисленья. Заложенные ими могильники существовали и на цецельской стадии, а с ее началом в этот район наблюдается дополнительный приток населения. На ступени B2/C1 — в последней трети II в. — был основан могильник Полвитен, а с началом C2 — Борнице (Wołągiewicz 1981d).

На ступени B2/C1a, т.е. в конце II — начале III в. н.э. вельбаркская культура переживает существенные изменения. Население «стреф» B и C продвинулось, вероятно, на восток, и территории эти на некоторое время запустели, а затем были заняты, начиная со ступени C2, с конца III в., носителями дембчинской группы, тесно связанной с эльбским культурным кругом (Wołągiewicz 1981, с.210-216). Зато носители вельбаркской культуры заселили «стрефу» E — правобережную Мазовию и Подлясье, междуречье Вислы и Буга, а также поречья Вкры и Нарева.

Проникли они и дальше к юго-востоку, в «стрефу» F — в западную Белоруссию и на Волынь. Образовалась культура вельбарско-цецельская. Прежнее пшеворское население нидицкой группы и Мазовии частично включилось в состав новой культуры, но большая часть пшеворских могильников была оставлена. Новые могильники закладывались как выходцами из «стреф» A и B, где не было каменных надмогильных конструкций, так и выходцами из «стрефы» C, принесшими на новые земли и свои погребальные обычаи — Цецеле, Ростолты (Jaskanis 1972; 1976).

В «стрефе» F могильников с сооружениями из камня пока не обнаружено, что связано или со слабой исследованностью этих районов, или с утратой двигавшимися племенами древней традиции (Szczukin 1981 с.150-151). Проникновение носителей вельбарско-цецельской культуры на юго-восток не ограничилось только Волынью, их появление зафиксировано и в Посеймье — погребение у с.Пересыпки, где урной служил сосуд, сочетающий орнаментальное чередование шероховатой и лощеной поверхностей (Кухаренко 1970), и в Молдове — могильник Козья-Яссы (Ioniţa 1972). Самое же южное погребение, где в качестве урны использована достаточно типичная вельбаркская миска, оказалось на правом берегу Нижнего Дуная, в Добрудже около Мангалии (Iconomu 1968, fig.36, p.256) (рис.98).

При внимательном рассмотрении хронологии вельбаркских находок в Белоруссии, на Украине и в Молдове удается уловить две волны проникновения с северо-запада: брест-тришинскую (Брест-Тришин, Пересыпки, Величковичи, Любомль, Городок) ступени C1a, около 200 г., т.е. времени образования вельбарско-цецельской культуры, и более позднюю дытыничскую (Дытыничи, Ромош, Козья Яссы) и др. ступени C1b и C2, т.е. приблизительно между 220-330-ми годами. Две аналогичных волны заселения наблюдаются и в Мазовии (Kempisty 1966, с.67-79), и в «стрефе» D Волонгевича.

Параллельно и переплетаясь с движением вельбаркцев, на Украину в это же время проникали и новые волны пшеворского населения (Śmiszko 1932). Движение с северо-запада сыграло определенную роль в сложении в Причерноморье черняховской культуры (Szczukin 1981). Но это особая тема, которой мы не можем сейчас касаться.

Если реконструируемая картина, складывающаяся из параллельных исследований польских, русских и украинских коллег, приближается к действительности, то она удивительно точно ложится на события, описанные Иорданом. Между появлением группы Одры-Венсёры (в 50-70-е гг.) и началом брест-тришинской волны проникновения вельбаркцев в Скифию (в последней четверти II в. или около 200 г.) прошло приблизительно 100-125 лет. На каждого из пяти королей от Берига до Филимера приходится по 20-25 лет. Масштаб вполне реальный. Направление движения тоже совпадает. Если воины Филимера достигали Посеймья, то они должны были двигаться по труднопрохо-

димому болотистому Полесью, а страна Ойум «окружена зыбкими болотами и омутами» и трудно досягаема.

По другим источникам готы уже определенно фиксируются в районе Нижнего Дуная в 238 г.

Со спалами-сарматами, а Плиний включал спалеев в число сарматских племен (Плиний, VI, 15, 22) готы должны были столкнуться в Среднем Поднепровье. Сарматские памятники этого региона — не позже начала III в., хотя верхняя дата этой группировки и не определяется с необходимой точностью (Щукин 1972, с.48). Вторая, дытыничская волна вельбаркского движения могла бы соответствовать отставшим «ленивым» гепидам (Иордан, 95).

Тацит, писавший свою «Германию» в 98 г., т.е. в то время, когда группа Одры-Венсёры уже освоила Кашубско-Крайенское поозерье, помещал готонов к северу от лугиев, носителей пшеворской культуры, но не на самом побережье (Тацит, Германия, 44). И «стрефа» С Р.Волонгевича не достигает берегов Балтики. Кашубско-Крайенское поозерье и есть, вероятно, Готискандза Иордана. На побережья же, по К.Тациту, живут лемовии и ругии. Их Иордан объединил, возможно, в ульмеругов. Тогда они могут быть носителями вельбаркской культуры «стреф» А и В, а может быть, и густовской группы западного Поморья, побережья Грайфсвальдерского залива и острова Рюген (Schubart 1954-55; Leube 1968; Wołągiewicz 1981a, с.201-205) (рис.95).

Столкновение готов Берига с вандалами находит, быть может, археологическое отражение в появлении памятников типа Одры-Венсёры в Великопольше, в районе Познани. В литературе уже неоднократно отмечалось, что лугии и вандалы скорее всего лишь два названия одной и той же группировки племен.

Кстати, если принять крайний рубеж нижней даты группы Одры-Венсёры (около 50 г.) за реальное время их появления, то выявится и возможная причина движения «бесчисленных племен лугиев» на юг, в Словакию и в Поднесторовье. И быть может не случайно зафиксированный в звенигордской группе Верхнего Поднестровья очень специфический погребальный ритуал — вбитое в землю оружие — находит прямые соответствия в поречье Вкры, вблизи вельбаркско-пшеворского пограничья, а на раннем этапе вельбаркско-любовидзской культуры появляются браслеты с шишечками на концах. Браслеты в культурах позднего предримского времени вообще редки, но зато достаточно распространены в сарматском мире. Лугии, как помним, столкнулись с языгами, а часть потомков готонов Катуальды, входивших в царство Ванния после его поражения могла вернуться в хинтерланд, в Западное Поморье.

Возникает, однако, одно противоречие, которое требует объяснения. Готоны Катуальды действовали в центре Европы по крайней мере лет за тридцать до основания могильников Одры-Венсёры, до появления Берига в Готискандзе. Раньше уже было отмечено, что этих готонов следует искать где-то на западном пограничье вельбаркской культуры, в западном Поморье, в густовской группе или на среднем Одере, в группах любусской или густовской, во всяком случае в тех районах, которых достигала чешская марободовская волна римских импортов. Не противоречит ли это сказанному о готах выше? Противоречит. И выход видится здесь лишь один: в Слупске Ежи Колендо выдвинул предположение, что «исторические песни», на которых основывались Аблавий и Иордан, повествовали лишь о готах руководимых родом Амалов, и нельзя ставить знака равенства между этим родом с зависящими от него людьми и готами в целом (Kolendo 1981, с.73-74). Короли вестготов, в частности, происходили из рода Балтов (Иордан, 42, 146). Если догадка Е.Колендо верна, то сообщение Иордана всего о трех кораблях Берига (Иордан, 95), можно было бы понимать буквально, и все остальное более или менее становится на свои места.

Готоны — другая группа готов, появившаяся на континенте раньше и другими путями. Скорее всего через Ютландию. Вспомним уже отмеченное сходство густовской керамики с ютландской (Wołągiewicz 1981a, табл.XXVIII, 1-6, 12, 15).

Характер наблюдаемых передвижений носителей вельбаркской культуры свидетельствует, что в данном случае не было одноразового переселения больших групп населения. Мы имеем дело не с одноразовой миграцией, а со своего рода «ползучей миграцией», в ходе которой происходили постепенные передвижения различных, не очень больших групп населения. Пути и судьбы их были различны. Переселение готов, из которых потом вышел род Амалов, было в этом процессе лишь одним из эпизодов. Ведь в Причерноморье появились не только вестготы, остготы и гепиды, но и герулы, бораны, уругунды, тайфалы и, возможно, другие племена, не зафиксированные письменными источниками. Сходная ситуация могла быть и на самых первых этапах движения.

Если готы, руководимые родом Амалов действительно составляли группу Одры-Венсёры, то не они были создателями вельбаркской культуры. Она начала складываться раньше и причины ее образования еще предстоит выяснить. Возможно участие готонов в союзе Маробода и действия Катуальды были определенным стимулом. Так могло бы

объясниться распространение здесь биритуализма и некоторые неожиданные проявления «кельтского ренессанса» — своеобразные проволочные волнистые гривны и браслеты, ажурные подвески и др. (Kostrzewski 1961). С Катуальдой готоны попали в зону посткельтских традиций. Но в целом и процесс сложения вельбаркской культуры, и проблема соотношения различных групп балтийского региона еще ждут своих исследователей. Пока что археологически всего отчетливей улавливается лишь поморский эпизод истории готов и начало их движения в страну Ойум.

Роль готов в реконструируемой нами картине достаточно значительна. Ведь образование вельбаркской культуры, появление выходцев из Скандинавии с «стрефе» С вызвало два импульса. С одной стороны, двинулись к югу пшеворцы-лугии, «несметные силы» которых напали на Ванния и проникли, вероятно, в верхнее Поднестровье. С другой стороны, они, вероятно, сдвинули с места и носителей культуры западно-балтских курганов, что в свою очередь, возможно, привело к появлению новых групп в Литве и их столкновению с носителями культуры штрихованной керамики.

А когда через 5 поколений готы Филимера двинулись в страну Ойум, чему соответствует движение носителей вельбаркской культуры в Мазовию и на Волынь, то это прервало процесс интеграции населения горизонта Рахны-Почеп, разрезало его. В восточной части образовалась «киевская культура», а западная зубрецкая группа частично включилась в процесс формирования черняховской культуры.

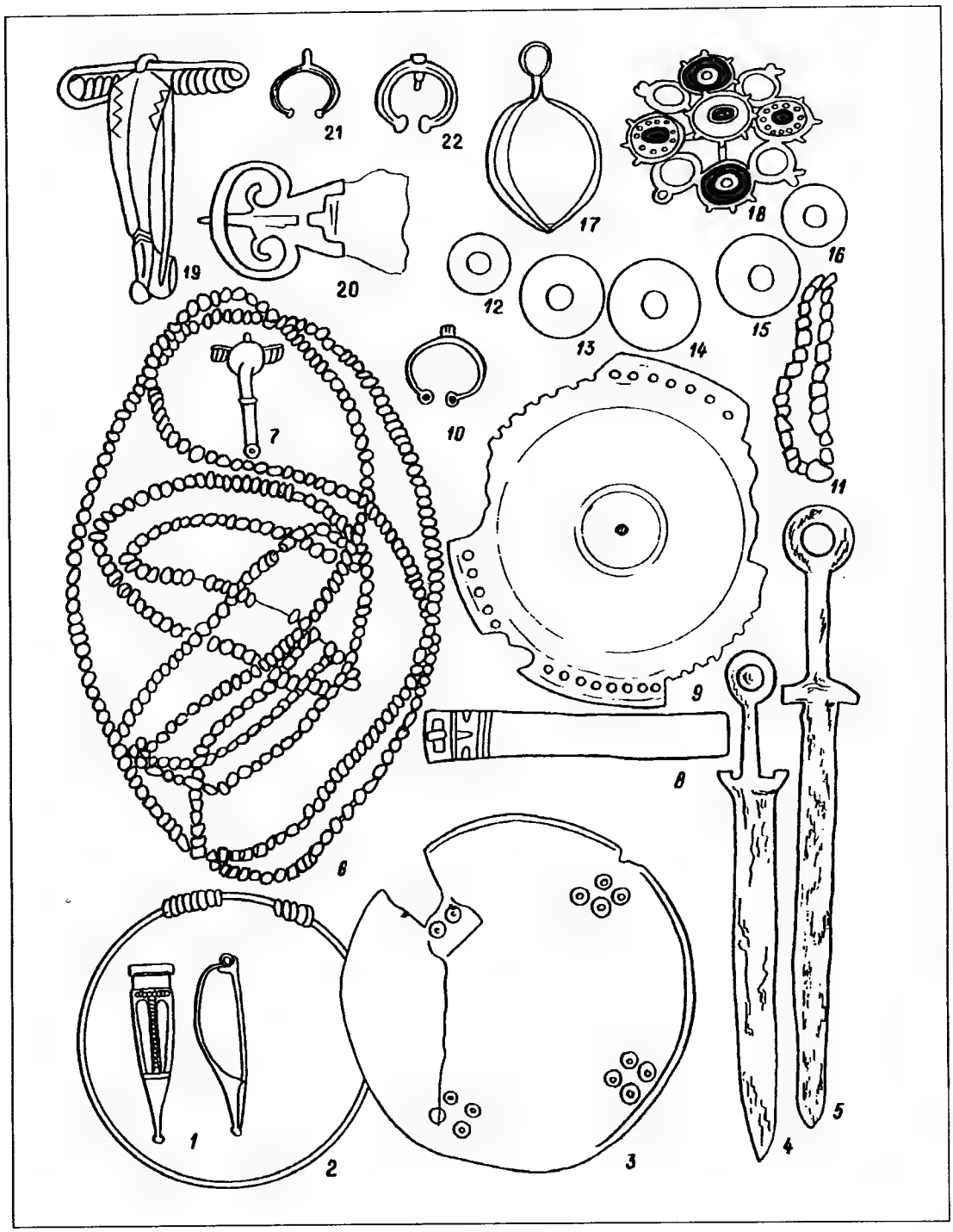


Рис. 74. Находки с сарматских памятников в Венгрии. 1,2 — фибула Аукисса и браслет из погр.17 в Шегед-Фельшопушатсер; 3 — зеркало из погр.22 в Ходмезовашархели-Фехерто; 4 — меч с кольцевым навершием и вставленной в него стеклянной бусиной, Сентес-Киштоке, погр.143; 5 — меч из Кишкумфелгихаза; 6 — пастовые бусы из погребения145 в Сентес-Киштоке; 7 — «трубчатая» фибула из того же погребения; 8 — «сарматская» серебряная пряжка из Монора; 9 — зеркало из погребения 8 в Кишкереш-Чукасто; 10 — золотая подвеска-лунница с голубой эмалью из погр.7 в Кишкереш-Шерегели; 11—18 — вещи из погребения 7 в Кишкереш-Чукасто (браслет из мелких халцедоновых бус, крупные бусы из халцедона и кварцита, большая стеклянная бусина в бронзовой оправе, провинциально-римская, галло-паннонская фибула с эмалью); 19,20 — серебряная фибула и железная пряжка из погр.1 в Сонград; 21,22 — золотые лунницы из Эгера и Кишкумфелгихаза.

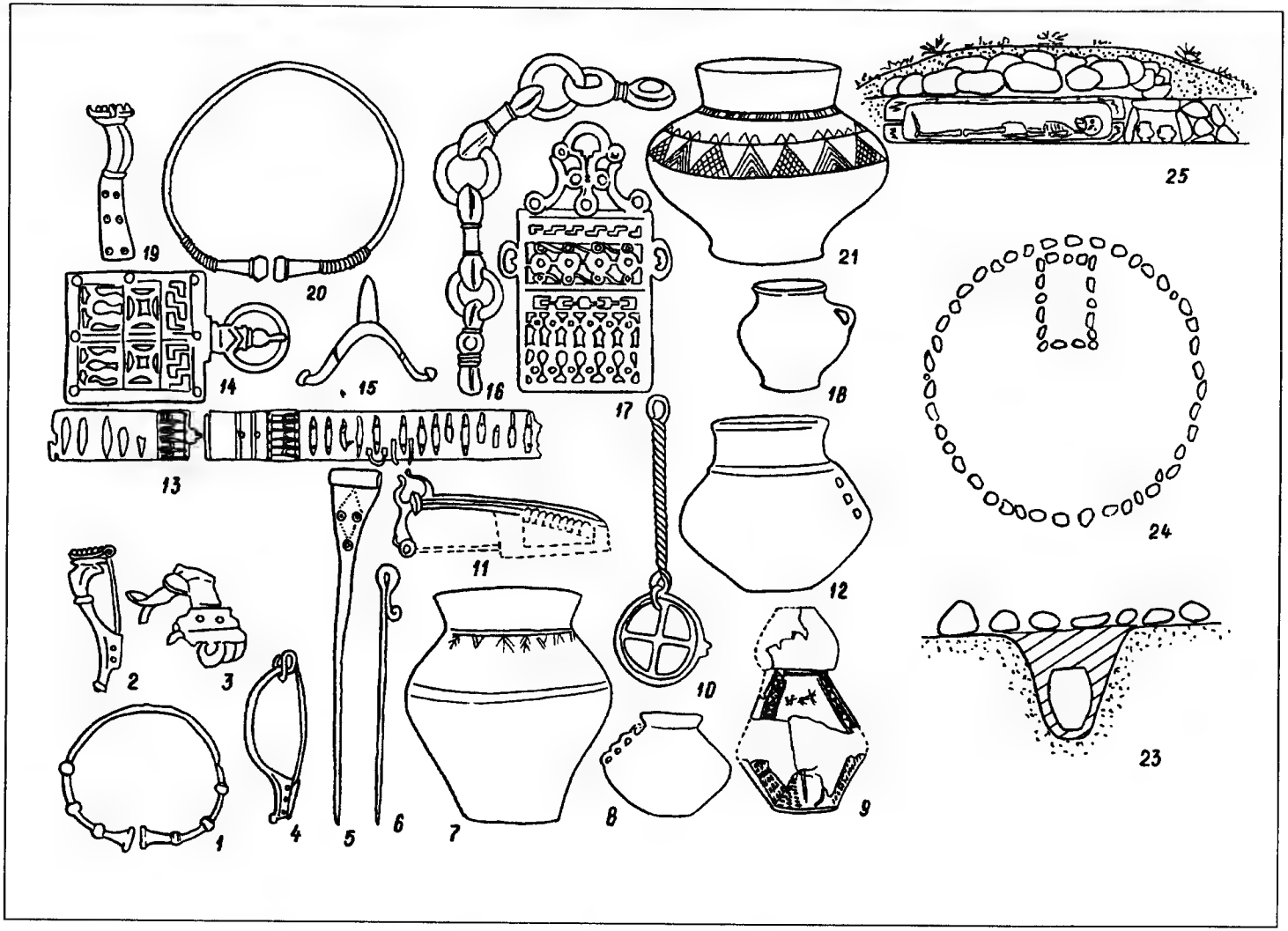


Рис. 75. Культура западно-балтских могильников раннеримского времени (Богачевская культура).
1 — Бывший Эспенхайм; 2 — Гизыцко; 3 — Гурьевск; 4 — Крукланки; 5 — Радужное; 6 — Гуты; 7 — бывш. Рингельс; 8 — Гжибово; 9 — Никутово; 10 — Гизицко; 11 — бывш. Эспенхайм; 12 — Ярославское; 13 — Поваровка; 14 — Коврово; 15 — Полесье; 16—17 — Русское; 18 — Ярославское; 18—21 — Коврово; 23 — урновое захоронение с каменной обкладкой, Светлогорск; 24 — курган с каменным кругом, Ярославское; 25 — каменный курган с трупоположением в деревянном гробу, Хрустальное.

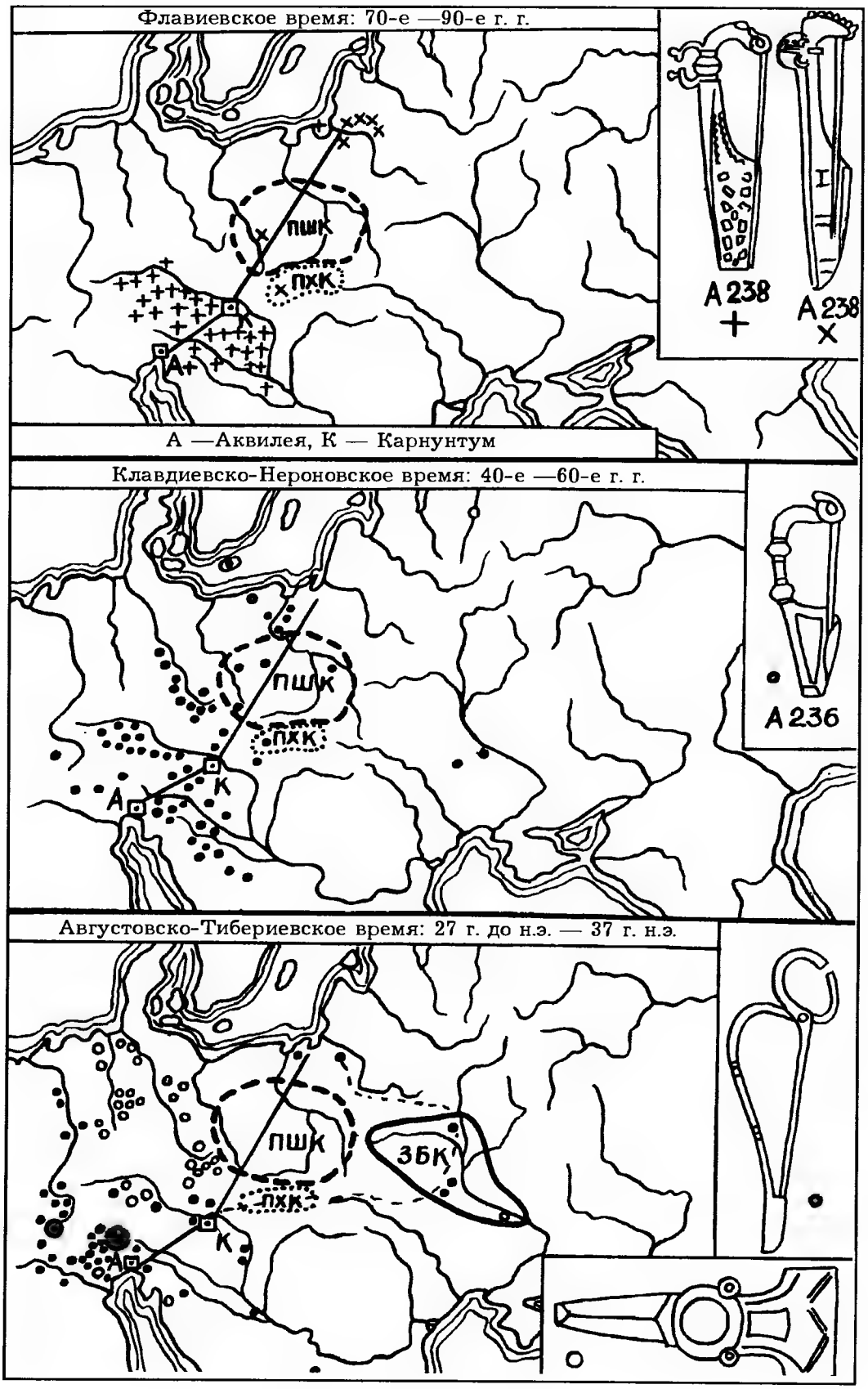


Рис. 76. Янтарный путь.

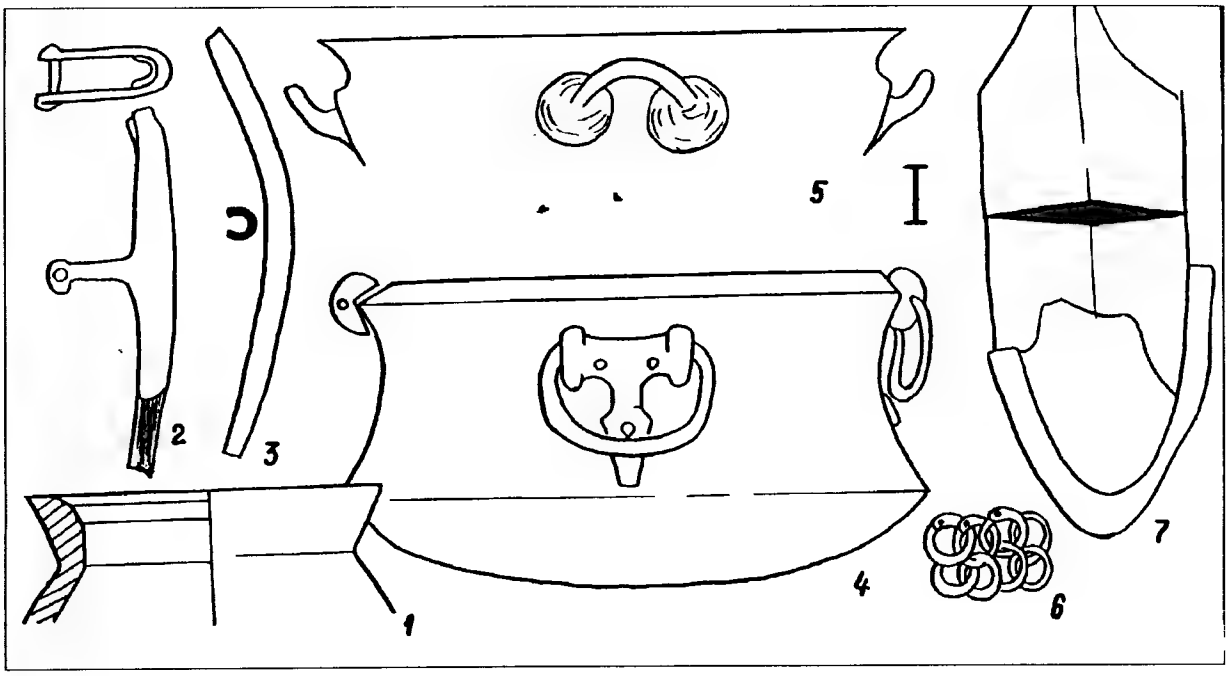


Рис. 77. Комплекс из Рэкэтау.

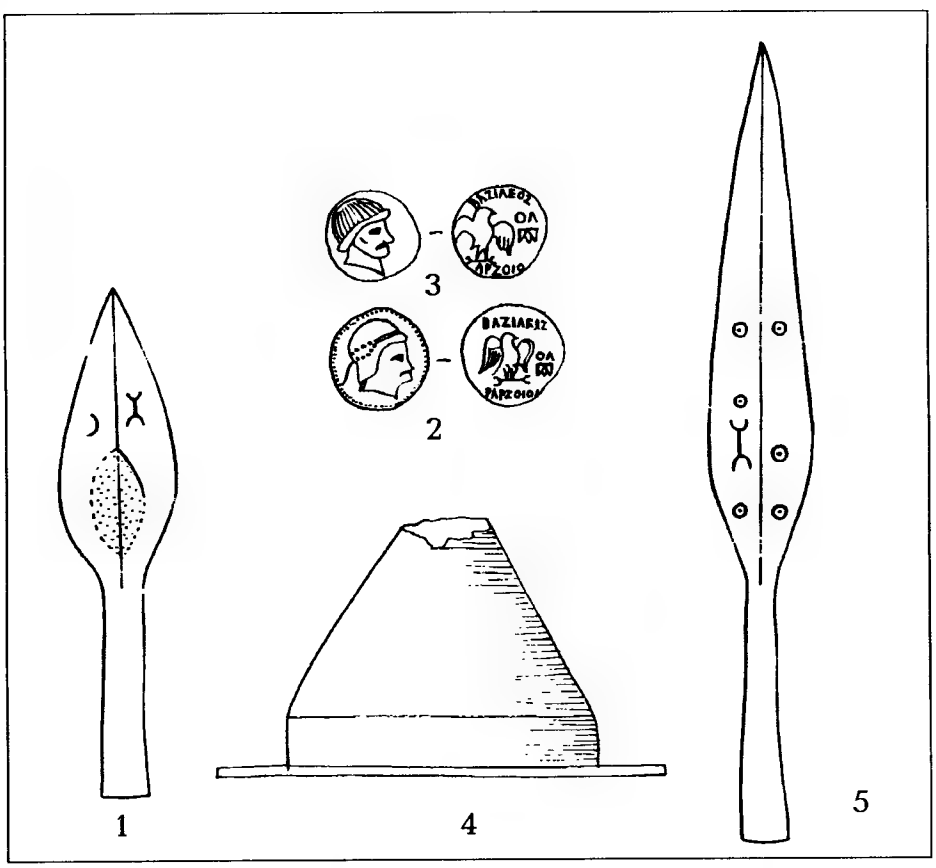


Рис. 78. Монеты царя Фарзоя (2,3), германские копья с его тамгой из Валле в Норвегии (1) и Бодзаново в Польше (5); умбон щита из сарматского погребения в Высочино на Дону (4).

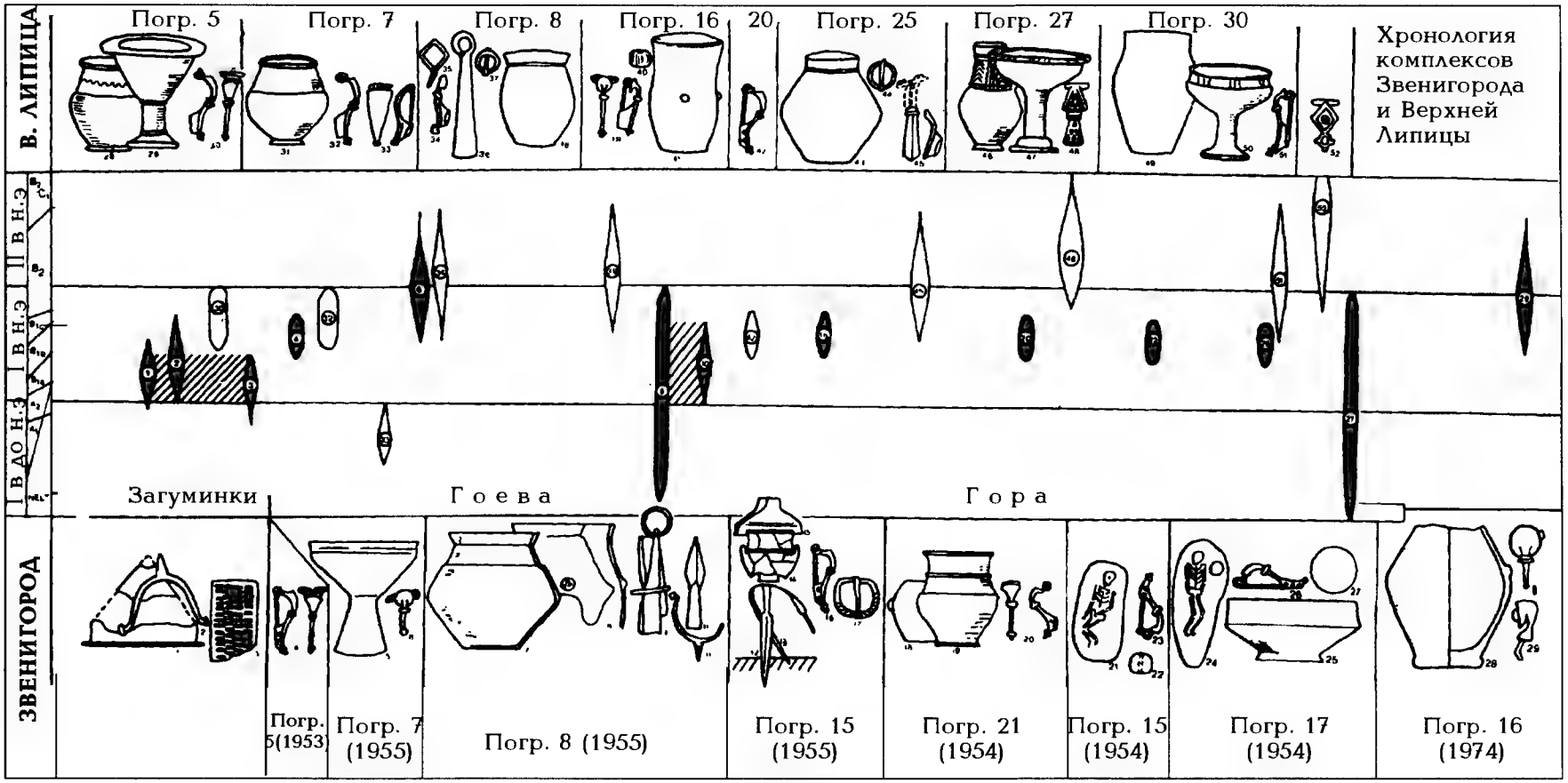


Рис. 79. Сопоставление хронологии погребений Звенигородской группы и могильника в Верхней Липице.

Рис. 80
кийска
ники
тынец
Земпл
Морещ
— Луч
лик, 1
Тецка

II: 1,2
вестн

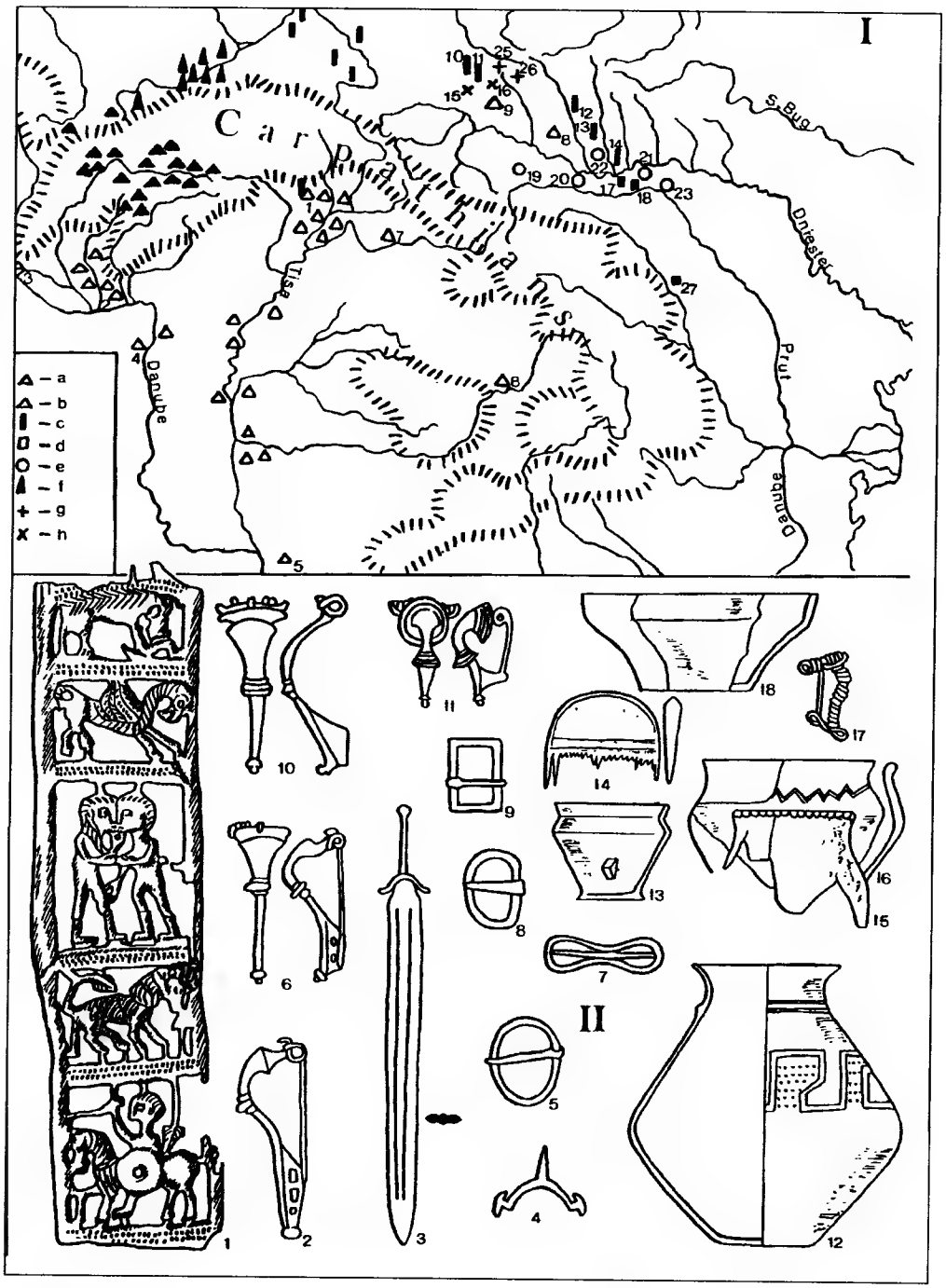


Рис. 80. Памятники Верхнего Днестра и Прикарпатья. Карта I: a — земплинская (кельто-дакийская культура); b — пуховская культура; c — пшеворская культура; d — поздние памятники культуры Поянешти-Лукашевка; e — сарматские памятники; f — кельто-пшеворская тынецкая группа; g — липицко-зарубинецкие памятники; h — звенигородская группа. 1. Земплин, 2 — Нитранский градок, 3 — Девин, 4 — Геллертеги-Табань, 5 — Живодар, 6 — Морешти, 7 — Бобове, 8 — Колоколин, 9 — Чижиково, 10 — Пидберизцы, 11 — Чишки, 12 — Лучка, 13 — Монастыриха, 24 — Горошев, 15 — Звенигород, 16 — Гринев, 17 — Круглик, 18 — Долиняны, 19 — Островец, 20 — Киселов, 21 — Лейковцы, 22 — Задрость, 23 — Тецкани, 24 — Бурякивка, 25 — Ремизовцы, 26 — Майдан Гологирский, 27 — Рэкетэу.

II: 1,2 — Гринев, погр.6 (1976); 3—11 — Гринев, из раскопок 30-х годов, комплексы неизвестны; 12 — Монастыриха; 13—14 — Майдан Гологирский; 15—18 — Ремизовцы.

Рис. 79. Сопоставление хронологии погребений Звенигородской группы и могильника в Верхней Липице.

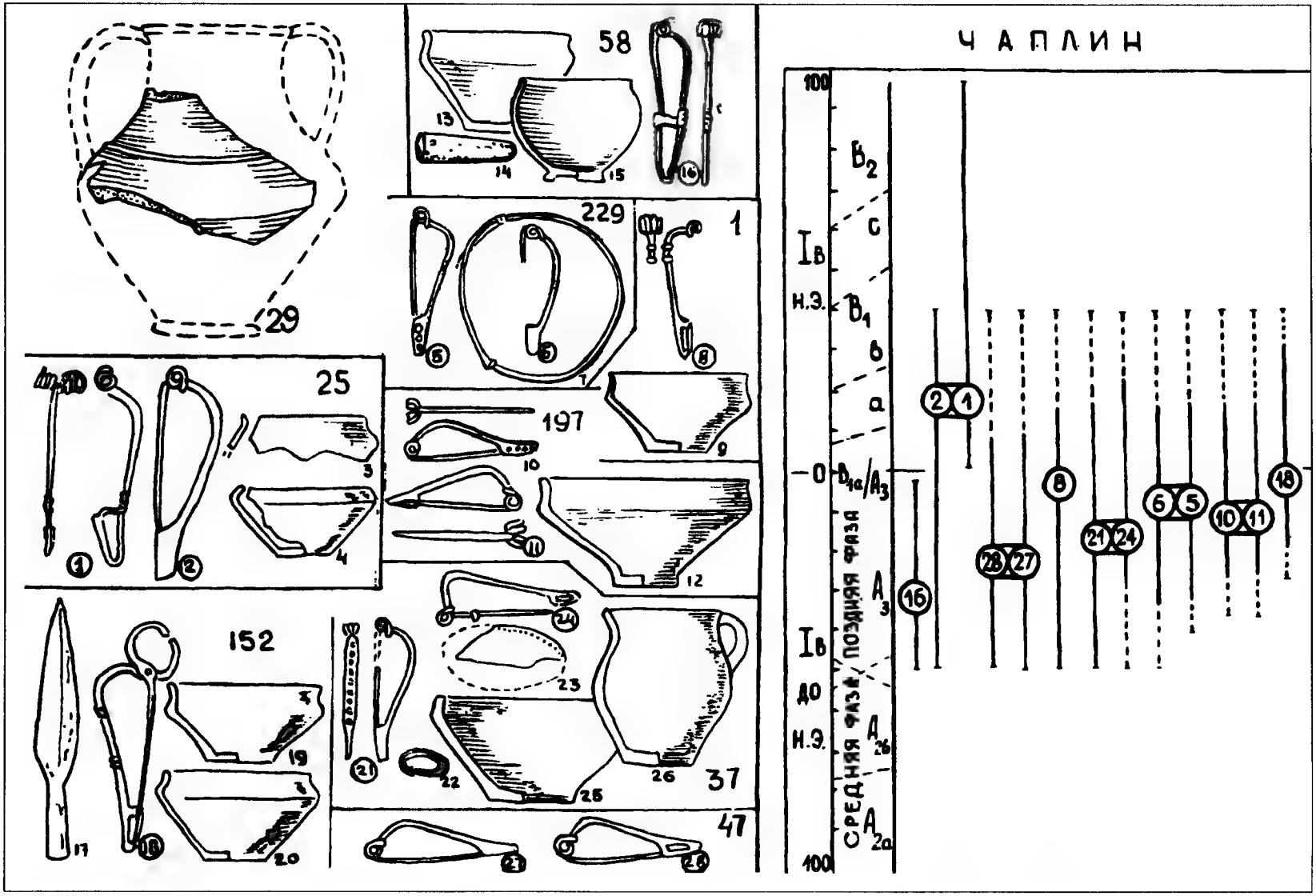


Рис. 81. Хронология поздней фазы Чаплинского могильника по К.В.Каспаровой. 29 — новая реконструкция гончарного сосуда, как дакийского I в. н.э., вместо предлагавшейся П.Н.Третьяковым реконструкции, как одноручного черняховского кувшина.

Памятник	Данные о топографии	ГРП	Данные о топографии	ЗБК
	"в болотистой пойме, на дюнах"			

Рис. 81. Хронология поздней фазы Чаплинского могильника по К.В.Каспаровой. 29 — новая реконструкция гончарного сосуда, как дакийского I в. н.э., вместо предлагавшейся П.Н.Третьяковым реконструкции, как одноручного черняховского кувшина.

Памятник	Данные о топографии	ГРП	Данные о топографии	ЗБК
Оболонь	"в болотистой пойме, на дюнах"	●		
Таценки	"на невысоких песчаных холмах поймы"	●		
Рудяки	"на левобережной днепровской пойме"	●		
Никольская слобода	"на дюнах в пойме	●		
Коржи	"в выдувах песчаного берега	●		
Селище	"в дюнном массиве"	●		
Лютеж	"среди болот"	●		●
Койлов	"на песчаной гумусированной террасе"	●		●
Вел.Дмитровичи		●	"на склоне пологого возвышения"	●
Обухов (Козаров Шиль)		●	"на мысу при слиянии Ступны и Кобрины"	
Зарубинцы			"на плоской вершине холма"	●
Корчеватое			"на высоком мысу"	●
Пирогов			"на высоком отдельно стоящем холме"	●
Пилипенкова Гора			"на отдельном высоко стоящем холме"	●
Бабина Гора			"на высоком отдельно стоящем холме"	●
Киселевка (Киев)			"на высоком останце плато"	●
Трахтемиров			"на высоком берегу"	●
Монастырек			"на мысу высокого берега"	●
Юрковица			"на высоком холме"	●
Ходосовка			"на высоком холме"	●
Ходоров			"на высоком мысу"	●

Рис. 82. Сопоставление топографии классических зарубинецких поселений и памятников горизонта Рахны-Почеп в Среднем Поднепровье.

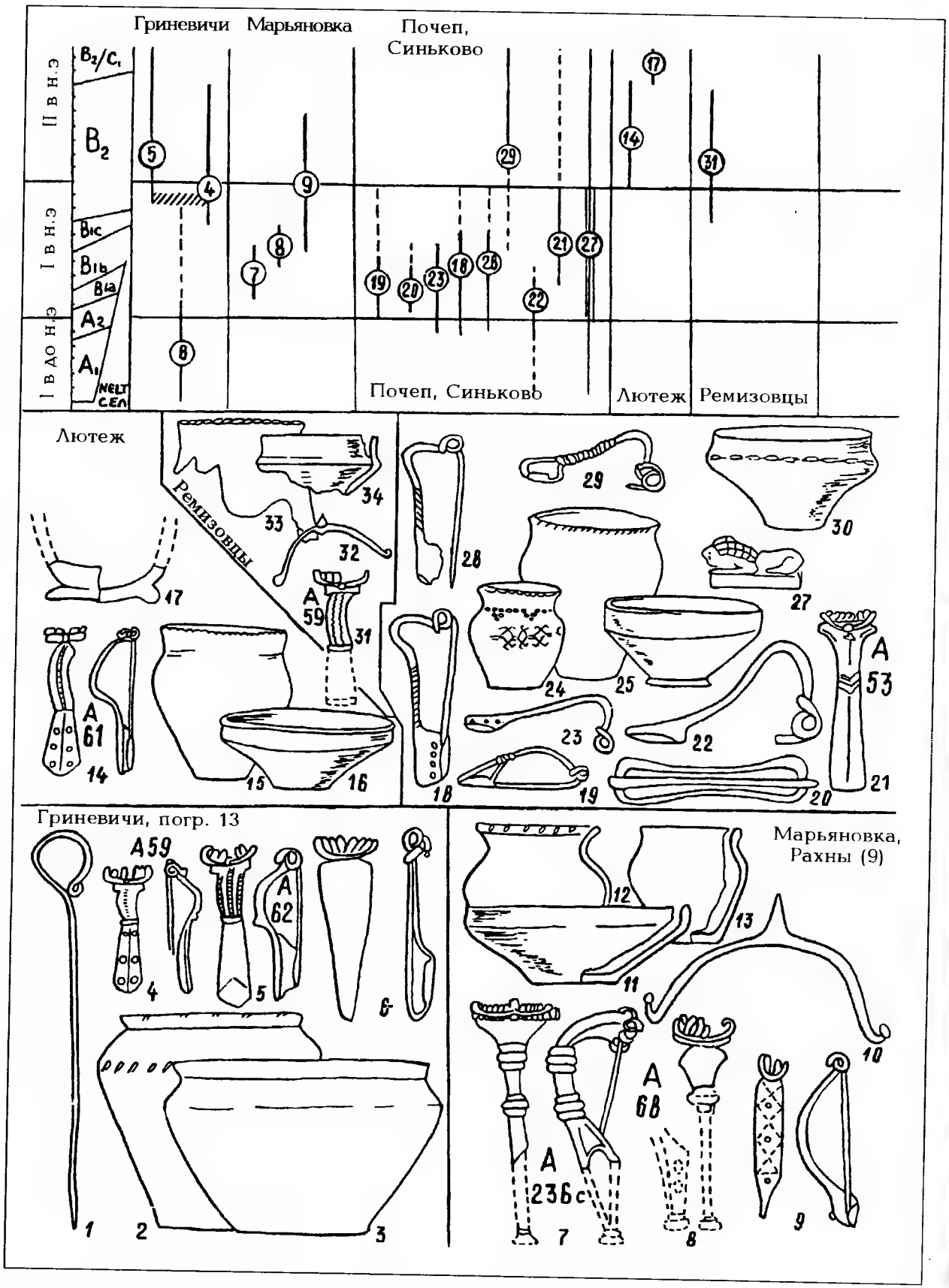


Рис. 83. Хронология некоторых памятников горизонта Рахны-Почеп.

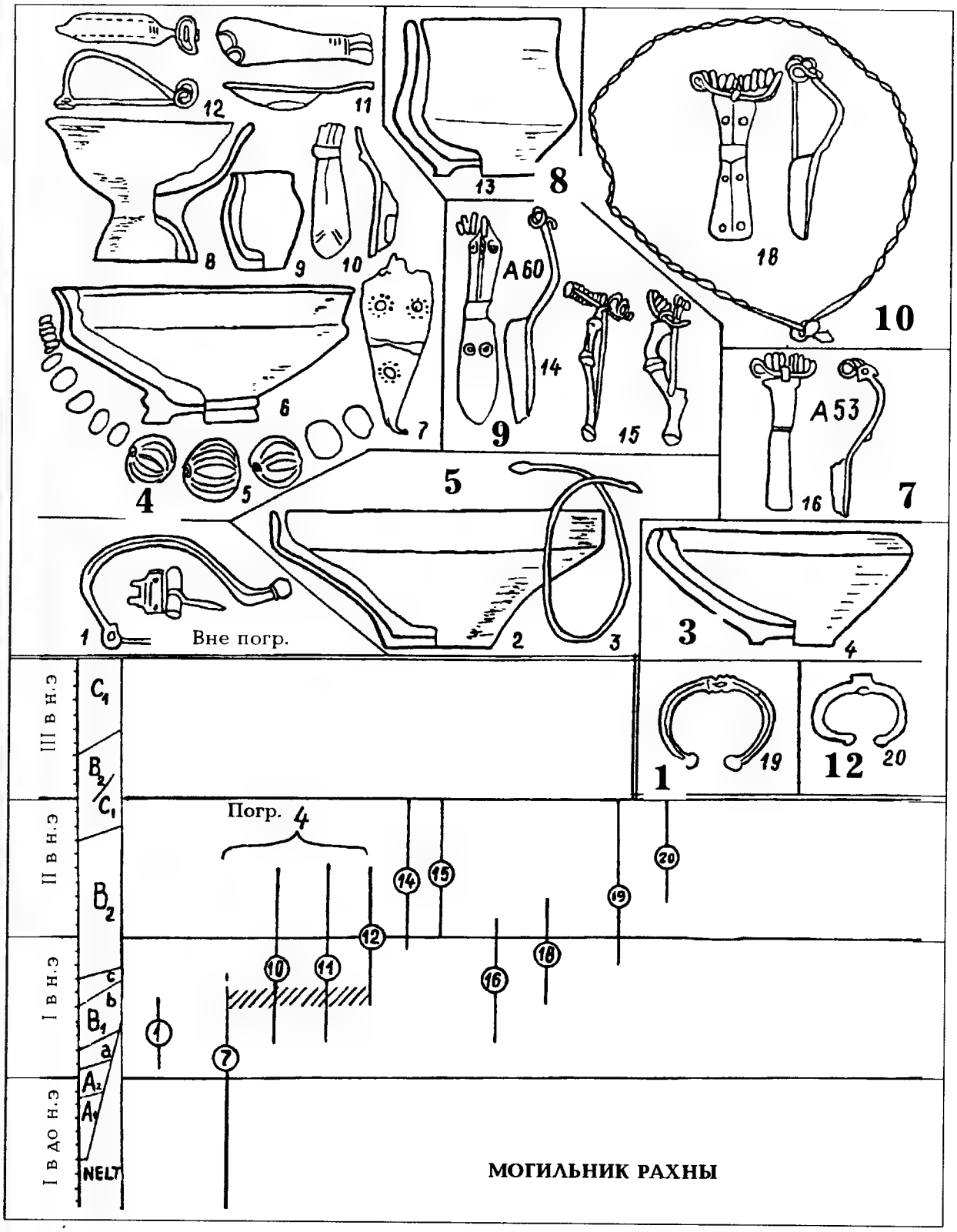


Рис. 84. Хронология могильника Рахны.

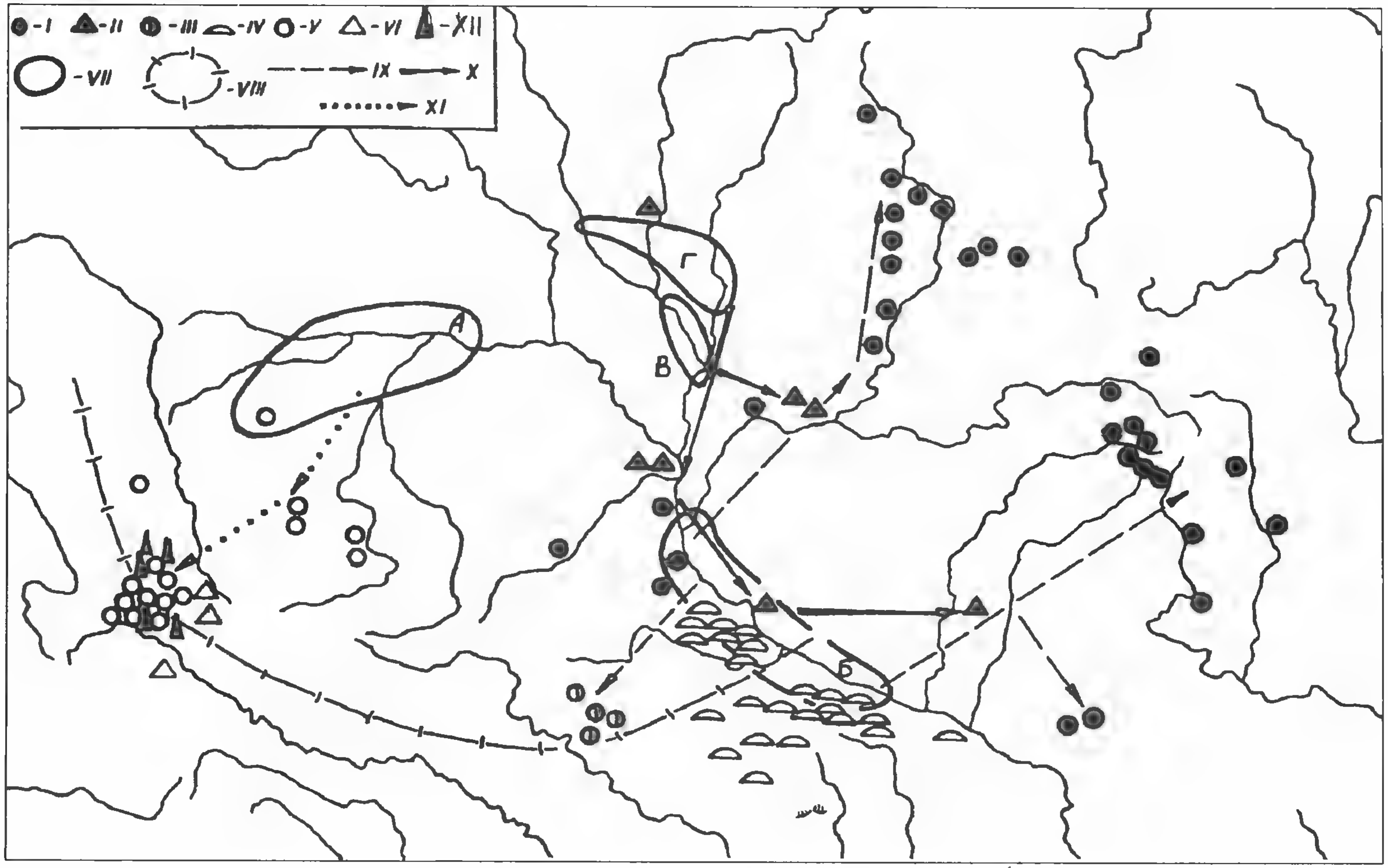


Рис. 85. Этнокультурная ситуация в лесостепи и на юге лесной зоны Восточной Европы в I-II вв. до появления вельбаркских памятников (по А.М.Обломскому).

I — постзарубинецкие памятники типа Лютеже-Почепа и Картамышево -Терновка; II — памятники типа Грины-Вовки; III — памятники типа Рахны; IV — сарматские погребения и могильники Среднего поднепровья; V — пшеворско-зарубинецкие памятники зубрецкой группы; VI — липицко-пшеворско-зарубинецкие памятники типа Ремезивцев; VII — границы локальных групп классической зарубинецкой культуры (А — полесский вариант, Б — среднеднепровский вариант, В — типа Горошков-Чаплын, Г — типа Кистени-Чечерск); VIII— южная и юго-западная граница расселения венетов Тацита по Д.А.Мачнинскому; IX — миграции населения среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры; X — миграция населения группы Кистени-Чечерск; XI — миграция населения полесской группы; XII — памятники звенигородской груп-

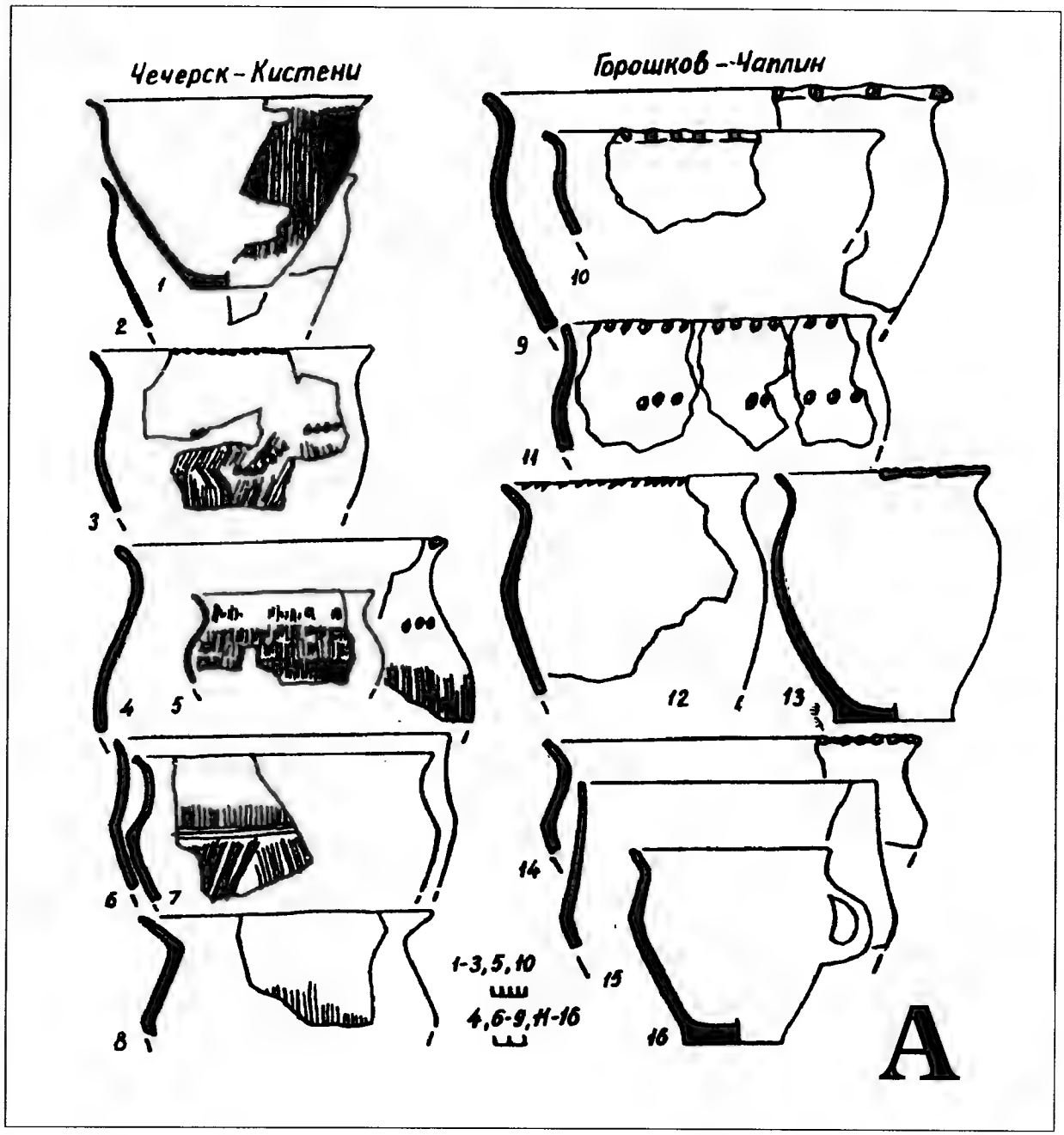


Рис. 86А. Керамический комплекс памятников типа Чечерск-Кистени и параллельные формы сосудов с памятников типа Горошков-Чаплин. 1,2,5,8 — Стрелица; 3 — Чечерск; 4 — Ворновка; 6 — Кистени; 7 — Рогачев; 9,10 — Горошков, селище; 11—14 — Чаплин, городище; 15 — Колочин-1, городище, нижний горизонт; 16 — Чаплин, могильник, погр.143. 1—14 — сосуды с шероховатой поверхностью; 15,16 — сосуды с лощеной поверхностью (по А.М.Обломскому).

VI — липицко-пшеворско-зарубинецкие памятники типа Ремезивцев; VII — границы локальных групп классической зарубинецкой культуры (А — полесский вариант, Б — среднеднепровский вариант, В — типа Горошков-Чаплын, Г — типа Кистени-Чечерск); VIII — южная и юго-западная граница расселения венетов Тацита по Д.А.Мачинскому; IX — миграции населения среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры; **X — миграция населения группы Кистени-Чечерск; XI — миграция населения полесской группы; XII — памятники звенигородской груп-**

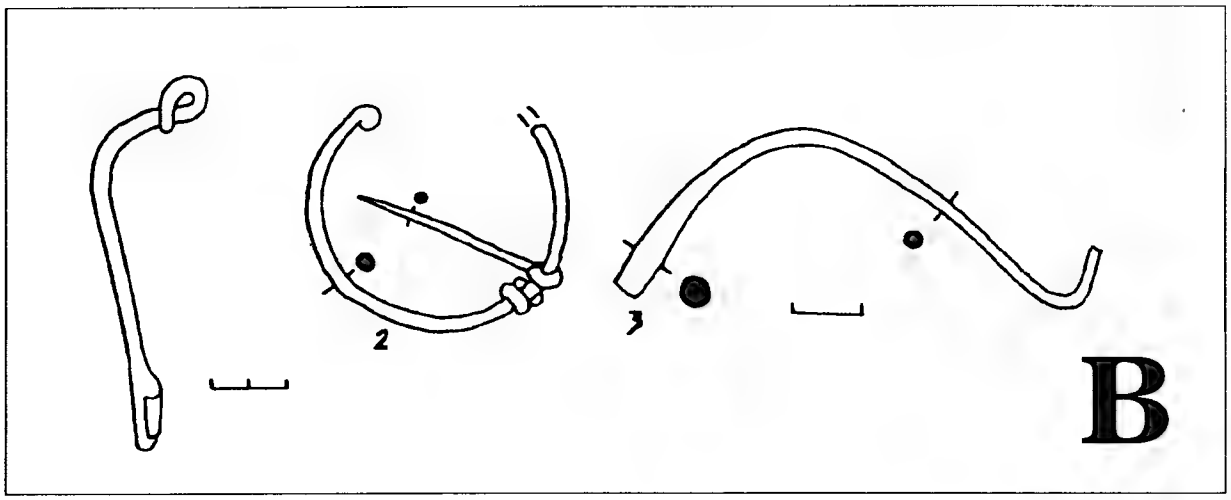


Рис. 86B. Некоторые датирующие вещи с памятников типа Чечерск-Кистени. 1— фибула; 2 — сюльгама; 3 — фрагмент браслета; 1-2 — железо; 3 — серебро; 1,2 — Щатково; 3 — Кистени (по А.М.Обломскому).

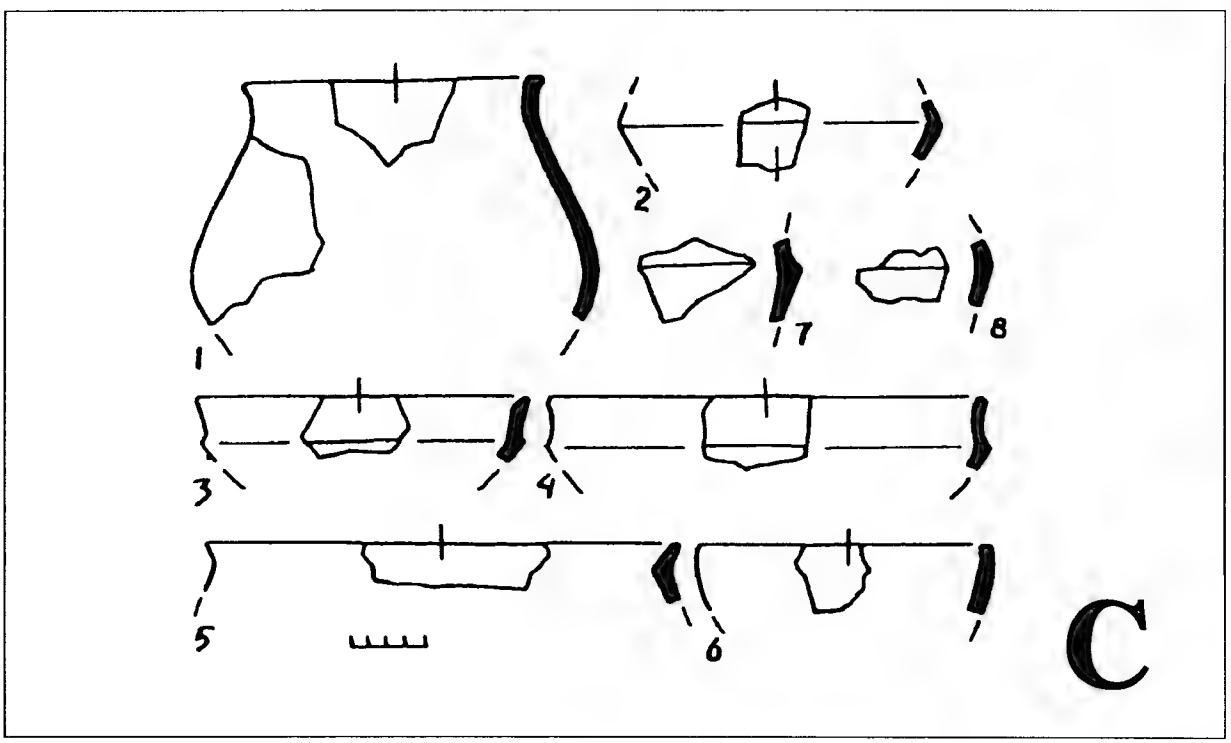


Рис. 86C. Лощеная керамика памятников типа Гриней. 1,2 — Змеевка, культурный слой; 3—5 — Грини-1; 6—8 — Решетки, культурный слой (по А.М.Обломскому).

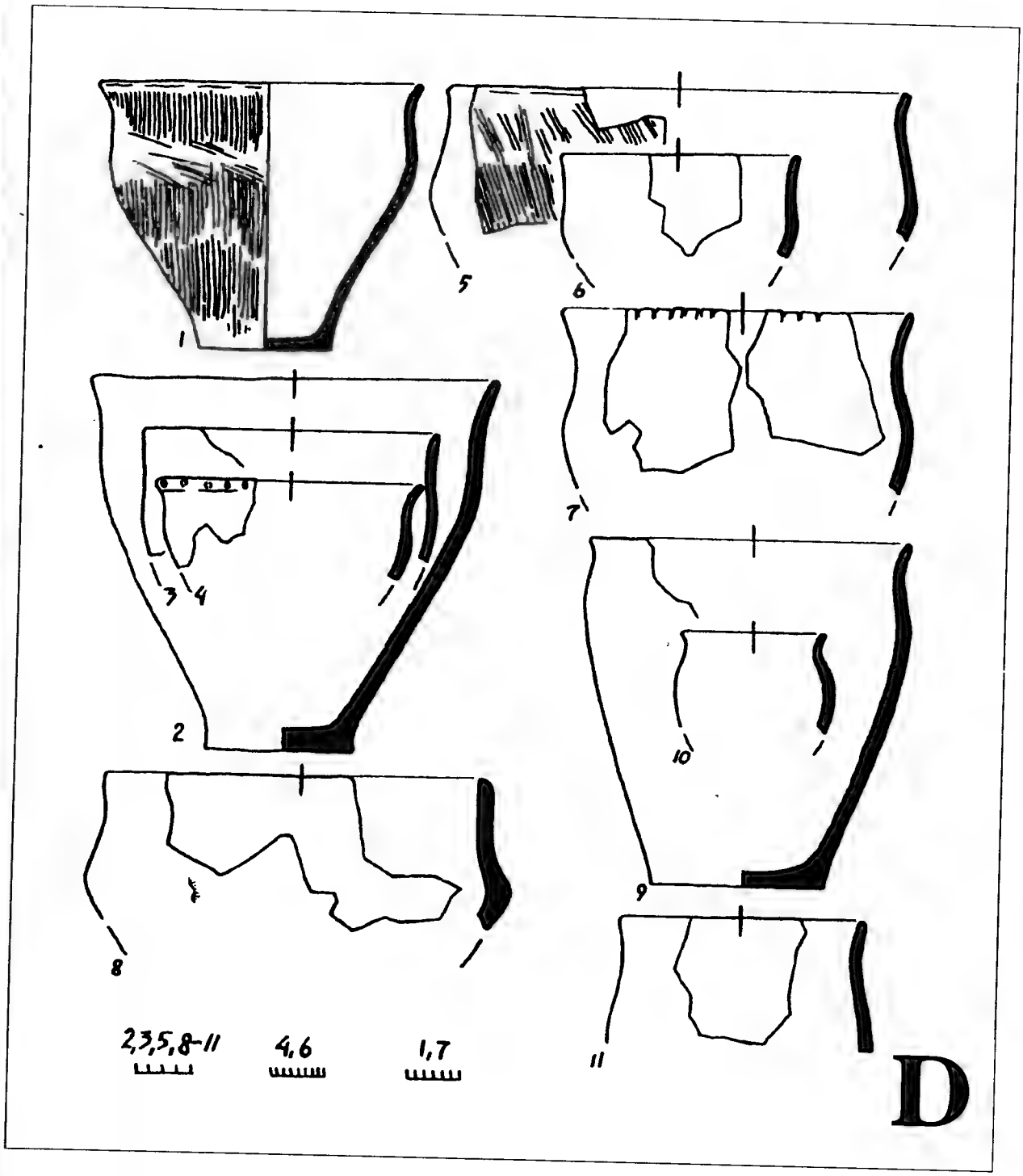


Рис. 86D. Нелощеная керамика памятников типа Грини-Вовки. 1-4 — тип 1 3 разновидность б; 5,6 — тип II I; 7 — тип II 3; 8 — тип II 2 разновидность б; 9,10 — тип I I вариант а разновидность а; 11 — тип 1 3 разновидность а (по А.М.Обломскому);

1—3 — Вовки, вымостка из черепков; 2,3,5,10 — Грини-1; 4,11 - - Грини-2, скопление керамики; 6,8 — Вовки, жилище 6, заполнение; 9 — Решетки, слой (по А.М.Обломскому).

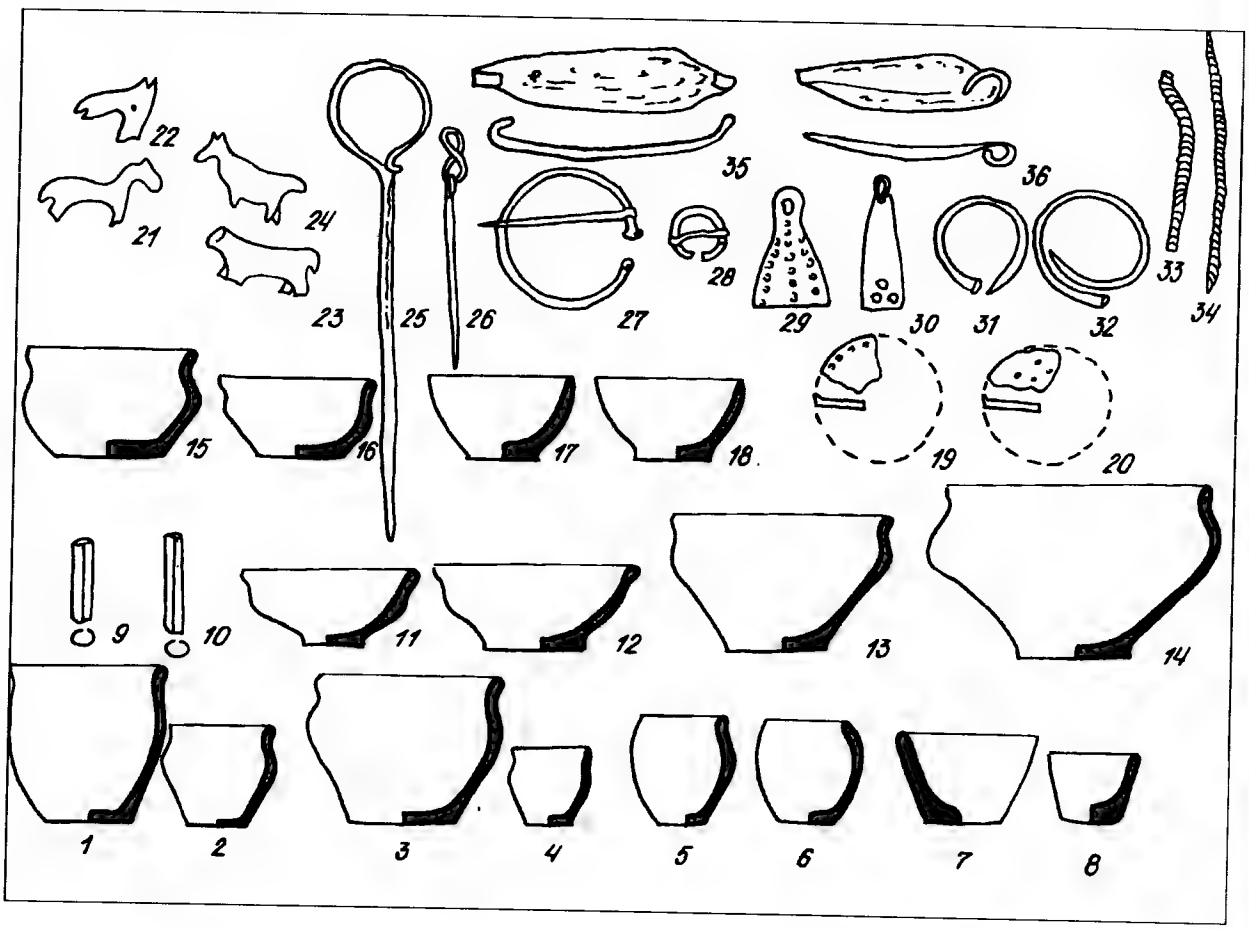


Рис. 87. Зарубинецко-именьковские параллели. Слева — вещи зарубинецкие, рядом справа — именьковские (по Г.И.Матвеевой).

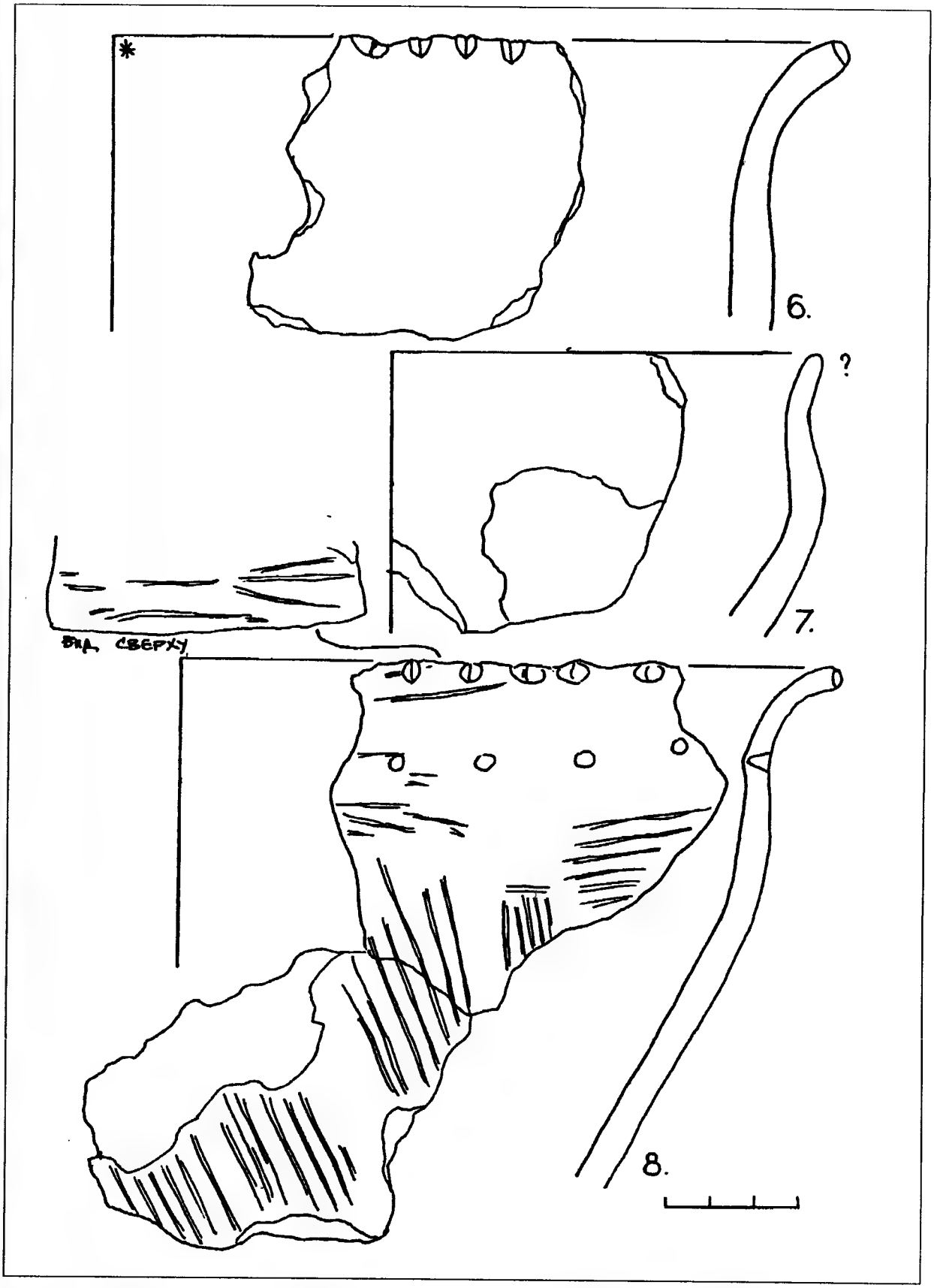


Рис. 88. Образцы керамики среднего слоя Тушемли. (рисунки Н.Лопатина).

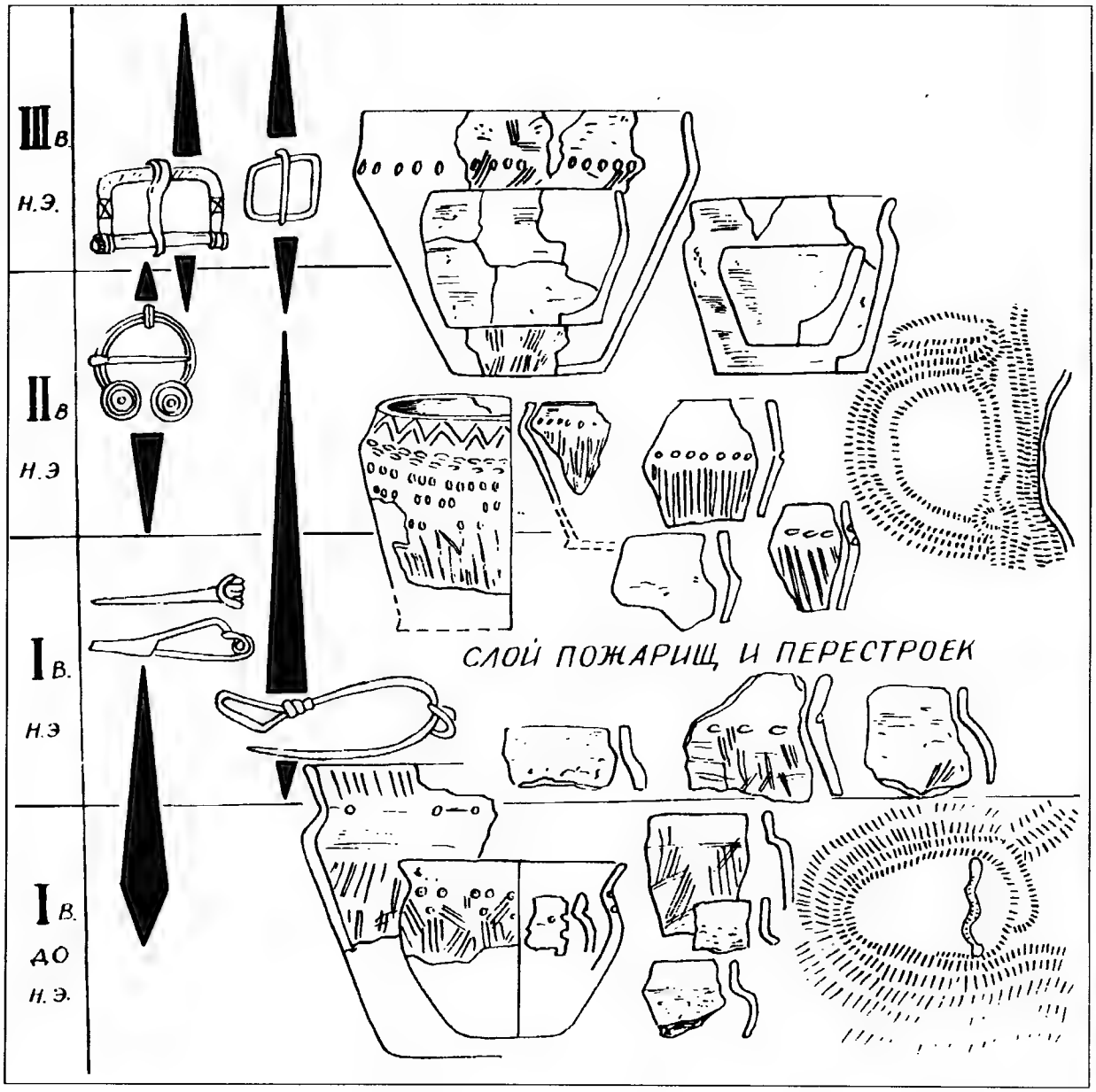


Рис. 89. Хронология памятников культуры штрихованной керамики Средней Белоруссии (по данным Г.М.Митрофанова).

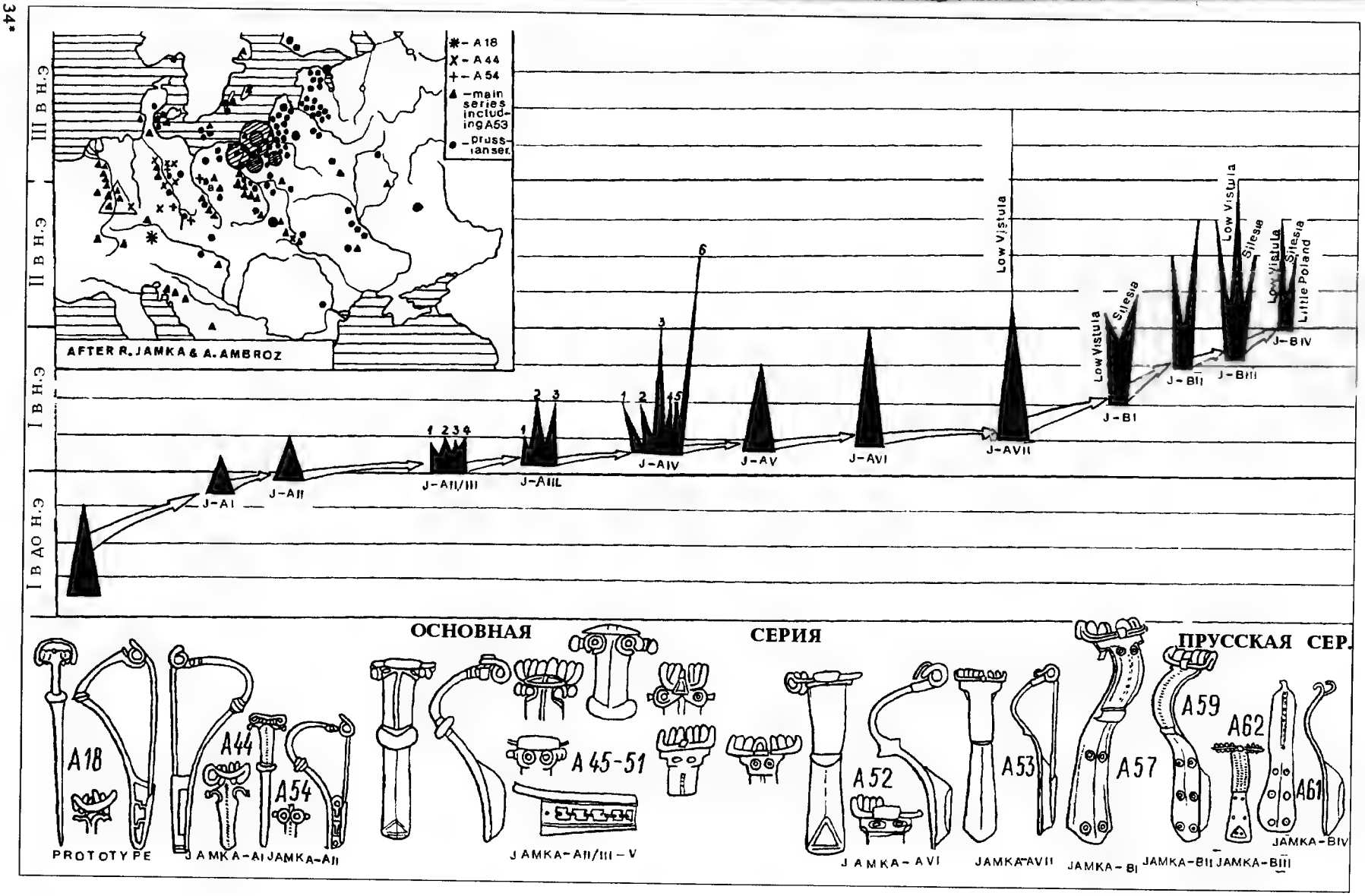


Рис. 90. Типология, хронология и распространение глазчатых фибул по О.Альмгрену, Р.Ямке и А.К.Амброзу.

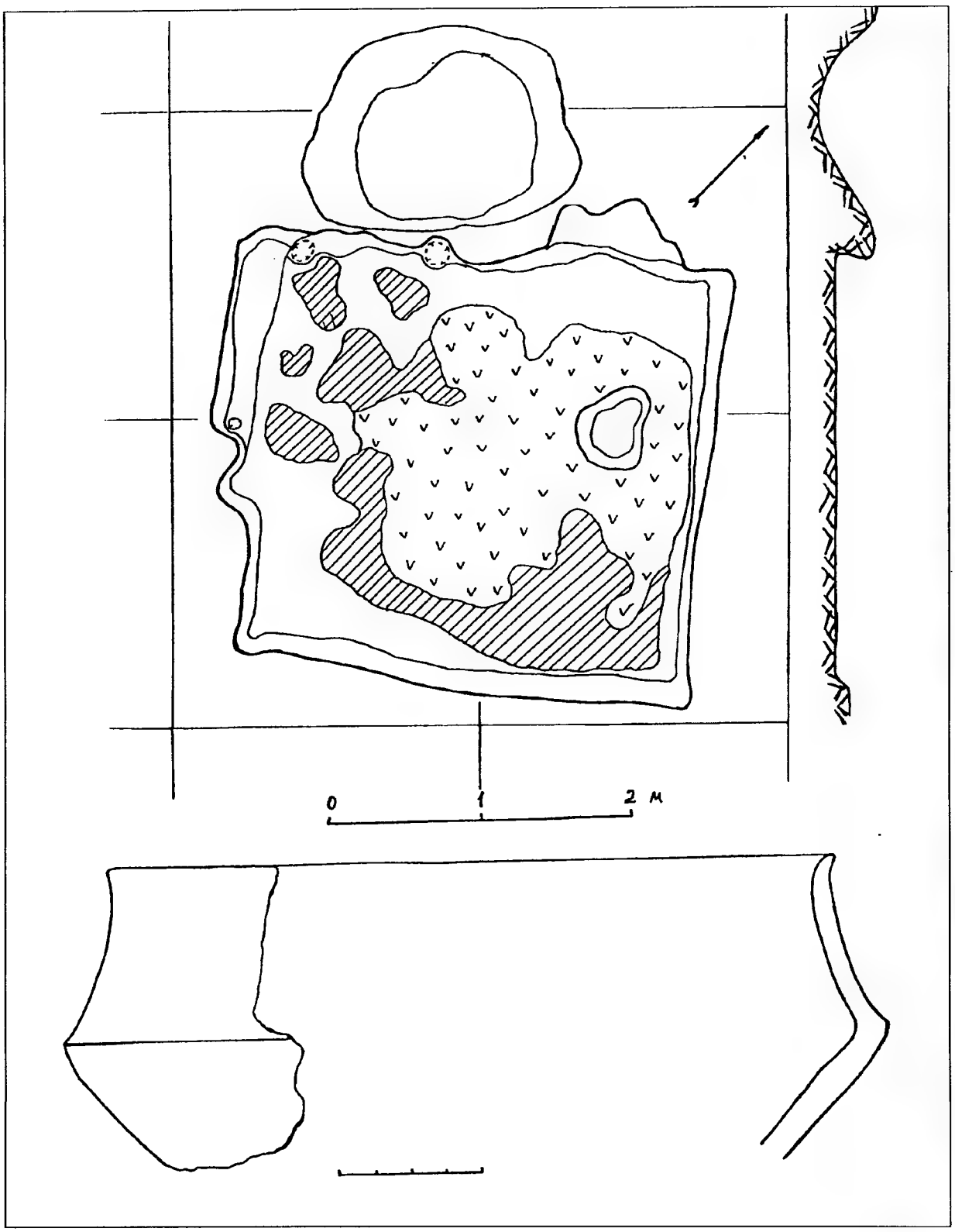


Рис. 91. Полуземлянка и чернолощеная миска с пос. Ермошино I в Псковской обл. (по Н.В.Лопатину и А.Г.Фурасьеву).

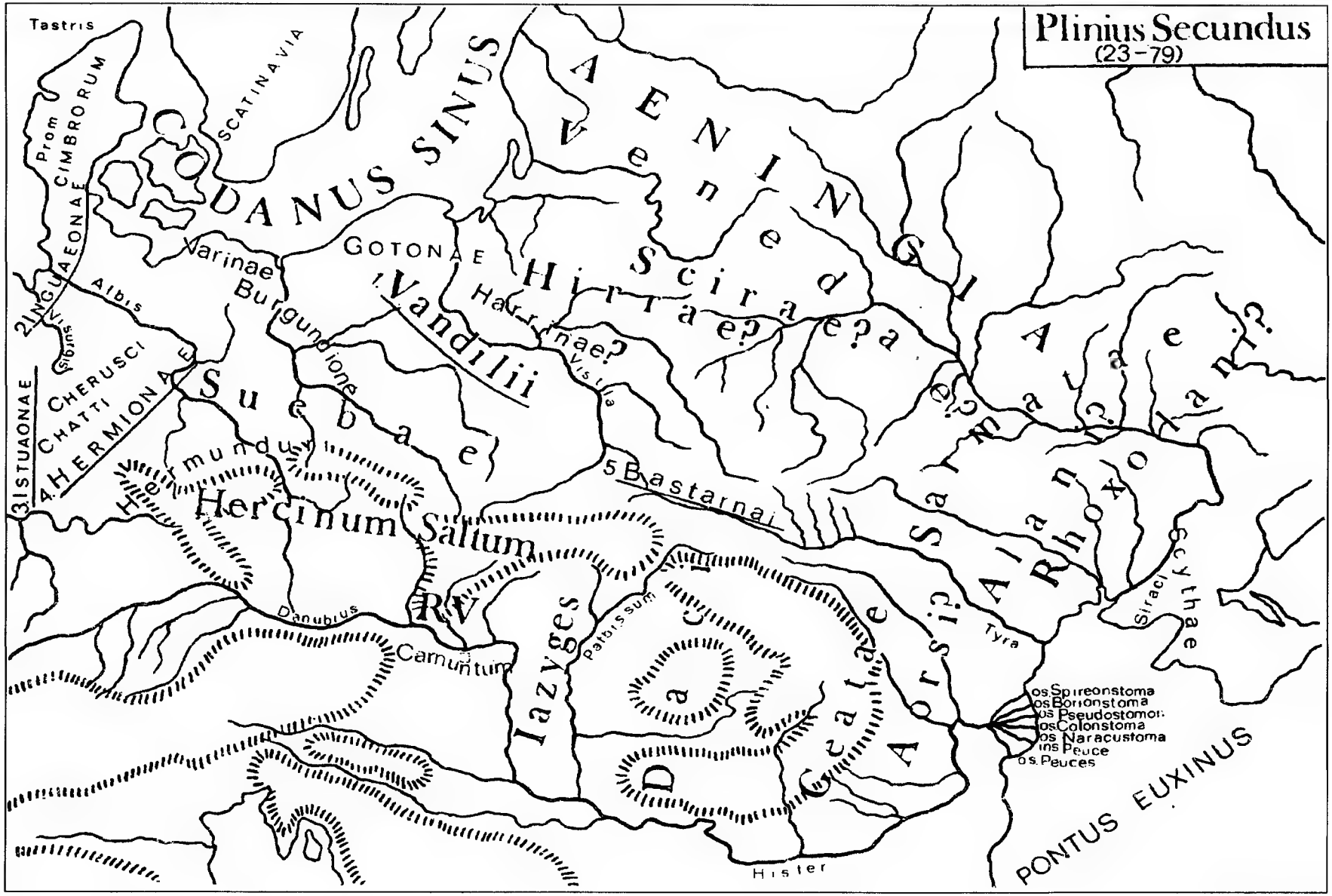


Рис. 92. Этнокарта по Плинию Старшему.

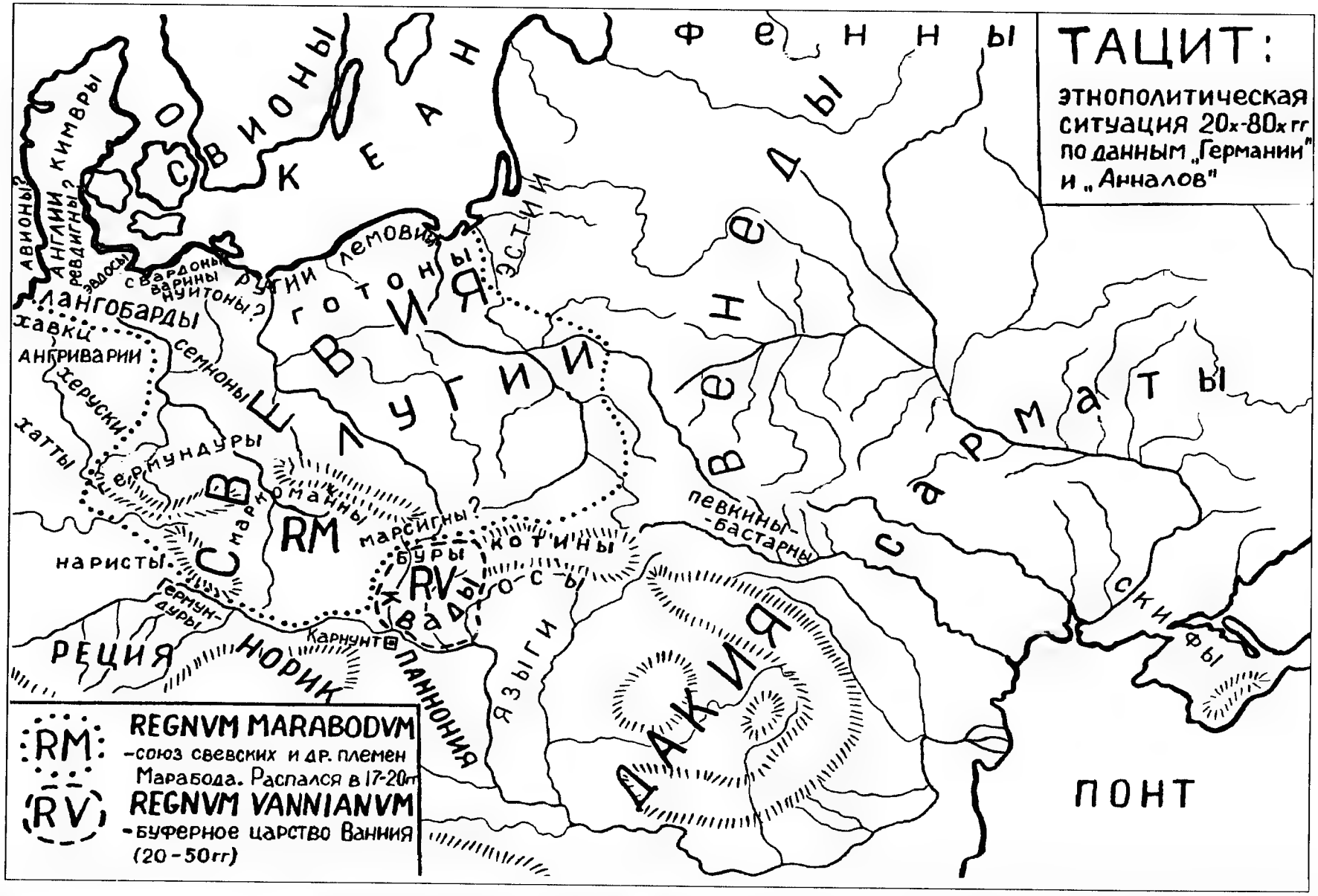


Рис. 93. Этнокарта по Тациту.

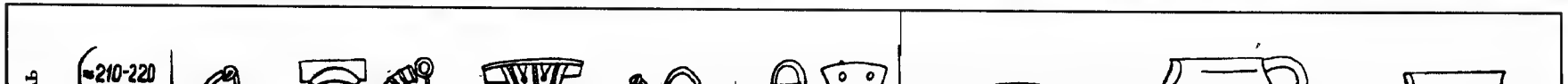


Рис. 93. Этнокарта по Тациту.

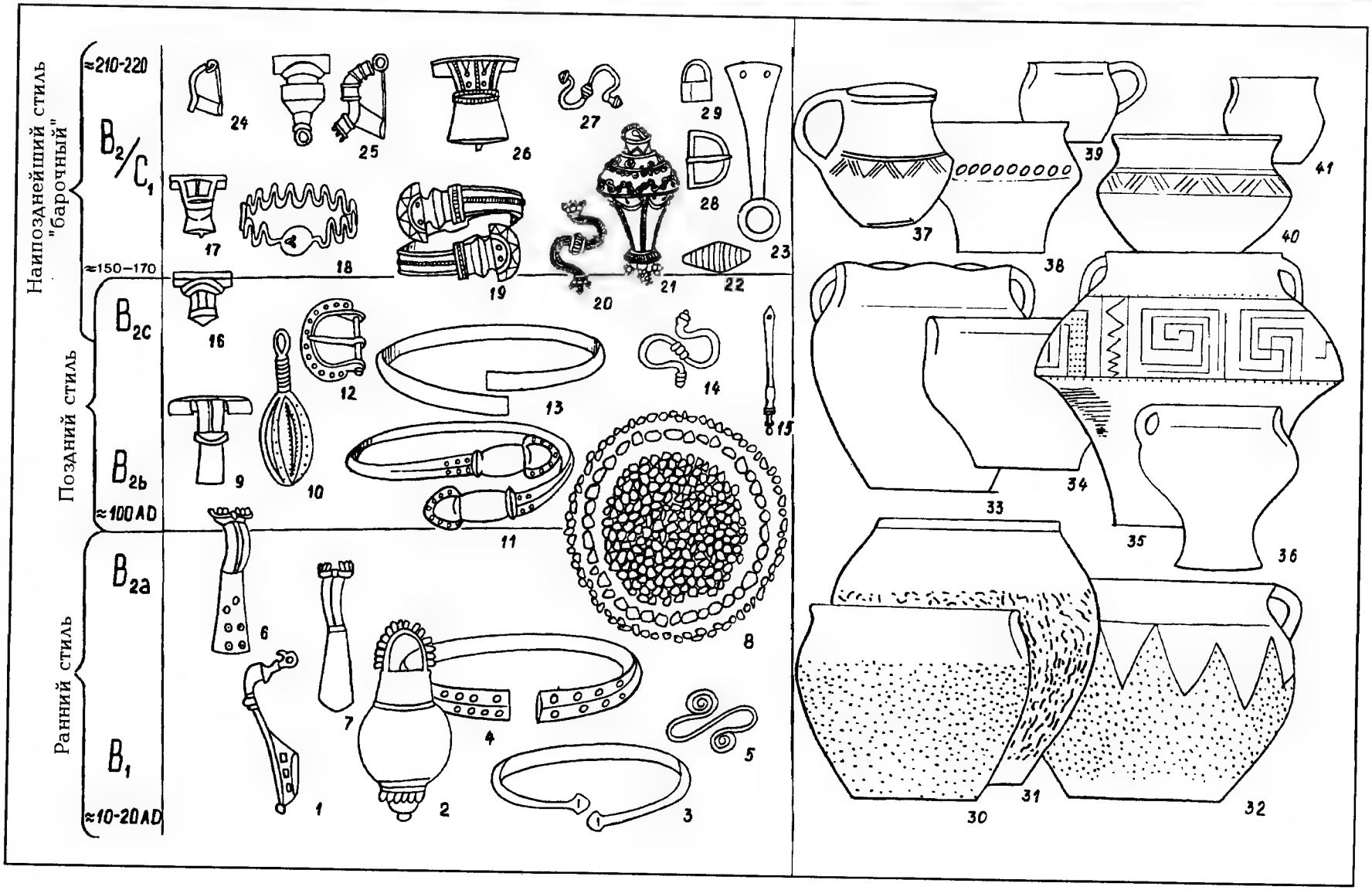


Рис. 94. Вельбаркская культура любовидзской стадии (по Р.Волонгевичу, Е.Кмециньскому и Р.Шиндлеру).

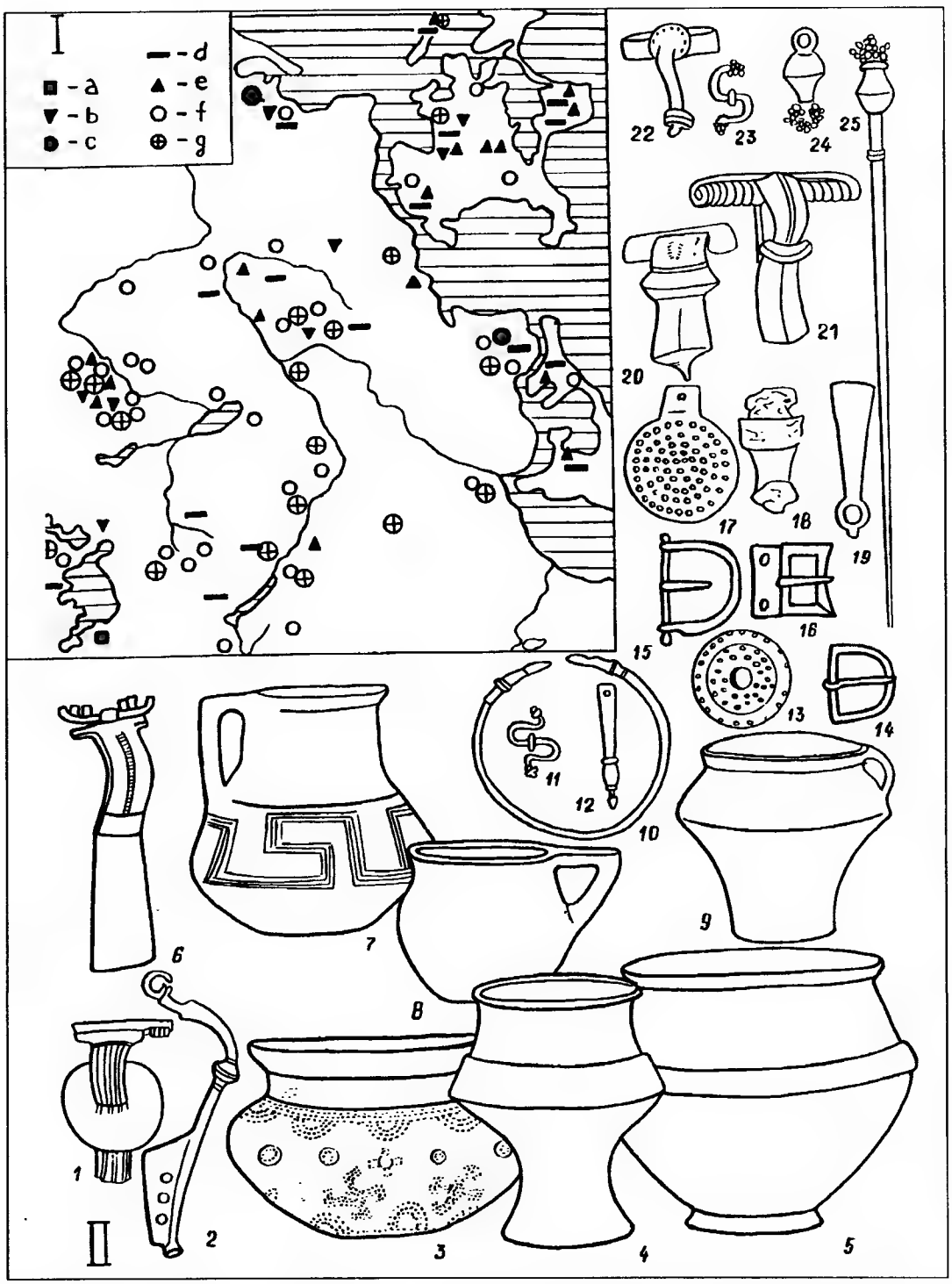


Рис. 95. Густовская группа. Памятники о. Рюген и примыкающего побережья (по Г.Шубарту). I. Распространение элементов общих с вельбаркской культурой (a-e) и отличных (f-g). a — орнамент в виде меандров; b — сосуды-ситулы; c — каменные круги; d — трупоположения; e — фибулы Альмгрен 37-41, 92-95, 120-126; f — урновые и ямные трупосожжения; g — орнаменты зубчатым колесиком.

II. 1 — Мелентчин; 2 — Вентвиц; 3 — Шолтенхэген; 5 —Лэндоф; 6 — Вентитц; 7 — Хиддензее; 8 — Альт-Реддвитц; 9 — Гингстер Хайде; 10 — Марлов; 11,12 — Царнекла; 14,16,19 — Хиддензее; 15,17 — Урнов; 18 — Вентвиц; 19 — Кирх-Баггендорф; 21 — Бэлм; 23-25 — Хиддензее.

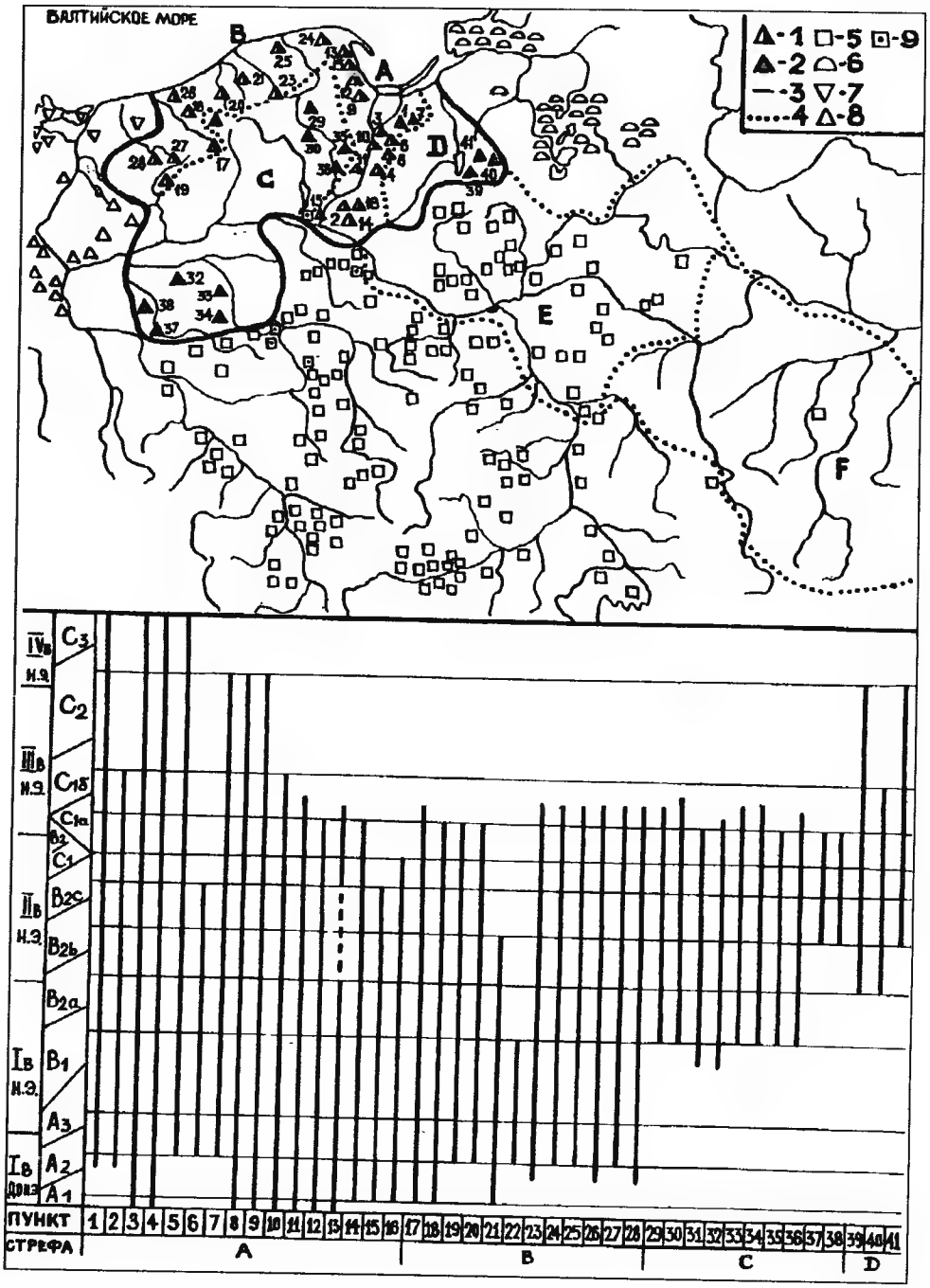


Рис. 96. Положение памятников вельбаркско-любовидзской культуры во времени и пространстве (по данным Р.Волонгевича с дополнениями).

1 — памятники оксывско-вельбаркские; 2 — вновь заложенные вельбаркские памятники; 3 — граница вельбаркской культуры; 4 — границы «стреф» по Волонгевичу; 5 — памятники пшеворской культуры; 6 — памятники культуры западно-балтских курганов; 7 — памятники густовской культуры; 8 — памятники любусской группы; 9 — пшеворские погребения с вбитым в землю оружием. Вельбаркские памятники любовидзской стадии. Стрефа А 1) Вельбарк-Гостищево; 2) Нова Добра; 3) Скворач; 4) Новы Тарг; 5) Цецеле; 6) Ласы; 7) Кросно; 8) Стары Тарг; 9) Прущ; 10) Быстшец; 11) Осек; 12) Оксыве; 13) Рума; 14) Грубно; 15) Хелмно; 16) Подвейск 2.

Стрефа В 17) Парсенцко; 18) Бучек; 19) Дравско; 20) Кониково; 21) Варшково; 22) Нимица; 23) Гостково; 24) Любовидзь; 25) Осеки; 26) Рогово; 27) Гроново; 28) Загожище.

Стрефа С (группа Одры-Венсеры): 29) Венсеры; 30) Одры; 31) Гжибница; 32) Лутом; 33) Слопаново; 34) Познань-Шелонг; 35) Костельна Яня; 36) Осе; 37) Бабимост; 38) Бройие.

Стрефа D 39) Рудзенице; 40) Томарины; 41) Звежево.

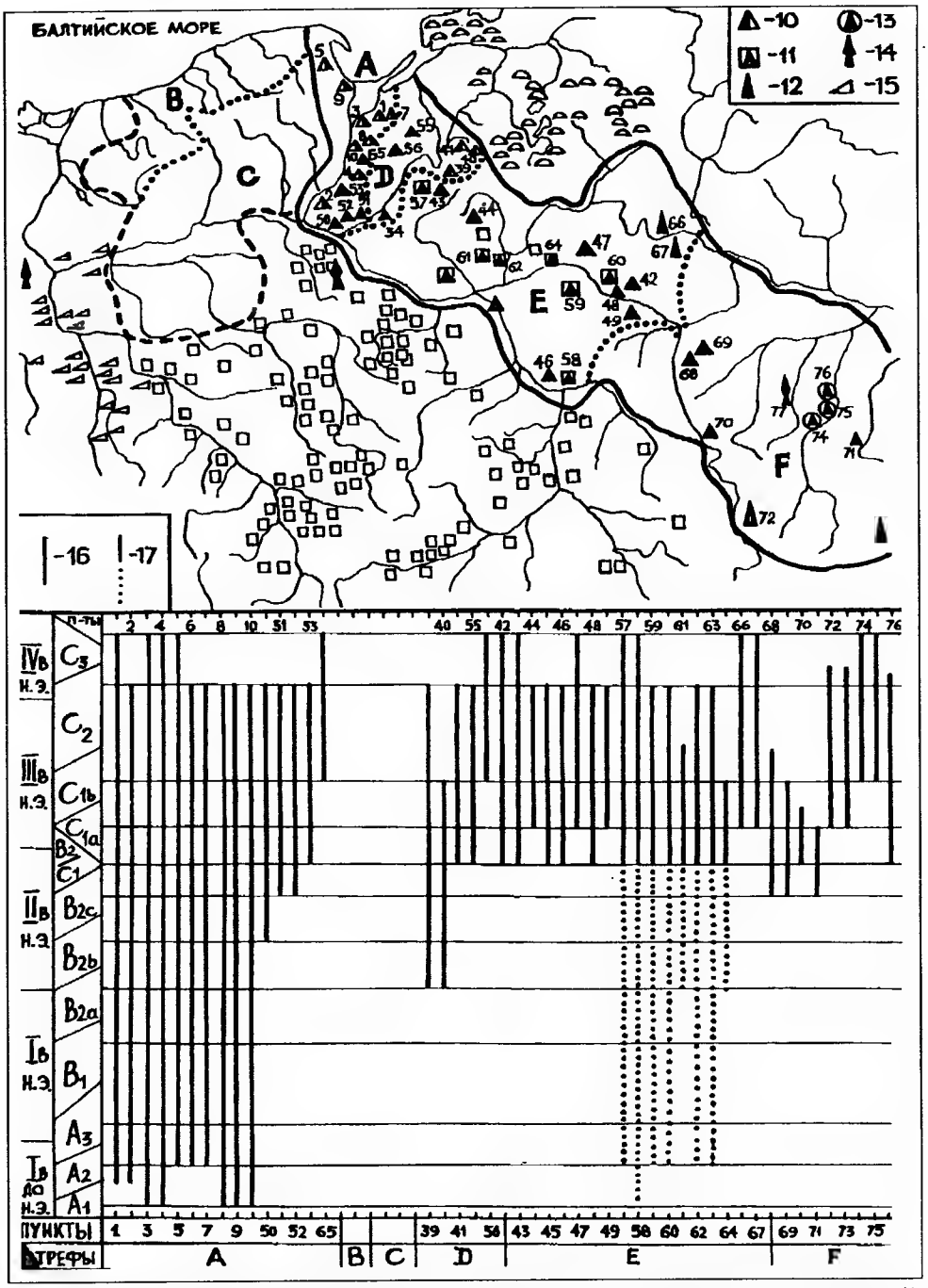


Рис. 97. Положение памятников вельбаркско-цецельской культуры во времени и пространстве (по Р.Волонгевичу). 10 — вельбаркско-цецельские могильники, продолжающиеся с любовидзской стадии; 11 — пшеворско-вельбаркские памятники; 12 — вельбаркско-цецельские памятники, заложенные на ступени С1 и С2; 13 — памятники волынской группы черняховской культуры; 14 — находки копий с руническими надписями; 15 — памятники любошицкой группы; 16 — время бытования вельбаркских памятников; 17 — время бытования вельбаркских памятников, заложенных, как пшеворские.

Стрефа A: 1) Вельбарк-Гостишево; 2) Нове Добра; 3) Скворач; 4) Новы Тарг; 5) Цецеле; 6) Ласы; 7) Кросно; 8) Стары Тарг; 9) Прущ; 10) Быстшец; 50) Гостков Фольсонг; 51) Руже; 52) Зенбово; 53) Яново; 55) Раковец.

Стрефа D: 39) Рудзенице; 40) Томарины; 41) Звежево; 55) Полвитен; 56) Борнице.

Стрефа E: 42) Цецеле; 43) Козлувка; 44) Китки; 45) Кавенчин; 46) Клочев; 47) Брулино-Коски; 48) Дрохичин; 49) Сарнаки; 57) Неданово; 58) Клещево; 59) Стара Весь; 60) Крупице; 61) Палуки; 62) Паево-Швелицы; 63) Колозоб; 64) Тухлин; 66) Ростолты; 67) Пилипки.

Стрефа F: 68) Брест-Тришин; 69) Величковичи; 70) Любомль; 71) Городок; 72) Ромош; 73) Дытыничи; 74) Горька Полонка; 75) Баев; 76) Колки; 77) Сушично.

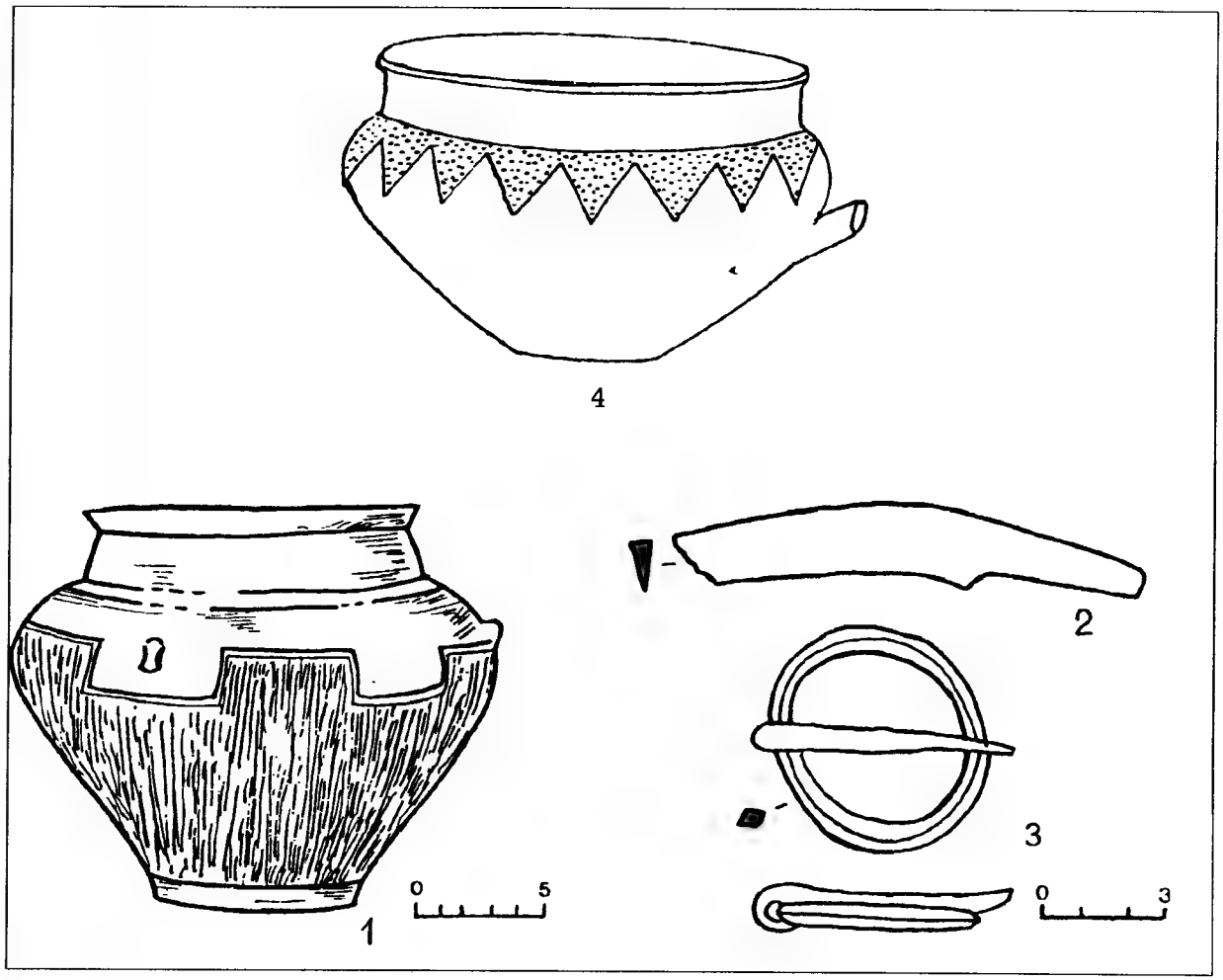


Рис. 98. Комплекс погребения из с. Пересыпки на Сейме (по Ю.В.Кухаренко) и урна погребения в Мангалия.

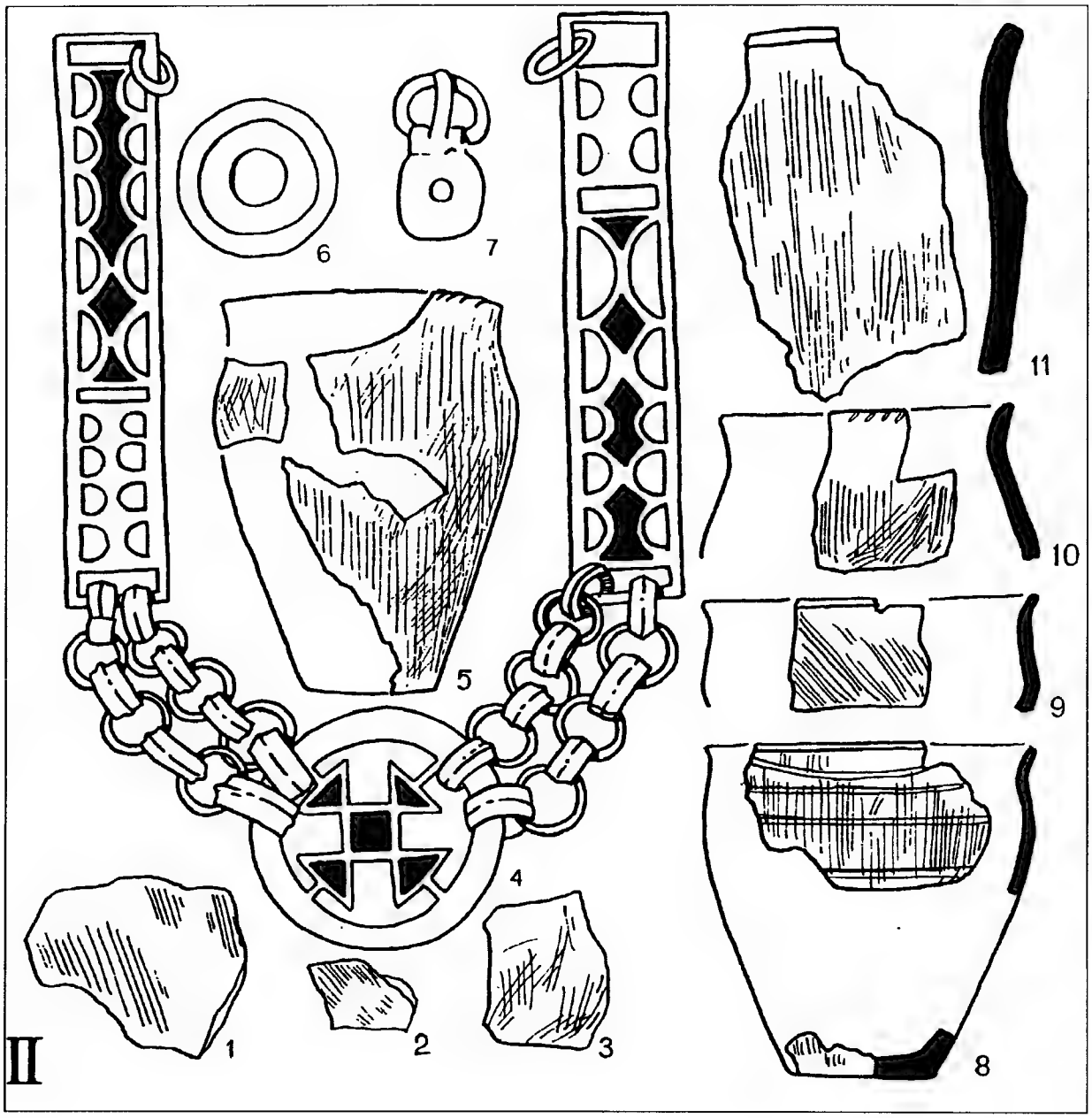


Рис. 99. Образцы штрихованной керамики на памятниках горизонта Рахны-Почеп и киевской культуры. 1,3 — Почеп; 2 — Ульяновка 1; 4-7 — хутор Клепчи, вместе с бронзовой ажурной цепью с эмалью, пряжкой и пряслицем; 8-10 — Грини; 11 — Казаровичи.

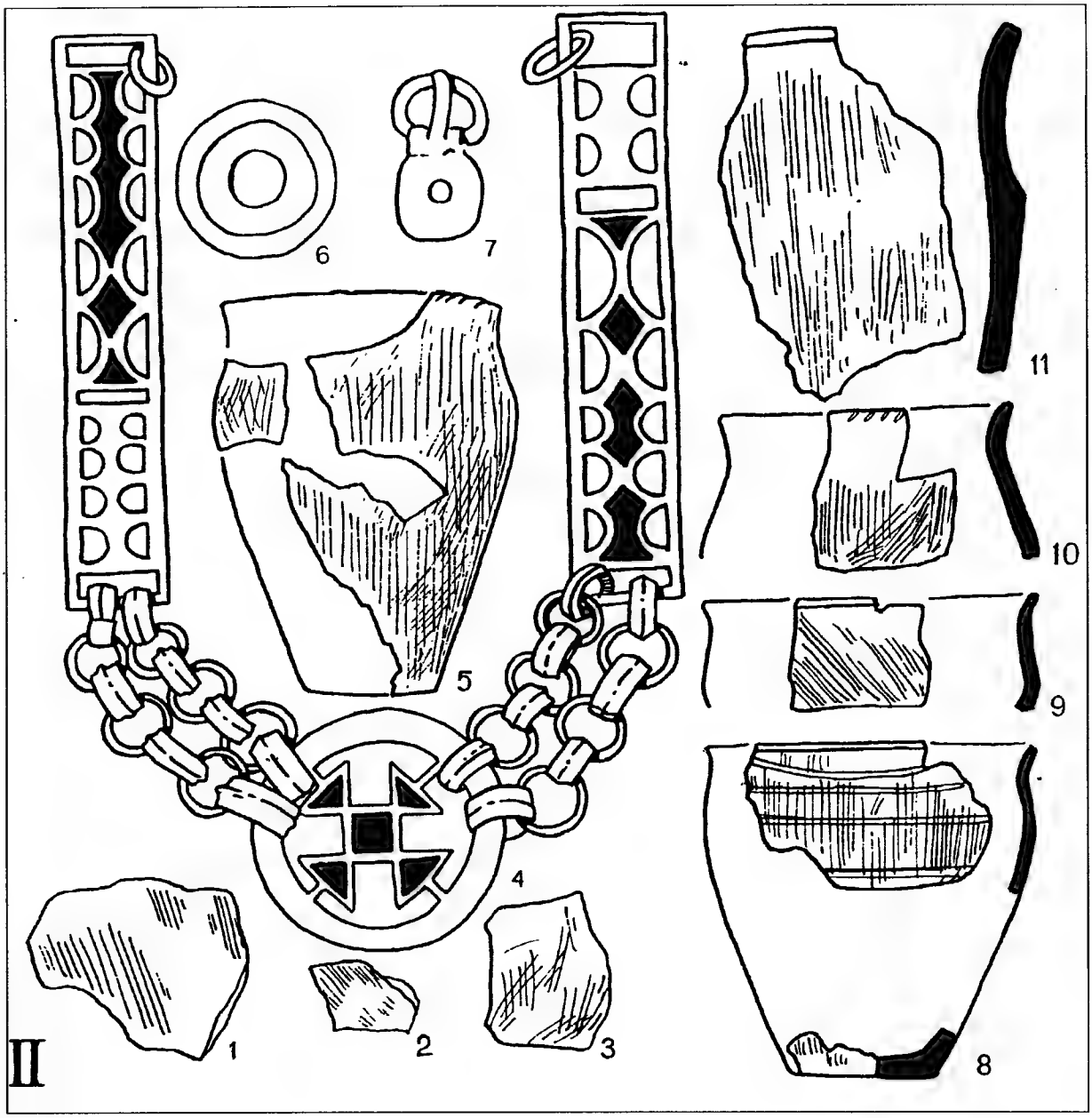


Рис. 99. Образцы штрихованной керамики на памятниках горизонта Рахны-Почеп и киевской культуры. 1,3 — Почеп; 2 — Ульяновка 1; 4-7 — хутор Клепчи, вместе с бронзовой ажурной цепью с эмалью, пряжкой и пряслицем; 8-10 — Грини; 11 — Казаровичи.

Глава X.
Заключительная. От венетов до славян

1. Некоторые итоги.

Правление первой династии римских цезарей, императоров династии Юлиев-Клавдиев, наследников и преемников диктатора Юлия Цезаря и первого принцепса Октавиана Августа завершилось политическим кризисом 68-70-х годов. Гигантская по размерам и громоздкая структура рабовладельческой империи, не успев официально оформиться до логического завершения, какой могла бы быть монархическая форма правления, дала первую трещину, впрочем, быстро заделанную деловым семейством Флавиев, пришедшим к власти.

Колосс еще крепко стоит на ногах. Влияние и авторитет Рима в среде окружающих варваров все же огромны. Высокий уровень организованности военной и государственной машины, высокий уровень жизни и цивилизованности производили должное впечатление на варваров, едва выходящих из состояния первобытно-общинных отношений.

Успешно идет романизация заселенных ранее кельтами и кельтизированными народами новых провинций — Галлии, Рэции, Норика и Паннонии, а также романизация фракийцев в только что образованных провинциях Мезии и Фракии. Население провинций активно и охотно впитывает блага римской цивилизации и римского образа жизни.

После неудачных попыток Друза, Тиберия и Германика захватить земли между Рейном и Эльбой стабилизируется и укрепляется граница по Рейну и Дунаю. Создается limes Romanus. Временные лагеря легионов превращаются в центры городской жизни. К ним стекается население с обеих сторон границы для обмена товарами, идеями, культурой. О том, сколь тесным было взаимодействие варваров-провинциалов и римлян к 70-м годам, даже при взаимной их вражде, хорошо свидетельствует описание Тацитом восстания Юлия Цивилиса (Тацит, История).

Военные соединения варваров из «Германии Либера» принимают участие в политической борьбе в Империи, вожди варваров с их дружинами служат в римской армии, живут иногда в Риме и возвращаются на родину, впитав привычки и культуру римлян-солдат, плебса, аристократов.

Некоторые жители романизированных провинций, не выдержав притеснений римской администрации, переходят границу, чтобы укрыться у свободных варваров. Римские легионеры, купцы и представители администрации проникают иногда в удаленные уголки варварского мира. Распространение римских импортов в Центральной и Северной Европе показывают, что контакты были оживленные, а влияние и воздействие весьма существенны, хотя задевали они главным образом аристократический слой варваров, представленный «княжескими погребениями любишевского типа». Они становятся особенно многочисленными и богатыми на ступени B2 римского времени в Европе.

С флавиевского времени начинается словацко-датская волна импортов и поступают они в варварскую Европу двумя потоками — с запада, через лагеря Нижнего Рейна провинции Нижняя Германия, и с юга, через Словакию, где хотя и было разрушено в 50 г. буферное государство Ванния, но контакты не прекратились. Лугии, носители пшеворской культуры, принявшие участие в свержении Ванния, сами включились, вероятно, в эти контакты ради выгодной транзитной торговли янтарем, которым в нероновское время вновь заинтересовались римляне.

Кроме политического кризиса в Риме, сложившуюся к концу I в. ситуацию в мире определили и две цепи событий, произошедших в Барбарикуме. (Рис.100) Одна из них поведет нас в Скандинавию, вторая — на восток, в Центральную Азию, т.е. в регионы, представляющие, в силу специфики их положения и природных условий, своеобразные «генераторы народов» (Клейн 1974). Оба региона, правда, лежат за пределами нашего изучения и мы можем лишь предполагать, что первотолчки этнических и политических потрясений исходили именно из этих «генераторов», конкретно мы наблюдали только их последствия.

Мы наблюдали образование вельбарской культуры и густовской группы на севере континента в пределах ступени B1 римского времени. Точная дата начала и ход этого процесса пока не определены, так же как и соотношение различных групп прибалтийского региона. Не определено точно и местоположение готонов Катуальды. Но в густовской группе зафиксированы находки керамики, имеющей параллели в Ютландии. Характер этого ютландско-скандинавского воздействия пока неясен, но не исключено, что активность Катуальды как-то связана с этим воздействием. Далее последовали уже известные события — готоны Катуальды по нау-

щению Друза в 19 г. разбили Маробода, а Катуальда был в свою очередь разбит гермундурами, возникло царство Ванния в современной Словакии.

Через тридцать лет и это буферное государство на границах Империи было раздавлено движением германских племен с севера — тех же гермундуров и лугиев. И в этом случае уже с большим основанием можно предполагать скандинавское воздействие — в составе вельбаркской культуры образовалась группа Одры-Венсёры со скандинавскими по происхождению каменными конструкциями на могильниках. Люди этой группы, руководимые, возможно, родом Амалов, потеснили на севере носителей пшеворской культуры лугиев, продвинувшись до района современной Познани, что, вероятно, заставило и последних двинуться к югу.

Обороняясь от гермундуров и лугиев, Ванний в 50 г. призвал на помощь сарматов-язигов. А их появление в Словакии и Венгрии — последнее звено в цепи событий, уходящих далеко на восток.

Мы не знаем ни точной даты, ни обстоятельств возникновения Кушанского царства, простиравшегося от Арала до Индии на восточных границах Парфянской державы, не знаем, было ли его возникновение связано с кипением в «монгольском степном генераторе народов». В Китае в это время восстание «краснобровых», хунну снова подняли голову и даже пытались посадить на китайский престол своего ставленника. Но тут началась междоусобная борьба, приведшая в конечном итоге к разделу южных и северных хунну, а затем в конце I в н.э. и к выселению последних. Их потомкам много лет спустя предстояло появиться в Европе под именем гуннов.

Мы не знаем всей взаимосвязанности событий, китайские хроники этих лет слишком скупы, а до европейцев сведения почти не доходили. Мы знаем только, что в I в. н.э. какая-то группа кочевников широко разнесла по степям от Гиндукуша до Днепра новый бирюзово-золотой звериный стиль. И не исключено, что новая волна движения кочевников, участников аорско-аланской конфедерации, была вызвана теми же процессами, которые привели и к созданию державы Кушан.

Ошибка командира римского «ограниченного контингента» в Пантикапее, Юлия Аквилы, призвавшего в 49 г. аорсов на помощь против сираков и мятежного боспорского царя Митридата, возможно, лишь стимулировала дальнейшее продвижение сарматских орд, подталкивавших друг друга на запад. Возникло царство Фарзоя в степном Днепровском Правобережье, языги появились в Венгрии и Словакии. Две волны — северная и восточная — сомкнулись.

По пути сарматы разрушили зарубинецкую культуру в Среднем Поднепровье. Часть ее носителей отошла на запад в Верхнее Поднестровье, где соединилась с носителями пшеворской культуры лугиями, покидавшими, возможно, земли, пограничные с вельбаркской культурой на средней Варте. Другая часть зарубинецкого населения укрылась в болотистых поймах Поднепровья и в Брянских лесах Подесенья. При этом им пришлось потеснить юхновцев. Вместе с последними они, очевидно, способствовали трансформации днепро-двинской культуры в среднетушемлинскую, а возможно и заставили часть днепро-двинцев отойти на север вплоть до Псковщины (Шадыро 1985).

Бастарны, носители зарубинецкой культуры, отошедшие на запад под прикрытие щитов своих сородичей из пшеворско-дакийско-сарматской Звенигородской группы, образовавшие зубрецкую группу, сохранили, вероятно, свой язык и название, двинувшиеся на восток — утратили и то, и другое; стали венетами, а затем славянами.

Одновременно, образование группы Одры-Венсёры столкнуло с места и часть их соседей, тоже носителей вельбаркской культуры, но потомков аборигенов-оксывцев и часть их переселилась из «стрефы» A (Нижнего Повисленья) в «стрефу» D (на Илавско-Ольштынское поозерье), в пограничье с культурой западно-балтских курганов Прибалтики, что сказалось и на носителях последней — они тоже сдвинулись к востоку, образовались группа курагнов жемайтийского типа, группа Сергеняй-Варшвяй и др., расположенные уже в зоне носителей культуры штрихованной керамики (Ушинскас 1988; Michelbertas 1986). Эти два одновременных толчка с юга и с запада вызвали, вероятно, брожение в среде лесных культур (горит городище Лабенщина и ряд других). Штриховики сдвинулись на восток, на Смоленщину (городище Церковище), где встретились с отступающими на северо-восток носителями разбитой зарубинецкой культуры и гонимыми ими юхновцами, составившими наряду с остатками носителей днепро-двинской культуры культуру среднетушемлинскую. Началось и встречное проникновение носителей лесных культур к югу. Круговорот замкнулся. (Рис.99; 100)

Тацит, конечно, не знал деталей событий, происходящих в четвертом венетском «мире», но некоторые сведения, вероятно, дошли и до него. Не случайно он говорит, что венеты переняли многое из нравов бастарнов и ради грабежа избродили все леса и горы, которые существуют между бастарнами и феннами. В лесной зоне не спокойно.

На этом можно было бы поставить точку. Все дальнейшее лежит уже за рамками

рассматриваемого нами периода. Но мы оказались перед лесенкой, ведущей на следующий «этаж», и виднеющееся там столь любопытно для слависта, что не возможно избавиться от искушения и не заглянуть хотя бы бегло, одним глазком, в открывающийся «славянский уголок» новой эпохи.

2. Киевская культура и перспективы поиска древнейших славян.

Еще совсем недавно, в 50-х годах археологи знали славянские памятники лишь эпохи Киевской Руси и непосредственно предшествующие им древности типа Луки Райковецкой и роменско-борщевской культуры. Они не ранее VIII в. Все предыдущее тонуло во мраке неопределенности. Были так называемые «древности антов» VI-VII вв. — клады серебряных и бронзовых изделий своеобразного стиля с пальчатыми фибулами. Но не были известны соответствующие этим кладам могильники и поселения. Раньше была лишь черняховская культура III-IV вв. И не оставалось другого выхода, как видеть в ней предшественников исторических славян. Разрыв во времени пытались ликвидировать искусственным омоложением верхней хронологической границы этой культуры и включением в ее состав «древностей антов». Попытка не принесла успеха (Ščukin 1955; Щукин 1987; Shchukin 1986-1990). А затем обнаружились и реально соответствующие «древностям антов» раннеславянские поселения VI-VII вв. Оказалось, что их нужно искать в более низких, зачастую заболачиваемых местах, на которые археологи прежде внимания не обращали.

До этого открытия еще были некоторые основания сравнивать памятники черняховской культуры III-IV вв. со славянскими памятниками VIII-IX вв. Несмотря на хронологический разрыв между ними можно усмотреть некое стадиальное сходство. Население, оставившее и те и другие, находилось приблизительно на одной и той же предгосударственной стадии социального развития. Теперь же этот черняховский путь становился бесперспективным. Вновь открытые памятники были очевидно родственны и структурно сходны с роменско-борщевскими и райковецкими и резко отличались от черняховских. Дальнейшее их изучение позволило выделить три синхронных культуры — пражско-корчакскую, пеньковскую и колочинскую. На пути славянской ретроспекции был сделан важнейший шаг, свет археологического познания вырвал из мрака неопределенности еще два столетия — VI и VII вв. Но все предшествующее по-прежнему оставалось во мраке. Первые проблески появились с открытием П.Н.Третьяковым в Среднем Подесенье новых поселений близких по структуре известным уже раннеславянским, но предшествующим им по времени — Киреевка, Форостовичи, Лавриков Лес, Колодезный бугор, Жуковка и др. (Третьяков 1966; 1974; 1982). Они расположены в тех топографических условиях, что и раннеславянские, тоже небольшие, с несколькими квадратными жилищами полуземлянками на каждом, хотя здесь и отсутствуют еще ставшие затем столь характерными для славян печки-каменки в углу жилища. Сходна и керамика — обилие лепных слабопрофилированных горшков и почти полное отсутствие иных форм. Аналогичные поселения нашлись и на Среднем, и на Верхнем Днепре.

В 1976 г. В.Н.Даниленко ввел в науку понятие «памятники киевского типа». Он включил сюда как аналогичные третьяковским поселения на Среднем и Верхнем Днепре — Безрадичи, Казаровичи, Обухов и др., так и весь горизонт Рахны-Почеп (Даниленко 1976; Щукин 1986). Близкие по облику поселения обнаружились и южнее на Днепровском Левобережье, и на Суле, и на Псле, вплоть до Орели — Беседовка, Курган-Азак, Осиповка-Пляж и др. (Махно 1955; Сухобоков 1971; 1975, с.29-39; Горюнов 1981; Телегин, Беляева 1975; Обломский, Терпиловский 1991; Обломский 1991). Изучение древностей «киевского типа» привело исследователей в конечном итоге к заключению, что в III-IV вв. на обширных пространствах от Березины до Орели была распространена особая киевская культура (Обломский 1991; Терпиловский, Абашина 1992), из которой затем развились две раннеславянских культуры — колочинская и пеньковская (Горюнов 1981; Терпиловский 1984). Термин «киевская культура» сохраняется теперь все чаще лишь за древностями III-IV вв., синхронными образовавшейся южнее черняховской культуре. Горизонт Рахны-Почеп в это понятие уже не включается (Терпиловский 1980, с.11; Максимов 1982, с.133-154; Горюнов 1981, с.91).

Впрочем, в отношении преемственности между зарубинецкой культурой, горизонтом Рахны-Почеп и киевской культурой мнения исследователей расходятся. Одни, не отрицая полностью такой возможности, склонны однако видеть в киевской культуре принципиально новое образование. Во всяком случае применение к ней термина «позднезарубинецкая» они считают неприемлемым (Терпиловский 1980, с.12; Горюнов 1981, с.91; Максимов 1982, с.153).

Другие, вслед за В.Н.Даниленко и П.Н.Третьяковым предполагают плавное перерастание одного явления в другое (Кравченко, Гороховский 1979). Двойственная позиция диктуется материалом. На памятниках киевской культуры действительно встречают-

ся в исчезающе малом количестве отдельные фрагменты лощеной керамики, близкие зарубинецким и почепским. Но сравнительная таблица керамических форм зарубинецкой и киевской культур, приводимая Н.М.Кравченко и Е.Л.Гороховским (Кравченко, Гороховский 1979, рис.3) и призванная доказать преемственность, скорее демонстрирует обратное. Большинство форм III ряда (киевская культура) нельзя вывести из предыдущего II (горизонт Рахны-Почеп), киевская культура по сравнению с зарубинецкой и горизонтом Рахны-Почеп — явление иноструктурное. Культура явно «горшечная». разнообразные вариации высоких слабопрофилированных баночных или биконических форм здесь решительно преобладают и лишь некоторые из них напоминают зарубинецкие. Обряды погребений на могильнике киевской культуры в Казаровичах тоже не идентичны ни зарубинецким, ни Рахнам — ямы заметно меньше, они округлые, а не вытянутые, остатки сожжений не очищены от углей и пепла, вещей мало.

По своей структуре киевская культура более похожа на соседние лесные культуры, чем на свою предшественницу, а элементы горизонта Рахны-Почеп можно скорее увидеть в памятниках типа Шаньково-Почепок (Булычев 1880; Седов 1970; рис.II, с.44-48) на Оке, чем в киевской культуре. В.В.Седов предполагает, что именно эта группа наследников зарубинецкой культуры, отошедшая на Оку, стала затем голядью, племенем, зафиксированным русскими летописями, говорившим вплоть до средневековья на западнобалтском диалекте.

Где-то в начале II в. носители культуры горизонта Рахны-Почеп переживают еще одно потрясение. Прекращаются захоронения на могильнике в Рахнах, прекращает существование ряд поселений (Терпиловский 1984, рис.19, Б). Не было ли это связано с еще одной волной сарматского движения? Во всяком случае в это же время были разрушены и окончательно оставлены позднескифские городища в Низовьях Днепра (Щукин 1970).

Между верхней датой горизонта Рахны-Почеп и нижней датой самой киевской культуры в сформировавшемся виде — около 20-30 лет разницы в одно поколение. Разрыв этот заполняется редкими широко разбросанными памятниками типа Грини-Вовки. Кроме названных поселений в устье Тетерева (Максимов 1969, с.39-41) и в Полтавской области (Горюнов 1981, с.108-109) к этому типу относятся Решитки около Канева (Терпиловский 1984, с.58; 204, с.204-205). Есть слои этого времени в Абидне в бассейне Березины, в Колодезном Бугре на Десне, в Картамышево на Псле и в Осиповке на Орели (Терпиловский 1984, с.55-57). Датировку определяют находки обломка фибулы II в. в Вовках (Горюнов 1981, рис.13, 3), краснолаковой мисочки конца I — первой половины II в. в Гринях (Максимов 1982, табл.XXVII, 14, с.136), круглой пластинчатой фибулы-броши с эмалью II в. в Абидне. Происхождение этого промежуточного горизонта возможно связано с более северными районами, с группой Кистени-Чечерск (Обломский 1983; Обломский, Терпиловский 1991, с.18-19). В течение этого «темного» II в. и происходит постепенная и окончательная трансформация остатков зарубинецкой культуры, культуры третьего мира, в новое культурное единство, относящееся по своей структуре к четвертому, лесному «миру». И происходит это по всей вероятности за счет влияния, а может быть и непосредственного участия выходцев из лесной зоны, за счет процессов, начавшихся еще в горизонте Рахны-Почеп. Уже отмечалось, что на памятниках этого горизонта попадаются черепки штрихованной керамики — в Лютеже (Бидзиля, Пачкова 1969, с.64), в Почепе (Заверняев 1969, рис.15-17), в Змиевке (Терпиловский 1984, рис.24, 15, 18, 19). на поселениях типа Грини-Вовки и на раннем этапе киевской культуры в Казаровичах штрихованная керамика представлена еще больше (Максимов 1969, рис.1, 8-10; 84, рис.10; Максимов, Орлов 1974, рис.5). Керамика культуры штрихованной керамики найдена и у хутора Клепчи на Стугне вместе с украшенными эмалью бляхами-цепями и с характерными пряслицами с большим отверстием (Ильинская, Тереножкин 1955) (рис.99). Эти пряслица — еще один элемент, объединяющий культуры киевскую и штрихованной керамики (Даниленко 1976, рис.2, 8-13, рис.3, 6, 7, 21-28, рис.4, 1-36 5-7; Митрофанов 1978, рис.29, 2-6, 14, 17, 26-28). На памятниках II в. появляется специфическая посуда с «расчесами» по тулову, становящаяся затем отличительным признаком киевской культуры. Исследователи уже неоднократно отмечали воздействие постзарубинецкой культуры на жителей лесной зоны (Третьяков 1966; Митрофанов 1978 с.118; Шмидт 1975; 1992), но полностью остается не исследованным процесс обратный, не выявлена роль населения лесной зоны на формирование новой культуры.

Штрихованная керамика легко распознается, но если в формировании киевской культуры приняли участие представители и других лесных культур, днепро-двинской и среднетушемлинской, то их распознать значительно труднее. П.Н.Третьяков не случайно охарактеризовал их керамику как «самую неинтересную» в лесной зоне (Третьяков 1966, с.173). Слабопрофилированные банковидные горшки этих культур примечательны именно своей невыразительностью. Но IV, V

и VIII типы киевской и колочинской керамики по классификации Е.А.Горюнова (Горюнов 1981, рис.3) или V тип пеньковской керамики по О.М.Приходнюку (Приходнюк 1980, рис.9) вполне могут иметь прототипы в днепро-двинской и среднетушемлинской посуде. Характеризуя ее, Е.А.Шмидт выделил 3-й тип: «Поверхность сосудов снаружи приглаживалась пальцами или специальной плоской палочкой в вертикальном направлении от горла ко дну, поэтому на ней заметны полосы или вмятины» (Шмидт 1961, с.355). Это описание вполне применимо и к киевской керамике. Странным образом этот способ обработки поверхности сосудов напоминает «сырую» хроповитость некоторых поморских сосудов, отличающуюся от «сухой» пшеворской. Где-нибудь в «белых пятнах» еще предстоит найти группу населения, которая могла бы сохранить эту традицию.

Горизонт Рахны-Почеп насыщен глазчатыми фибулами прусской серии. Изготовлялись они в Прибалтике (Амброз 1966, табл.21, 4) и в Причерноморье попадали очевидно или через носителей культуры штрихованной керамики, или вместе с ними. В обратную сторону с юго-востока не северо-запад шло распространение подвязных фибул «верхнеднепровской» серии, созданных по всей вероятности приднепровскими постзарубинецкими мастерами (Амброз 1966, с.57-58). Во время этапа Грини-Вовки и в начале существования киевской культуры, во II в. н.э. сходную картину дает картографирование находок вещей с эмалью — лунниц-подвесок, подковообразных фибул серии Грищинцы-Малышки-Межонис (показательно уже само название серии) и других (Гороховский 1982; 1983; 1982а).

Предполагалось прибалтийское происхождение эмалей (Моога 1934; Корзухина 1978). Последний тезис был поставлен, однако, под сомнение Е.Л.Гороховским (Гороховский 1982; 1982а; 1983; Слонов 1989), отстаивающим идею об их производстве в Среднем Поднепровье. Вопрос остается нерешенным, но в любом случае, в какую бы сторону не был бы направлен поток их распространения, он фиксирует балтийско-днепровские связи.

Ко времени «темного» периода Гриней-Вовков и начала распространения эмалей относится и создание «Географии» Клавдия Птолемея. Здесь нет возможности для подробного анализа текста и расчетов александрийского математика-эрудита. Заметим только, что использование им термина «Европейская Сарматия» для обозначения всей территории между Балтикой и Черным морем может означать установившееся с начала II в. политическое господство сарматов над всеми этими землями, некоторые косвенные следы этой ситуации нашли отражение и в археологии (Щукин 1982а), а так же и процесс «брожения» в лесной зоне, в результате которого вещи с эмалью были разнесены от Прибалтики до пограничья со степью. У Птолемея были основания рассматривать Восточную Европу как единую культурно-географическую зону.

Что касается венетов, то очевидно в этот термин александрийский ученый вкладывал два значения. С одной стороны, это один из «великих народов», населяющих «Европейскую Сарматию» во II в. н.э. наряду с бастарнами, языгами, роксоланами, амаксобиями-аорсами и аланами (Птолемей III, 5, 19), с другой стороны, они — обитатели побережья «Венетского залива Сарматского океана». Если Венетский залив искать не в маленьких и вряд ли заметных из Александрии Куршском или Гданьском заливах, как иногда делается, а допустить, вслед за Ф.Брауном (1899), что здесь имеется в виду весь изгиб Балтики от Гданьска до Вентспилса, и принять двойственность термина венеты, то кое-то прояснится.

Маркиан Гераклейский, автор IV века сообщает, что в Венедский залив, «который начинается от реки Вистулы и простирается на огромнейшее пространство», изливаются реки Хрон (очевидно Неман, обозначавшийся Хроном еще на картах XVI века) и Рудан, начинающийся из «Алуанской горы», где истоки и Борисфена. То есть имеется в виду очевидно Минская возвышенность, где берет начало Березина (вместе с Днепром она является Борисфеном) и левые притоки Западной Двины, и являющейся по всей вероятности Руданом (Булкин 1993, с.97).

Если верно наше предположение о происхождении термина «венеты», перенесенного по янтарному пути и бывшего скорее этносоциальным, чем этническим (см. стр. 223 — 224), то под венетами Клавдия Птолемея в узком значении могли пониматься обитатели побережья Венетского залива, т.е. население, представленное культурами западных балтов. Тогда становится понятным, почему готы у Птолемея оказываются южнее венетов. К его времени уже начался процесс сдвига вельбаркских племен в юго-восточном направлении — в Мазовию, Подлясье и на Волынь.

С другой стороны, Птолемей сообщает, что под властью венетов находились галинды, судины и ставаны, расселявшиеся «ниже» венетов вплоть до алан, т.е. скорее всего на пути вдоль Рудана-Борисфена (Березены - Днепра). Выглядит весьма вероятным, что в широком значении термин венеты у Птолемея покрывал и подчиняющееся им население был в этом отношении близок пониманию венетов Плинием и Тацитом.

Для славистов в списке Птолемея наибольший интерес представляют ставаны, поскольку их название созвучно славянам и возможно является самым ранним упоминанием славян под их собственным именем.

Обитают ставаны где-то между судинами и аланами. Если с судинами достаточно хорошо увязываются западно-балтские группы памятников «судиновской культуры», между Наревом и Неманом, самыми яркими из которых являются могильники типа Швайцария в районе Сувалок (Nowakowski 1990), то ставанов сегодня с равным основанием можно искать или среди групп горизонта Рахны-Почеп, может быть в группе Грини-Вовки, или в еще неоткрытых памятниках «полесского белого пятна» (Мачинский 1976), или в носителях культуры штрихованной керамики (Булкин 1993), или, скорее всего, во всех них вместе. И все это покрывается понятием «великого народа венетов» в широком значении. Культурные балтийские импульсы, пронизывавшие лесную зону, начиная с прусских глазчатых фибул, и продолжающиеся взаимными днепро-балтийскими контактами распространения вещей с эмалью, делают такое предположение вполне допустимым.

Многозначность же терминов, как и применение различных названий к одному и тому же населению, не может нас смущать. Примеров такого рода можно привести массу. Любопытно, что в списке Птолемея нет эстиев, так хорошо известных Тациту (Kolendo 1981). Возможно они тоже включаются в понятие венетов.

А тогда становятся понятными и некоторые туманные места текста Иордана, например, об «зстах», соседящих с кочевниками акацирами, «не ведающими злаков» (Иордан, 37) — в этот момент венеты включены в понятие «эсты».

Иордан знал, что все три современных ему славянских группировки племен — венеты, склавины и анты происходят из одного корня (Иордан, 34, 119). Венеты Плиния, Тацита и Птолемея (т.е. весь четвертый «мир» в целом) этот корень, вероятно, и образуют, хотя сказанное и не означает, что они все уже были славянами. Они скорее всего носители балтских и балто-славянских диалектов, от которых славянские говоры отчленились лишь ко времени Иордана, к VI в. н.э.

Но до этого им пришлось пережить еще ряд претурбаций. В первую очередь, не прошло очевидно бесследно вторжение вельбаркцев брест-тришинской волны в конце II-начале III в., один из эпизодов которого запечатлел Иордан как переселение готов в страну Ойум. Вельбаркцы появились не только на Волыни, но и проникли вплоть до Посеймья, о чем свидетельствует погребение в Пересыпках (Кухаренко 1970), а на юге до Мангалии в Добрудже (Iconomu 1968, fig.36, p.256). Это движение не могло не задеть хотя бы окраинные группы населения четвертого «мира», а возможно откликнулось и в его глубинах. Во всяком случае на городище культуры штрихованной керамики в Лабенщине именно в это время происходит еще одна перестройка укреплений, а в керамическом комплексе появляется лощеная керамика. Дата определяется пряжками ступеней B2/C1 и C1a центрально-европейской хронологии, найденными в слое, возникшем после перестройки (Митрофанов 1978, с.28, рис.20, 17, 18).

Движение вельбаркцев на юг возможно подтолкнуло в том же направлении и часть населения, представленного памятниками волыно-подольской группы и типа Грини-Вовки. Древности, близкие им по облику, выявлены на юге в районе оз.Кагул. Памятники типа Этулия (Щербакова 1981; 1982; 1983; Гудкова 1989). И не они ли обозначены на «Певтингеровых таблицах» как «венеды» к северу от устья Дуная?

Отсутствие надежных датировок пока не позволяет утверждать с определенностью, но возникновение мощинской культуры на Оке и увеличение процента лощеной керамики в дьяковской культуре тоже могло быть связано не столько с предыдущими событиями, сколько с вельбаркским толчком.

Наконец, если принять предложенные Г.И.Матвеевой датировки и версию происхождения именьковской культуры в Поволжье, обнаруживающей удивительное сходство с полесским вариантом зарубинецкой культуры, горизонтом Рахны-Почеп и киевской культурой (Матвеева 1981) (рис.87), то сложение именьковской культуры тоже может оказаться в связи с теми же событиями. Впрочем, в последнее время в промежуточной зоне, в бассейне Хопра, в пределах Саратовской и Тамбовской областей, тоже обнаружены памятники, напоминающие не только киевскую культуру, но и предшествующей ей памятники горизонта Рахны-Почеп (Хренов 1994). Картину еще предстоит распутывать. Вероятно были две волны движения носителей прежней зарубинецкой культуры далеко на восток.

Основным же итогом вельбаркско-пшеворского движения на юго-восток после неудачных попыток северных варваров пробиться на территорию Империи в середине III в. было возникновение в Причерноморье черняховской культуры (Щукин 1977; 1979а). А побочным результатом могло быть оформление киевской культуры. Под вельбаркским давлением часть еще сохранявшихся потомков носителей зарубинецкой культуры, уже испытавшая влияние лесных культур, должна была искать спасения далеко в лесах, ока-

зав, естественно, свое влияние и на местных жителей. Затем, на рубеже III-IV вв., когда готскому королю Германариху удалось подчинить венетов (Иордан, 119), положение стабилизировалось. Часть беглецов и их потомков смогла вернуться на прежние территории. Образовалась киевско-черняховская чересполосица, фиксируемая на Днепровском Левобережье. Но за это время культура успела окончательно приобрести структуру культур четвертого «мира». Процессы сложения обеих культур, и киевской, и черняховской, были впрочем достаточно сложными и сопровождались «перетасовками» населения. (Обломский 1992; Кропоткин, Обломский 1991). Их нельзя вывести только из одного корня, только из одной из предшествующих групп.

Позже, в конце IV в., когда гунны разбили и изгнали готов и полиэтничная многоплеменная «держава Германариха» распалась, венеты и вызревший в их среде союз антов, оказались естественными союзниками гуннов. Во всяком случае и те, и другие воевали против готов Винитария (Иордан, 245-250).Когда гунны и подчинявшаяся им часть остготов ушли с Аттилой в Паннонию и были затем разбиты в 451 г. на Каталаунских полях, славянские племенные союзы антов и склавинов должны были оказаться решающей силой в Причерноморье и в свою очередь начали экспансию в Подунавье, а затем и в Центральную Европу. В это время, в течение V в., окончательно прервалась черняховская культура (Щукин 1977; 1979) и произошло оформление трех раннеславянских культур — пражско-корчакской, пеньковской и колочинской.

Процессы их сложения исследованы еще далеко не полностью. Всего отчетливей прослеживается перерастание киевской культуры в колочинскую (Горюнов 1981). Менее ясен этот процесс для пеньковской культуры (Горюнов 1981, с.58). Среди исследователей даже возникают споры терминологического порядка: относить ли, скажем, поселение Ульяновка к киевской культуре, или уже к колочинской , а поселение Роище — к киевской или пеньковской (Терпиловский 1984, с.75-83; Горюнов 1981, с.22, 42, 43, Приходнюк 1988).

Вряд ли нам удастся механическим подсчетом черепков различных форм горшков, находимых в жилищах, проследить все сложные взаимоотношения представителей разных семейств в рамках каждой из культур или еще более сложные взаимоотношений при смене поколения и вхождении их в новые культуры. Слишком случайна и не полна наша выборка материалов. Случайно и мало число дошедших до нас жилищ из всей массы некогда существовавших, случаен набор черепков. Но сам факт возникновения такого рода дискуссий свидетельствует о степени сходства киевской культуры и последующих раннеславянских. А терминология — дело условное.

Можно однако предположить, что, если северная колочинская культура с ее цилиндро-коническими горшками сложилась на базе «чистой» киевской культуры, то формирование пеньковской с ее биконическими горшками происходило южнее, в той довольно обширной зоне Днепровского Левобережья между Псломи Орелью, где киевские и черняховские поселения сосуществовали чересполосно друг с другом. носители обеих культур жили в непосредственном соседстве, но занимали разные экологические ниши. Киевские поселки располагались, как правило, на песчаных дюнах в поймах рек и между старицами, черняховцы занимали южные склоны коренного берега с черноземами.

Совсем пока не ясен процесс сложения пражско-корчакской культуры (Щукин 1976; 1987) и здесь чрезвычайно важным оказывается находка двух лепных горшков в Лепесовке (Щукин 1988а), на черняховском поселении в верховьях Горыни, в Волынско-Подольском пограничье. Именно они позволяют наметить путь поисков предпражских форм керамики.

Лепесовка — один из наиболее полно исследованных памятников черняховской культуры (Тиханова 1963; 1964; 1970; 1971).Гончарная черняховская посуда составляет 79% керамического комплекса поселения, а среди лепной преобладают формы, восходящие к пшеворской и вельбаркской культурам. Но около 10% лепной керамики — обломки характерной киевской посуды с «расчесами» на поверхности (Щукин 1989е). В том числе и два целых горшка, причем один из них был найден в таких стратиграфических условиях, что не остается сомнения — сосуд был в употреблении в момент гибели поселения в IV веке (Щукин 1988г). Лепесовка находится вблизи от юго-западного угла, отмеченного выше «белого пятна», остающегося таковым вплоть до появления в VI в. славянских памятников типа Корчак (Русанова 1973; Щукин 1976, с.69-70). Отсюда следует предположение: на Днепровском Правобережье могла существовать ситуация, аналогичная или близкая Левобережной, здесь могут быть выявлены памятники как смешанной черняховско-киевской зоны, так и расположенные в «белом пятне» памятники «чистой» киевской культуры, точнее ее особого правобережного варианта (рис.101). Такие памятники пока не найдены, но на Левобережье П.Н.Третьяков, Е.А.Горюнов и украинские археологи в течение ряда лет вели целенаправленный поиск киевских древ-

ностей, а на Правобережье таких работ не проводилось. Если же их удастся обнаружить, то именно они могут дать керамические формы, переходные с одной стороны, к пражско-корчакским «матрешковидным» горшкам, а с другой стороны, дадут связующее звено между киевской культурой и лепной керамикой черняховских памятников междуречья Днестра и Западного Буга (Баран 1981; 1988), а также и с керамикой «спецымежского» типа, появляющейся с рубежа II-III вв. (Щукин 1976) на пшеворских и вельбаркских памятниках Польши, возможно именно за счет контактов с жителями лесной зоны и с носителями формирующейся киевской культурой.

Кажется соответствующие материалы начали выявляться в «белом пятне» Правобережного Полесья. В урочище «Марфинец» у деревни Остров на Стыри в Пинском районе обнаружены остатки трех полуземлянок с «предпражской» посудой, покрытой «киевскими» расчесами и слабой штриховкой. К сожалению, найденные в заполнении жилищ вещи — бусы и наконечник дротика — не дают определенной даты, но наличие в подъемном материале, кроме предметов связанных с существующим здесь зарубинецким слоем, также вещей римского времени, в частности подвязной фибулы 3 варианта по А.К.Амброзу, и отсутствие более поздних находок, позволяют подозревать принадлежность жилищ к позднему римскому времени (Егорейченко 1991, с.61-82) (рис.102).

В реконструируемой картине еще очень много спорного и неясного, слишком много предположений и допущений. Последовательность событий тоже не всегда можно уловить из-за расплывчатости археологических датировок. Для большего, однако, пока не хватает материалов, нужны новые исследования и прежде всего в лесной зоне и в Прибалтике. отчетливей должна быть выявлена роль западнобалтских культур в намечающихся процессах.

К сожалению, непоправимый ущерб изучению проблем славянского этногенеза нанесла Чернобыльская катастрофа. Один из самых важных районов оказался недоступным для археологических раскопок, а работы по дезактивации, вероятно, уничтожили целый ряд памятников, имевших возможно принципиальное значение.

Что касается роли во всех намечающихся процессах носителей зарубинецкой культуры и их потомков, а также людей зубрецкой группы, которых мы сопоставляли с бастарнами, то роль эту не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Они, наряду с представителями других культур тоже были предками славян и также как, скажем, галлы были предками французов, хотя и говорили на другом языке. Быть может именно бастарны привнесли во вновь образующуюся общность тот кентумный элемент, который отличает славянские языки от балтских.

В целом же можно отметить, что смутно улавливаемый археологами процесс близок по характеру к тому, который намечается языковедами.

«Праславянский язык как, возможно, и в любой другой праязык, вполне реалистично представить себе как изоглосную область, как пространственно-временной континуум более или менее родственных диалектов, где действовали праславянские (или какие-нибудь другие, для другой семьи языков) тенденции развития, обусловившие последовательную цепь процессов... В праславянскую (или какую-нибудь иную праязыковую) изоглосную область различные диалекты могли входить не одновременно, раньше или позже. Вполне вероятно, что те или иные диалекты, ранее входившие в данную изоглосную область, могли выйти из нее, примкнуть к другой изоглосной области, иногда не родственной. В такой «оторвавшейся» изоглосной области будут действовать противоречивые тенденции — свои старые и новые, идущие из эпицентров новой изоглосной области (ср.сближение славянских и романских языков в балканском языковом союзе, сближение балтийских славянских и финнских на территории Прибалтики, сближение индоевропейских, кавказских и тюркских в рамках кавказского языкового союза). — Есть некоторые основания полагать, что древнепрусский язык, языки ятвягов и голяди первоначально входили в протославянскую изоглосную область, но позже, оторвавшись от нее, примкнули к балтийской (летто-литовской), возможно, явившись эпицентром иррадиации общебалтославянских процессов. В свою очередь, летто-литовский, вероятно, в какой-то период примыкал к прагерманской изоглосной области, оторвавшись от нее примкнул к балтославянской, был до новых встреч с германскими языками эпицентром иррадиции некоторых германско-общебалтославянских тенденций. Детализация и хронологизация перераспределений изоглосных областей пока может быть лишь спорной — не установлена относительная хронология древнейших процессов, не установлена их иерархия, данные, добытые путем внутренней реконструкции на материале одного языка пока несопоставимы с данными другого языка или языковой семьи. Поэтому пока речь может идти лишь о принципиальной допустимости перераспределения изоглосных областей» (Журавлев 1968, с.173-175).

В установлении относительной и обсолютной хронологии «перераспределения

изоглосных областей» вероятно смогла бы помочь археология.

А если правы те лингвисты, которые предполагают, что становление общеславянского языка происходило в восточной части далекой от гор и морей области, богатой болотами, лесами и озерами, что происходило это сравнительно незадолго до появления древнерусских летописей и на основе балтских диалектов, из среды коих и выделился славянский, прошедший балто-славянское состояние (Топоров 1978), то эти представления достаточно точно совпадают и с отмеченными археологическими явлениями.

В середине I в. н.э. два одновременных толчка — сарматский на юге и вельбаркский в северо-западном углу четвертого «мира», вызвали те процессы «брожения», которые и привели в конечном итоге к появлению славян. Особенно активной силой оказались остатки прежнего зарубинецкого населения, принадлежавшего ранее к тертьему «миру» и археологически представленному теперь горизонтом Рахны-Почеп. В культурном, а возможно и в языковом, отношении это конгломерат элементов кельтских, германских, фракийских, балтских, а также неких, исчезнувших затем полностью и не сохранивших имени индоевропейских элементов «х». Образовался бурлящий «венетский котел» между феннами и бастарнами, пронизываемый к тому же импульсами из Прибалтики.

Взаимовлияние и взаимодействие носителей горизонта Рахны-Почеп и лесных культур с возрастанием роли последних после оттока части населения на восток (образование мощинской и именьковской культур) привело к перестройке структуры новых образований — памятников типа Гринивки и киевской культуры. В результате и произошло, вероятно, «перераспределение изоглосных областей» и от балтских (или балто-славянских) диалектов отделились балто-славянские (или славянские). В лоне пространственно-временного континуума более или менее родственных балтских диалектов образовался «эмбрион» будущего славянства. Процесс его развития был подогрет волной вельбаркско-пшеворского переселения и войнами венетов с Германарихом.

Длившийся более 200 лет «утробный период» закончился «кесаревым сечением» гуннского нашествия в конце IV в., разрушившим черняховскую культуру.

Южная стенка «венетского котла» оказалась разбитой и содержимое выплеснулось наружу. После «младенчества» в смутной обстановке V в. группы славян продвинулись в VI в. до Дуная, пережили бурный «дунайский» эпизод своей истории в столкновениях с византийцами, аварами, болгарами и другими народами и, потерпев в 593-602 гг. ряд поражений от «волохов», частично расселились в Центральной и Южной Европе, частично вернулись в свои прародины. Начался с рубежа VII-VIII вв. и процесс «славянской реколонизации лесной зоны», где сохранялись группы их прежних балто-славянских и праславянских балтских сородичей (Mačinskiy 1974; Мачинский 1976; 1981; 1981а; 1982; 1989).

В данном труде автор не ставил своей целью решение проблемы славянского этногенеза. Задача была другая — попытаться реконструировать кусок «гобелена истории», собирая его из различных обрывков исторических сведений и археологических фактов и «штопая» гипотезами и предположениями. Тема славянского этногенеза вырисовалась между прочим. Поэтому все сказанное по этому поводу не следует рассматривать как законченную гипотезу. Это лишь эскиз, набросок будущей гипотезы, создавшейся группой петербургских исследователей в ходе работы двух междисциплинарных семинаров (Мачинский 1976; 1981; 1982; 1989; Лебедев 1989; Щукин 1987; 1986-1990; 1989; Булкин 1993). Она может быть оформлена лишь после того, как будет сделана реконструкция и других частей «гобелена», расположенных выше, и выявится историко-археологическая картина II-VI вв., к которой пока потянулись лишь отдельные ниточки.

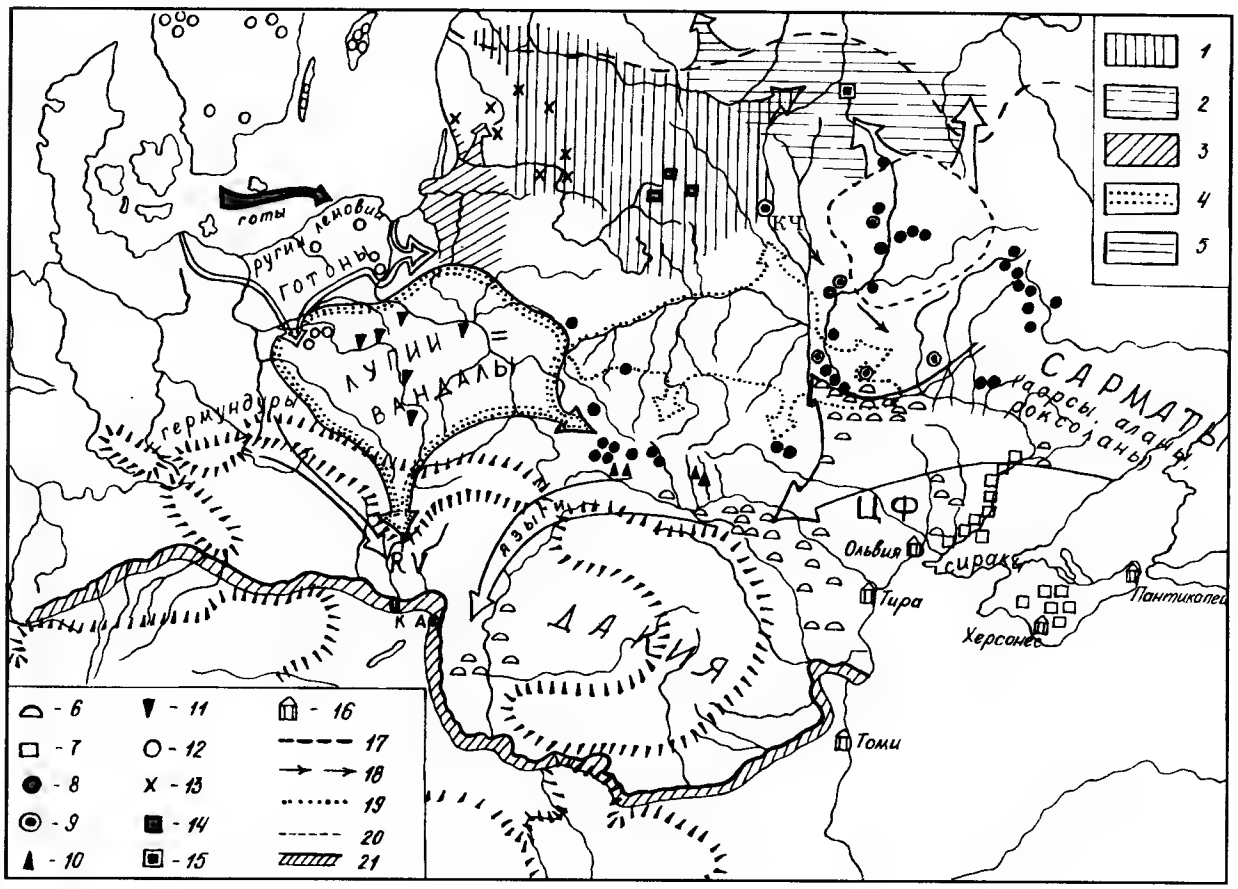


Рис. 100. Карта-схема ситуации I в. н. э.
1 — зона культуры штрихованной керамики; 2 — зона Днепро-Двинской (среднетушемлинской) культуры; 3 — зона культуры Западных Балтов; 4 — границы пшеворской культуры и направления движения ее носителей; 5 — границы вельбарско-любовидзской культуры и густовской группы; 6 — сарматские погребения; 7 — позднескифские городища; 8 — памятники горизонта Рахны-Почеп; 9 — памятники горизонта Рахны-Почеп с находками штрихованной керамики (группа Грини-Вовки); 10 — пшеворские памятники Верхнего Поднестровья и памятники Звенигородской группы; 11 — пшеворские погребения с оружием, вбитым в дно могильной ямы; 12 — могильники с каменными кругами Одры-Венсёры и Скандинавии; 13 — погребальные памятники Литвы с чертами культуры Западных Балтов; 14 — городище штрихованной керамики со следами пожаров;
15 — городище Церковище; 16 — греческие города; 17 — южная граница распространения угро-финской топонимики; 18 — направление движения населения группы Кистени-Чечерск; 19 — границы прежней (классической) зарубинецкой культуры и направления движения ее носителей; 20 — границы юхновской культуры; 21 — граница Римской империи.
ЦФ — царство Фарзоя;
— царство Ванния;
А — Аквинкум;
К — Карнунтум;
КЧ — группа Кистени-Чечерск.

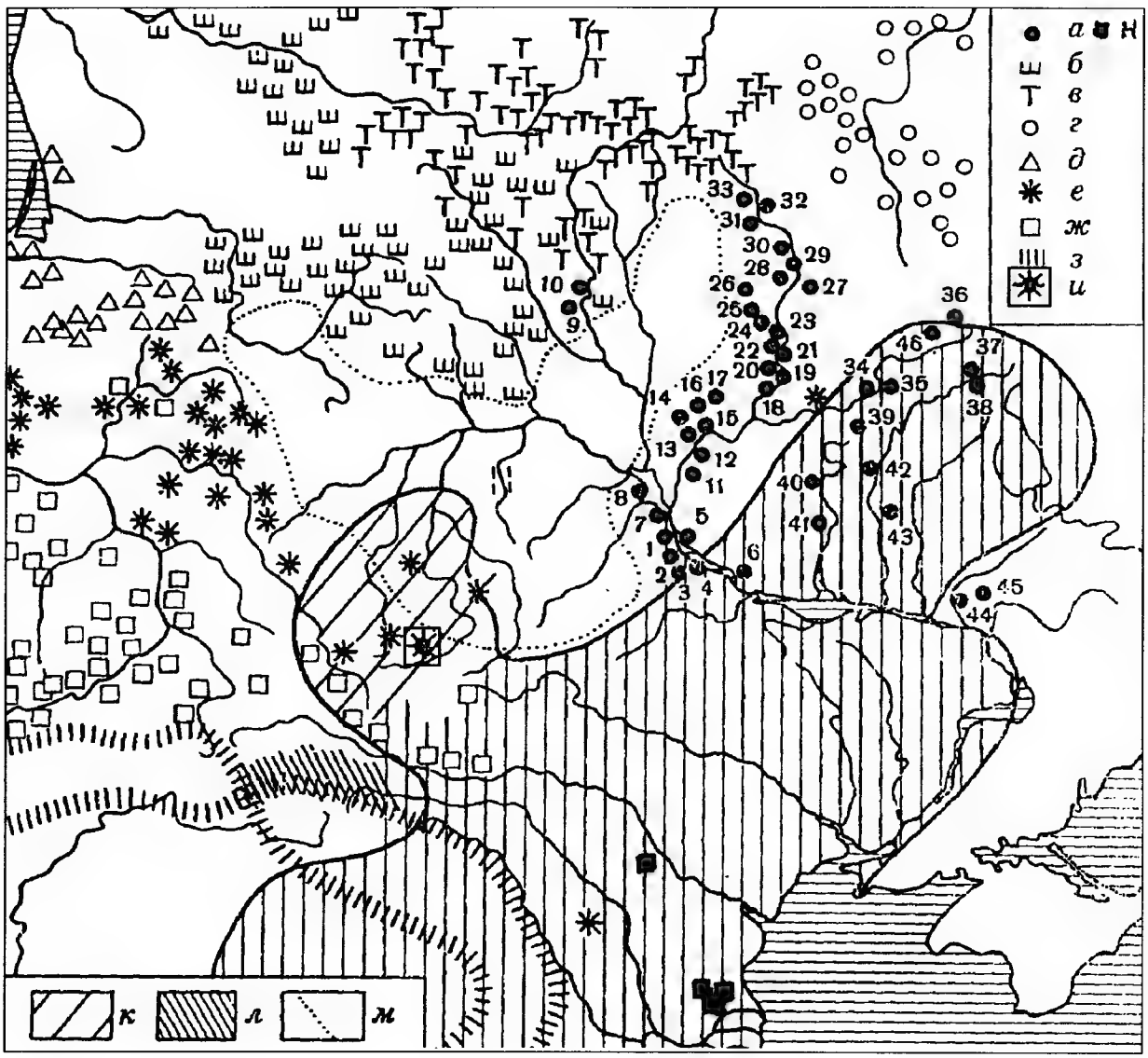


Рис.101. Киевская культура и археологическая ситуация в III — IV вв. (по М.Б. Щукину): а — памятники киевской культуры (по Е.А.Горюнову, Р.В.Терпиловскому, Е.В.Максимову); б — памятники штрихованной керамики (по В.В.Седову); в — памятники днепро-двинской и среднетушемлинской культур (по В.В.Седову); г — памятники мощинской культуры (по В.В.Седову); д — памятники западных балтов; е — памятники вельбаркско-цецельские; ж — памятники пшеворские; з — зоны черняховской культуры; и — Лепесовка; к — зона волынской группы черняховской культуры; л — зона культуры карпатских курганов; м — граница зоны "относительной археологической пустоты"; н — памятники типа Этулия. Основные памятники киевской культуры: 1 — Оболонь; 2 — Безрадичи; 3 — Обухов; 4 — Девич Гора; 5 — Бортничи; 6 — Решетки; 7 — Казаровичи; 8 — Грини; 9 — Тайманово; 10 — Абидня; 11 — Золотинка; 12 — Выбли; 13 — Ульяновка; 14 — Роище; 15 — Киселевка; 16 — Макшин; 17 — Ровчак; 18 — Заярье; 19 — Лавриков Лес; 20 — Левкин Бугор; 21 — Целиков Бугор; 22 — Колодезный Бугор; 23 — Кветунь; 24 — Суворово; 25 — Яковлевичи; 26 — Посудичи; 27 — Хохлов Вир; 28 — Макча; 29 — Усох; 30 — Мансурово; 31 — Смольянь; 32 — Жуковка; 33 — Владимировка; 34 — Волынцево; 35 — Комаровка; 36 — Воробьевка I; 37 — Картамышево; 38 — Кулига; 39 — Беседовка; 40 — Артюховка; 41 — Сенча; 42 — Курган-Азак; 43 — Вовки; 44 — Черечина; 45 — Осиповка; 46 — Лебяжье IV.

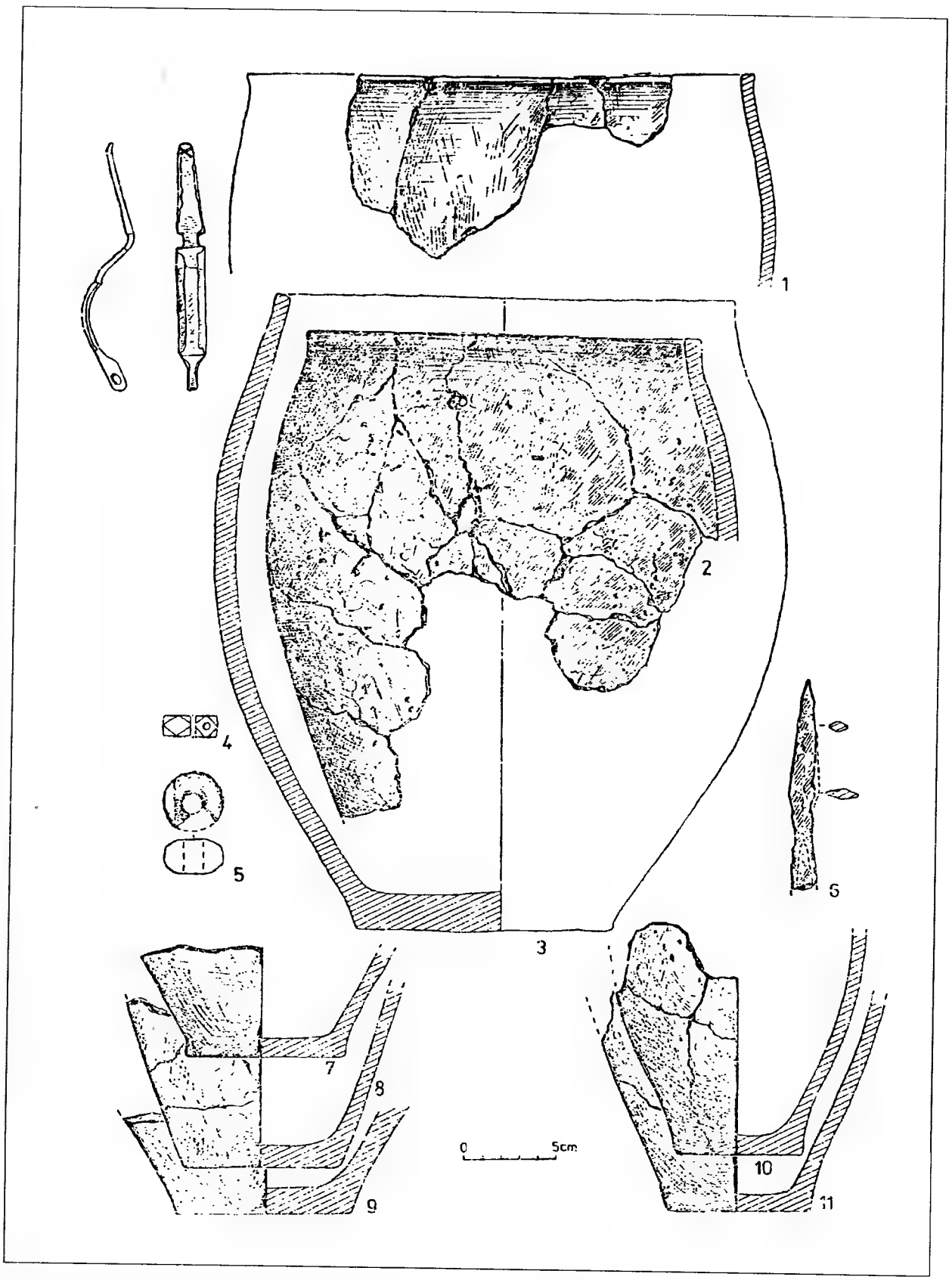


Рис. 102. Находки из жилища 3 поселения Остров-Марфинец ок. Пиньска и фибула с того же поселения (по А.А.Егорейченко)

ABSTRACT

This book is a new edition of the work by author "Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1-st century B.C — 1-st century AD" — B.A.R. International Series 542. Oxford 1989. As a matter of fact the book is haw. ever a quit new one, only small pieces of text and some pictures have been reused.

In presenting this papers the author had the purpose to construct a model of political, social and ethnographic processes occurring in Ancient Europe in the vast territory from the Rhine to the Caucasus within the limits of the 3rd century B.C.—1st century A.D. It is based on the studies and the comparison of both archaeological and contemporary literary sources, to reconstruct a model from information available at the moment and against the background of the known ancient historical events.

There arose a main problem how to combine the ancient history data known from the literary sources with the "voiceless" archaeology? How to combine the results of studies in different subject fields of archaeology and prehistory — Celtology and Sarmatology, Classical and Slavic archaeology, Germanistic and archaeology of Baltic peoples? How to join the mosaic fragments, from these studies to attempt to reconstructed with in limitations, into a unified picture?

The work was done to the following methods. The degree of authenticity of the European chronological system of La Tene epoch and Early Roman Period and the degree of substantiation of the conversion of relative stages of this system into absolute dates are determined in the first place.

There is no unified chronology system developed for Eastern Europe. Here you have to use the existing chronologies for particular types of artefacts and complexes and, where possible, test their substantiation. All these comparisons combined with the data of European chronological system might result in a definite conception of the initial and final dates of various cultural formations — archaeological cultures, groups, phases in development, the time of wide spreading of different interregional types of artefacts, etc.

The application of more accurate and "narrow" dating allows to outline the periods of more or less sharp changes in development of these cultural formations. It shows either in chronological gaps between the cultures or in chronological inconsistency, e.g. in the simultaneous existence of artefacts belonging to different styles and epochs. These are, most likely, the cases of destabilization periods, crisis phenomena, which probably took place not only in the sphere of material culture (which we can fix), but also in other spheres of life — social, economic, political, (which one can only suppose). If it is so, we have an opportunity for hypothetical comparison with historical processes having taken their course in the zone of literary sources, for the history of Europe is one and the same to sufficient extent.

Since the author tried to bring together several branches of archaeological and historical knowledge, and each of them has a lot of controversy, chronological specification and all the methods applied made it possible to choose the positions in which the existing data and the results obtained could better match up with the data of neighbouring areas. Thus both were verified.

Literary sources provide comparatively scarce information about events and processes in the depth of Barbaricum. The author tried to use it as fully as possible and held on to the principle to exclusively compare synchronous data of literary sources and archaeology.

As for ever-lasting debates between autochthonists and allochthonists, the author thinks that discussions have been caused by the material itself. Two features are always present in cultures changing each other in all circumstances. There are traditions and innovations. Such extremes as a total replacement of the population or, on the contrary, changes in culture due to its immanent development without any influence from outside, are rare, if not unique. The innovation may be provided by the intake of newly come population as well as by changes in the whole system of social and economic links, and it does not happen without human participation either. The possible influence of minor groups on the course of changes is repeatedly mentioned in the work. It is possible to estimate the degree of probability for each variant only by analyzing every particular case, but it must be admitted that at the present state of our science it turns to be beyond the cognition. The only thing left is to record the very fact of changes.

As it was foreseen, chronological studies reveal the 2 steepest falls in the evolution of cultures — within the 3rd-2nd centuries B.C. and immediately at the turn of the millenniums, in 1st. century B.C. — 1st. century A.D. In the first case it's the starting point of the cycle of "Latenized" cultures in Central and Eastern Europe (Przeworsk and Oksywil cultures, Poienesti-Lukachevka, Zarubintsy ones and so on) and essential reorganization of Celtic society passing from the "historical expansion" period to "Mid—European consolidation", and then to "the industrio-commercial" society of "the oppida horizon". At the same time the Roman Republic becomes a leading power in the Mediterranean region.

In the second case it is the period of transformation of the Roman Republic to the Empire, the collapse of the Celtic civilization and the replacement of the La Tene epoch by the Roman Period. The materials of Barbaro-Roman boundary area, the Rhine-Danube limes provide a great help for the studies of the latter period, because the events here are reflected by the sources, and archaeological finds correspond to the Barbaric world. The limes are like a "drum@ reflecting the impacts from both sides. Studies of vibrations of this "membrane" may give grounds for the reconstruction of the processes in the depths of the Barbaricum.

The work may seem to be overloaded with the description of events from the Ancient History Reader. The author found it expedient to preserve these sections because they set historical background for the processes to be reconstructed in the Barbaricum, the concrete course of which we are unable to find out. But with the background given, one can suppose that in the barbarian milieu the events were no less dramatic and turbulent than in the Mediterranean region an on the Empire's frontier zones.

Chapter 1. The author shortly characterizes the 7 biggest cultural formations of Ancient Europe which are dealt with later (Fig.1). As there are no appropriate terms, the author gave them a code name of "cultural worlds". There are the Classical world, the second world — Celtic, the third — the world of "latenized cultures" of Central and Eastern Europe (Jastorf-Kultur, Przeworsk, Oksywie, Zarubintsy, Poienesti-Lukashevka cultures and a number of smaller groups). Then come two worlds of forest cultures of Eastern Europe — conventionally, the Baltic (or Balto-Slavic) and the Finni-Ugric. The culture of West-Baltic tumuli is placed between the third and the fourth worlds. The sixth world is the steppe Scytho-Sarmatian and the seventh — the Thracian world. All these are neither monocultural nor monoethnic worlds, but there is certain likeness between the cultures making up each world, the structure of the cultures of ever world

are similar. All this is determined by natural and economic as well as some other reasons. For instance, the population was of similar psychological type. Fine art and material culture in general show this, though the detailed analysis is not given. In this book, for this was outside the scope of this study, which was to specify the processes of the interaction these "worlds".

As one may form an impression that in the 7 worlds there is no place for the ancestors of Slavs the final section of the 1st chapter is devoted to the attempts made by scholars of searching for the ancestors of Slavs by means of archaeological retrospective method, which however brings different results with the same initial data — the Oder-Vistula and Dnieper hypotheses and a number of compromising ones as a strive to put together the two above-mentioned. The author finds the third way (i.e. the forest zone of Eastern Europe and Balto-Slavic language community) the most promising.

Chapter II is devoted to the problems of chronology. It is the key chapter of the work. After expounding the hundred-year history of formation of the European chronological system of La Tene and Early Roman Periods (Fig.6-14) the author outlines the system present state (Fig.15), when the discussion about the date of the destruction of the oppidum Manching having been finished and it become clear that the dates of Jan Filip's system maybe are too late. Several preliminary notes on methods are also made.

The difference of principal in the nature of historical and archaeological dates is pointed out in particular. The first ones are usually some point in time, the second are always some interval, wherein a date of a real event can be placed with the varying degree of authenticity.

After that the author gets down to testing the degree of substantiation of absolute dates in European system. This clears up the fact that a number of stages consecutive in the relative chronology in reality turns out, as it were, parallel or changing each other gradually (Fig.16-24). Interweaving of several cultural styles to an intricate pattern is especially distinct for the second half of the 3dc. — the beginning of the 2nd. B.C. (stages La Tene B2b, B2/Ci, Cia, Cib, C2) (Fig.15-19) and for the time at the turn of the millenniums (La Tene stages D2 and D3, Roman Period stages A1, A2 and Bia, Grossromschtedt horizon, late pre-Roman time phases d, e, f) (Fig.21, 23) which evidently show the periods of the biggest all-European social and political "shakes" in barbaric society.

"The index of chronological indicators" to diagnose the analyzed system's stages is also given. (Fig.16,17,18,19,21,22,24).

Some principal ideas of this chapter are novel for the science and can be listed as follows:

1) The possibility to raise higher the final date of the Duchcov-Munzingen horizon taking into consideration the fact that in 263 B.C. with the foundation of Ariminum colony, the Romans made cut the route for the Celts supply of corals through, the Adriatic Sea. This might have caused the noticed change in style of the artefacts.

2) It is possible to untie an intricate knot of chronological correlations in the stages of the second half of the 3rd — the begining of the 2 nd centuries B.C. by lowering terminus ante quem of the stages La Tene B2 because of the date of reliefs depicting Celtic weapons from Pergamum could be lowered to (240 instead of 180 B.C.)

3) The initial date of the stage La Tene C2 — could be established with a greater precision through synchronization with phase "b" of the Late Pre-Roman Period and with the dating to Rhodes amphorae stamps from Lukashevka II settlement. Narrowing of the date for these stamps (193-179 instead of 220-145) has been done on the ground of analysis of political situation and possible trade between Rhodes and the barbarians from the Dnestr region. The Rhodos and population of the Dnestr region were often in opposite political alliances, and when the wars aroused, the trade was unreal. (Fig.20). The ideas expressed in the last, two items belong to V.E. Ereymenko and the work was done in conjunction with him.

4) Introduction of the concept "stages A1 and A2" for early Roman Time, that are taken to mean the phenomena which Sabina Rieckhoff observed for the Upper Danube and the Rhine regions. It is a formation a new Roman provincial culture created by legionnaires and Roman colonists.(Fig.21).

5) The correlation of historical and archaeological dates in the Upper Danube limes and stages Bia and B1b of Early Roman Period can contribute greatly to working out methods of comparison. One could notice that historical dates are somewhat earlier then archaeological ones.(Fig.23)

After making the chronology more precise, the main part of this study could to be under taken. Subsequent chapter deal with five chronological cuts, ethno-political situation in Europe being reconstructed within each.

Chapter III is devoted to historical events and archaeological phenomena in the 4 th century — the first half of the 3rd century B.C. The section "Celts and the Classical World" sketches out the epoch of "historical expansion" of Celts: their appearance in Italy, on the Balkans, in the Carpathian basin, their penetration into Asia Minor and Silesia.

Three ideas here are innovations from the point of view of historical science:

1) Due to V.Kruta's uniting monuments of Italy, Switzerland, Czechia and Champagne into such archaeological phenomenon as Duchcov-Munzingen phase of La Tene culture (Fig.26) the tribes union under Ambigatus' leadership found its archaeological expression. This clarifies the fact that Belgae from the Marna basin had taken part in all serious armed conflicts between Celts and Romans up to 225 A.D. It was probably one of Hannibal's mistakes when he did not take into consideration the fact, that the union had already broken up. Only separate tribes, not the whole union, supported him.

2) Alexander of Macedon's negotiations with the Celt's ambassadors on the Danube in 335 B.C. might have been of greater importance than it was attached to them. A year later Alexander launched his eastern campaign, and there are archaeological evidence of the Celts penetration into Transylvania and Silesia around the same time.(Fig.28-30). It could be inferred from this that a tresty to divide spheres of respective influence had been concluded?

3) The later Celts expansion into the Balkans and Asia Minor might have been connected not only with the disintegration of Alexander s power but with the Celts failures in Italy (Lake Vadimon 280 B.C.).

The section "Downfall of the Great Scythia" deals with the question of Macedono-Scythian relations and the devastating invasion of the Sarmatians. The author agrees with D.A.Machiski s argumentation on dating the latter event to the end of the 4th century. B.C. Moreover, this coincides with the events in the Kuban and Bosphorus regions where the Scythians and the Sarmatians confronted each other in opposite coalitions when Perisade's sons struggle for power over Bosphor kingdom.

The strange phenomenon of the lack of Both Scythian and Sarmatian sites on the Black sea littoral in the 3 rd century B.C. should not be taken as confusing because of the possible "lag" of archaeological dates. Besides, the devastation a the Scythia by Sarmatians could drag out for several decades. The stress is put on

also the absence of the reliable dates for Sarmatian monuments of this time from the right bank of the Dnieper and uncertainties of the dates for monuments with Prokhorovka features from the left bank. The problem comes up against the chronology of the Prokhorovka culture (Fig.25) which needs further elaboration. In any case today according to the archaeological data for the 3rd. cent. B.C. Scythia looks rather deserted, and this is correlated with evidences of the written sources.

The third section of the chapter is devoted to the situation in "The Third World" of Central Europe — in Jastorf and Pomeranian cultures, allied to some extent (Fig.4a), because both had the common Lusztian base (partially for Jastorf) and such common phenomena as urn with masks and house-shaped urns.

In the Jastorf culture presented by the right bank of the Lower Elbe and a series of peripheral groups in the 3 rd cent. B.C. two cultural impulses interacted: the northern connected with gradual penetration of the population to the south and the Celtic cultural influence. This leads to the formation of such peripheral groups as Bodenbach — Podmokly in north-eastern Czechia, Gubin group between the Oder and Neice and a special Celticized group in the basin of the Saale and the Elbe. The process of latenization of the northern barbarian begins. (Fig.39).

After a number of German researchers the author thinks it to be too early to speak about the ancient Germans as such. The notion Germans had appeared no sooner than in the middle of the 1 st. century B.C., and even after that at least for a century there were various groups of population "between the Germans and the Celts", and the majority of the peripheral population of Jastorf belonged perhaps to them.

It could be possible to put the bearers of the Pomeranian culture down to the analogues group of population. During the time when the late variations of Duchcov's fibulae existed, probably due to the appearance of the Celts in Silesia (Fig.30) and the formation of "Scythian vacuum", some part of the population of Pomeranian culture advanced to the east — to the western Poles'e and western Ukraine.

Chapter IV "From the second third of the 3 rd century B.C. up to the end of the 2 nd century B.C.". In the focus of analysis here are the events connected with the extinction of "the historical expansion" of the Celts. In 240 B.C. they were defeated by Attalus of Pergamum in Asia Minor, in 225-192 B.C. — in Northern Italy by the Romans. As a result the tribes of Boii had to leave Italy and move to the modern Czechia-Bohemia. In 212 the Celts left Thrace. Thus begins the period of "Mid-European consolidation" of the Celts which ended with the transformation of their society from the military to "the industrio-commercial" one. Meanwhile Rome, having defeated the Celts and Hannibal, seized Carthago and beaten Philip V Macedonian and Antiochus III Seleucid becomes a leading power in the Mediterranean. Philip failed as he attempted to use the forces of the Bastarnae, who had made their Appearance in the Trans-Danube area, around 216 B.C. in his struggle against Rome. His son Perseus destroyed this alliance with the Bastarnae and Macedonia was conquered by the Romans in 168 B.C.

Somewhere during the 3 rd century B.C. the Celts penetrate to the Northern Black Sea littoral and formed a union with the Sciri, they posed a threat to the walls of Olbia as the Olbian decree in Protogenus honour reads. To accept the decree's date in accord with T.N.Knipovich and P.O.Karyshkovskij (at the turn of the 3 rd century and 2 nd century B.C.) is to recognize that this took place during the epoch of "Mid-European consolidation", after the period of the Celtic "historical expansion". Celtic artefacts in the North Black Sea area could appear in connection with these events, but their chronology shows that "the Celtic episode" should have taken place somewhat earlier (Fig.27,34,35), in the time interval between 70-20 of the 3 rd century B.C. Let us assume that events themselves took place nearer to the beginning of this interval at the end of the Celtic expansion pear around 280-270 B.C. and the inscription was made on the marble slab nearer to the end of the interval, around 230-220 B.C. then all the data, including those already referred to (K.K.Marchenko), are in more or less concord (Fig.35,36).

As for king Sartofann, who was mentioned in the decree, the author is inclined to ascribe to his subjects and followers "Sai" or "Royals" (a possible certain Sarmatian group) — such distinctive complexes as Verkhneploskoe, Semenovka, Bobuechi (Fig.32,33), Bravicheny, Marievka, though other interpretations of these complexes are also possible.

This chapter also deals with the problems of the origin of Latenized cultures — Przeworsk, Oksywie, Zarubintsy and Polesti-Lukashevka. Each forming under special conditions, mean while all of them are creation of one process, i.e. combination of two mentioned cultural impulses. Celtic cultural influence (Latenization) and gradual advance of the population from the north-west. Various aspects of this two-impulse process have been analyzed by M.Babes, R.Wolagiewicz, G.Domanski, T.Dabrowska, V.E.Ereymenko, K.V.Kasparova, Yu.V.Kukharenko, D.A.Machinsky, A.Neiweglowski, S.P.Pachkova, K.Tackenberg, R.Hachmann. Bringing all their observations together produces a picture expressive enough (Fig.39). The area between the Elbe and the Oder was involved in this process from its beginning. The formation of groups Gubin and Bodenbah-Podmokly is synchronous to the stage Latene B2b, i.e. around 280-230 B.C. The rest of the territories become involved in the process during the period of the fibulae of variant A (to Kostrzewcki) and the fibulae with balls existing; this means the process can be synchronize with the stage Latene C1b, i.e. approximalety 225-160 B.C. It is impossible to establish the actual course of events and their sequences with a greater accuracy because chronological inconsistency of the stages overlapping each other produces a blurred picture.

With respect to the Przeworsk culture the author shares the ideas of T.Dabrowska, K.Godlowski, A.Nieweglowski and D.A.Machinsky, but adds some nuances following from the analysis of a wider historical background.

At the moment of formation of the Przeworsk culture, the Celtic group of Lower Silesia disappeared having conveyed to the newly born community its beliefs (burial rites with weapon, the sanctuary on the mountain Sleza still in function at Przeworskian time), its armament (Celtic swords, Shield-bosses) and apparently Celtic combat technique and tactics. The most important is the matter, that bearers of the Przeworsk culture have adopted, probably, the social structure of the militarized and stratified society (A.Kietlinska) preserved by the Celtic group in Lower Silesia since the time of "historical expansion" which was resulted in its isolation from the rest of Celtic transformed into the "industrial" society. This elucidates the specifics of the Przeworsk culture among other Latenized culture and Przeworsk inserts in the Jastorf milieu on the territory along the Middle Elbe (groups of the mercenary settlers).

T.Dabrowska's and A.Nieweglowski works have demonstrated the linking elements between the Przeworsk and Jastorf cultures, in particular, Jastorf's northern borders (Jutland and the isles of the Baltic Sea).

Situation regarding the Pomeranian elements in the Przeworsk culture is paradoxical. They appear in the state of some ceramic forms not so much at the initial formation phase of the new community (Phase A1 of the

Przeworsk culture) as at the following (A2). Only three authentic cases of the Pomerania forms are known in the early Przeworsk complexes. It forces to suggest a strip coexistence of these cultures bearers in the early period, though Pomeranian monuments of the period are beyond the identification, as well as the process of gradual trancformation of the Pomeranian culture into the Przeworsk one. A quite unexpected, sudden appearance of the later absorbing heterogeneous elements is a likely result of several social shakes. There are elements in the Przeworsk culture which at present deserve explanation. For example, ceramice ornamented with meanders and swastikas.

The recent works of M.Babes, I.Dabrowska, K.V.Kasparova and V.E.Ereymenko show a greater concentration of Jastorf and Gubin elements within frameworks of the Poianesti-Lukashevka (Fig.37,40) and Zarubinitshy cultures, with a special distinctiveness of Gubin features in the settlement of Goroshova.

After D.A.Machinsky the author prefers to speak about the Zarubintsky-Poienesti cultural community, though the term is rather conventional: it cjmpared them to other Latenized cultures both look as autonomous, if compared to other cultural formations in Eastern Europe, synchronous and preceding in time (Scythian and Sarmatian, cultures of the forest zone) — as something unified.

The author tested the hypothesis of the local autochtonous origin of the Zarubintsy and Poienesti-Lukashevka cultures — from the cultures of Scythian, Milogrady, Getian and Pomeranian (from the Pomeranians who had appeared in West Ukraine and Byelorussia earlier) and came to the negative result. Chronological gaps are observed everywhere (Fig.48). It is possible to admit a priori that the descendants of local cultures participated in the formation of the Zarubintsy community (it could be so in reality), but it's a difficult problem be solve at the present state of our Knowlege. Clear though it is that some groups of north-western origin contributed into shaping the Zarubintsy-Poienesti community with their cultural impulses; which could not achieve its appearance without such participation have occured (Fig.41-48).

Cultural impulse that the representatives of the newly forming community adapted while participating in the Balkana raids is of no less importance and presented by "Zarubintsy fibulae" (Fig.49.50) stemming from Balkan "spear-like" (K.V.Kasparova), bronze situlae of Bargfeldtype in Sipoteny and Subotovo (Fig.68).

During many years a certain antinomy have existed between the dating of fibulae and amphorae stamps found an the Zarubintsy and Poienesti-Lukashevka sites. According to fibulae they more dated from the late 2 nd cent. B.C., according the amphorae from the late 3 rd early 2 nd cent. B.C. After the last investigations of European Chronological System this antinomy dissapeared. New cultures were in the process of formation in 220-160 B.C., its accomplishment dated back to 179-168 B.C. after the Bastarnae raids to the Balkans.

The marked process nears the time of declaration of Protogenus decree on Sciri and coincides with the Bastarnae the strangers, appearance on historic arena, that's why the final section of the chapter deals with the literary sources data on these tribes, in particular, with unfortunate attempts of Macedonian Kings to use the Bastarnae in their struggle against Rome.

As regards the Bastarnae's ethnical type, the author classifies them among peoples "between the Celts and Germans". They were neither Celts nor Germans, they were some other people named Bastarnae. The most suitable archaeological correspondence for them is no other than Zarubintsy-Poienesti community.

Chapter V "Mithridates's realm and the events of the 2 nd-1 st centuries B.C." The is section turns to the preceding events, in particular, to the history of the origin of Pontus kingdom, then to its state policy about 179 B.C., when the Galatae of Asia Minor and the King of European Sarmatians Gatal took part in Pharnakus. I of Pontus wars against Bithynia. Pergamum and Cappadocia. This probably accounts for fibulae of Middle La Tene, glass Kantharoes of Asia Minor, phalarae of Fedulovo treasure, which are among the find from the North Black Sea area. Now the major part of the similar finds are concentrated in the North Caucasus, which seems to be contradictory to Polibij's report about "European Sarmatians". The contradiction could be withdrawn either by setting brodder frontiers of Gatal's kingdom. Which might have contained the left bank of the Dnieper, or by Poliby s geographical notions making the North Caucasus a part of Europe (S.V.Polin).

The Sarmatians allied with Pontus and Chersoneses were in conflict with the Scythians of the Crimea and the Lower Dnieper, and in that political situation the Scythians must have been drawn towards the opposite anti-Roman coalition of Macedonia and the Bastarnae. This is a possible source of La Tene finds in Naples Scythian (Palakeus).

An obvious thing can be observed in the second half of the 2 nd century B.C. — the Scythians strengthened (Olbia's submission to Scythian King Scilur, destroy of the chora in Chersoneses). It was due to the union with the Bastarnae and, as well as, to a new ally — the Sarmatians descended from Roxolano-Aorsian branch, of the "former Massageati" (D.A.Machinsky). The chronology of the Sarmatian monuments deserves further elaboration and doesn't allow to draw a distinct demarcation line between the culture of the newcomers Roxolani and the Sarmatians of King Gatal. The new wave from the East is fixed by the only type of finds phalarae of Greek-Bactrian style (Fig.51-58). It provokes the suggestion that the migration was caused by the events of 165-135 B.C., the nomads movement in Central and Middle Asia, which brought Greek-Bactrian kingdom in the modern Afganistan and Norther India to ruin.

Further consideration is given to the events which are linked to the creation of the Circum-Black Sea Power of Mithridates Eupator, to the activity of his military leaders Diophantes and Neoptolemus and — the victory over the Scythians and Roxolani as well as the annextion of Bosphor state by Pontus, unions of the latter with Greek cities and barbaric tribes of the Black Sea area. Both the Bastarnae and the Sarmatians have taken part in Mithridates wars against Rome. Fibulae of "Naples" variation present an archaeological trace of the ties between the Barbarians and Pontus (with the Galatae belonging to Mithridates power) as well as helmets of Montefortino type and some other finds do.

This chapter discuss also the problem of the Cimbri and the Teotons. The crux of the problem lies in the following. Literary sources depict mass migration of huge barbaric crowds from the "peninsula of Cimbri" (Jutland) to the Middle Danuba and then to Gaul and Northern Italy. But there are neither archaeological testimonies of mass migrations nor entailing cultural transformations in Barbaric milieu in Central Europe between the 2 nd and the 1 st centuries B.C. The movement from Jutland to the South rather refers to the phenomena described in the previous chapter, which had taken place 100 years earlier. As the Cimbri and the Teutons are too much celticized in the description of ancient authors (leader's names, armament, some customs), it is possible to suppose that wars-participants were descendants from Latenized cultures of Central and Eastern Europe including the Przeworsk, Zarubintsy and Poienesti-Lukashevka ones and ancient authors contaminated factual events between the 2 nd century and the 1 st century B.C. with informants versions of

barbaric legends about the eviction from the land of their forefathers which had taken place earlier. Posidonius evidences of Cimbri's origin from the Celtic-Scythian milieu and their presence on Meothidr which have seemed to be absurd up to now, become clear. But there were probably some movements from the North at the end of the 2 nd century B.C., though they were not of a mass character. They are fixed by the cemetery Doliniany and the emergence of graves with spear heads of Oksywie type in Chaplin, a burial-ground of Zarubintsy culture. The possibility for the representatives of Zarubintsy-Poienesti community to participate in Cimbri and Teutons actions is highly probable (Fig.59-62). And the question arises: wash't it the time when Mithridates devised a plan to attack Rome from the North. The way from the Black Sea area through the Hercynian forest of Central Europe lay open. This approuch explains also the finds of the phalarae of Greek-Bactrian style in Western Europe. It could be either results of certain contacts with Sarmatians or diplomatic gifts of Mithridat Eupators to leaders of European barbarians (Fig.53,54).

The final section of the chapter deals with Strabo's famous passage of how tribes settled apart in the North Black Sea area (Fig.63). The location of two groups of the Bastarnae in "the heart of the continent" between Danube and Borisphenos (Dnieper) corresponds to Poienesti-Zarubintsy community well enough, but evidences about the Iazygi, the so-called Poyal Sarmatians and Urgi in the steppe zone between the same rivers haven't been proved by archaeological sources yet. Here the Sarmatian monuments of the 2 nd —1 st centuries B.C. are rare. A supposition remains to be made that this passage of Strabo is a contamination. He mixed up the reports of his relatives, who had taken part in Mithridates's activity, with geographical information of his time — the 1 st century B.C., when the presence of the Sarmatians on the right bank of the Dnieper became obvious, likely in connection with the events in 16 B.C.

Chapter VI describes the situation in the middle of the 1 st century B.C. It characterizes the inner and outer policy of the Dacians king Burebista, whose activity was reflected on the northern frontiers of Dacia in the formation of Celto-Dacian culture of Zemplin on the plains between the Tisza and Danube and in South Slovakia, in the Dacian elements of Puchov culture in the mountainous regions of Slovakia and South Poland. In the East Burebista took advantage of the civil war in Rome and seized Greek cities to the West coast of Black Sea, destroyed Olbia and, as it is thought, reached the Scythian settlements of the Lower Dnieper. Three dates have been put forward for these events (67, 55 and 50 B.C.), the author considers the latter to be the most realistic. As the Bastarnae were the allies of the cities in West coast of Black Sea, Following the logic of events they must have suffered during this Burebista's campaign. There is a possible link between these events and the cessation of functioning of Poienesti and Lukashevka cemeteries, though D.A.Mashinski's versions is not excluded — Markus Crassus the Younger's raid against the Bastarnae, in 29 B.C. The northern part of Poienesti-Lukashevka culture went on existing (Doliniany, Kruglik), and it was probably so that the centre of Bastarnae realm moved to the North.

The author explains the strange coincidence in form of ornaments and vessels from the "Dacian silver" treasures (Fig.65) with the objects made by Pyrenean craftsmen by Burebista's union with Pompi, who was ruling over Spain on the eve of the civil wars.

It was on the western frontiers where Burebista started his expansion outside his territory with destruction and slaughter of the Celtic tribes Tevrisci and the Boii who's remnants migrated to the West, to Gaul, setting in motion the Helvet: of Switzerland. At the same time or a bit earlier Suebi with king Aoriovistus at their head started to move to the West. Archaeological result of all these events is reflected in destructions fixed on a number of Celtic oppida and settlements (including Manching), the style shift from the Stage D1 of La Tene chronology to the stage D2, the emergence on the Main of monuments with features of originated from the Przeworsk, Oksywie cultures and from the Lower Elbe region.

The movement of Helvet: and Germans was stopped by Julius Caesar and served as a pretext for the Romans to seize Gaul. Analysis of the Gaulic wars and internal political situation in Rome brings to a conclusion that Caeser had reasons to pass Burebista over in silence in his "Commentaries to the Gaulic Wars". Some examples of archaeological reflection of the Gaulic wars are also given.

The third section "Caeser, Cleopatra and queen Dynamis" is devoted to the events in the East Mediterranean and on Bosphorus. After the victory at Pharsalus Caeser while chasing after Pompi fell into a trap in Alexandria. Pharnacos of Bosphorus used the advantages of the situation and attempted to restore, his father Mithridates Eupator's kingdom with the help of Siraci and Aorsi. Mithridates of Pergamum helped Caeser out of the trap, Pharnaces was defeated at Zela, the power over Bosphorus was taken by an Asandros (perhaps an representative of Sarmatian aristocratic stock) who married Pharnaces daughter Dynamis. Mithridates of Pergamum, who had been given power over Bosphorus by Caeser, died in the armed conflict with Asandros. Then comes an intricate story of Asandros death, an impostor Scribonius' then Dunamis and her son Aspurgos rule, institution of Polemon of Pontus' power and his death. Some archaeological data are given as a reflection of these events — the excavation of Chryisaliscus' house and other (Fig.67).

After analyzing the cemeteries of Zubovo-Vozdvizhensk group on the Kuban basin the author draws a conclusion, that it could be a possible place for the burial of participants of the mentioned events, in particular Pharnacos' raid and conflict with Mithridates of Pergamum. This would explain a number of finds — Roman suit of armour with phalerae, pilum, fibula of Alesia type and soon.

As for the disputable question of Bosphorus' sarmatization the author finds it difficult to solve at the present level of knowledge. It is very likely that in the developed situation there were some kinship ties between the kings of Aspurgos' dynasty and Taman and the Kuban barbarians, but now undeniable proofs can't be provided.

Chapter VII is devoted to the situation between the 1st century B.C. — the 1 st century A.D. and consists of 2 sections. The first one describes the historic picture on the ground of literary sources. It shortly characterizes Rome during the epoch of Augustus and analyses Romano-Parthian and Romano-Germanic relations. After some European researches the author thinks that Augustus had a big plan of the northern campaign. In 16 B.C. the events involve the whole Rhine-Danuba front not accidentally. Princeps was interested in new lands to provide his veteran soldiers with, for they had brought him to power and the time of their office expired. He wanted also to set up the borders to the natural boundary of the Rhine-Danube. But the attempts to redraw the borders as far as the Elbe failed. In 5 B.C. Pannonio-Dalmatian rebellion ruined the attempts to crush with flank attacks "Marobodus kingdom" the century of which was situated in Bohemia, but realm stretched across the territories between the Elbe and the Vistula up to the Baltic Sea, judging by the list of the tribes which entered the union. The attempts of Drusus, Tiberius and Germanicus to seize the lands between the Rhine and the Elbe, despite temporal success, yielded no desired

results. Tiberius and Claudius are gradually getting down to defence policy, strengthening of the limes and influence upon the Barbarians by means of diplomacy and trade. This policy turned to be more efficient. Drusus the Jounger managed to ruin the kingdom of Marobodus through Cataulda's Gothones in 19 A.D. Cataulda was defeated in his turn by the Hermunduri. The Romans made a buffer state with Vannius as king out of the remnants of both tribes on the territory of modern Slovakia.

The second section of the chapter is archaeological. It summarizes the questions of archaeological reflection of the events, which are analyzed in the chapter about chronology. The finds from the military camps, which were built at the time of Augustus, Tiberius and Claudius, Roman imports from barbarian burials provide for archaeological calculation made by K.Motykova-Snajdrova, T.Tejral, R.Wolagiewicz and T.Kolnik. "Czech import wave" into Central Europe went after the conclusion of a treaty with Marobodus in 6 A.D., which correspond to stage Bia of Roman Period. With the defeat of Marobodus in 19 A.D. it was replaced by "Slovak wave" of stage B1b. Stage B1b begins with the destruction of the kingdom of Vannius. Stage B2 starts in the epoch of Flavii. All the dates, however, are conventional to some extent (Fig.6-9, 21-24).

The following ideas are worth mentioning:

1) Identification of early monuments of Gustov group and "princely" burials in Lubshev on the Lower Oder with the Cataulda's Gothones (Fig.95).

2) The explanation of a number of finds in Eastern Europe (pincers-shaped fibula of Chaplin, the open-work belt -hook in Subotov, the Alesia type fibulae, a weaker profile of West European fibulae of La Tene design, which resemble more Roman time stage A brooches than "bent" (geschweiften) fibulae of synchronous phases of La Tene cultures) through the attempts of provincial settlers, who flew to the Barbarians, to open up a new amber route outside the territory of Przeworsk culture (Fig.76).

3) The link between a number of finds and memorials westwards from the Dnieper and the Sarmatians, who forced their way to Moesia in 16 B.C.

4) The traces of the first ruins in Zarubintsy settlements of Kanev region and, as it is shown in the latest work of N.E.Berlizov, laying of the cemeteries near Scythian settlements (Zolotaja Balka, Nikolaevka) on the Lower Dnieper, might have been connected with this movement. N.E.Berlizov puts forward an earlier date — the middle of the 1st century B.C., but the present state of East European chronology does not afford any chance of specifying the date within the second halt of the 1st cent. B.C. — the beginning of the 1st cent. A.D.

Chapter VIII and IX are devoted to the events of the 1st century A.D. It is the most substantial part of the work. It characterizes Rome at the time of the last emperors of Julius-Claudius dynasty (from Tiberius to Nero's death), their internal and external policy, relations with the Germans and Parthia. The situation on the North os relatively calm and the limes, steadily arranged, ties two worlds, rather than separates them, but the eastern policy is contradictory. Nero conceived a far-going military venture and undertook practical measures for its preparation, though he failed in putting it into practice. Ceasar's old plan to attack Parthia through the Black Sea Zone and the Caucasus was reanimated. But it was perceived with deaf resistance on the side of more prudent subjects, Corbulo in particular, who was in charge of the Euphrates front. Nero was tempted into the venture possible because o the news about the unstable situation in the rear of Parthia, where the processes which brought to the formation of Kushan kingdom stretching from the Aral Sea to India were on the way. Information about these processes could filter through the Roman trade-stations in India. Hyrkania 's ambassadors had to take the same way across the Red Sea while going back to their motherland on the south littoral of Caspian Sea after visiting Nero.

So the events on Bosphorus acquire a special importance and the following section "Heirs of Dynamis and Julius Aquila. Siraci, Aorsi and Alani" is devoted to them. Two ideas are visible through Aspurgos marriage to the Thracian princess. First, the Pontus-Sarmaian dynasty got an infusion of Thracian blood and that was of no small importance for Bosphorus, which had been under the reign of Thracian dynasty of Spartokids for a long time from ** to the 1ste 2nd cent. B. Second, Eupator's old plans to unite the Barbarians around the Black Sea into anti-Rome opposition. The latter was stopped when the Romans arrested Thracian king Reskuporis who showed an excessive independence.

Auspurgos son Mithridates, who game to power in 38 A.D., was bearing in mind the same plans as his forefather, but his brother Cotys betrayed him. Then followed the well know events of which here is a short summary: Roman troops' lading in Pantikapaeum in 45 A.D., Mithridates escape, Roman troops return into Thrace to do its metamorphosis into a province, Mithridates's union with Siraci, Cotys' and the Romans union with Aorsi, the seizure of fortress Uspa and the defeat of Siraci and Mithridates capture in 49 A.D.

Broader processes served as a background for these events, they have no direct reflection in literary sources, though they could be restored with the help of indirect data. The comparison of Strabo's and Pliny's ethno-maps (Fig.71) show a westward migration of the Sarmatian tribes of Iazygi, Aorsi, Roxolani and Siraci. A sharp increase in the number of Sarmatian monuments is observed to the west from the Dnieper, Sarmatian burials emerge also along the Middle Dnieper in the Zarubintsy culture zone, which comes to an end (Fig.72,81).

There is a number of objects of eastern origin in the Black Sea area: the turquoise-golden animal style objects, Chinese mirrors, raw opium, nephrite fastening for swords' scabbards and others, N.E.Berlizov interprets these as a reflection of trade along the silk route that started functioning in 36 B.C., broke off in 23 A.D. because of China's loss of Eastern Turkestan and was renewed in 74 A.D. A part of the objects could have come this way, but massive golden sacral decorations of "Khokhlach", "Alexandrov", "Dachi" barrows in the Lower Don basin and Porogi in Dnieper region could have hardly been merchants trade items. Some of the objects have parallels in the Siberian collection of Pieter I, in finds from Tillya-Tepe in Afghanistan. Their spread should be given a different interpretation. Representatives of the aristocracy were the most likely group to disperse the turquoise-golden style. They might have had dynastic relations with the chiefs of the local tribes. It is not excluded, that the bearers of the turquoise-golden style emerged in the Black Sea area as a result of disorders in the East mentioned above. At the same time the written sources fix the emergence of the Alani on the historical arena now on the Danube, now in the Caucasus. Though it does not entail that all the persons buried with the objects of turquoise-golden style were the representatives of this tribe or social group named Alani. The Alani themselves are as imperceptible archaeological as the Turkuts in Turkish khangates and Khazari in Khazar khangate.

The westward move of the Sarmatian tribes resulted, in all probability, in the formation of Farzoy's kingdom. This kingdom is not mentioned by any ancient authors, but according to indirect evidences, first at all numismatic ones, one could reconstruct the existence of an independent Sarmatian state between Dnieper and Pruth rivers kings of which printed their gold and bronze coins in Olbia in 49-83 A.D. P.O.Karyshkovskij was the

first who has paid attention to this fact in 1968. Later he was supported with the small article by the author of these lines in 1982. At the same year P.O.Karyshkovski has published two more articles devoted to this subject and changed some positions of his conceptions. In the present work the author to coordinate all the data and construct a compromise hypothesis combined the both versions by P.O.Karyshkovskij (Fig.73). According to this hypothesis Sarmatian king Farzoy has begun to mint his bronze coins in Olbia in 49 A.D. Seven years later, when emperor Claudies had dead, Farzoy has declared the sovereignty of his realm by minting of gold coin with his name, title and tamga-sign. Soon, in the year 62 A.D., the governor of Moesia Plautius Silvanus has undertaken an action against the Sarmatians and Scythians. Roman troops has crossed Borysphenus (Dnieper) and reached Chersonesus in the Crimea. Roman horizon had been placed in Olbia and Farzoy's coinage has been interrupted till 69 A.D., when Romans have left Olbia because the Civil War. The Sarmatian-Olbian alliance was renovated and Sarmatian kings minted there coins until the 83 A.D.

For that very period a certain Sarmatian-German contacts are fixed by the finds of German shield-bosses in the Don basin and by the finds of Germanic spear-heads with representation of Farzoy's tamga-signs from Valle in Norway and Bodzanowo in Poland (Fig.78).

In the stream of the Sarmatian movement to the West the Iazygi called up by Vannius got over the Carpathians in 50 A.D. The version of their earlier emergence on the Hungarian territory receives no conformation (Fig.74). In spite of the Iazygi's help Vannius could not avoid being defeated by northern neighbours the Hermunduri and the Lugii who never the less "kept irreproachably honest" towards Rome. The Slovakian wave of imports into Northern Europe did not cease. More over the amber route was soon renewed. This is confirmed by Pliny's account, the find of Primus Spurius' tomb in Slovakia (he was a centurion, an interpreter and a merchant), and abundance of finds of objects in Norico-Pannonian open-work style in the Baltic Sea area (Fig.75). It has been already mentioned that all these objects imply not only trade links but migrations of groups of provincial craftsmen (J.Okulicz). It can't be ruled out that the term "veneti" was brought to the Baltic Sea area from the south end of the amber route in Aquilea, and the term acquired a broader sense (Lamberg-Karlowsky). In this connection the fact that certain Polemonace who evaded Nero's persecution and had fled to the Baltic region together with the family and 500 horsemen, as it is registered in the legendary part of Lithuanian chronicles, is worth mentioning.

According to Lithuanian archaeologists the emergence of new groups of burial memorials falls on very this time. The people, who left them, gradually penetrated eastwards and replaced the bearers of the Hatched Pottery culture. This was probably stimulated by the process of formation of the Wielbark culture in Polish Pomerania (Fig.100).

This very process was a possible cause of the southward shift of the Przeworsk culture bearers, Lugii, who not only beat Vannius but penetrated into the Upper Dniestr zone, though the initial date of this penetration can't be determined precisely by the material at our disposal at present (Fig.80). But there is a syncretic Zvenigorod group with the Przeworsk, Dacian and some Sarmatian features dating back to the 20s-70s A.D. (Fig.79). The analysis of Pliny's accounts of the location of the Bastarnae, who were contemporaneous with him shows that the Zvenigorod group could correspond best with them. The alternative solution can hardly be proposed.

The scholars give different interpretations of the Zvenigorod group. Some of them call these or those burials the Przeworsk, others refer the same burials to the Lipitsa culture. The question of correlation of Zvenigorod group with the previous Poienesti-Zarubintsy community, with synchronous Zubra group and with Przeworsk-Lipitsa-Zarybintsy, presented by the settlements only, remains obscure. This intricate cluster of different elements is difficult to make out having comparatively small amount of materials and terminological dissonance. Obviously, new data and repudiation of terminological stereotypes are necessary. It is only for the cemeteries with weapons in Bolotnya-Zvenigorod-Grinev and the weaponless cemetery in Verchnjaya Lipitsa that chronological gap is determined with sufficient obviousness, and that all the memorials being of a mixed character (Fig.79).

Zarubintsy element in Zubra group is attributed by D.N.Kozak to the bearers of the Zarubitsy culture from Polesie, who advanced to the south-west.

The Zarubintsy culture undergoes a radical change in the same time of the middle of the 1st century A.D. (Fig.81). Burials at all the biggest cemeteries cease at all. Polesie becomes utterly desolate. On the mid-Dnepr the population moves into the lower swampy lands hardly accessible to the Sarmatian horsemen (Fig.82). A major part of new post-Zarubinetsy memorials is found outside the frontiers of the former Zarubintsy area — to the south (Rakhny, Marjanovka), to the west (Hryniewicze Wielkie, settlements of Zubra group), to the north (Abidnja), to the north-east (on the Desna and in the Brjansk forests), to the east (on the Pseyl and Seversky Donets) (Fig.85,100). All this gives an impression that the population of the Zarubintsy culture as though take a run in diverse directions from the former habitations. The author ascribes it to the Sarmatian attack and proposes that the newly formed phenomena be called the horizon of the memorials of Rakhny-Pochep type (Fig.83,84,86).

Perhaps the migration wave was the strongest in the direction towards the Desna and the Brjansk forests, where the migrants had to encounter the bearers of the poorly investigated Jukhnovo culture. These migrations echoed to the north, in the Smolensk region, where the Dnepr-Dvina culture transforms into the Middle Tushemlya one (Fig.88).

At the same time some events are taking place in the Hatched Pottery culture zone. Fires in a number of settlements are fixed and new fortifications are built (Fig.89). It is noticed that "the Hatchers" advanced eastwards (to hill-fort Tserkovishche in Smolensk region). Hatched pottery is observed in a number of settlements of Rakhny-Pochep horizon (Fig.99). Thus the circulation of people movement, that involved a vast territory, closes (Fig.100).

It is taking place during the second half of the 1st century when Pliny and Tacitus, who were the first to mention the Venedi, wrote their works. Studies of the ethnomaps, which both authors give, show that the Venedi were the inhabitants of wide space in the forest-steppe and forest zones of Eastern Europe between the Sarmatians, the Bastarnae and the Fenni (Fig.92,93). The south boundary of the latter's settling is fixed by the spread of the Finno-Ugric toponimics and Tacitus' testimony about their using bone arrowheads, which are often found in settlements of the Dyakovo culture and the north-west variety of the Dnieper-Dvina culture. Thus both a major part of the population of the Rakhny-Pochep horizon and the bearers of the Middle Tushemija and Hatcted Pottery cultures fall under the notion "Venedi". They had a close connection with the south-eastern littoral of the Baltic Sea, what is demonstrated by the distribution of the "eye-fibulae" of "Prussian series" (Fig.90) and some objects decorated with red enamel.

The horizon Rakhny-Pochep could have developed into a bigger archaeological culture of the process had not been interrupted by a new move of the

bearers of the Wielbark and Przeworsk cultures to the south-east at the end of the second century — the first half of the 3rd century A.D. (Fig.96-98).

The final section of the chapter is devoted to the process of formation of the Wielbark culture (Fig.94) in the middle of the 1st century, which is connected with the emergence of the Goths of Scandinavian origin (kindred but other group then the Gothones) in Kaszuby-Krajna lake region who left cemeteries of the Odry-Wesiory type in the central part of Polish Pomerania.

R.Wolagiewicz has studied in detail the course of this process, which bore dissimilarities on different territories (fig.96-97). After five generations the Goths move to the country of Oium, to Scythia, made raids on the Balkans and Asia Minor. Two waves of emergence of the Wielbark memorials in Mazovia and Volyn as well as penetration further to the south and east correspond to this movement (Fig.96-98). These events resulted in the formation of the vast Chernjaknov culture at the Black Sea littoral and consolidation of considerable part of various groups of the Rakhny-Pochep horizon into the Kiev culture in more northern regions. But minute analysis of these processes exceeds the limits of the present work.

In chapter X, which is final, the author summarizes the previous chapters and outlines the prospects for further analysis of ethnogenesis of the Slavs. It is a sketchy description of the conception which have been delineated by a number of researchers in their works.

Its essence can be formulated as follows: the westward movements of the Sarmatians in the 1st-2nd centuries A.D. and those of the bearers of the Wielbark and Przeworsk cultures to the south and south-east brought in its train the crisis of the Zarubintsy culture. Its bearers, who were undergoing cultural transformation, settled apart in diverse directions including the advance towards the north-east to the regions of the Jukhnovo and the Dnepr-Dvina cultures. At the same time the process of formation of the Wielbark culture caused an eastward shift of the different groups of West-Balts population.

Transformation in the milieu of the population of the forest zone cultures in Eastern Europe resulted from both the processes. Part of the Dnepr-Dvina culture metamorphosed into the Middle Tushemlja one. As for the settlements of the Hatched Pottery culture, fires and rebuilding are seen there and it is noticeable that its bearers penetrate to the east and south. All this is taking place in the region corresponding, in all probability, to the dialectal continuity of the Balto-Slavic language community and to the dwelling places and movements of Tacitus' Venedi. The descendants of the Zarubintsy culture bearers (Bastarnae) bring centum-language elements into this milieu making for the separation of the Slavic dialects from the Baltic ones.

All these processes resulted in the formation of a new archaeological community (the Kiev culture) in the frontier region between the forest zone and the newly formed Chernyakhov culture in the forest-steppe (Fig.101).

When Gothic polyethnical tribal unions, which were archaeologically presented by the Chernyakhovo culture, being defeated by the Huns at the and of the 4th century and the Goths moving to the areas along the Danube, three early Slavic cultures are formed in the 5th—6th centuries A.D. on the base of the Kiev culture gradually shifting to the south and the west, i.e. Penkovka, Kolochin and Pragve-Korchac.

Список литературы

Абезгауз Г.Г., Еременко В.Е., Журавлев В.Г., Каргопольцев С.Ю. К К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры. // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени». (ПАВ вып.1), 1993. Санкт-Петербург.

Абетков А.К., Баруздин Ю.Д. Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: 1963.

Абрамова М.П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: 1972.

Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода// СА, 1984, N1.

Акишев К.А., Куннаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: 1963.

Алексеев А.Ю. Чертомлыкский курган и его место среди погребений скифской знати IV — начала IIIв. до н.э.// Автореферат диссертации... канд. ист. наук. Л.: 1982.

Алексеев А.Ю. О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IY-III вв. до н.э.// АСГЭ, вып. 25, 1984.

Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IY в. до н.э.// АСГЭ, вып. 28, 1987.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника. Санкт-Петербург. 1992.

Алексеев Л.В. Городище Девичья гора в г. Мстиславле// КСИА, вып. 94, 1963.

Алексеева Е.П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск: 1973.

Амброз А.К. Фибулы зарубинецкой культуры// МИА, N 70, 1959.

Амброз А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э.// СА, 1964, N 1.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР// САИ, вып. Д 1-30, 1966.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы// СА, 1971, N 2-3.

Анохин В.А. К вопросу об ольвийской эре// НС, 1971, N 4.

Анохин В.А. Последние годы правления Асандра// ПІАУ, 1989.

Анфимов И.Н. Погребальный комплекс II в. до н.э. у хут. Элитный (Краснодарский край)// НАСК, 1986.

Анфимов Н.В. Курганный комплекс сарматского времени на бассейне р. Кирпали// НАСК, 1986.

Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: 1973.

Бабаев А.Д. Из истории Средней Азии эллинистического и послеэллинистического времени// КЕСАМ, 1989.

Баран В.Д. До питания про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу в міжріччі Дністра і Західного Бугу// МДАПВ, вып. 3, 1961.

Баран В.Д. Черняхівська культура. Київ: 1961.

Баран В.Д. Пражская культура Поднестровья (по матриалам поселения у с. Рашков). Киев: 1988.

Барачки С. Накит сармата у Банату са прегледом сарматских налазишта. Каталог на изложбу. Вршац: 1975.

Березовская Л.Ю. К проблеме выделения и датировки памятников зубовско-воздвиженской группы// I КАК, 1989.

Берлизов Н.Е. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н.э. — III в. н.э.)// Диссертация... канд. ист. наук. Л.: 1990 (рукопись).

Берлизов Н.Е. Сарматы на Великом шелковом пути// Античная цивилизация и варварский мир. Часть II. Новочерскасск. 1992.

Берлизов Н.Е. О хронологии и толковании подкурганных катакомб сарматского времени в степном Прикубанье и Ставрополье// Скифия и Боспор, 1993. Новочерскасск.

Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. Раскопки кургана-кладбища в Курганинске в Восточном Закубанье// Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар: 1987.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая//МИА, N 26, 1952.

Беспалый Е.М. Сокровища из сарматских курганов// Дон, 1988, N 1.

Бидзиля В.И., Пачкова С.П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж// МИА, N 160, 1969.

Бидзиля В.И., Щукин М.Б. Латенские древности Закарпатья и находки латенских вещей к востоку от Карпат// Славяне и их соседи. (Сер. «Археология СССР»). М.: 1993.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. М.: 1973.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I-II. М.; Л.: 1950, 1953.

Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в VII-I веках до н.э. М.: 1952.

Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в VI —I вв. до н.э. М.: 1959.

Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга// СА, 1965, N 2.

Блаватская Т.В. Аспург и Боспор в 15 г. н.э.// СА, 1965, N 3.

Блаватский В.Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном ПРичерноморье// Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: 1959.

Блаватский В.Д. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н.э.// Archeologia, vol.14. Warszawa: 1973.

Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом// СА, 1976, N 4.

Бобович А.С., Боровский Я.М., Сергеенко М.Е. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т.I. Л.: 1969.

Бобринский А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г.// ИАК, вып. 35, 1910.

Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Часть I. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М.: 1960.

Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Часть II. Система политического дуализма в Передней Азии. М.: 1966.

Болтунова А.Н. К надписи IPE, II, N 400// ВДИ, 1954, N 1.

Болтунова А.Н. Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы// ПИАГ, 1989.

Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб.: 1899.

Брашинский И.Б. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного ПРичерноморья// Eirene, YI, Praha, 1965.

Бруяко И.В. Демография и экономика населения Северо-Западного Причерноморья во второй половине VII— начале III вв. до н.э.// Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Одесса. 1992. (Рукопись).

Бруяко И.В., Росохацский А.А. Кельто-италийский шлем из коллекции Белгород-Днестровского музея // ПАВ,вып.7, 1993.

Буйских С.В. Новые данные о походе Плавтия Сильвана в Таврику// ПИАГ, 1989.

Булкин В.А. Мачинский, ставаны, КШК и др./ / ПАВ, вып.6, 1993.

Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: 1989.

Буюклиев Х. Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг// Разкопки и проучвания, кн. XYI, София, 1986.

Вакуленко Л.В. Этнокультурная ситуация в Верхнем Поднестровье в I-II вв. н.э.// Древние славяне и Киевская Русь. Киев.: 1989.

Васюткин С.М. К вопросу о происхождении и ранней дате именьковской культуры в Среднем Поволжье// КСИА, вып. 194, 1988.

Венедиктов Ив. Новооткрыто тракийско могилно погребение във Враца// Археология, София, 1966. N 1.

Венедиктов Ив., Павлов П. Съкровището от Летница // Археология, София, 1965. N 9.

Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавенов// СА, 1972, N4.

Виноградов В.Б. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный: 1963.

Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе// СА, 1965, N 1.

Виноградов В.Б. Локализация Ахардея и сиракского союза племен// СА, 1966, N 4.

Виноградов Ю.А. Курган Ак-Бурун // Скифия и Боспор. Новочеркасск. 1993.

Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблема истории Скифии и Боспора во II в. до н.э.// СА, 1987, N 1.

Виноградов Ю.Г. От элевтерии к зависимости: проблема политической правоспособности Херсонеса в конце II-I в. до н. э.// ПИАСХ, 1989.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса YII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.: 1989.

Виноградов Ю.Г., Голованова Г.В. Новый источник о походе Зопириона // Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы. Кишинев. 1990.

Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э.// ВДИ (в печати).

Винокур I.С. Бережанський скарб// Слов'яно-руськи старожитности. Київ, 1969.

Винокур И.С., Вакуленко Л.В. Киселовский могильник I-II вв. н.э.// КСИА, вып. 112, 1967.

Винокур И.С., Мегей В.Ф. Об историко-культурной интерпретации памятников Среднего Поднестровья рубежа и первых веков нашей эры// Древние славяне и Киевская Русь. Киев: 1989.

Воляник В.К. Население Волыни первой половины I тысячелетия н.э.// Автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев: 1978.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев: 1972.

Вязьмітіна М.І. Золота Балка. Київ: 1962.

Вязьмитина М.И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра// ДФСП, 1960.

Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. Киев: 1972.

Вязьмітіна М.І. и др. Курганы біля с. Ново-Пілипповки і радгоспу «Аккермань»// АП УРСР, т. YIII, 1960.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: 1948.

Гайдукович В.Ф. История античных городов Северного ПРичерноморья// Античные города Северного Причерноморья. Том I. М.; Л.: 1955.

Гайдукевич В.Ф. К дискуссии о восстании Савмака// Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: 1968.

Галанина Л.К. Греческие поножи Северного Причерноморья/ / АСГЭ, вып. 7, 1965.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга)// САИ, вып. Д 1-33, 1977.

Гей О.А., Бажан И.А. К вопросу о времени возникновения позднескифской культуры по материалам могильника у с. Красный Маяк// Проблемы скифо-сарматской археологии. М. 1990.

Голенко К.В., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945-1961 гг.// НС, 1963.

Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.: 1971.

Горончаровский В.А. К вопросу о времени существования Боспорского эмпория в дельте Дона (по нумизматическим данным)// АЦВМ, 1987.

Гороховский Е.Л. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья// Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев: 1982.

Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья// Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: 1983.

Гороховський Е.Л. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виімчастою емаллю// Археологія, вип. 38, 1982.

Горюнов Е.А. Исследования в Курской области/ / АО 1980. М.: 1981.

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: 1981.

Горюнова Е.Н. Городище Торфель// КСИИМК, вып. 31, 1950.
Государство Лоу-Лань и древние красавицы. Выставка 1992 г. Токио-Киото. Каталог выставки Токио 1992. (на японском яз.)

Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов// ВДИ, 1947, N 3.

Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре// МИА, N 36, 1954.

Граудонис Я.Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига: 1967.

Граудонис Я.Я. Штрихованная керамика на территории Латвийской ССР и некоторые вопросы этногенеза балтов// ИДИБН, 1980.

Грач Н.Л. Нова пам'ятка елліністичного часу з Німфею// Археологія, вип. 57, 1987.

Грач Н.Л. К вопросу о политических контактах Боспора с Египтом в III в. до н.э.// СБ, 1989.

Гросу В.И. Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья// АИМ 1977-1978. Кишинев: 1982.

Гросу В.И. Новые сарматские памятники на территории Молдавии// АИМ 1979-1980. Кишинев: 1983.

Гросу В.И. Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья// Диссертация... канд. сит. наук. Кишинев: 1988. (Рукопись).

Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев. 1990.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка// МИА, N 48, 1956.

Гудкова А.В. О классификации памятников III-IY вв. н.э. в Днепро-Дунайской степи// Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев: 1989.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IY вв. н.э. Киев: 1984.

Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М.: 1960.

Гуревич Ф.Д. Древности Белорусского Понеманья. Л.: 1962.

Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР// МИА, N 87, 1961.

Гущина И.И. Янчокракский клад// Древности Восточной Европы. М.: 1969 (МИА, N 169).

Гущина И.И. К вопросу о датировке и этнической принадлежности некоторых впускных захоронений в курганах Прикубанья, исследованных Н.И. Веселовским в 1900 г.// ИКС, 1983.

Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. - начало II в. н.э.)// Археологические исследования на юге Восточной Европы. (Труды ГИМ, вып. 70). М.: 1989.

Давыдова А.В. К вопросу о хуннских художественных бронзах// СА, 1971, N 1.

Данилайте Е. Распространение памятников культуры штрихованной керамики на территории Литвы// ДОС, 1970.

Даниленко В.М. Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу// Археологія, вип. 19, 1976.

Дашевская О.Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном/ / ВДИ, 1958, N 2.

Дашевская О.Д., Михлин Б.Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника// СА,1983, N3.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму// САИ, вып. D-1-7. Москва. 1991.
Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Серебряные фалары из сарматского погребения Кривая Лука IX в Астраханской обл.// КСИА, вып.168, 1981.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской обл.// ВДИ, 1993.

Десятчиков Ю.М. Сатархи. //ВДИ, 1993, N 1.

Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора// Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.: 1974.

Десятчиков Ю.М. Арифарн — царь сираков// История и культура античного мира. М.: 1977.

Дзиговский А.Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья// Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: 1982.

Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великоплоское/ / Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: 1984.

Димитров Д. Материална култура и изкуство на траките през ранната елинистическя епоха - IY до III вв. пр. н.э.// Археологически открытия в България. София: 1957.

Дмитриев Л.Д., Зуц В.Л., Копилов Ф.Б. Любимівське городище рубежу нашої еры// АП УРСР, т. II, 1961.

Доманский Я.В., Марченко К.К. Поселение Ольвийской хоры Козырка 2// АСГЭ, вып. 21, 1980.

Драчук В.С. Стела со знаками из Теребовельщины// СА, 1967, N 2.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: 1975.

Древние сокровища Сибири. Омский музей изобразительных искусств. Каталог выставки. Омск. 1988.

Дробушевский А.Н. Юрковичский могильник в Гомельском Посожье// Первая Гомельская областная научная конференция по историческому краеведению. Гомель: 1989.
Дубынин А.Ф. Щербинское городище// Дьяковская культура. М.: 1974.

Дьяков В.Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н.э.// ВДИ, 1941, N 1.

Егорейченко А.А. Торговые связи носителей белорусского ареала культуры штрихованной керамики на позднем этапе// ДПРТ, 1988.

Егорейченко А.А. Поселение у деревни Остров Пинского р-на Брестской области// Arheoslavica, 1, 1991. Kraków.

Еременко В.Е. Процесс латенизации и сложение зарубинецкой культуры// Дипломная работа на кафедре археологии ЛГУ. Л.: 1986. (Рукопись).

Еременко В.Е. Археологическая карта милоградской культуры// СЭЭИ, 1989.

Еременко В.Е. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры// Диссертация ... канд. ист. наук. Л.: 1990. (Рукопись).

Еременко В.Е., Берлизов Н.Е. Латенские импорты в сарматских памятниках: проблемы интерпретации// I КАК, 1989.

Еременко В.Е., Щукин М.Б. Кимвры, тевтоны, кельто-скифы и некоторые проблемы хронологии рубежа среднего и позднего Латена/ / Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени (ПАВ N1). Санкт-Петербург. 1992.

Еременко В.Е., Щукин М.Б. Современное состояние хронологии восточного латена и позднего предримского времени// АСГЭ, вып. 33 (в печати).

Журавлев В.К. К проблеме балто-славянских языковых отношений// Baltistica, 4, 1968.

Ждановский А.М. К вопросу о передвижениях и контактах в сарматское время (Прикубанье — Поволжье — Средняя Азия)// АЦВМ, 1987.

Ждановский А.М. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени// ПАЭСК, 1988.

Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье// ПСАИ, 1988.

Заверняев Ф.М. Почепское селище// МИА, N 160, 1969.

Залашко Г.М., Еременко В.Е. К вопросу о датировке кладов браслетов латенского времени в Поднепровье// ХИКД, 1986.

Засецкая И.П. Назначение вещей Федуловского клада// АСГЭ, вып. 7, 1965.
Засецкая И.П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности// АСГЭ, вып. 16, 1974.

Засецкая И.П. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве// СА, 1980, N 1.

Засецкая И.П., Марченко И.И. Литые стеклянные канфары из Прикубанья (классификация и хронология)// I КАК, 1989.

Засецкая И.П. О хронологии погребений эпохи переселения народов Нижнего Поволжья// СА, 1968, N2.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора// МИА, N 83, 1960.

Зеймаль Е.В. Кушанская хронология (Материалы по проблеме). М.: 1968.

Златковская Т.Д. Мезия в I-II в. М.: 1951.

Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев YII-Y вв. до н.э. М.: 1971.

Златковская Т.Д., Полевой Л.Л. Городища прутско-днестровского междуречья IY-III вв. до н.э. и вопросы этнической истории гетов// ДФСП, 1969.

Зубарь В.М., Храпунов І.М. Нові досліджения Любимівського городища.// Археологія, 4. 1989. Київ.

Зубарь В.М. Про похід Плавтія в Крим// Археологія, вип. 63, 1988.

Зуев В.Ю. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада// Ad Polis. Санкт-Петербург. 1993.

Иванов В.В. Язык как источник при этнических исследованиях и проблематика славянских древностей// Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: 1976.

Иванов В.В., Топоров В.Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков// IY Международный съезд славистов. Доклады. М.: 1958.

Игнатов В.Н. Катакомбы сарматского времени из курганов у ст. Хоперская// КСИА, вып. 186, 1986.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев: 1968.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Новая находка блях с эмалями на Киевщине// КСИИМК, вып. 60, 1955.

Каллистов И.С. Северное Причерноморье в античную эпоху. М.: 1952.

Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I-III вв. н.э.// Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.: 1965.

Карышковский П.О. Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье// СА, 1962, N 4.

Карышковский П.О. Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н.э.// НЭ, 1965, N 5.

Карышковский П.О. Истрия и ее соседи на рубеже III-II вв. до н.э.// ВДИ, 1971, N 2.

Карышковский П.О. Монеты ольвийской коллегии Семи// Художественная культура и археология античного мира. М.: 1976.

Карышковский П.О. Ольвия и Рим в I в. н.э.// ПРСВ, 1982.

Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя// Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: 1982.

Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев: 1985.

Каришковський П.Й. З історії греко-скіфських відносин у північно-західному Причерномор'ї// АП УРСР, т. XI, 1962.

Каришковський П.Й. До питанн'я про дату ольві1ського декрета на честь Протогена// Археологія, т. XXI, 1968.

Каспарова К.В. Зарубинецкий могильник Велемичи II// АСГЭ, вып. 14, 1972.

Каспарова К.В. Зарубинецький могильник в с. Могиляни на Ровенщині// Археологія, вип. 10, 1973.

Каспарова К.В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья// СА, 1976, N 3.

Каспарова К.В. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // ПА, вып. 2, 1978.

Каспарова К.В. О фибулах зарубинецкого типа// АСГЭ, вып. 18, 1978.

Каспарова К.В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры// СА, 1981, N 2.

Каспарова К.В. Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья// Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: 1981.

Каспарова К.В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена// АСГЭ, вып. 25, 1984.

Каспарова К.В. Поздняя фаза зарубинецких могильников// Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: 1986.
Каспарова К.В. Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда// СА, 1988, N 1.

Каспарова К.В. Припятское Полесье на рубеже эр (по материалам Белорусско-Полесской экспедиции)// Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.: 1989.

Каспарова К.В. О времени возникновения зарубинецкой культуры// Археологические вести, N 2, 1993.

Каспарова К.В., Мачинский Д.А., Щукин М.Б.

Рец. на кн.: Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Минск: 1971, 1973, 1974// СА, 1976, N 4.

Керефов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени// Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 2. Нальчик: 1985.

Кинжалов Р.В. Серебряная пластинка с изображением парфянского царя// СА, 1959, N 2.

Клейн Л.С. Генераторы народов// Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: 1974.

Клейн Л.С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов// Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: 1976.

Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М.: 1981.

Книпович Т.Н. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена// ВДИ, 1966, N2.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев: 1986.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепропетровского лесостепного Правобережья. Киев: 1989.

Козак Д.Н. Підберізці — поселенне пшеворьскоі культуры на Львовщині// Археологія, вип. 23, 1977.

Козак Д.Н. Могильник початку нашоі ери у с. Звенигороді на Львіщині// Археологія, вип. 25, 1978.

Козак Д.Н. Культурный процесс на Западной Волыни в первой половине I тыс. н.э.// Zachodnia strefa osadnictwa kultury czerniachowskioj. Lublin: 1980.

Козак Д.Н. Памятники рубежа и первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном Побужье// СДД, 1983.

Козак Д.Н. Пшеворьска культура у Верхньому Подністров'і і Західному Побужжі, Київ: 1984.

Козак Д.Н. Вельбаркская культура// Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н.э. Киев: 1985.

Козак Д.Н. Этнокультурное развитие населения северо-западной Украины в первой половине I тыс. н.э.// Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Киев: 1989.

Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волини (I ст.до н.е. — IV ст.н.е.). Київ. 1991.

Козак Д.Н., Терпиловський Р.В. Про культурно-історичный процесс на територіі Украіни в першій чверті I тис. н.е.// Археологія, вип. 56, 1986.

Колосовская Ю.К. Паннония в I-III веках. М.: 1978.

Копылов В.П. О времени прекращения существования варварского торгового центра в дельте Дона в свете боспоро-скифских отношений конца IY - нач. III в. до н.э.// АЦВМ, 1987.

Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями Y - первой половины YI в. н.э. в Среднем Поднепровье// САИ, вып. Е 1-43, 1978.

Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев: 1983.

Костенко В.И. Сарматские памятники междуречья Дона и Днепра III в. до н.э. — середины III в. н.э.// Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев: 1981.

Костенко В.И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. — середины III в. н.э. Днепропетровск: 1983.

Котигорошко В.Г. Городище рубежа нашей эры в Закарпатье// Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез. докл. Республиканской межвузовской конф. молодых ученых. Киев: 1981.

Котигорошко В.Г. Население Закарпатья в первой половине I тысячелетия нашей эры// Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев: 1983.

Кравченко Н.М., Гороховский Е.Л. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тыс. н.э.// СА, 1979, N 2.

Кравченко А.А., Кузьменко В.І. Розвідки археологічних пам'яток на Кучурганськоі річній долині// Матеріали з археології Північного Причерномор'я, вип. 2. Одеса: 1959.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища// КСИА, вып. 194, 1988.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. - Y в. н.э.)// САИ, вып. Д 1-27, 1970.

Кропоткин В.В. Пшеворское погребение I в. н.э. из с. Звенигород (Львовская обл.)// КСИА, вып. 40, 1974.

Кропоткін А.В., Обломський А.М. Про етнокультурну ситуаціи у районі вододілу Дніпра та Дону в III-V ст. н.е.// Археологія, 1, 1991.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: 1975.

Крушельницкая Л.И. Кельтский памятник в Верхнем Поднестровье// КСИА, вып. 105, 1965.

Крушельніцька Л.І. Поселення поморськоі культурі в Ровеньскіі обл.// Археологія, т. 28, 1968.

Крыжицкий С.Д. Основные объекты работ Ольвийской экспедиции// АО 1978. М.: 1979.

Кубышев А.И., Максимов Е.В. Пироговский могильник// МИА, N 160, 1969.

Кучера М.П., Юра Р.О. Дослідження Змійових

валів у Середньому Подніпров'і// Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ: 1976.

Кухаренко Ю.В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы// СА, 1959, N 1.

Кухаренко Ю.В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры// СА, 1960, N1.
Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья// САИ,вып. Д 1-29, 1961.

Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура// САИ, вып. Д 1-19, 1964.
Кухаренко Ю.В. Погребение у с. Пересыпки// ДСС, 1970.

Кухаренко Ю.В. О так называемых зарубинецких памятниках Подолии// Проблемы советской археологии. М.: 1978.

Кухаренко Ю.В. О памятниках поянештской культуры на Украине// Pracè i materialy museum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi. Seria Archeologiczna, nr. 25, 1978.

Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. М.: 1980.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории хакасско-минусинской котловины. М.: 1960.

Лазаров М. Новооткрытая надпись Антигона за царя Сариака// ВДИ, 1985, N 3.

Лапушнян В.Л., Никулицэ И.Т., Романовская М.А. Памятники раннего железного века// Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 4. Кишинев: 1974.

Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза// СЭЭИ, 1989.

Левенок В.П. Городища юхновской культуры// КСИА, вып. 7. Киев: 1957.

Левенок В.П. Юхновская культура// СА, 1963, N 3.

Лейпунська Н.О. Ливарні форми з Ольвії // Археологія, вип. 45, 1984.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Сиракский союз племен и Боспор// СБ, 1989.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М.: 1972.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. О роли памятников III-V вв. в формировании культур Псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // ПАВ, вып.9. 1994.

Лордкипанидзе О.А., Микеладзе Т.К., Хухтайшвили Д.В. Гонийский клад. Тбилиси: 1980.

Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I - II вв. н.э. М., 1979.

Лукъяшко С.И. О караванной торговле аорсов// ДЕСС, 1984.
Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М. 1977.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: 1983.

Максимов Е.В. Памятники зарубинецкого типа в с. Суботове// КСИА, вып. 9. Киев: 1960.

Максимов Е.В. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье// МИА, N 160, 1969.

Максимов Е.В. Хронология древностей зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье// МИА, N 160, 1969.

Максимов Е.В. Про датування зарубинецької культуры// Археологія, вип. 1, 1971.

Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев: 1972.
Максимов Е.В., Орлов Р.С. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н.э. у с. Казаровичи близ Киева// РВД, 1974.

Максимов Е.В. Взаимовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я// Археологія, вип. 28, 1978.

Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: 1982.

Малеев Ю.М. Піоро І.С. Сарматське поховання в с. Буряківка на Тернопільщини// Археологія, вип. 12, 1973.

Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э.// Труды НИАЭ АН Тадж. ССР. Т. 53. Сталинабад: 1957.

Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию// МИА, N 136, 1966.

Мандельштам А.М. Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии// ДЕСС, 1984.

Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск: 1963.

Марченко И.И. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье// ПАЗСК, 1988.

Марченко И.И. Сарматы степей Правобережья Нижней Кубани во второй половине IY в. до н.э. - III в. н.э. (по материалам курганных погребений)// Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: 1988а.

Марченко К.К. Оборонительные сооружения Елизаветовского городища на Дону// СА, 1974, N 2.

Марченко К.К. Ойкеты декрета в честь Протогена (IPE, I2, 52). К вопросу о зависимом населении Ольвии эллинистического времени// Материалы III всесоюзн. Симпозиума по древн. ист. Причерноморья. Цхалтубо-1982. Тбилиси: 1985.

Марченко К.К. Боспорские колонии в дельте

Дона// АЦВМ, 1987.

Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л.: 1988.

Масленников А.А. Еще раз о боспорских валах/ / СА, 1983, N 3.

Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.: 1990.

Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры// Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: 1981.

Махно Е.В. Розкопки на поселеннях першої половини I тис. н.е. в верхній течії Сули// АП УРСР, т. Y, 1955.

Махно Е.В. Поховання на Замковой горі в Лубнах// Археологія, т. 18, 1965.

Мачинский Д.А. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой культуры и одновременных ей культур// КСИА, вып. 94, 1963.

Мачинский Д.А. Археологические памятники у с. Круглик и проблемы зарубинецкой культуры// Тези доп. Подільскої історико-карезновчої конф. Хмельницький: 1965.

Мачинский Д.А. О соотношении пшеворской и зарубинецкой культур// Тезисы докладов сов. делег. на I межд. конгрессе слав. археологии в Варшаве. М.: 1965.

Мачинский Д.А. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка// Археология Старого и Нового Света. М.: 1966.

Мачинский Д.А. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры// КСИА, вып. 107, 1966а.

Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников// АСГЭ, вып. 13, 1971.

Мачинский Д.А. Кельты на землях к востоку от Карпат// АСГЭ, вып. 15, 1973.

Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. - I в. н.э.// АСГЭ, вып. 16, 1974.

Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I-IY вв.// АСГЭ, вып. 17, 1976.

Мачинский Д.А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии// Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л.: 1981.

Мачинский Д.А. Миграции славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: 1981.

Мачинский Д.А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников// Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: 1982.

Мачинский Д.А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в YIII в. до н.э. - XI в. н.э. (контуры концепции)/ / СЭЭИ, 1989.

Мачинский Д.А. Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина// Скифия и Боспор. Новочеркасск. 1993.

Мачинский Д.А., Тиханова М.А. О местах обитания и направлениях движений славян I-YII вв. н.э. (по письменным и археологическим источникам)// ААС, t. XYI, 1976.

Медведев А.П. Погребение воина в I Чертовицком могильнике// ИКС, 1983.

Мельниковская О.Н. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в Южной Белоруссии/ / СА, 1962, N 1.

Мельниковская О.Н. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии// СА, 1963, N1.

Мельниковська О.М. Поселенне і могильник зарубинецькой культуры в Південній Белорусії/ / Археологія, т. XYIII, 1965.

Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: 1967.

Мелюкова А.Н. Памятники скифского времени на среднем Днестре// КСИИМК, вып. 51, 1953.

Мелюкова А.Н. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.С. и Л.П. Стемпковских)// МИА, N 115, 1962.

Мелюкова А.Н. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье// КСИА, вып. 94, 1963.

Мелюкова А.Н. К вопросу о границе между скифами и гетами// ДФСП, 1969.

Мелюкова А.Н. Скифия и фракийский мир. М.: 1979.

Мелюкова А.Н. Сарматское погребение на поселении Надлиманское III// ДЕСС, 1984.

Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии (YII-YI вв. до н.э. - YIII в. н.э.). Минск: 1978.

Митрофанова В.І. Пам'ятки зарубинецького часу на Донці // Археологія, вип. 18, 1965.

Михайлов А.Д. Артуровские легенды и их эволюция// В кн.: Томас Мэлори. Смерть Артура. М.: 1974.

Михлин Б.Ю. Сарматское погребение в Южном Донбассе// СА, 1975, N 4.

Михлин Б.Ю., Бирюков А.С. Склеп с уступча-

тым перекрытием в некрополе Керкинитиды// Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев: 1983.

Молев Е.А. Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре// Античный мир и Археология, вып. 2. Саратов: 1974.

Молев Е.А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов: 1976.

Мошинская В.И. О двух серебряных обкладках блях из Няксимволя// Новое в советской археологии. (МИА, N 130).М.: 1965.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: 1974.

Мочи А. К вопросу о периодизации раннесарматской эпохи // ААН, t. 4, fasc. 1-4, 1954.

Николов Б. Гробница III от «Могиланската могила» във Враца// Археология, 1967, N 1.

Никулицэ И.Т. Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев: 1977.

Никулицэ И.Т. Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. Кишинев: 1987.

Никитина В.Б. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине// СА, 1965, N 1.

Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э.// Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М.: 1974.

Нестеренко Н.Д. Союзный чекан Понта и Боспора во второй половине II в. до н.э.// ПИАГ, 1989.

Нефедова Е.С. «Маленький клад» украшений с Горошковского городища// ДПРТ, 1988.

Нефедова Е.С. Бобуечский комплекс (история находки и изучения, задачи интерпретации) // Античная цивилизация и варварский мир. Часть II. Новочеркасск. 1993.

Нудельман А.А., Рикман Э.А. Новые находки памятников первых веков н.э. в Молдавии// Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев: 1968.

Обломский А.М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры// Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.: 1983.

Обломский А.М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры// СА, 1983, N 1.

Обломский А.М. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры// СА, 1987, N 3.

Обломский А.М. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке (т.н. зарубинецких)// КСИА, вып. 186, 1986.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. Москва—Сумы. 1991.

Обломский А.М. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья // Российская археология, 1992, N 1.

Обломский А.М. Позднезарубинецкие памятники// Славяне и их соседи в конце Iтыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. (Сер. «Археология СССР») М. 1993.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Киев. 1990.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. Москва. 1991.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IY-II вв. до н.э.// САИ, вып. Д 1-27, 1970.

Отчет исторического музея. Москва. 1908.

Очир-Горяева М.А. Савроматы и савроматская культура// СБ, 1989.

Павленков В.И. К вопросу о времени и характере возникновения Неаполя Скифского// ТДСК, 1989.

Пачкова С.П. Поселенне поблизу с. Круглик на Буковині/ / Археологія, вип. 28, 1977.

Пачкова С.П. Урнове поховання в с. Гринчук на Середньому Дністри// Археологія, вип. 29, 1979.

Пачкова С.П. Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской области // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев: 1983.

Пачкова С.П. Про культурну належність могильника поблизу с. Долиняни на Північній Буковині// Археологія, вип. 47, 1984.

Пачкова С.П. Фібули зарубинецького типу// Археологія, вип. 62, 1988.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в Y-III вв. до н.э.// САИ, вып. Д 1-4, 1967.

Петренко В.Г. Сарматское погребение из могильника у с. Лупарево// ДЕСС, 1984.

Петренко В.Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы// Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. (Серия Археология СССР). М.: 1989.

Петреску И.Г. Дельта Дуная. М.: 1963.

Петровська Е.О. Пам'ятники пізньоскіфського часу на р. Стугні// Археологія, т. XYI, 1964.

Поболь Л.Д. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья// Древно-

сти Белоруссии. Минск: 1969.

Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (Ранний этап зарубинецкой культуры). Минск: 1971.

Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (Могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск: 1973.

Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (Свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры с середины III в. до н.э. по начало II в. н.э.). Минск: 1974.

Поболь Л.Д., Ксензов В.П., Левко О.П., Жихарева Л.В. Раскопки в дер. Тайманово// АО 1975. М.: 1976.

Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. (Городище Знаменское и Гавриловское)// МИА, N 64, 1958.

Погребова Н.Н. Погребение в мавзолее Неаполя Скифского // МИА, N 96, 1961.

Подосинов А.В. Скифы, сарматы и геты в «Tristia» и в «Epistulae ex Ponto» Овидия// Древнейшие государства на территории СССР. М.: 1976.

Полин С.В. Письменные источники о сарматском завоевании Северного Причерноморья// ПІАУ, 1989.

Полин С.В. Гатал — царь сарматский// ТДОК, 1989.

Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев. 1992.

Поли С.В., Симоненко А.В. "Раннесарматские" погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья// Днепропетровск. 1990.

Приходнюк О.М. Археологічныі пам'ятки Середнъого Придніпров'я YI-IX ст. н.е. Київ: 1980.

Приходнюк О.М. О генезисе древностей позднеримского и раннесредневекового времени Днепровского Лесостепного Левобережья// КСИА, вып. 194, 1988.

Пругло В.И. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов// Культура античного мира. М.: 1966.

Пуздровский А.Е. Неаполь Скифский и Боспор// СБ, 1989.

Пуздровський О.Е. Сармати в Неаполі Скіфському// Археолоія, 1989, N 3.

Пузикова А.Н. Поселения Среднего Дона// МИА, N 151, 1969.

Пшеницина М.П. Культура племен Среднего Енисея во II-I вв. до н.э. (Тесинский этап)// Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: 1975.
Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода// Труды ОИПК, т. 1. Л.: 1941.

Раев Б.А. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели// Тезисы докладов второй археологической конференции «Скифо-сарматский мир». Кемерово: 1984.
Раев Б.А. Бронзовый шлем из коллекции Новочеркасского музея// КСИА, вып. 194, 1988.

Раев Б.А. Аланы в Евразийских степях: восток — запад/ / СБ, 1989.

Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе// Скифия и Боспор. Новочеркасск. 1993.

Раевский Д.С. Некоторые вопросы истории Малой Скифии в свете изучения позднескифской фортификации// Сборник докладов на IX и X ВАСК. М.: 1968.

Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя)// Проблемы скифской археологии. М.: 1971.

Раевский Д.С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. - II в. н.э.)// ВДИ, 1973, N 2.

Раевский Д.С. Неаполь или Палакий? //ВДИ, 1976, N 1.

Рассадин С.Е. Милоградская культура (актуальные проблемы исследования)// Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев: 1989.

Раунер Ю.А. Динамика экстремумов увлажнения за исторический период// Известия АН СССР. Сер. геогр. N 5, 1981.

Рикман Э.А. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья// СЭ, 1966, N 1.

Розенфельд И.Г. Керамика дьяковской культуры// Дьяковская культура. М.: 1974.

Розенфельд И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М.: 1982.

Романовская М.А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка// ДФСП, 1969.

Романовская М.А. Селище Лукашевка II // СА, 1962, N 3.

Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Петроград: 1918.

Ростовцев М.И. Сарматские и индо-скифские древности// Recuiel d'etudes a la memoire N.P. Kondakov. Prague: 1926.

Ростовцев М.И. Сарматские и Индо-Скифские древности// Seminarium Kondakavianum. Praga 1926, переиздание ПАВ N 5, 1993. СПб.

Рубан В.В. Из истории приольвийских поселений Бугского лимана IY-III вв. до н.э.// Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: 1978.

Рубан В.В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры// ВДИ, 1985, N 1.

Руденко С.И. Культура населения горного Ал-

тая в скифское время. М.; Л.: 1953.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: 1960.
Рудинський М. Археологічні збірки Полтавського музею. Полтава: 1928.

Русанова И.П. Славянские древности YI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом// САИ, вып. Е 1-25, 1973.

Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. М.: 1976.

Русяева А.С. До історії взаемовидносин Ольвії з сарматами// ПІАУ, 1989.

Рыбаков Б.А. Исторические судьбы праславян// История, культура, этнография и фольклор славянских народов//VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: 1978.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: 1981.

Савовський І.П. Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія, вип. 23, 1977.

Самойлова Т.Л. Тира в VI-I вв. до н.э. Киев: 1988.

Самойловский И.М. Суботовский могильник// КСИА, вып. 9. Киев: 1960.

Сапрыкин С.Ю. Ольвия и Боспор в I в. н.э.// Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино: 1985.

Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.: 1986.

Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер царицы Динамии// ПИАГ, 1989.

Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: 1983.

Свешников И.К. Могильники липицкой культуры в Львовской обл. (раскопки у сел Звенигород и Болотное)// КСИИМК, вып. 68, 1957.

Седов В.В. Городище Церковище// КСИА, вып. 102, 1964.

Седов В.В. Из истории восточнославянского расселения// КСИА, вып. 104, 1965.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: 1970.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славянства. М.: 1979.

Сергеев Г.П. Находки медных сосудов в Молдавии// ИМФ, N 4 (31), 1956.

Сергеев Г.П. Олонештский античный клад// ВДИ, 1966, N 2

Серебрянников Б.А. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам// Труды Академии Наук Литовской ССР, сер. А, вып. 1(2). Вильнюс: 1957.

Симоненко А.В. Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья// Скифы и сарматы. Киев: 1977.

Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье// Древности Среднего Поднепровья. Киев: 1981.

Симоненко А.В. О позднескифских налобниках// Древности степной Скифии. Киев: 1982.

Симоненко О.В. Пізнъоскіфський комплекс з с. Мар'ївка Миколаївськоі області// Археологія, вип. 55, 1986.

Симоненко А.В. Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы// Памятники бронзового и раннего железного века Поднепровья. Днепропетровск: 1987.

Симоненко А.В. Импортное оружие у сарматов// КЕСАМ, 1989.

Симоненко А.В. О периодизации сарматской культуры// СБ, 1989.

Симоненко О.В. Роксолані (пошук археологічних відповідностеі)// Археологія, 1991, N 4.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы северо-западного Причерноморье в I в.н.э. Киев. 1991.

Скорый С.А. К вопросу о скифских походах в лужицкие земли// СА, 1990, N 1.

Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев: 1977.

Скрипкин А.С. К проблеме генетической преемственности савроматов и сарматов// ПАЗСК, 1988.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры// ПСАИ, 1989.

Скрипкин А.С. Археологические и исторические данные о появлении аланов в Восточной Европе// I КАК, 1989.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов. 1990.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научн. докл. представл. в качестве дисс. докт. ист. наук. М. 1992.

Слонов В.И. К проблеме хронологии и локализации места производства эмалевых подвесок-лунниц// СА, 1989, N 1.

Смирнов К.А. Дьковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги)// Дьяковская культура. М.: 1974.

Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан// ВДИ, 1948, N 1.

Смирнов К.Ф. Проблема происхождении ранних сарматов// СА, 1957, N 3.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М.: 1964.
Смирнов К.Ф. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы// Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Тезисы докладов. Днепропетровск: 1980.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: 1984.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры// Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (серия Археологии СССР). М.: 1989.

Смирнова Г.И. Комплексы конца I тысячелетия до н.э. на поселении у с. Незвиско// ДСС, 1970.

Смирнова Г.И. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине// СА, 1981, n 3.

Смирнова Г.И. Курганы у с. Ленковцы и Кельменцы в Средненестровском Правобережье// Древние памятники и культуры на территории СССР, вып. 3. 1990.

Смішко М.Ю. Доба полів поховань в західних областях УРСР// Археологія, т. II, 1948.

Смишко М.Ю. Богатое погребение начала нашей эры в Львовской обл.// СА, 1957, N 1.

Смішко М.Ю. Сарматські поховання біля с. Острівець, Станіславськоі обл.// МДАПВ, вип. 4, 1962. УРСР// Археологія, т. II, 1948.

Смішко М.Ю., Свешніков І.К. Могильник III-IY століть н.е. у с. Дитиничі, Ровенськоі обл.// МДАПВ, вип. 3, 1961.

Сокольский Н.И. Валы в системе обороны Европеского Боспора// СА, т. XXYII, 1957.

Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре// КСИА, вып. 143, 1975.

Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: 1976.

Соломоник Э.И. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья// Археология и история Боспора. вып. 1. Киев: 1952.

Спицин А.А. Памятники латенской культуры в России// ИАК, т. 12, 1904.

Спицин А.А. Фалары Южной России// ИАК, вып. 29, 1909.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры// САИ, вып. Д 1-32, 1967.

Субботин Л.В., Охотников С.Б. Скифские погребения Нижнего Поднестровья// Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: 1981.

Сухобоков О.В. Поселение середины I тыс. н.э. близ с. Курган-Азак Сумской обл.// АИУ, 1968. Киев: 1971.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Киев: 1975.

Сымонович Э.А. Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре/ /Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: 1978.

Тарасенко П.Ф. Городища Литвы//КСИИМК, вып. 42, 1952.

Таутавичус А. Восточная Литва в первом тысячелетии нашей эры// Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Вильнюс: 1954.

Таутавичус А. Восточнолитовские курганы// Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.: 1959.

Телегин Д.Я., Беляева С.О. Памя'ятки ранньослав'янського часу на Орелі// Археологія, вип. 18, 1975.

Тереножкін О.І. Пам'ятки скіфов-орачів в південному Поліссі// Археологія, т. XIX, 1965.

Терпиловский Р.В. Население Нижнего и Среднего Поденесья III-V вв.// Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Киев: 1980.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Поденесья III-V вв.// Киев: 1984.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. Киев. 1992.

Техов Б.В. Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии// СА, 1959, N 4.

Тимощук Б.О., Винокур И.С. Памятники эпохи полей погребений на Буковине// КСИА, вып. 90, 1962.

Тимощук Б.О., Никитина Г.Ф. Памятники первых веков нашей эры у с. Наполковцы// Вопросы древней и средневековой археологии. М.: 1978.

Тиханова М.А. Раскопки на поселении III-IV вв. у с. Лепесовка в 1957-1959 гг.// СА, 1968, N 2.

Тиханова М.А. Днестровско-Волынская экспедиция в 1960- 1961 гг.// КСИА, вып. 102, 1964.

Тиханова М.А. Еще раз о происхождении черняховской культуры// КСИА, вып. 121, 1970.

Тиханова М.А. Раскопки поселения у с. Лепесовка (к вопросу о происхождении черняховской культуры)// Actes du YII CISPP, vol. 2, Prague: 1971.

Толстиков В.П. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ, 1976, N 1.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М.: 1948.

Топоров В.И. Балтийский горизонт древней Москвы//Acta Baltico-Slavica, t. 14, 1982.

Топоров В.И. Древние германцы в Причерно-

морье: результаты и перспективы// Балто-славянские исследования 1982. М.: 1983.

Топоров В.И. Вступительные замечания (Категория времени и пространства и балтийское языкознание)// Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. Предварительные материалы. М.: 1978.

Топоров В.И., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: 1962.

Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.: 1940.

Трейстер М.Ю. Кельты у Північному Прічерномор'і// Археологія, N 2, 1992.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне а Днепре и ВОлге. М.; Л.: 1966.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: 1966.

Третьяков П.Н. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье// РВД, 1974.

Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л.: 1982.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: 1963.

Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М.: 1968.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М. 1991.

Уженцев В.Б. Об одном из типов жилищ скифского горизонта Калос-Лимена// ПТАУ, 1989.

Утченко С.Л. Древний Рим. События, люди, идеи. М.: 1969.

Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М.: 1976.

Ушаков С.В. К вопросу об этническом составе населения поздней Скифии во II-IY вв.// ТДСК, 1989.

Ушинкас В.А. Формирование раннегосударственной территории Литвы I-XIII вв. (по данным археологии)// Диссертация ... канд. ист. наук. Л.: 1988. (Рукопись).

Ушинкас В.А. Роль культуры штрихованной керамики в этногенезе балтов// СЭЭИ, 1989.

Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья// МИА, N 89, 1960.

Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М.: 1973.

Федоров-Давыдов Г. В дельте древней Волги// Путешествия в древность. М.: 1983.

Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л.: 1962.

Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага: 1961.
Филов Б. Куполните гробници при Мезек// Известия на Българския археологически институт, т. XI, 1937.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР// МИА, N 29, 1952.

Фролова Н.А. О времени правления Динамии// / СА, 1976, N 2.

Фурманська А.. Ливарні форми з раскопок Ольвії// АП УРСР, т. YII, 1958.

Хавлюк П.І, Пам'ятки зарубинецькоі культуры на Побужжі //Археологія, вип. 4, 1971.

Хавлюк П.І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра// Археологія, вип. 18, 1976.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал// СА, 1963, N 4.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: 1971.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: 1975.
Ханенко Б.И., В.И. Древности Приднепровья и побережья Черного моря, вып. IY. Киев: 1901.

Ханенко Б.И., В.И. Древности Приднепровья и побережья Черного моря, вып. YI. Киев: 1907.

Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М.: 1973.

Хренов А.А. Проблемы этнокультурного развития поселения Прихоперья в первые века н.э./ / Российский исторический журнал. Балашов. 1994, N 1.

Цветаева Г.А. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий// Новое в советской археологии. М.: 1965 (МИА, N 130).

Цигилик В.М. Населення верхнъого Подністров'я перших століть нашоі ери (Племена липицькоі культуры). Київ: 1975.

Цыгылик В.Н. Могильник I в. н.э. у с. Болотное Львовской обл.// Задачи советской археологии в свете решений XXYII съезда КПСС. Тезисы докл. Всесоюз. конф. (Суздаль 1987).

Циндровська Л.О. Могильник в урочищі Дівич-гора// Археологія, вип. 47, 1984.

Чеботаренко Г.Ф., Щербакова Т.А., Щукин М.Б. Два предмета латенской и римской эпох из Молдавии// СА, 1987, N 4.

Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев: 1968.

Чернецов В.И. Бронза усть-полуйского времени// МИА, N 35, 1953.

Шадыро В.И. Ранний железный век Северной

Белоруссии. Минск: 1985.

Шелов Д.Б. Феодосия, Гераклия и Спартокиды/ / ВДИ, 1950, N 3.
Шелов Д.Б., Денежная реформа Левкона II// ВДИ, 1953, N 1.

Шелов Д.Б. Чеканка монет и денежное обращение на Боспоре в III в. до н.э. // МИА, N 33, 1994.

Шилов В.П. О расселении меотских племен// СА, т. XIY, 1950.

Шилов В.П. Погребения сарматской знати Iв. до н.э. — I в. н.э.// СГЭ, вып. IX, 1956.

Шилов В.П. Аорсы (историко-археологический очерк)// ИКС, 1983.

Шилов В.П. Запорожский курган. (К вопросу о погребениях аорской знати)// СА, 1983, N 1.

Широкова Н.С. Кельтские друиды. Л.: 1984.

Широкова Н.С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л.: 1989.

Шкоропад В.В. Деяки проблеми вивчения Поморьско-кльошовоі культури. Археологія. 2, 1992,с.30-57.

Шмидехельм М.Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллинн: 1955.

Шмидт Е.А. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I-го тысячелетия до н.э.// Материалы по изучению Смоленской обл., вып. IY. Смоленск: 1961.

Шмидт Е.А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н.э.// Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: 1975.

Шмидт Е.А. Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до YIII в. н.э.). Смоленск: 1976.

Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М. 1992.

Шрамко Б.А. Восточное укрепление Бельского городища// Скифские древности. Киев: 1973.

Штаерман Е.М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М. 1978.

Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М.: 1953.

Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму// Проблемы скифской археологии. М.: 1971.

Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. М.: 1978.

Щербакова Т.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Этулия// АИМ (1974-1976). Кишинев: 1981.

Щербакова Т.А. Поселения первых веков нашей эры в бассейне озера Кагул// АИМ (1977-1978). Кишинев: 1982.
Щербакова Т.А. Раскопки поселений позднеримского времени у с. Чишмикиой // АИМ (1979-1980). Кишинев: 1983.

Щукин М.Б. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры// АСГЭ, вып. 12, 1970.

Щукин М.Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой// АСГЭ, вып. 14, 1972.

Щукин М.Б. Черняховская культура и явление кельтского ренессанса (к постановке проблемы)// КСИА, вып. 133, 1973.

Щукин М.Б. Кельто-дакийские памятники рубежа нашей эры и липицкая культура// Кельты и кельтские языки. М.: 1974.

Щукин М.Б. Архологические данные о славянах II-IY вв. Перспективы ретроспективного меода/ / АСГЭ, вып. 17, 1976.

Щукин М.Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура// АСГЭ, вып. 18, 1977.

Щукин М.Б. Об «узких» и «широких» датировках// ПА, вып. 2, 1978.

Щукин М.Б. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры// КСИА, вып. 158, 1979.

Щукин М.Б. К предыстории черняховской культуры: Тринадцать секвенций// АСГЭ, вып. 20. 1979 а.

Щукин М.Б. Зарубинецкая культура, янтарный путь и венеды// Контакты и взаимодействие древних культур. Кратк. тезисы докл. научн. конф. ОИПК. Л.: 1981.

Щукин М.Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья// СГЭ, вып. XLYII, 1982.

Щукин М.Б. Европейская Сарматия и Скандинавия в системе исторических и культурных связей Европы в I-III вв. н.э.// IX Всесоюзная конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка стран Скандинавии и Финляндии. (Тезисы докладов). Тарту: 1982а.

Щукин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп; причины и условия образования// Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: 1986.

Щукин М.Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути// АСГЭ, вып. 28, 1987.

Щукин М.Б. Керамика киевского типа с поселения Лепесовка// СА, 1988, N 3.

Щукин М.Б. Ажурные эмалевые фибулы из некрополя Херсонеса и некоторые вопросы Балто-Черноморских связей// ПИАСХ, 1988а.

Щукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе//СА, 1989, N 1.

Щукин М.Б. На западных границах Сарматии. (Некоторые проблемы и задачи исследования)/ / КЕСАМ, 1989а.

Щукин М.Б. Семь миров древней Европы и проблемы этногенеза славян // СЭЭИ, 1989б.

Щукин М.Б. Семь сезонов Славяно-сарматской экспедиции/ / Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.: 1989 в.

Щукин М.Б. Фибулы типа «Алезия» из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры// СА, N 3. 1989 г

Щукин М.Б. Поселение Лепесовка: Вельбарк или Черняхов?// Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim. t. II. Łublin, 1989 д.

Щукин М.Б. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла// Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск. 1990.

Щукин М.Б. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени. (К методике историко-археологических сопоставлений)// АСГЭ, вып. 31. 1991.

Щукин М.Б. Некоторые замечания к хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблема ранних алан// Античная цивилизация и варварский мир. Часть I. Ново-черкасск. 1992.

Щукин М.Б. О галатах и дате декрета Протогена//Скифия и Боспор. Новочеркасск. 1993.

Щукин М.Б. Проблема бастарнов и этнического определения Поянешты-Лукашевской и зарубинецкой культур// ПАВ, вып. 6. 1993а.

Щукин М.Б. Две реплики: по поводу Фарзоя и надписи из Мангупа, царя Артавасда и погребения в Косике// ВДИ (в печати).

Яйленко В.П. Локализация и происхождение каллипидов-миксэллинов// ПИАУ, 1989.

Яковенко Э.В. Рядовые скифские погребения в курганы Восточного Крыма. Киев: 1970.

Яценко И.В. Раннесарматское погребение в бассейне Северноо Донца// КСИА, вып. 89, 1962.

Яценко И.В. Тарелка царицы Гипеперии из Неаполя Скифского// Историко-археологический сборник. М.: 1962.

Яценко С.А. Политический центр Алании во второй половине I-II вв. до н.э.// I КАК, 1989.

Яценко С.А. Сарматские и скифские элементы в антропоморфных изображениях Прикубания конца IV — первой половины III в. до н.э.// КЕСАМ, 1989.

Allen D.F. The Sark Hoard. Oxford.1971.

Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderts mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen// Mannus-Bibliothek, Nr.32, Leipzig: 1923.

Andersson K. Romartida guldsmide i Norden. Uppsala. 1993.

Arumaa P. Die ostslavischen Gewässernamen mit l-epenthenticum// Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag.Wiesbaden: 1956.

509. Babeş M. Noi date privind arheologia şi istoria bastarnilor. (O «fibulă pomeraniana» descoperită în România)// SCIV, t. 20, 1969.

Babeş M. Date arheologice şi istorice privind partea de nord-est a Dacici în ultimele secole inaintea erei noastre// SCIYA, t. 36, 1985.

Babeş M. Die Frühgermanen im östlichen Dakien in den letzent Jahrhunderten v.u.z. Archäologische und historische Belege// FVM, 1988.

Baranowski T. Uzdy z wodzami łancuchowymi z okresu wpływów rzymskich na terene Europy środkowej// AP, t. XYIII, z. 2, 1973.

Bech J.H. North Jutland brooches from Celtic Iron Age, Per. III a// Hikuin, 2, 1975.

Beck F. et alii. Les fouilles du Mont Beuvray, rapport biennal 1984-1987// Revue Archéologique d l'Est et du Centre-Est. Paris: 1987.

Becker C.J. Forrømerak jernalder i Syd-og Midtjytland. København: 1961.

Becker C.J.Das eisenzeitliche Gräberfeld Nørre Sandegart auf Bornholm // Germania, Bd 40. 1962.

Becker C.J. Studien zur jungeren vorrömischen Eisenzeit auf Børnholm// Acta Archaeologica, vol.63.1992. Kobenhavn.

Benadik B. Chronologicke vstahy keltskich pohrebisk na Slovensku// SlA, X-2, 1962.

Benadik B. Zur Frage von chronologischen Beziechungen der Keltischen Gräberfelder in der Slowakai// SlA, XI, 1963.

Benadik B. Die spätlatènezeitliche Siedlung von Zemplin in der Ostslowakai// Germania, Bd 43, 1965.

Benadik B.Obraz doby latenskej na Slovensku// SLA, XIX -2, 1971.

Benadik B. Zur Datierung des jungsten Horizontes der keltischen Flachgräberfelder im mittleren Donaugebiet// SALZ, 1977.

Beninger E. Die germanischen Bodenfunde in der Slowakai. Reichenberg und Leipzig: 1937.

Benoit F. Entremont. Aix: 1957.

Berciu J., Popa A., Daicoviciu H. La forteresse Dace de Piatra Craivii (Transylvania, Roumanie)/ / Celticum, v. XII, 1965.

Berger F., Franzius G., Schlüter W., Wilbers-Rost S. Archäologische Quellen zur Varusschlacht?// Antike Welt. Jg.22, Heft. 4. 1991.

Bichir Gh. Les sarmates au Bas-Danube// Dacia, XXI, 1977.

Birnbaum H. O możliwości odtworzenia pierwotnege stanu języka prasłowianskiego za pomocą rekonstrukcji węwnetrznej i metody porównawczej// American Contributions to the Seventh International Congres of Slawists, Warsaw, August 1973. Los -Angelos: 1973.

Blume E. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge// Mannus-Bibliothek, Nr. 8, Leipzig: 1912.

Boná I. Beiträge zur Archäologie und Geschichte der Quaden// AAH, t.XY, 1963.

Bonenfant P. A propos de deux usages funéraires des premiers siècles avant et après Jesus-Christ/ / Archaeologia Belgica, v. 95, 1966.

Bónis E.B. Die spätkeltische Siedlung Gèllerthegy-Tabán in Budapest. Budapest: 1969.

Bohnsack D. Die Burgunden in Ostdeutschland und Polen während des letzten Jahrhunderts v. Chr.// Quellenschriften zur ostdeutschen Vor-und Frühgeschichte. Bd 4. Leipzig: 1938.

Břešćak D. Antično bronasto posodji Slovenije // Situla, 22/1, Ljubljana, 1962.

Brøndsted J. Bronze-und Eisenzeit in Dänmark// Nordische Vorzeit. Bd. 2. Neumünster: 1962.

Buck D.-W.R. Die fruheisenzeitliche Stämme zwischen Germanen und Kelten auf dem Territorium der DDR// FVM, 1988.

Bujna J. Spiegelung der Sozialstruktur auf Letenèzeitlichen Gräberfeldern im Karpatenbecken// PA, r. LXXIII, c. 2, 1982.

Bukowski Z. Wachodni zasięg form kloszowych i pomorskich// AP, t. XII, z. 2, 1967.

Callender M.H. Roman Amphorae. London: 1965.

Christlein R. Datierungsfragen der spätlatènezeitlichen Brandgräber Südbayerns // BVb, Jg. 29, Heft 1-2, 1964.

Collis J. The Dacian Horison - Settlements and Chronology// SIA, r. XX-2, 1972.

Collis J. Defended Sites of the Late La Tène// B.A.R. Supplementary Series 2, 1975.

Collis J. Oppida. Earliest Towns North of the Alps. Sheffield. 1984.

Crişan I.H. Ceramica Daco-Getica. Bucureşti: 1968.

Crişan I.H. Burebista and his Time. Bucureşti: 1978.

Czarnecki J. The Goths in Ancient Poland. Maiami: 1975.

Czerska B. Ze studiów nad okresem lateńskim na Śląsku/ / AP, t. XY, z. 1, 1970.

Czopek S. Kultura pomorska a kultura zarubiniecka. Z badan nad shylkową faza kultury pomorskiej we Wshodnej Lubelszczezne //Memoires Archeologiques. Lublin. 1989.

Czopek S. Uwagi o chronologii względnej i periodyzacji materiałow z okresu halsztackiego i starzego okresu przedrzymskiego w swietle analizy ceramiki kultury pomorskiej // Ziemie polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. Rzeszow. 1992.

Dąbrowska T. Cmentarzysko kultury przeworskiej w Karczewcu, pow. Wegrow// MSW, t. II, 1973, s. 127-154.

Dąbrowska T. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim// MSW, t. II, 1973, s. 383-531.

Dąbrowska T. Początek okresu wpływów rzymskich w Polsce wschodniej// ZNUJ, t. 422, Prace archeologiczne, z. 22, 1976.

Dąbrowska T. Kultura przeworska a kultura wielbarska na Mazowszu i Podlasiu// PKW, 1981.

Dąbrowska T. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia - zasięg - powiazania. Warszawa: 1988.

Daicoviciu C. Cetatea dacică de la Piatra-Roşie. Bucureşti: 1954.

Daicoviciu C. Dakowie. Warszawa: 1969.

Decker K.V., Scollar J. Iron Age Square Enclosures in Rheinland// Antiquity, voi. 36, 1962.

Dehn F. Einige Überlegungen zum Charakter keltischer Wanderungen// IMC, 1979.

Demetrykiewicz W. Korony bronzowe przedhistoryczne znalezione na obszarze ziem dawnej Polski// Materiały Archeologiczno-Antropologiczne i Etnograficzne, t. 4, 1900.

Dobiaš J. Wo lagen die Wohnsitze der Markomannen? // Historia, 1960. Prag. N 2.

Dobiaš J. Dejiny Československého území před vystoupenim Slovanů. Praha: 1964.

Domański G. Stan i potrzeby badań nad osadnictwem dorzecza Nisy Lużyckiej i Bobru w okresie poznolatenskim i wplywow rzymkich// AP, t. 15, z. i, 1970.

Domański G. Zagadnienia tak zwanej kultury burgundzkiej// Przegląd Archeologiczny, t. 21, 1973.

Domański G. Studia z dziejow srodkowego Nadodrza w III -I wieku p.n.e. Wroclaw: 1975.

Domański G. Grupa gubinska// PZP, t.Y, 1981.

Duval A. Un type particulier de fibule gallo-romaine précoce: la fibule d'«Alésia»// Antiquites

Nationales, N 6, 1974.

Duval A., Lehoszky L., Schaaf U. Zum keltischen Helm von Amfreville// AK, Jg 16, 1986.
Duval, P.-M. Les Celtes. Ed. «Gallimard», 1977.

Eggers H.-J. Das römische Import im freien Germanien. Hamburg: 1951.

Eggers H.-J. Lubsow, ein germanischer Fürstensitz der älteren Kaiserzeit// PZ, Bd 34/35, Heft 2, 1953.

Eggers H.-J. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien// JRGZM, Jg. 2, 1955.

Eggers H.-J. Die Mittel-Latènezeit in Mittelpommern// Baltische Studien, Bd 43, 1955.

Eichhorn G. Der Urnenfriedhof auf der Schanzen der Grossromsstedt. Leipzig: 1927.

Faibridge Rh.W. Holocene, Postglacial or Recent Epoch/ / The Encyclopedia of Geomorphology (Encyclopedia of Earth Sciences Series. Vol. 3) New York: 1968.

Fettich N. Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziechungen// AAH, t. III, fasc. 1-4, 1953.

Filip J. Keltove ve Střední Europě. Praha: 1956.

Filip J. Obchodni styky Čech s Římem v dobe Augustově a problem mocenského střediska tendejších Čech// AR, 1958, Nr. 4.

Fitz J. Pannonien und die Klientel-Staaten an der Donau// Alba-Regia, Vol. 415, Székesfehérvár, 1965.

Florescu R. Arta dacilor. Bucureşti: 1968.

Flouret J.-L., Stead J. Recherches sur des cimetieres de La Tène en Champagne (1971-1976)// Gallia, t. 35, f. I, 1977.

Fol A., Nikolov B., Hoddinott R. The New Thracian Treasure from Rogozen, Bulgaria. London. 1986.

La fouille du Mont Beuvrey par l'équipe de la base archéologique du Mont-Beuvrey// Les nouvelles de l'archeologie. Nr. 31, 1988.

Fürger-Gunti A. Der «Goldfund von Saint-Louis» bei Basel und ähnliche keltische Schatzfunde// Zeitschrift fur Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. Bd 39, Heft I, 1982.

Gajdukewič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin - Amsterdam: 1971.

Gall J.L. Alésia. Archéologie et Histoire. «Fayard»: 1963.

Garbsch J. Die norisch-pannonische Frauentracht im I, und 2. Jahrhundert. München: 1965.

Gavela B.B. Keltski oppidum Židovar. Beograd: 1952.

Gedl M. Kultura łużycka na Gornym Śląsku. Wrocław: 1962.

Gedl M. Gräber der Latènekultur in Kietrz, Bezirk Opole // ZNUJ, t. 485, Prace archeologiczne, z. 26. Kraków: 1978.

Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Ein Handbuch in zwei Bänden. Bd. I. Berlin: 1976.

Giot P. -R. Stabilité ou instabilité des population dans le Nord-Ouest de la Gaule celtique// IMC, 1979.

Glodariu I. Dacian Trade with the Hellenistic and Roman World// BAR, Supplementary Series 8, 1976.

Glodariu I., Jaroslavchi E. Civilizatia fierului la Daci. Cluj-Napoca: 1979.

Glüsing P. Fruhe Germanen südlich der Donau. Zur ethnische Deutung der spätlatènezeitlichen Grabfunde von Uttenhofen und Kronwinkel in Niederbayern// Offa, Bd 21-22, 1964-1965.

Godłowski K. Materiały z cmentarzyska z późnego okresu wplywów rzymskich w Opatowie, pow. Klobuck// MA,t. I, 1959.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow: 1970.

Godłowski K. (recension). R. Hachmann. Die Goten und Scandinavien. 1970// SA, t. XXIY, 1972.

Godłowski K. Das Gräberfeld in Kryspinów bei Kraków und seine Bedeutung für Übergang zwischen der Latène-und der römischen Kaiserzeit in Kleinpolen// SALZ, 1977.

Godłowski K. Okres latenski w Europie. Kraków: 1977.

Godłowski K. Zu Besiedlungsveränderungen in Schlesien und der Nachbarraumen während der jungeren vorrömischen Eisenzeit// ZNUJ, t. 485, Prace archeologiczne, z. 26, 1978.

Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprestrzenenia słowian w Y-YII w n.e. Kraków: 1979.

Godłowski K. Przemiany kulturowe i ocadnicze w poludniowej i środkowej Polsce w mlodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim. Wrocław: 1985.

Goldschätze der Thraker. Thrakische Kultur und Kunst auf bulgarischem Boden. Katalog der Ausstellung. Wien: 1975.

Graue J. Die Graberfelder von Ornavasso// HBA, Beiheft I, 1974.

Griesa S. Zur Problematik des Ausklingens des Lausitzer Kultur in der nordwestlichen Randzone ihres Verbreitungsgebiet// FVM, 1988.

Grünert H. Früheste Germanen in Süden der

DDR// AuF, Bd. 3, 1958.

Haevernic T.E. Die Glasarmringe und Ringperlen der Mittel - und Spätlatenèzeit auf dem Europäischen Festland. Bonn: 1960.

Hachmann R. Zur Geselschaftsordnung der Germanen in der Zeit um Christi Geburt// AG, Bd 5, 1956.

Hachmann R. Jastorf-Funde ausserhalb der Jastorf-Kultur// Die Kunde. Hannover: 1957.

Hachmann R. Ostgermanische Funde der Spätlatenezeit in Mittel - und Wesdeutschland// AG, Bd 6, 1957.

Hachmann R. Die Chronologie der jungeren vorrömischen Eisenzeit// 41. Bericht der RGK, 1960.

Hachmann R. Die Goten und Scandinavien. Berlin: 1970.

Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster: 1962.

Haffner A. Das keltisch-römische Gräberfeld von Vaderath-Belgium. Mainz: 1971.

Haffner A. Zum Ende des Latenèzeit im Mittelrheingebiet unter besonderer Berücksichtigung des Trier Landes// AK, Jg. 4, 1974.

Haffner A. Zür absoluten Chronologie der Mittellatènezeit// AK, Jg. 9, Heft. 4, 1979.

Harck O. Nordostniedersachsen von Beginn der jungeren Bronzezeit bis zum frühen Mittelalter. Heidesheim: 1972.

Hässler H. -J. Zur Nienburger Kultur während der vorrömischen Eisenzeit in Norrdwestdeutschland/ / FVM, 1988.

Hatt G. Nørre Fjand an Early Iron Age Village Site in West Jutland. København: 1957.

Hatt J. -J., Roualet P. La chronologie de la Champagne. Epernay: 1976.

Hingst H. Vorgeschichte des Kreises Störman. Neumünster: 1959.

Hingst H. Die vorrömische Eisenzeit// Geschichte Schlezwig-Holsteins, Bd 2, 1964.

Hodson F.R. La Tène Cemetery at Münsingen-Rain// Acta Bernensia, v. 10, 1968.

Hodson F.R. La Tène Chronology, Continental and British// Bulletin of the Institute of Archaeology. Universitety of London, N 4, 1964.

Hollstein E. Bauholzdaten aus augusteischer Zeit/ / AK, Jg. 9, 1979.

Horedt K. Mittellatènezeitliche Siedlungen aus Siebenburgen// Studien aus Alteuropa. Bd 2. Beihefte der Bonner Jahrbücher. Bd 10-11, 1965.

Horedt K. Zur Herkunft und Datierung der Kessel von Gundestrup// JRGZM, Jg. 14, 1967.

Horedt K. Die dakischen Silberfunde// Dacia, XYII, 1973.

Horst P. Nordischer Kulturbereich der jungeren Bronzezeit und die Herausbildung der Germanischen Stämme// FVM, 1988.

Iconomu G. Cercetari arheologice la Mangalia şi Neptun// Pontica. Studii şi materiale de istorie, arheologie şi muzeografie. Constanţa. 1968. fig. 36, p251.

Ioniţa I. Unele probleme privind populaţia autohtona din Moldova in secolele II-Y e.n.// Crisia, 1972.

Irimia M. Date noi privind necropole din Dobrodgas// Pontica, 1983, XVI. Constanta.

Irimia M., Conovici N. Asezarea getica fortificată de la Satu Nou - «Valea Lui Voicu» (com. Oltina, Jud Constanta). Raport preliminar// Thraco-Dacia. X, 1-2. 1989.

Jaanusson K. Domarringarne i Uklum, Bohuslan/ / Tor, 1965/1966, (1967).

Jacobsthal P. Early Celtic Art. Oxford.: 1944.

Jahn M. Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr. Würzburg: 1916.

Jahn M. Der Reitersporen, seine Entstehung und früheste Entwicklung// Mannus-Bibliothek, Bd. 21, 1921.

Jahn M. Die Wandalen // Die Vorgeschichte der deutschen Stämme. Bd 3. Berlin: 1940.

Jamka R. Fibule typu oczkowatego w Europie środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem polskich// M.S. t. X, 1964.

Jankowska B. Cmentarzysko z późnego okresu rzymskiego w Warszawe-Kawęczynie// WA, t. 28, 1962.

Jankuhn H. Zur räumlichen Gliederung der älteren Kaiserzeit in Ostpreussen// AG, Jhg. I, Heft 4, 1950.

Jankuhn H. Klima, Besiedlung und Wirtschaft der älteren Eisenzeit im westlichen Ostseebecken// AG, Jhg. 3, 1952.

Jaskanis J. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Cecelach w pow siemiatyckem w swietle badań z lat 1966-1970 // SA, t. XXIY, 1972.

Jaskanis J. Kurhany typu rostolckiego// ZNUJ, t. 422, Prace archeologiczne, z. 22, 1976.

Joffroy R. Vix et ses trésors. Paris: 1979.

Kaczanowski P. Chronologia inkrustowanych grótow broni drzewcowej z okresu wptywów rzymskich z obszaru europejskiego Barbaricorum./

/Scripta Archaeologica, Warszawa-Krakow 1988.
Kaszewska E. Problem der keltischen Besiedlung in Mittel - und Nordpolen // SALZ, 1977.

Keiling H. Die vorrömische Eisenzeit in Erde-Karthane - Gebiet. Schwerin: 1959.

Keiling H. Bemerkenswertes Metallsachgut vom spätlatènezeitlichen Graberfeld Friedrichshof, Kr. Gustow// AuF, Bd 15, Heft 4, 1970.

Kempisty A. Some Problems of Research on the Roman Period in Masovia and Podlachia// Acta Baltico-Slavica, t. 4, 1966.

Kempisty A. Birytualne cmentarzysko z poźnego okresu rzymskiego w miejscowosci Brulino-Koski, pow. Ostrów Mazowiecki// WA, t. 32, 1968.

Kempisty A., Dąbrowski K. Brulino-Koski, pow. Ostrów Mazowiecki// ZOW, r. XXIY, z. 5, 1958.

Kendrik T.D. The Druids. London. 1927.

Kietlińska A. Problem tzw grobów ksiąz ecych we wczeshym okresie rzymskim// WA, t. XXYI, 1959-1960.

Kietlińska A. Struktura spoleczna ludnosci kultury przeworskiej// MS, t. 9, 1963.

Klindt-Jensen O. Foreign Influences in Denmarks Early Iron Age. København: 1950.

Klindt-Jensen O. Bornholm i folkevandringstiden lag forudsaemigerne i tidilia jeralder. København: 1957.

Klindt-Jensen O. Gundestrupkedelen. København: 1961.

Kmieciński J. Zagadnienie tzw. kultury gocko-gepidzkiej no Pomorzy Wzchodnim w okresie wczesnorzymskim. Lodz: 1962.

Kmieciński J. Odry, cmentarzysko kurhanowe z okresy rzymskiego. Łódz: 1968.

Kmieciński J., Blombergowa M., Walenta K. Cmentarzysko w Wesiorach// Prace i materiały Muzeum archeologicznego i etnographicznego w Łodzi, t. 12, 1966.

Koethe H. Die keltischen Rund -und Viereckstempel der Kaiserzeit// 23. Bericht der RGK, 1933.

Kolendo J. Źródla pisane w badaniach nad strefami kulturowymi i etnicznymi Europy środkowej w okresie rzymskim // PKW, 1981.

Kolnik T. K typologii a chronologii niektorych spon z mladšej doby rimskej na juhozápadnom Slovensku// SlA, XIIII, 1965.

Kolnik T. Prehlád a stav badania o dobe rimskej a stahovani národov// SlA, XIX-2, 1971.

Kolnik T. Anfänge der germanischen Besiedlung in der Südwestslowakej und das Regnum Vannianum// SALZ, 1977.

Kolnik T. Rímsky napis z Boldogú// SlA, XXV-2, 1977.
Kolnik T. Römerzeitliche Gräberfelder in der Slowakei. Bratislava: 1980.

Kolodziejski A. Badania cmentarzyska w Domaniowicach, pow. Glogów, w latach 1964—1971// SA, t. 25, 1973.

Kossack G. Frühe römische Fibeln aus dem Alpenvorland und ihre chronologischen Kulturverhältnisse// Aus Bayerns Frühzeit. Festschrift Fr. Wagner. München: 1962.

Kossina G. Die ethnologische Stellung der Ostgermanen// Indogermanische Forschungen, 1896.

Kossina G. Das Weichselland ein uralter Heimatboden der Germanen, Leipzig: 1940.

Kostrzewski J. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit// Mannus-Bibliothek, N 18-19, Leipzig-Würzburg: 1919.

Kostrzewski J. Wielkopolska w czasach przedhistorycznych. Poznań: 1923.

Kostrzewski J. Elementy celtyckie w kulture gocko-gepidzkiej// AP, YI, 1961.

Kostrzewski J. Zagadnienie ciaglosci zaludnienia ziem polskich w pradziejách (od połowy II tysiąclecia p.n.e. do wczesnego sriedniowiecza). Poznan: 1961.

Kostrzewski J. Pradzieje Pomorza. Wrocław: 1966.

Kozak D.N. Eine Bestattung aus dem ersten nachchristlichen Jahrhundert am Oberlauf des Dnjestr/ / Germania, Bd 60, 2. Halbband, 1982.

Krämer W. Keltisch Hohlbückelringe von Istmus von Korinth// Germania, Bd. 39, 1961.
Krämer W. Manching II// Germania, Bd. 40, 1962.

Kraskovská L. Hroby z doby rímskej w Zohore// SlA, YII, 1959.

Kropotkin V.V. Denkmäler der Przeworsk-Kultur in der Westukraine und ihre Beziehungen zur Lipica- und Černjachov -Kultur// SALZ, 1977.

Kruta V. La felere di Manrebio// Atti Conv. XIX Cent. Capitolium di Brescia, II, 1973.

Kruta V. Duchcov-Münsingen: nature et diffusion d'une phase latènienne// LMC, 1979.

Kruta V. Les Boiens de Cispandane essai de paléoethnographie celtique// EC, 1980.

Kruta-Poppi L. Les Celtes a Marzabotto (Province de Bologne)// EC, 1975.

Kruta-Poppi L. La sépulture de Ceretolo (Province de Bologne) et la facies Boien du III siecle avant notre ere// EC, 1979.

Kurnatowski S. Przemiany techniki uprawy roli w czasach miedzy epoka brązu i wczesnym średniowieczem a rosmieszczenie stref zasiedlenia// Studia z dziejow gospodarstwa wiejskego, t. 8, 1966.

Larsen B. SEM-Identification and Documentation of Tool Marks and Surface Textures on the Gundestrup Canldron// Recent Advances in the Conservation and Analysis of Artifacts. London. 1991.

Laing L. Celtic Britain. London: 1979.

Lamberg-Karlovsky C.C. The Protochistoric Veneti and Venedi and the Origins of Amber// Actes du YII CISPP, vol.2. Prague: 1971.

Lehr-Splawiński T. O pochodzeniu i praojczyznie Slowian. Poznań: 1946.

Leube A. Gruppengliederung innerhalb der frühen Kaiserzeit im norddeutschen Tieflandgebiet//ZfA, Bd 8, 1968.

Leube A. Probleme germanischer Adelsentwicklung im 1. und 2. Ih. unter dem Aspekt der romischen Beenflussung// Römer und Germanen in Mitteleuropa. Berlin: 1975.

Leube A. Die römische Kaiserzeit im Oder-Spree-Gebiet. Berlin: 1975.

Liana T. Niektóry zwyczaje pogrzebowe ludności kultury przeworskiej// WA, t. 33, z. 3-4, 1968.

Liana T. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // WA, t. 35, 1970.

Lietuvos archeologiniai paminklai. Lietuvos pajurio I — YII a. kapinynai. Vilnius: 1968.

Lloyd-Morgan G. Some Bronze Mirrors in the Collection of the Rijksmuseum G.M. Kom. Nijmegen// Bulletin des Musees Royaux d'Art et d'Histoire. 6 serie, 46 annee. Bruxelles: 1974.

Lollini D. I Senoni nell'Adriatico alla luce delle recente scoperte// LMC, 1979.

Lötzsch R. Ethnogeneze und Sprachwissenschaft/ / FVM, 1988.
Lowmianski H. Poczatki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciiu n.e. T. I. Warszawa: 1963.

Mačinsky D.A. Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slawen und der Versuch, sie mit den archaologischen Daten zu vergleichen// Ethnologia Slavica, t. VI. Bratislava: 1974.

Madyda R. Sprzaczki i okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim// MSW, t. IY, 1977.

Majewski K. Imacz naczynia bronzowego z Kolokolina // WA, t. XIII, 1935.

Majewski K. Klienci Rzymu i ośrodki władzy «książat plemiennych» w Europie środkowej w okresie cesarstwa w świetle zródel archeologicznych// Archeologia, R. 13, 1962.

Malinowski T. Problem pogranicza praslowiańsko-prailliryskogo// Slavia Antiqua, t. 21, 1975.

Malinowski T. Problem genezy popielnic domkowych i twarzowych kultury pomorskiej// PKP, 1979.

Malinowski T. Zur Geschichte der Stämme der Pommerschen Kultur// FVM, 1988.

Marčenko K.K. Die Siedlung von Elizovetovka - ein griechisch-barbarisches Emporion in Dondelta/ / Klio, 68, 1986.

Marciniak J. Cmentarzysko cialopalne z okresu późnolateńskiego w Wilanowie kolo Warszawy// M.S., t. 2, 1957.

Marciniak J. Z badań nad wszesną fazą kultury wenedzkiej// AP, t. X, z. 2, 1966.

Marić Z. Keltski elementi u mlodem željeznom dobu Bosne i Herzegovine// Clasnik zemaljskogo Musejo u Sarajevu. Archeologia, n. 5, sv. 18, 1963.

Marschalleck K.H. Das latène Graberfeld bei Cammer. (Kr. Zauch-Belzig)// PZ, Bd 18, 1927.

Mayer E. Zur zeitliche und kulturelle Stellung des Dolchortbändes von Gundorf, Kr. Leipzig// Arbeits -und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege, Bd 8, 1960.

Meduna J. Das keltische Oppidum Stare Hradisko in Mahren// Germania, Bd 48, 1970.

Megaw J.V.C. Art of the European Iron Age. Bath: 1970.

Megaw J.V.C. Cheshire Cat and Mickey Maus: Analisis, Interpretation and Art of the La Tène Iron Age// Procedings of the Prehistoric Society. Vol. 36, 1970.

Megaw J.V.C. Celtic Art - Product of Travelling Craftamen or Chieftainly Vassals?// LMC, 1979.

Menke M. Zur Struktur und Chronologie spätkeltischen und frühromischen Siedlungen im Reichenaller Becken// SALZ, 1977.

Michelbertas M. Vienragių pilkpapuno tyrinejmal 1977 metais// Istorija, XX (I sasiuvinis). Vilnius: 1980.

Michelbertas M. Senasis geležies amžius Lietuvoje. Vilnius, 1986.

Miclea J. Romania Antiqva. Bucurest: 1969.

Moberg C.A. Zonengliederungen der vorchristlichen Eisenzeit in Nordeuropa. Lund: 1941.

Moehen J. - P. La présence celtique dans Sud-Ouest de l'Europe: indices archéologiques// LMC, 1979.

Mócsy A. Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire. Budapest: 1970.

Mocsy A. Die Einwanderung der Iazygen// Acta Antiqua, t. XXY, fasc. 1-4. Budapest: 1974.

Montelius O. Den nordiska jernalderns kronologi/ / Svenska Fornminnesföreningens Tidskrift, 9, 1896.

Moora H. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmuks// SMYA, 40,1934.

Morosan N. Semn ieroglife din trum kurgan din Besarabia. Chisinău: 1938.
Motyková-Šneidrová K. Die Anfänge der römischen Kaiserzeit in Böhmen// Fontes Archaeologicii Pragensis, Vol. 6, 1963.

Motyková-Šneidrová K. Zur Chronologgie der ältesten römischen Kaiserzeit in Bohmen// Berliner Jahrbuch fur Vor-und Fruhgeschichte, Bd 5, 1965.

Motyková-Šneidrová K. Weiterentwicklung und Ausklang der älteren römischen Kaiserzeit in Böhmen. Prague: 1967.

Motykova-Šneidrova K. Das Fortleben latenèzeitlicher Traditionen im Verlauf der älteren romische Kaiserzeit in Böhmen// SALZ, 1977.

Müller R. Der Himmel über den Menschen der Steinzeit. Berlin: 1970.

Müller R. Die Chronologie der älteren vorrömischen Eisenzeit im Norddeutschen Tiefland. Ein Überblick// FVM, 1988.

Myhre B. Steinringer fra forrömesk Jarnalder // Arkeo, I, 1971.

Neumann K.J. Strabons Landeskunde von Kaukasien// Besonderer Abdruck aus dreizehnten Supplem. Bande der Jahrbücher für classische Philologie. Leipzig: 1883.

Niewęglowski A. Z badań nad osadnictwem v okresach późnolatenskim i rzymskim na Mazowszu// Biblioteka Archeologiczna, Nr. 18, 1966.

Niewęglowski A. Mazowsze na przelomie er - Warszawa: 1972.

Niewęglowski A. Obrzadęk pogrzebowy ludności kultury przeworskiej na przelomie er. Wrocław: 1981.

Nowakowski W. Baltes et Proto-Slaves dans l'antiquite// DHA, v.16-1, 1990.

Nylén E. Die älteste Goldsmiedekunst der nordischen Eisenzeit und ihr Ursprung // JRGZM, Jg.15. 1968.

Nylén E. Relative und absolute Chronologie in keltischer Kultur nordlich und sudlich der Alpen. Eine kritische Analyse mit Hilfe von nordischem Fundmaterial// Civico museo archeologoco di Milano. Milano 1983.

Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław: 1973.

Okulicz J. Powiazania pobrzeża wschodniego Baltyku i centrum sambijskiego z poludniem w podokresie wczesnorzymskiem// ZNUJ, t. 422, Prace archeologiczne, z. 22, 1976.

Okulicz L. Osadnictwo strefy wschodniobaltyckiej w I tysiącleciu przed naszą erą. Wrocław: 1976.

Osoles J. Die baltische Steinkistengräberkultur. Berlin: 1969.

Oxenstierna E. Die Urheimat der Goten. Leipzig: 1945.

Paret O. Das Kleinaspergle// Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. Bd 17, 1943-1948.

Parducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Bd I// AH, Bd XXY, 1941.

Parducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Bd II// AH, Bd XXYIII, 1944.

Parducz M. Szarmata temető Hódmezovasarhely-Fehértón// AE, 1946-1948.

Parducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Bd III// AH, Bd XXX, 1950.

Parducz M. Einige Probleme der Sarmatenforschung des Karpatenbeckens// Actes du YIII CISPP, Tome I, Beograd: 1971.

Peschek Ch. Die frühwandalische Kultur in Mittelschlesien. Leipzig: 1939.

Peschek Chr. Wandalen in der Wetterau zur Spätlatènezeit// Germania, Bd 25, 1941.

Peschel Karin. Der Beginn der Jastonkultur im westsächsischen Hügelland// FVM, 1988.

Peschel Karl. Der Horisont von Grossromstedt in Rahmen der Eisenzeit der südlichen Mitteldeutschland// ZfA, Jg. 2, 1968.

Peschel Karl. Fibel mit Spiralfuss// ZfA, Jg. 6, 1972.

Peschel Karl. Frühe Waffengräber im Gebiet der südlichen Elbgermanen// SALZ, 1977.

Peschel Karl. Anfänge germanischer Besiedlung in Mittelgebirgsraum. Sueben - Hermunduren - Markomannen, Berlin: 1978.

Peschel Karl. Kelten und Germanen wahrend der jungeren vorrömischen Eisenzeit// FVM, 1988.

Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East. Malibu. 1993.

Pieta K. Zu Besiedlungsproblemen in der Slowakei an der Wende der Zeitrechnung// SALZ, 1977.

Pieta K. Der Púchov-Kultur. Nitra: 1982.

Pietraszewski J. Znalézisko z okresu latenskiego we wsi Dwikozy, pow. sandomierski// WA, t. 9, 1925.

Piggott S. The Druids. New York: 1968.

Polenz H. Mittel - und spätlatènezeitliche Brandgräber aus Dietzenbach, Landkreis Offenbach am Main// Studien und Forschungen, Heft 4, 1971.

Polenz H. Gedänken zu einer Fibel von Mittellatèneschema aus Kayseri in Anatolien //

Bonner Jahrbücher, Bd 178, 1978.

Przewoźna K. Z dziejow badan nad okresami poznolateńskim i wplywów rzymskich na Pomorzu Wschodnim// AP, t. XYII, z. I, 1972.

Pyrgala J., Tomaszewska I. Die Doppellöwenfibel aus Kolozab, Gemeinde Sochocin, Wojewodschaft Ciechanów// Archeologia Polona, t. XXY-XXYI, 1987.

Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin/ / BAR International Series 278, Oxford: 1986.

Raev B.A., Simonenko A.V., Treister M.Yu. Etrusso-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe// Archaologische Korrespondenzblatt, 1994 (in Druck).

Rapin A. Chaine de centurion Gournay-sur Arond/ / L'art celtigue en Ganle Collections des musees Province. Marseille-Paris-Bordeaux-Dijoun. 1983-1984.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck// Offa-Bücher, Bd 13, 1957.

Raddatz K. Die Schatzfunde der iberischen Halbinsel vom Ende des dritten bis zur Mitte des ersten Jahrhunderts vor Christi Geburt// Madrider Forschungen, Bd 5, 1969.

Rangs-Borchling A. Das Urnengräberfeld von Hornbek in Holstein// Offa-Bücher, Bd 18, 1963.

Reichman Chr. Zur Besiedlungsgeschichte des Lippemundungsgebietes während der jungeren vorrömischen Eisenzeit und der ältestem römischen Kaiserzeit. Wesel: 1979.

Reinecke P. Zur Kenntnis der La Tène-Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen// Festschrift der Römische-Germanische Zentralmuseum zu Mainz. Mainz: 1902.

Rieckhoff S. Münzen und Fibeiln aus dem Vicus des Kastelles Hüfingen// SJb. Bd XXXII, 1971.

Röder J. Neue Gräber der jungeren Hünsruck-Eifel-Kultur in Karlich, Landkreis Koblenz// BJ. Bd 148, 1948.

Romanowska-Grabowska O. Badania archeologiczne na stan. I, w Nowych Dobrach, pow Chelmno/ / Kommunikaty Archeologiczne. Bydgoszcz: 1978.

Rosen-Przeworska, J. Zabytke celtyckie na ziemiach Polski// Światowit, t. 19, 1946-1947.

Rosen-Przeworska J. Tradicje celtyckie w obrzędowosci Protosłowian. Wrocław: 1964.

Rostafiński J. O pierwótnych siedzibach i gospodarstwe słowian w przedhistorycznych czasach. Warszawa: 1908.

Różańska H. Cmentarzysko w miejscowosci Woła Szydlowiecka-kolonia, pow. Lowicz// WA, t. 33, z. 1, 1968.

Rozoy J.G. Les Celtes en Champagne.// Les Ardennes au second Age de Fer; la Mente Troite, les Ronlire. Vol.2. 1987. Charleville-Mezieres.

Roth-Rubi K. Zur Typologie römischer Griffspiegel// BMRAH, 6 seria, 46 annèe, 1974.

Rutkowski L. Bronzowe naramienniki, oberęcze i korona, znalezione w Kluczewe w pow. Plonskim/ / WA, t. 6, 1921.

Safarewicz J. Stosunki pokrewieństwa języka wenetyjskiege// Sprawozdania PAU, t. III, 1951.

Sahlström K.K. Dommarringarnas Härkomst// Förnvännen, 37, 1942.

Salo U. Die frührömische Zeit in Finnland. Helsinki, 1968.

Schallmayer E. Zur Chronologie in der Römischen Archäologie// AK, Jg 17, Heft 4, 1987.

Schiering W. Zeitstellung und Herkunft der Bronzesitula von Waldalgesheim// HBA, Bd Y, Heft I, 1975.

Schlette F. Frühe Völker in Mitteleuropa, Archäologische Kulturen und ethnische Gemeinschaften des I. Jahrtausend v.u.z.// FMV, 1988.

Schmidt-Thielbeer E. Das Gräberfeld von Wahlitz. Berlin: 1967.

Schönberger H. The Roman in Germany: an Archaeological Survey// The Journal of Roman Studies, Vol. LIX, 1969.

Schubart H. Die Funden der frühen römischen Kaiserzeit in Vorpommern// Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universitat Greifswald, Jg 4, 1954-1955.

Schulz W. Die Bevolkerung Thüringens im letzten Jahrhundert vor Chr. auf Grund der Bodenfunde/ /Jahresschrrifte der Vorgeschichte sächsische-thüringische Länder, Bd 16, 1928.

Schwaller M. The settlement and cemetery at Eserune// The Celts. Venedic, 1991.

Schwantes G. Der Urnenfriedhof bei Jastorf im Kreise Helzen// Jahrbuch des Provinzialmuseum Hannover, 1904.

Schwantes G. Die Gräber der ältesten Eisenzeit im ostlichen Hannover// PZ, Bd I, 1909.

Schwantes G. Zur frühen Germanischen Eisenzeit/ / PZ, Bd 34-35, 1949-1950.

Schwantes G. Die Jastorf-Zivilisation// Reinecke-Festschrift. Mainz: 1950.

Schwantes G. Die Seedorf-Stufe// Corolla archaeologica in honorem C.A. Nordman. Helsinki: 1952.

Schwantes G. Deutschlands Urgeschichte. Stuttgart: 1952.

Schwantes G. Jastorf und Latène// Kölner

Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, Bd. I, 1955.

Ščukin M.B. A propos des contacts militare entre les Sarmates et les germains a l'epoque Romaine (d'après l'ermement et spécialment les umbo de boucliers et les lances) // «L'armée Romaine et les Barbares du III au YII siècles» Paris: 1993.

Ščukin M.B. Das Problem der Černjachov-Kultur in der sowjetischen archäologischen Literatur// ZfA, Jg. 9, 1975.

Ščukin M.B., Eremenko V.E. Zur Frage der Datierung keltischer Altertümer im Transkarpatengebiet der Ukraine und einige Probleme der Latene-Chronologie// AAC t.XXX, 1991.

Shchukin M.B. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe I-st Century B.C. - I-st Century A.D.// BAR International Series, 542. Oxford: 1989.

Shchukin M.B. The Balto-Slavic Forest Direction in the Archaeological Study of the Ethnogenesis of the Slavs// Wiadomości Archeologiczne. t. LI, 1986-1990, z.1.

Shchukin M.B., Tchebotarenko G.F., Shcherbakova T.A. Two finds belonging to La Tène and Roman Periods from the Moldavian Republic// Oxford Journal of Archaeology, vol.12, No.1, 1993.

Shchukin M.B., Valkova T.P., Shevchenko Yu.Yu. New finds of "Kronenhalsringe" in the Chernigov region, Ukraine and some problems of their interpretation// Acta Archaeologica, vol.63, 1992. Kobenhavn.

Shchukin M.B. The Celts in Eastern Europe. (In print.) Oxford Journale of Archaeology.

Śmiszko M. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów: 1932.

Śmiszko M. Stanowisko wczesnorzymskie w Kolokoline pow. rohatyński// WA, t. XIII, 1935.

Spekke A. The Ancient Amber Routes and Gographical Discovery of the Eastern Baltic. Stockholm: 1957.

Šribař V. K absolutni kronologiji najdb iz zgodnje Emone// Archeologiski Vjestnik, t. 19. Ljubljana: 1968.

Stead J.M. A distinctive Form of La Tène Barrow in Eastern Yorkshire and on the Continent// Antiquaries Journal. Vol.41. 1961.

Stead J.M. Verulamium 1966-1968// Antiquity, vol. 43, 1969.

Steinberger M. Vorgeschichte Schwedens// Nordische Vorzeit. Bd.4. Neümunster. 1977.

Sulimirski T. Kultura luzycka a Scytowie// WA, t. XYI, 1939-1948.

Sulimirski T. The Sarmatians. London: 1970.

Sulimirski T. The Celts in Eastern Europe// To Illustrate the Monuments. To S. Piggot on the Occasion of his 65-th Birthday. London: 1976.

Szabó M. The Celtic Heritage in Hungary. Budapest: 1971.

Szczukin M.B. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska// PKW, 1981.

Szmit Z. Sprawozdania z poszukiwań w Hryniewiczach Wielkich kolo Bielska Podlaskiego/ / WA, t. YII, 1922.

Tackenberg K. Die Wandalen in Niederschlesien. Berlin: 1925.

Tackenberg K. Die Urnenfriedhoffe in Niederschlesien. Bd I. Leipzig: 1934.

Tackenberg K. Zu den Funden von Lukaschewka im Bezirk Kischinew, Moldau-Republic// Alt-Thüringen, Bd. 6, 1962-1963.

Tackenberg K. Eine Fibel südrussischer Form mit Mittellatèneschema von der Elbmündung // Die Kunde, Nr. 14, 1963.

Taylor T. The Gundestrup Cauldron// Scientific American. March 1992. p. 66-71.

Tejral J. Zur Chronologie der älteren römischen Kaiserzeit im Lichte mährischer und westslowakischer Bodenfunde// Zbornik filosofickej fakulty univerzity Komenskeho. Roč. XX (IX). Bratislava: 1969.

Tejral J. Die älteste Phase der germanischen Besiedlung zwischen Donau und March// SALZ, 1977.

Tischler O. Über Gliederung der La-Tène Periode und über die Dekorirung der Eisenwaffen in dieser Zeit// Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichfe, Jg. 16, 1985.

Todorović J. Kelti u Jugoistocnoj Evropi. Beograd: 1968.

Todorović J. Scordisci. Novi Sad - Beograd: 1974.

Točik A. K otazke osidlenia juhozapdneho Slovenska na zlome letopoctu// AR, z. XI, č. 6, 1959.

Tončeva G. La sanctuire de Heros Karabasmos d'Odessos/ / Actes du I Congres International des etudes balcaniques et sud-est europeenes. Sofia: 1969. Vol. 2.

Toth E. Vekony G. Zu Pannoniens Geschichte im Zeitalter des Vespasianus// AAH, t. 22, 1970.

Treister M.Yu. The Celts in the North Pontic Area: a reassessment// Antiquity, vol. 67, No 257, 1993.

Tudor D. Raspindirea amforelor grecesti stampilate in Moldova, Muntenia si Oltenia// AM, t. 5, 1967.

Udolf J. Studien zu slawischen Gewässernamen und Gewässerbeziechnungen. Ein Beitrag zur Frage nach Urheimat der Slawen. Heidelberg: 1979.

Venclová N. Otazky etnicke prislusnosti Podmokelské a Kobylské skupiny// AR, t. 25, 1973.

Venclová N. Das Grenzgebiet der Latène-Kultur in Nordwestbohmen// FVM, 1988.

Vinogradov J.A., Marčenko K.K. Das nordliche Schwarzmeergebiet in der skythischen Epoche // Klio, 71, 1989, 2.

Voigt Th. Latènezeitliche Halsringe mit Schalenenden zwişchen Weser und Oder// JMV, Bd 52, 1968.

Voigt Th. Zwei Formengruppen spätlatènezeitlichen Gürtel// JMV, Bd 55, 1971.

Vries J. Kimbren und Teutonen (Ein Kapitel aus dem Beziehungen zwischen Kelten und Germanen)// Erbe der Vergangenheit. Festgabe für Karl Helm zum 80. Gebürtstage. Tübingen: 1951.

Vulpe R. et. E. Les fouilles de Tinosul// Dacia, vol. I, 1924.

Vulpe R. Săpăturile de la Poineşti din 1949// Materiale arheologice privind istoriă veche a RPR. Bucureşti: 1953.

Vulpe R. Le problème des Bastarnes a la lumière des dècouvertes archèologiques en Moldavie// Nouvelles ètudes d'histoire. Bukarest: 1955.

Vulpe R. La civilisation Dace et ses problèmes a la lumière des dernieres fouilles a Poiana en Basse-Moldavie// Dacia, I, 1957.

Vulpe R. Aşezări Getice din Muntenia. Bucureşti: 1966.

Vulpe Al., Căpitanu V. Une tombe isolee de l'epoque de Latène a Răcătău// Apulum, IX, 1971.

Waldhauser J. Beitrag zum Studium der keltischen Siedlungen, Oppida und Gräberfelder in Böhmen// LMC, 1979.

Wegewitz W. Die langobardische Kultur im Gau Moswidi (Niederelbe) zu Beginn unsere Zeitrechnung. Hildesheim und Leipzig: 1937.

Werner J. Fibeln aus Aquilleia// Revista Archeologica dell'Antica Provincia e Diocesi di Como, 1954.

Werner J. Die Nauheimer Fibeln// JRGZM, Jg 2, 1955.

Werner J. Zur Herkunft und Ausbreitung der Anten und Sklavenen// Actes du YIII CISPP. Beograd, vol. I, 1971.

Werner J. Spätlatène-Schwerter norischer Herkunft/ / SALZ, 1977.

Werner J. Zur Bronzekanne von Kelheim. Rückblick und Ausblick// BVb, Jg. 43, 1978.

Werner J. Opus Interrasile an römischen Pferdgeschirr des I. Jahrhunderts// Spätes Keltentum zwischen Rom und Germanien. München: 1979.

Werner J. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4. -6. Jahrhundert// Beitrage zur Ur-und Frühgeschichte. Beihefte 16. Berlin: 1981.

Wheeler R.E. Arikamedu: an Indo-Roman Trading Station on the East Coast of India// Ancient India, N 2, 1946.

Wołągiewicz R. Uwagi o zagadnienie stosunków kulturowych w okresie lateńskim na Pomorzu Zachodnim// MZP, t. 5, 1959.

Wołągiewicz R.Naplyw importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju// AP, t. XY, z. I, 1970.

Wołągiewicz R. Z dotychczasowych badań w Lubieszewe na Pomorzu w latach 1964-1968// SA, t. 22, 1970.

Wołągiewicz R. Zagadnienie stylu wczesnorsymskiego w kulture wielbarskiej// Studia Archaeologica Pomeranica. Koszalin: 1974.

Wołągiewicz R. Gronowo 1973. Badania na cmentarzysku kurhanowym z okrezu wplywów rzymskich// MZP, t. XIX, 1977.

Wołągiewicz R. Kręgi kamenne z Grzybnicy. Koszalin: 1977.

Wołągiewicz R. Kultura pomorska a kultura oksywska// PKP, 1979.

Wołągiewicz R. Grupa dębczyńska// PZP, t. Y, 1981.

Wołągiewicz R. Grupa gustowska// PZP, t. Y, 1981a

Wołągiewicz R. Grupa lubuska// PZP, t. Y, 1981b

Wołągiewicz R. Kultura oksywska i wielbarska// PZP, t. Y, 1981.

Wołągiewicz R. Kultura wielbarska — problemy interpretacii etnicznej// PKW,1981d.

Woźniak Z. Osadnictwo celticke w Polsce. Wrocław: 1970.

Woźniak Z. Wschodnie pogranicze kultury latenskiej. Wrocław: 1974.

Woźniak Z. Chronologia mlodszej fazy kultury pomorskiej w swietle importów i nasladownictw zabytków pochodzenia poludniowego// PKP, 1979.

Woźniak Z. Kulturelle und ethnische Veränderungen während der 2. Halfte des I. Jahrtausends v.u.z.// FVM, 1988.

Zahlhaas G. Die Bronzeeimer von Waldalgesheim / / HBA, Bd I, Heft 2, 1971.

Zielonka B. Cmentarzysko w Bodzanowie w pow. aleksandrowskim// Przegląd Archeolo-giczny, t.X.

Zirra V. Beiträge zur Kenntnis des keltischen Latène in Rumanien// Dacia, t. XY, 1971.

Zirra V. A propos de la présence des élements latèniens sur la rive occidentale de la mer Noir // LMC, 1979.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В БИБЛИОГРАФИИ

АИМ..... Археологические исследования Молдавии. Кишинев
АИУ..... Археологические исследования на Украине. Киев
АО..... Археологические открытия. Москва
АП УРСР..... Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ..... Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Ленинград
АЦВМ..... Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. (Тезисы докладов к семинару). Новочеркасск
ВАСК..... Всесоюзная археологическая студенческая конференция
ВДИ..... Вестник древней истории. Москва
ГИМ..... Государственный исторический музей. Москва
ДЕСС..... Древности Евразии в скифо-сарматское время. Москва
ДПРТ..... Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тезисы докладов IV конференции молодых ученых. Москва
ДСС..... Древние славяне и их соседи. Москва
ДФСП..... Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Москва
ИАК..... Известия археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИДИБН..... Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига
ИКС..... История и культура сарматов. Саратов
ИМФ..... Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев
КАК..... Кубанская археологическая конференция. Краснодар
КЕСАМ..... Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск
КСИА..... Краткие сообщения института археологии. Москва
КСИИМК..... Краткие сообщения института истории материальной культуры. Москва
МДАПВ..... Матеріали та дослідження з археології Прікарпаття і Волині. Київ
МИА..... Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
НАСК..... Новое в археологии Северного Кавказа. Москва
НС..... Нумизматика и сфрагистика. Киев
НЭ..... Нумизматика и эпиграфика. Киев
ОИПК..... Отдел истории первобытной культуры Гос.Эрмитажа
ПА..... Проблемы археологии. Ленинград
ПАЭСК..... Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар
ПИАГ..... Проблемы исследований античных городов. Тезисы конференции памяти В.Д.Блаватского. Москва
ПИАСХ..... Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888-1988. Тезисы докладов. Севастополь
ПІАУ..... Проблеми історії та археології давнього населення Українсько РСР. Тези доповідей XX Республіканської конференції: Одеса, жовтень 1989. Київ, 1989
ПІАУ..... Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев
ПСАИ..... Проблемы сарматской археологии и истории. Азов
РВД..... Раннесредневековые восточнославянские древности. Москва-Ленинград
СА..... Советская археология. Москва
САИ..... Археология СССР. Свод археологических источников. Москва
СБ..... Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И.Ростовцева. Новочеркасск
СГЭ..... Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград
СДД..... Славяне на Днестре и Дунае. Киев
СЭ..... Советская этнография. Москва
СЭЭИ..... Славяне: этногенез и этническая история. Ленинград
ТДОК..... Тезисы докладов областной конференции. Запорожье
ХИКД..... Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов III конференции молодых ученых. Москва

AAC..... Acta Archaeologica Carpathica. Krakow
AAH..... Acta Frchaeologica Acadimiae Scienciarum Hungaricae. Budapeszt
AE..... Archeologiai Ertesito. Budapeszt
AG..... Archaeologia Geographica. Hamburg
AH..... Archaeologia Hungaricae. Budapeszt
AK..... Archaologisches Korrespondenzblatt. Mainz
AM..... Archeologia Moldovei. Iasi
AP..... Archeologia Polski. Warszawa
AR..... Archeologicke rozhledy. Praga
AuF..... Ausgrabungen und Funde. Berlin
BAR..... British Archaeological Reports. Oxford
BMRAH..... Bulletin de Musees Royaux d'Art et d'Hietoire. Bruxelles
BJ..... Bonner Jahrbucher. Bonn
BVb..... Bayerische Vorgeschitsblatter. Munchen
CISPP..... Congres International des sciences prehistoriques it protohistoriques
EC..... Etudes Celtiques. Paris
FVM..... Fruhe Volker in Mitteleuropa. Berlin
HBA..... Hamburger Beitrage zur Archaologie. Hamburg
JMV..... Jahrbuch fur mitteldeutsches Vorgeschichte. Halle/Saale

JRGZM ..... Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz
IMC..... Les mouvements celtiques du Ve au Ler siecle avant notre ere. Colloque International. Nice, 1976 (Paris)
MA..... Materialy Archeologiczne. Krakow
MS..... Materialy starozytne. Warszawa
MSW..... Materialy Starozytne i Wczesnosredniowieczne. Warszawa
MZP..... Materialy Zachodniopomorskie. Szczecin
PA..... Pamatky archeologicke. Praga
PAU..... Polska Academia Umiejetnosci. Warszawa
PKP..... Problemy kultury pomorskiej. Slupsk
PKW..... Promlemy kultury wielbarskiej. Slupsk
PZ..... Prahistorische Zeitschrift. Berlin
PZP..... Prahistorai ziem Polskich. Warszawa
RGK..... Romisch-Germanische Komission. Frankfurt a.M.
SA..... Sprawozdania Archeologiczne. Krakow
SALZ..... Symposium Ausklang der Latene-Zivilisation und Anfange der germanischen Besiedlung im Mittleren Donaugebiet. Bratislava
SCIV..... Studii si cercetari de istorie veche. Bucuresti
SCIVA..... Studii si cercetari de istorie veche si archeologie. Bucuresti
SJb..... Saalburg Jahrbuch. Saalburg
SLA..... Slovenska archeologia. Nitra
SMYA..... Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakaus kirj. Helsinki
WA..... Wiadomosci Archeologiczne. Warszawa
ZNUJ..... Zeszyty Naukowe Uniwersititu Jagiellonskiego. Krakow
ZOW..... Z otchlani wiekow. Poznan-Warszawa

Марк Борисович Щукин
На рубеже Эр
научное издание

Редактор: Щеглова О.А.
Макет и верстка: Голованевский В.Г., Ландер А.А.,Смирнова Н.Ю.

Сдано в набор 15.07.94. Подписано в печать15.12.94. Уч. изд. л. 40.25
Бум. офсетная. Формат 60x90/8. Гарнитура "Балтика". Тираж 1000 экз.
Зак. № 422.

Издательство "Фарн". Санкт-Петербург.
194018, Санкт-Петербург, пр. Шверника, 29/1.

Отпечатано с оригинала-макета в АООТ «Типография „Правда“».
191126, С.-Петербург, Социалистическая ул., 14.

On the Turn of the Erae: an attempt to reconstruct the political events in Eastern and Central Europe during the 3-rd century B.C.—1-st century A.D. by Mark Shchukin

Abstract sec on pp 290-297.

If you would like to buy this book send please 15 $ per copy to

Ulf Näsman, Set.Mogensgade 33 B, 1, DK—8800 Viborg Denmark. Postgiro: Copenhagen 1—213—3340, and inform about that and your addresse

M. Afanasjev, 198152 Avtovskaja 25—13. Sankt Petersburg, Russia or

the author 191065 Dvortsovaja square 34, State Hermitage Museum Sankt Petersburg, Russia.

The copy or copies of the book will be post to you.